ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА

СЪ ЗАМѢТКАМИ

О

ДАНІИ, ГЕРМАНІИ, ГОЛЛАНДІИ И БЕЛЬГІИ.

НИКОЛАЯ ГРЕЧА.

ИЗДАНІЕ

П. И. Мартынова.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 20 Сентября 1846 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

I.

Гамбургъ, 26-го Мая 1843.

Въ четвертый разъ начинаю описаніе странствованій моихъ по избитой дорогѣ европейскихъ туристовъ. Предоставляя Горы Ливанскія, пустыни африканскія, саванны американскія и плоскости новоголландскія новымъ аргонавтамъ, ищущимъ златаго руна за неприступными горами и далекими морями, довольствуюсь прогулкою по образованнымъ, просвѣщеннымъ, благоустроеннымъ странамъ, гдѣ природа выбрита, умыта, одѣта, иногда и нарумянена, иногда и зашнурована, но все мила и прелестна; гдѣ человѣкъ, совершеннѣйшее ея твореніе, стоитъ дѣйствительно на высшей противу другихъ тварей степени. Въ нынѣшній разъ имѣю я удовольствіе, ни съ чѣмъ несравненное: странствую по чужимъ землямъ и наслаждаюсь ими не одинъ, а въ обществѣ особъ, мнѣ любезныхъ и драгоцѣнныхъ, которыя, умѣя чувствовать всѣ удовольствія путешествій, возвышаютъ своею радостью душевное мое наслажденіе. Надѣюсь, что эта бесѣда, озаряя мой путь радужными цвѣтами, прольетъ и на письма мои лучъ свѣта, вытекающаго изъ души, довольной настоящимъ, и радующейся помышленіями о будущемъ.

Отправляясь нынѣ въ Германію, избралъ я въ началѣ не тотъ путь, которымъ ѣздилъ прежде. Я взялъ мѣста на гаврскомъ пароходѣ Амстердамъ, до Копенгагена.

Въ четвертокъ, 20-го Мая, въ десятомъ часу утра, пустились мы на Англійскую Набережную, гдѣ уже ожидали насъ добрые родственники и искренніе друзья, собравшіеся тамъ для проводовъ и прощанья. Въ половинѣ одиннадцатаго, поблагодаривъ остающихся за усердное ихъ участіе и добрыя желанія, отъѣхали мы въ Кронштадтъ, на небольшомъ пароходѣ Александръ, и въ исходѣ втораго пристали къ прекрасному французскому пароходу Амстердамъ. Палуба и павиліонъ его наполнились людьми разнаго возраста и обоего пола; но это уже не то общество, которое странствуетъ на пароходахъ любскихъ. Нѣтъ ни сановниковъ, ни вельможъ, ни знатныхъ дамъ и барышень; ни каммеръ-юнгферъ, ни каммердинеровъ; палуба не загромождена экипажами. Время отъ прибытія на Амстердамъ до снятія съ якоря прошло довольно шумно, но не такъ великолѣпно и роскошно, какъ, бывало, въ прежнихъ рейсахъ. Любезнѣйшіе изъ любезныхъ проводили насъ до Амстердама, позавтракали въ нашемъ обществѣ запросто, и въ шесть часовъ пустились обратно въ устье Невы, а мы, въ восемь часовъ вечера, снялись съ якоря, и двинулись въ путь. День стоялъ прекрасный, но къ вечеру вѣтеръ скрѣпчалъ, набѣжали тучи, море взволновалось, и пароходъ нашъ, летѣвшій стрѣлою (по одиннадцати узловъ, или англійскихъ миль въ часъ), закачался, къ ужасу и страданію незнакомыхъ съ морскимъ плаваніемъ. Я обратился къ испытанному мною, единственному средству противу морской болѣзни, легъ въ койку. Вдругъ, во второмъ часу ночи, замолкла машина, и пароходъ остановился. Я вылѣзъ изъ западни и вышелъ на палубу. *Кесе-кесе-кес еля?* Мы окружены густымъ туманомъ; не видно ничего въ двухъ саженяхъ отъ палубы, и осторожный капитанъ бросилъ якорь. Да гдѣ мы? Близъ Гохланда, среди отмелей и под-

довъ. — Полководецъ нашъ имѣлъ намѣреніе, сосредоточивъ, въ долинѣ р. По, до 60-ти тысячъ войскъ, подавить остатки Италіянской арміи Моро, считавшей въ рядахъ не болѣе 20-ти тыс. (1). Движеніе Суворова противъ Моро могло поставить Французовъ въ самое опасное положеніе, но Императоръ Францъ настоятельно требовалъ отъ Суворова, «не отваживаться на слишкомъ отдаленныя и невѣрныя предпріятія, преимущественно же заботиться объ утвержденіи за собою завоеванныхъ областей.» Не должно помышлять—писалъ онъ Суворову—о наступленіи арміи во Францію; продолжая осаду Мантуи, можно вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣть малу по малу другими крѣпостями, какъ то: Алессандріею, Тортоною, Кони и проч. (2). Подобныя затрудненія встрѣчаемы были на каждомъ шагу нашимъ полководцемъ. Имѣя въ виду усилить свои войска корпусомъ Гаддика, принадлежавшимъ къ союзной арміи дѣйствовавшей въ Италіи, и находившимся въ теченіи всего похода въ Тиролѣ и Граубинденѣ, Суворовъ просилъ нѣсколько разъ Эрцгерцога Карла смѣнить войска Гаддика частью корпуса Готца; но всѣ его представленія по сему предмету остались тщетными (3). Суворовъ, котораго армія заключала въ себѣ не

(1) Планъ дальнѣйшимъ операціямъ Императорской союзной арміи въ Италіи, представленный Императору Францу II Суворовымъ, при донесеніи отъ $\frac{2}{13}$ іюля, 1799 года.

(2) Рескриптъ Императора Франца II къ Суворову отъ $\frac{29 \text{ іюля}}{9 \text{ августа}}$, 1799 года. *Jomini.* Hist. crit. et mil. des guerres de la révol. T. 12, p. 27.

(3) Письма Суворова къ Эрцгерцогу Карлу, отъ $\frac{5}{16}$ и отъ $\frac{19}{30}$ іюня. 1799 г.

дащее солнце золотило легкія облака на горизонтѣ, и пылкому воображенію дамъ представлялись тамъ замки, дворцы и освѣщенные домы. Въ полночь прибылъ датскій лоцманъ, и мы бросили якорь. Въ три часа утра, на разсвѣтѣ (это уже не петербургскія ночи) пошли впередъ, и въ четыре остановились неподалеку отъ берега и Пристани Копенгагенской. Приступъ къ городу защищается баттареями. Въ докахъ стоятъ разснащенные военные корабли, числомъ до пяти — остатокъ нѣкогда огромной морской силы Даніи! Вокругъ насъ стоятъ разныя парусныя суда и пароходъ Христіанъ VIII, отправляющійся въ Киль сегодня въ семь часовъ пополудни. Кстати! Я приказалъ свезти туда всѣ наши пожитки, въ намѣреніи провесть день въ Копенгагенѣ, а вечеромъ пуститься далѣе. На пристани, съ одной стороны зданіе таможни, съ другой пріятное гульбище. Въ началѣ пятаго часа подняли на таможнѣ зеленый флагъ — сигналъ Амстердаму, что онъ можетъ разгружаться. Мы простились съ спутниками нашими, отправляющимися далѣе, въ Гавръ, и съѣхали на берегъ. Теперь нѣсколько словъ объ Амстердамѣ. Этотъ пароходъ самый проворный изо всѣхъ, мнѣ извѣстныхъ. При противномъ вѣтрѣ, въ сильную качку, ходитъ онъ по девяти узловъ въ часъ. Палуба его не велика, потому что большую ея часть занимаетъ прекрасный павиліонъ, убранный чисто и со вкусомъ: здѣсь завтракаютъ, обѣдаютъ, и проводятъ время здоровые пассажиры; здѣсь же ночуютъ тѣ изъ нихъ, которые не могутъ снести духоты, неизбѣжной въ каютахъ, наполненныхъ народомъ. Каюты и постели расположены и устроены неудобно; особенно нижнія кровати (это не койки) такъ низки, что въ нихъ и сѣсть нельзя: лежи какъ гробу. Не худо было бы, если бъ администрація пароходовъ ихъ перестроила. На гаврскихъ пароходахъ

за столъ особо не платятъ, и онъ довольно плохъ. Даже прованское масло къ салату было не свѣжее. Баранина не французская, а петербургская, а гусь французскій. Кажется, можно бъ было разсудить, гдѣ что купить дешевле и лучше. Это неустройство происходитъ, какъ я думаю, отъ того, что экономъ не подчиненъ капитану. Всего лучше на Амстердамѣ почтенный его командиръ, капитанъ Деларю, искусный и опытный морякъ, добрый, привѣтливый, любезный человѣкъ. Кротостью нрава, учтивостью, предупредительностью пріобрѣлъ онъ общую довѣренность и искреннее уваженіе. Жаль было съ нимъ разставаться (*)! Спутницы мои просятъ еще упомянуть съ благодарностью о доброй прислужницѣ на Амстердамѣ, Нѣмочкѣ Hanchen, которую, наши барышни называли *Ханьхенъ*: добродушіе, усердіе и неутомимость ея достойны всякой хвалы.

Мы взошли на пристань, и такъ какъ съ нами не было ни какихъ пожитковъ, то таможенные пропустили насъ безпрепятственно. Въ городъ прошли мы садомъ, разведеннымъ на берегу. Какое наслажденіе — видъ зелени послѣ однообразной картины бурнаго моря и туманнаго неба! Въ четвертокъ оставили мы Петербургъ, гдѣ не распускалось еще ни одного листочка. Сегодня, въ понедѣльникъ, гуляемъ посреди яркой, густой зелени и ароматныхъ цвѣтовъ! И еще картина — перваго иностраннаго города, для нѣкоторыхъ изъ насъ новая и невиданная. Особенно восхищалась ею одна спутница моя, которая изъ просвѣщенныхъ странъ видѣла одну—

(*) Эта разлука была вѣчная. Почтенный капитанъ Деларю скончался въ 1844 году въ Гаврѣ, отъ мучительной болѣзни. Мѣсто его занялъ капитанъ Дулле (Doullé), человѣкъ также очень хорошій, какъ я слышалъ отъ особъ, плававшихъ на Амстердамѣ въ послѣдствіи. *Поздн. прим.*

Россію, а изъ поэтическихъ Молдавію. Эти прямыя, довольно широкія, чистыя, хорошо вымощенныя улицы, обстроенныя высокими домами старинной архитектуры; этотъ народъ, въ опрятной, праздничной одеждѣ (сегодня, по новому стилю, Духовъ День), съ лицами довольными собою и всѣмъ свѣтомъ; эти пестрые костюмы зеландскихъ крестьянъ, это общее благоустройство, чистота, учтивость—все насъ радовало и восхищало. Достойно замѣчанія, что и здѣсь, въ Копенгагенѣ, слышится нѣмецкій запахъ. Что это? спросите вы. Просто запахъ, свойственный всѣмъ нѣмецкимъ городамъ. Кисловатый, какъ бы отъ особенной пыли. Онъ начинается уже въ Нарвѣ, очень явственъ въ Дерптѣ и въ Ригѣ, слышится въ Берлинѣ, а потомъ или исчезаетъ въ самомъ дѣлѣ, или не слышенъ отъ того, что органы наши къ нему привыкли. Не знаю, замѣчали ли это другіе путешественники, но меня этотъ странный запахъ, впрочемъ отнюдь не противный, поражаетъ на каждомъ шагу внѣ собственной Россіи. — Мы прошли Широкою Улицей (Bredgade) на площадь Королевскій Новый Рынокъ (Kongens Nytorg) (*), и остановились въ Hôtel d'Angleterre, откуда высланъ былъ на пароходъ лонлакей, для завербованія пріѣзжихъ. Намъ отвели свѣтлую, просторную, хорошо меблированную комнату, окнами на площадь. Посреди ея конная свинцовая статуя Короля Христіана V, очень некрасивая. На этой площади много хорошихъ зданій: дворецъ Шарлоттенборгъ., въ которомъ помѣщается Академія Художествъ, театръ, домъ русскаго посольства, гауптвахта, и проч. Въ двѣнадцать часовъ смѣнился караулъ на гауптвахтѣ. Датское воинство не из-

(*) Nytorg, новый *торгъ*.

мѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его впервые, въ 1817 году: тѣ же красные мундиры, тѣ же невыправленные деревенскіе парни, та же вялость въ движеніяхъ и поворотахъ. Послѣ развода, хоръ музыкантовъ сыгралъ передъ гауптвахтою нѣсколько вальсовъ, галоповъ, и т. п. Густыя толпы слушателей покрывали площадь: все было чинно, тихо, порядочно; нигдѣ не было видно полицейскихъ. Въ это время явился къ намъ петербургскій мой знакомецъ, знаменитый преподаватель Англійскаго Языка, Иванъ Петровичъ Гасфельдъ, и взялся быть нашимъ чичероне. Онъ родомъ Датчанинъ, уроженецъ Копенгагена, и знаетъ городъ вдоль и поперегъ. Сперва отправились мы во дворецъ Розенборгъ. Дорогою толковали мы о началѣ и судьбахъ Копенгагена. За восемьсотъ лѣтъ предъ симъ стояли здѣсь немногія рыбачьи хижины. Потомъ поселились здѣсь купцы, привлеченные удобствомъ гавани, отъ которой получилъ названіе и городъ, Гафнъ. Король Вальдемаръ I подарилъ городъ съ окрестными деревнями знаменитому архіепископу Абсалону. Духовное начальство распространило городъ, и снабдило его укрѣпленіями отъ нападеній морскихъ разбойниковъ. Торговля его усиливалась, и по стеченію множества купцевъ, городъ названъ былъ купеческою гаванью, *Кіобенгафнъ*; это имя измѣнилось, въ плоскомъ Нѣмецкомъ Языкѣ, въ *Копенгагенъ*, и въ этомъ видѣ перешло въ прочіе языки. Умный Вальдемаръ III (въ половинѣ XIV вѣка) отнялъ цвѣтущій городъ у епископовъ, къ большому ихъ огорченію, а Христофоръ Баварскій (въ 1443 г.) перенесъ въ Копенгагенъ свою резиденцію. Въ 1479 году учрежденъ въ немъ университетъ. Копенгагенъ часто страдалъ отъ вражескихъ нашествій. Встарину грабила его могучая Ганза. Въ междоусобіяхъ при Фридрихѣ I и Христіанѣ III выдержалъ

гарнизонъ сдался военноплѣннымъ, въ числѣ 2660 человѣкъ.—Потеря непріятеля, въ продолженіе осады, простиралось до 360 человѣкъ. Въ цитадели найдено болѣе 100 орудій, около 7 тыс. ружей, болѣе 2 тыс. пудовъ пороха и значительное количество съѣстныхъ припасовъ. Потери союзниковъ при сей осадѣ, веденной съ большимъ искусствомъ австрійской службы полковникомъ Орландини, подполковникомъ Бехардтомъ и россійской службы полковникомъ Глуховымъ, не превышала 100 человѣкъ убитыми и 115-ти человѣкъ ранеными; но къ общему сожалѣнію при оной былъ тяжело раненъ генералъ-квартирмейстеръ союзной арміи Шателеръ. Мѣсто его занялъ генералъ Цахъ: «честный Цахъ: добръ, «тихъ ученъ; но истинный *проектный унтеркунф-* «*теръ*,»—какъ выражался Суворовъ (*). Фельдмаршалъ отзывался съ большою похвалою о дѣйствіяхъ Великаго Князя Константина Павловича, подававшаго, въ теченіе всей осады, примѣръ къ перенесенію трудовъ и лишеній, и ободрявшаго участіемъ своимъ войска осаднаго корпуса (1). Вскорѣ послѣ того, покорилась и Мантуа. Сія важная крѣпость, въ теченіе мая и іюня, была весьма не совершенно обложена; но въ концѣ іюня послѣ побѣды при Требіи, союзники рѣшились приступить къ дѣятельной осадѣ Мантуи; для этого былъ собранъ значительный осадный паркъ, состояв-

(*) *Проектный унтеркунфтеръ*, т. е. кабинетный человѣкъ, не привыкшій къ перенесенію воинскихъ трудностей. *Забиться подъ унтеркунфтъ* значило у Суворова: засѣсть въ теплый уголокъ.

(1) Реляція объ осадѣ Алессандрійской цитадели, представленная Суворову графомъ Беллегардомъ, отъ $\frac{11}{22}$ іюля. *Jomini.* Hist. crit. et mil. des guerres de la révol. T. 12, p. 48—51. *Klausewitz.* Th. 1, S. 506—507.

ти лишились жизни. Наконецъ городъ принужденъ былъ уступить: Англичане увели флотъ со всѣми запасами. Послѣдовавшая затѣмъ продолжительная война, имѣвшая слѣдствіемъ прекращеніе торговли, довершила разореніе Даніи. Въ 1814 году, миръ былъ возстановленъ, но прежнее благосостояніе уже не возвращалось. Между тѣмъ, Датское Правительство, кроткое, благоразумное, правосудное, всячески старалось загладить неизбѣжныя бѣдствія. И Фридрихъ VI, и нынѣшній Король (Христіанъ VIII) заслужили въ семъ отношеніи прочную славу. Народъ любитъ и уважаетъ Короля и его фамилію.

Вотъ мы пришли въ Розенборгъ. Этотъ дворецъ построенъ въ западной части города, въ 1604 г., Христіаномъ IV, въ тогдашнемъ полу-италіянскомъ стилѣ. Главное зданіе имѣетъ три яруса; средняя башня семь ярусовъ, крайнія по пяти. Передъ дворцемъ простирается большой садъ, городское гульбище, окруженный чугунною рѣшеткою. Дворецъ сей оставленъ въ томъ видѣ, какъ былъ построенъ, и мебель въ немъ сохранена старинная. Послѣдовавшіе Короли въ немъ не жили, и посвятили его комнаты храненію историческихъ достопамятностей. Это любопытный музей Датской Исторіи XVII и XVIII вѣка, особенно тѣхъ временъ, въ которыя большая часть государей Европы считали обязанностью подражать великолѣпію и вкусу Лудовика XIV и двора его, и подражали ему, какъ всѣ подражатели, не въ существенномъ и не въ похвальномъ. Мелочность и кудреватость въ нарядахъ и украшеніяхъ, тяжелый и отчасти смѣшной этикетъ, преобладаніе Французскаго Языка и французскихъ модъ, большіе парики, фижмы, шитые кафтаны, фарфоровые шпажные ефесы, чопорность, педантство, невоздержаніе и развратъ соста-

вляли характеръ этого періода, продолжавшагося до половины XVIII вѣка. Изъ этого общаго правила были три исключенія: Карлъ XII, Петръ Великій и Фридрихъ II. Они сами царствовали и сами воевали; спали подъ солдатскимъ плащемъ, на соломѣ, и прославляли свое отечество. Ихъ монументы воздвигнуты великими подвигами въ безсмертной книгѣ исторіи: монументы ихъ современниковъ и совмѣстниковъ въ Дрезденской Зеленой Кладовой и во дворцѣ Розенборгѣ (*). Здѣсь посвящены каждому королю и его вѣку особыя комнаты, въ которыхъ хранятся ихъ портреты, одежда, оружіе, трофеи (военные и охотничьи), домашняя утварь, разныя достопамятности и рѣдкости. Первою изъ здѣшнихъ достопамятностей считается такъ называемый *ольденбургскій рогъ* для питья, серебряный, съ выпуклыми украшеніями. Преданіе говоритъ, что Графъ Оттонъ Ольденбургскій получилъ его, въ 989 году, въ даръ отъ одной горной нимфы, при Оффенбергѣ; но достовѣрнѣе сказаніе, что онъ отлитъ былъ въ память путешествія Короля Христіана I въ Кёльнъ (1474), предпринятаго имъ по приглашенію Императора Фридриха III и Герцога Бургундскаго Карла Смѣлаго. Обронныя украшенія рога представляютъ части древнихъ германскихъ замковъ: ворота, балконы, окна, стрѣльчатыя башенки и т. п. Посреди ихъ представлены дамы, рыцари на коняхъ, музыканты и т. п. На щитахъ изображены гербы Даніи, Римской Имперіи, Бургундіи и проч. На верхушкѣ крышки сидитъ дикій человѣкъ; у него въ рукѣ знамя

(*) Нѣкоторые изъ Датскихъ Королей и другихъ государей того времени также заслужили почетное имя въ исторіи своими государственными дѣлами и воинскими подвигами, но все это было загромождено и засыпано безвкусіемъ, педантствомъ и подражательностью.

ся чрезъ Клемону къ Алессандріи, куда прибылъ съ 13600 человѣкъ, 12-го августа, и открылъ сообщеніе съ главными силами Суворова, стоявшими въ то время, въ числѣ 45-ти тысячъ, у Ривальты на рѣкѣ Скривіи (главная квартира находилась въ Боско); 12-и тысячный корпусъ Кейма, расположенный у Хераско, наблюдалъ за алпійскою арміею; Алкапи; съ 4-я тысячами осаждалъ Тортону; Кленау принявшій начальство отъ генерала Отта, съ 7-ю тысячами, находился въ Тосканѣ (1).

Планъ наступательныхъ дѣйствій, составленный Суворовымъ.

Въ то же самое время (въ концѣ іюля) былъ составленъ Суворовымъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, сущность котораго состояла въ томъ, чтобы устремя главныя силы союзной арміи черезъ Коль ди Тенде къ Ниццѣ, принудить непріятеля къ очищенію Ривіеры, либо отрѣзать путь его отступленія; для достиженія сей цѣли, фельдмаршалъ предполагалъ произвести демонстрацію наступательныхъ дѣйствій, войсками Кленау и Розенберга, по направленію къ Рапалло; войска Края направить къ Генуѣ, а главныя силы къ Ниццѣ; по обложеніи Ниццы, главныя силы должны были возвратиться въ Піемонтъ черезъ Коль ди-Тенде, оставить часть войскъ для осады Кони, усилиться войсками Розенберга и Кейма, осадить Фенестрелу и расположиться на зимнихъ квартирахъ (см. приложен. № 4).

---

(1) *Jomini.* Hist. crit. et milit. des guerres de la révol. T. 12, p. 96—97. *Klausewitz.* Th. 1, S. 508.

Tom Denkmahl dat de Schütz des höchsten wunderbaar,
De dessen Ort und Stift bedekt in der Gefahr.
Dat in der groten Angst hier kener dürft versinken.
O kinder, priset Gott so oft Ji hirut drinken.

Другой кубокъ, хрустальный, украшенъ девизами, союзныхъ тогда Государей Петра Великаго (Pro fide et fidelitate, *За Вѣру и вѣрность*), Королей Датскаго, Польскаго и Прусскаго. Самыя драгоцѣнныя стеклянныя издѣлія, большею частію венеціянской работы, хранятся въ особомъ кабинетѣ, устроенномъ въ 1714 году. Въ самомъ дѣлѣ, эти кубки, блюда, тарелки, ложки и т. п., удивительны чистотою стекла и тонкостью работы.

Рыцарская зала простирается во всю длину и ширину верхняго яруса. Выведенный сводами потолокъ ея покрытъ выпуклыми фигурами, представляющими гербъ Даніи и королевскія регаліи, окруженныя разными эмблемами, относящимися къ Датской Исторіи. Стѣны покрыты шпалерами, вытканными въ Даніи братьями Голландцами фанъ-Эйхенъ, и представляющими событія войны Христіана V со Шведами. Надписи подъ ними нѣмецкія. Въ одномъ концѣ залы возвышается королевскій тронъ подъ балдахиномъ. Вся утварь въ этой залѣ носитъ на себѣ печать XVII и начала XVIII вѣка. Подушки и спинки креселъ вышиты Королевою Шарлоттою Амаліею, матерью Фридриха IV.

Нѣкоторые изъ историческихъ памятниковъ Розенборга относятся къ началу царствованія Христіана VII (съ 1767 года). Вотъ портретъ этого добраго и несчастнаго Короля, проведшаго большую часть своей жизни въ тихомъ безуміи. Правильныя черты лица, выразительные глаза портрета, снятаго *до* его болѣзни, не обнаруживаютъ ни малѣйшаго признака слабоумія. А вотъ, подлѣ него, портретъ прекрасной, любезной, умной

его супруги, Каролины Матильды, сестры Англійскаго Короля Георгія III, самой несчастной изъ принцессъ Великобританскаго Дома. За легкомысліе, въ ея лѣта очень простительное, за безпредѣльную довѣрчивость къ любимцу супруга ея, Графу Струэнзе, заплатила она потерею трона, чести и жизни. Завистники и интриганты исторгли у слабоумнаго Короля повелѣніе, которымъ расторгался бракъ его съ Матильдою. Сначала отвезли ее въ замокъ Кронборгъ, подлѣ Гельзингера, и содержали тамъ подъ стражею. Потомъ выдана она была англійскому флоту, и поселилась въ ганноверскомъ городкѣ Целле; тамъ занималась она подвигами благотворительности и милосердія, раздавала милостыню бѣднымъ, ходила за больными. Чрезъ три года, благодѣтельная смерть прекратила ея страданія. Она родилась въ 1751 г., вступила въ бракъ въ 1766, разведена въ 1772, скончалась въ 1775. Сынъ ея былъ умершій въ 1839 году Король Фридрихъ VI. Въ этой же комнатѣ висятъ за стекломъ дипломы, полученные Королемъ Христіаномъ VII, во время пребыванія его въ Англіи (1768), на званіе доктора правъ Университетовъ Кембриджскаго и Оксфордскаго, также патенты, данные ему на званіе лондонскаго гражданина и члена цеха золотыхъ мастеровъ. До какой степени простирается здѣсь стараніе хранить *всякую* достопамятность, свидѣтельствуютъ бездѣлки, цѣпочки, колечки и т. п., сдѣланныя изъ кости и волосъ датскими военноплѣнными въ Англіи, и двѣнадцать клыковъ тѣхъ кабановъ, которые застрѣлены были Королемъ Фридрихомъ VI, на охотѣ, близъ Вѣны, въ 1814 г., во время конгреса. Здѣсь же хранятся королевскія регаліи, корона, скипетръ, держава; но ихъ показываютъ только съ дозволенія гофмаршала, у котораго хранится и ключъ.

Я упомянулъ о немногихъ только вещахъ, обратившихъ на себя мое вниманіе въ Розенборгѣ. При подробномъ и продолжительномъ разсмотрѣніи, можно найти еще гораздо больше старинныхъ диковинокъ, предметовъ размышленія и назиданія, для повторенія словъ: хороши, славны были тѣ времена, но я благодарю Бога, что живу въ девятнадцатомъ вѣкѣ!

Мы оставили Розенборгъ, довольные всѣмъ, что видѣли тамъ, и изъ душныхъ залъ и кабинетовъ его, гдѣ сперта атмосфера вѣковъ минувшихъ, поспѣшили на свѣжій воздухъ, подъ ясное небо, на берегъ прохладнаго моря, въ загородный дворецъ Фредериксбергъ, построенный Фридрихомъ IV верстахъ въ четырехъ отъ города. Дворецъ на возвышеніи, посреди сада, не отличается своею архитектурою. Въ немъ живетъ лѣтомъ вдовствующая Королева. Но садъ, расположенный паркомъ въ англійскомъ вкусѣ, и пересѣкаемый каналами, привлекателенъ своимъ разнообразіемъ, густыми рощами, тѣнистыми аллеями и т. п. Самый восхитительный видъ представляется съ такъ называемаго узкаго холма (smale Bakke): видишь весь городъ, его окрестности, Зундъ, покрытый кораблями, и далѣе синіе берега, теряющіеся въ туманѣ. — Въ паркѣ множество бесѣдокъ, домиковъ и т. п. Въ одномъ изъ нихъ живетъ лѣтомъ, съ дозволенія Короля, величайшій поэтъ Даніи, Эленшлегеръ.

Въ Фредериксбергъ и обратно ѣздили мы, въ праздничномъ омнибусѣ, за небольшую плату. Не понимаю, отчего омнибусы не принялись у насъ, въ Петербургѣ, Это самое легкое, пріятное и дешевое средство сообщенія. Наше общество состояло изъ десяти человѣкъ; поѣздка за городъ и обратно стоила намъ четыре датскіе талера, т. е. десять рублей ассигнаціями. Изъ-за

города привезли насъ прямо къ Соборной Церкви Богородицы (Vor Frue Kirke). Она была построена въ XV вѣкѣ, сгорѣла въ 1728 г., потомъ возобновлена, и въ 1807 г. разрушена при бомбардированіи города Англичанами. Въ 1817 г. заложена вновь, и освящена въ 1829 г. Наружность ея простая и некрасивая. Высокая башня надъ портикомъ безобразна. Во внутренности она также не можетъ похвалиться изяществомъ архитектуры. Вокругъ всей церкви по хорамъ идутъ колонны, но онѣ деревянныя. И въ отношеніи къ акустикѣ, зданіе сіе не безъ ошибокъ. Голосъ проповѣдника теряется въ немъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заглушается эхомъ. Но храмъ сей красуется произведеніями рѣзца Торвальдсена, имѣющими мало подобныхъ себѣ въ мірѣ. Надъ главнымъ входомъ во фронтонѣ проповѣдь Іоанна Предтечи въ пустынѣ, великолѣпная группа, видѣнная мною въ Римѣ, и упомянутая въ моихъ *Письмахъ съ дороги.* Въ самой церкви, въ нишѣ за алтаремъ, возвышается колоссальное изваяніе Спасителя; по сторонамъ, вдоль всей церкви, поставлены изваянія Апостоловъ, драгоцѣннѣйшія творенія великаго художника, которымъ, по справедливости, славится Данія. Двѣ статуи (Апостоловъ Андрея и Іуды) до времени гипсовыя; мраморныя еще не готовы. Предоставляю художникамъ и знатокамъ гласныя сужденія объ этихъ великихъ произведеніяхъ; смѣю ли я, профанъ, едва имѣя время взглянуть на нихъ, обнародовать мое мнѣніе? Высказать это мнѣніе изустно, въ пріятельскомъ кругу—дѣло иное. Предъ алтаремъ стоитъ на колѣняхъ прекрасный ангелъ, и держитъ въ рукахъ купѣль. И это изваяніе Торвальдсена.

Изъ храма отправились мы въ квартиру и въ мастерскую геніальнаго артиста. Къ сожалѣнію моему, его

не было дома: онъ уѣхалъ за городъ. И такъ, мнѣ не суждено познакомиться съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ! Въ Римѣ я не могъ съ нимъ видѣться; и здѣсь искалъ его напрасно. Въ комнатахъ его любовались мы многими прекрасными картинами: особенно восхитила насъ бесѣда художниковъ въ мюнхенской тавернѣ (работа недавно умершаго датскаго живописца Беенса) и италіянское семейство, трудовъ, помнится, Ризеля. Въ мастерской Торвальдсена отличаются изъ работъ его Ганимедъ, поящій орла, и нѣсколько барельефовъ. Двѣ колоссальныя статуи, лишь только имъ вылѣпленныя, были завѣшены.

Остальное время до обѣда употребили мы на осмотръ нѣкоторыхъ зданій Копенгагена. Важнѣйшее изъ нихъ есть королевскій дворецъ Христіансборгъ, сгорѣвшій въ 1794 г., возобновленный въ 1828 году. Во внутренности онъ, говорятъ, очень великолѣпенъ и богатъ произведеніями искусства. Въ немъ живетъ Наслѣдный Принцъ съ супругою.— Король живетъ на Амаліенборгской Площади, въ одномъ изъ четырехъ дворцевъ, выстроенныхъ по сторонамъ ея. Въ другомъ живетъ Ландграфъ Вильгельмъ Гессенскій; супруга его, Шарлотта, родная сестра Королю. Третій изъ дворцевъ занимаетъ вдовствующая Королева. Въ четвертомъ помѣщаются придворные чины. Архитектура этихъ дворцевъ не красивая; они испещрены многими вычурными украшеніями. Первоначально были они построены четырьмя вельможами, и куплены Королемъ Фридрихомъ VI, когда сгорѣлъ Христіансборгъ. Посреди площади возвышается бронзовая конная статуя Короля Фридриха V, воздвигнутая въ 1768 году Азіятскою Компаніею, въ знакъ благодарности за многія милости, оказанныя ей Королемъ. Она несравненно лучше упомянутой нами статуи Христіана V.

Прямо противъ статуи находятся развалины неконченной мраморной Церкви Фридриха. Она была начата по огромному плану, и не достроена по недостатку денежныхъ средствъ. Странно видѣть эти развалины, покрытыя мхомъ и зеленью, посреди многолюднаго, живаго города! Еще достойна замѣчанія Церковь Св. Троицы, пристроенною къ ней огромною круглою башнею (Rundetaarn). На эту башню всходишь не ступеньками, а отлогою ровною дорожкою, вьющеюся вокругъ цилиндра до самой платформы. Говорятъ, что Петръ Великій въѣзжалъ на башню верхомъ. На платформѣ помѣщена обсерваторія. По сторонамъ дорожки стоятъ руническіе камни и другіе памятники древности.

Вотъ воспоминанія, оставшіяся въ умѣ моемъ о Копенгагенѣ. Но самое пріятное впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ насъ общій видъ города и его жителей: картина порядка, благоустройства, владычества законовъ и любви къ Государю и отечеству. Достойно замѣчанія, что здѣсь господствуетъ Языкъ Нѣмецкій. Почти всѣ Датчане говорятъ по-нѣмецки. Нѣкоторые изъ литераторовъ и поэтовъ (Баггезенъ, Эленшлегеръ) пишутъ и по-датски и по-нѣмецки съ равною легкостью. А между тѣмъ, Датчане терпѣть не могутъ Нѣмцевъ, и между датскими и нѣмецкими владѣніями Короля свирѣпствуетъ непримиримая вражда. Области Шлезвигъ и Голстинія, принадлежа къ Германскому Союзу, хотятъ сохранить нѣмецкую національность, а Датчане требуютъ, чтобъ они приняли языкъ и обычаи датскіе. Правительство не вмѣшивается въ эти споры. Sprecht wie ihr wollt; zahlt was ihr sollt.

Въ пять часовъ мы отобѣдали въ Hôtel d'Angleterre, и И. П. Гасфельдъ проводилъ насъ до пристани. Мы переправились на пароходъ Христіанъ VIII, гдѣ я, къ

большому моему удовольствію, нашелъ почтеннаго Посланника нашего при Датскомъ Дворѣ, Барона П. А. Николаи, отправляющагося въ Парижъ съ своею дочерью. Въ семь часовъ снялись мы съ якоря, и съ тѣмъ вмѣстѣ началась ужаснѣйшая бурная погода, продолжавшаяся до прибытія нашего въ Киль, на другой день въ 12 часовъ полудня. Пароходъ Христіанъ VIII устроенъ и меблированъ роскошно и даже великолѣпно, но дѣйствительнаго комфорта на немъ нѣтъ. Постели жесткія, безъ подушекъ. Прислута плохая. — Признаюсь, лучшіе изъ всѣхъ пароходовъ Балтійскаго Моря суть тѣ, которые ходятъ между Кронштадтомъ и Любекомъ, и изъ нихъ преимущественно Николай I. На нихъ можно найти всѣ удобства. — Но вотъ мы вышли на берегъ въ Килѣ. Дождь ужасный. Мы поспѣшно наняли дилижансъ, и поѣхали въ Гамбургъ по прекрасной Голстиніи, привлекательной своимъ благоустройствомъ, довольствомъ жителей, опрятностью мѣстечекъ и городовъ. Въ часъ ночи прибыли мы въ Гамбургъ, въ Датскій Почтамтъ, и вскорѣ нашли пріютъ въ гостиницѣ Hôtel de Francfort. — Простите! мочи нѣтъ, спать хочется.

II.

Гамбургъ, 1-го Іюня ст. ст.

Въ предъидущемъ моемъ письмѣ остановился я на прибытіи нашемъ въ Гамбургъ. Поспѣшая кончить мое письмо до отхода почты въ Любекъ, я пропустилъ два замѣчанія о копенгагенскихъ обычаяхъ— замѣчанія неважныя, но достойныя вниманія и подражанія въ другихъ странахъ. Когда я бралъ билеты на мѣста въ

пароходѣ Христіанъ VIII, кассиръ спросилъ у меня: нѣтъ ли вашихъ родныхъ въ числѣ тѣхъ девяти особъ, для которыхъ вы берете билеты? «Какъ не быть! Жена три дочери, сестра....» — Въ такомъ случаѣ, съ вашего билета и съ этихъ пяти сбавляется третья доля платы, и вмѣсто двѣнадцати талеровъ (тридцати рубл. асс.) вы заплатите только по восьми. «Почему такъ?» спросилъ я. — «Администрація этимъ способомъ облегчаетъ средства цѣлымъ семействамъ пользоваться пароходами, и тѣмъ ихъ привлекаетъ. Что легко заплатить одному, то становится труднымъ для большаго семейства.» — Вотъ что умно, такъ умно! подумалъ я. Не худо было бы подражать этому и въ другихъ странахъ. — Другое замѣчаніе маловажнѣе по предмету, и гораздо важнѣе по цѣли. Оно относится къ устройству дѣтскихъ колясочекъ. У насъ нянька тащитъ *за* собою колясочку съ ребенкомъ, и, зѣвая во всѣ стороны, не видитъ что съ нимъ дѣлается. Въ Копенгагенѣ дѣтскія колясочки устроены какъ тачки: нянька двигаетъ ихъ дышлецомъ *передъ* собою, и видитъ ребенка; ребенокъ ѣдетъ впередъ спиною, и смотритъ въ лицо своей нянькѣ. И удобно и безопасно. — Воротимся въ Гамбургъ.

Мы помѣстились въ Hôtel de Francfort кое-какъ, въ тѣсныхъ, невысокихъ комнаткахъ, надѣясь на другой день найти новую квартиру. Утомленный морскимъ и сухопутнымъ путешествіемъ, я тотчасъ заснулъ крѣпко, и проснулся очень рано. На улицѣ еще тихо. Встаю, подхожу къ окну, и вижу — Помпею! Точно Помпею, но не ту, которая засыпана пепломъ за 1800 лѣтъ предъ симъ, а процвѣтавшую за два года предъ моими глазами. Вотъ крыльцо, колонны и фронтонъ дома Шредера и Мааса (въ улицѣ die Grosse Bleiche), въ которомъ я бывалъ не разъ. Этотъ домъ историческій: въ немъ жилъ сперва Мар-

шалъ Даву, а потомъ Графъ Беннигсенъ. И развалины эти, освобожденныя отъ мусора и пепла, не носятъ на себѣ слѣдовъ пожара. Точно домъ, разрушенный или погребенный землетрясеніемъ. Подлѣ него такіе же остатки дома, въ которомъ помѣщался клубъ Гармонія. Далѣе картина перемѣняется: на огромныхъ пустыряхъ возвышаются пятиэтажные домы, выстроенные вчернѣ, или еще строящіеся.

Потомъ вышелъ я на Юнгферштигъ. Картина поразительная! Весь рядъ прекрасныхъ домовъ, въ которыхъ помѣщались великолѣпныя гостиницы, исчезъ совершенно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже выстроены новыя огромныя палаты, но еще не кончены. Изъ деревъ аллеи уцѣлѣлъ рядъ подлѣ берега Альстера; изъ двухъ павиліоновъ сгорѣлъ одинъ. Вдоль всей этой улицы, также и по Эспланадѣ, настроены въ рядъ и въ два ряда временные деревянные домики: въ нихъ помѣщаются торгаши и ремесленники всякаго рода, жившіе прежде того въ домахъ выгорѣвшей части города. Къ югу отъ Юнгферштига простирается огромное пустое мѣсто, и среди его стоитъ новая биржа, которую граждане Гамбурга спасли съ непостижимымъ самоотверженіемъ. И здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, пожаромъ опустошенныхъ, строятся новыя зданія. Дѣятельность чрезвычайная, но притомъ порядокъ примѣрный, и тишина удивительная. Нѣкоторыя улицы загорожены для экипажей, но проходить можно вездѣ легко и удобно.

Тщетно искалъ я мѣста въ лучшихъ гостиницахъ: все занято съ низу до верху. Гостиница Штрейта одна осталась на прежнемъ мѣстѣ; въ ней уцѣлѣла задняя часть дома. Старый Городъ Лондонъ, Бельведеръ и пр., размѣщены въ разныхъ частяхъ города, и въ нихъ очень тѣсно. Мы должны остаться въ своемъ Франкфуртѣ. Помѣщеніе въ немъ тѣсноватое, но удобное; жильцовъ не-

много, общій столъ очень хорошій, а что для меня всего важнѣе, въ немъ помѣщается клубъ Гармонія, и подлѣ моей комнаты находится зала для чтенія, въ которой разложены всѣ газеты и многія новыя книги.

Здѣсь, на мѣстѣ, собралъ я нѣкоторыя достовѣрныя свѣдѣнія о пожарѣ, неслыханномъ въ исторіи просвѣщенныхъ городовъ Европы. Весна 1842 года была самая пріятная: въ теченіе всего апрѣля не выпало ни капли дождя. При постоянномъ восточномъ вѣтрѣ стояла сухая, ясная погода. Кораблеплаваніе возобновилось, при наступленіи весны, съ большою дѣятельностью. Всѣ жители города толковали объ открытіи желѣзной дороги въ Бергедорфъ, которое назначено было на праздникъ Вознесенія, 5-го мая н. ст. Одинъ чиновникъ Ганноверскаго Почтамта, возвращаясь домой (въ Дейхштрассе) въ половинѣ перваго часа послѣ полуночи съ 4-го на 5-е мая, почувствовалъ, въ духотѣ вечерняго воздуха, какую-то тяжесть, занимавшую дыханіе. Онъ растворилъ окно. Внѣшній воздухъ былъ еще удушливѣе; запахъ гари давалъ знать, что это происходитъ отъ огня, который таится гдѣ нибудь вблизи. Чиновникъ поспѣшилъ на улицу, и приказалъ ночному стражу разыскать дѣло. Долгое время не находили ничего, хотя смрадъ и дымъ безпрерывно усиливались. Вдругъ, около часу, поднялось надъ домами сигарочнаго фабриканта и торгаша тряпьемъ густое облако дыма, въ которомъ просверкивало пламя. Ударили тревогу, подали обыкновенные сигналы, и пожарная команда прибыла на мѣсто. Дѣйствительная причина пожара донынѣ покрыта неизвѣстностью: злой ли умыселъ, неосторожность или слѣпой случай подали къ тому поводъ — этого никто не могъ разобрать. Сначала почти вовсе не было вѣтру, но удушливый смрадъ горящаго тряпья не дозволялъ пожарнымъ приближать-

ся къ мѣсту огня. Вдругъ поднялся сильный вѣтеръ, и отвративъ опасность отъ одной стороны города, обратилъ ее всею силою на другую. Пламя распространялось съ бо̀льшею и бо̀льшею силою. Загорѣлся одинъ амбаръ со спиртомъ; горючая жидкость вылилась въ каналъ, и вода воспламенилась. Работники при трубахъ и чернь, собравшаяся на пожаръ увидѣвъ это, бросились въ погреба, и кинувъ работу, стали упиваться даровымъ виномъ. Порядокъ былъ возстановленъ, но дорогое время ушло, и усилія гражданъ честныхъ и добросовѣстныхъ были безуспѣшны. Сыпался горячій пепелъ, какъ при разрушеніи Помпеи. Горящія головни летали по направленію вѣтра. Близлежащія зданія раскаливались и загорались сами собою. Сенатъ собрался въ ратушѣ. Члены его не вѣрили, чтобъ пожаръ былъ въ самомъ дѣлѣ такъ силенъ, и приписывали получаемыя ими грозныя извѣстія испугу и обыкновенному въ такихъ случаяхъ преувеличенію. Но когда загорѣлась башня старинной Церкви Св. Николая, и вскорѣ затѣмъ все зданіе превратилось въ пепелъ, увидѣли, что бѣдствіе грозитъ всему городу. И тутъ не рѣшались принять рѣшительныя мѣры. Люди знающіе и опытные (англійскіе минеры) предлагали подорвать и разрушить порохомъ нѣсколько домовъ, и тѣмъ прекратить дальнѣйшія опустошенія. Какъ можно истреблять имущество гражданъ! возражали нѣкоторые члены правленія. И вскорѣ это самое имущество превращалось въ прахъ. Огонь свирѣпствовалъ трое сутокъ, и испепелилъ четвертую часть города. Наконецъ рѣшились принять дѣйствительныя мѣры: сначала не хотѣли пожертвовать немногими ветхими домами; теперь надлежало обречь разрушенію зданія прочныя, богатыя, великолѣпныя. Когда загорѣлась набережная Юнгфернштигъ, и гостиницы Бельведеръ, Кронпринцъ,

Hôtel de Russie и пр. стояли въ пламени, минеры подняли на воздухъ четыре крайніе дома этой улицы: гостиницу Старый Городъ Лондонъ, домы банкира Гейне, вдовы Вертманъ и гостиницу Штрейта. Штрейтъ съ женою былъ въ погребу своего дома, и спасалъ пожитки. Домъ взлетѣлъ надъ ними на воздухъ, и они остались невредимы! Этимъ отчаяннымъ средствомъ остановлены были дѣйствія пожара съ сѣвера; съ юга кинулся онъ по другой сторонѣ Альстера, на востокъ, и истребилъ цѣлую часть города, старинныя Церкви Св. Петра и Св. Гертруды, и остановился у вала, гдѣ нечему было горѣть. И въ этой сторонѣ подорваны были многіе домы, но безъ успѣха: огонь безпрепятственно перелеталъ чрезъ опустошенныя пространства. Вообще сгорѣло (и подорвано порохомъ) 4,219 домовъ, и 19,995 человѣкъ очутились безъ крова. Въ числѣ сгорѣвшихъ зданій были три христіанскія церкви, двѣ еврейскія синагоги, ратуша, архивъ, старая биржа, домы смирительный и рабочій, богадѣльня, тюрьма, шлюзы на Альстерѣ, биржевая зала, Турнъ и Таксисскій Почтамтъ, шесть карауленъ, и т. п.; шестнадцать книжныхъ лавокъ, семь магазиновъ художественныхъ произведеній, тридцать одна типографія, семь аптекъ, шестьдесятъ школъ, девяносто четыре гостиницы, множество разныхъ, отчасти богатыхъ магазиновъ, амбары со всякими товарами, и т. п. При семъ случаѣ истреблены многія библіотеки, отчасти рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ книгъ, собранія произведеній художества, и т. п. Среди общаго бѣдствія уцѣлѣли: новая биржа, спасенная усердіемъ и самоотверженіемъ нѣкоторыхъ гражданъ; зданіе гимназіи и городской библіотеки. Еще сохранились нѣсколько частныхъ домовъ, какъ бы чудомъ, посреди самаго сильнаго опустошенія. Не одно пламя приводило въ ужасъ и отчаяніе несчастныхъ гра-

жданъ Гамбурга: неизбѣжные притомъ разстройство, безпорядокъ и буйство злонамѣренныхъ людей довершали бѣдствіе. Правительство какъ бы исчезло; всякая власть, всякое повиновеніе прекратились. Для разрушенія зданій, которымъ угрожалъ огонь, для проложенія пути въ горящихъ уже домахъ, нужны были плотники; ихъ вездѣ искали и спрашивали. Вдругъ, на другой день, въ самомъ сильномъ разгарѣ, явились толпы людей, вооруженныхъ топорами, и выдававшихъ себя за плотниковъ: они вторгались въ домы, выгоняли жителей, грабили, ломали, били все, что имъ ни попадалось. Во всякомъ многолюдномъ городѣ существуютъ люди, коснѣющіе въ убожествѣ, праздности и развратѣ. Здѣсь поднялись эти дрожди на поверхность. Все наше! кричали они, вбѣгая въ открытые домы, и разбивая двери закрытыхъ. И изъ сосѣдственныхъ городовъ налетѣли хищныя птицы, послышавъ запахъ добычи. Грабители располагались особенно въ винныхъ погре бахъ, и съ дикимъ воплемъ и звѣрскими пѣснями опорожняли бутылки и бочки. Было средство выгнать ихъ— закричать: этотъ домъ взлетитъ на воздухъ! Но и это средство дѣйствовало не всегда: въ одномъ погребѣ дома на Редингсмарктѣ погибло девятнацать человѣкъ; въ дикомъ опьянѣніи, они не слушались увѣщаній извнѣ, и съ звѣрскимъ ревомъ испустили духъ свой подъ обрушившимися на нихъ горящими развалинами (*).

Съ другой стороны представлялось зрѣлище печальное, грустное и въ то же время умилительное. Тысячъ пятнацать человѣкъ, изгнанныхъ изъ города, расположились на обширномъ лугу за городомъ, между воротами

(*) Вообще людей при пожарѣ погибло, сравнительно, очень немного: сорокъ четыре человѣка.

Дамторъ и Штейнторъ. Общее бѣдствіе соединило ихъ тѣснымъ союзомъ. Изъ городскихъ домовъ, пощаженныхъ пожаромъ, съ великолѣпныхъ дачъ, окружающихъ городъ, тысячи людей спѣшили на помощь пострадавшимъ согражданамъ. Богатые купцы и банкиры, ихъ жены и дочери носили хлѣбъ и другую пищу бѣднымъ, одѣвали нагихъ, ходили за больными, утѣшали всѣхъ. Старики молились, женщины плакали, дѣти играли и рѣзвились; соловьи пѣли въ рощахъ; полная луна освѣщала невиданную картину:

Творенье Божіе не знало
О человѣческихъ бѣдахъ.

Къ счастію, погода стояла сухая и теплая. Чрезъ нѣсколько дней размѣстили лишенныхъ крова по всѣмъ домамъ, по дачамъ; построили для нихъ временные балаганы, и всѣхъ пріютили кое-какъ.

Теперь все огромное пожарище очищено: по утвержденному всѣми гражданами закону отчужденія, правительство скупило погорѣлыя мѣста у прежнихъ хозяевъ, и продаетъ ихъ желающимъ строиться по новому плану. Планъ этотъ составленъ очень искусно и благоразумно. Уцѣлѣвшая биржа будетъ средоточіемъ этой части города, и отъ нея во всѣ стороны пойдутъ широкія улицы. Лѣтъ черезъ пять Гамбургъ будетъ застроенъ лучше и великолѣпнѣе прежняго. Говорятъ, что уже нынѣшнею осенью сломаны будутъ всѣ временные балаганы, и жители ихъ перейдутъ въ новопостроенные домы. Вчернѣ построено уже до шестисотъ большихъ домовъ.

Впрочемъ, если бъ не видно было пустырей и новыхъ строеній, нельзя было бы догадаться, что городъ потерпѣлъ такое бѣдствіе. Торговля и промышленность кипятъ; увеселенія, обѣды, прогулки, зрѣлища идутъ своимъ

чередомъ. Въ этомъ бѣдствіи дѣйствительно пострадали только люди средняго сословія, хозяева небольшихъ домовъ, небогатые купцы, и т. п. Простой народъ, ремесленники, торгаши, и т. п., много выиграли при общей дѣятельности, съ какою производятся постройки и снабженіе домовъ всякими потребностями. Милліонщики не чувствуютъ потери тысячной доли своего имущества. Главная потеря гражданъ произошла отъ несостоятельности страховыхъ обществъ, которыя не могли выплатить премій. Пособій получено городомъ извнѣ и отъ пожертвованія собственныхъ гражданъ до восьми милліоновъ рублей ассигнаціями. Сверхъ того сдѣланъ заемъ въ тридцать милліоновъ марокъ; для уплаты его наложена подать на гражданъ, по ихъ состоянію. Имѣющіе менѣе тысячи марокъ не платятъ ничего; обладающіе капиталомъ и имуществомъ отъ тысячи до одного милліона марокъ вносятъ извѣстные проценты. Но — вотъ что замѣчательно — люди, имѣющіе болѣе одного милліона, платятъ, какъ бы они имѣли только одинъ милліонъ. Les plus forts ont fait la loi.

При этомъ случаѣ оказались многія неудобства и несообразности въ правленіи города, устроенномъ въ Средніе Вѣки, по инымъ требованіямъ, по инымъ понятіямъ, несовмѣстнымъ съ послѣдовашими успѣхами человѣчества и гражданственности. Сенатъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи многія существенныя перемѣны, но для людей нетерпѣливыхъ этого мало: они требуютъ новыхъ преобразованій. Разумѣется, что партіи, въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, болѣе руководствуются личными своими выгодами, нежели общею пользою и любовью къ отечеству. Впрочемъ, Гамбургъ такъ долго благоденствовалъ и при недостаточныхъ формахъ правленія, благоразумные и благонамѣренные люди составляли въ немъ такое значи-

тельное большинство, что эти попытки нововведеній не могутъ повредить ему существенно, и только подадутъ случай и средства къ исправленію дѣйствительныхъ недостатковъ.

Я такъ часто и такъ подробно описывалъ Гамбургъ въ моихъ прежнихъ письмахъ, что теперь остается развѣ только повторять прежнее. У знакомыхъ и пріятелей нашелъ я прежній радушный пріемъ, который нынѣ распространился и на все мое семейство. Труденько моимъ дамамъ *объясняться на нѣмецкомъ діалектѣ*, какъ говорится въ приказно-полицейскомъ слогѣ, но вниманіе добрыхъ хозяевъ и снисхожденіе къ иностранцамъ ихъ ободряютъ. Мы были приглашены на чай къ почтенному пастору Миллеру, члену и ревнителю многихъ здѣшнихъ общеполезныхъ обществъ и первому учредителю общества трезвости. Онъ живетъ съ семействомъ своимъ на дачѣ, у воротъ Dammthor. Здѣсь дѣти мои могли видѣть образецъ и примѣръ жизни и обычаевъ благороднаго нѣмецкаго семейства, какія изображены въ романахъ Лафонтена, въ Фоссовой поэмѣ Луиза. Не большой, но уютный, красивый, чистый домъ построенъ среди сада, разведеннаго самимъ хозяиномъ, его супругою и дѣтьми. Комнаты, со свѣтлыми окнами, мебелью, не новою, но опрятною и изящною съ бѣлыми занавѣсками, хорошимъ флигелемъ, не паркетными, но чистыми какъ паркетъ полами. Самъ хозяинъ человѣкъ умный, ученый, образованный, добрый и привѣтливый, чуждый притворства и свѣтской политики; супруга его, образецъ женскаго совершенства, просвѣщенная, скромная, ласковая, обожаемая мужемъ и дѣтьми; дочери милыя, откровенныя существа. Все въ домѣ дышитъ добродѣтелью, спокойствіемъ, довольствомъ дарами судьбы, благого-

вѣніемъ къ Подателю благъ земныхъ. Не видать ни слугъ, ни служанокъ. Мать разливаетъ чай; дочери сами подносятъ гостямъ, съ такою ласкою, съ такою привѣтливостью, что совѣстно отказаться и отъ третьей чашки. Въ тихой, пріятной бесѣдѣ прошелъ вечеръ, незабвенный для всѣхъ насъ. — На другой день ожидало насъ угощеніе другаго рода, у почтеннаго банкира Соломона Гейне, о которомъ я упоминалъ въ прежнихъ письмахъ, и который, въ нынѣшнемъ бѣдствіи Гамбурга, нашелъ новый случай явить свою неистощимую благотворительность. Домъ его принесенъ въ жертву спасенію города: нынѣ возвышается на томъ мѣстѣ новое великолѣпное зданіе, но оно еще не достроено, и Гейне покамѣстъ живетъ на своей дачѣ, на берегу Эльбы. Когда я пришелъ къ нему въ городскую контору, онъ былъ очень занятъ, но увидѣвъ имя мое на карточкѣ, выслалъ сына пригласить меня къ себѣ, и послѣ первыхъ вопросовъ о здоровьѣ и т. п., сказалъ: «Вы обѣдаете у меня въ воскресенье.» — Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я. — «И вы и всѣ ваши». — Да насъ восемь человѣкъ! — «Тѣмъ лучше.» — Мои спутницы одѣты по-дорожному; вещи наши отправлены уже на Рейнъ. — «Безъ комплиментовъ; сдѣлайте одолженіе, пожалуйте къ намъ, какъ угодно и какъ можете.» — И точно, мы были приняты самымъ пріятнымъ и предупредительнымъ образомъ. Кромѣ самого хозяина, всѣ домашніе говорятъ по-французски, и тотчасъ познакомились съ новыми гостьями. Обѣдъ былъ великолѣпный. Гостей, и кромѣ насъ, было довольно; въ томъ числѣ богатѣйшій шведскій банкиръ Бенедиксъ, и одна артистка, актриса Мюнхенскаго Театра, Марія Деккеръ; ее принимали съ уваженіемъ и ласкою. Послѣ обѣда, за дождливою погодою, нельзя

было гулять въ саду. Все общество перебралось въ просторную беседку, и первымъ вопросомъ было, нѣтъ ли среди насъ музыкантовъ. Дѣйствительно, въ нашемъ обществѣ оказалась первокласная виртуозка: она сѣла за громкій флигель, и изумила всѣхъ своею прелестною игрою, въ которой, какъ Протей, являлась то Гензельтомъ, то Тальбергомъ, то Листомъ, возвышая свой необыкновенный талантъ благородною скромностью. — Потомъ Г-жа Деккеръ прочитала очень искусно и съ большимъ чувствомъ два стихотворенія: *Женское сердце*, и *Зонтикъ*. Первое изъ нихъ, исполненное неподдѣльныхъ красотъ, привело всѣхъ насъ въ умиленіе тѣми строфами, въ которыхъ изображена мать у постели умирающаго дитяти. Я спросилъ, кто авторъ этой прелестной элегіи, и мнѣ назвали Сафира, Сафира, вѣнскаго моего пріятеля, забавника, остряка, шута. Вотъ вамъ нѣмецкая чувствительность: гдѣ она не гнѣздится! Другое стихотвореніе, написанное и прочитанное на австрійскомъ нарѣчіи, восхитило и тронуло слушателей своимъ неподражаемымъ простодушіемъ. Въ такихъ занятіяхъ сердца и ума прошелъ вечеръ. Нѣсколько разъ напоминали намъ, что экипажи дожидаются у воротъ. Мы откланялись доброму хозяину и его милому семейству, и въ неумолкной бесѣдѣ о видѣнномъ нами доѣхали до городскихъ воротъ. Тутъ узнали мы причину, по которой вѣрный блюститель моихъ выгодъ, лонлакей Кауфманъ, присылалъ въ гостиную доклады, что пора ѣхать: одиннадцатый часъ; ворота были заперты, и мы заплатили три марки штрафу. За такой вечеръ не дорого!

Наканунѣ отъѣзда моего изъ Гамбурга, посѣтилъ я биржу, которой не видалъ еще въ дѣйствіи. Въ ней начинаютъ сбираться въ первомъ часу, сначала на верх-

ней галереѣ, гдѣ помѣщаются конторы банка (временно), газетная комната, ресторація и т. п. Ровно въ часъ открывается собраніе: всѣ сходятъ съ галерей, и наполняютъ огромную залу, вмѣщающую до четырехъ тысячъ человѣкъ. И она уже оказывается тѣсною. Любопытно смотрѣть на нее сверху: тысячи людей, въ шляпахъ, кишатъ въ ней, какъ мухи; словъ не слыхать, но громкій гулъ поднимается къ галереѣ, какъ шумъ волнующагося моря. Съ одной стороны утверждены въ стѣнѣ часы; съ другой кругъ, съ означеніемъ странъ свѣта, какъ въ компасѣ; стрѣлка, приводимая въ движеніе внѣшнимъ флюгеромъ, указываетъ вѣтеръ. Купцы, по этому указанію, расчитываютъ приходъ кораблей. У многихъ изъ знакомыхъ мнѣ купцовъ спрашивалъ я: каково идутъ дѣла? Всѣ, какъ и всегда, отвѣчали мнѣ: очень плохо (flau)! Этотъ отвѣтъ слышу я лѣтъ сорокъ и отъ купцевъ, и отъ сельскихъ хозяевъ. Плохо, бѣдно до крайности, а богатства растутъ, роскошь усиливается. Если бъ справедливы были слова этихъ господъ, *свѣтъ* давно пошелъ бы *по міру*. Нынѣ жалуются на непомѣрную дешевизну колоніяльныхъ товаровъ: кофе, сахаръ, индиго продаются не по чемъ. Купцы говорятъ, что эта пагубная въ торговлѣ дешевизна нанесла Гамбургу болѣе вреда, нежели прошлогодній пожаръ.

Съ биржи повезъ меня почтенный Гейне въ зданіе больницы, сооруженной имъ въ память умершей лѣтъ за семь предъ симъ жены его. Великолѣпное зданіе, возведенное красиво и прочно, со всѣми удобствами и потребностями благоустроенной больницы, уже кончено. Чрезъ два мѣсяца будетъ она открыта на сто человѣкъ бѣдныхъ Евреевъ обоего пола. Въ верхнемъ ярусѣ устроена молельня. Три врача, всѣ попечители, смотрители и

т. п. взялись исполнять свои обязанности безплатно. Значительный капиталъ обезпечиваетъ содержаніе больницы на вѣчныя времена. Прекраснѣйшій надгробный памятникъ! — По кончинѣ старшаго сына своего, Германа, Гейне основалъ Банкъ Германа Гейне, изъ котораго получаютъ ссуду его единовѣрцы, за два процента въ годъ. Онъ объявилъ, что распространитъ благодѣтельныя дѣйствія этого банка и на Христіанъ, когда въ Гамбургѣ даны будутъ Евреямъ всѣ права гражданства; но этому трудно осуществиться: Евреи получили многія права и получатъ, вѣроятно, еще болѣе; только достоинство сенатора и старшины (Oberalter) никогда не можетъ имъ сдѣлаться доступнымъ, потому что избраніе въ сіи достоинства зависитъ отъ пяти протестантскихъ приходовъ города.

Погода намъ здѣсь не благопріятствуетъ. Ежедневно идетъ дождь. По улицамъ ходить грязно. Загородныя прогулки непріятны. Только въ одинъ день удалось намъ насладиться зрѣлищемъ прекраснѣйшей части окрестностей Гамбурга: береговъ Эльбы. И въ этотъ день шелъ дождь, но съ значительными перемежками. Мы выѣхали изъ города чрезъ Альтону, посѣтили кладбище и могилу Клопштока въ Оттенсенѣ, любовались прекрасными цвѣтами и оранжереями богатаго англійскаго садовника Буса (Booth), прогуливались въ Бауровомъ саду, изъ котораго простирается прекраснѣйшій видъ на Эльбу; видѣли поэтическую рыбачью деревню Бланкенезе, и на обратномъ пути обѣдали въ павиліонѣ Ренвилева сада. Я уже нѣсколько разъ, въ прежнихъ моихъ письмахъ, говорилъ объ удовольствіяхъ такой прогулки. Считаю долгомъ повторить это, и всякому изъ нашихъ путешественниковъ совѣтую насладиться поѣздкою по берегу Эльбы.

Вчера, въ понедѣльникъ, обѣдали мы на дачѣ у почтеннаго Сенатора Мейера, и сегодня спѣшимъ выбраться отсюда. Приглашеніямъ и угощеніямъ конца не будетъ. Пасторъ Миллеръ зоветъ меня къ себѣ сегодня, на ученый обѣдъ Пріятель мой, Аллютъ, приглашаетъ съѣздить по желѣзной дорогѣ въ Бергедорфъ, гдѣ ожидаетъ посѣтителей лакомое угощеніе. Обязаны, благодарны за дружбу и ласки, но позвольте отказаться. Очень желалось бы мнѣ посмотрѣть бергедорфскую дорогу, по времени нѣтъ. Ее намѣрены продолжить до Берлина, и ждутъ только рѣшенія Мекленбургскихъ Чиновъ (*), какое направленіе дать ей по Мекленбургскимъ Владѣніямъ. Въ Германіи та бѣда, что всякое владѣніе хочетъ проводить желѣзныя дороги по своимъ главнымъ городамъ, и отъ того онѣ идутъ не прямо а зигзагами, т. е. мыслѣте пишутъ. Для Гамбурга чрезвычайно будетъ важна желѣзная дорога изъ Альтоны въ Киль. Мы видѣли уже готовую насыпь; скоро начнутъ класть рельсы. (**) Тогда, вѣроятно, и пароходы будутъ отъ насъ ходить въ Киль. Очень будетъ удобно и пріятно; но жаль стариннаго, почтеннаго Любека: этотъ городъ тогда пропадетъ совершенно. Чту и уважаю Датское Правительство, благоразумное, справедливое, кроткое, но не могу понять непріязненности его къ городамъ ганзейскимъ. Это остатки вражды и зависти Среднихъ Вѣковъ, которую давно слѣдовало бы забыть. Желательно, чтобъ другія сосѣдственныя державы помогли Любеку въ этой бѣдѣ.

(*) Вопросы эти были рѣшены благопріятно, и желѣзная дорога отъ Берлина до Гамбурга открыта въ октябрѣ 1846 г.

(**) Эта дорога открыта въ 1844 году.

Сегодня прощаемся съ Гамбургомъ, переправляемся черезъ Эльбу въ Гаарбургъ, гдѣ ждетъ насъ извощикъ, взявшійся доставить все наше общество въ Бременъ. Оттуда двинемся на Рейнъ.

До Дюссельдорфа!

III.

Гейдельбергъ, ¹²⁄₂₄ Іюня.

Мы разстались съ Гамбургомъ не безъ сожалѣнія. Привѣтливость, искреннее гостепріимство и любезность тамошнихъ нашихъ знакомцевъ заставляли насъ забывать и холодъ и дурную погоду. Въ самый день отъѣзда многіе изъ нихъ пріѣзжали къ намъ прощаться, и убѣждали остатся еще денька на два, увѣряя, что погода непремѣнно поправится, приглашая на обѣды и прогулки. Мы не могли согласиться.

Въ два часа пополудни, 1-го Іюня, при довольно частомъ дождѣ, переправились мы на пароходѣ чрезъ Эльбу въ Гаарбургъ. Въ ганноверской таможнѣ досмотрѣли наши пожитки скоро и благосклонно, и мы наняли до Бремена (за 25 прусскихъ талеровъ) просторный омнибусъ: въ каретѣ помѣщались шестеро взрослыхъ съ ребенкомъ; двое сидѣли въ переднемъ кабріолетѣ (coupé); такимъ образомъ вся наша компанія ѣхала вмѣстѣ. Въ Бременъ пріѣхали мы на другое утро въ восемь часовъ, и остановились въ прекрасной гостинницѣ Lindenhof. Погода прояснилась. Мы погуляли по городу, посмотрѣли на древнюю ратушу и на статую Роланда: она подновлена и вновь выкрашена. Представился вопросъ: какъ ѣхать далѣе, по экстрапочтѣ, въ дилижансѣ или съ лон-

кучеромъ? Хозяинъ омнибуса, въ которомъ мы пріѣхали изъ Гаарбурга, предложилъ намъ нанять этотъ самый экипажъ до Дюссельдорфа, куда онъ обязывался привезти насъ въ трое сутокъ, съ остановками въ Оснабрюкѣ и въ Мюнстерѣ. Цѣна за весь проѣздъ восемьдесятъ талеровъ; въ этомъ заключались и шоссейныя деньги, и плата на водку, и прочее. Мы охотно на это согласились, и не раскаивались въ послѣдствіи. Везла насъ пара добрыхъ лошадей; кучеромъ былъ молодой парень, не весьма опытный и смѣтливый, но усердный къ дѣлу, услужливый и послушный. Совѣтую всякому, кто пустится по этой дорогѣ съ семействомъ, избирать этотъ способъ сообщенія. Въ розныхъ экипажахъ ѣхать и скучно и неудобно.

Къ счастію нашему, погода перемѣнилась, и мы покатились свободно и весело по ганноверскому шоссе, которое иногда смѣняется мостовою, но вообще довольно хорошо. Я уже описывалъ эту дорогу въ моихъ Письмахъ съ дороги по Германіи (ч. I, стр. 64), и теперь не стану повторять прежняго. Скажу только, что въ нынѣшній разъ эта сторона, вообще одна изъ самыхъ неинтересныхъ въ Германіи, показалась мнѣ гораздо лучше прежняго: причиною этому была ясная погода. Безъ солнца Божьяго и Сицилія покажется Камчаткою. Мы проѣхали ночь, прибыли въ восемь часовъ утра въ Оснабрюкъ, и остановились въ знакомой мнѣ гостинницѣ Кривой Локоть. Хозяйка его, госпожа Бёмеръ, приняла насъ очень учтиво, и всячески старалась угождать намъ. Положено было дать отдыхъ лошадямъ до четырехъ часовъ пополудни, и мы воспользовались этимъ временемъ, чтобы погулять по городу, и видѣть процессію по случаю католическаго праздника Тѣла Господня.

Оснабрюкъ городъ старинный: въ 783 г. походный епископъ Карла Великаго, Эгильфридъ Люттихскій, посвя-

тилъ перваго здѣшняго епископа Вигона, учредителя первой школы въ Оснабрюкѣ (Carolinum). Старинные валы города осыпались и усажены аллеями. Уцѣлѣли немногія башни: въ одной изъ нихъ, говорятъ, содержались встарину знаменитые плѣнники, Графы Липпе и Текленбургъ. Послѣдній изъ нихъ выкупился изъ плѣна тремя синими гончими собаками, тремя розанами безъ шиповъ и четверикомъ рѣдкихъ монетъ. Достойна замѣчанія зала въ городовой ратушѣ, гдѣ заключенъ былъ Вестфальскій Миръ. Комната небольшая, съ выпуклыми на потолкѣ изображеніями. Члены конгреса сидѣли за широкимъ простымъ деревяннымъ столомъ, на деревянныхъ же скамьяхъ съ высокими спинками. Все это выкрашено свѣтлосѣрою краскою, все просто, неуклюже, неудобно. По стѣнамъ висятъ портреты тогдашнихъ государей и ихъ министровъ. Въ другой комнатѣ показываютъ серебряные, вызолоченные кубки, употреблявшіеся полномочными. Три года толковали и спорили (здѣсь и въ Мюнстерѣ), и наконецъ заключили миръ, утвердившій раздѣльность, а съ нею и безсиліе Германіи, уступившій прекрасныя ея области Швеціи и Франціи, которая съ тѣхъ поръ, всею хитростью своей политики и всею тяжестью военной силы, легла на раздробленную Германію. Соборъ здѣшній построенъ въ Средніе Вѣки, и заключаетъ въ себѣ разныя рѣдкости; между прочимъ показываютъ въ немъ тростъ Карла Великаго. Удивительно, какъ она уцѣлѣла при пожарѣ 1100 года. Но достопамятности германскія, какъ вещи казенныя, въ водѣ не тонутъ, въ огнѣ не горятъ. Это напоминаетъ анекдотъ объ одномъ нѣмецкомъ комендантѣ въ не-нѣмецкомъ городѣ. Передъ какимъ-то общественнымъ зданіемъ стояли неудалые алебастровые львы, которые въ простонародьѣ слыли собаками. Одна-

жды шалуны отбили хвосты у этихъ чудовищъ. На другой день явился о томъ приказъ коменданта въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Весьма непріятно мнѣ было узнать, что собаки предъ — симъ домомъ изуродованы. Собаки сіи суть собаки казенныя, слѣдовательно, оныя должны не только сохраняться, но и распространяться.» Предъ соборомъ, на площади, жители Оснабрюка воздвигли бронзовую статую знаменитому согражданину своему, Юсту Мозеру.

Въ одиннадцать часовъ двинулась изъ собора процессія. Впереди несли хоругви и знамена. Потомъ шли дѣти, а за ними взрослые, по четыре въ рядъ, и пѣли псалмы, сначала мужчины, потомъ женщины. Шествіе заключалъ епископъ, подъ балдахиномъ. Дорога усыпана была зеленью и цвѣтами. Въ разныхъ мѣстахъ воздвигнуты были алтари. Шествіе предъ ними останавливалось; духовенство служило молебенъ, и по звуку колокольчика всѣ бывшіе въ ходу, человѣкъ тысячъ до трехъ, становились на колѣни. — Жители Оснабрюка состоятъ вполовину изъ католиковъ и протестантовъ, и по Вестфальскому Миру установлено было между ими такое равенство, что епископы католическіе и протестантскіе (зависѣвшіе только отъ Римскаго Императора) смѣнялись между собою. Протестантскіе епископы должны были происходить изъ Люнебургскаго Дома. Въ послѣдствіи городъ сей поступилъ подъ свѣтскую власть, съ 1806 до 1815 г. принадлежалъ къ Вестфальскому Королевству, а нынѣ принадлежитъ Королю Ганноверскому. — Это смѣшеніе правъ видно было и въ нынѣшнемъ случаѣ: католики въ тишинѣ и благоговѣніи шли въ крестномъ ходѣ, а лютеранское юношество рѣзвилось и шумѣло вокругъ ихъ по улицамъ, какъ видно, *протестуя* противъ папской власти. Одинъ гусарскій офицеръ хотѣлъ

верхомъ проѣхать среди процессіи, и былъ отъ того съ трудомъ удержанъ полиціею. Протестанты не безъ основанія жалуются на домогательство Папы къ распространенію его власти; но имъ слѣдовало бы первымъ подавать примѣръ вѣротерпимости и уваженія къ правамъ ближняго.

Въ четыре часа послѣ обѣда пустились мы въ дальнѣйшій путь. Мнѣ казалось, что я ѣду здѣсь впервые; за два года предъ симъ проливной дождь закрывалъ весь видъ изъ узкихъ окошекъ дилижанса. Мы проѣхали чрезъ городокъ Ибургъ, лежащій между довольно высокими горами, въ живописной долинѣ. На одномъ возвышеніи огромное зданіе — бывшій монастырь, нынѣ больница. Подлѣ него старинный замокъ, въ которомъ родился Англійскій Король Георгій I. Улицы и площадки Ибурга, по случаю праздника, были усыпаны зеленью и цвѣтами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены алтари, и воздвигнуты арки изъ зелени. Все народонаселеніе было на улицахъ, въ праздничномъ нарядѣ; все ликовало и веселилось. Нашъ омнибусъ, экипажъ, въ сихъ странахъ неизвѣстный, изумлялъ всѣхъ; гдѣ мы останавливались, собиралась вокругъ насъ большая толпа. Всѣ забавлялись надписью: «изъ Гаарбурга до Бремена», и, по обычаю глубокомысленныхъ Германцевъ, толковали о малѣйшемъ вздорѣ, о каждомъ ремешкѣ, съ удивительною важностью. Рѣдкій изъ собесѣдниковъ былъ безъ трубки. Любопытно знать, каковы были бы Нѣмцы, если бъ не было табакокуренія: это составляетъ здѣсь одинъ изъ главныхъ элементовъ жизни.

Въ одной милѣ отъ Ибурга находится прусская таможня. Помня, какъ перерыли и перемяли въ ней мои пожитки въ 1841 году, я трепеталъ при мысли, что теперь прійдется, въ сумерки, пересмотрѣть девять сундуковъ,

наполненыхъ мелкими необходимостями дамскаго быта. Но судьба надъ нами сжалилась. Таможенный приставъ, отставной унтеръ-офицеръ австрійской службы, попросилъ только объявить ему по совѣсти, нѣтъ ли у насъ чего заповѣднаго. Я сказалъ сущую правду, что мы веземъ съ собою три фунта чаю, и онъ объявилъ, что за это слѣдуетъ пошлины 9½ серебряныхъ грошей. Между тѣмъ, какъ онъ прописывалъ насъ въ книгѣ, почтенная его супруга, увѣсистая вестфальская туша, увивалась вокругъ экипажа, увѣряя насъ въ добросовѣстности своего супруга. Я спросилъ сигарки, и заплатилъ за нее восемь грошей, и потомъ, когда пришлось внести пошлину, далъ ей талеръ, не требуя сдачи. Она разнѣжилась, какъ Вертерова Шарлотта, и проводила насъ пожеланіями счастливаго пути. Приставъ отправлялъ свое дѣло, не видя или не желая видѣть продѣлокъ своей половины, и мы были очень довольны обоими ими.

Тотчасъ по переѣздѣ чрезъ границу, увидѣли мы, что находимся во владѣніяхъ прусскихъ: ровное, ничѣмъ не прерываемое шоссе, чрезъ каждые сто шаговъ камень съ означеніемъ тысячной доли одной мили; по обѣимъ сторонамъ высокіе тополи. По такой аллеѣ, обстроенной загородными домами, пріѣхали мы въ Мюнстеръ въ одиннадцать часовъ ночи, и остановились ночевать въ прекрасной гостиницѣ Zum westphälishen Hof. Какъ пріятно было броситься въ чистую постель, послѣ двухъ сутокъ безпрерывной ѣзды! — На другой день, ретивые кони наши требовали отдохновенія до полудня, и мы употребили это время на прогулку по городу, чистому, свѣтлому, привѣтному: видѣли клѣтки съ тѣлами казненныхъ въ 1536 году анабаптистовъ (Бокгольта, Книппердолинга и Крехтинга), висящія на башнѣ Церкви Св. Ламберта; входили въ древній величественый соборъ, напол-

ненный гробницами знаменитыхъ въ свое время людей, между прочими епископа Берндта фонъ Галена, который, въ срединѣ XVII столѣтія, воевалъ съ сосѣдями, имѣя 42,000 пѣхоты и 18,000 конницы. Онъ построилъ подлѣ Мюнстера цитадель, для содержанія въ покорности жителей города, бывшаго нѣкогда вольнымъ имперскимъ. Эта цитадель превращена нынѣ въ прекрасный садъ, при огромномъ дворцѣ. Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ прогуливались мы по этому саду, расположенному по требованіямъ ботаники: у корня каждаго дерева, подлѣ каждаго кусточка, начертано его латинское названіе. Но самымъ пріятнымъ зрѣлищемъ для насъ, сѣверныхъ странниковъ, были свѣжія, прекрасныя вишни, только что принесенныя на рынокъ изъ огородовъ.— Позавтракавъ наскоро въ гостинницѣ (которую охотно рекомендую путешественникамъ), отправились мы въ дорогу съ освѣженными силами, но и съ бо̀льшимъ еще нетерпѣніемъ достигнуть береговъ Рейна: чѣмъ ближе подходишь къ цѣли, тѣмъ отдаленнѣе она кажется!

Страна вокругъ Мюнстера плоская, прерываемая изрѣдка невысокими холмами. Почва песчаная; вездѣ, гдѣ можно, обработана она очень прилежно; рожь и овесъ стоятъ хорошо; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть и пустыри, поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Крестьяне живутъ не деревнями, а отдѣльными усадьбами, въ которыхъ сами собою, въ теченіе времени, образовались маіораты. Старшій сынъ, или выбираемый помѣщикомъ, наслѣдовалъ обладаніе усадьбою; другой сынъ шелъ въ духовное званіе; третій помогалъ старшему и кормился въ усадьбѣ; четвертый постригался въ монахи въ одномъ изъ многочисленныхъ тамошнихъ монастырей. Одна дочь шла въ монастырь; другая, не постригаясь, давала обѣтъ безбрачія, и жила въ усадьбѣ; третья вы-

ходила замужъ за хозяина сосѣдняго двора. До какой степени измѣнились эти обычаи въ нынѣшнее время, не могъ я узнать. И въ городахъ наблюдался подобный порядокъ: имущества оставлялись въ одномъ родѣ безъ раздѣла. При епископахъ, страна сія управлялась соборнымъ капитуломъ, составленнымъ изъ членовъ-дворянъ, которые могли доказать не менѣе шестнадцати благородныхъ предковъ (Аһпеn). Я говорилъ уже въ прежнихъ письмахъ моихъ, что Прусское Правительство существенно содѣйствовало къ просвѣщенію сей страны проведеніемъ хорошихъ дорогъ. Вольтеръ, на проѣздѣ своемъ въ Берлинъ, увязъ на здѣшней дорогѣ. На крикъ его собрались мужики, и вытащили карету изъ грязи; но изумленные фигурою философа, покраснѣвшаго и посинѣвшаго съ досады, почли его не человѣкомъ, а заморскою обезьяною, и дразнили какъ мартышку. Въ отмщеніе за то, онъ описалъ, въ своемъ Кандидѣ, карикатурнаго Вестфальскаго Барона фонъ Тондертентронка и дочь его, прекрасную Кунигунду. Видно, эти портреты списаны были съ натуры, и натура здѣшняго дворянства не измѣнилась. Въ романѣ Иммермана (Мюнхгаузенъ) выведенъ на сцену вестфальскій баронъ съ дочерью — оба гораздо глупѣе Вольтеровыхъ. Это точно нераздѣльный маіоратъ глупости, уцѣлѣвшій въ теченіе ста лѣтъ. Но и Вольтеръ, и Иммерманнъ были поэты, т. е. выдумщики и лжецы. Послушайте, какъ разглагольствуютъ почтенные потомки Тондертентронка на Дюссельдорфскомъ Сеймѣ!

Извощикъ нашъ узналъ дорогою, что предъ Дорстеномъ (послѣднею станціею до Дюссельдорфа) тянется миля песчаной дороги, которой никакъ не было возможно превратить въ шоссе, и рѣшился ѣхать другимъ путемъ: эта дорога милею длиннѣе, но не обилуетъ песками. При

Но еще и до соединенія съ Москвою Кіевъ доставлялъ ей средства къ просвѣщенію. Когда славный Патріархъ Никонъ предпринималъ обновленіе Православной Церкви въ Великой Россіи, не изъ Кіева ли былъ вызванъ Епифаній Славинецкій, *мужъ мудрости внѣшнія и духовныя исполненный*, который начальствовалъ надъ ученымъ братствомъ переводчиковъ, составленнымъ въ Москвѣ изъ Кіевскихъ же монаховъ; не онъ ли первый Московскую церковь огласилъ собственною, изустною проповѣдью?...

Такъ много дѣйствовалъ Кіевъ для Православія и духовнаго просвѣщенія Русскаго; такъ много принималъ онъ участія въ общей жизни Россіи и въ средній періодъ!

Когда Великій Петръ, постигавшій великое предназначеніе Россіи, насаждалъ въ ней ново-Европейское просвѣщеніе и своими преобразованіями начиналъ новый періодъ ея жизни,—не изъ Кіева ли были первые сподвижники его и ревнители Православныя Церкви нашея—Святый Димитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій, который былъ Блюстителемъ Патріаршаго Престола, первымъ Президентомъ Святѣйшаго Синода и своимъ *Камнемъ Вѣры* отразилъ новую грозу противу Православія? Не здѣсь ли потомъ—Побѣдитель Карла XII-го нашелъ этого краснорѣчиваго, разумнаго, многоученаго Өеофана, главнаго сотрудника своего, перваго своего историка и прославителя живымъ словомъ проповѣди, возбуждавшимъ въ народѣ живое сочувствіе къ великимъ дѣламъ и мыслямъ Петровымъ? Не отсюда ли были—и четвертый проповѣдникъ вѣка Петрова,—Гавріилъ Бужинскій, и духовно-глубокомысленный Іоаннъ Максимовичь, и эти славные страдальцы за Православіе—Өеофилактъ Лопатинскій, Архіепископъ Амвросій и Георгій Конисскій?....

Не Академія ли Кіевская была для цѣлой Россіи главнымъ разсадникомъ Просвѣщенія въ первую половину прошедшаго вѣка? Въ ней учился и отецъ новой Словесности нашей всеобъемлющій Ломоносовъ, по мысли коего, въ блистательный вѣкъ Елисаветы, учрежденъ Московскій Университетъ, содѣлавшійся главнымъ сре-

нѣмецкой крови высосали у путешественниковъ насѣкомыя знаменитаго отеля Кулона!

Часу въ девятомъ прибыли мы въ городъ Мюльгеймъ, и въ немъ переправились чрезъ рѣку Руръ, на паромѣ. Въ городѣ и окрестностяхъ добывается много каменнаго угля, и есть разныя фабрики. По рѣкѣ ходятъ многія суда. Все движется, работаетъ; все оживлено и весело. Здѣсь видѣли мы первыя розы. Въ два часа прибыли мы въ свѣтлый, веселый, миловидный Дюссельдорфъ, разсчитались съ нашимъ возницею, отобѣдали въ хорошей гостиницѣ Бекинга (Zu den drey Reichskronen), и въ четыре часа пустились вверхъ по Рейну, на нидерландскомъ пароходѣ Принцъ Эмиль. Слава Богу, кончилась сухопутная ѣзда! Быстрый пароходъ несетъ насъ тихо и учтиво по струямъ благодатнаго Рейна. Можно и ходить, и сидѣть, и лежать, и читать, и писать. Въ девять часовъ прибыли мы въ Кёльнъ, и остановились въ роскошной гостиницѣ Zum Rheinischen Hof, на Сѣнной Площади (Heumarkt), посреди которой построены биржа и гауптхвахта.

Другой день, $^6/_{18}$ Іюня, воскресенье, провели мы въ Кёльнѣ. Въ девять часовъ пустились мы, съ лонлакеемъ, бродить по городу. И здѣсь привелось намъ видѣть католическую процессію: она была гораздо богаче и великолѣпнѣе оснабрюкской, и происходила въ порядкѣ и тишинѣ, такъ какъ почти всѣ жители Кёльна католики, и оппозиціи ни съ чьей стороны не было, да и прусская полиція не дозволила бы нарушенія благочинія. Въ ходѣ шли прекрасныя дѣвицы, не старѣе лѣтъ тринадцати, всѣ въ бѣломъ платьѣ, съ цвѣточными вѣнками на головѣ, и несли въ рукахъ цвѣты, зажженныя лампады и символы добродѣтелей христіанскихъ: крестъ, якорь и пламенѣющее сердце. Подъ балдахи-

номъ шелъ епископъ, поддерживаемый двумя старшинами, изъ богатѣйшихъ гражданъ. И въ Оснабрюкѣ, и здѣсь поразило меня благообразіе, можно сказать красота, католическихъ духовныхъ. И молодые и старцы, и епископы и простые священники, статны, величавы, бѣлолицы, съ правильными чертами и прекрасными глазами. Благоговѣніе ихъ, какъ казалось, было искреннее и непринужденное. — По удаленіи процессіи, вошли мы въ старинную Церковь Св. Урсулы. Вдоль всей церкви тянутся по стѣнамъ шкафы съ стеклянными дверцами, и въ нихъ видны черепы и кости одиннадцати тысячъ христіанскихъ дѣвъ, избіенныхъ, по преданію, язычниками. По стѣнамъ висятъ картины съ изображеніемъ этой легенды.

Изъ Церкви Св. Урсулы отправились мы въ знаменитый Соборъ Кёльнскій, достопамятнѣйшее готическое зданіе Германіи. Первое основаніе ему положено, въ 1248 году, епископомъ Графомъ Гохштеденомъ; постройка вскорѣ прервалась безпрерывными тогдашними смутами: по смерти послѣдняго Гогенштауфена, Германская Имперія распалась на части; возникли сотни неограниченыхъ и необузданныхъ владѣльцевъ; тысячи рыцарей, въ неприступныхъ замкахъ своихъ, сдѣлались также независимыми; возникло право сильнаго, или кулачное. Тогда было не до построекъ общими силами. Не прежде 1322 года освященъ былъ хоръ церкви, составлявшій двѣ пятыхъ зданія, и отдѣленный отъ остальной части временною стѣною. До XVIII столѣтія выстроены были еще нѣкоторыя отдѣльныя части, но не въ связи съ прежнимъ зданіемъ. Въ теченіе XVIII вѣка чинили зданіе; ломали обветшавшія части, и портили другія нелѣпыми пристройками въ такъ называемомъ новомъ италіянскомъ стилѣ. Возгорѣлась революціонная война: Французы за-

няли Кёльнъ, и превратили соборъ въ сѣнной амбаръ; перебили бо́льшую часть расписныхъ стеколъ, разрушили многія статуи, надгробные камни, и т. п. Подъ владычествомъ Наполеона Кёльнъ сдѣлался третьестепеннымъ провинціяльнымъ городомъ; съ трудомъ, изъ городской кассы, починили крышу и вставили стекла. Лишь только прирейнскія земли (въ 1815 г.) поступили подъ владычество Пруссіи, назначены были значительныя суммы на исправленіе и довершеніе зданія. Нынѣшній Король, видя въ сооруженіи Кёльнскаго Собора общее національное дѣло всей Германіи, символъ ея единства, величія и славы, рѣшился употребить всѣ средства къ достойному довершенію памятника Среднихъ Временъ. Положено достроить соборъ по первоначальному плану, исправленному Шинкелемъ, и для сего назначены важныя суммы. Сверхъ того приглашена вся Германія къ соревнованію и содѣйствію въ великомъ дѣлѣ. Повсюду составились комитеты для сбора пожертвованій. Всѣ государи Германіи приняли въ этомъ дѣятельное участіе. Въ томъ числѣ Король Виртембергскій прислалъ значительное количество строеваго камня, добываемаго въ его владѣніяхъ, и очень удобнаго для выдѣлки готическихъ орнаментовъ. Главный же строительный матеріялъ добывается, какъ и прежде, изъ прирейнской горы Драхенфельса. Предполагается кончить постройку въ тридцать лѣтъ. Между тѣмъ, въ готовой части собора происходитъ богослуженіе; она отдѣлена отъ прочихъ высокою деревянною стѣною. Внутренность этой части свидѣтельствуетъ, какъ изящно и великолѣпно будетъ цѣлое. Мы слушали обѣдню; музыка была превосходная: въ сопровожденіи громкаго органа, пѣли хоры любителей и любительницъ. Самыя знатныя и богатыя дамы и дѣвицы считаютъ обязанностью содѣйствовать своимъ талантомъ при службѣ

Божіей. Въ числѣ достопамятностей собора показываютъ драгоцѣнную раку, въ которой почиваютъ (по преданію) мощи трехъ волхвовъ, или царей; она вызолочена и осыпана драгоцѣнными каменьями. При нашествіи Французовъ, въ 1794 году, каноники бѣжали съ нею въ Вестфалію. Въ 1804 ее возвратили, но поврежденную и отчасти лишенную своихъ богатыхъ украшеній. Граждане Кёльна употребили всѣ средства, чтобъ возтановить древнюю свою святыню въ прежнемъ ея видѣ Въ 1820 г. воры забрались въ соборъ, и вновь ограбили раку. И это было исправлено. Самая достопамятная вещь въ соборѣ — огромныя расписныя его окна, числомъ пять. На нихъ изображены архіепископы Германнъ и Филиппъ, и нѣкоторыя особы, содѣйствовавшія къ построенію собора. — Во внутренности собора много надгробныхъ памятниковъ, и въ ихъ числѣ большая мраморная плита, безъ надписи, за главнымъ алтаремъ: здѣсь погребена была Марія Медичи; по смерти Ришелье, гробъ ея перевезли во Францію.— Созерцаніе священнаго зданія, великолѣпнаго и въ начаткахъ своихъ, полуразрушеннаго прежде довершенія своего, рождаетъ въ посѣтителѣ и въ чужестранцѣ, въ иновѣрцѣ, какое-то таинственное чувство страха и благоговѣнія предъ велѣніями неисповѣдимой судьбы: какое же впечатлѣніе должно было оно произвести на гражданъ Кёльна, свидѣтелей сихъ тщетныхъ усилій въ дѣлѣ богоугодномъ? Оно произвело различныя преданія, одно другаго сумасброднѣе и нелѣпѣе, но не лишенныя поэтическихъ прикрасъ, и главную роль въ нихъ играетъ, разумѣется, чортъ, а онъ, бѣдный, какъ повѣдалъ намъ И. А. Крыловъ, у насъ же учится,

Какъ яица пекутъ на свѣчкѣ!

Въ Церкви Св. Петра крещенъ былъ Петръ Павелъ Рубенсъ: онъ принесъ ей въ даръ великолѣпный запре-

стольный образъ распятія Св. Апостола Петра. Сія драгоцѣнность увезена была Французами, и долгое время красовалась вовсе не на мѣстѣ, въ Луврской Галереѣ: въ 1815 ее возвратили на прежнее мѣсто. Во время плѣненія образа, одинъ кёльнскій художникъ написалъ на память копію — произведеніе не Рубенсово, но не безъ достоинствъ. По возвращеніи подлинника, рѣшились сохранить и усердный трудъ новыхъ временъ: оба образа прикрѣплены съ двухъ сторонъ доски, которая обращается въ рамкѣ. Сначала показываютъ копію, потомъ подлинникъ. Неподалеку отъ церкви находится домъ, въ которомъ родился Рубенсъ, и скончалась Марія Медичи.

На Новомъ Рынкѣ (Neumarkt), близъ Церкви Св. Апостоловъ, находится достопамятность другаго рода. Въ одномъ домѣ, на этой площади, жилъ нѣкогда кёльнскій бургомистръ. Онъ лишился молодой жены, и схоронилъ ее въ церкви. Сторожъ церковный, прельщенный алмазнымъ перстнемъ на рукѣ покойницы, вырылъ въ слѣдующую ночь ея тѣло, и усиліемъ стащить перстень съ пальца разбудилъ мнимо-умершую. Увидѣвъ, что покойница ожила, онъ ударился бѣжать, а она пришла домой, постучалась и просила служанку впустить ее. Служанка бросилась къ бургомистру. «Стучатся, баринъ!» — «Кто такой?»— «Барыня!»— «Врешь, дура!» — «Ей Богу, барыня: сами пришли и просятся домой.» — «Не вѣрю», возразилъ онъ. «Повѣрю развѣ тогда, когда бѣлые мои кони взбѣгутъ по лѣстницѣ въ третій ярусъ.» И въ это самое время распахнулись двери конюшни; бѣлые кони вырвались, взбѣжали по лѣстницѣ въ комнату третьяго яруса, и высунули морды въ окно на площадь.— «Баринъ! баринъ!» закричала служанка: «кони наверху и смотрятъ въ окно». — «Если такъ», отвѣчалъ онъ: «то вѣрю, что жена моя ожила и вороти-

лась». Онъ всталъ, одѣлся, сошелъ внизъ, и ввелъ супругу обратно въ свой домъ. Она жила послѣ того семь лѣтъ, проводя время въ молитвѣ и рукодѣліи: пряла и ткала; убрусъ ея работы долгое время употребляемъ былъ въ Церкви Святыхъ Апостоловъ, и наконецъ, отъ ветхости, распался на части.— «Это быть можетъ», возразилъ я лоплакею, который разсказывалъ сію исторію: «но врядъ ли лошади взбѣжали въ третій этажъ.»— «Вы не вѣрите?« вскричалъ онъ: «извольте посмотрѣть сами.» Онъ указалъ на одинъ домъ: я взглянулъ, и дѣйствительно увидѣлъ въ окнѣ двѣ бѣлыя лошадиныя головы; кажется, лошади смотрятъ на площадь.— Это преданіе сохранилось въ одной древней кёльнской хроникѣ: хозяинъ дома жертвуетъ однимъ окномъ любопытной легендѣ. — Вообще Кёльнъ и жители его имѣютъ много оригинальнаго, особеннаго. Такъ, напримѣръ, въ одномъ Кёльнѣ изо всѣхъ городовъ германскихъ, бываютъ въ карнавалъ всенародные маскарады на улицахъ. Весь городъ принимаетъ въ нихъ участіе, и всѣ граждане стараются превзойти друга великолѣпіемъ и замысловатостью костюмовъ. Иммерманъ пытался завести подобныя увеселенія въ Дюссельдорфѣ, но безъ успѣха. Обычаи, какъ московскіе калачи и выборгскіе крендели, пекутся только на мѣстѣ.

Странствія по Кёльну заключили мы посѣщеніемъ музея. Въ немъ есть нѣсколько хорошихъ старинныхъ картинъ, а изъ новыхъ мастерское произведеніе Бендеманна: Плѣнные Іудеи (съ подписью: на рѣкахъ Вавилонскихъ сѣдохомъ и плакахомъ). Этой картинѣ не достаетъ только нѣсколькихъ сотъ лѣтъ давности, чтобъ стать на ряду съ превосходнѣйшими произведеніями живописи.

Вечеромъ былъ я въ театрѣ. Зала закопченная, тем-

ная. По сторонамъ авансцены, въ нишахъ, бюсты Шиллера и Моцарта. Публика въ ложахъ нарядная; въ партерѣ пестрая и отчасти грязная; въ антрактахъ надѣваютъ шляпы, какъ во Франціи; въ числѣ зрителей были солдаты. Играли миленькую оперу Фра-Діаволо, Обера. Главную роль исполнилъ, очень удачно, гость, вѣнскій артистъ Эрлъ. Роль Зерлины играла и пѣла актриса Вейхсельбаумъ, довольно хорошо. Комикъ, въ роли Англичанина, былъ очень забавенъ. Жену его играла прехорошенькая дѣвочка и препосредственная актриса. Представленіе шло довольно ладно, при тощемъ оркестрѣ и плохихъ декораціяхъ. Публика рукоплесканіями и хохотомъ выказывала мало разборчивости, и увлекалась фарсами. Любопытно, что въ Кёльнѣ, городѣ строго католическомъ, въ оперѣ молились точно такъ, какъ въ церкви, и на театрѣ былъ даже образъ Богородицы. Странное неприличіе! Еще одно удалось мнѣ замѣтить: на нашихъ и на другихъ театрахъ, при словахъ бандита: «рѣжь его, онъ не Христіанинъ, а Англичанинъ», смѣются надъ невѣжествомъ италіянскимъ, а здѣсь смѣялись надъ Англичанами, принимая эти слова въ прямомъ смыслѣ. За то слова трактирщика: «Фра-Діаволо укралъ талисманъ у одного кардинала, и при помощи его дѣлается невидимкою», были исключены изъ роли. Это бездѣлицы, но онѣ даютъ понятіе о характерѣ мѣстности и ея жителей.

На другое утро, въ шесть часовъ, пустились мы далѣе на кёльнскомъ пароходѣ Джонъ Кокриль. Погода стояла прекрасная. Вскорѣ миновали мы Боннъ, и прелести живописнаго Рейна раскрылись предъ нами. Драхенфельсъ, Годесбергъ, Роландсекъ опять возникли у меня предъ глазами, съ воспоминаніями прежнихъ лѣтъ, радостными и грустными. Тѣни почившихъ мелькали на

планѣ этихъ несравненныхъ ландшафтовъ. Удовольствіе наше не было нарушаемо спутниками, которые могутъ испортить самыя восхитительныя картины. Въ числѣ дамъ находилась на пароходѣ одна богатая рейнская помѣщица, Сибилла Мертенсъ фонъ-Шафгаузенъ, женщина не молодая, но умная, образованная, начитанная. Мы провели съ нею время очень пріятно, и жалѣли, что ей надлежало выйти на берегъ въ Ункелѣ. Я послалъ съ нею поклонъ землячкѣ ея, съ которою, за два года предъ симъ, спорилъ о дѣлѣ Архіепископа Кёльнскаго, а она приглашала насъ посѣтить ее въ ея помѣстьѣ, если намъ случится проѣзжать здѣсь въ другой разъ. Въ четвертомъ часу прибыли мы въ Кобленцъ, и остановились у стараго моего знакомца, въ Hôtel de Paris. Тамъ наняли мы омнибусъ, и отправились въ Эмсъ, мнѣ драгоцѣнный и незабвенный. На бѣду погода испортилась; пошелъ дождь, какъ весьма часто бываетъ въ Эмской Долинѣ. Съ душевнымъ умиленіемъ увидѣлъ я вновь тѣ мѣста, гдѣ дважды въ жизни, и въ молодости, и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, провелъ нѣсколько счастливыхъ недѣль, пріятныхъ наслажденіями дружбы въ настоящемъ, благодатными дѣйствіями для здоровья въ послѣдующемъ времени. Всѣ прежніе знакомцы встрѣтили меня съ непритворною ласкою: и разбухшій хозяинъ мой, Гимпель, съ толстою трубкою и тощею женою, и капельмейстеръ, котораго я снабдилъ русскими мелодіями, и книгопродавецъ Кирхбергеръ, которому (но не для него) посылаю съ тѣхъ поръ Сѣверную Пчелу, и Тиролька, у которой я покупалъ перчатки, и даже ослиный генералъ, попользовавшійся отъ меня не однимъ гульденомъ. Я посѣтилъ почтеннаго врача моего, Доктора Дёринга, и обрадовалъ его свидѣтельствомъ ad hominem, что его попеченія обо мнѣ были не напрасны. Съ невыразимымъ чувствомъ

воспоминанія прежнихъ благъ небесныхъ, посмотрѣлъ я на скромный домикъ Zur Pfalz, гдѣ былъ такъ счастливъ за два года предъ симъ, и послалъ вздохъ сожалѣнія — въ Ладожскій Уѣздъ (Петербургской Губерніи). Мы вошли въ общественную залу (Cursaal). Рулетка на прежнемъ мѣстѣ, но банкиры сидятъ безъ дѣла, и только для развлеченія своего повертываютъ колесо фортуны. Игроковъ почти нѣтъ вовсе. Дурная погода удерживаетъ отъ посѣщенія водъ, и нынѣ въ Эмсѣ пятью стами гостями менѣе противъ прежняго. «Рулетка ваша остановилась!» сказалъ я одному банкомету, — «Что дѣлать» отвѣчалъ онъ: «благодѣтелей нашихъ, Русскихъ, еще нѣтъ здѣсь!» — «Неужели никого?» спросилъ я — «Есть нѣсколько, да все люди для насъ пустые; напримѣръ: Тайный Совѣтникъ Жуковскій.» — «Жуковскій!» вскричалъ я съ радостью: «неужели онъ здѣсь? — «Здѣсь, и живетъ въ Каменномъ Домѣ.» — Я бросился къ нему, и былъ принятъ съ всегдашнимъ его дружелюбіемъ и привѣтливостью. «Вы постарѣли!» сказалъ онъ мнѣ. — Я, не отвѣчая, улыбнулся. — «Да и я,» сказалъ онъ, разсмѣявшись: «не помолодѣлъ: впрочемъ, будемъ стары только по календарю!» — Онъ представилъ меня своей супругѣ, вынесъ на рукахъ маленькую дочку, прелестное, миловидное созданіе. Съ искреннимъ удовольствіемъ видѣлъ я домашнее счастіе этого благороднаго, добрѣйшаго человѣка, одно прочное и существенное счастіе въ жизни. Жуковскій былъ вполнѣ его достоинъ, и насладился имъ, исполнивъ свой долгъ гражданина и вѣрнаго подданнаго, оставивъ намъ и дѣтямъ нашимъ нетлѣнные памятники своего таланта, своихъ благородныхъ занятій, добросовѣстнаго и самаго успѣшнаго исполненія самой трудной должности въ мірѣ! — Я нашелъ у него, къ удвоенію моего удовольствія, Н. В. Гоголя, кото-

раго не думалъ встрѣтить на берегахъ Рейна, и провелъ въ бесѣдѣ съ ними половину времени, удѣленнаго на посѣщеніе Эмса.—Въ восемь часовъ выѣхалъ я оттуда, преисполненный самыхъ отрадныхъ ощущеній.

Третій день странствованія нашего по Рейну, на томъ же самомъ пароходѣ, отъ Кобленца до Майнца, былъ пасмурный и холодноватый, но прекрасные виды и безъ солнца доставляли намъ большое наслажденіе. Въ числѣ спутниковъ нашелъ я одного штутгартскаго фабриканта, умнаго и любезнаго человѣка, съ которымъ катался по Рейну уже за два года предъ симъ. Хорошій собесѣдникъ — кладъ въ дорогѣ, какъ бы интересны ни были виды, ее сопровождающіе. Въ третьемъ часу вышли мы на берегъ въ Майнцѣ, переправились въ омнибусѣ по мосту черезъ Рейнъ, въ Кастель, а оттуда двинулись по желѣзной дорогѣ во Франкфуртъ. Эта часть въ Германіи совершенствуется съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе. Поѣзды отходятъ и приходятъ въ назначенное время, соображая движеніе свое съ прибытіемъ и отплытіемъ пароходовъ. Омнибусы ѣздятъ скоро и исправно. Все разсчитано, предусмотрѣно. И публика привыкла къ заведенному однажды порядку. Въ четыре часа по полудни, $^{8}/_{20}$ Іюня, прибыли мы во Франкфуртъ, и остановились въ гостинницѣ Бѣлаго Лебедя.

Во Франкфуртѣ провели мы два дня въ закупкахъ и заказахъ. Я былъ у нашего почтеннаго Посланника при Германскомъ Сеймѣ, П. Я. Убри, и потомъ посѣтилъ добраго моего пріятеля, Профессора Герлинга. Остальное отъ дѣлъ время посвящали мы прогулкамъ, и не могли не посѣтить кладбища, о которомъ я часто разсказывалъ дома. Всѣ были приведены въ умиленіе картиною этого прелестнаго сада, который подъ цвѣтами хранитъ сѣмена будущей жизни. Въ нынѣшній разъ показывали

намъ домъ, въ которомъ ставятъ покойниковъ на нѣсколько дней, для предупрежденія погребенія мнимо умершихъ. Гробъ ставятъ на желѣзныя подставки, и къ рукамъ, къ ногамъ покойника, даже къ каждому пальцу его, посредствомъ наперстковъ, проводятъ шнуры отъ колокольчиковъ, которые производятъ звонъ при самомъ малѣйшемъ движеніи. Въ другой комнатѣ сидитъ день и ночь сторожъ. Для удостовѣренія въ его бдительности, висятъ часы особаго устройства: они останавливаются, когда онъ не станетъ заводить ихъ ежечасно. Въ третьей комнатѣ находятся всѣ орудія и пособія для возвращенія жизни мнимо умершему. Доселѣ не случалось еще въ нихъ надобности, но осторожность и бдительность не ослабѣваютъ. — Разумѣется, что въ этотъ домъ приносятъ тѣла покойниковъ только изъ такихъ семействъ, которыя, по недостаточности своей и по тѣснотѣ жилищъ, не могутъ держать ихъ долгое время въ домѣ. — По этому преддверію смерти и тлѣнія водила насъ молодая, прекрасная дѣвушка, дочь смотрителя.

Накапунѣ отъѣзда нашего посѣтили мы театръ. Знаменитая пѣвица Гассельтъ-Бартъ играла Норму. Наслажденіе было полное: и игра, и пѣніе ея насъ совершенно удовлетворили. Въ движеніяхъ своихъ она не принуждена и не *манерна*, какъ большая часть актрисъ нѣмецкихъ, но очень хорошо драпируется и принимаетъ аттитюды живописныя. Сабинѣ Гейнефеттеръ уступаетъ она силою чувства и выраженія. — Театръ Франкфуртскій подновленъ, и теперь очень красивъ. Оркестръ его хорошъ, какъ всегда, но слишкомъ громокъ по пространству залы.

Въ пятницу, $^{11}/_{23}$ Іюня, въ шесть часовъ утра, выѣхали мы изъ Франкфурта прежнимъ путемъ, и въ восемь

часовъ пустились изъ Майнца въ Мангеймъ, на пароходѣ Stadt Mainz. Это путешествіе было самое прозаическое. Здѣсь Рейнъ становится плоскимъ и неживописнымъ, и любопытенъ только для винопродавца классическими мѣстами Nierstein, Laubenheim, Rüdesheim, und viele, viele Heim, гдѣ производится рейнскій нектаръ. Пароходъ былъ наполненъ странствующими Англичанами и Англичанками, какъ видно, впервые выбравшимися изъ британскаго дыма на свѣтъ Божій. Выпучивъ глаза, разинувъ ротъ, они отыскиваютъ на берегу мѣста, которыя означены у нихъ на картахъ, и безмысленно глазѣютъ на самыя ничтожныя деревушки. Англичане образованные, *объѣздившіеся* по бѣлому свѣту, обходительны и пріятны въ пути, а ничтожные ихъ земляки, едва ступившіе на твердую землю, и смѣшны и несносны.

Въ третьемъ часу прибыли мы въ Мангеймъ, дождались отправленія поѣзда по желѣзной дорогѣ, и около пяти часовъ пріѣхали въ Гейдельбергъ, гдѣ намѣрены, до времени, основать свою главную квартиру. Остановившись въ гостинницѣ Prinz Carl, мы отправились искать квартиры, и вскорѣ нашли пріятный, свѣтлый домикъ, близъ Воротъ Карловыхъ (Carlsthor), на берегу Неккара, посреди цвѣтущихъ акацій и розъ, подлѣ самой горы, поднимающейся вверхъ уступами, до развалинъ старикнаго замка. Мы наняли этотъ домикъ, и здѣсь, среди благоуханій деревъ и цвѣтовъ, подъ безпрерывнымъ шумомъ журчащаго по камнямъ Неккара, написалъ я эти страницы.

у Аосты, занимая бригадою Принца Рогана Симплонъ, а бригадою Штрауха Сенъ-Готаръ и верхній Валисъ; бригада Бея, въ числѣ 4300 человѣкъ, принадлежавшая къ корпусу Іелахича, у Чортова моста и Альторфа; остальныя силы Іелахича, 9500 человѣкъ, отъ Брунена на Люцернскомъ озерѣ, чрезъ Заттель, до Рихтенсвиля на Цюрихскомъ озерѣ; главныя силы Эрцгерцога, 47 тыс. за Лимматомъ и Ааромъ, между Цюрихомъ и Деттингеномъ (для сообщенія этихъ войскъ съ отрядомъ Іелахича, австрійцы имѣли флотилію на Цюрихскомъ озерѣ); 5 тыс. войскъ находилось во Фриктalѣ, для наблюденія со стороны средняго Рейна; 1500 челов. занимали Граубинденъ; и того — число австрійскихъ войскъ, находившихся въ Швейцаріи, за исключеніемъ большей части корпуса Гаддика, которая не принимала участія въ дѣйствіяхъ противъ Массены, простиралось вообще около 70 тыс. Со стороны же Французовъ: дивизія Ксентраля (впослѣдствіи Тюро) въ числѣ 8-ми тыс. дѣйствовала въ Валисской области, совершенно отдѣльно отъ прочихъ войскъ; Лекурбъ съ 8500 челов. занималъ пространство отъ долины Гасли (Haslithal) до Станца на Люцернскомъ озерѣ; часть его войскъ расположена была впереди отъ Герсау до Арта на Цугскомъ озерѣ; дивизія Шабрана, 6500 чел. у Эгери и Цуга; дивизіи Сульта и Лоржа, всего 14,500 челов. на Альбисѣ, у Бирменсдорфа, Урдорфа и Детикона; Тарро съ 6-ю тыс. у Брюка; Клейнъ съ 5-ю тыс. въ резервѣ у Меллингена; Ней съ 5-ю тыс. во Фриктalѣ; Сугамъ съ 11-ю тыс. въ укрѣпленномъ лагерѣ при Базелѣ; Моншуази съ 8-ю

я давно знакомъ, но ихъ не зналъ лично. Онѣ ѣхали изъ Италіи обратно въ Россію. Мы разговорились о *томъ, о семъ, а больше не о чемъ*. Время бесѣды съ умною, образованною и любезною соотечественницею пролетѣло мигомъ. Машина умолкла. Пароходъ остановился. Мы въ Майнцѣ. Простившись съ пріятными собесѣдницами (онѣ ѣхали далѣе, въ Висбаденъ), я пустился на желѣзную дорогу, и въ исходѣ двѣнадцатаго часа былъ въ гостиницѣ Бѣлаго Лебедя. Подумаешь, какая перемѣна въ скорости сообщенія! За двадцать за шесть лѣтъ предъ симъ, ѣздили въ Эмсъ изъ Франкфурта въ тридцать шесть часовъ, теперь въ шесть! И еще какую жизнь, какое движеніе, какую дѣятельность придаютъ эти средства быстраго сообщенія всей здѣшней сторонѣ! Торговля, промышленость, денежные обороты, образованіе, все возрастаетъ въ неимовѣрной прогрессіи.—Кончивъ всѣ дѣла свои часа въ два времени, отправился я, *для* скуки, въ театръ. Играли Пуританъ. Актеры пѣли довольно порядочно, но дамы были весьма ординарныя, особенно увѣсистая Fräulein Hoffmann. Оркестръ исполнилъ дѣло свое очень хорошо. Въ этотъ вечеръ замѣтилъ я въ здѣшнемъ театрѣ особенность: на арфѣ играетъ въ оркестрѣ молодая женщина. Мнѣ кажется, это очень хорошо: вотъ истинная эманципація женщинъ — допущеніе ихъ къ участію и содѣйствію въ занятіяхъ, которыя имъ по силамъ. И сколько ремеслъ, сколько упражненій, на которыя нынѣ употребляются мужчины, могли бы быть исполняемы женскимъ поломъ, особенно въ сторонахъ мало населенныхъ, какъ, напримѣръ, у насъ, въ Россіи. Во Франціи во всѣхъ мелочныхъ лавкахъ (épiceries) торгуютъ прикащицы.

На другой день, въ шесть часовъ, былъ я уже опять на желѣзной дорогѣ, въ восемь отправился на пароходѣ

der König, изъ Майна, въ полдень миновалъ Кобленцъ, въ три часа Кёльнъ, гдѣ пересѣлъ на другой пароходъ, Франкфуртъ, и въ половинѣ осьмаго вышелъ на берегъ въ Дюссельдорфѣ. Плаваніе, внизъ по Рейну, шло очень быстро. Дождь продолжался. Компанія была прескучная: нѣсколько деревянныхъ Англичанъ, съ полдюжины тяжелыхъ *нихтбештимтзагеровъ*, двѣ, три безобразныя фигуры, называемыя дамами. Ни *краснаго* лица, ни *умнаго* словца!

Въ Дюссельдорфѣ вышелъ я на берегъ, и остановился въ знакомой мнѣ гостинницѣ Бёкинга, въ надеждѣ, что черезъ часъ отправлюсь далѣе. Но я ошибся въ своемъ разсчетѣ. Я взялъ во Франкфуртѣ билетъ на пароходъ до самаго Нимвегена, полагая, что онъ годенъ для судовъ всѣхъ компаній, разъѣзжающихъ по Рейну. Оказалось, что онъ имѣетъ силу только на пароходахъ Компаній Кёльнской и Нидерландской, а Дюссельдорфская его не принимаетъ. Съ крайнею досадою видѣлъ я, какъ Дюссельдорфскій пароходъ готовился къ отъѣзду, а я не могу ѣхать ранѣе десяти часовъ слѣдующаго утра. Досада моя еще возрасла, когда я узналъ, что за два часа до прибытія моего въ Дюссельдорфъ, почтенный и любезный Цшокке выѣхалъ оттуда въ Нимвегенъ. Вотъ былъ бы прекрасный товарищъ въ пути! Со скуки пошелъ я гулять по городу и окрестнымъ гульбищамъ, которыя прелестны и въ ненастную погоду; выспался въ мягкой постелѣ; поутру пошатался еще около часу по городу, и въ десять часовъ явился на пристани, куда проводилъ меня самъ хозяинъ, человѣкъ предобрый и преуслужливый. Пароходъ опоздалъ получасомъ — знакъ неисправности и худое предвѣщаніе для пассажировъ! Точно, этотъ пароходъ, безъименный, былъ самый тѣсный, грязный и неуклюжій изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною на Рей-

нѣ. Странное дѣло: Голландцы знаменитые мореходы, педанты на чистоту, а рейнскіе пароходы ихъ и неповоротливы и нечисты. Впрочемъ, и морскіе ихъ пароходы хуже другихъ: это испыталъ я за два года предъ симъ. Пароходы Кёльнскаго Общества самые просторные, опрятные, проворные. На этотъ разъ непріятности парохода забыты были въ пріятномъ обществѣ: съ нами ѣхали молодой французскій инженеръ Малербъ (потомокъ поэта), меръ, или бургомистръ одного городка Прирейнской Пруссіи, Г. Мерикенсъ, и еще нѣсколько человѣкъ обходительныхъ и образованныхъ. Англичанъ — ни одного. Нынѣшнее положеніе здѣшней стороны было главнымъ предметомъ разговора. Жатва прошлаго года была здѣсь не самая обильная, но казалась достаточною. Теперь же возникла на берегахъ Рейна неслыханная дороговизна, простирающаяся и на другія страны Германіи. Поспѣшаютъ закупать хлѣбъ въ Нидерландахъ. Правительство пустило въ продажу свои запасы; между тѣмъ, опасенія не миновались. Холодная и дождливая погода нынѣшняго лѣта заставляетъ страшиться неурожая. Но всего вреднѣе и опаснѣе перекупщики, производящіе дороговизну искусственную. — Другой предметъ бесѣды составляли дѣйствія засѣдающаго въ Дюссельдорфѣ Рейнскаго Сейма. Прусское Правительство, желая уравнять права всѣхъ своихъ подданныхъ, составило проектъ общаго Уголовнаго Уложенія для всей Монархіи, и предложило его на разсмотрѣніе провинціяльныхъ сеймовъ. Въ собственной Пруссіи, Бранденбургѣ, Помераніи, Силезіи, и проч., это уложеніе принято съ удовольствіемъ и благодарностью, потому что въ немъ исправлены многіе недостатки прежняго, но въ Рейнской Провинціи, гдѣ имѣетъ силу Уложеніе Французское (Code Napoléon), встрѣтило оно противорѣчія и оппозицію. Особенно непріятно было бы здѣсь

введенie тѣлесныхъ наказанiй, не существующихъ во Французскомъ Уложенiи. Между тѣмъ, многiе юристы защищали эти наказанiя, и кажется, не безъ основанiя. Я увѣренъ, что въ Парижѣ было бы гораздо менѣе шалостей, неустройствъ и даже возстанiй противъ законной власти, если бъ шалуны и буяны опасались розогъ. Тюремное заключенiе ихъ не устрашаетъ. Въ Прирейнской Провинцiи замѣчено, что бездомные бродяги осенью умышленно воруютъ и стараются попасться въ полицiю, чтобъ ихъ всю зиму кормили въ теплой тюрьмѣ. Но такова сила сороколѣтней привычки: члены Сейма отринули проектъ. Это было въ ихъ правѣ, и они поступили по своему разумѣнiю и совѣсти. Но вотъ что не хорошо. Одинъ адвокатъ въ Кёльнѣ, извѣстный горланъ и фрондёръ, собралъ нѣсколько сотъ человѣкъ подобныхъ себѣ крикуновъ: они наняли два парохода, иллюминовали ихъ, и съ музыкою отправились въ Дюссельдорфъ. Тамъ явились они процессiею, съ факелами, къ предводителю Сейма (Landtagsmarschall), и громогласно, рѣчами и пѣнiемъ, выразили признательность членамъ Сейма за ихъ рѣшенiе. Предводитель пришелъ въ большое затрудненiе, и отвѣчалъ имъ кое-какъ. Съ такимъ же торжествомъ отправились они въ обратный путь. Всѣ благомыслящiе и спокойные люди порицаютъ эту гласную хвалу оппозицiоннымъ дѣйствiямъ Сейма, и огорчаются, что такими поступками люди неразумные и буйные возмущаютъ умы своихъ сограждань, раздражаютъ Правительство, которое во всѣхъ своихъ дѣйствiяхъ имѣетъ въ виду счастiе и благосостоянiе подданныхъ. Неблагодарно и неблагоразумно. Если Правительство, послѣ этого, закроетъ Сеймъ, и собственною своею властью введетъ новое уложенiе, никто не будетъ въ правѣ на него жаловаться. Tu l'as voulu, Georges Dandin!

Часу во второмъ миновали мы крѣпость Везель, изъ которой нѣкогда бѣжалъ нашъ поэтъ-рекрутъ Ломоносовъ. Въ этой крѣпости разстрѣляны были въ 1809 году, по приказанію Наполеона, прусскіе офицеры, участвовавшіе въ экспедиціи Шилля, и взятые въ плѣнъ въ Стральзундѣ. Въ послѣдствіи, Прусское Правительство соорудило имъ здѣсь памятникъ. Вотъ Эммерихъ, прусская таможня, конецъ Германіи, и начало Голландіи. Вскорѣ остановились мы у перваго нидерландскаго городка Лобита. На пароходъ явились голландскіе таможенные чиновники, запломбировали трюмъ, наполненный товарами, а у пассажировъ спросили только, нѣтъ ли у нихъ чего подлежащаго пошлинѣ, вскрыли чемоданы и сундуки, посмотрѣли въ нихъ сверху, и отпустили снисходительно, учтиво, скоро. Въ шесть часовъ двинулись мы далѣе. Недалеко отсюда, при Паннерденѣ, Рейнъ дѣлится на два рукава: лѣвый принимаетъ наименованіе Ваала, и удерживаетъ его до соединенія своего съ Маасомъ. Правый, на небольшомъ пространствѣ, называется Паннерденскимъ Каналомъ, а потомъ Нижнимъ Рейномъ. При Вестероодѣ онъ опять дѣлится на два рукава: лѣвый удерживаетъ имя Рейна, а правый, подъ названіемъ Эйселя (Yssel), течетъ къ сѣверу, и при Кампенѣ впадаетъ въ Зюйдерзее. Нижній Рейнъ протекаетъ мимо Арнгейма, и при Дюрстедѣ вновь дѣлится: правый рукавъ его, удерживая наименованіе Рейна, течетъ, чрезъ Утрехтъ, Лейденъ и Катвейкъ, въ Сѣверное Море, а лѣвый, подъ названіемъ Лека, при Роттердамѣ соединяется съ Маасомъ. Огромная, плодоносная дельта, образуемая сими рукавами, называлась *Бетюве*, отчего произошло названіе Батавіи. Земля, раздѣляющая при Паннерденѣ Ваалъ и Нижній Рейнъ, вдается между ними узкою, остроконечною косою. На этой косѣ лежало нѣкогда сильное укрѣ-

пленіе, Шенковъ Шанецъ (Schenkenschanze), построенное въ 1586 году знаменитымъ въ свое время голландскимъ воителемъ, Мартиномъ Шенкъ-фонъ-Нейдекъ. Въ 1635 году этотъ шанецъ былъ взятъ Испанцами, въ слѣдующемъ году обратно завоеванъ Голландцами, въ 1672 занятъ Тюренnемъ. Въ 1794 г. 6-го Ноября, Французы взяли его приступомъ. Шенковъ Шанецъ считался ключемъ Нидерландовъ, но отъ обмеленія косы лишился своей важности. Теперь едва видны остатки валовъ его. Подлѣ этого самаго мѣста Лудовикъ XIV, въ 1672 году, переправился съ своею арміею чрезъ Рейнъ, для завоеванія Голландіи. При семъ случаѣ раненъ былъ Принцъ Конде.

Часа черезъ полтора, показался, на лѣвомъ берегу Ваала, первый голландскій городъ, Нимвегенъ (Nijmegen). Прекрасные, чистые, свѣтлые домы тянутся по берегу. Слѣва видна старинная башня, и подъ нею густая роща. Видъ пріятный и усладительный, какого мы не имѣли съ самаго отплытія изъ Дюссельдорфа!

Услужливость добрыхъ моихъ спутниковъ, особенно Г. Мерикенса, не прекращалась и по выходѣ на берегъ. Зная мѣстность и языкъ, они тотчасъ нашлись въ Нимвегенѣ: я отправился съ ними въ гостиницу Голтермана, изъ которой отходятъ дилижансы, и мы заняли мѣста въ передней части (coupé) кареты, отправляющейся на другой день прямо въ Амстердамъ. Расположившись въ своей комнаткѣ, чистой и уютной, я пошелъ съ новыми моими пріятелями бродить по городу, и впервые насладился любопытнымъ зрѣлищемъ нидерландскаго быта и жизни. Сегодня суббота. Вездѣ и все чистятъ, скребутъ, моютъ. Служанки вытираютъ двери, пороги, помосты; выносятъ ручныя пожарныя трубы, и опрыскиваютъ, посредствомъ ихъ, небольшіе домы, съ

верху до низу. Домы не широкіе, въ четыре, въ три, иногда и въ два окна; вышиною яруса въ три. Всѣ они кирпичные: нѣкоторые оштукатурены и выбѣлены; другіе остались нештукатуренными; многіе выкрашены подъ кирпичъ. Улицы кривыя, узкія, но хорошо вымощенныя. Лавокъ и магазиновъ много. Мужчины тихіе, вялые, медленные, но учтивые. Женщины прекрасныя. Не всѣ красавицы, но всѣ миловидны, ласковы, одѣты чисто и изящно. На служанкахъ чепчики съ брыжами, которыя сходятся подъ бородкою и окружаютъ все лицо. Дѣтей на улицахъ тма: суббота, классовъ нѣтъ до понедѣльника; они рѣзвятся на улицахъ, борются, кричатъ; нѣкоторые разъѣзжаютъ въ колясочкахъ, везомыхъ козлами или собаками. Мы вышли за городъ, и видѣли укрѣпленія съ сухаго пути. Валы и рвы заростаютъ сравою. Солдаты, ребята молодые, одѣты чисто, но худо выправлены и неповоротливы.

Утро другаго дня употребилъ я на прогулку по городу съ Г. Мерикенсомъ. Мы пошли сначала въ восточную его часть, гдѣ лежатъ любопытныя развалины древнихъ зданій. Нимвегенъ (Noviomagum) римская крѣпость, построенная, по преданію, Юліемъ Цесаремъ. Въ Средніе Вѣки живали въ немъ Римскіе Императоры, отчего въ гербѣ его красуется двуглавый орелъ. Въ 1585 году завладѣли имъ Испанцы. Упомянутый мною Шенкъ фонъ Нейдекъ замыслилъ было, въ 1589 г., взять городъ въ расплохъ, но не имѣлъ въ томъ успѣха: самъ онъ утонулъ въ Ваалѣ. Испанцы вытащили его тѣло изъ воды, разсѣкли на четыре части, и повѣсили на четырехъ городскихъ воротахъ. По освобожденіи Нимвегена, остатки несчастнаго были собраны, и погребены въ Соборной Церкви. Важнѣйшія здѣшнія развалины суть остатки стариннаго замка Фалькенгофа, въ которомъ живалъ

Карлъ Великій. Этотъ замокъ разрушенъ французскими пушками въ 1796 году. На одной старинной башнѣ возвышается бельведеръ, съ котораго представляется, въ ясную погоду, обширная панорама до Клеве и Арнгейма. Мы не могли ею насладиться: погода стола туманная и дождливая. Видны были только барки и лодки, плававшія по Ваалу въ разныхъ направленіяхъ. Паруса нѣкоторыхъ были темнокрасные, бурые. Я полагалъ, что этотъ цвѣтъ приданъ имъ случайно, по прихоти; но въ послѣдствіи узналъ, что это происходитъ по необходимости. Голландцы варятъ ветхіе паруса въ дубильной водѣ, которая сообщаетъ имъ крѣпость и бурый цвѣтъ. — Отъ развалинъ пошли мы въ ратушу. Зданіе старинное, но хорошо сохранившееся и искусно подновленное. Въ нишахъ наружной стѣны стоятъ статуи благоволившихъ городу императоровъ и королей. Внутри все свѣтло и опрятно. Въ большой залѣ засѣдали нѣкогда уголовныя судилища; надъ мѣстомъ президента надпись: Audi et alteram partem. (Выслушай и другую сторону). Теперь эта зала служитъ сѣнями. На стѣнѣ ея виситъ картина, извѣстная подъ названіемъ нимвегенской загадки. На ней, старинною живописью, изображена женщина, сидящая на травѣ. Сѣдой старикъ прилегъ къ ней головою на колѣни. Подлѣ нея стоятъ попарно четверо взрослыхъ юношей и два отрока. Эти лица представляютъ запутанное родство: вдова, имѣвшая дочерей, вышла замужъ за вдовца, у котораго были два сына. Сведенныя дѣти переженились между собою, а по смерти матери отецъ женился на дочери своей падчерицы. Отъ этого вышла престранная кутерьма: отецъ сдѣлался племянникомъ своихъ сыновей; дѣти его отъ третьяго брака дядями старшихъ братьевъ, и т. п. Всю эту исторію разсказывалъ намъ безтол-

ковый сторожъ. Г. Мерикенсъ переводилъ слова его на нѣмецкій языкъ, и я не могъ въ точности понять существа дѣла. Эта картина достойна замѣчанія только тѣмъ, что показываетъ особенную въ своемъ родѣ замысловатость Среднихъ Вѣковъ. — Въ большой залѣ ратуши былъ заключенъ, въ 1678 году, знаменитый Нимвегенскій Миръ между Лудовикомъ XIV, Испанскимъ Королемъ Карломъ II и Республикою Соединенныхъ Нидерландовъ. Портреты министровъ, въ испанскомъ костюмѣ и большихъ парикахъ, висятъ по стѣнамъ. Въ корридорѣ вдѣланы въ стѣну мраморныя доски съ древними римскими надписями, найденныя въ той сторонѣ. Тамъ же показываютъ мечъ, которымъ обезглавлены были, въ 1568 г. въ Брюсселѣ, Графы Эгмонтъ и Горнъ, и цѣпи, на которыхъ Испанцы развѣсили тѣло несчастнаго Шенка фонъ-Нейдека. Но врядъ ли этотъ мечъ служилъ орудіемъ казни: онъ такъ легокъ и тонокъ, что имъ, кажется, и курицѣ головы не отрубишь. Впрочемъ, главное въ такомъ дѣлѣ — историческое воспоминаніе о злодѣяніи враговъ. Отцы старинной республики старались хранить и возобновлять въ памяти людей исторію своихъ минувшихъ страданій такими живыми монументами. Въ комнатахъ нижняго яруса засѣдаютъ судъ исправительной полиціи и городовой совѣтъ. Стѣны покрыты изящными гобеленовыми обоями, подаренными городу Лудовикомъ XIV по заключеніи мира. Кресла и стулья судей и членовъ совѣта точеныя, изъ краснаго дерева, съ подушками, крытыми волосяною матеріею. Столы накрыты тонкимъ зеленымъ сукномъ. Занавѣски оконъ, ковры на полу, живопись на потолкахъ — все чисто, порядочно, благородно. Пріятно видѣть благоустройство, опрятность и изящество въ помѣщеніяхъ присутственныхъ мѣстъ. Неопрятность и

безпорядокъ судейскихъ, изломанные стулья, столы накрытые толстымъ сукномъ, испятнаннымъ чернилами, вмѣсто чернилицъ помадныя банки, вмѣсто подсвѣчниковъ пивныя бутылки — унижаютъ присутствующихъ въ глазахъ посѣтителей. Но не одна наружная чистота возсѣдитъ въ судилищахъ нидерландскихъ: добросовѣстность, безкорыстіе и правосудіе нашли здѣсь себѣ пріютъ и святыню. — Главная церковь, Св. Стефана, построена съ 1272 года, въ готическомъ стилѣ. Я не входилъ въ ея внутренность. Голландскія протестантскія церкви лишены внутреннихъ украшеній: въ нихъ нѣтъ ни картинъ, ни статуй; уцѣлѣли кое-гдѣ надгробные памятники и расписанныя стекла.— На улицахъ было движеніе, но не вчерашнее, не торговое, не промышленное: мужчины и женщины, старые и малые, тихо и чинно шли въ церковь. Тутъ удалось мнѣ видѣть нѣсколько красавицъ нимвегенскихъ изъ высшихъ сословій. Красота ихъ возвышается опрятностью, скромностью и учтивостью. Въ остальное время ихъ не видать. Всѣ окна, кромѣ магазинныхъ, завѣшены непроницаемыми гардинами; изрѣдка, ошибкою, промелькнетъ въ нихъ херувимское личико. Домъ Голландца есть неприступная крѣпость, въ которую имѣютъ входъ только близкіе родственники и короткіе друзья. Эти затворническія хоромы походятъ на укромные харемы ревниваго Востока. Тамъ всегда тихо, чинно, благоправно, — но, какъ я думаю, должно быть до крайности единообразно и убійственно скучно.

Въ десять часовъ утра, 20-го числа, отправились мы въ дорогу. Она шла по узкой, высокой насыпи. Я, признаюсь, очень побаивался: за два дня предъ симъ опрокинулся дилижансъ съ такой насыпи между Арнгеймомъ и Утрехтомъ. Но насъ перенесъ Богъ благополуч-

по. Эти насыпи суть оплоты противъ напоровъ Океана. Ими окружаются высушенныя поля (полдеры), и предохраняются отъ наводненій. Здѣшніе полдеры покрыты вишневыми деревьями. Нимвегенскія вишни извѣстны во всей Голландіи. Спустившись съ насыпи, поѣхали мы по шоссе особеннаго устройства. Оно вымощено небольшими кирпичами (клинкерами), поставленными ребромъ. Такое шоссе находишь на дорогахъ всей Голландіи, да и въ городахъ имъ вымощены многія улицы и тротуары. По прочности своего основанія, такая мостовая довольно гладка и удобна для экипажей. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нимвегена стали показываться по обѣимъ сторонамъ дороги прекрасные и великолѣпные загородные домы и дачи (buitenplaatsen, или buiten) голландскихъ богачей, посреди рощицъ и садовъ, разведенныхъ старательно, и содержимыхъ въ величайшемъ порядкѣ. Передъ окнами красуются цвѣтники, богатые прекраснѣйшими дарами Флоры. Здѣсь не всѣ окна были закрыты ревнивыми гардинамя, и мы видѣли цѣлыя семейства, въ павиліонахъ, за обѣдомъ и за чаемъ. Хозяинъ, хозяйка, миловидныя дѣти сидятъ вокругъ стола, и въ тишинѣ и безмолвіи насыщаются благами земными; вездѣ и всѣ на одинъ ладъ, по одной и той же формѣ.— Сады не окружены высокими стѣнами, какъ въ Англіи, а обыкновенно отдѣляются отъ дороги палисадникомъ или чугунною рѣшеткою. Надъ воротами и дверьми этихъ дачъ начертаны надписи, свидѣтельствующія о довольствѣ и благочинномъ житіи хозяевъ, напримѣръ: Welgelegen (въ хорошемъ положеніи), Landlust (сельское удовольствіе), Lust en rust (удовольствіе и спокойствіе), Wel tevreden (очень доволенъ), Mijn lust en leben (радость моя и жизнь), Vreugde bij vrede (радость въ мирѣ). —

На лугахъ пасутся прекрасныя коровы, могущія служить оригиналами Поттеру.

Вотъ и Утрехтъ. Этотъ городъ кажется мнѣ еще чище, миловиднѣе, пріятнѣе Нимвегена. Сегодня воскресенье, и всѣ жители города и селъ въ праздничной одеждѣ. Всѣ домики вымыты, вычищены, выглажены. Точно декораціи театральныя. Люди движутся, какъ на пружинахъ. Мы останавливались въ Утрехтѣ лишь на полчаса, чтобъ позавтракать, и я не могъ ничего въ немъ видѣть; только любовался прекрасною высокою башнею готической соборной церкви, построенной въ седьмомъ вѣкѣ. Съ этой башни представляется обширный видъ въ ясную погоду, но во время краткаго моего пребыванія въ Утрехтѣ шелъ дождь, и я не могъ бы насладиться картиною Голландіи, если бъ и имѣлъ досугъ. Подлѣ Утрехта разстался я съ почтеннымъ Г. Мерикенсомъ. Онъ вышелъ изъ дилижанса у одной великолѣпной дачи, принадлежащей его шурину. Хозяинъ дачи, увидѣвъ новопріѣзжаго, вышелъ къ нему навстрѣчу самымъ тихимъ, размѣреннымъ шагомъ, и подалъ ему руку такъ хладнокровно, какъ будто бы разстался съ нимъ за полчаса, а они не видались нѣсколько лѣтъ, и, по словамъ Г. М., живутъ въ искренней между собою дружбѣ. Все чисто, мило, порядочно, благообразно въ Голландіи, но, мнѣ кажется, я не могъ бы жить съ этими честными, почтенными и образованными людьми. Рыбья кровь — красная, но холодная! То ли дѣло, какъ у насъ Петръ Кузьмичъ встрѣтится съ Васильемъ Софронычемъ! Только что завидятъ карету, поднимается весь домъ. «Ѣдетъ! Ѣдетъ!» И всѣ бѣгутъ навстрѣчу. «Дядюшка! братецъ! сестрица! отецъ родной! Здоровъ ли! Какъ тебя Богъ милуетъ! Привелъ Богъ свидѣться!» И дворня высыплетъ на дворъ: «Кормилецъ нашъ!» И собаки залаютъ, и го-

луби встрепенутся, и пѣтухъ важно подниметъ голову. Василій Софронычъ пріѣхалъ!

Жаль мнѣ, что я не могъ пройтись по улицамъ этого прекраснаго города, не могъ посмотрѣть его достопамятностей. Утрехтъ принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ городовъ въ Нидерландахъ. Римляне называли это мѣсто Trajectum ad Rhenum, или Ultra trajectum (перевозъ чрезъ Рейнъ). Первая церковь у обитавшихъ здѣсь Фризоновъ построена была Королемъ Дагобертомъ. Здѣсь жилъ и Св. Бонифацій. Многіе Римскіе Императоры имѣли пребываніе въ Утрехтѣ. Карлъ V построилъ здѣсь замокъ, разрушенный въ послѣдствіи (1577) во время мятежа. Наставникъ его, Адріанъ Флорисонъ, бывшій потомъ папою подъ именемъ Адріана VI, одинъ изъ ученѣйшихъ мужей своего времени, былъ уроженецъ утрехтскій. Но всего достопамятнѣе заключенный въ 1579 г. семью провинціями (Голландіею, Зеландіею, Утрехтомъ, Гельдерномъ, Оверъ-Эйселемъ, Фрисландіею и Гроннингеномъ) Утрехтскій Союзъ, по которому званіе штатгалтера отдано было Вильгельму I, и основана независимость Нидерландовъ. Еще знаменитъ Утрехтъ миромъ, который заключенъ былъ въ немъ 29-го Января 1713 г.: этимъ миромъ прекращена была Война за Испанское Наслѣдство. — Нынѣ въ Утрехтѣ 44,000 жителей. Университетъ его, основанный въ 1636 г., имѣетъ до трехъ сотъ студентовъ, большею частію изъ дворянскихъ фамилій. Здѣсь много разныхъ фабрикъ, суконныхъ, бархатныхъ, плисовыхъ (velours d'Utrecht), оружейныхъ.— Еще достойна замѣчанія такъ называемая Утрехтская Церковь, или секта янсенистовъ, отдѣлившаяся отъ Римской Церкви. Утрехтскіе католики признаютъ владычество папы, но не соглашаются съ буллою Unigenitus, которою (1713) предано было проклятію

ученіе Иперискаго Епископа Янсена. Число янсенистовъ въ Голландіи простирается до пяти тысячъ, и примѣтно уменьшается. Было время, что споры янсенистовъ обращали на себя вниманіе всей Европы. — Неподалеку отъ Утрехта находится Зейстъ (Zeist), колонія гернгутовъ, отличающихся прилежаніемъ своимъ и храненіемъ старинныхъ обычаевъ.— Въ бесѣдѣ объ этихъ и другихъ предметахъ, прошло время до вечера. Отъ Утрехта до Амстердама встрѣчается еще болѣе прежняго загородныхъ домовъ. Мы выглядывали изъ дилижанса то въ ту, то въ другую сторону, и любовались этими картинами довольства и домашняго счастія.—Дилижансы голландскіе довольно хороши. Лошади въ нихъ бодрыя и статныя; станціи короткія. Лошадей перепрягаютъ въ порядкѣ, тишинѣ и безмолвіи. Странно, что здѣсь (и въ Германіи) поятъ лошадей лишь только пріѣдутъ на мѣсто, и не даютъ имъ простыть или отдохнуть. Ихъ кормятъ притомъ ржанымъ хлѣбомъ, нарочно для нихъ пекомымъ.

Часовъ въ восемь вечера въѣхали мы въ Амстердамъ, и остановились, по рекомендаціи многихъ бывалыхъ людей, въ гостиницѣ des Pays Bas, въ Doelenstraat. Она помѣщается въ большомъ, великолѣпномъ домѣ. Хозяинъ ея, Г. Гимонъ (Guimond), родомъ Нѣмецъ, вышелъ къ намъ навстрѣчу, и принялъ насъ учтиво и привѣтливо. Онъ человѣкъ благовоспитанный, обходительный, услужливый, и я съ удовольствіемъ рекомендую его всѣмъ путешественникамъ. Домъ его устроенъ на самой лучшей ногѣ. «Не угодно ли вамъ чаю?», спросилъ у меня слуга, когда я вошелъ въ комнату, мнѣ отведенную. «Ничего! ничего!» отвѣчалъ я: «дайте выспаться, дайте выпрямить члены, которые въ дилижансѣ нѣсколько часовъ согнуты бы-

ли въ три погибели!» Я раздѣлся поспѣшно, и бросился въ постель. Крѣпкій сонъ, изрѣдка прерываемый мечтаніями о видѣнномъ мною, смежилъ мои вѣжди, и я всталъ на другое утро обновленный силами и духомъ. «Подайте мнѣ хорошаго лонлакея!»—Вотъ, сударь, самый исправный; говоритъ по-французски и по-нѣмецки.— «Какъ тебя зовутъ?» — Шпигельбергъ. — Это имя одного изъ разбойниковъ Шиллера. «Ну, соловей-разбойникъ: *веди куда нибудь!*»

V.

Амстердамъ, 21-го Іюня.

Я вышелъ со двора въ осьмомъ часу утра. Погода была тихая и ясная. Развернувъ планъ города, я спрашивалъ объясненія у Шпигельберга, и вскорѣ ознакомился съ главными его очерками. Амстердамъ имѣетъ видъ полумѣсяца, и прилегаетъ къ заливу Эй сѣверною своею частью. Рѣка Амстель, протекая среди города, раздѣляетъ его на двѣ части, Старую Сторону (Oude zyde) и Новую Сторону (Nieuve zyde). Рѣка сія удерживается въ теченіи своемъ нѣсколькими шлюзами, и каждый отдѣлъ ея носитъ особое имя, Рокинъ, Дамракъ. Сверхъ того пересѣкается Амстердамъ множествомъ другихъ каналовъ, и состоитъ изъ девяноста острововъ, большихъ и малыхъ, соединяемыхъ между собою двумя стами восьмидесятью мостами, каменными и деревянными: всѣ они подъемные. Главный каналъ идетъ дугою вокругъ города: онъ былъ нѣкогда рвомъ амстердамскихъ укрѣпленій. Въ самомъ городѣ, въ равномъ между собою разстояніи, идутъ, паралельно съ обводнымъ,

еще четыре канала. Набережныя этихъ каналовъ (Grachten), Княжеская (Prinsen-Gracht), Императорская (Keisers-Gracht), Господская (Herren Gracht) и Сингель, состоятъ изъ высокихъ домовъ, въ своемъ родѣ великолѣпныхъ, и усажены высокими тѣнистыми липами. Улицы эти сплошь вымощены булыжникомъ и кирпичемъ; удивительно, какъ укоренились и растутъ деревья въ землѣ, не орошаемой дождемъ; вѣроятно, корни ихъ питаются сыростью близкихъ каналовъ. Домы на грахтахъ принадлежатъ амстердамсткой аристократіи: въ нихъ нѣтъ лавокъ, магазиновъ, мастерскихъ; не видать ни одной вывѣски. Все спокойно, тихо, даже мертво, особенно въ нынѣшнее время, когда большая часть достаточныхъ граждапъ наслаждаются дурною погодою на дачахъ. За то улицы, которыми пересѣкаются грахты, и находящіяся въ срединѣ города, наполнены мастерскими, магазинами, кофейными домами, гостинницами. Важнѣйшая изъ этихъ улицъ Kalver-Straat (Телячья) болѣе прочихъ отличается торговымъ и промышленнымъ движеніемъ: это парижская rue Vivienne, лондонская Regents-Street. Далѣе къ сѣверу лежатъ помѣщенія и принадлежности морскаго порта: пакгаузы, кладовыя и, наконецъ, на самомъ берегу залива Эй, огромные и великолѣпные доки. — И весь этотъ городъ, двадцать семь тысячъ домовъ, тридцать девять церквей и шесть арсеналовъ, построенъ на сваяхъ: Эрасмъ Роттердамскій говаривалъ, что знаетъ городъ, въ которомъ люди живутъ, какъ вороны, на верхушкахъ деревъ. Въ Амстердамѣ видишь, почему Петръ Великій рѣшился воздвигнуть свою столицу на отмели Балтики: онъ имѣлъ предъ собой живой примѣръ возможности этого построенія. Только грунтъ Петербурга несравненно крѣпче: здѣшній состоитъ изъ илу и песку. Въ 1822 году погрязъ въ

болотѣ огромный хлѣбный магазинъ Остъ-Индской Компаніи: основаніе его не могло снести тяжести семидесяти тысячъ центнеровъ; сваи раздались, и все зданіе мало по малу погрузилось въ рыхлую землю. Теперь не видать слѣдовъ его. Лѣтъ за пятьдесятъ предъ симъ, неожиданное бѣдствіе угрожало Амтердаму. Изъ Остъ-Индіи завезены были мелкіе черви, и развелись въ каналахъ и въ сырой землѣ. Они источили насквозь многія сваи; я видѣлъ куски этихъ свай: онѣ продолблены, какъ воскъ въ ульяхъ. По истеченіи нѣкотораго времени, эти черви пропали сами собою: вѣроятно, они не могли снести холоднаго климата.

Начало Амстердама, какъ и бо́льшей части городовъ Европы, было бѣдное и незначительное. Въ концѣ XII вѣка, изъ нѣсколькихъ рыбачьихъ хижинъ, на устьѣ Амстеля, составился городокъ съ за́мкомъ. Въ 1204 году былъ онъ разоренъ морскими разбойниками. Потомъ возникъ снова, нѣсколько разъ подвергался пожарамъ и разореніямъ, и опять поправлялся. Величіе Амстердама начинается съ 1578 года: въ то время многіе богатые антверпенскіе купцы и искусные фабриканты, притѣсняемые за вѣру свою Испанцами, переселились сюда, и городъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался вдвое пространнѣе и значительнѣе. Послѣдовавшее затѣмъ мирное время, учрежденіе Остъ-Индской Компаніи, распространеніе торговли, вознесли Амстердамъ въ нѣсколько лѣтъ на степень первыхъ торговыхъ городовъ Европы. Сказываютъ, Фенелонъ имѣлъ въ виду Амстердамъ, описывая, въ Телемакѣ, величіе и богатство Тира. Главнымъ источникомъ благоденствія Амстердама было его судоходство: прибравъ въ руки транзитную торговлю всего свѣта, Голландцы сдѣлались превосходными моряками: они боролись съ бурями, непогодами и смертоноснымъ

климатомъ во всѣхъ частяхъ Земнаго Шара, и, въ случаѣ нужды, храбро сражались за отечество. Въ это время истиннаго величія и славы, посѣтилъ Голландію нашъ Петръ, и страстно полюбилъ сію страну, въ которой природа произвела только песокъ и соленую воду, а люди сдѣлали все; гдѣ самая почва завоевана была у океана, и обогащена странствіями и торговлею на водахъ отдаленныхъ. Въ XVIII вѣкѣ величіе Голландіи начало упадать. Англія возвысилась на счетъ всѣхъ прочихъ морскихъ державъ. Французская революція и послѣдовавшія за нею войны нанесли Голландіи смертельный ударъ. Въ 1808 году сдѣлалалась она королевствомъ, въ 1810 присоединена была къ Французской Имперіи, а въ 1814, съ присоединеніемъ Бельгіи, возведена на степень Нидерландскаго Королевства. Отторженіе Бельгіи (въ 1830 г.) не причинило собственной Голландіи большаго вреда. Амстердамъ раздѣлялъ судьбу своего отечества; возвышался и упадалъ, благоденствовалъ и страдалъ вмѣстѣ съ нимъ. Главное бѣдствіе Голландіи и препятствіе къ дальнѣйшему развитію силъ ея состоитъ въ огромности національнаго долга, возросшаго мало по малу отъ войнъ и внутреннихъ безпокойствъ. Проценты его поглощаютъ большую часть государственныхъ доходовъ, и требуютъ большихъ налоговъ: и домы, и кареты, и лошади, и собаки, и печи, и двери, и окна, все обложено здѣсь значительною податью. Между тѣмъ, Нидерландское Правительство сдѣлало, съ 1815 года, многое въ пользу Амстердама и всей Голландіи.

Воротимся въ Амстердамъ. Грахты, или набережныя, какъ я сказалъ, обстроены высокими домами. Они большею частью кирпичные, небѣленые, закопченные дымомъ; окна въ нихъ затворены; занавѣски и шторы опущены — точно тюрьмы. Растворяется дверь нижняго

этажа; выходитъ здоровая, краснощекая, миловидная служанка, и мететъ крыльцо. Раздается звукъ трещотки: это знакъ, что подъѣхалъ къ дому возъ, на которомъ отправляютъ за городъ нечистоту, накопившуюся наканунѣ. Амстердамъ построенъ среди воды; вода пробивается изъ земли; вода дождемъ очень часто ниспадаетъ на землю. И въ то же время, чего именно нѣтъ въ Амстердамѣ? Воды, годной до питья. Ее привозятъ изъ Утрехта въ большихъ плоскихъ лодкахъ (leggers), и продаютъ желающимъ. Сказываютъ, что зимою, когда прекращается плаваніе по каналамъ, хорошая вода становится рѣдкою и очень дорожаетъ. Оставивъ грахты, пошелъ я во внутренность города: тамъ движеніе обыкновенное, ходятъ, бѣгаютъ, толкаются, продаютъ, покупаютъ. Крестьянки разносятъ молоко въ мѣдныхъ котлахъ; небольшія тяжести возятъ по мостовой *на саняхъ*; впереди виситъ боченокъ, изъ котораго каплетъ вода, и способствуетъ тормазамъ гладить мостовую. Встарину и кареты разъѣзжали на полозьяхъ: теперь это вывелось изъ моды. Вообще каретъ и другихъ повозокъ мало: говорятъ, это происходитъ оттого, что почти всѣ богатые люди живутъ теперь за городомъ (*): это очень пріятно для пѣшеходовъ, особенно потому, что кучера здѣсь не предостерегаютъ прохожихъ: всякій сторонится, услышавъ стукъ экипажа. Наемныхъ каретъ я не замѣчалъ; видны только омнибусы желѣзной дороги. Въ небольшихъ телѣжкахъ разъѣзжаютъ или возятъ пожитки и товары на собакахъ, парою и тройкою; дѣти катаются въ колясочкахъ, везомыхъ коз-

---

(*) Встарину употребленіе каретъ было дозволено только знатнымъ особамъ. Полагали, что онѣ портятъ зыбкую мостовую города.

лами. Это мнѣ не понравилось: мальчики насильно запрягаютъ несчастныхъ козловъ, совсѣмъ не для того созданныхъ, бьютъ ихъ и мучатъ. Жестокое обращеніе съ животными портитъ дѣтское сердце: начнетъ козлами, а кончитъ неграми въ Суринамѣ. — Еще странны вывѣски надъ москотильными лавками: зѣвающая голова Араба или Турка; такая голова называется зѣвакою (Gaper). Мостовая изъ булыжника, довольно гладкая; дорожки для пѣшоходовъ вымощены кирпичемъ. Есть и тротуары изъ тесанаго и полированнаго гранита, но ходящей по улицамъ публикѣ они не служатъ. Хозяинъ каждаго дома (а домы здѣсь бываютъ не шире двухъ саженъ) отгораживаетъ свою долю тротуара отъ сосѣдняго желѣзною рѣшеткою; за то самъ его чиститъ, моетъ и полируетъ. Во всемъ порядокъ, довольство, опрятность, но въ то же время отдѣльность, недружелюбіе, эгоисмъ. Всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ, говорятъ Голландцы. — Говорятъ, что въ Китаѣ люди, по недостатку мѣстъ на сушѣ, живутъ на водѣ. Это видишь и въ Амстердамѣ: барки и лодки служатъ домами. Въ нихъ живутъ бѣдные люди, какъ на берегу, держатъ свиней, гусей, утокъ, наблюдаютъ чистоту въ своихъ каюткахъ, окружаютъ себя цвѣтами. — Въ Голландіи есть обычай, въ день имянинъ хозяина поднимать надъ домомъ флагъ: и на этихъ водяныхъ жилищахъ семейные праздники означаются поднятіемъ флага

Вообще Амстердамъ понравился мнѣ менѣе Нимвегена и Утрехта: онъ мрачнѣе, угрюмѣе; домы его покрыты копотью; есть и не очень чистыя мѣста, а что̀ всего въ немъ непріятнѣе, это вонь, поднимающаяся изъ каналовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нестерпимая. — Народъ здѣсь тихій, уступчивый и довольно учтивый. Курятъ почти всѣ: люди образованныхъ сословій сигарки, а

простолюдины табакъ изъ бѣлыхъ глиняныхъ трубокъ. Эти трубки изготовляются въ городкѣ Гоудѣ, но уже не въ такомъ огромномъ количествѣ, какъ встарину: сигарки входятъ въ общее употребленіе. Женщины здѣсь очень хороши собою: лица полныя, свѣжія, румяныя; глаза не столько выразительные, какъ пріятные: онѣ обходительны и привѣтливы, но мужья ихъ съ чужестранцами знакомятся не легко.

Осмотрѣвъ городъ вообще, началъ я разглядывать достопамятности его порознь. Важнѣйшее зданіе его есть старинная ратуша, нынѣ Королевскій Дворецъ. Зданіе сіе, простой, благородной архитектуры, не обремененное излишними украшеніями, построено въ 1648 — 1664 гг. Іоанномъ фанъ-Кампеномъ, на 13,659 сваяхъ, и стоило болѣе тридцати милліоновъ гульденовъ. Голландцы называли его осьмымъ чудомъ свѣта. Главный фасадъ, обращенный на площадь *Дамъ* (Dam), имѣетъ два яруса пиластровъ, въ нижнемъ смѣшаннаго, въ верхнемъ коринѳскаго ордена. На фронтонѣ мраморный барельефъ, изображающій городъ Амстердамъ въ видѣ женщины, увѣнчанной императорскою короною; она сидитъ на тронѣ, поддерживаемомъ двумя львами, и въ правой рукѣ держитъ оливковую вѣтвь. Наяды подаютъ ей лавровые вѣнки и плоды, а Тритоны трубятъ о величіи и славѣ города. На трехъ углахъ фронтона колоссальныя бронзовыя статуи Мира, Правосудія и Благоразумія. За фронтономъ поднимается башня, съ часами, подъ куполомъ. Съ этой стороны входятъ въ ратушу семью дверями, означающими семь соединенныхъ провинцій. Фасадъ противной стороны выстроенъ точно такъ же, но имѣетъ только одну дверь. На фронтонѣ изображена Коммерція, въ видѣ юной дѣвы, стоящей на земномъ глобусѣ. Эй и Амстель стоятъ подлѣ нея; жители четы-

рехъ частей свѣта приносятъ свои сокровища въ замѣнъ ея произведеній. Надъ фронтономъ Атласъ несетъ огромный шаръ. По сторонамъ его статуи Умѣренности и Бдительности.

Внутренность украшена италіянскимъ мраморомъ. Главная зала, бывшая зала совѣта, есть одна изъ огромнѣйшихъ въ Европѣ. По стѣнамъ ея идутъ прекраснѣйшія изванія изъ каррарскаго мрамора; надъ входомъ и насупротивъ его трофеи — знамена, взятыя у Испанцевъ и у индѣйскихъ народовъ. Таковы были палаты, въ которыхъ собирались старшины и правители богатѣйшей республики XVI и XVII вѣка! Въ 1808 году, по превращеніи Голландіи въ королевство, зданіе сіе сдѣлалось дворцемъ Лудовика Наполеона. И нынѣ пребываетъ въ немъ Королевская Фамилія, когда посѣщаетъ Амстердамъ. Для продолжительнаго жительства этотъ дворецъ неудобенъ: при немъ нѣтъ ни двора, ни службъ, ни конюшенъ. Съ башни его представляется взору огромная прекрасная панорама: вблизи кипящая народомъ площадь; далѣе Зейдерзее съ множествомъ вѣтрилъ, Гарлемское Море и необозримая зеленая равнина, покрытая рощицами и садами, пересѣкаемая полосами дорогъ, со множествомъ колоколенъ и несмѣтнымъ числомъ вѣтряныхъ мельницъ. Видны башни Гарлема и Утрехта, крыши Сандама. Старинныя картины, бывшія въ ратушѣ, перевезены въ музей. Изъ новыхъ картинъ отличаются въ немъ два прекрасныя произведенія: самоотверженіе лейденскаго бургомистра фанъ-деръ-Верфа, трудовъ славнаго антверпенскаго живописца Ваперса, и великодушный подвигъ фанъ-Спейка, изображенный фанъ-Экгоутомъ. Въ одной комнатѣ, на половинѣ Короля, стоитъ изящный мраморный бюстъ Ея Величества Королевы Нидерландской Анны Павловны, чтимой и люби-

мой всею Голландіею за христіанскія и царскія ея добродѣтели. Дщери нашего Императорскаго Дома составляютъ повсюду и счастіе семействъ своихъ, и благоденствіе подвластныхъ имъ народовъ. Веймаръ, Виртембергъ, Нидерланды съ восторгомъ повторятъ и подтвердятъ слова мои.

Знаменитая Амстердамская Биржа находилась подлѣ ратуши. Она была построена надъ каналомъ, и въ послѣднее время начала ветшать. Ее сломали, и теперь на ея мѣстѣ простирается обширная площадь. Новая великолѣпная Биржа строится по другую сторону дворца, надъ засыпаннымъ каналомъ. Нынѣ биржевыя дѣла производятся во временномъ деревянномъ зданіи, на Дворцовой Площади. Возникнетъ новое, огромное, изящное зданіе, но уже не та Биржа, которая владѣла сокровищами и торговлею Земнаго Шара, на которую обращены были взоры всего коммерческаго и политическаго міра! Въ память посѣщенія прежней Биржи Императоромъ Александромъ, вдѣлана была въ стѣну мраморная доска съ слѣдующею надписью поэта Лоотса:

Vorst Alexander sluit het krijgszwaard id de schede,
En zegent Amstels beurs met eenen blik van vrede.

(Т. е. Царь Александръ, положивъ въ ножны бранный мечъ, осчастливилъ Амстердамскую Биржу благосклоннымъ взглядомъ.)

Церкви Амстердама, какъ и во всей Голландіи, не представляютъ во внутренности своей ничего замѣчательнаго: иконоборцы XVI вѣка разрушили въ нихъ всѣ памятники стариннаго искусства, какими красуются храмы въ странахъ католическихъ. Стѣны выбѣлены; изрѣдка попадаются памятники надгробные, и еще уцѣлѣли немногія расписанныя стекла. Въ Старой Церкви (Oude Kerk), построенной въ 1500 году, съ башнею въ 240

футовъ вышиною, есть прекрасныя расписанныя стекла, на которыхъ изображены событія не Священной, а Голландской Исторіи. Въ ней находятся монументы Адмираловъ фанъ-Геемскерка, фанъ-деръ-Гёльста и другихъ.— Въ Новой Церкви (построенной въ 1408, и возобновленной, послѣ пожара, въ 1430 году) отличается надгробный памятникъ Адмирала Рейтера (Ruiter), immensi tremor Oceani, какъ сказано въ надписи. Онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ побѣдоносномъ сраженіи при Сиракузахъ, въ 1676 г. Еще достойны вниманія надгробія Адмираловъ фанъ Галена, Кинсбергена (бывшаго и въ русской службѣ) и кенотафъ юнаго героя, фанъ-Спейка, съ слѣдующею надписью: Aan Jan Karel van Speijk, Luitenant lèr zee, ridder der militaire Willemsorde. Geb. Amsterdam den 31 Jan. 1802. Hij handhaafde op den 5 Febr. 1831 voor Antwerpen de een van's lands vlag ten koste van zij leven. Т. е. *Іоанну Карлу фанъ-Спейку, флота Лейтенанту и Кавалеру военнаго ордена Вильгельма, род. въ Амстердамѣ 31 Янв. 1802. Онъ сохранилъ, подъ Антверпеномъ, 5 Февр. 1831, честь отечественнаго флага пожертвованіемъ своей жизни).* Подвигъ фанъ-Спейка сильно подѣйствовалъ къ ободренію Голландцевъ, раздраженныхъ и оскорбленныхъ измѣною. Въ Февралѣ 1831 г., когда происходили непріязненныя дѣйствія между Голландіею и Бельгіею, одна голландская канонирская лодка отправилась изъ укрѣпленія Ауструвель вверхъ по Шельдѣ къ Антверпенской Цитадели. Сдѣлалась буря. Лодка лишилась мачты, и, не смотря на всѣ усилія экипажа, брошена была на мель подлѣ самыхъ доковъ Антверпена. Нѣсколько буяновъ, называвшихся бельгійскими волонтерами, кинулись на лодку, чтобъ захватить ее и разграбить; съ воплемъ и бранью требовали они, чтобъ спущенъ былъ флагъ и экипажъ сдался. Ко-

мандовавшій лодкою, Лейтенанъ фанъ-Спейкъ, видя невозможность оборониться отъ бѣшеной толпы, вспомнилъ обѣщаніе свое не сдаваться непріятелю, бросился въ пороховую камеру, и выстрѣлилъ изъ пистолета въ открытую пороховую бочку. Лодка взлетѣла на воздухъ съ друзьями и врагами. Изъ экипажа спаслись только три матроса. Минута, въ которую Спейкъ объявляетъ храбрымъ своимъ сподвижникамъ о своемъ великодушномъ намѣреніи, прекрасно изображена на упомянутой мною картинѣ въ Королевскомъ Дворцѣ. Король и отечество воздвигли ему сей памятникъ. Положено на вѣчныя времена, чтобъ одинъ корабль въ Голландскомъ Флотѣ назывался именемъ фанъ-Спейка. — Изъ невоенныхъ погребенъ этой церкви знаменитый голландскій поэтъ фонъ-Фондель, скончавшійся въ 1679 году.

Богатое собраніе картинъ Голландской и Фламандской Школы находится въ музеѣ, помѣщающемся на набережной Kloveniersburgwal. Первая изъ картинъ, чудо Голландской Школы, есть твореніе фанъ-деръ-Гёльста: на ней изображены амстердамскіе граждане-ратники, празднующіе заключеніе Вестфальскаго Мира. Фигуры, числомъ тридцать, суть портреты, въ тогдашнихъ мундирахъ. Фигуры, лица, одежда, всѣ принадлежности (les accessoires) выражены мастерски. Картина Рембрандта: директоры общества сукнодѣлія. Пять директоровъ сидятъ за столомъ, и толкуютъ. Головы отдѣланы превосходно. — Карла Дюжардена: пять директоровъ рабочаго дома, прекрасная работа: и на этихъ двухъ картинахъ всѣ лица суть портреты. Какая жизнь! какое выраженіе! — Жерарда Дова: вечерняя школа, въ которой съ большою отчетливостью выражено паденіе свѣта пяти свѣчъ на двѣнадцать фигуръ. — Павла Поттера: ландшафтъ съ рогатымъ скотомъ; медвѣжья травля. Портретъ, фанъ-

Дейка; морскіе виды, фанъ-деръ-Фельда; домашнія сцены, фанъ-Остада; ландшафты, Бергема; виды водопада и замка, Рейсдаля; охота, Воувермана; искушеніе Св. Антонія, курящій крестьянинъ и нѣсколько портретовъ, Тенирса (Teniers); дѣтскій праздникъ въ Николинъ день, Яна Стеена; —вотъ лучшія изъ прекрасныхъ, ненаглядныхъ картинъ музея! Я провелъ въ немъ два пріятнѣйшіе часа. Удовольствіе мое было еще возвышаемо *беоційскими* замѣчаніями одного французскаго провинціяла, съ которымъ я познакомился на дворцовой башнѣ. »Посмотрите, сказалъ я ему: какъ живо написаны эти головы на картинѣ фанъ-деръ-Гёльста.» — «Можетъ быть, отвѣчалъ онъ сухо: но меня онѣ не интересуютъ; я не знаю оригиналовъ, и оттого не могу судить, похожи ли портреты!»

Изъ музея искусствъ отправился я въ музей живой природы. Зоологическій кабинетъ. собраніе животныхъ въ спиртѣ и набитыхъ чучелъ, довольно богатъ, и разнообразенъ, но врядъ ли онъ сравнится съ зоологическимъ кабинетомъ нашей Академіи Наукъ. За то чрезвычайно интересно собраніе живыхъ звѣрей, птицъ и другихъ животныхъ. Въ саду, окруженномъ и пересѣкаемомъ каналами, живутъ на водѣ всякія домашнія и другія кроткія животныя: зебра, льямы, верблюдъ, разнаго рода овцы; страусъ, пеликанъ, казуаръ, всякіе лебеди, утки, куры. Въ клѣткахъ порхаютъ самыя разнообразныя и рѣдкія птички; на шестахъ цѣпляются и толкуютъ между собою всѣхъ родовъ попугаи; въ ящикахъ, между одѣялами, спятъ, въ ожиданіи *живаго* корма, ужасныя змѣи; за рѣшетками рыкаютъ львы, тигры, медвѣди, гіены въ огромномъ стойлѣ скучаетъ малорослый слонъ. Этотъ звѣринецъ не такъ богатъ, какъ парижскій, но и въ немъ есть самыя рѣдкія произведенія неистощимой и неисповѣдимой

природы. Амстердамскій звѣринецъ составленъ попеченіями и иждивеніемъ частныхъ людей, любителей естественныхъ наукъ, основавшихъ общество съ девизомъ: Artis magistra natura. Этотъ девизъ начертанъ надъ воротами звѣринца, и оттого звѣринецъ въ простонародьѣ слыветъ подъ наименованіемъ Artis.

Въ Амстердамѣ есть еще другое ученое общество, Felix meritis, основанное купцами и гражданами, и состоящее изъ четырехъ сотъ членовъ. Оно имѣетъ, на Императорскомъ Грахтѣ, собственный свой домъ, въ которомъ помѣщаются библіотека, музей, бюсты знаменитыхъ особъ, обсерваторія и — концертная зала. Почтенный купецъ, Г. Боннке, къ которому я былъ адресованъ для полученія моихъ вещей, снабдилъ меня билетомъ для входа въ общество. Я осмотрѣлъ домъ и заведенія его, но, къ сожалѣнію, по кратковременности пребыванія моего въ Амстердамѣ, не могъ пользоваться его пособіями и бесѣдою съ членами, собирающимися тамъ въ извѣстные дни недѣли. Здѣсь существуетъ еще благодѣтельное общество для споспѣшествованія общему благосостоянію (Maatschappij tot nut van 't algemeen), основанное, въ 1784 г., проповѣдникомъ анабаптистовъ, фанъ-Нейвенгёйзеномъ (van Nieuwenhuisen), и имѣющее цѣлію просвѣщеніе и образованіе простаго народа. Члены платятъ въ годъ по пяти гульденовъ пяти штиверовъ (около трехъ рублей серебромъ). Въ каждомъ городѣ или селеніи, гдѣ находится пять членовъ, составляется отдѣленіе (департаментъ). Нынѣ такихъ отдѣленій до двухъ сотъ, а членовъ въ нихъ болѣе тринадцати тысячъ. Общество старается достигнуть своей цѣли слѣдующими средствами: 1) споспѣшествованіемъ воспитанію и образованію молодыхъ людей въ училищахъ и по выходѣ ихъ изъ училищъ: образованіемъ хорошихъ учи-

телей, изданіемъ исправленныхъ книгъ учебныхъ и назначаемыхъ для юношескаго чтенія, составленіемъ библіотекъ, исправленіемъ училищъ, содержаніемъ воскресныхъ училищъ для бѣдныхъ и для ремесленниковъ; 2) споспѣшествованіемъ образованію и просвѣщенію взрослыхъ: изданіемъ общепонятныхъ (популярныхъ) книгъ, учрежденіемъ обществъ чтенія, всенародными лекціями, заведеніемъ кассъ сберегательныхъ, вдовьихъ и сиротскихъ; 3) всенародными наградами и отличіемъ людей, совершившихъ дѣла благотворительныя и великодушныя. — Послѣдствія сихъ благихъ попеченій явны и гласны. Народъ въ Голландіи набоженъ и благочестивъ безъ суевѣрія и изувѣрства, кротокъ, честенъ, трудолюбивъ и образованъ по своему состоянію. Важныя преступленія очень рѣдки (*). — Учебныя заведенія Голландіи вообще находятся въ самомъ лучшемъ состояніи.

Не могу ничего сказать о здѣшнихъ театрахъ: лѣтомъ спектаклей въ Амстердамѣ не бываетъ.

Прогулка въ гавани доставила мнѣ большое удовольствіе. Она расположена вдоль по берегу, въ заливѣ Эй, Почти параллельно съ берегомъ идутъ крѣпкія и высокія плотины, которыми ограждаются бассейны, или доки, до-

---

(*) Тѣмъ большее впечатлѣніе произведено въ Голландіи уголовнымъ процесомъ, рѣшенымъ на сихъ дняхъ. Содержатель одной утрехтской гостиницы, Стеннсъ, желая поскорѣе воспользоваться наслѣдствомъ престарѣлаго дяди, отравилъ его пастетомъ, который послалъ къ нему въ Гаагу, гдѣ жилъ дядя, съ преучтивымъ письмомъ. Онъ приговоренъ къ смерти. Это такъ, но вотъ что ужасно: въ Голландіи смертная казнь совершается только трижды въ годъ, въ извѣстные дни. Несчастный будетъ повѣшенъ въ Августѣ, а приговоръ объявленъ ему уже на дняхъ. Два мѣсяца боренія со смертію!

статочные для помѣщенія слишкомъ тысячи большихъ кораблей. Устья Амстеля и канала ограждены большими шлюзами для удержанія напора воды во время прилива. Содержаніе плотинъ, шлюзовъ и прочихъ подобныхъ охранительныхъ средствъ стóитъ Голландіи въ годъ до пятнадцати милліоновъ рублей на ассигнаціи. Особое управленіе водяныхъ построекъ (de Waterstaat), составленное изъ ученыхъ и опытныхъ инженеровъ, печется о сохраненіи сихъ плотинъ, и о предохраненіи Голландіи отъ конечнаго ея разрушенія водою (*). По всѣмъ плотинамъ разставлены посты сторожей: они даютъ знать о возвышеніи и напорѣ воды, для принятія охранительныхъ мѣръ. Но эти средства не всегда бываютъ дѣйствительными: бурный океанъ ниспровергаетъ преграды, вторгается въ землю, наводняетъ ее, и составляетъ заливы и озера. Большая часть нынѣшняго залива Зейдерзее была въ XIII вѣкѣ сушею. Заливъ Доллартъ, въ провинціи Гронингенѣ, произошелъ, въ 1277 году, отъ наводненія, поглотившаго сорокъ четыре деревни. Въ 1717 г. слишкомъ полторы тысячи домовъ погибли подъ нахлынувшею на нихъ водою океана. Послѣднее изъ большихъ наводненій случилось вскорѣ послѣ нашего петербургскаго, 1-го Февраля 1825 года: Поднимись вода съ прежнею силою еще въ продолженіе четверти часа — и Амстердамъ былъ бы затопленъ моремъ. Не даромъ въ гербѣ одной голландской провинціи (Зееландіи) изображенъ плавающій левъ съ надписью: Luctor et non emergo (борюсь, а не утопаю). Охотники до страшныхъ предсказаній говорятъ, что Гол-

(*) Въ царствованіе Императрицы Екатерины II многіе голландскіе инженеры были приняты въ нашу службу. Изъ нихъ нѣкоторые, Сухтеленъ, Крейцъ, де Витъ, де Волантъ, оказали Россіи важныя услуги.

ландія когда нибудь непремѣнно сдѣлается жертвою разъяренной стихіи.

Въ гавани стоятъ много кораблей разныхъ націй, и въ томъ числѣ нѣсколько большихъ остъ-индскихъ, величиною съ фрегатъ, но вообще движенія въ ней мало. Амстердамъ уже не то, что былъ прежде! Жаль мнѣ, что я не могу дождаться прибытія перваго корабля съ сельдянаго промысла: это народный праздникъ въ Амстердамѣ. Сельдяная ловля состоитъ подъ вѣдѣніемъ особаго комитета, который наблюдаетъ за исполненіемъ всѣхъ существующихъ объ этомъ предметѣ законовъ и даже давнишнихъ обычаевъ. Ловля сельдей не можетъ начаться ранѣе пяти минутъ по полуночи 24-го Іюня (н. ст.), и шкиперъ каждаго судна, отправляющагося на промыселъ, долженъ, предъ отплытіемъ, присягнуть, что въ точности будетъ исполнять всѣ существующія о томъ постановленія. И соленіе рыбы, равно какъ величина боченковъ, способъ укладыванія сельдей, и проч., опредѣлены строжайшимъ образомъ. Всѣ эти предосторожности принимаются для того, чтобъ достоинство и цѣнность голландскихъ сельдей на всѣхъ рынкахъ не пострадали отъ обмана или небрежности. И сельдяная ловля нынѣ значительно упала. Встарину производилась она на двухъ тысячахъ кораблей, а нынѣ занимаются ею едва ли двѣсти. Между тѣмъ, прибытіе перваго корабля съ сельдями есть и нынѣ важное событіе въ Амстердамѣ: первый боченокъ всегда отправляютъ съ курьеромъ въ Гагу, къ Королю. За это промышленики получаютъ пятьсотъ гульденовъ (1,000 р. асс.), и дѣлятъ ихъ между собою.

Вмѣсто сельдянаго, видѣлъ я другой народный праздникъ въ Амстердамѣ, возобновляющійся еженедѣльно: это цвѣточная ярмарка, бывающая послѣ обѣда каждый понедѣльникъ. На набережной Амстеля, неподалеку отъ

дворца, располагаются продавцы съ цвѣточными горшками, бо́льшею частію пріѣзжіе изъ Гарлема. Народъ толпится между ими. Всякій покупаетъ по вкусу и по карману. Особенно охотно запасаются цвѣтами женщины и дѣвушки, и несутъ свои закупки домой съ веселымъ и торжественнымъ видомъ. Я подошелъ къ одной группѣ продавцевъ и покупщицъ. Торгуются, спорятъ, хохочутъ. Посреди веселыхъ посѣтительницъ базара стоитъ дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, одѣтая бѣдно, но опрятно, миловидная, задумчивая—на костыляхъ. Съ горестною улыбкою посматриваетъ она на цвѣты, исчезающіе съ полокъ въ рукахъ счастливыхъ покупщицъ. Я спросилъ у ней (чрезъ переводчика моего, Шпигельберга), почему она не покупаетъ ничего. «У меня нѣтъ денегъ», отвѣчала она простодушно. — «Выберите себѣ, что вамъ нравится». Она не поняла, что ей говорятъ. Шпигельбергъ повторилъ слова эти. Бѣдняжка покраснѣла, прослезилась и отвѣчала, что не станетъ выбирать, потому что не заслужила такого подарка. Я взялъ горшокъ съ розаномъ (стоитъ онъ гривенъ восемь) и подалъ дѣвочкѣ. «Возьмите, возьмите» сказалъ я по-нѣмецки: «пріятно имѣть цвѣты въ комнатѣ на окошкѣ.» — «Очень пріятно!» отвѣчала страдалица, и пожала мнѣ руку съ выраженіемъ, котораго я вѣкъ не забуду. Добрыя Голландки, свидѣтельницы этого случая, громогласно осыпали меня благословеніями. Одаренная мною поспѣшила домой съ своимъ сокровищемъ. Ахъ! какъ мало нужно для того, чтобъ обрадовать, осчастливить бѣднаго страдальца!

Вотъ наблюденія, замѣчанія, воспоминанія трехъ дней, проведенныхъ мною въ Амстердамѣ. Не могу много и подробно писать объ этомъ любопытномъ городѣ, потому что видѣлъ только его *поверхность*, но свѣдѣнія мои о

немъ заимствовалъ я изъ достовѣрныхъ и новыхъ источниковъ. Главное пособіе къ познанію какой либо страны есть знаніе языка ея, а этого мнѣ здѣсь и недоставало. Во всемъ должно основываться на разсказахъ и на книгахъ, а самъ судить и толковать боишься, чтобъ не попасть въ бѣду, какъ случилось съ однимъ англійскимъ путешественникомъ, который утверждалъ, что Русскіе очень любятъ молоко: на каждой-де улицѣ двѣ, три *молочныя* лавки. А лавки эти *мелочныя*! Такъ, напримѣръ, ссылаюсь на всѣхъ бывшихъ въ Амстердамѣ, какъ странно, по пріѣздѣ изъ Германіи, читать на афишахъ слово, которымъ объявлютъ, что квартира или другое что отдается *внаемъ*.

Завтра отправлюсь въ Саандамъ — поклониться домику Петра Великаго.

VI.

Амстердамъ, 23-го Іюня (5-го Іюля) 1843.

Сосѣдъ мой по гостинницѣ, упомянутый мною Французъ, узнавъ о намѣреніи моемъ посѣтить Саандамъ и Брукъ, просилъ меня взять его съ собою. Я охотно согласился, во-первыхъ, потому что онъ забавлялъ меня своими простодушными замѣчаніями; во-вторыхъ, этимъ случаемъ избѣгалъ я половины издержекъ — вещь въ дорогой Голландіи не послѣдняя. Мы отправились туда вчера утромъ въ восемь часовъ, при погодѣ, довольно пріятной по нынѣшнему лѣту. Въ портѣ ожидалъ насъ пароходъ, отправляющійся ежечасно на противоположный берегъ залива Эй. Причаливъ къ пристани, мы пересѣли въ каналѣ на такъ называемый *трексхейтъ*: это

плоскодонное судно, съ чистою, просторною каютою и плоскою палубою, приводимое въ движеніе бечевою, которую тянетъ лошадь. Такія перевозныя суда очень удобны: хорошо расположены, спокойны, дешевы, но медленны въ сравненіи съ другими средствами сообщенія. На трексхёйтѣ пріѣхали мы въ деревню Бёйкслоотъ (Buiksloot), и тамъ наняли прекрасную коляску парою, на все утро, за десять гульденовъ (двадцать рублей на ассигнаціи). Въ Бёйкслоотѣ соединяется съ заливомъ Эй знаменитый Сѣверный Каналъ, проведенный отсюда до Гельдера и Текселя, на протяженіи восьмидесяти верстъ. Въ ширину имѣетъ онъ 36 футовъ, въ глубину 22. Два фрегата могутъ на немъ разойтись очень удобно. При насъ плыли тихо и спокойно большіе остъ-индскіе корабли. Шлюзы при входѣ въ каналъ, выстроенные на сваяхъ, едва ли имѣютъ что либо подобное въ свѣтѣ. Высота воды въ каналѣ при Бёйкслоотѣ десятью футами ниже самой мелкой высоты воды въ морѣ. Каналъ этотъ для Амстердама чрезвычайно важенъ. Въ прежнее время плаваніе по Зейдерзее было сопряжено съ большими препятствіями и затрудненіями, а при противныхъ вѣтрахъ прекращалось на нѣсколько часовъ, дней и даже недѣль. Бури и мели дѣлали его даже очень опаснымъ. Нынѣ суда проводятся отъ Амстердама до Текселя въ 18 часовъ, при всякомъ вѣтрѣ, безъ малѣйшей спасности. Каналъ этотъ кончепъ въ 1825 г. Постройка его стоила Правительству до двѣнадцати милліоновъ гульденовъ. Какъ важенъ и дорогъ былъ бы онъ для Голландіи въ тѣ времена, когда въ Амстердамъ стекались цѣлые флоты! Нынѣ походитъ онъ на *опытность*, которая пріобрѣтается человѣкомъ въ поздніл лѣта, когда она уже не нужна. Съ противоположнаго берега залива Амстердамъ представляетъ прекрасную картину съ своими старинными

башнями, домами, отражающимися въ водѣ, и съ портомъ, наполненнымъ кораблями. Но этотъ портъ удивительно какъ тихъ и спокоенъ: отнюдь нѣтъ того движенія, какое видимъ въ Кронштадтѣ, Гамбургѣ, Ливорнѣ. Еще грустно смотрѣть на этотъ прекрасный городъ, когда помыслишь, что существованіе его зависитъ отъ твердости плотинъ, ограждающихъ Голландію отъ напоровъ океана. Главная плотина заключается въ голландской опытности, терпѣливости и добросовѣстности.

Отъ Бейкслоота ѣхали мы насыпями, которыми низменныя мѣста (польдеры) отдѣляются отъ моря. Вода, накопляющаяся въ канавкахъ, проведенныхъ по польдерамъ, подинмается вѣтряными мельницами, приводящими въ движеніе Архимедовъ винтъ: въ противномъ случаѣ эти огороженныя отсюду низменности были бы затоплены дождевою водою. Мы удивляемся остаткамъ римскихъ водопроводовъ: водяныя сооруженія въ Нидерландахъ заслуживаютъ не меньшаго удивленія. Къ тому должно прибавить, что у Римлянъ работали солдаты и плѣнные: здѣсь же за все платятъ наличными деньгами.

Впрочемъ, страна здѣсь вовсе не интересная: все плоско и голо; тучныя коровы бродятъ по сырымъ лугамъ или нѣжатся на солнцѣ. Чайки летаютъ надъ каналами. Часу въ одиннадцатомъ пріѣхали мы въ знаменитую деревню Брукъ. Спутникъ мой, читая ея названіе: Broek, называлъ ее то Брокъ, то Брекъ, и безпрестанно твердилъ это слово.— Что такое Брукъ? Домовъ сорокъ построены вокругъ небольшагс озера, не прямою улицею, а крюками и закоулками. Домы эти бо́льшею частію деревянные, и выкрашены зеленою или бѣлою краскою. Крыши изъ муравленой черепицы. Съ наличной ихъ стороны идетъ не улица, а дорожка аршина въ два шириною, вымощенная кирпичиками, огороженная перила-

ми. Двери домовъ на улицу заперты: говорятъ, что онѣ растворяются для самого хозяина только трижды въ его жизни: когда его крестятъ, вѣнчаютъ и хоронятъ. Во всѣхъ окнахъ спущены бѣлыя занавѣски; бо́льшая часть закрыты ставнями. На улицахъ нѣтъ никого. Странно и смѣшно! Французъ мой долго шелъ въ молчаніи; вдругъ остановился и воскликнулъ: Brack, Breck! Mais c'est un attrape-nigaud! (Это ловушка для олуховъ). Шпигельбергъ толковалъ намъ подробности жизни въ Брукѣ. Каждую недѣлю, по субботамъ, хозяйка на часъ открываетъ ставни, и поднимаетъ занавѣски парадныхъ комнатъ; снимаетъ фарфоръ съ полокъ и сметаетъ съ него пыль; чиститъ мебель, выметаетъ и моетъ полы, двери, окна; потомъ все запирается, по-прежнему, до слѣдующей субботы. Въ путешествіяхъ толкуютъ, что по улицамъ Брука *запрещено* ѣздить въ экипажахъ. Запрещеніе вовсе ненужное! По этимъ узенькимъ дорожкамъ едва ли проѣдетъ дѣтская колясочка, запряженная нянькою. Кто живетъ въ этихъ домахъ? Удалившіеся отъ дѣлъ купцы и ремесленники, желающіе дожить вѣкъ свой въ тишинѣ и *чистотѣ.* Чистота вещь прекрасная, препохвальная; чистота физическая предшествуетъ чистотѣ нравственной. Но всѣмъ пожертвовать чистотѣ, и одной чистотѣ; отказаться отъ всѣхъ забавъ, отъ всѣхъ занятій, отъ гостепріимства и домашней свободы, чтобъ только не запылить чего нибудь— воля ваша: такая *чистота хуже воровства*, какъ говоритъ пословица о простотѣ.

Въ Брукѣ живутъ и дѣятельные люди: это крестьяне, занимающіеся дѣланіемъ круглыхъ сыровъ изъ прѣснаго молока (Zoetemelksksaas); въ Лейденѣ приготовляютъ ихъ изъ простокваши. Сырники эти (если можно употребить сіе слово въ этомъ значеніи) живутъ въ доволь-

по просторныхъ домахъ, вмѣстѣ съ своими коровами. Сперва входишь въ хлѣвъ: стойла идутъ по обѣимъ сторонамъ, и полъ ихъ, лѣтомъ (когда скотина безпрерывно пасется въ полѣ), выложенъ подвижными изразцами. Надъ каждымъ стойломъ въ потолкѣ крючекъ, къ которому привязывается хвостъ коровы, чтобъ она не запачкалась, обмахиваясь имъ. Стѣны бревенчатыя. Далѣе живутъ люди. Постели ихъ помѣщаются въ какихъ-то каютахъ, или затворахъ, закрываемыхъ занавѣсками. Домашняя утварь, и въ томъ числѣ маленькія вещицы, тарелочки, стаканчики, ножички, похожія на дѣтскія игрушки, замысловато развѣшены по стѣнамъ и за стеклянными дверцами шкаповъ, или разложены по столикамъ. По стѣнамъ стоятъ старинные огромные шкапы орѣховаго дерева. Печи обложены разноцвѣтными изразцами. Мы видѣли и чаны съ молокомъ, и сыръ въ формахъ и сыръ въ соли. Прекрасно, да вовсе не интересно. Брекъ, Брокъ, Брукъ! повторялъ мой изумленный Французъ. Оставалось посмотрѣть послѣднюю и важнѣйшую достопамятность Брука: это садъ, разведенный Пасторомъ Баккеромъ, и принадлежащій нынѣ нѣкоему Г. фанъ-деръ-Беку. Я вошелъ туда, и помолодѣлъ двадцатью годами. Мнѣ показалось, что я очутился у Охтинскаго Перевоза, и гуляю по знаменитому саду, описанному нѣкогда *благонамѣренным* перомъ добраго Александра Ефимовича Измайлова. Надъ входомъ, въ чугунныхъ рѣшетчатыхъ дверяхъ, надпись: Vrede zy den ingang (миръ входящему). Садъ не великъ, и прокопанъ каналомъ, образующимъ островки. Вездѣ мостики, храмики, пещеры, крестьянскіе домики, готическіе, китайскіе, и т. под. Въ одной бесѣдкѣ размалеванная статуя пастора, читающаго книгу; въ водѣ плаваютъ деревянные лебеди и утки (но на одномъ островку живутъ *живые* кролики, и надъ ними

голубятня для *живыхъ* голубей). Въ пещерѣ кукла стрѣлка̀, заряжающаго ружье; въ швейцарской хижинѣ куклы крестьянина, жены его и собаки. Тронешь пружину, женщина начинаетъ прясть, крестьянинъ подноситъ трубку ко рту, и собака лаетъ. Кустарники и цвѣты въ саду прекрасные, но все это такъ мелочно, такъ безвкусно, такъ глупо смѣшно, что не знаешь, какъ смотрѣть и что̀ сказать. Бракъ, Брекъ, Брикъ, Брокъ, Брюкъ! произнесъ мой спутникъ скороговоркою.— «Пусть всякій тѣшится у себя, какъ хочетъ, сказалъ онъ потомъ: но не безсовѣстно ли толковать о такомъ вздорѣ всей Европѣ, какъ о вещи любопытной и невиданной, сзывать сюда путешественниковъ со всѣхъ концевъ! Брикъ! Бракъ!» Въ этомъ случаѣ, я совершенно былъ съ нимъ согласенъ. Возвращаясь изъ Брука мимо церкви, услышали мы какой-то странный говоръ въ одномъ большомъ домѣ. Это школа. Мы вошли въ классъ. Два учителя преподовали чтеніе и письмо по методѣ, похожей на ланкастерскую. Все было тихо и порядочно. Но вотъ что любопытно: только немногія дѣти были одѣты порядочно и опрятно; большая часть въ лохмотьяхъ, въ дырявыхъ, сѣрыхъ шерстяныхъ чулкахъ, безъ башмаковъ. Не лучше ли было бы употребить на людей опрятность, въ какой содержится скотина!

Посмѣявшись и надъ Брукомъ и надъ самими собою, обманутыми путешественниками, отправились мы въ Саандамъ. Дорога шла прежняя, по насыпамъ, раздѣляющимъ низменности. Близость Саандама возвѣщается множествомъ вѣтряныхъ мельницъ. Городокъ этотъ, лежащій при впаденіи рѣчки Сааны въ Эй, построенъ неправильно, въ мелочномъ вкусѣ Брука, но оживленъ дѣятельнымъ народомъ. Домики небольшіе, чистые, бо̀льшею частію деревянные. Городъ пересѣкается канала-

ми, составляющими множество островковъ, соединенныхъ между собою деревянными мостами. На островкахъ, образуемыхъ сими каналами, разведены садики вокругъ опрятныхъ домовъ. Впрочемъ, въ Голландіи смѣшна только преувеличенная педантская чистота, которой одной жертвуютъ всѣми удобствами жизни, но опрятность, не выходящая изъ предѣловъ, здѣсь необходима: если бъ не мыли, не скребли, не чистили домовъ такъ часто, все покрылось бы плѣсенью, все погибло бы отъ сырости. Еще пораженъ я былъ необыкновенною свѣжестью и красотою саандамскихъ женщинъ, которыя даже въ Голландіи, богатой красавицами, обращаютъ на себя вниманіе. Но эта красота не та, которая владѣетъ сердцами, которая, движеніемъ рѣсницъ, глазъ и бровей, очаровательною улыбкой, умнымъ взглядомъ сжигаетъ Трою и строитъ Карѳагенъ: это красота здоровая, тихая, спокойная, красота вѣрной, домовитой жены, доброй матери семейства, будущей добренькой старушки. «Вездѣ Брикъ, Бракъ, Брукъ!» вопіетъ мой Французъ. «Одна парижская гризетка убьетъ тысячу этихъ наливныхъ восковыхъ масокъ!» — «Но къ чему убивать!» вопрошаю я: «да здравствуютъ и благоденствуютъ тѣ и другія — пусть цвѣтетъ прекрасный *сонный* макъ подлѣ колючей розы!»

Я спѣшилъ къ главной цѣли моего странствованія, къ той ветхой хижинѣ, въ которой нѣкогда обиталъ творецъ новой Россіи, нашей славы, нашего величія. Домикъ Петра Великаго лежитъ не на большой улицѣ, а позади домовъ ея, среди садика, и обведенъ небѣленою стѣною, которая охраняетъ его отъ совершеннаго разрушенія. Въ этомъ домикѣ сохранился и типъ старинныхъ домовъ Саандама, которые съ того времени совершенно перемѣнились. Но прежде, нежели приступлю

къ описанію самаго дома, не лишнимъ считаю сообщить здѣсь перечень событій этого достопамятнаго зданія, изъ преданій, сохранившихся въ Голландіи, и недавно напечатанныхъ Г-мъ фанъ-Хёнсомъ (*).

Задолго до прибытія своего въ Голландію, Царь былъ въ сношеніяхъ съ Саандамомъ и его жителями. Цвѣтущая торговля и важныя корабельныя постройки этого города обратили на себя вниманіе любознательнаго Петра. Въ великой душѣ его возникла мысль обогатить свой народъ торговлею и промышленостью, составившими благоденствіе Голландіи, и Саандама въ особенности. Онъ рѣшился достигнуть своей цѣли изученіемъ сей страны на самомъ мѣстѣ, рѣшился поселиться въ Саандамѣ подъ чужимъ именемъ. Долгое время различныя препятствія удерживали его отъ исполненія этого плана. Въ 1697 году отправился онъ, подъ именемъ дворянина Петра Михайлова, въ свитѣ посольства, снаряженнаго имъ къ разнымъ дворамъ Европы, и съ нимъ прибылъ въ Эммерихъ. Увидѣвъ вожделѣнную Голландію, онъ не могъ удержать своего нетерпѣнія, бросилъ посольство; взявъ съ собою небольшую свиту, поспѣшилъ въ Амстердамъ, и не оставаясь тамъ, поѣхалъ въ Саандамъ. Онъ вышелъ здѣсь на берегъ въ субботу, 17-го Августа 1697. Люди Царевы вдругъ увидѣли и узнали кузнеца Херрита Киста, который бывалъ въ Россіи: онъ сидѣлъ на берегу и удилъ рыбу. Кистъ изумился неожиданнымъ прибытіемъ Царя, и по неотступнымъ его просьбамъ, отдалъ ему внаймы домикъ позади жилаго своего дома, съ непремѣннымъ условіемъ не объявлять имени своего постояль-

(*) Въ книгѣ: Beschrÿving van Zaandam, door B. van Geuns, Amsterdam. 1843.

ца. Жившая въ этомъ домикѣ вдова выѣхала, и онъ нанятъ былъ Царемъ за семь гульденовъ въ недѣлю. Лишь только лодка коснулась берега, Царь, въ одеждѣ гребца, въ красной курткѣ и бѣлыхъ холстинныхъ брюкахъ, выскочилъ изъ нея, самъ привязалъ лодку, и пошелъ съ своею свитою въ гостинницу, которая существуетъ и понынѣ подъ вывѣскою Выдры (de Otter). Появленіе иностранцевъ возбудило общее вниманіе жителей Саандама: ихъ богатая одежда, нѣжныя, непривычныя къ работѣ руки и туго набитые кошельки свидѣтельствовали, что это не простые работники, какъ они говорили сами о себѣ, и многіе догадывались, что въ числѣ ихъ должны быть знатные люди. Свита царская поселилась въ такъ называемой Каменной Палатѣ (steenen kamer), на улицѣ Финкепадъ, близъ лютеранской церкви: нынѣ этотъ домъ принадлежитъ городу, и въ немъ помѣщается дѣвичья школа. Въ квартирѣ своей русскіе гости оставили конторку краснаго дерева, красиво сдѣланную: она понынѣ хранится у одного саандамскаго гражданина. Неподалеку оттуда существуетъ домъ, въ которомъ жили русскіе дворяне, въ послѣдствіи присланные Петромъ для изученія судостроенія.— На другой день, въ воскресенье, толпа праздныхъ и любопытныхъ обступила жилище Царя. Это было ему досадно, и онъ во весь день не выходилъ изъ комнаты. Въ понедѣльникъ всѣ новопріѣзжіе одѣлись по-саандамски. Царь вышелъ со двора, купилъ полный запасъ плотничныхъ инструментовъ, принесъ ихъ домой, и тотчасъ же принялся за дѣло, записавшись работникомъ Петромъ Михайловымъ на морской верфи Линста Тёйвисзоона Рохгге (Lynst Teeuwiszoon Rogge). Между тѣмъ посѣтилъ онъ нѣсколько особъ, бывавшихъ въ Россіи, въ томъ числѣ жену Яна Ренсена, бывшаго корабельнымъ плотникомъ въ Москвѣ, и жену мастера Мюсха

(Musch), которой онъ прежде того прислалъ въ подарокъ пятьсотъ гульденовъ, и которая всегда имѣла свободный къ нему доступъ во время жительства его въ Амстердамѣ. Вездѣ старался онъ скрыть свой санъ, и назывался мастеромъ Петромъ.

Страсть къ изученію предметовъ новыхъ и достойныхъ вниманія заставляла Царя посѣщать всѣ мастерскія и другія заведенія въ Саандамѣ и окрестностяхъ. Ничто не ускользало отъ его внимательности. Во всемъ являлся онъ человѣкомъ знающимъ и еще болѣе любознательнымъ, во всемъ хотѣлъ знать цѣль и причину. На бумажной фабрикѣ Кока, онъ самъ хотѣлъ вылить листъ въ формѣ, и исполнилъ это, къ удивленію всѣхъ, какъ самый искусный работникъ. Онъ самъ былъ такъ доволенъ успѣхомъ этого опыта, что подарилъ работнику рейхсталеръ: награда относительно очень значительная, потому что онъ былъ вообще очень бережливъ на деньги.

Судоходство занимало его въ особенности. Во вторникъ купилъ онъ у одного мастера лодку съ веслами, за сорокъ гульденовъ и за кружку пива, которую они вмѣстѣ роспили въ трактирѣ. Потомъ купилъ онъ у другаго саандамскаго жителя парусную яхту со всѣми принадлежностями, и самъ сдѣлалъ къ ней новый бугспритъ (переднюю мачту). Съ тѣхъ поръ онъ часто катался на яхтѣ, и притомъ съ такою отвагою, что нерѣдко бывалъ въ опасности; однажды яхту опрокинуло, и его спасли съ большимъ трудомъ.

Между тѣмъ начали носиться въ народѣ слухи, что въ числѣ этихъ необыкновенныхъ работниковъ находится Царь Русскій. Нѣкто фанъ-Коуденгофенъ, имѣвшій дочь въ Архангельскѣ, а сына въ Москвѣ, получилъ отъ нихъ извѣстіе, что Царь намѣренъ посѣтить Голландію подъ

чужимъ именемъ. Это письмо было прочтено въ лавкѣ брадобрѣя, и подтвердило невѣрные дотолѣ слухи: новое событіе сообщило симъ слухамъ достовѣрность, но, къ несчастію, сократило время пребыванія Царя въ Саандамѣ. Однажды, купивъ сливъ, онъ несъ ихъ въ шляпѣ и кушалъ. Это было на южной насыпи города. Толпа мальчишекъ его окружила. Нѣкоторые изъ нихъ понравились Царю; онъ потчивалъ ихъ сливами. Другіе требовали того же, и получивъ отказъ, начали бранить чужестранца, и кидать въ него грязью и каменьями. Онъ съ трудомъ скрылся отъ нихъ въ гостиницѣ Трехъ Лебедей. Правленіе города, узнавъ объ этомъ происшествіи, издало прокламацію, въ которой грозило строгимъ наказаніемъ всякому, кто дерзнетъ оскорблять иностранцевъ, въ числѣ коихъ есть люди знатные, желающіе скрыть свое имя. Въ то же время приставленъ былъ караулъ къ жилищу Царя. Но ничто не могло уже успокоить и умилостивить Петра: онъ не отвѣчалъ на приглашенія знатнѣйшихъ жителей города, и отказался отъ предложенія Мейнерта Арендса Блума, уступавшаго ему домъ съ просторнымъ садомъ въ другой части города. Въ отвѣтѣ Царя сказано было: «Мы люди не знатные, а простые, и нынѣшнее жилище для насъ достаточно.»

Царь не могъ уже скрываться отъ взоровъ людей любопытныхъ и безстыдныхъ, даже на яхтѣ. Саандамцы, знавшіе Государя, просили друзей своихъ не глядѣть на него пристально. Одинъ смѣльчакъ вздумалъ подойти къ нему, и посмотрѣть ему близко въ лице. Царь сильно ударилъ его по головѣ. Съ тѣхъ поръ сограждане насмѣхались надъ дерзновеннымъ, и говорили, что Царь этимъ ударомъ пожаловалъ его въ рыцари.

Во вторую субботу пребыванія Царя въ городѣ происходило любопытное зрѣлище переноски новопостроен-

наго корабля чрезъ насыпь Овертоома. Хозяинъ верфи, Г. Кальфъ, пригласилъ его. Петръ хотѣлъ было пойти туда, по вокругъ дома его собралось такое множество народа, что онъ никакъ не рѣшался показаться на улицѣ. Явилось начальство города, и убѣждало его почтить эту церемонію своимъ присутствіемъ. Петръ согласился было, но лишь только вышелъ изъ дому и увидѣлъ толпу народную, воротился съ досадою, и сильно захлопнулъ за собою дверь. Тысячи собрались изъ окрестныхъ мѣстъ, чтобъ видѣть рѣдкаго гостя, и обманулись въ своемъ ожиданіи. Въ воскресенье, праздная толпа вокругъ дома еще увеличилась, и даже сбила съ мѣста караулъ. Досада и гнѣвъ Царя достигли крайней степени, и онъ рѣшился тогда же оставить Саандамъ, вышелъ изъ дому, насильно пробился сквозь толпу, дошелъ до пристани, сѣлъ на свою яхту, и въ самую дурную погоду, съ крайнею опасностью, отправился въ Амстердамъ. Вечеромъ прибылъ онъ въ портъ; яхта его была сильно повреждена бурею.

Такимъ образомъ кончилось пребываніе Петра въ Саандамѣ, продолжавшееся съ небольшимъ недѣлю. Правленіе Амстердама, по желанію Царя, отвело ему жилище на казенной Амстердамской Верфи. Рѣшеніе сіе объявлено было на великолѣпномъ обѣдѣ, данномъ ему 29-го Августа. Онъ такъ этому обрадовался, что не дождался приготовленнаго въ честь его фейерверка, и не смотря на усильныя просьбы угощавшихъ его, въ тотъ же вечеръ отправился на своей яхтѣ въ Саандамъ, забралъ тамъ всѣ свои пожитки, и не сказавъ ни слова хозяину о своемъ намѣреніи, воротился въ новую свою квартиру.

Петръ оставилъ Саандамъ единственно по той причинѣ, что не имѣлъ успѣха въ намѣреніи своемъ — жить и работать тамъ въ неизвѣстности. Въ Амстердамѣ, го-

родѣ многолюдномъ, и на просторной тамошней верфи, было легче достигнуть предположенной цѣли. Но эти неудовольствія не уменьшили благоволенія его къ Саандаму, не прекратили связей сего города съ Россіею: 5-го Сентября, трое изъ знатнѣйшихъ его спутниковъ воротились туда, для изученія постройки лодокъ и мачтъ. Около того же времени согласился онъ прибыть въ Саандамъ, чтобъ видѣть зрѣлище, для него весьма любопытное, переноску корабля чрезъ насыпь. Онъ разсмотрѣлъ всѣ приготовленія съ величайшимъ вниманіемъ, и въ ожиданіи начатія дѣйствія, накупивъ себѣ разныхъ инструментовъ, понесъ ихъ на свою яхту. Соскучившись долгимъ ожиданіемъ въ бездѣйствіи, онъ самъ поднялъ паруса, отвязалъ яхту отъ пристани, и отплылъ въ Амстердамъ, не видавъ окончанія переноски.

Любопытствуя видѣть все, относящееся къ мореплаванію, онъ въ скоромъ времени опять прибылъ въ Саандамъ, чтобъ посѣтить суда, пришедшія изъ Гренландіи съ богатымъ грузомъ. Ему представили способъ китовой ловли въ маломъ видѣ, но очень близко къ дѣйствительности. Онъ осматривалъ заводы, на которыхъ очищаютъ китовый жиръ, и съ перваго взгляда все понималъ и толковалъ спутникамъ своимъ безошибочно. При семъ случаѣ Г. Ноомепъ (въ рукописи, еще ненапечатанной) описываетъ наружность Царя слѣдующими словами: «Ростомъ высокъ и плотенъ; дороденъ не слишкомъ; ходитъ пѣшкомъ скоро и безъ устали; ловокъ и проворенъ во всемъ, что̀ ни дѣлаетъ; лицо у него круглое; видъ угрюмый; брови темныя; волосы короткіе и курчавые, темнорусые; на немъ былъ сѣрый морской кафтанъ, красный камзолъ и поярковая шляпа. Ходитъ онъ бодро, размахивая руками; въ каждой рукѣ было по новому топорищу.»

Въ послѣдствіи онъ часто навѣщалъ Саандамъ. Мало по малу привыкъ онъ къ тамошнему народу, а народъ привыкъ къ нему, и не докучалъ уже ему своимъ наглымъ любопытствомъ. Пріѣзжая въ Саандамъ, онъ посѣщалъ старыхъ своихъ пріятелей, Кальфа и Блума, и всякой разъ узнавалъ что нибудь новое. Цѣлые часы проводилъ онъ въ мастерской братьевъ Лоувенсъ, славившихся въ то время изготовленіемъ лучшихъ морскихъ компасовъ. Иногда катался съ Мельхертомъ Тамесомъ Гоогебетсомъ на шлюпкѣ, построенной очень искусно и красиво. И спутники его пріѣзжали въ Саандамъ; ихъ всѣ любили; они были люди добрые и веселые, свое дѣло дѣлали, а притомъ любили попить и погулять. Въ послѣдній разъ (въ эту эпоху) Петръ былъ въ Саандамѣ 21-го Мая 1698 года: нѣсколько часовъ бесѣдовалъ съ Г. Кальфомъ, и уѣзжая, усердно благодарилъ Саандамцевъ за дружбу и ласку.

Во второе путешествіе свое по Европѣ (въ 1716—1717 гг.), Царь хотѣлъ увидѣться еще разъ съ своими саандамскими друзьями: онъ не забылъ никого, ни богатаго, ни бѣднаго, ни знатнаго, ни простаго, изъ прежнихъ своихъ знакомцевъ. Онъ почтилъ своимъ присутствіемъ домъ почтеннаго Кальфа. Съ Царемъ прибыла и супруга его, Екатерина Алексѣевна. Любопытно было видѣть разность въ наружности ихъ и въ одеждѣ. Царь былъ въ простомъ сѣромъ кафтанѣ, опоясанномъ кожаною портупеею, на которой висѣла его сабля; на головѣ у него была простая поярковая шляпа, на маленькомъ черномъ парикѣ; лицо его было блѣдно отъ недавней болѣзни; черные усы еще увеличивали эту блѣдность. Супруга его, прекрасная собою, одѣта была великолѣпно и богато. Пооменъ говоритъ, что на платьѣ ея было брилліантовъ, жемчугу и золота не менѣе, какъ на триста тысячъ

голландскихъ гульденовъ. — Царь, въ неутомимой ревности своей, опять осматривалъ все, что могло быть любопытно и важно; между прочимъ мѣдиплавильный заводъ и лодочку для ѣзды по льду, именно для него сдѣланную. Онъ посѣтилъ и прежнее скромное жилище свое, на Крамзѣ, и бывшаго своего хозяина. Грубый Голландецъ не хотѣлъ было принять его, и сказалъ: «Ну что мнѣ Царь! Онъ мнѣ еще долженъ за квартиру.» Петръ вспомнилъ, что дѣйствительно оставилъ домъ его въ торопяхъ безъ разсчету, заплатилъ все должное, и сверхъ того пожаловалъ хозяину серебряный кубокъ. Со вниманіемъ, въ раздумьѣ, глядѣлъ онъ на мѣсто первыхъ своихъ трудовъ, уже принесшихъ пользу и славу любезной его Россіи. Ударилъ часъ отъѣзда. Петръ отобѣдалъ въ послѣдній разъ на землѣ саардамской, въ домѣ своего пріятеля; потомъ милостиво и ласково простился со всѣми; обнялъ друзей своихъ, поцѣловалъ каждаго въ лобъ съ обыкновеннымъ своимъ привѣтствіемъ: God behœde u! (Да хранитъ тебя Богъ!) и разстался навсегда съ Саардамомъ, завѣщавъ ему славу колыбели русскаго флота, предуготовивъ великіе дни Чесмы, Лемноса и Наварина!

Приступимъ теперь къ описанію скромнаго домика, прославившагося въ Исторіи. Въ началѣ состоялъ онъ изъ двухъ половинъ. Одна половина выходившая на улицу, и обитаемая Кистомъ, была въ послѣдствіи сломана. На мѣстѣ ея теперь пріятный лужокъ. Домикъ выстроенъ изъ дерева, на каменномъ фундаментѣ. Въ немъ всего двѣ комнатки. Въ большой изразцовая печь съ очагомъ и затворъ, или углубленіе въ стѣнѣ, для постели. Въ меньшей нѣтъ ничего замѣчательнаго. Мебель состоитъ изъ простаго стола и нѣсколькихъ стульевъ, но нельзя сказать, тѣ ли это самые, которые употребляемы были Петромъ Великимъ. Пологъ, которымъ

закрывался затворъ, расщипанъ любопытными странниками. Стѣны исписаны и печь покрыта именами разнородныхъ посѣтителей.

По отбытіи Царя, домикъ этотъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и наконецъ былъ забытъ совершенно. Изрѣдка только показывали его, по спросу путешественниковъ. Не прежде 1782 года хижина сія пріобрѣла извѣстность, когда посѣтилъ ее Императоръ Павелъ Петровичъ (бывшій тогда Великимъ Княземъ), съ Супругою своею, въ сопровожденіи Императора Іосифа II и Короля Шведскаго Густава III. По слѣдамъ Августѣйшихъ Странниковъ, многіе стали ѣздить въ Саандамъ. Знаменитые гости выпили здѣсь тостъ въ память Великаго Мужа, и подарили употребленные на то кубки тогдашнему хозяину домика, Дирксу Якобсу де-Фризу, который вырѣзалъ на нихъ приличную надпись. И кубки эти (кромѣ одного), и золотая медаль, подаренная Графомъ Орловымъ, пропали безъ вѣсти. По смерти де-Фриза, около 1783 года, домикъ былъ купленъ содержателемъ гостиницы Выдра, А. Фергоувомъ, за сто семьдесятъ восемь гульденовъ. За медаль и кубки заплатилъ онъ сорокъ гульденовъ. Онъ повѣсилъ при домикѣ кубышку, въ которую посѣтители клали добровольныя пожертвованія, составлявшія немаловажный доходъ. Въ 1800 г., когда домикъ уже очень обветшалъ, Фергоувъ хотѣлъ сломать его. Содержатель другой гостиницы, Г. Бюльсингъ, удержалъ товарища отъ исполненія этого варварскаго намѣренія, и купилъ у него, за двѣсти гульденовъ, домъ съ медалью, которая тогда еще существовала. Съ тѣхъ поръ старались поддерживатъ ветхое зданіе. Бюльсингъ, переселившись въ Гронингенъ, приставилъ къ дому преемника своего, Лобгерра, который умѣлъ принимать пріѣзжихъ и удовлетворять ихъ любопытству.

Знаменитѣйшимъ посѣтителемъ домика Петра Великаго былъ Августѣйшій его Праправнукъ, Императоръ Александръ Павловичъ, прибывшій въ Саандамъ 3-го Іюня (н. ст.) 1814, съ тогдашнимъ Владѣтельнымъ Княземъ Нидерландскимъ (въ послѣдствіи Король Вильгельмъ I) и его Супругою. Сіе происшествіе послѣдовало по низверженіи Наполеона и по освобожденіи Голландіи отъ тяжкаго и ненавистнаго ига. Можно вообразить себѣ радость и восторгъ Саандамцевъ, когда они узнали о предстоящемъ посѣщеніи Освободителя и Благотворителя Европы, Александра Благословеннаго! Государь, по прибытіи въ Саандамъ, прошелъ подъ тріумфальными арками, сооруженными наскоро усердными гражданами изъ зелени и цвѣтовъ, въ первоначальное мѣсто пребыванія Царя Петра, гостинницу Выдра, и раскрывъ окно, появился предъ многочисленною толпою счастливаго народа, наполнявшаго воздухъ радостными восклицаніями. Въ другой комнатѣ, называемой съ тѣхъ поръ Александровою, онъ остановился въ глубокомъ размышленіи предъ изображеніемъ Преобразователя Россіи. — Саандамъ представлялъ тогда самую живую и занимательную картину. Туда стеклись нѣсколько тысячъ человѣкъ изъ окрестныхъ городовъ и селеній. Подлѣ берега расположились болѣе трехъ сотъ яхтъ и буеровъ, разцвѣченныхъ флагами. Всѣ мельницы, окружающія Саандамъ, были убраны по-праздничному (*). По рѣчкѣ плавали

(*) Мельницы, въ Голландіи, украшаются при радостныхъ или достопамятныхъ случаяхъ. Крылья мельницы останавливаютъ въ видѣ креста, украшаютъ ихъ разноцвѣтною бумагою, обвѣшиваютъ цвѣточными и зелеными вѣнками, и вмѣшиваютъ въ эти украшенія кусочки жести, которые, отражая солнечные лучи, производятъ удивительный эффектъ. Крестъ мельницы обращается къ тому мѣсту, гдѣ происходитъ торжество. Это наблюдается и въ случаѣ смерти хозяина мельницы или близкаго его родственника. Мельница остается въ такомъ украшеніи до его погребенія.

шлюпки съ разряженными гребцами; народъ ликовалъ въ искреннемъ восторгѣ. Императоръ, восхищенный симъ зрѣлищемъ, сказалъ Князю Оранскому: «Боже мой! какъ вы счастливы, что владѣете такимъ народомъ!» Въ хижинѣ Петра Великаго Императоръ собственными руками вдѣлалъ въ печь мраморную доску, съ надписью золотыми буквами: Petro Magno Alexander (**). Подлѣ этой надписи вдѣлана въ стѣну другая мраморная доска съ описаніемъ сего происшествія на Латинскомъ Языкѣ. Августѣйшіе посѣтители были приняты въ домикѣ хозяиномъ его, Г. Бюльсингомъ. Старшая дочь его поднесла имъ завтракъ; съ нимъ самимъ Государь изволилъ бесѣдовать благосклонно о посѣщеніи домика его Родителями, и осчастливилъ его богатымъ подаркомъ. Сынъ Бюльсинга, въ слѣдующемъ году, ѣздилъ въ С. Петербургъ, и удостоился тамъ всемилостивѣйшаго вниманія. По выходѣ Государя изъ хижины, были поднесены ему многіе дары: модель хижины, кукла, представляющая саандамскую гражданку XVII столѣтія, и одинъ изъ уцѣлѣвшихъ кубковъ 1782 года.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того увидѣли въ Саандамѣ примѣръ безкорыстнаго благоговѣнія къ памяти Великаго Мужа. 4-го Апрѣля 1818 года явился тамъ

(**) Въ одномъ описаніи Голландіи (La Hollande, guide pittoresque et artistique du voyageur, par A. Ferrier, membre de la Société de Géographie de Paris et de la Société française de statistique universelle, Bruxelles, 1841, page 65), сказано: «Имя Александра до такой степени отличается величиною буквъ отъ имени Петра, что не знаешь, въ чью честь болѣе сдѣлана надпись, въ честь ли посѣтителя или посѣщеннаго.» Это сущая ложь: буквы обоихъ имянъ совершенно однѣ и тѣ же. Г. Ферріс, къ ученымъ титуламъ своимъ, могъ бы прибавить и слѣдующій: «Дѣйствительный членъ Академіи странствующихъ и пишущихъ лжецовъ и клеветниковъ, отъ Шантро и Леклерка до Треймунда Вельпа и Маркиза де Кюстина включительно.»

молодой Шведъ и просилъ позволенія провести ночь въ хижинѣ, выспаться въ томъ самомъ затворѣ, въ которомъ спалъ Великій Царь. Ни какія возраженія не могли поколебать его намѣренія, и только увеличивали настойчивость. Смотритель домика, Г. Лобгерръ, наконецъ согласился. Путешественникъ перенесъ свои пожитки въ хижину, и расположился въ ней. Между тѣмъ Лобгерръ счелъ обязанностью присматривать за нимъ въ окошко. Шведъ, оставшись одинъ, сталъ разглядывать всѣ части дома, всѣ углы комнатъ съ любопытствомъ и умиленіемъ; потомъ началъ цѣловать двери, столбы, полъ, словомъ все, что ни представлялось глазамъ его; нѣсколько разъ ложился въ постель, и опять вставалъ съ какимъ-то страннымъ безпокойствомъ; наконецъ потушилъ свѣчку, и заснулъ. На другой день съ разсвѣтомъ, онъ всталъ, позавтракалъ молокомъ и хлѣбомъ, и насильно заплативъ хозяину вчетверо, поспѣшно уѣхалъ. Въ альбомѣ путешественниковъ написалъ онъ слѣдующее: «Петру. Великъ былъ Киръ; Александръ былъ еще больше, но ты былъ—все; они же были только цари. Исчезли торжественныя арки Цесаря, но твой тріумфъ въ Россіи будетъ вѣченъ. Изъ всѣхъ владыкъ можетъ сравниться съ тобою одинъ только Фридрихъ. Но никто изъ нихъ, подобно тебѣ, не создавалъ собственнаго своего царства. Чингисханъ былъ славенъ силою и воинскими подвигами, но онъ былъ завоеватель, а не отецъ народовъ. Левъ сѣвера, Карлъ XII, заслуживаетъ, подобно тебѣ, дань хвалы на земли. Саандамъ, 1818 $^{28}/_{4}$. *У. В. Р.* (U. W. R.) изъ Э...... въ Швеціи. На той самой кровати, на которой спалъ Петръ, и я наслаждусь отдохновеніемъ.»

Въ томъ же году, по разрѣшеніи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Принцессы Оранской

(нынѣшней Королевы) отъ бремени Принцемъ Александромъ (2-го Августа н. ст.), Король подарилъ ей купленный имъ домикъ Петра. Великая Княгиня поспѣшила предохранить безсмертный сей памятникъ отъ угрожавшаго ему разрушенія. Домъ былъ окруженъ каменными арками, поддерживающими крышу; на зиму эти арки затворяются плотно. Смотрителемъ домика опредѣленъ одинъ изъ инвалидовъ ватерлооскихъ. Хижина сія была позорищемъ праздника, какимъ Великая Княгиня встрѣтила своего Августѣйшаго Супруга (22-го Сентября 1831) послѣ блистательной десятидневной его кампаніи въ Бельгіи. Жители Саандама не могутъ наговориться объ этомъ семейномъ празднествѣ, въ которомъ господствовали искренняя любовь, уваженіе и бладарность. Не менѣе достопамятенъ для нихъ и день посѣщенія сей хижины Цесаревичемъ Наслѣдникомъ Престола (29-го Апрѣля н. ст. 1839). Великая Княгиня, въ скромной одеждѣ, отличавшей ее отъ блистательной свиты, встрѣтила Племянника своего съ хлѣбомъ и солью. Духовникъ Ея Высочества отслужилъ молебенъ. — Засимъ послѣдовалъ роскошный завтракъ, окончившійся тостами въ память и славу Незабвеннаго.

Въ ознаменованіе сего достопамятнаго дня, вдѣлана въ стѣнѣ бѣлая мраморная доска съ надписью золотыми буквами:

Tsesarewitsch Troonopvolger
Grootvorst Alexander Nicolaewitsch
Den 17 April 1839.

На этой же доскѣ В. А. Жуковскій написалъ карандашемъ слѣдующіе стихи:

Надъ бѣдною хижиной сей
Летаютъ ангелы святые.

Великій Князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель Имперіей твоей,
Здѣсь родилась великая Россія.

Подъ ними переводъ этихъ стиховъ на Голландскій Языкъ, стихами же, Г. Леннепа.

На другой, мраморной же доскѣ начертана надпись въ память праздника, даннаго здѣсь 2-го Августа 1831. На третьей преданы памяти потомства первыя морскія кампаніи, совершенныя Принцемъ Фридрихомъ Генрихомъ (род. 13-го Іюня 1820), съ слѣдующихъ словахъ:

Frendrik Hendrik
Naneef van Peter den Grooten
vier campagnes ter zee
1833, 1834, 1835, 1836, 1837 en 1838
in Indien zijnde, onder het
geleide en opriegt van den kapitein ter zee Arriens.

Т. е. Фридрихъ Генрихъ, потомокъ Петра Великаго, совершилъ четыре морскія кампаніи въ Индіи, подъ руководствомъ и надзоромъ Флота Капитана Арріенса.

Еще должно упомянуть объ одной старинной надписи на продолговатомъ щитѣ: Nil magno viro indignum. Русскій переводъ ея (Ничто великому человѣку мало) самою погрѣшностью противъ правилъ Русскаго Языка свидѣтельствуетъ, что онъ обязанъ своимъ существованіемъ благородному усердію уважающихъ насъ иностранцевъ.

Въ меньшей комнаткѣ виситъ портретъ Петра Великаго, во весь ростъ, написанный Портманомъ, по желанію Ея Величества Королевы. Царь изображенъ въ одеждѣ тогдашняго корабельнаго плотника, окруженный орудіями своего ремесла. Подлѣ виситъ мѣдная дощечка съ нѣсколькими словами изъ надгробной рѣчи Ѳеофана. Тамъ же висятъ и лучшіе изъ гравированныхъ портретовъ Великаго.

На столѣ лежатъ альбомы, въ которыхъ вписаны имена путешественниковъ. Книга съ именами Августѣйшихъ Посѣтителей хранится за ключемъ, и я не могъ ея видѣть. Предосторожность не лишняя: дерзкіе туристы не боятся вырывать изъ альбомовъ листы съ подписями знаменитыхъ особъ.

Я не могъ насытиться зрѣлищемъ этого мѣста; переходилъ изъ одной комнаты въ другую; старался запечатлѣть въ памяти моей видѣнное, списывалъ надписи, затверживалъ что мнѣ толковалъ смотритель. Спутникъ мой разсматривалъ все очень равнодушно, но, къ счастію, не мѣшалъ мнѣ, и когда я спросилъ у него потомъ, какъ онъ могъ не восхищаться видѣннымъ, онъ отвѣчалъ равнодушно, что считаетъ и домикъ, и надписи, и все видѣнное нами поддѣльнымъ; что все это настроено, расписано, расхвалено только для того, чтобъ поживиться деньгами путешественниковъ (pour gagner l'argent des voyageurs)! Итакъ не удивитесь, если чрезъ нѣсколько времени прочитаете въ новоизданномъ путешествіи, что Петръ и Александръ, и домикъ перваго, и надпись другаго, и саандамскія старинныя преданія, и новыя торжества — все это небывальщина, все выдумано для обмана и разоренія легковѣрныхъ путешественниковъ!

Впрочемъ, не одинъ мой беоційскій Французъ, и другіе люди, поумнѣе его, не понимали величія этого домика и безсмертія его постояльца. Сказываютъ, что Наполеонъ, въ 1812 году, неожиданно прибывъ въ Саандамъ, съ небольшою свитою, входилъ въ домикъ Петра, но оставался равнодушенъ, и вышелъ, не сказавъ ни слова. Бывшая съ нимъ знатная дама расхохоталась, увидѣвъ внутренность бѣдной хижины, которую предпочли нѣкогда блистательнымъ палатамъ. Но кто мо-

жетъ судить о томъ, какіе помыслы, въ минуту посѣщенія хижины Петровой, неслись въ душѣ Наполеона? Онъ шелъ войною на царство, созданное Великимъ Работникомъ саандамскимъ; готовился встрѣтить сильный отпоръ могучаго народа, и здѣсь увидѣлъ, какое самоотверженіе, какая любовь къ отечеству руководили Предкомъ доблестнаго Владыки Россіи. Петръ началъ свое образованіе въ бѣдной хижинѣ, и умирая, оставлялъ Россію великою, могучею, славною. Наполеонъ въ нѣсколько лѣтъ вознесся на высшую степень земнаго величія, и кончилъ жизнь въ хижинѣ, меньше Петровой. Одинъ умѣлъ побѣдить себя для блага своей родины; другой побѣдилъ все, кромѣ самого себя. Повторяю: одинъ Богъ вѣдаетъ что мыслилъ Наполеонъ въ Саандамѣ: если онъ имѣлъ даръ предвѣдѣнія, какъ утверждаютъ нѣкоторые его Сеиды, — сквозь ветхія стѣны саандамскаго домика мечтались ему и пылающая Москва, и грозныя скалы Святыя Елены. — —

VII.

Антверпенъ, 27-го Іюня (9-го Іюля) 1843.

Желѣзныя дороги въ Голландіи только что начинаются, но со временемъ будутъ очень удобны и важны для внутреннихъ сообщеній. Донынѣ проведена дорога отъ Амстердама до Гарлема и Лейдена; отъ послѣдняго города, по направленію къ Гаагѣ, построена только еще одна станція. Въ нынѣшнемъ году она будетъ доведена до Гааги, а потомъ до Роттердама. Другая дорога строится отъ Арнгейма до Амстердама. Такимъ образомъ соединены будутъ между собою важнѣйшіе города Голландіи. Построеніе желѣзныхъ дорогъ въ Голландіи,

изобилующей канавами, свидѣтельствуетъ о превосходствѣ сообщеній посредствомъ паровозовъ надъ всѣми другими. (*)

Голландская медленность и хладнокровіе были причиною, что омнибусъ, на которомъ повезли насъ изъ гостиницы на станцію, опоздалъ нѣсколькими минутами. Мы, то есть человѣкъ двѣнадцать несчастныхъ странниковъ, не успѣли стащить своихъ пожитковъ съ крыши омнибуса, какъ длинный поѣздъ промелькнулъ мимо глазъ нашихъ, и оставилъ насъ еще часа на два въ Амстердамѣ. Досадно до крайности! Я не могъ удержаться отъ древняго восклицанія, которымъ на Руси выражаются всякія движенія душевныя. Два молодые человѣка въ толпѣ разсмѣялись и подошли ко мнѣ. «Вы, сударь, Русскій?» спросили они оба вдругъ по-нѣмецки. — «Виноватъ, грѣшенъ. А вы?» — Оказалось, что они русскіе Нѣмцы, одинъ изъ Риги, другой житель московскій, занятіемъ купцы, люди добрые и ласковые. Они путешествуютъ по Голландіи въ обществѣ и подъ руководствомъ агента одного изъ нихъ, и спѣшатъ въ Гаагу и Роттердамъ. Я охотно вступилъ въ ихъ компанію, и мы наняли вчетверомъ коляску до Гарлема.

Желѣзная дорога предпочтительна быстротою и дешевизною, но ѣзда въ обыкновенномъ экипажѣ, по шоссе, имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства. Рельсы пролегаютъ прямо, куда глаза глядятъ, по болотамъ и лѣсамъ, оставляя въ сторонѣ живописные виды и мѣста, достойныя вниманія. Шоссе извивается по точкамъ промышленнымъ, богатымъ и любопытнымъ. И съ этой стороны Амстердама представлялись намъ, по обѣимъ сторонамъ

(*) Всѣ эти предположенія уже исполнены. *Прим.* 1846 *г.*

дороги, прекрасныя дачи, окруженныя тѣнистыми садами. Вскорѣ взъѣхали мы на высокую насыпь, отдѣляющую воды залива Эй отъ Гарлемскаго Моря: съ одной стороны каналъ, съ другой ивовая аллея. Дорога ровная и прямая. Влѣво засинѣлось Гарлемское Море. Эта огромная масса воды безпрерывно увеличивалась съ XV столѣтія, и мало по малу поглощала прибрежья Рейна и Амстеля. Въ концѣ XVI столѣтія, послѣ опустошительнаго наводненія, слились между собою четыре небольшія озера: напоромъ воды разрушены были преграды между ими. Многія деревни погибли. Нѣкоторыя уцѣлѣли на мелкихъ мѣстахъ среди воды. Это такъ называемое море имѣетъ въ длину 24 версты, въ ширину 12; глубиною оно въ двѣ сажени, но половина этой глубины состоитъ изъ ила, который служитъ матеріяломъ къ выдѣлкѣ мелкихъ кирпичей, клинкеровъ, упомянутыхъ мною. Нерѣдко, отъ постоянныхъ и сильныхъ вѣтровъ, вода въ морѣ поднимается до значительной высоты, и ломится въ насыпь, которая одна защищаетъ всю окрестную страну отъ конечнаго разрушенія. Главный истокъ этого моря въ океанъ находится въ Катвейкѣ, неподалеку отъ Лейдена, гдѣ построены огромные шлюзы. Иногда случаются на этомъ морѣ сильныя бури, отъ которыхъ погибаютъ плавающія по немъ суда. Нынѣ приводится въ исполненіе гигантскій проектъ осушенія всего пространства, занимаемаго моремъ. Для этого составилось общество акціонеровъ; оно надѣется получить значительный доходъ отъ двадцати тысячъ моргеновъ земли, которая пріобрѣтена будетъ симъ средствомъ. Огромные насосы, приводимые въ движеніе вѣтромъ и парами, поднимаютъ воду и переливаютъ ее въ океанъ. Полагаютъ, что вся эта работа кончится въ три года. Въ гарлемской гостиницѣ, гдѣ мы останавливались, зашелъ споръ о томъ, ку-

да дѣнется рыба, населяющая море. Одни утверждали, что она погибнетъ; другіе говорили, что она уйдетъ въ тину.

Мы пріѣхали въ Гарлемъ въ девять часовъ. Что сказать объ этомъ городѣ? Это одинъ изъ экземпляровъ стереотипнаго изданія. Чисто, тихо, порядочно, мелко. Гарлемскія капли и Гарлемскія луковицы такъ извѣстны и знамениты, что мнѣ о нихъ говорить нечего. Впрочемъ, теперь пора цвѣтовъ уже прошла: они красуются въ Апрѣлѣ и Маѣ. — Въ Гарлемѣ знамениты органы въ Церкви Св. Бавона, построеные въ 1735 году. Они состоятъ изъ шестидесяти регистровъ и восьми тысячъ металлическихъ дудокъ: самая большая имѣетъ въ поперечникѣ 15 дюймовъ, а въ длину 32 фута. Этими органами выражаются и нѣжныя мелодіи флейты и кларнета, и громкіе звуки трубы, и звонъ колоколовъ, и грохотъ барабановъ, и завываніе бури, и удары грома. Я не слыхалъ ихъ, и передаю только то, что мнѣ о нихъ разсказывали.

На рынкѣ, передъ церковью, стоитъ статуя Лаврентія Костера, которому жители Гарлема приписываютъ изобрѣтеніе книгопечатанія. Подъ нею слѣдующая подпись: Ae M. S. Laurentio Costero Harlemensi, viro consulari, typographiae inventori vero monumentum hoc erigi curatum collegium medicum. Гарлемцы утверждаютъ, что Костеръ уже въ 1427 году вырѣзывалъ буквы на деревянныхъ доскахъ, и печаталъ съ нихъ. Такія доски и оттиски съ нихъ хранятся въ Гарлемской Ратушѣ. Потомъ, говорятъ, печаталъ онъ книги подвижными буквами, деревянными, свинцовыми и оловянными. По словамъ ихъ, одинъ работникъ Костера бѣжалъ въ Майнцъ, и сообщилъ новое изобрѣтеніе Гутенбергу. Но это пустое преданіе, ни на чемъ не основанное. Впрочемъ,

кто бы ни изобрѣлъ книгопечатаніе, слава Богу, что оно изобрѣтено. А благодѣтельный, порохъ могъ бы оставаться въ неизвѣстности. Впрочемъ, Гарлемцы умѣютъ обращаться и съ порохомъ: они съ необыкновенною храбростью и съ неутомимымъ постоянствомъ сопротивлялись усиліямъ Испанцевъ въ XVI вѣкѣ. Важнѣйшій подвигъ совершенъ былъ ими въ 1573 г. Укрѣпленія города были неважны; внутреннія средства къ оборонѣ едва ли достаточны. Гарнизонъ состоялъ изъ четырехъ тысячъ солдатъ, но всѣ граждане взялись за оружіе. Женщины, въ числѣ трехъ сотъ, составили роту подъ начальствомъ неустрашимой Кенау Гаселаръ, и вооружились пиками и мушкетами. Испанцы пробили двѣ бреши, но приступы ихъ были отражены, и послѣ семимѣсячной осады, въ теченіе которой они потеряли десять тысячъ человѣкъ, они были принуждены превратить осаду въ обложеніе. Между тѣмъ, всѣ способы Гарлема были истощены: гарнизону и жителямъ оставалось умереть съ голоду. Гарлемцы рѣшились, взявъ въ средину женъ и дѣтей, пробиться сквозь станъ вражескій. Испанцы узнали объ этомъ предположеніи: страшась отчаянія Голландцевъ, они предложили имъ миръ, съ условіемъ уступить городъ и выдать заложниками пятьдесятъ семь знатнѣйшихъ гражданъ. Такія жестокія условія не были бы приняты, если бъ требуемые заложники не явились добровольно. Испанцы, занявъ городъ, нашли, что гарнизонъ уменьшился до тысячи восьми сотъ человѣкъ. Они наблюдали условія трактата въ теченіе трехъ дней, но лишь только отобрано было у покоренныхъ оружіе, Герцогъ Альба и сынъ его, Фердинандъ Толедскій, съ бѣшенствомъ кинулись на беззащитныхъ. Бо́льшая ихъ часть была казнена, и когда утомились палачи, ихъ связывали попарно и бро-

сали въ Гарлемское Море.— Вѣроломство сіе преисполнило ужасомъ и негодованіемъ всѣ прочіе города Голландіи: геройская оборона Лейдена и Алкмара и совершенное изгнаніе Испанцевъ изъ Нидерландовъ были послѣдствіями сихъ злодѣяній. — Глядя на нынѣшнее, ничѣмъ не прерываемое спокойствіе и равнодушіе Голландцевъ, едва вѣришь, что они потомки тѣхъ неустрашимыхъ героевъ.

Въ ожиданіи отъѣзда прогуливались мы по рощамъ и лѣсамъ, окружающимъ Гарлемъ. Зелень здѣсь тучная и свѣжая, но деревья не слишкомъ высоки, и кустарники тощи. Когда же подумаешь, что все это насажено рукою человѣка, вопреки законамъ здѣшней природы, невольное изумленіе вырывается изъ глубины души.

И въ Лейденъ поѣхали мы не по желѣзной дорогѣ, а по шоссе. Мнѣ это было не очень пріятно, но — въ обществѣ имѣетъ власть большинство голосовъ, и я покорился рѣшенію моихъ спутниковъ. Дорога была подобна прежней, и ничего любопытнаго и новаго не представляла. Мы пріѣхали въ Лейденъ въ два часа, и остановились обѣдать въ гостиницѣ Золотаго Солнца, на Широкой Улицѣ. Въ ожиданіи благопріятнаго возгласа: кушанье на столѣ, отправились мы ходить по городу. Лейденъ понравился мнѣ болѣе Гарлема и даже Амстердама: онъ какъ-то свѣтлѣе, миловиднѣе, но и здѣсь та же тишина и скромность, то же отсутствіе уличной жизни, что и въ Гарлемѣ. Сперва пошли мы на такъ называемую *Руину.* Это просторная площадь, усаженная деревьями, на берегу канала. Здѣсь, 12-го Января 1807 года, взлетѣло на воздухъ судно съ 750-ю пудами пороху, отъ неизвѣстной причины. Ужаснымъ взрывомъ разрушенъ былъ цѣлый кварталъ; при семъ погибло человѣкъ полтораста, и въ томъ числѣ знаме-

нятый профессоръ Греческаго Языка Люзакъ, издатель извѣстной Лейденской Газеты. Мѣсто осталось незастроеннымъ. Люди спокойно проходятъ по этому позорищу страшнаго разрушенія; дѣти играютъ въ тѣни деревъ. Только старики вспоминаютъ о грозномъ днѣ, усугубившемъ еще страданія того тяжкаго времени. Тогдашній Король Голландскій, благородный Лудовикъ Наполеонъ, всѣми средствами старался облегчить участь пострадавшихъ. Память его драгоцѣнна и священна жителямъ Голландіи. Его стараніями построены шлюзы при Катвейкѣ, верстахъ въ восьми отъ Лейдена, которыми сообщается съ моремъ каналъ Рейна. Устье рейнское заграждено было въ 1810 году непроницаемыми песками, возмятенными ужасною бурею. Могучая рѣка терялась, не достигая моря, и только небольшая, едва примѣтная нить ея пробивалась сквозь песчаную преграду. Остальная вода останавливалась и превращала большое пространство земли въ топкое болото. Для отвращенія этого неудобства и для доставленія истока Гарлемскому Морю, сооружены были Катвейкскіе Шлюзы. Производителемъ работъ былъ инженеръ Конрадъ. Имя его было начертано на главномъ шлюзѣ, но такъ какъ притомъ упоминалось съ похвалою и о Лудовикѣ Наполеонѣ, услужливая рука какого-то благонамѣреннаго подлеца стерла надпись при перемѣнѣ правленія. Король Вильгельмъ былъ очень огорченъ этимъ случаемъ, и при послѣдовавшей вскорѣ кончинѣ строителя, принялъ троихъ дѣтей его на свое попеченіе.

Съ площади разрушенія отправились мы въ ратушу. Въ Италіи, Франціи и другихъ земляхъ католическихъ, главнѣйшія и великолѣпнѣйшія зданія суть церкви, а въ Голландіи ратуши. Лейденская Ратуша, лежащая на Широкой Улицѣ, зданіе странное и любопытное. Оно

построено въ 1574 году, почернѣло отъ времени, но отнюдь не обветшало. Залы совѣта, уголовнаго суда, и пр., такъ же какъ въ Нимвегенѣ и въ другихъ городахъ голландскихъ, убраны изящно и содержатся въ большой опрятности. По стѣнамъ висятъ картины, между прочими Страшный Судъ Луки Лейденскаго, нѣсколько хорошихъ портретовъ и большая историческая картина антверпенскаго живописца фанъ-Брее, написанная имъ въ 1817 году, и представляющая самоотверженіе лейденскаго бургомистра во время осады города Испанцами. Осада сія, происходившая послѣ гарлемской (съ 26-го Мая до 3-го Октября 1574 г.), составляетъ важнѣйшую эпоху въ исторіи Лейдена. Испанскою арміею начальствовалъ Вальдесъ. Лейденъ защищаемъ былъ Яномъ фанъ-деръ-Дусомъ (Jan van der Dœs); бургомистромъ былъ Петръ Адріансонъ фанъ-деръ-Верфъ. На требованіе сдачи города, отвѣчалъ онъ именемъ гражданъ: «Когда истрачены будутъ всѣ съѣстные припасы, мы съѣдимъ лѣвую свою руку, а правою будемъ защищаться.» Четыре мѣсяца граждане безропотно сносили всѣ тягости и нужды; всѣ они, и жены и дѣти, участвовали въ оборонѣ. Семь мѣсяцевъ не видали мяса; лошади, собаки, кошки, все было употреблено въ пищу. Съ жадностью пожирали коренья и траву. Съ голодомъ возникла и чума: погибло шесть тысячъ человѣкъ; тѣла ихъ валялись по улицамъ; живые, истомленные службою и голодомъ, не имѣли силы похоронить ихъ. Наконецъ прилетѣли два голубя; подъ крыльями ихъ нашли извѣстіе, что Принцъ Оранскій вознамѣрился пробить насыпи, для изгнанія непріятеля наводненіемъ. Но это предпріятіе не имѣло успѣха: вода поднялась не высоко, и флотилія, посланная Принцемъ съ пособіями, не могла приблизиться къ городу. Отчаяніе жителей

превратилось въ бѣшенство. Неистовая толпа ворвалась въ ратушу, и требовала у бургомистра хлѣба или сдачи. Онъ отвѣчалъ: «Я присягнулъ, что буду защищать городъ, и еще разъ клянусь предъ Богомъ, что сдержу свое слово. Хлѣба у меня нѣтъ, но если мое тѣло можетъ утолить вашъ голодъ, возьмите его, изрѣжьте въ куски, и раздѣлите между самыми голодными.» Такое великодушіе тронуло и образумило отчаянныхъ: они вышли изъ ратуши въ безмолвіи. Вскорѣ великодушіе сіе получило достойную награду. Не рука людей, а милость Божія спасла Лейденъ. Зашумѣла сильная буря съ югозапада; вода поднялась и затопила окрестности города. Въ испанскомъ лагерѣ потонули болѣе тысячи человѣкъ. Флотилія Принца Оранскаго, нагруженная съѣстными припасами, явилась у воротъ города. Оживленные Лейденцы напали на враговъ, и отразили ихъ. Это чудесное избавленіе произошло 6-го Октября: день сей донынѣ празднуется въ Лейденѣ. Чрезъ три дня вѣтеръ обратился къ сѣверовостоку, и вода сбыла. — Великодушный подвигъ Фанъ-деръ-Верфа изображенъ художникомъ съ искусствомъ и отчетливостью. Рисунокъ и колоритъ прекрасные. Знатоки порицаютъ *театральность* композиціи и излишнее стараніе въ изображеніи ужасовъ голода: умирающей матери съ младенцемъ, изнемогающаго старца, и проч.. Фанъ-деръ-Верфъ, спокойный, великодушный, готовый на все, изображенъ прекрасно. Знаменитое происшествіе увѣковѣчено еще слѣдующею надписью на мраморной доскѣ надъ входомъ въ ратушу:

Na s Warte h Vngersnoot
GebraCht hadde te doot
BI naast ses dVIsend MensChen,
ALs't GODT den Heer Verdroot

Gaf hI Vns Weder broot,
Soo Veel WI CVnten WensChen.

(Т. е. Когда черный голодъ погубилъ до шести тысячъ человѣкъ, Господь Богъ, симъ разгнѣванный, вновь далъ намъ хлѣба, сколько мы могли желать.)

Въ этой надписи достойна замѣчанія игривая замысловатость голландской старины. Большія буквы надписи: одно M, четыре C, два L, четырнадцать V (считая W за два V) и четыре I составляютъ число 1574—годъ бѣдствія. Сто двадцать девять буквъ означаютъ сто двадцать девять дней осады. — Имя Божіе не входитъ въ составъ числа.

Любопытно, что, по освобожденіи Лейдена, Принцъ Оранскій предложилъ гражданамъ выбрать себѣ награду: свободу отъ податей, или учрежденіе университета. Граждане избрали послѣднее. Лейденскій Университетъ принадлежалъ къ числу знатнѣйшихъ въ свѣтѣ: Гугонъ Гроцій, Декартъ, Салмазіусъ, Скалигеръ, Бургавъ, были въ немъ профессорами. И нынѣ процвѣтаютъ въ немъ науки естественныя и врачебныя. Число студентовъ простирается до шестисотъ. Теперь каникулы, и ихъ не видать. Говорятъ, что они большіе шалуны и забіяки: это происходитъ отъ нелѣпыхъ правъ, данныхъ имъ при учрежденіи университета. Въ XVII вѣкѣ полагали, что студенты непремѣнно должны пить, шумѣть и драться. Между тѣмъ, лейденскіе студенты, въ новѣйшее время, доказали и благородство своего духа. Въ 1831 г., когда Король Нидерландскій призвалъ народъ свой къ оружію, всѣ студенты составили отдѣльный отрядъ, и двинулись къ границѣ. Они отличились въ войнѣ съ Бельгійцами, и по окончаніи ея, до совершеннаго прекращенія опасенія, еще три года оставались въ военной службѣ. Въ залѣ университетской библіотеки хранится знамя, подъ которымъ сражались

благородные питомцы музъ. Въ латинской надписи на немъ сказано, что оно изготовлено дѣвственными руками, и что нидерландское юношество, памятуя доблести предковъ, всегда готово взяться за оружіе по призванію отечества и чести. — Музеи и кабинеты университета богаты и полны. Ботаническій садъ разведенъ Бургавомъ.—Въ Лейденѣ же находится Японскій Кабинетъ Г. Сибольда. Къ сожалѣнію моему, торопясь ѣхать далѣе, я не могъ видѣть ничего этого.

Послѣ обѣда выѣхали мы въ Гаагу. Дорога идетъ широкою аллеею, посреди густыхъ рощей и тучныхъ пажитей. Никакъ нельзя вообразить себѣ, что все это растетъ и красуется на тощей песчаной почвѣ низменной Голландіи, насильно отнятой у моря, что вблизи отсюда бушуютъ волны безбрежнаго океана! Сущій англійскій паркъ! Приближаясь къ Гаагѣ, видѣли мы влѣво прекрасное гульбище, Королевскую Рощу (het Bosch), наполненную веселящимся народомъ, но веселящимся по-голландски, т. е. чинно, тихо, благопристойно.—Мы остановились въ гостинницѣ Маршалъ Тюреннь.

Въ Гаагѣ ожидало меня большое удовольствіе: свиданіе съ бывшимъ моимъ ученикомъ (въ Петровской Школѣ) и искреннимъ пріятелемъ, Карломъ Ивановичемъ Шульцомъ (*). Нельзя вообразить себѣ, какое это удовольствіе — послѣ бесѣдъ и толковъ съ людьми чуждыми и незнакомыми, послѣ завтраковъ и обѣдовъ въ гостинницахъ, очутиться въ кругу добрыхъ пріятелей, въ обществѣ родныхъ съ нами по душѣ, съ милы-

(*) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ К. И. Шульцъ служитъ съ 1816 года Секретаремъ при Ея Величествѣ Королевѣ Нидерландской. Супруга его, дочь всѣми уважаемаго Великобританскаго Консула въ Кронштадтѣ, Г. Букера.

ми женщинами, съ любезными дѣтьми — говорить съ ними по-русски, говорить отъ души, безъ оглядки, безъ опасенія, не сказалъ ли чего лишняго! Но эти свиданія, эти бесѣды невыгодны для путевыхъ писемъ. Въ походномъ журналѣ отмѣчено: *Гаага, 24-го Іюня, видѣлся съ К. П. Ш.* Немногія слова сіи возбуждаютъ потомъ въ памяти и воображеніи рядъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній, но для Пчелы изъ нихъ ничего не выжмешь. Я провелъ съ добрыми, любезными людьми этими вечеръ и весь слѣдующій день, за исключеніемъ часовъ, посвященныхъ на посѣщеніе Схевенинга и интересныхъ мѣстъ Гааги. Сообщу теперь короткое свѣдѣніе и о Гагѣ и ея достопамятностяхъ.

Гаага была вначалѣ загороднымъ охотничьимъ дворцемъ Графовъ Голландскихъ, что означается и именемъ ея: s' Graven Hage, т. е. Графская Роща. Вокругъ замка выстроились частные домы; произошло мѣстечко, сдѣлавшееся резиденціею штатгалтеровъ Голландіи, но на степень города возведено оно не прежде царствованія Лудовика Бонапарте. Значительность свою получаетъ Гаага отъ пребыванія въ ней двора, отъ присутствія многихъ знатныхъ и богатыхъ фамилій, дипломатическаго корпуса, верховныхъ правительственныхъ мѣстъ и гарнизона. Торговля ея ничтожна. Жителей въ ней до пятидесяти пяти тысячъ. Городъ построенъ хорошо: улицы прямыя и довольно широкія; домы шире и больше, нежели въ иныхъ голландскихъ городахъ, но я тщетно искалъ здѣсь тѣхъ великолѣпныхъ палатъ, о которыхъ говорятъ нѣкоторые путешественники, изображая Гаагу второю Генуею! Архитектура простая и безвкусная. И чистота здѣсь уже не та педантская, которую находишь въ другихъ мѣстахъ. Прекрасны тѣнистыя аллеи и усаженныя густыми деревьями площади. Важ-

нѣйшее зданіе, или, лучше сказать, скопище зданій есть Биненгофъ, т. е. внутренній дворъ, обнесенный разнородными домами, и хранящій нѣкоторыя воспоминанія историческія. Въ одномъ изъ сихъ зданій, носящемъ слѣды старинной архитектуры, живали Графы Голландскіе; въ другомъ, новѣйшемъ, собираются нынѣ генеральные штаты. Здѣсь же помѣщаются нѣкоторыя присутственныя мѣста. — Въ одномъ изъ домовъ Биненгофа заключены были Гугонъ Гроцій и Барневельдъ. Первый освобожденъ былъ великодушною хитростью своей супруги; другой, на этомъ же дворѣ, сложилъ голову свою на плаху, 24-го Мая 1619 года. Неподалеку отъ этого мѣста, въ старинныхъ воротахъ, растерзанъ былъ народомъ (въ 1672 году) Корнелій де Витъ, ложно обвиненный въ замыслѣ на жизнь Принца Оранскаго. Подлѣ самаго Биненгофа находится большой четвероугольный прудъ Вейверъ (Vijver, le Vivier); посреди его островокъ, покрытый зеленью; по пруду плаваютъ лебеди. Пріятная картина среди шумнаго города! Но и тутъ воспоминанія мрачныхъ Среднихъ Вѣковъ: четыре камня на берегу пруда, въ аллеѣ, означаютъ то мѣсто, гдѣ ставили висѣлицу для казни преступниковъ.— Нельзя не видѣть и не признать успѣховъ ума и образованности людей въ исполненіи горестной обязанности правительствъ карать преступниковъ и злодѣевъ. Нынѣ совершаются сіи казни безъ огласки, въ тиши: люди какъ бы стыдятся преступленія своихъ ближнихъ, и карая ихъ именемъ закона, въ то же время предаютъ забвенію и предметы, и орудія казни. Не такъ было въ тѣ грубыя, варварскія времена, которыя мы называемъ Средними Вѣками, по которымъ вздыхаютъ романтики и слабонервныя читательницы рыцарскихъ повѣстей. Въ тѣ времена, всякая казнь была народнымъ торжествомъ,

на которое любопытные стекались издалека: смотрѣли на дѣйствія палача, какъ на театральное зрѣлище, раздѣляли между собою щепки эшафота, хранили въ ратушахъ сѣкиры и мечи, которыми казнены знатныя и извѣстныя особы. Въ Германіи долгое время сохранялись странныя повѣрья и обычаи старины въ этомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, всѣ столяры города обязаны были общими силами смастерить стулъ, на который сажали преступника, приговореннаго къ отсѣченію головы: это дѣлалось для того, чтобъ ни одинъ столяръ не могъ укорить другаго тѣмъ, что онъ работалъ на палача. Такъ же поступали и плотники, сооружавшіе эшафотъ. Палачи, отверженные обществомъ, пользовались особенными правами. Казнь преступника, изобличеннаго и осужденнаго закономъ, конечно должна происходить всенародно, на площади, для устрашенія людей, но въ то же время не должно принимать ни какихъ торжественныхъ обрядовъ. Случалось, что люди, прельщенные торжественностью казни, совершали тяжкія преступленія только для того, чтобъ быть предметомъ этой торжественности. — Оставивъ мѣста этихъ ужасныхъ и огорчительныхъ воспоминаній, обратимся къ предметамъ, радующимъ и возвышающимъ душу—къ произведеніямъ генія и искусства человѣческаго.

Дворецъ Королевскій, въ улицѣ Nordeinde, зданіе не большое, постройки красивой, но очень скромной. Дворецъ Принца Оранскаго отличается отъ частныхъ домовъ только своею величиною. Если архитектура не поражаетъ васъ наружностью зданій, за то во внутренности ихъ найдете вы пищу и удовлетвореніе любви къ изящному. Въ бывшемъ дворцѣ Оранской Фамиліи, называемомъ домомъ Принца Морица, подлѣ самаго Бинненгофа, помѣщается богатая картинная галерея, въ которой

я провелъ два часа съ большимъ наслажденіемъ. Упомяну о важнѣйшихъ ея сокровищахъ. Волъ, Павла Поттера, превосходнѣйшее его твореніе. Фигура представлена въ естественную величину. Картина эта была увезена Французами въ Парижъ, и въ числѣ луврскихъ сокровищъ считалась четвертымъ: первымъ было Преображеніе, Рафаэля; вторымъ, Св. Іеронимъ, Доминикина; третьимъ, Распятіе Св. Апостола Петра, Тиціана. Голландское Правительство, сказываютъ, давало 35,000 талеровъ Наполеону за позволеніе воротить эту картину въ Гаагу. Между тѣмъ, знатоки утверждаютъ, что корова Поттера, находящаяся у насъ въ Эрмитажѣ, выше этого вола, и что, вѣроятно, волъ написанъ не самимъ Поттеромъ, а его учителемъ. — Все это очень хорошо, но я не могу принудить себя къ восхищенію, когда смотрю на изображеніе глупой, безстрастной скотины! Прекрасный, бодрый, благородный конь, который, по гласу трубы, рвется на бой; даже собаки, сражающіяся съ тигромъ или кабаномъ — дѣло иное, а изображеніе вола! Еще менѣе интересуютъ меня картины битой дичи, сонной рыбы, свѣжей говядины, зелени, и т. п.! Но вотъ анатомія Рембрандта. Профессоръ Тюльпъ, окруженный своими учениками, готовится къ разъятію человѣческаго трупа. Предметъ не привлекательный, но исполненіе превосходное! Спокойная, довольная собою наука въ лицѣ профессора; любопытство и внимательность учениковъ, и предъ ними тѣло человѣка, недавно чувствовавшаго, мыслившаго, и теперь сдѣлавшагося предметомъ холоднаго изслѣдованія. Картина эта находилась въ анатомической школѣ, въ Амстердамѣ. Король Вильгельмъ I купилъ ее за 20,000 талеровъ. Богоявленіе, небольшая картина, превосходнѣйшая работа Рембрандта. Св. Симеонъ держитъ на рукахъ Предвѣч-

наго Младенца, отъ котораго истекаетъ свѣтъ. Рубенса: портреты двухъ женъ и духовника его, тучнаго, здороваго католическаго священника, картина удивительная жизнію и истиною! Нѣсколько портретовъ фанъ-Дейка. Іоанна Брейгеля: Рай; фигуры Адама и Евы написаны Рубенсомъ. Прелестные ландшафты Рейсдаля. Портретъ Павла Поттера, работы фанъ-деръ-Гельста. Тенирса: лабораторія алхимиста; голландская кухня. Несравненныя *мелочи* Жерарда Дова, Адріана фанъ-Остаде, Вуверманса, Франца Міериса, Яна Стеена. Я назвалъ ихъ мелочами, и не знаю, какъ иначе назвать эти геніяльныя произведенія, въ которыхъ отсвѣчивается весь мелочной духъ Голландцевъ: это въ искусствѣ то же, что цвѣточки, раковинки, букашки въ натурѣ. Рубенсъ тюльпанъ между ими.

Нижній ярусъ этого зданія занятъ кабинетомъ рѣдкостей китайскихъ, японскихъ, остъ-индскихъ, и вещей, принадлежавшихъ знаменитымъ людямъ. Всего любопытнѣе достопамятности японскія: извѣстно, что Голландцы, одни изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, имѣютъ издавна позволеніе посѣщать Японію. Не отъ сношеній ли съ Японцами происходитъ въ Голландцахъ эта любовь къ мелочамъ и бездѣлкамъ? Одинъ французскій путешественникъ назвалъ ихъ Китайцами Европы. Въ этомъ кабинетѣ находится модель острова Дезимы, голландской факторіи въ Японіи, сдѣланная Японцами съ удивительною точностью; оружіе, домашняя утварь, музыкальные инструменты, и т. п. Въ числѣ историческихъ достопамятностей отличаются: латы Адмирала Рейтера; одежда Вильгельма Оранскаго, бывшая на немъ въ тотъ день, когда онъ былъ умерщвленъ въ Дельфтѣ: сѣрый кожаный колетъ, обрызганный кровью и избитый пулями; подлѣ колета лежитъ пистолетъ, которымъ

совершено злодѣяніе, и двѣ бѣдственныя пули! — Любопытна огромная игрушка, сдѣланная по желанію, изъявленному Петромъ Великимъ. Въ большомъ шкапу, раздѣленномъ на шесть частей, за стеклами, представлена съ удивительною точностью внутренность голландскихъ комнатъ, кухни, хлѣва, овчарни, и проч. Домашняя утварь, мебели, фигуры людей и животныхъ, одежда,—все сдѣлано съ невѣроятною точностью. Говорятъ, что мастеръ трудился надъ моделью двадцать лѣтъ; но цѣна за эту игрушку показалась бережливому Царю слишкомъ великою, и игрушка осталась въ странѣ игрушекъ. Здѣсь же показываютъ стулъ, на которомъ сидѣлъ Генералъ Шассе во время осады Антверпенской Цитадели, его кружку; шпагу неустрашимаго фанъ-Спейка.

Другая драгоцѣнная галерея принадлежитъ нынѣшнему Королю, Вильгельму II, и находилась, до 1841 года, во дворцѣ его, въ Брюсселѣ. Въ ней достойны вниманія произведенія первыхъ, по времени, художниковъ нидерландскихъ: Іоанна фанъ-Эйка (1370—1441), изобрѣтателя масляныхъ красокъ; Дирка Гарлемскаго, основателя Голландской Школы; Іоанна Гемлинга, или Мемлинга, который, съ фанъ-Эйкомъ и Рожеромъ Брюжскимъ, усовершенствовалъ живопись Среднихъ Вѣковъ: придалъ ей чистоту исполненія и простодушіе, которыми отличаются произведенія XV вѣка; Квентинъ-Мессиса, антверпенскаго кузнеца, котораго любовь превратила въ великаго артиста; Бернарда фанъ-Орлея, Іоанна Мобёжскаго (de Mabuse) и Ламберта Ломбарда, которые дали Нидерландцамъ понятіе объ изящныхъ идеалахъ, изученныхъ ими въ Италіи. Старинныя картины Школъ Нидерландской и Нѣмецкой достойны вниманія, какъ историческіе памятники искусства, какъ свидѣтельства генія тѣхъ временъ, когда искусства и науки пробу-

ждались въ Европѣ отъ тысячелѣтняго сна; они заслуживаютъ вниманія знатоковъ многими неотъемлемыми достоинствами, но я не понимаю, какъ можно считать ихъ превосходнѣйшими произведеніями живописи, предпочитать ихъ картинамъ Школъ Италіянскихъ, и стараться подражать имъ рабски! А между тѣмъ новѣйшіе германскіе художники, особенно Школы Дюссельдорфской, поставили себѣ закономъ, что эти живописцы одни понимали искусство, одни достойны изученія и подражанія. Не понятно! Я думаю, это мнѣніе есть плодъ не вкуса, не ученія, а излишняго умничанья. — Какая разница съ этими странными, хотя и геніальными педантами, является, напримѣръ, въ твореніяхъ Рубенса: изъ пяти картинъ его, украшающихъ сей кабинетъ, упомяну объ одной, представляющей событіе изъ земной жизни Спасителя: отвѣтъ, данный имъ Фарисею, спрашивавшему, слѣдуетъ ли платить подать императору. На картинѣ представлены девять фигуръ по колѣни. Спаситель держитъ монету въ правой рукѣ, лѣвую поднимаетъ къ небу, отвѣчая: *Воздайте Кесарево Кесареви, а Божіе Богови.* Выраженіе удивительное! Божественное спокойствіе на лицѣ Іисуса; изумленіе на лицахъ окружающихъ Его. Какой Кранахъ или Голбеинъ въ состояніи выразить что либо подобное! Другая Рубенсова картина, совершенно въ иномъ родѣ, какимъ онъ занимался очень рѣдко, также достойна удивленія: это травля кабана въ лѣсу, на утренней зарѣ. Еще прекрасенъ потртетъ Барона де-Вика (de Vicq), бывшаго посланникомъ во Франціи и посредникомъ между Рубенсомъ и Маріею де Медичи. Рубенсъ написалъ портретъ де-Вика, въ благодарность за его предстательство у Королевы. Онъ живъ донынѣ! — За Рубенсомъ слѣдуетъ фанъ-Дейкъ: три превосходные портрета. Пять

портретовъ Рембрандта. Осенній видъ въ Вестфаліи, Рейсдаля, фигуры фанъ-деръ-Фельда; несравненный ландшафтъ!—Изъ школъ иностранныхъ есть здѣсь: потретъ Коломбина, Леонарда да Винчи; его же Леда; портретъ поэта Климента Маро, Тиціана; неконченный портретъ Франческа Пенни, Рафаэля; Александръ Великій, Юлія Романа; Богородица, Андрея дель-Сарто; Св. Іосифъ, Гвидо Рени; двѣнадцать Апостоловъ, Спаніолетта; два удивительные портрета (Филиппа IV и Оливареса), Веласкеса; три картины Клодъ-Лоррена; Успеніе Богородицы, Мурильо. Сколько наслажденія представляетъ эта зала! Сколько воспоминаній о тѣхъ временахъ, въ которыя, какъ розы весною, возникли искусства въ Италіи, Нидерландахъ и Германіи! Удивительно сходство между Италіею и Нидерландами, особенно Бельгіею (*).

Наслажденіе несравненными произведеніями искусствъ способствовало къ разцвѣченію Гааги въ памяти и воображеніи моемъ самыми пріятными, радужными цвѣтами. Городъ этотъ сохранилъ старинный свой характеръ, царской резиденціи. Въ немъ, какъ я сказалъ, господствуютъ голландская опрятность, голландская степенность, но нѣтъ того суетливаго движенія, того торговаго шума, тѣхъ огромныхъ коммерческихъ заведеній, которыми отличается Амстердамъ. Два предмета поразили меня въ немъ непріятнымъ образомъ. Во-первыхъ, ночныя нимфы, бродящія подъ густыми липами площадей, и во-вторыхъ, нищіе. Ни того, ни другаго не

(*) Также достойно вниманія то обстоятельство, что важнѣйшіе походы и знаменитѣйшія битвы совершались въ Верхней Италіи, въ Нидерландахъ и еще въ Саксоніи. Кажется, есть земли, предопредѣленныя свыше къ своимъ произведеніямъ и событіямъ.

видалъ я въ иныхъ городахъ Голландіи. Попеченія о бѣдныхъ въ этой землѣ дѣйствительно достойны удивленія и подражанія. Особенно примѣчательны колоніи бѣдныхъ, Фредериксоордъ и Виллемсоордъ, на восточномъ берегу Зейдерзее, между Меппелемъ и Стеенвейкомъ. Я не имѣлъ самъ времени посѣтить ихъ, и сообщаю здѣсь описаніе ихъ по вѣрнымъ источникамъ.

Когда, послѣ голодныхъ годовъ, 1816 и 1817, число бѣдныхъ въ Голландіи усилилось до чрезвычайности, нидерландскій Генералъ фанъ-деръ-Боскъ (van-der-Bosch) предложилъ основать такъ называемыя колоніи бѣдныхъ, чтобъ доставить пропитаніе людямъ, способнымъ къ работѣ, предохранить ихъ отъ нравственнаго разврата, и дать хорошее воспитаніе ихъ дѣтямъ. Это предложеніе принято было съ единодушнымъ одобреніемъ. Въ 1818 году составилось въ Гаагѣ благотворительное общество (schappij van Weldadigheit), подъ предсѣдательствомъ Принца Фридриха Нидерландскаго. Исполнителемъ предположенія общества былъ Генералъ фанъ-деръ-Боскъ. Въ городахъ и деревняхъ составились вспомогательные комитеты; члены платили по пяти рублей асс. въ годъ; число ихъ возвысилось до двадцати тысячъ. Купили незаселенное мѣсто въ провинціи Дренте, неподалеку отъ города Стеенвейка, и поселили на немъ, въ Ноябрѣ 1818 г., пятьдесятъ бѣдныхъ семействъ, построивъ для нихъ домы, амбары, прядильню, школу и жилища для смотрителей. Когда успѣхъ увѣнчалъ первые опыты, колонія была распространена и составила два мѣстечка, Фредериксоордъ и Виллемсоордъ. — Въ колонисты принимаютъ людей бѣдныхъ, но честныхъ, сиротъ, подкидышей, и т. п., которые дотолѣ содержались на счетъ города и селеній. Каждому колонисту отводятъ, по крайней мѣрѣ, три моргена земли, изъ которыхъ по-

ловина воздѣлана до его прибытія. Сверхъ того даютъ ему корову и молодую свинью, которую онъ долженъ выкормить. Нѣкоторые получаютъ и овецъ, отъ шести до десяти. При вступленіи въ колонію, каждое семейство получаетъ въ день шесть фунтовъ хлѣба, и въ недѣлю отъ трехъ до четырехъ шефелей картофеля, и двадцать пять штиверовъ на мелочныя закупки; но эти пособія отпускаются имъ не наличными деньгами, а марками, которыя принимаются только въ лавочкахъ колоніи. Выданное впередъ вычитается у колонистовъ въ послѣдствіи съ заработки ихъ, отчасти натурою, отчасти деньгами. Сверхъ того должны они платить по десяти процентовъ со всего своего дохода на издержки управленія и на уплату капитала, употребленнаго для покупки ихъ усадьбы. Остальной доходъ записывается въ пользу колониста. Уплатившій такимъ образомъ всѣ свои долги обществу, становится обыкновеннымъ фермеромъ, и освобожденъ отъ всякихъ податей, обязываясь только одѣвать и воспитывать своихъ дѣтей. Но, по слабости человѣчества, этотъ случай въ двадцать пять лѣтъ представился только однажды; правленіе довольно, если прочіе не впадаютъ въ новые долги. — Всѣ работы происходятъ подъ общимъ надзоромъ. Лѣнивцевъ ссылаютъ въ штрафную колонію о которой скажу ниже. Разные чиновники ежедневно посѣщаютъ колонистовъ въ домахъ ихъ. Вообще господствуетъ въ колоніи почти совершенно военная дисциплина. — Женщины занимаются пряденіемъ. И мальчики, моложе шестнадцати лѣтъ, прядутъ шерсть въ праздное отъ полевыхъ работъ время; но главное занятіе всѣхъ колонистовъ есть земледѣліе и сопряженное съ нимъ скотоводство. — Домы колоній, расположеные по обѣимъ сторонамъ большой дороги, и окруженные

плодовыми деревьями, построены изъ кирпича, въ одинъ ярусъ. Пахатныя поля находятся подлѣ домовъ. Каждая колонія состоитъ изо ста семействъ, и раздѣлена на четыре отдѣла (wijken). Число ремесленниковъ колоніи опредѣлено закономъ. Колонисты носятъ синіе кафтаны съ голубыми воротниками. Въ Фредериксоордѣ и Виллемсоордѣ живутъ нынѣ 550 семействъ, въ числѣ 2250 душъ. Въ шести школахъ восемь учителей наставляютъ пятьсотъ человѣкъ дѣтей. Самыя способныя и благонравныя изъ сихъ дѣтей поступаютъ въ земледѣльческое училище, и по окончаніи въ немъ курса наукъ, опредѣляются смотрителями въ колоніи. Колонія Веенгейзенъ (Veenhuisen), неподалеку отъ Ассена, состоитъ изъ трехъ большихъ зданій, въ которыхъ помѣщаются въ каждомъ по тысячи двѣсти сиротъ и по сту крестьянскихъ семействъ, которыя должны пещись о сиротахъ, обучать ихъ и помогать имъ въ полевыхъ работахъ. — Въ мѣстечкѣ Оммерсхансѣ находится колонія штрафная, въ которой содержатъ лѣнивыхъ и развратныхъ колонистовъ и присылаемыхъ туда на исправленіе нищихъ, числомъ до тысячи. Въ этой колоніи занимаются и земледѣліемъ и ремеслами: тканіемъ сукна, кузнечнымъ, столярнымъ и каретнымъ ремесломъ, и т. п. Дисциплина тамъ самая строгая и надзоръ бдительный. Во всѣхъ колоніяхъ благотворительнаго общества считается 8460 душъ. Послѣдствія попеченій о бѣдныхъ и нищихъ, для благосостоянія городовъ и нравственности ихъ жителей, неисчислимы! Франція возродилась бы въ политическомъ и нравственномъ отношеніи, если бъ могла освободиться отъ грязной части своего народонаселенія. Не говорю уже объ Англіи, которую разоряютъ нищіе.

Въ первое утро житья моего въ Гаагѣ, посѣтилъ я де-

ревню Схевенингенъ, лежащую на берегу моря, славную своими купальнями, на которыя съѣзжаются тысячи больныхъ изъ разныхъ странъ. Съ товарищами своими нанялъ я коляску, и пустился туда по прекрасной аллеѣ, насаженной Карломъ V. Чрезъ полчаса пріѣхали мы въ деревню, обитаемую рыбаками, и отправились къ морскому берегу, состоящему изъ песчаныхъ кургановъ, называемыхъ *дюнами*, которые взгромождены самою природою, какъ бы для защиты суши отъ напоровъ океана. Посреди этой песчаной пустоши возвышается великолѣпная гостиница, въ которой можно имѣть квартиру, столъ, завтракъ и всякія забавы для препровожденія времени. Купающихся, въ нынѣшнее холодное лѣто, очень мало. Вотъ Сѣверное Море, бурное и шумное. Валы его разбиваются на песчанной отлогости. Вдали носятся корабли. Подлѣ берега кареты, въ которыхъ ѣздятъ купаться. Сядете въ карету, закрытую со всѣхъ сторонъ; васъ отвезутъ въ море, на удобное мѣсто; кучеръ съ лошадью возвращается на берегъ. Вы находите въ каретѣ все нужное: скамью, столикъ, зеркало, чистыя полотенца. Я поспѣшилъ раздѣться, и бросился въ волны морскія. Очень пріятно, держась за желѣзный прутъ, придѣланный къ каретѣ, колыхаться на водѣ; вдругъ нахлынетъ валъ, приподниметъ и обольетъ васъ благодѣтельною влагою. Невыразимо усладительное чувство! Освѣженные купаньемъ, мы съ большимъ аппетитомъ позавтракали въ гостиницѣ, и купили, на память, нѣсколько прелестныхъ раковинъ, продающихся здѣсь во множествѣ. Здѣсь простился я съ добрыми спутниками: они поѣхали въ Роттердамъ, а я остался еще на день въ Гаагѣ. На обратномъ пути видѣлъ я множество рыбачекъ, отправлявшихся съ своимъ товаромъ въ Гаагу: однѣ носятъ

рыбу въ корзинахъ на головѣ; другія нагружаютъ ею телѣжки, везомыя собаками. Вообще собаки употребляются здѣсь очень часто вмѣсто лошадей и ословъ. Всѣ онѣ снабжены намордниками, и оттого отнюдь не опасны.

25-го Іюня, въ восемь часовъ утра, отправился я въ Роттердамъ въ дилижансѣ, миновалъ Дельфтъ, и въ десять часовъ остановился въ Hôtel des Pays-Bas, лучшей гостинницѣ Роттердама, на набережной *Подъ Деревцами* (Boompjes), на берегу Мааса. Вотъ городъ ужъ не Гаага! Роттердамъ есть большая купеческая контора, съ амбарами, пакгаузами, пристанями, и проч. Рѣка и каналы, пересѣкающіе городъ, наполнены кораблями парусными, пароходами, барками, лодками. Вездѣ шумъ и движеніе безпрерывные. Домы высокіе, кирпичные, отчасти закопченные дымомъ; густыя деревья безконечныхъ аллей по набережной отнимаютъ свѣтъ дневной, и придаютъ всему какой-то мрачный видъ. Роттердамъ, послѣ Амстердама важнѣйшій торговый городъ Голландіи, получаетъ значительность свою отъ непосредственнаго сношенія съ Рейномъ. Онъ выигралъ очень много по отпаденіи Бельгіи: многіе богатые купцы антверпенскіе переселились сюда. Число жителей его простирается до 74-хъ тысячъ. Часа два бродилъ я по городу, но нашелъ въ немъ мало замѣчательнаго: набережныя, аллеи, каналы, мосты, суда, матросы, торговки. Лучшая улица, пересѣкающая весь городъ паралельно съ Маасомъ, называется Высокою (Hoogstraat). Эта улица построена на насыпи, которою земля ограждалась отъ наводненій Мааса; сторона города, лежащая къ рѣкѣ (Buitenstad), насильно отнята у воды; домы построены тамъ на сваяхъ, и подвержены наводненіямъ; другая же сторона, внутренняя (Bienenstad), отдѣленная

отъ прежней Высокою Улицею, этого бѣдствія не знаетъ. Важнѣйшая достопамятность Роттердама есть памятникъ знаменитому уроженцу его, Эрасму Роттердамскому, воздвигнутый на торговой площади. Эрасмъ представленъ въ докторской мантіи и шапкѣ, читающимъ книгу. Статуя эта колоссальная, бронзовая. Забавники говорятъ, что Эрасмъ всякій разъ переворачиваетъ листъ въ книгѣ, когда *слышитъ*, какъ часы бьютъ полночь на высокой башнѣ собора. Въ Широкой Церковной улицѣ (breede Kerk-Straat) показываютъ домъ, въ которомъ родился Эрасмъ. На немъ надпись: Haec est parva domus, magnus quo natus Erasmus. Но въ самомъ домѣ кабакъ, а въ прилежащихъ къ нему другія заведенія, еще хуже! Du sublime au ridicule il n'y a souvent qu'un pas!

По дѣламъ моимъ адресовался я къ роттердамскимъ купцамъ, братьямъ Лукарди, и былъ принятъ ими очень учтиво и ласково. Послѣ обѣда возили они меня въ коляскѣ по окрестностямъ города, по насыпи, окружающей просторный польдеръ, застроенный деревнями, загородными дачами, покрытый садами и рощицами. Городъ представлялъ издали видъ живописный. Потомъ повели они меня въ клубъ, собирающійся въ просторномъ домѣ, въ которомъ жители Роттердама, разоренные, истерзанные Наполеономъ, давали ему балъ, при посѣщеніи имъ города. Вотъ можно сказать: неволя скачетъ, неволя пляшетъ, неволя пѣсни поетъ! Въ заключеніе спектакля показали они мнѣ картину Фламандской Школы, которой внѣ Голландіи видѣть не можно. Во всѣхъ приморскихъ торговыхъ городахъ, гдѣ пристаютъ корабли послѣ долговременныхъ странствій по морю, есть особыя мѣста для отдохновенія и забавы матросовъ. Такъ въ Гамбургѣ славятся Гамбургская Гора и знаменитая гостиница Петра Аренса, которую,

какъ рѣдкость, показываютъ каждому иностранцу, и которая, гнусностью своихъ посѣтителей, особенно посѣтительницъ, производитъ во всякомъ непривычномъ самое непріятное и грустное впечатлѣніе. Такіе же домы существуютъ въ портовыхъ городахъ Голландіи, но здѣсь они устроены гораздо чище, изящнѣе, благопристойнѣе. Мы вошли въ тѣсную улицу, освѣщенную множествомъ фонарей: это было въ одиннадцатомъ часу ночи. Въ домахъ раздаются звуки громкой музыки. По улицамъ гуляютъ матросы, трезвые и нетрезвые. Повсюду лавки съ съѣстными и питейными припасами. Надъ входомъ нѣкоторыхъ домовъ фонари, необыкновенно яркіе и большіе. Это такъ называемые *музико*, или матросскіе балы. Надъ каждымъ отличительная вывѣска. Знаменитѣйшіе подъ вывѣскою *лошади въ колыбели*! Мы вошли въ одинъ изъ такихъ домовъ: въ нижнемъ ярусѣ большая длинная зала, чистая и свѣтлая, освѣщенная гасомъ. Съ одной стороны буфетъ, съ другой эстрада для музыкантовъ. За входъ ничего не платятъ, но должно спросить пуншу, лимонаду или чего нибудь такого. Вдоль по стѣнамъ, на скамьяхъ, сидятъ матросы, Американцы, Португальцы, Нѣмцы, Шведы, Финны, и толкуютъ съ разряженными дамами. Другія изъ этихъ почтенныхъ дамъ, взявшись подъ руки, расхаживаютъ по залѣ, и вдругъ, при звукахъ самой нестройной музыки, составляютъ кадрили и танцуютъ. Матросы курятъ, пьютъ пуншъ и ухмыляются. Но все это происходитъ довольно тихо и чинно. Бесѣда идетъ шепотомъ. Разумѣется, такъ благопристойно бываетъ не всегда, но ограниченіемъ этихъ домовъ одною улицею, полиція пріобрѣтаетъ средства имѣть надъ ними безпрерывный и бдительный надзоръ

Въ половинѣ двѣнадцатаго воротился я домой, уло-

жилъ свои вещи, и перебрался на пароходъ, отправляющiйся въ часъ утра въ Антверпенъ. Отсюда пароходы отваливаютъ не въ одно извѣстное время, какъ у насъ: отплытiе ихъ зависитъ отъ прилива и отлива. Расположившись на диванѣ, перебиралъ я въ мысляхъ впечатлѣнiя, оставленныя во мнѣ Голландiею, которую теперь оставляю. Страна, достойная вниманiя и любопытства во многихъ отношенiяхъ, и я очень доволенъ, что видѣлъ ее, хоть только на лету и поверхностно. Трудолюбiе, постоянство, расчетливость и честность создали и землю и нацiю. Величiе ея состоитъ въ огромныхъ водяныхъ сооруженiяхъ, въ обширной торговлѣ, въ несмѣтномъ богатствѣ нѣкоторыхъ ея гражданъ. Прiятно прокатиться по этой любопытной странѣ; прiятно было бы прожить здѣсь нѣсколько времени, чтобъ узнать ее покороче. Но жить здѣсь долго, я бы не согласился; все здѣсь единообразно, скучно, мелко.... Перестану. И Французы, и Италiянцы сердились на меня за то, что я сказалъ о нихъ что думалъ. Къ чему еще вооружать добрыхъ, флегматическихъ Голландцевъ? Пусть они себѣ торгуютъ и наживаются; пусть обитаютъ они въ своихъ загородныхъ домахъ, какъ въ пустынѣ Ѳиваиды, курятъ табакъ изъ глиняныхъ трубокъ, и пьютъ чай изъ японскаго фарфора. Я благодаренъ имъ за нѣсколько дней, проведенныхъ съ удовольствiемъ, которое возбуждается въ душѣ всякаго путешественника зрѣлищемъ страны богатой, счастливой, спокойной, народа честнаго и трудолюбиваго. Желаю болѣе и болѣе твердости ихъ оплотамъ и насыпямъ; болѣе и болѣе денегъ ихъ сундукамъ; болѣе и болѣе дородности и свѣжести ихъ женамъ. Не скажу съ Вольтеромъ: adieu, canards, canaux, etc. Скажу: простите, добрые Голландцы и хорошенькiя Голландки! простите,

широкіе каналы и высокія насыпи, тѣнистыя аллеи и затворническіе домы; продажная вода и лѣтнія сани; чистые домы и грязныя рожи; богатыя ратуши и бѣдные храмы; великолѣпныя дачи милліонщиковъ и убогія жилища бѣдныхъ на баркахъ и плотахъ!

Раздается визгъ свистка, и машина парохода начинаетъ работать. Засыпаю — до Антверпена.

VIII.

Брюссель, 30-го Іюня (12-го Іюля) 1843.

Я проснулся часовъ въ семь, и вышелъ на палубу. Пароходъ летитъ быстро. Мы уже вышли изъ Мааса, обогнули два полуострова, и плывемъ по восточному рукаву Шельды. Берега плоскіе, не интересные. Изрѣдка спутники показываютъ мнѣ мѣста, достойныя замѣчанія въ историческомъ отношеніи; между прочимъ островъ Вальхеренъ, который Англичане заняли въ 1809 году, съ цѣлію истребить портъ и арсеналъ Антверпена, и потомъ были изгнаны со стыдомъ; далѣе крѣпость Бергенъ-опъ-Зоомъ. Но что видить въ такой крѣпости? Флагъ на валахъ, и изъ-за нихъ красныя крыши. Переѣздъ изъ Голландіи въ Бельгію не могъ совершиться безъ толковъ и сужденій о политическихъ переворотахъ и о нынѣшнемъ состояніи обѣихъ странъ. Я разговорился объ этомъ съ однимъ спутникомъ, человѣкомъ среднихъ лѣтъ, пріятной наружности. Въ послѣдствіи я узналъ, что это былъ Г. фанъ-деръ-Бергенъ, гентскій уроженецъ, употреблявшій, съ нѣкоторыми

согражданами своими, всѣ возможныя средства для воспрепятствованія отдѣленію Бельгіи отъ Голландіи. Это отдѣленіе было для Бельгіи чрезвычайно бѣдственно: промышленость и торговля ея остановились; многіе богатые негоціянты переселились въ Голландію; важныя фабрики прекратили свои дѣйствія, и если бъ Правительство не догадалось оживить дѣятельность страны желѣзными дорогами, бѣдствія ея были бы еще значительнѣе. «Но нѣтъ сомнѣнія, сказалъ одинъ молодой Нѣмецъ, вмѣшавшійся въ нашу бесѣду, что многіе Бельгійцы желали этой перемѣны.»— Да кто? возразилъ Г. фанъ-деръ-Бергенъ: негодяи, пьяницы начали бунтъ въ Брюсселѣ; къ нимъ присоединилась чернь; адвокаты и другіе безпокойные люди этимъ воспользовались, чтобъ возвыситься на общій счетъ, а Правительство, облагодѣтельствовавшее Бельгію, не могло вообразить возможность отпаденія, и потому не употребило въ началѣ всѣхъ своихъ средствъ: въ послѣдствіи уже было поздно. Предлоги недовольныхъ были нелѣпы. Главнымъ поводомъ къ неудовольствію было требованіе Нидерландскаго Правительства, чтобъ дѣла въ палатахъ Генеральныхъ Штатовъ производились на Голландскомъ Языкѣ. Бельгійцы хотѣли разглагольствовать по французски. Какъ бельгійскіе книгопродавцы безъ зазрѣнія совѣсти перепечатывали французскія книги, такъ и они хотѣли пользоваться готовыми фразами говоруновъ въ Парижской Палатѣ Депутатовъ. Между тѣмъ, только въ малой части южной Бельгіи господствуетъ Французскій Языкъ. Во всѣхъ прочихъ ея областяхъ говорятъ Языкомъ Фламандскимъ, который очень близокъ къ Голландскому. Къ отдѣленію Бельгіи содѣйствовало и Католическое Духовенство: оно имѣло въ Голландіи всѣ права, но раздѣляло ихъ съ другими; этого ему было мало. Оно хо-

тѣло присвоить себѣ исключительно воспитаніе юношества. Всѣ эти предлоги тщеславія и своекорыстія произвели несчастный переворотъ, къ бѣдствію и разоренію Бельгіи. Выиграли только нѣкоторые смѣльчаки и интриганты, которые умѣли наловить себѣ рыбы въ грязномъ омутѣ. Адвокаты и маклера сдѣлались министрами; актеры выскочили въ генералы. Теперь двѣ главныя партіи Бельгіи находятся между собою въ раздорѣ: духовенство поддерживаетъ требованія Папы и Іезуитовъ; партія движенія ему противится. Кто бы ни одержалъ побѣду, страна ничего не выиграетъ. Голландія, лишившись Бельгіи, не потеряла почти ничего. Торговля и промышленость ея еще выиграли. Правда, что несмѣтный долгъ обременяетъ и обезсиливаетъ ее, но обладаніе Бельгіею не пособило бы этому горю. Голландцы мужественно и неутомимо сопротивлялись усиліямъ Бельгіи, но поступали такъ только по внушенію національной чести и обязанности. Иные виды въ этотъ расчетъ отнюдь не входили.

Теперь сношенія между Голландіею и Бельгіею установились, какъ кажется, на прочномъ основаніи. Дѣла коммерческія, ученыя и семейственныя происходятъ между подданными двухъ государствъ безпрепятственно и ко взаимному удовольствію. Бельгійцы втайнѣ вздыхаютъ о своей глупости, а явно стараются показать, что они счастливы и довольны. Голландцы, сохранивъ честь свою, обезпечивъ свои вещественныя выгоды, на нихъ не сердятся. Но искренняго, единодушнаго согласія между сими двумя націями никогда не будетъ: въ нихъ сталкиваются и отражаются двѣ противоположныя стихіи: это вода и огонь, масса и воздухъ.

Въ бесѣдахъ и толкахъ я не видалъ, какъ летитъ время. Вотъ Лилло и Лифкенсгукъ, двѣ небольшія крѣ-

пости, недавно принадлежавшія Голландцамъ. Теперь на нихъ флагъ бельгійскій, трехцвѣтный; полосы красная, желтая и черная, расположенныя вертикально. Насъ досмотрѣли въ таможнѣ слегка. Въ туманѣ, направо, показалась высокая башня Антверпенскаго Собора.

Меня влекло въ Антверпенъ пріятное ожиданіе, основанное на самомъ усладительномъ чувствѣ въ мои лѣта — на воспоминаніи. За двадцать за шесть лѣтъ предъ симъ (въ 1817), пользуясь водами Эмса, въ обществѣ незабвеннаго родственника и друга моего Н. К. Борна, познакомился я тамъ съ двумя антверпенскими дамами, французскими уроженками. Одна изъ нихъ была жена богатаго купца; другая замужемъ за Датскимъ Консуломъ; обѣ миловидныя, любезныя, образованныя. Онѣ пріѣхали въ Эмсъ безъ кавалера; мы скучали безъ общества женщинъ; онѣ говорили по-французски; у меня, отъ нѣмецкихъ фразъ, вскочили было прыщики на языкѣ: удивительно ли, что мы разговорились, познакомились, подружились! По окончаніи курса, въ Сентябрѣ, мы проводили добрыхъ нашихъ сестеръ (какъ мы ихъ называли, пользуясь сами пріятнымъ именемъ братьевъ) до Франкфурта, и тамъ разстались. Въ послѣдствіи мы иногда переписывались и пересылались поклонами, но послѣ антверпенской осады, разселившей многихъ тамошнихъ гражданъ по разнымъ странамъ, я потерялъ ихъ изъ виду, только не изъ сердца (*). Въ Январѣ нынѣшняго года, слушая прекрасное пѣніе милой Элизы Меерти, я былъ восхищенъ однимъ новымъ романсомъ, и спросилъ объ имени сочинителя. «Альбертъ Гризаръ,

(*) Я описалъ это знакомство во второй части моего романа: Поѣздка въ Германію. Критики не понимали, откуда взялся этотъ эпизодъ, а я не понималъ, откуда взялись критики.

отвѣчала она: «антверпенскій уроженецъ.» — Гризаръ! воскликнулъ я въ радостномъ изумленіи: сынъ нѣмецкаго купца, владѣльца чугунныхъ заводовъ въ Ниверпѣ, близъ Эмса; его мать Француженка; зовутъ ее Сусанною; сестра ея, Сезарина, за Датскимъ Консуломъ; у Сусанны дочь Жюльетта. — «Точно такъ!» отвѣчала Элиза, дивясь моему котроткому знакомству съ ея пріятельницами. На той же недѣлѣ Г-жа Меерти получила изъ Антверпена письмо, въ которомъ Г-жа Гризаръ просила ее узнать, живъ ли нѣкто Гречъ, отыскать его, и поклониться ему отъ сестры. Я тотчасъ же самъ написалъ къ ней, и она отвѣчала мнѣ немедленно приглашеніемъ посѣтить ее въ Антверпенѣ, въ кругу ея семейства. Надежда увидѣться съ этою любезною и почтенною женщиною, увѣренность, что искренняя дружба встрѣтитъ меня на порогѣ — представляли мнѣ Антверпенъ въ самомъ пріятномъ свѣтѣ.

Вскорѣ приблизились мы къ Антверпену, который, со стороны рѣки, представляетъ прекрасный видъ. Это не Роттердамъ, темный, шумный, тѣсный. Набережная Шельды застроена великолѣпными и красивыми домами. Берегъ выровненъ и идетъ прямою террасою, къ которой пристаютъ корабли. Все свѣтло, чисто, привѣтно и довольно оживлено. У насъ отобрали паспорты, и я отправился въ лучшую гостинницу города. Улицы антверпенскія не прямыя, но довольно широкія и очень чистыя. Домы, по большей части, новой архитектуры, но есть и старинные, высокіе, узкіе, оканчивающіеся треугольникомъ, построенымъ уступами. Женщины хороши собою, но это уже не голландская красота, бѣло-румяная, дородная, а болѣе французская или испанская: выразительные черные глаза, правильныя черты лица, и убійствен-

ная игра по краямъ маленькаго ротика. Языкъ слышится вездѣ Фламандскій, но многіе говорятъ по-французски.

Расположившись въ изящной гостиницѣ (Hôtel St. Antoine), гдѣ отвели мнѣ чистую, уютную комнату, окнами въ садъ, написалъ я къ г-жѣ Гризаръ, и просилъ позволенія посѣтить ее. Мужъ ея въ Германіи; сама она живетъ на дачѣ, за городомъ. Я отправился къ ней послѣ обѣда, и былъ встрѣченъ такъ, какъ будто мы разстались за двадцать за шесть часовъ, а не за двадцать за шесть лѣтъ. Двадцати-восьмилѣтняя, слабая здоровьемъ, нѣжная, томная женщина, превратилась въ полную, добрую полу-старушку; прекрасные глаза говорятъ по-прежнему; бѣленькія ручки, точеныя ножки, все какъ въ Древней Исторіи. Съ невыразимою ласкою и привѣтливостью ввела она меня въ кругъ своего семейства: дочь ея, Жюльетта, которую я носилъ на рукахъ, замужемъ за Неаполитанскимъ Консуломъ, Г. Фальконе, миловидная, любезная, добрая мать троихъ дѣтей; старшій сынъ, Альбертъ, геніяльный артистъ, живетъ теперь въ Неаполѣ, и сочиняетъ музыку католической обѣдни; другой, Феликсъ, помогаетъ отцу въ дѣлахъ коммерческихъ, женатъ на премилой Фламандкѣ; третій, двадцати-двухлѣтній, Эмиль, также вертитъ Иксіоново колесо въ конторѣ родительской, но въ свободное время занимается поэзіею и искусствами. Все въ домѣ являетъ достатокъ, довольство, счастіе, семейную любовь. Въ двадцать шесть лѣтъ только одинъ грустный случай, кончина младшей сестры, помрачилъ эту благословенную жизнь. Сезарина, съ мужемъ своимъ, живетъ въ Парижѣ.

Въ этомъ почтенномъ, любезномъ семействѣ провелъ я три дня какъ среди своихъ, и болѣе всѣхъ полюбилъ

младшаго сына, Эмиля, можетъ быть потому только, что чаще съ нимъ видѣлся. Онъ былъ неразлучнымъ моимъ товарищемъ и усерднымъ путеводителемъ по Антверпену: ему обязанъ я знакомствомъ съ тамошними артистами и ихъ произведеніями; ему обязанъ многими счастливыми минутами; ему обязанъ сладостнымъ воспоминаніемъ о любезномъ, умномъ, образованномъ, благородномъ человѣкѣ. Теперь разскажу о томъ, что я видѣлъ въ Антверпенѣ, сообщу легкій очеркъ этого города, любопытнаго во многихъ отношеніяхъ.

Антверпенъ (Anvers) лежитъ на лѣвомъ берегу Шельды, и имѣетъ нынѣ 78,000 жителей. Имя его производили отъ баснословнаго преданія о страшномъ исполинѣ, который будто бы обиталъ въ древности на берегу Шельды, бралъ въ плѣнъ людей, не хотѣвшихъ платить ему дань, отрубалъ имъ руку, и бросалъ ее въ рѣку: hand verpen по-фламандски значитъ бросить руку. Это преданіе основывается на гербѣ города: за́мокъ и надъ нимъ двѣ руки. Гораздо вѣроятнѣе, что это слово значитъ *на верфи* (aen't werf). Благопріятное положеніе города неподалеку отъ устья широкой рѣки, по которой могутъ ходить большія суда, доставило ему въ Средніе Вѣки значительность, силу и богатство. Число жителей его простиралось до двухъ сотъ тысячъ. Многочисленные корабли стояли у его пристани. Въ царствованіе Карла V, Антверпенъ былъ самымъ дѣятельнымъ городомъ Европы. На ярмарки его стекались купцы со всѣхъ сторонъ. Промышленость процвѣтала. Издѣлія фландрскія и брабантскія отправляемы были въ Аравію, Персію и Индію. Корабли купцовъ антверпенскихъ покрывали Океанъ; въ Черномъ Морѣ оспоривали они первенство у Генуэзцевъ. — Упадокъ города начался уже во время испанскаго владычества. Инквизиція из-

гнала тысячи трудолюбивыхъ шелковыхъ ткачей: они переселились въ Англію. Въ 1585 — 86 годахъ городъ выдержалъ четырнадцатимѣсячную осаду. По заключеніи Вестфальскаго Мира (1648), закрыто было Голландцами плаваніе по Шельдѣ, и всемірная торговля Антверпена прекратилась. Съ 1794 до 1814 г. Антверпенъ принадлежалъ Французамъ. Наполеонъ старался возвысить его на степень приморскаго военнаго города: усовершенствовалъ укрѣпленія, построилъ доки и верфи. Въ 1814, Карно выдержалъ въ немъ осаду, и въ слѣдующемъ году Антверпенъ присоединенъ былъ къ новоучрежденному Королевству Нидерландскому. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ благосостояніе города значительно возвысилось: процвѣла торговля, усилилась промышленость, развились искусства. Бѣдственное возстаніе 1830 г. прекратило этотъ кратковременный періодъ спокойствія и счастія. Торговля упала, и нынѣ производится только на иностранныхъ судахъ. Бывало не ставало рукъ для разгрузки и нагрузки кораблей въ гавани и на Шельдѣ: теперь голодные работники стоятъ на пристани, склавши руки.

Укрѣпленія Антверпена весьма значительны. Помните ли, почтенные читатели Сѣверной Пчелы, какъ внимательно слѣдили мы за обороною Антверпенской Цитадели храбрымъ Генераломъ Шассе, въ 1832 году? И люнетъ Св. Лаврентія, и тетъ-де-понъ Фландрскій были намъ близки и знакомы. Теперь я видѣлъ эти знаменитыя укрѣпленія, но смотрѣлъ на нихъ, какъ пѣтухъ на жемчужину: не при мнѣ-де писано. Бастіоны, рвы, куртины, равелины, гласисъ и тому подобные фокусы инженерной науки представляютъ здѣсь бывалому человѣку обширное поле для наблюденія и размышленія; для меня это тарабарская грамота. Видны еще

развалины разрушенныхъ тогда домовъ; видны пустыри, которые до осады были покрыты домами и садами. — Чѣмъ болѣе я вижу земель и людей, тѣмъ болѣе увѣряюсь въ сладостной мысли, что война между народами образованными теперь едва ли сбыточна и возможна. Покамѣстъ Европейцы дерутся только еще съ Китайцами, Бирманами, Бедуинами, Черкесами, а между ими самими долго не дойдетъ до войны. Но если хочешь сохранить миръ, будь готовъ къ войнѣ! говоритъ старинное правило И вотъ почему военная и морская сила государствъ Европы, ихъ крѣпости и арсеналы должны быть въ исправности. Кто знаетъ, откуда можетъ вспыхнуть гроза, Всѣ наши предположенія и расчеты ничтожны предъ велѣніями и глаголами Провидѣнія. На Бога надѣйся, а самъ не плошай! — Свирѣпый Герцогъ Альба, въ ознаменованіе побѣды при Геммингенѣ, воздвигъ было самъ себѣ бронзовую статую на платформѣ Антверпенской Цитадели. Гордый Испанецъ, пролившій рѣки невинной крови въ Нидерландахъ, изобразилъ себя въ военномъ мундирѣ, съ протянутою къ городу рукою. Онъ попиралъ ногами дворянство и народъ, побѣжденные имъ: они представлены были въ видѣ двуглаваго чудовища, съ отличительными знаками убогихъ (les gueux), мискою и котомкою. На піедесталѣ было начертано: Ex aere captivo (Изъ добытой у врага мѣди) (*). Преемникъ Альбы въ управленіи Нидерландами, приказалъ снять статую съ мѣста. Народъ, открывъ

(*) Побѣжденные съ своей стороны отвѣчали слѣдующею эпиграммою:

Cur statuam vivo tibi dux Albane dediste ?

An quia defuncto nemo daturus erat.

(Т. е.: Почему, Герцогъ Альба, воздвигъ ты себѣ памятникъ заживо? — Потому, что никто не поставилъ бы тебѣ его послѣ твоей смерти).

ее гдѣ то, въ 1577 году, надѣлъ ей на шею веревку, и таскалъ въ грязи по улицамъ. Въ 1635 году нашли обломки этой статуи, и вылили изъ нихъ распятіе, находящееся нынѣ надъ главнымъ входомъ соборной церкви.

Портъ и доки Антверпена еще важнѣе его цитадели. Наполеонъ, старавшійся помѣщать кораблестроительныя свои заведенія во внутренности земли, въ устьяхъ большихъ рѣкъ (куда не могла достигать разрушительная сила непримиримыхъ враговъ его), оцѣнилъ всю важность Антверпена. На проѣздѣ чрезъ городъ приказалъ онъ Морскому Министру своему (Декре) отрядить туда пятьсотъ рабочихъ изъ Бреста, и начать предполагаемыя построенія. Мирные купцы антверпенскіе испугались этихъ воинственныхъ замысловъ, и просили оставить гавань ихъ въ покоѣ. Наполеонъ увѣрилъ ихъ, что портъ военный будетъ совершенно отдѣленъ отъ купеческаго. Самъ министръ предпочиталъ Портъ Флиссингенскій, но Наполеонъ настоялъ на своемъ. 21-го Іюля 1803 года предписано было построить въ Антверпенѣ морской арсеналъ и верфи. 16-го Августа 1804 положено было имъ первое основаніе. Въ 1805 году спустили съ новоустроенныхъ верфей три корвета и фрегатъ. Въ 1803 году Антверпенъ не имѣлъ ни одного собственнаго судна; въ 1806 году, 627 судовъ, бриговъ, шлюповъ, и т. п., производили прибрежную торговлю съ разными сосѣдственными городами. Въ этомъ году кончены были два огромные бассейна (дока), одѣтые камнемъ: въ одномъ могли помѣщаться двѣнадцать линѣйныхъ кораблей, въ другомъ сорокъ. Постройка ихъ стоила 13,000,000 франковъ. Они лежатъ подлѣ самой рѣки, и вода выпускается изъ нихъ посредствомъ шлюзовъ. Въ меньшемъ починивали и конопатили ко-

рабли. Въ большомъ предполагалось давать пріютъ эскадрѣ въ то время, когда сильный ледъ идетъ по Шельдѣ. Для обшивки судовъ мѣдью назначались два малые бассейна. Для облегченія сообщеній бассейновъ съ верфями, лежащими на другой сторонѣ города, срыты были домы по берегу, и построена прекрасная каменная набережная До 1813 года спущено было на воду около тридцати военныхъ кораблей (одинъ 120-ти-пушечный, два 80-ти-пушечные, остальные 74-хъ-пушечные) и три фрегата. Въ 1814 г. строительные матеріялы и военно-морскіе снаряды Антверпена составляли капиталъ въ 300 милл. франковъ.

Нынѣ портъ Антверпена представляетъ печальную и нравоучительную картину падшаго величія. Огромныя, величественныя сооруженія дремлютъ въ бездѣйствіи. Въ одномъ изъ бассейновъ стоитъ знаменитый Англійскій пароходъ British Queen, который, попеременно съ Президентомъ, плавалъ изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ, и обратно. Послѣ бѣдственной гибели Президента, Англійская Компанія рѣшилась построить новыя суда, и продать British Queen. Бельгійское Правительство купило этотъ пароходъ для заведенія прямыхъ сношеній съ Америкою, но въ самый первый рейсъ судно сіе оказалось неудобнымъ: машина его слаба въ соразмѣрности съ величиною и тяжестью судна. Онъ пришелъ въ Антверпенъ шестнадцатью днями позже срока, и на пути находился въ большой опасности. Никто не хотѣлъ на немъ ѣхать въ послѣдствіи, и теперь онъ гніетъ въ докѣ. Зданіе удивительное! Это цѣлый домъ, великолѣпно устроенный, снабженный всѣми средствами къ удовлетворенію нуждамъ и прихотямъ самой роскошной жизни. Какъ любезенъ, милъ и привлекателенъ пароходъ на якорѣ, въ докѣ, когда его не качаетъ буря, не

поднимаетъ къ облакамъ и не низвергаетъ въ бездну! Подумаешь: и Президентъ былъ такъ же великолѣпенъ, просторенъ, уютенъ: теперь обломки его лежатъ грудою на днѣ Океана.

Между двумя бассейнами лежитъ старинное зданіе, пакгаузъ Ганзы, съ гербами трехъ ганзейскихъ городовъ, и надписью: Sacri Romani Imperii Domus Hansæ Teutonicae (1564). Донынѣ живетъ въ этомъ зданіи ганзейскій консулъ. За внутреннимъ бассейномъ возвышаются новыя великолѣпныя зданія — пакгаузы, построенные Нидерландскимъ Королемъ Вильгельмомъ I.

Вотъ военныя и коммерческія достопаматности Антверпена! Обратимся теперь къ нетлѣннымъ его сокровищамъ, къ старинымъ его зданіямъ и къ драгоцѣннымъ произведеніямъ прежнихъ и новыхъ художествъ.

Важнѣйшее зданіе Антверпена, его гордость и слава, есть знаменитый соборъ, занимающій не послѣднее мѣсто въ первомъ ряду готическихъ сооруженій Среднихъ Вѣковъ. Преданіе, сохранившееся въ одной старинной хроникѣ, говоритъ, что въ началѣ XII вѣка, нѣкто Танквелинъ (Tanquelin), человѣкъ богатый, умный, но развратный и коварный, распространялъ въ Антверпенѣ и его области нечестіе и пороки, соблазнялъ женщинъ, разорялъ неопытныхъ, и составилъ себѣ вспомогательную дружину изъ трехъ тысячъ человѣкъ, которые слѣпо ему повиновались. Власть свѣтская и духовная тщетно старалась прекратить эти неустройства, и наконецъ рѣшилась призвать изъ Франціи знаменитаго проповѣдника, Епископа Норберта. Онъ прибылъ съ двѣнадцатью учениками, и успѣлъ остановить разливъ нечестія и разврата. Святой мужъ въ послѣдствіи основалъ нынѣшній соборъ. Башня построена была съ 1422 до 1518 года. Въ 1825 началась починка зданія во всѣхъ частяхъ его,

и продолжается понынѣ. До Французской Революціи, по сторонамъ храма были тридцать два мраморные алтаря, наполненные рѣдкими картинами и драгоцѣнными украшеніями; тамъ было сто подсвѣчниковъ литаго серебра, четыре жертвенника изъ того же металла, золотая, осыпанная драгоцѣнными каменьями дарохранительница временъ Франциска I. Все это разрушено и расхищено буйными республиканцами.

Наружный видъ собора величественъ. Башня его, вышиною въ 466 французскихъ футовъ (около 78 саженъ), считается однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ образцовъ Готической Архитектуры: она сквозная и, по словамъ Наполеона, походитъ на тонкія брюссельскія кружева. Антверпенскій Соборъ есть самый огромный и великолѣпный храмъ въ Бельгіи, богатой мастерскими произведеніями стариннаго зодчества. Въ концѣ XVI вѣка, внутренность его была опустошена неистовыми иконоборцами, и въ послѣдствіи возстановлена съ благородною простотою, приличною храму христіанскому. Церковь состоитъ изъ трехъ отдѣловъ (nefs), и потолокъ ея утвержденъ на ста двадцати пяти столпахъ. Перспектива средняго, широкаго отдѣла восхитительна. Главнѣйшее сокровище сей церкви заключается въ украшающихъ ее произведеніяхъ кисти Рубенса.

Рубенсъ, царь нидерландскихъ живописцевъ, избралъ столицею своей нетлѣнной славы Антверпенъ, въ которомъ покоится и прахъ его. Не знаю, въ исторіи художествъ, человѣка, который соединялъ бы въ себѣ столько неотъемлемыхъ, превосходныхъ достоинствъ. Исторія прочихъ художниковъ, съ немногими варіантами, есть слѣдующая: родился тогда-то, учился у того-то, принялъ манеру такого-то, влюбился и женился, или не влюблялся, а женился, былъ скупъ или расточителенъ, угрюмъ

или привѣтливъ, писалъ много или мало, умеръ тогда-то, погребенъ тамъ-то. А этотъ исполинъ шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка, въ двадцать три года отъ роду превзошелъ своихъ учителей, людей геніяльныхъ и искусныхъ, былъ чтимъ и уважаемъ императорами и королями, исполнялъ, къ общему ихъ удовольствію, многія дипломатическія порученія, и во всѣхъ странахъ, куда ни призывала его судьба, оставилъ великіе памятники своего искусства и генія. Считаютъ слишкомъ тысячу триста картинъ его, которыя воспроизведены гравюрами. Какъ художникъ, онъ стоитъ непосредственно подлѣ Рафаэля и Микель-Анджела; какъ человѣкъ геніяльный, умный и образованный, равняется съ первыми людьми своего вѣка, богатаго великими и блистательными характерами. Слава и величіе награждали его заслуги, но не заглушали въ немъ голоса сердечныхъ чувствъ. Получивъ въ Италіи вѣсть о болѣзни матери, онъ бросилъ великолѣпные дворцы, въ которыхъ его угощали и честили, и поспѣшилъ въ Антверпенъ.

Въ Антверпенскомъ Соборѣ красуются три произведенія его: Снятіе со Креста, Воздвиженіе Креста и Успеніе Богородицы. Первая изъ сихъ картинъ считается первостепеннымъ произведеніемъ Рубенса, и привлекаетъ въ Антверпенъ художниковъ и любителей изъ всѣхъ странъ Европы. Всѣ они удивляются величію мысли, божественности предмета, изяществу и чистотѣ исполненія. Смѣю ли я ее описывать и исчислять красоты ея! Поѣзжайте въ Антверпенъ, читатель мой, и насладитесь ими! Сообщу вамъ два анекдота, которые разсказываютъ объ этой картинѣ путешественникамъ. Рубенсъ, склонясь на просьбы Эрцгерцога Алберта, рѣшился забыть любезную свою Италію, и поселился въ

Антверпенѣ. Онъ купилъ домъ, и началъ распространять его, по своей прихоти. Сосѣди его, Общество Стрѣлецкое, нашли, что онъ перешагнулъ своимъ строенiемъ за черту земли, ему принадлежащей. Онъ утверждалъ, что это неправда, и между ими возникъ споръ (какъ недавно у насъ, на Невскомъ Проспектѣ, насупротивъ Казанскаго Собора, между домами Имзена и Лубье). Спорили, спорили; наконецъ Рубенсъ признался, что онъ неправъ, и обязался, въ вознагражденiе Стрѣлецкаго Общества, написать запрестольный образъ для Церкви Св. Христофора, считавшагося патрономъ общества. Рубенсъ, воспользовавшись значенiемъ греческаго имени Христофоръ (Христоносецъ), написалъ Снятiе со Креста, причемъ многiя особы *несутъ Христа*. По сторонамъ, на ставняхъ (volets), изобразилъ онъ, въ томъ же смыслѣ, Дѣву Марiю съ Елисаветою и Святаго Симеона Богопрiимца. Но стрѣлки не были довольны этою аллегорiею: они требовали именно изображенiя Св. Христофора: Рубенсъ написалъ его на наружной сторонѣ одной ставни, и подлѣ него изобразилъ филина — въ знакъ невѣжества своихъ земляковъ. — Говорятъ еще, что однажды ученики Рубенса, въ его отсутствiе, убѣдили слугу впустить ихъ въ мастерскую, и со вниманiемъ разсматривали эту картину, только что конченную: одинъ изъ нихъ какъ-то поскользнулся, упалъ на картину, и стеръ съ нея нѣкоторыя части. Ученики перепугались, и упросили товарища своего, фанъ-Дейка, поправить бѣду. Онъ взялся за это, исправилъ поврежденное, и на другой день Рубенсъ, не замѣтивъ поддѣлки, сказалъ: какъ мнѣ вчера удалась эта головка и эта рука! Такъ говорятъ чтители фанъ-Дейка. Поклонники Рубенса утверждаютъ, что это дѣло небывалое и несбы-

точное. — Въ противень этой картинѣ находится, въ другой сторонѣ церкви, Рубенсовово же Воздвиженіе Креста, равномѣрно приводящее въ восторгъ любителей искусства. — На запрестольномъ образѣ представлено имъ же Успеніе Богородицы, совершенно въ иномъ характерѣ противъ другихъ картинъ Рубенса. Пресвятая Дѣва возносится на небо въ сонмѣ ангеловъ, на свѣтозарномъ облакѣ. Въ этой картинѣ нѣтъ того твердаго, тѣлеснаго колорита, которымъ отличаются всѣ другія произведенія Рубенса, особенно исторія Маріи Медичи: здѣсь все нѣжно, свѣтло, прозрачно, небесно, божественно. Рисунокъ, по сужденію знатоковъ, есть верхъ совершенства: воздушная перспектива соблюдена во всей точности. Драпировка богатая и величественная. Говорятъ, что Рубенсъ написалъ Успеніе въ шестнадцать дней, и получилъ за свой трудъ обыкновенную плату, по сту гульденовъ за день. Сіи три картины увезены были Французами, и возвращены въ 1816 году. Во время осады Антверпена, приняты были всѣ средства къ охраненію ихъ. Четвертая Рубенсова картина есть Воскресеніе Господне, надъ могилою друга его, Морета. — Въ соборѣ есть еще другія драгоцѣнныя произведенія живописи, но они исчезаютъ предъ исчисленными мною. Есть изваянія Фербрюггена, и въ томъ числѣ каѳедра, изукрашенная рѣзьбою на деревѣ: работа трудная, требующая искусства и терпѣнія, но не величественная, безхарактерная и безвкусная; пороки представлены въ видѣ разныхъ птицъ, въ естественную ихъ величину. Въ нынѣшнее время готовится Антверпенскому Собору оригинальное и геніяльное украшеніе: это рядъ сѣдалищъ вдоль стѣны, вырѣзываемыхъ изъ дерева лувенскимъ профессоромъ де Гирстомъ (de Geerst). На нихъ представлены событія Священной Ис-

торіи и фигуры Святыхъ и Апостоловъ въ маломъ видѣ, съ необыкновеннымъ искусствомъ и изяществомъ. Эти изваянія не уступятъ превосходнѣйшимъ произведеніямъ Среднихъ Вѣковъ въ семъ родѣ. Готова едва ли четвертая часть. Работа подвигается успѣшно. Вообще Антверпенскій Соборъ, и въ наружности и во внутренности своей, заслуживаетъ вниманія любителя искусствъ: я проводилъ въ немъ часа по два въ день съ большимъ наслажденіемъ. На башню я не всходилъ: туманная погода не позволяетъ видѣть въ даль, а это одно вознагражденіе за трудный всходъ по шести стамъ двадцати двумъ ступенямъ. Если я не *видалъ* картины, представляющейся съ башни, то *наслушался* ея музыки: каждую четверть часа играютъ на башнѣ громкіе куранты; они очень хорошо слышны въ моей квартирѣ.—Подлѣ башни стоитъ старинный колодезь, подъ желѣзнымъ навѣсомъ, работы кузнеца Квентинъ-Мессиса, который, влюбившись въ дочь живописца, бросилъ свое ремесло, занялся художествомъ, и сдѣлался знаменитымъ артистомъ. Онъ погребенъ у западнаго входа въ соборъ; надъ могилою его вдѣланъ въ стѣну медаліонъ съ изображеніемъ его лица, молота, наковальни, кистей и палитры.

Другой замѣчательный храмъ въ Антверпенѣ есть Церковь Св. Іакова; она построена съ XIV вѣка, и уцѣлѣла при опустошеніи Антверпена иконоборцами. Шесть боковыхъ придѣловъ (или капеллъ) украшены мраморомъ, обогащены драгоцѣнными картинами первостепенныхъ нидерландскихъ артистовъ, прекрасными статуями и барельефами. Драгоцѣннѣйшая изъ статуй, Св. Іакова, трудовъ Квеллина, возвышается за главнымъ алтаремъ. На расписныхъ стеклахъ представлена исторія Императора Рудольфа Габсбурскаго. Въ придѣлѣ

за главнымъ алтаремъ, погребенъ Рубенсъ съ своимъ семействомъ. Краснорѣчивѣйшимъ надгробнымъ ему памятникомъ служитъ картина, изображающая Святое Семейство. Онъ представилъ на ней самого себя, въ лицѣ Св. Георгія, и двухъ женъ своихъ въ лицѣ Мароы и Магдалины. Дѣдъ его изображенъ фигурою Времени, а сынъ одпимъ изъ ангеловъ. Надъ алтаремъ капеллы мраморное изваяніе Пресвятыя Дѣвы, привезенное Рубенсомъ изъ Италіи. Въ латинской надписи исчислены заслуги и достоинства Рубенса.

Въ Церквахъ Св. Павла, Св. Августина, Св. Антонія Падуанскаго, Св. Іосифа красуются неоцѣненныя картины Рубенса, фанъ-Дейка и другихъ великихъ мастеровъ. Въ Церкви Св. Андрея мраморный мавзолей Королевы Шотландской Маріи Стюартъ, воздвигнутый въ память ея двумя Англичанками. На мавзолеѣ прекрасный портретъ Маріи, приписываемый фанъ-Дейку. Бывшая Іезуитская Церковь Св. Карла Борромейскаго, выстроенная по рисункамъ Рубенса, и украшенная несравненными произведеніями его кисти, сгорѣла отъ молніи въ 1718 году. Вся внутренность ея сдѣлалась добычею пламени; спасены были только двѣ картины, находящіяся теперь въ Вѣнской Галереѣ. Въ слѣдующемъ году возстановили церковь, замѣнили прежніе мраморы новыми, но исказили изящество и величіе созданія Рубенсова мелочными украшеніями, какими отличаются всѣ іезуитскія церкви.

При наименованіи каждаго храма, при исчисленіи всякаго собранія художественныхъ произведеній Антверпена, встрѣчается имя Рубенса. Онъ составляетъ славу и величіе Антверпена; имъ гордятся и хвалятся благодарные ученики и послѣдователи. Въ Августѣ 1840 года праздновали здѣсь любителей двухъ сотъ лѣтъ,

протекшихъ со времени его кончины. Спутникъ мой разсказывалъ мнѣ съ восторгомъ и умиленіемъ подробности этого десятидневнаго торжества, единственнаго въ своемъ родѣ. Важнѣйшія зданія города и домы, въ которыхъ жили Квентинъ-Мессисъ, фанъ-Дейкъ, фанъ-Веенъ, Іордансъ, Тенирсъ и другіе знаменитые мужи Антверпена, были украшены въ видѣ тріумфальныхъ арокъ, храмовъ, обелисковъ, коврами, лентами, зеленью и цвѣтами, съ приличными надписями. Въ Королевскомъ Обществѣ Наукъ, Словесности и Искусствъ, и въ Фламандскомъ Литературномъ Обществѣ читали похвальныя рѣчи и стихи Рубенсу, награждали авторовъ медалью, на сей случай выбитою. На набережной Шельды, въ виду разцвѣченныхъ флагами кораблей, при пушечныхъ выстрѣлахъ и радостныхъ кликахъ народа, открыли гипсовую модель Рубенсова монумента. Въ это время, фонтанъ Квентинъ-Мессиса билъ виномъ, а изъ фонтана, воздвигнутаго въ кварталѣ пивоваровъ, лилось пиво. Вечеромъ иллюминація и фейерверкъ. Въ другіе дни происходили торжественные аллегорическіе поѣзды, раздаваемы были медали и призы за лучшія произведенія ремеслъ (между прочимъ за *кареты*, сдѣланныя въ Антверпенѣ); выставленъ былъ альбомъ, составленный въ честь и память Рубенса изъ картинъ, рисунковъ, акварелей, гравюръ, медалей, статуй, книгъ, картъ, принесенныхъ въ даръ артистами и литераторами бельгійскими и иностранными. Всѣ предметы были разыграны въ лоттерею между особами, принявшими на свой счетъ издержки празднества. Въ одинъ изъ торжественныхъ дней происходилъ бѣгъ взапуски на шлюпкахъ и лодкахъ по Шельдѣ; въ другой была выставка цвѣтовъ и овощей, взращенныхъ въ Антверпенѣ и окрестностяхъ. Каждый день даваны были концерты, балы, городскіе и сельскіе. Въ предпослѣд-

ній день, иногородныя стрѣлецкія общества имѣли торжественный въѣздъ въ городъ, и остановились на Зеленой Площади. Антверпенское Стрѣлецкое Общество Вильгельма Телля всенародно угощало ихъ почетнымъ виномъ изъ старинныхъ кубковъ. — Все сіе торжество, какъ говорятъ, носило на себѣ печать почтенной старины и неизгладимой въ сердцахъ Антверпенцевъ любви къ изящнымъ искусствамъ, которая блистательно проявляется и въ нынѣшнее время. При этомъ торжествѣ положено было воздвигнуть Рубенсу всенародный памятникъ. Колоссальная его статуя, трудовъ Гифса, уже отлита изъ бронзы. У ногъ его лежатъ свитки и книги дипломата, кисть и палитра художника, шляпа сановника. Долго спорили, гдѣ поставить статую. На набережной, въ портѣ, она исчезла бы въ пустотѣ, площадь де Мейръ тѣсна и неправильна. Теперь положено воздвигнуть ее на такъ называемой Зеленой Площади, неподалеку отъ Собора.

Боюсь утомить моихъ читателей безпрерывными толками о предметахъ изящныхъ искусствъ, которыхъ ни какими словами передать не можно. Теперь пройдусь съ ними по нѣкоторымъ мѣстамъ Антверпена, достойнымъ вниманія въ другихъ отношеніяхъ.

Антверпенская Биржа замѣчательна своею старинною постройкою: она состоитъ изъ четвероугольнаго двора, окруженнаго портикомъ, поддерживаемымъ каменными столпами и чугунными арками. Постройка ея, въ 1531 году, стоила триста тысячъ талеровъ. И значеніе и наименованіе биржи происходятъ изъ Нидерландовъ: Лондонская Биржа построена въ 1550 году; Амстердамская еще позже. Сказываютъ, что названіе биржи произошло отъ имени брюжской фамиліи фанъ-денъ-Бёрсъ, по-

строившей сіе зданіе, и выставившей надъ нимъ гербъ свой — три кошелька (bourses).

Очень любопытенъ въ Антверпенѣ новопостроенный рыбный рынокъ, каменное зданіе, открытое сверху, и состоящее изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ собираются рыболовы, и, подъ надзоромъ городскаго начальства, продаютъ свой уловъ оптомъ рыбопродавцамъ, которые выносятъ купленное во второе отдѣленіе, разсѣкаютъ большую рыбу на части, пускаютъ мелкую въ садки, и продаютъ ее желающимъ въ разницу. Это второе отдѣленіе построено въ видѣ ротонды; по сторонамъ находятся каменные столы, лавки и садки; въ срединѣ фонтанъ; каменный полъ имѣетъ наклонность къ средоточію, и вся вода туда стекаетъ. Опрятность и порядокъ удивительные. Такъ какъ рыба составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ продовольствія въ Антверпенѣ, то начальство города заботится о томъ, чтобъ она была всегда въ изобиліи, свѣжа и дешева.

Королевскій дворецъ на площади de Meir, не великъ и не значителенъ. Городская ратуша носитъ характеръ архитектуры XVI вѣка, но не можетъ сравниться съ Брюссельскою или Гентскою. Я не входилъ въ ея внутренность, а поспѣшилъ въ Академію Художествъ.

Изъ обозрѣнія церквей антверпенскихъ читатели мои могли видѣть, въ какомъ почетѣ здѣсь изящныя искусства, и какъ богатъ городъ сей рѣдкими произведеніями живописи и ваянія. Этого мало: государи, правительства, вельможи, частные люди могутъ обогатить и прославить городъ произведеніями искусствъ, а между тѣмъ самый городъ, т. е. жители его, останутся *безвкусными* и прозаическими. Здѣсь является иное. Любовь къ изящному есть преобладающее чувство въ Бельгіи, особенно въ Антверпенѣ. Торговля его упала; фабрики опустѣли; бо-

гатства исчезли, но память великихъ его артистовъ, Квентинъ-Мессиса, Тенирса, фанъ-Дейка, Іорданса, Крейера и царя ихъ, Рубенса, живетъ въ душѣ Антверпенцевъ, и поощряетъ ихъ къ подражанію великимъ предкамъ. Войдите въ частный домъ: на стѣнахъ красуются у богача картины, у бѣднаго гравюры. Жители окрестныхъ селъ, отслушавъ обѣдню въ соборѣ, останавливаются передъ безсмертными картинами, разсматриваютъ ихъ внимательно, и съ безотчетною гордостью говорятъ другъ другу: вотъ нашъ Рубенсъ! Но не всѣ вѣки способны постигать и воспроизводить великое и изящное: восемнадцатый вѣкъ, блистательный, умный, философскій, былъ скуденъ великими артистами, потерялъ вкусъ къ изящному, понятіе о достоинствѣ и величіи истиннаго подражанія природѣ: вычурность, ненатуральность, театральность ознаменовали произведенія того времени. Люди съ умомъ, съ талантомъ, съ геніемъ повиновались большинству голосовъ, а большинство не всегда бываетъ въ ладу съ толкомъ и здравымъ смысломъ.

Въ Антверпенѣ существуетъ Академія Художествъ Св. Луки, основанная въ 1454 г. Герцогомъ Бургундскимъ Филиппомъ Добрымъ, и обогащенная Королемъ Испанскимъ Филиппомъ IV. Она можетъ считаться колыбелью Фламандской, или Брабантской Школы; въ ней врожденное чувство изящнаго нашло удовлетвореніе и пищу. Уставъ Академіи возобновленъ 13-го Апрѣля 1817 года. На основаніи его, нѣсколько сотъ вольноприходящихъ учениковъ пользуются уроками опытныхъ, искусныхъ и трудолюбивыхъ профессоровъ. Въ день бываетъ по шести учебныхъ часовъ зимою, и по восьми лѣтомъ. Сверхъ того ученики обязаны работать дома, и такимъ безпрерывнымъ трудомъ дости-

гаютъ большихъ успѣховъ. За непосѣщеніе классовъ въ теченіе четырехъ дней, за неисполненіе уроковъ, за лѣность, нерадѣніе, и т. п., подвергаются они выключкѣ изъ заведенія. На первоначальное обученіе полагается четыре года. Кто въ это время не успѣлъ въ рисованіи, тотъ не переходитъ въ средніе и верхніе классы, и увольняется какъ неспособный. Въ высшіе классы ученики переходятъ по экзамену. Ежегодно бываютъ между учениками конкурсы; отличившіеся награждаются медалями и аттестатами: другой награды или пособія они не получаютъ. Предметы обученія суть: рисованіе по антикамъ и съ натуры; живопись историческая, ландшафтная, изображеніе животныхъ; лѣпленіе, скульптура изъ мрамора, камня, дерева; барельефы, бюсты, статуи, съ антиковъ и съ натуры; архитектура, теоретическая и практическая; кораблестроеніе; гравированіе на мѣди и на деревѣ. Сверхъ того преподаются правила анатоміи, перспектива, исторія, литература и древности; архитектуры проходятъ геометрію, теорію и исторію архитекторы. Академія помѣщается въ зданіи бывшаго францисканскаго монастыря (couvent des Recollets), которое нынѣ значительно распространяется. Донынѣ музей ея расположенъ въ бывшей монастырской церкви; теперь выстроено, для помѣщенія его, новое обширное зданіе, состоящее изъ трехъ огромныхъ, высокихъ залъ, освѣщаемыхъ сверху. Этотъ музей почти весь состоитъ изъ произведеній живописцевъ антверпенскихъ, или писавшихъ въ стилѣ здѣшней школы: они являются здѣсь родоначальниками и потомками одного и того же поколѣнія, и это драгоцѣнное собраніе представляетъ намъ наглядную исторію Школы Брабантской, родившейся и процвѣтшей въ Антверпенѣ. Главнѣйшее сокровище музея заключается въ твореніяхъ Рубенса и

фанъ-Дейка. Изъ четырнадцати большихъ картинъ Рубенса, отличаются: Христосъ на Крестѣ, между двумя разбойниками, превосходнѣйшее его произведенiе по композицiи, колориту и рисунку; Св. Тереза; Св. Троица; Пресвятая Дѣва и Св. Анна; Прiобщенiе Св. Франциска; Поклоненiе Волхвовъ; Христосъ и Св. Апостолъ Ѳома; знаменитая картина Снятiе со креста (Le Christ à la Paille); Святое Семейство. Изъ фанъ-Дейковыхъ: Распятiе Христа; Положенiе Спасителя во гробъ, и нѣсколько портретовъ. Изъ прочихъ мастеровъ видимъ здѣсь Квентинъ-Мессиса, Франца Флориса, Мартина и Корнелiя де-Фоса, Октавiя фанъ-Веена, Iорданса и другихъ.

Сiя галерея произвела на меня тѣмъ большее впечатлѣнiе, что путеводителемъ моимъ въ ней былъ нынѣшнiй директоръ Академiи, знаменитый артистъ Вапперсъ, человѣкъ необыкновенныхъ дарованiй, любезный, веселый, привѣтливый. Я справлялся у него, достовѣрны ли нѣкоторые анекдоты о великихъ живописцахъ, между прочимъ и о томъ, что фанъ-Дейкъ (какъ я упомянулъ выше), удачно поддѣлался подъ Рубенса. «Сдѣлайте одолженiе, сказалъ онъ, не вѣрьте всему, что толкуютъ о случаяхъ въ жизни артистовъ. Вы конечно слышали преданiе, что Францъ Флорисъ не хотѣлъ отдать дочери своей за живописца-кузнеца Кветинъ-Мессиса. Утверждаютъ, что влюбленный кузнецъ, въ отсутствiе будущаго тестя, написалъ на неконченной его картинѣ большую муху. Старикъ, воротясь домой, сѣлъ за картину, и махнулъ рукою, чтобъ согнать муху. Убѣдившись такимъ образомъ въ искусствѣ молодаго человѣка, онъ отдалъ за него дочь свою. Вотъ та самая картина, представляющая Паденiе возмущенныхъ ангеловъ: посмотрите, вотъ и муха на колѣнѣ одного изъ нихъ, и судите, могъ ли Флорисъ принять ее за живую.» Въ самомъ дѣлѣ,

муха эта самаго огромнаго размѣра, написана грубо, и никого обмануть не можетъ. Г. Ваннерсъ (о произведеніяхъ его скажу я ниже) говоритъ объ искусствахъ съ жаромъ и увлеченіемъ: онъ терпѣть не можетъ новой Нѣмецкой Школы, возникшей въ Мюнхенѣ и Дюссельдорфѣ отъ излишняго умничанья и отъ странной мысли, будто великіе артисты Италіи и Нидерландовъ въ XVI и XVII вѣкѣ испортили живопись, и будто одни Гольбейны, Кранахи и до-рафаэлевскіе художники постигали искусство. Изученіе природы и великихъ мастеровъ — вотъ истинная школа артиста! говоритъ Ваннерсъ, и я съ нимъ совершенно согласенъ.

Осмотрѣвъ музей и классы Академіи, отправились мы, съ юнымъ моимъ пріятелемъ, Гризаромъ, по мастерскимъ нынѣшнихъ антверпенскихъ артистовъ. Мы начали съ Ваннерса, который повелъ насъ къ себѣ прямо изъ залъ Академіи: онъ и живетъ въ ней, какъ директоръ. Скажу подробнѣе объ этомъ возстановителѣ Фламандской Школы.

Фламандскіе артисты долгое время рабски влачились за Школою Французскою. Нѣкоторые изъ нихъ, равно какъ и просвѣщенная часть публики, чувствовали, какъ далеко она отстала отъ великихъ образцевъ старины, но европейская слава Давида увлекала всѣхъ; никто не смѣлъ плыть противу теченія; преданія великихъ мастеровъ были забыты. Исчезла широкая, блистательная живопись, внушаемая образцами самой природы: мѣсто ея заступили принужденныя, безцвѣтныя композиціи, преисполненныя красотъ условныхъ, съ театральными фигурами безъ выраженія и жизни. Юный Геставъ Ваннерсъ, напитанный изученіемъ великихъ образцевъ, дерзнулъ произвести переворотъ въ художественныхъ понятіяхъ своего вѣка. Товарищи его усиливались по-

дражатъ такъ называвшимся тогда красотамъ Французской Школы, а онъ, въ тиши своей мастерской, изучалъ и разбиралъ живописцевъ златаго вѣка Школы Фламандской; вскорѣ постигъ онъ тайну ихъ могущества, нашелъ средства, какими они придавали своимъ произведеніямъ блескъ, силу и истину. Въ поэтическомъ восторгѣ онъ задумалъ написать большую картину и ею произвести желаемую перемѣну въ понятіяхъ соотечественниковъ. Въ 1830 году выставилъ онъ въ Брюсселѣ картину свою, представляющую лейденскаго бургомистра фанъ деръ-Верфа, убѣждающаго согражданъ своихъ къ сопротивленію. Нельзя выразить впечатлѣнія, произведеннаго симъ твореніемъ, въ которомъ все было ново: композиція, стиль, костюмы, колоритъ, истина психологическая и историческая. Картина эта была принята съ единодушнымъ одобреніемъ во всемъ Королевствѣ Нидерландскомъ, и всѣ художники признались, что Вапперсъ вновь нашелъ старинную Фламандскую Живопись, одну, которую могутъ понимать тамошніе артисты, которая одна прилична мѣстности и характеру жителей сей страны. Такимъ образомъ возстановилась школа Рубенса и фанъ-Дейка: многіе молодые люди съ восторгомъ бросились вслѣдъ за геніальнымъ артистомъ, и составили своими талантами и трудами новую Фламандскую Школу. Г. Вапперсъ получилъ достойную награду за труды свои, но едва не заснулъ на лаврахъ. Превозносимый и знатоками и любителями, выхваляемый критиками, боготворимый учениками, онъ полагалъ, что совершилъ все, и началъ было предаваться отдохновенію. Вдругъ, изъ числа его учениковъ и послѣдователей, возникъ могучій геній: молодой де-Кейзеръ, искусствомъ, талантомъ и прилежаніемъ, сталъ опережать наставника, и Вапперсъ почувствовалъ, что вѣнецъ первенства колеблется на

головѣ его. Какія употребить средства, чтобъ удержать за собою первое мѣсто? Всего лучше набрать толпу крикуновъ, и заставить ихъ унижать совмѣстника; подружиться съ продажнымъ журналистомъ, и при помощи его разбранить, и уничтожить дерзновеннаго. Нѣтъ! Ванперсъ презрѣлъ этими средствами: онъ опять взялся за кисть, и новыми мастерскими произведеніями доказалъ, что талантъ его не ослабѣвалъ, что духъ его не засыпалъ. Теперь оканчиваетъ онъ картину: Петръ Великій, показывающій саандамскимъ мастерамъ сдѣланную имъ модель военнаго корабля — произведеніе это не въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ прочія, но отличается вѣрностью кисти, живописью выраженія. Эта картина заказана Русскимъ: не имѣю права назвать его по имени. Г. Ванперсъ имѣетъ отъ роду около сорока лѣтъ (*), невысокаго роста, дородный, съ пріятною, откровенною физіономіею и прекрасными глазами.

Отъ него непосредственно пошли мы къ совмѣстнику его, Г. де-Кейзеру (de Keyser), и видѣли прекрасную его картину: Тиціанъ пишетъ Венеру съ своей любовницы. Аретинъ и Сансовино глядятъ на работу. Посмотрите на эту картину, и вспомните о малеваніяхъ дюссельдорфскихъ! — Де-Кейзеръ начинаетъ писать большую картину, представляющую сраженіе при Ньюпортѣ: мы видѣли ея эскизъ и картоны. Достойно замѣчанія, что эта картина заказана ему нынѣшнимъ Королемъ Нидерландскимъ, который, бывъ Принцемъ Оранскимъ, обод-

---

(*) Онъ родился 23-го Августа 1803. Знаменитѣйшія его произведенія, кромѣ вышеписанныхъ, суть: Прощаніе Короля Карла I съ дѣтьми (принадлежитъ Королю Бельгійцевъ); Карлъ IX въ Варѳоломееву Ночь (прин. Герцогу Саксенъ-Кобургскому); Анна Болейнъ предъ казнію, (принадлежитъ Князю Витгенштейну, и, какъ мнѣ сказывали, находится въ С. Петербургѣ).

рялъ начатки новой Фламандской Школы, и по отдѣленіи Бельгіи не перестаетъ поощрять бывшихъ своихъ подданныхъ заказами и наградами. — Лучшія картины де-Кейзера находятся въ Брюсселѣ. Самъ онъ человѣкъ молодой, лѣтъ тридцати, благороднаго вида, блѣдный, задумчивый — противоположность совмѣстнику его, Вапперсу. — У Г. Бракелара (Braekelaer) видѣлъ я нѣсколько картинъ во вкусѣ А. фанъ-Остада: кухня сельской гостиницы; ребенокъ, упустившій птичку. — У Лейса (Leys), знаменитаго прекраснымъ колоритомъ, виды фламандскихъ городовъ и сельскія сцены. — У Кремера (Kremer) счастливыя подражанія Испанской Школѣ: монахи, отшельники въ Римѣ; дѣвочка, бѣгущая за бабочкою. У Якобса (Jacobs) морскія сцены. У Дейкманса (Dyckmans) восхищался я прекрасною картиною въ маломъ размѣрѣ: молодая дама примѣриваетъ шаль передъ зеркаломъ; юный другъ дома увѣряетъ, что она прелестна. Далѣе пожилой мужъ читаетъ счетъ, и чешется за ушами; модная торговка увѣряетъ его, что уступила шаль даромъ. Выраженіе лицъ и тщательность отдѣлки удивительны — Жаль мнѣ, что я не видалъ превосходной картины Галле (Gallait), представляющей отреченіе отъ престола Императора Карла V: она находится теперь на выставкѣ въ Вѣнѣ. Въ Германіи и Нидерландахъ завелось теперь прекрасное обыкновеніе посылать лучшія произведенія на выставку въ извѣстные города: удобнѣйшее средство артистамъ быть оцѣненными по достоинству и съ безпристрастіемъ, и заслужить вполнѣ европейскую славу.

Два утра, проведенныя мною въ мастерскихъ Антверпена, считаю я въ числѣ самыхъ пріятныхъ и поучительныхъ въ моей жизни. И что еще способствовало къ усиленію моего наслажденія? Искреннее уваженіе, возбуж-

денное во мнѣ характеромъ и образомъ жизни здѣшнихъ художниковъ. Всѣ они люди самыхъ благородныхъ правилъ, примѣрной честности, строгихъ нравовъ. Богатѣйшіе антверпенскіе купцы и граждане считали за честь вступать съ ними въ родство, выдавъ за нихъ дочерей своихъ. Они всѣ люди достаточные, добрые семьяне, почтенные отцы семейства. Скажутъ: нравственность не имѣетъ вліянія на дарованіе и произведенія артиста: извѣстно, это, правда, нерѣдко случалось, что великій талантъ совмѣщался съ подлою и гнусною душею. Но признайтесь, что усладительно видѣть въ человѣкѣ геніяльномъ и человѣка добродѣтельнаго; неужели благородный любитель искусствъ не огорчается въ сердцѣ мыслію: вотъ драгоцѣнная картина, а творецъ ея ростовщикъ, пьяница. Несравненная Галатея изваяна художникомъ, который сгубилъ жену свою, женщину прекрасную и добродѣтельную!

Я выше упоминалъ о сходствѣ Бельгіи съ Италіею. И та и другая земля, въ XV, XVI и XVII вѣкѣ, славились искусствами пластическими. И та и другая сохранила величественные памятники грозныхъ и славныхъ Среднихъ Вѣковъ. И та и другая понынѣ даютъ Европѣ превосходныхъ музыкантовъ. Беріо, Серве, Гауманъ, Віётанъ, Прюмъ, Селлье, Блазъ, Элиза Меерти, уроженцы Бельгіи. Политическая исторія обѣихъ сихъ странъ равномѣрно имѣетъ не мало между собою сходства; но объ этомъ скажу въ другомъ мѣстѣ. — Теперь лѣтняя пора, и концертовъ не бываетъ, но въ воскресенье (27-го Іюня) ходилъ я послѣ обѣда въ загородный садъ (Harmonie), гдѣ прекрасный оркестръ исполнялъ лучшія произведенія Моцарта, Россини, Беллини Донидзетти. Многочисленная публика слушала со вниманіемъ. Мужчины и дамы, порядочно одѣтые, скромные,

благопристойные, сидѣли за столиками, и утоляли жажду лувенскимъ пивомъ.

Вотъ вамъ отчетъ въ занятіяхъ и наслажденіяхъ трехъ дней, проведенныхъ мною въ столицѣ Рубенса. Во вторникъ, 29-го Іюня ст. ст., въ восемь часовъ утра, отправился я по желѣзной дорогѣ въ Брюссель. Пріятнѣйшая ѣзда въ мірѣ! Чрезъ сорокъ минутъ прибылъ я въ Мехельнъ (Malines), чрезъ часъ съ четвертью въ Брюссель, всего 45 верстъ за два франка, во второмъ мѣстѣ! Желѣзныя дороги Бельгіи устроены прекрасно. Порядокъ строгій и примѣрный. Всѣ чиновники и служащіе въ мундирахъ, и отправляютъ свою службу, какъ бы военную, съ величайшею точностью. Знакъ къ отбытію поѣзда подаютъ звукомъ трубы: когда всѣ усядутся, кондукторъ задняго экипажа трубитъ; главный кондукторъ, на паровозѣ, отвѣчаетъ тѣмъ же, и поѣздъ отправляется. До отправленія его звонятъ безпрерывно въ теченіе пяти минутъ. — Въ десятомъ часу прибылъ я въ Брюссель, и остановился въ гостинницѣ l'Univers, на Новой Длинной Улицѣ (Rue Neuve longue).

IX.

Парижъ, 5-го (17-го) Іюля 1843.

Послѣднее письмо мое кончилъ я тѣмъ, что остановился въ брюссельской гостинницѣ: l'Univers, въ прекрасной, чистой, свѣтлой комнатѣ, окнами на довольно широкую, опрятную улицу. Погода была ясная и пріятная. Нечего терять времени: я взялъ лонлакея, и пошелъ съ нимъ бродить по городу. Вскорѣ вышли мы на одинъ изъ бульваровъ, окружающихъ городъ: это Бульваръ

Антверпенскій: онъ идетъ въ гору; по правую сторону великолѣпные домы, по лѣвую ровъ и за нимъ обширный, изящный ботаническій садъ съ огромными оранжереями. Обращаюсь назадъ: предо мною разстилается покатость, на ней городъ, предмѣстіе, поле, далѣе антверпенская желѣзная дорога. Картина несравненно прелестная! Прохожу далѣе: налѣво городскія Ворота Скарбекскія; направо Королевская Улица, обстроенная большими, опрятными домами. Иду по ней. Вдругъ, съ правой стороны, рядъ домовъ прекращается: тутъ перила, за перилами обрывъ; за обрывомъ невообразимо живописный видъ на весь городъ, спускающійся амфитеатромъ по косогору. Города, расположенные на холмахъ, неудобны для ѣзды и ходьбы, но за то обилуютъ незамѣнимыми красотами. Таковы Москва, Прага и, какъ теперь вижу, Брюссель.

Въ возвышенной части города находится такъ называемый паркъ, т. е. обширный садъ съ прямыми аллеями, густыми рощами, куртинами, подобный нашему Лѣтнему Саду или Тюльерійскому. Онъ разведенъ по повелѣнію Императрицы Маріи Терезіи, и служитъ пріятнымъ гульбищемъ жителямъ Брюсселя. Нынѣ возбуждаетъ онъ горестныя чувства: бо́льшая часть деревъ его носятъ слѣды пуль, попавшихъ въ нихъ во время борьбы мятежниковъ съ королевскими войсками, въ Сентябрѣ 1830 года; на стволахъ нѣкоторыхъ деревъ, пораженныхъ ядрами, видишь цинковые листы, въ родѣ пластыря. Грустныя воспоминанія! Тѣла несчастныхъ жертвъ революціи погребены на одной площади, неподалеку отъ моей гостиницы; надъ ними воздвигнутъ огромный памятникъ; площадь назвали Площадью Мучениковъ (la Place des Martyrs). Лучше было бы назвать ее la Place des Dupes (Площадь Олуховъ.) Падшіе въ сіи дни

голландскіе солдаты были дѣйствительно мучениками своего долга, а эти бѣдные брюссельскіе поденьщики, разнощики, ремесленники и лавочники! За кого они сражались, сами не знаютъ. Что пріобрѣли побѣдою, то еще менѣе видятъ. Бельгія благоденствовала подъ владычествомъ Оранскаго Дома. На бульварѣ, близъ Скарбекскихъ Воротъ, показывали мнѣ домъ военнаго министра фанъ Бюзена, который застрѣлился прошлаго года, приведенный въ отчаяніе клеветами необузданной свободы книгопечатанія!

Воротимся въ паркъ. Съ одной стороны его Королевскій Дворецъ, зданіе архитектуры не великолѣпной и не изящной. Для построенія его соединены аркадами два зданія, нѣкогда раздѣленныя улицею. Сказываютъ, что внутренность его украшена богато. Видъ изъ оконъ его на паркъ долженъ быть прекрасный. Въ этомъ дворцѣ жилъ Наполеонъ въ 1811 году, занимаясь планомъ войны съ Россіею. Подлѣ королевскаго Дворецъ Принца Оранскаго, теперешняго Короля Нидерландскаго, принадлежащій ему понынѣ. Это было жилище изящныхъ искусствъ, семейственнаго счастія. Теперь опустѣло оно и заглохло. — Насупротивъ Королевскаго Дворца стоятъ, при входѣ въ паркъ, бюсты двухъ знаменитыхъ бельгійскихъ композиторовъ, Гретри и Роланда де Латтра. У другаго входа въ Паркъ возвышается статуя французскаго генерала Белліарда, бывшаго въ 1831 и 1832 годахъ военнымъ министромъ въ Бельгіи. Многіе Брюссельцы утверждаютъ, что онъ не заслужилъ этого отличія, и что лучше было бы воздвигнуть статую страдальцу Графу Эгмонту. — По другую сторону парка идетъ рядъ великолѣпныхъ домовъ, и посреди ихъ Дворецъ Представителей или Націи (Palais représentatif ou de la Nation), построенный Императрицею

Марiею Терезiею для засѣданiй бывшаго Брабантскаго Совѣта. Вообще въ Брюсселѣ много слѣдовъ благодѣтельнаго и попечительнаго правленiя Австрiйскаго Дома. Безпокойные и безтолковые Брабантцы и съ этимъ правительствомъ, кроткимъ, справедливымъ и благотворительнымъ, не могли ужиться: они возставали противъ мѣръ Iосифа II, имѣвшаго цѣлью счастiе и сохраненiе правъ своихъ подданныхъ.... Фасадъ дворца находится на заднемъ планѣ небольшой площадки, и украшенъ сорока восемью желобчатыми колоннами. На фронтонѣ представлено Правосудiе на тронѣ, съ вѣсами въ лѣвой рукѣ, окруженное другими аллегорическими фигурами, Религiею, Постоянствомъ, Мудростью и Силою, обращающею въ бѣгство Раздоръ и Изувѣрство. Этотъ барельефъ изваянъ былъ изъ мрамора въ 1782 году скульпторомъ Годешарлемъ; въ 1822 онъ сгорѣлъ, и возобновленъ, чрезъ сорокъ лѣтъ, тѣмъ же артистомъ. Входъ въ этотъ дворецъ величественъ и изященъ; полъ, ступени, колонны мраморныя. Зала Сената ничѣмъ не отличается. Посреди ея стоитъ большой круглый столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Зала Камеры Представителей расположена амфитеатромъ, какъ парижская Зала Депутатовъ. Въ ней, говорили мнѣ, случаются нерѣдко пресмѣшныя сцены, и иногда доходитъ до рукопашнаго бою: вожделѣнная свобода мнѣнiй и дѣйствiй! Теперь засѣданiя закрыты. Меня интересовали въ этомъ зданiи произведенiя живописи: сраженiе при Ворингенѣ, де-Кейзера, и Брюссельскiя сцены, Ваннерса, двѣ превосходныя картины, особенно первая. Тамъ же находится картина битвы при Ватерлоо, не помню кѣмъ написанная въ 1816 году: она можетъ служить живымъ свидѣтельствомъ, какiе исполинскiе успѣхи сдѣлало искусство въ послѣднiя двадцать пять лѣтъ. Не понимаю, какъ можно бы-

ло назвать картиною эту смѣсь разнородныхъ киверовъ и сапоговъ! Рисунокъ невѣрный, колоритъ жесткій, выраженія ни какого.

Подлѣ зданія Представительнаго Сословія, съ обѣихъ сторонъ находятся великолѣпные домы, въ которыхъ помѣщаются министерства. Далѣе представился мнѣ Дворецъ Изящныхъ Искусствъ (le Palais des Beaux-Arts), построенный въ XIV вѣкѣ, и съ того времени совершенно передѣланный. Въ немъ помѣщаются публичная библіотека, музей картинъ и кабинетъ естественной исторіи и физики. Библіотека заключаетъ въ себѣ 150,000 печатныхъ книгъ и 16,000 рукописей. Въ числѣ послѣднихъ есть сокровища, бывшія въ обладаніи знаменитыхъ особъ, напримѣръ: творенія, принадлежавшія Филиппу Смѣлому въ 1404 году. Главнѣйшими богатствами хранилище рукописей обязано Филиппу Доброму, который призвалъ къ своему Двору многихъ ученыхъ и лѣтописцевъ своего времени, и содержалъ краснописцевъ и рисовальщиковъ, для украшенія ихъ твореній. Здѣсь показываютъ Ксенофонтову Киропедію, списанную имъ собственноручно для сына его, Карла Смѣлаго, который имѣлъ ее при себѣ въ сраженіи при Муртенѣ. — Маргарита Австрійская (la gente damoiselle), пріятельница Эрасма и Корнелія Агриппы, подарила сей библіотекѣ неоцѣненное собраніе первоначальныхъ изданій, напечатанныхъ тогда въ Венеціи и въ Голландіи. Марія Австрійская, сестра Карла V, отдала Библіотекѣ Брюссельской рукописи, наслѣдованныя ея супругомъ, Лудовикомъ II, отъ дѣда его, Матвѣя Корвина. Въ числѣ ихъ находится требникъ missel), тщательно расписанный во Флоренціи, въ 1485 году, миніатюрами, арабесками, и т. п. Со времени внесенія сей рѣдкости въ библіотеку, Герцоги Брабантскіе,

при вступленіи во владѣніе, присягали на семъ требникѣ. Въ Ноябрѣ 1599, при восшествіи Алберта и Изабеллы, присягали они на сей рукописи, на балконѣ, въ ненастную погоду; на двухъ страницахъ, которыя были открыты, видны еще пятна, происшедшія отъ упавшаго на нихъ снѣга.— Въ числѣ рукописей есть нѣкоторыя, избѣгнувшія опустошенія, постигшаго Константинополь, при взятіи его Турками въ 1453 году; на нихъ начертаны имена Халкондила, Хрисолора и другихъ возстановителей Греческой Словесности, которые, по паденіи Восточной Имперіи, искали убѣжища въ Римѣ и при дворѣ Медичи. — Библіотека сія возбуждала жадность властей, покорившихъ Брюссель. Въ 1746 году, маршалъ де Саксъ отправилъ въ Парижъ драгоцѣннѣйшія ея сокровища. Они возвращены были въ 1770 году, и опять увезены въ 1794, генераломъ Дюмурье. Въ 1815 ихъ воротили, но съ потерею многихъ рѣдкихъ экземпляровъ. Еще бо́льшее негодованіе возбуждаетъ въ душѣ святотатственный вандалисмъ революціонеровъ, которые окровавленными руками своими выскабливали изъ рукописей изображенія старинныхъ императоровъ, королей и святыхъ угодниковъ, изображенныхъ съ вѣнцами на головѣ! — Въ залѣ достопамятностей показываютъ парадный кафтанъ, который носилъ Карлъ II, пребывая въ Брюсселѣ во время протекторства Кромвелева; сдѣланную изъ перьевъ мантію, принадлежавшую Монтесумѣ; колыбель Карла V, и двѣ чучелы лошадей, на которыхъ ѣздили Герцогъ Албертъ и Изабелла въ сраженіи при Ньюпортѣ. — Въ Кабинетѣ Естественной Исторіи достойны замѣчанія гиппопотамъ необыкновенной величины, полное собраніе волканическихъ изверженій Везувія, и богатая коллекція русскихъ минераловъ, подаренная Принцемъ Оранскимъ, нынѣшнимъ

Королемъ Нидерландскимъ. —Музей заключаетъ въ себѣ болѣе трехъ сотъ пятидесяти картинъ, въ томъ числѣ семь Рубенсовыхъ, но онъ гораздо бѣднѣе Антверпенскаго. Лучшія его картины принадлежатъ къ старинной школѣ фанъ-Эйка и Мемлинга.

Въ художественномъ отношеніи церкви Брюсселя гораздо интереснѣе. Прекраснѣйшая изъ нихъ есть готическій Соборъ Св. Гудулы, построенный въ 1273 г. (башни въ 1518). Въ ней происходили собранія капитула Златаго Руна при Филиппѣ Добромъ, въ 1435, и при Карлѣ V, въ 1516 году. Зданіе величественное, внушающее трепетъ уваженія къ святынѣ. Потолокъ поддерживается широкими столпами. Нѣтъ ни какихъ мелочныхъ украшеній. Подлѣ столповъ мраморныя изваянія Спасителя, Пресвятыя Дѣвы и Апостоловъ. Главный алтарь воздвигнутъ въ 1723 году. Важнѣйшіе монументы суть: Іоанна II, Герцога Брабантскаго (ум. въ 1312 г.), и супруги его, Маргариты Англійской: на гробницѣ чернаго мрамора лежитъ бронзовый левъ. Другой, Эрцгерцога Эрнста, умершаго въ Брюсселѣ, въ 1595 году; онъ представленъ вооруженнымъ, въ кирасѣ, облокотясь на камень; мечъ и шлемъ подлѣ него. Въ капеллѣ Святыхъ Таинъ (du St. Sacrément) погребены многія царственныя особы Австрійскаго Дома. Въ другой воздвигнутъ прекрасный монументъ, трудовъ Г. Гифса, надъ могилою Графа Феликса де Мероде. — Неподалеку отъ него возвышается памятникъ истинному другу человѣчества, канонику Тріесту, проведшему всю жизнь свою въ подвигахъ благотворенія и милосердія. Христіанское милосердіе представлено на немъ въ видѣ женщины, держащей одною рукою у себя на колѣняхъ новорожденнаго младенца; другою рукою подаетъ она въ раковинѣ питье ребенку постарше, третій ребенокъ бла-

годаритъ небо за сіи дары.—Картинъ, достойныхъ вниманія, въ этой церкви нѣтъ, но драгоцѣнны расписанныя ея стекла, весьма уважаемыя знатоками. На нихъ изображены подвиги Максимиліана I, Лудовикъ II Венгерскій, Іоаннъ Португальскій, Марія Венгерская, Францискъ I, Фердинандъ I, Эрцгерцогъ Албертъ и супруга его; Изабелла, Императоръ Леопольдъ I. Любители не изящной, а вычурной старины, отличавшейся мелкостью и безвкусіемъ своихъ произведеній, восхищаются рѣзьбою деревянной каѳедры (chaise de la vérité); фигуры, украшающія ея подножіе и поручни всхода, представляютъ изгнаніе Адама и Еввы изъ рая, и вокругъ ихъ всякихъ звѣрей, птицъ и т. п., въ естественную величину. — Въ Брюсселѣ есть еще нѣсколько готическихъ церквей, съ изящными статуями и картинами, но я не успѣлъ ихъ видѣть, поспѣшивъ осмотрѣть главнѣйшую его достопамятность—ратушу.

Брюссельская ратуша занимаетъ первое мѣсто въ числѣ зданій сего рода, красующихся въ каждомъ городѣ Бельгіи. Она построена въ 1442 году на Большой Площади (la Grande Place), окруженной зданіями того же вѣка, и сохранившей вполнѣ характеръ эпохи испанскаго владычества въ Бельгіи Ратуша построена во вкусѣ готическо-ломбардскомъ. Надъ нею (не въ самой срединѣ) (*) возвышается пирамидальная башня (въ 364 фута), отличающаяся легкостью постройки, въ верхней части сквозная. Наверху стоитъ статуя Св. Архангела Михаила, бронзовая, вызолоченная; она подвижная и вертится по направленію вѣтра. Встарину фасадъ ра-

(*) Полагаютъ, что это произошло отъ увеличенія зданія въ одну сторону противъ первоначальнаго плана.

туши былъ украшенъ драгоцѣнными статуями государей и героевъ: онѣ разрушены якобинцами, при занятіи Брюсселя Французами. На внутреннемъ дворѣ ратуши два фонтана; на нихъ красуются лежащія статуи рѣкъ. Главная зала ратуши достопамятна тѣмъ, что въ ней Императоръ Карлъ V, во всемъ блескѣ своего величія и славы, 25-го Октября 1555 года отрекся отъ престола Германіи и Испаніи. «Возложивъ на сына своего Филиппа, говоритъ историкъ Страда, званіе гросмейстера ордена Златаго Руна, съ обычными притомъ обрядами, исчислилъ онъ событія царствованія своего съ семнадцатилѣтняго возраста, и поблагодарилъ нидерландскихъ своихъ подданныхъ за повиновеніе и вѣрность ихъ. Потомъ всталъ, опираясь на Принца Вильгельма Оранскаго, и испросивъ благословеніе Неба Филиппу, преклонившему колѣни, надѣлъ ему на голову корону, и пробылъ нѣсколько времени неподвиженъ, проливая слезы (*). На другой день Филиппъ присягнулъ въ томъ, что будетъ свято хранить права и преимущества нидерландскихъ своихъ подданныхъ, и принялъ ихъ клятву въ вѣрноподданствѣ.» Карлъ, чрезъ нѣсколько времени, удалился въ монастырь Св. Юста, въ Испаніи, и скончался тамъ въ 1558 году.—Вскорѣ потомъ Филиппъ ввелъ въ Нидерландахъ инквизицію, и жители ея подверглись жестокимъ гоненіямъ за вѣру. Площадь предъ ратушею въ Брюсселѣ сдѣлалась позорищемъ лютыхъ казней, совершенныхъ кровожаднымъ Альбою. Въ началѣ 1568 года были на ней обезглавлены двадцать пять благороднѣйшихъ гражданъ нидерландскихъ, виновныхъ толь-

---

(*) Этотъ самый моментъ изображенъ на картинѣ Галле, о которой я говорилъ въ предъидущемъ моемъ письмѣ.

ко въ томъ, что были богаты и независимы. 5-го Іюля, безъ розыска и суда, казнили на ней же Графа Ламораля Эгмонта и Графа Филиппа Горна. Принцъ Оранскій, котораго ожидала та же участь, спасся бѣгствомъ. Несчастныя жертвы провели ночь, предшествовавшую казни, въ огромномъ домѣ насупротивъ ратуши (*). Герцогъ Альба смотрѣлъ изъ этого же дома въ окно на казнь невинныхъ. Домъ Графа Эгмонта стоитъ подлѣ ратуши: въ верхнемъ ярусѣ его, дѣти несчастнаго стояли у оконъ на колѣняхъ, и молились Богу. Прежняя его любовница, Іоанна Лавиль, въ минуту казни, умерла отъ ужаса: Гёте предалъ ее безсмертію въ своей трагедіи, подъ именемъ Клары. Зданія уцѣлѣли понынѣ; все это говоритъ душѣ и воображенію странника. — Бѣдствія южныхъ Нидерландовъ прекратились въ 1598 году, когда они поступили подъ благодѣтельную власть Дома Австрійскаго. Сѣверные Нидерланды, или Семь Соединенныхъ Провинцій, составили отдѣльную республику, Голландію, и въ теченіе двухъ вѣковъ эти двѣ части прежняго цѣлаго дотого сдѣлались чуждыми одна другой языкомъ, нравами, законами, религіею, что возсоединеніе ихъ въ 1815 году рушилось при первомъ случаѣ! — Эти событія пролетали въ моей памяти, когда я проходилъ по другимъ заламъ ратуши, украшеннымъ драгоцѣнными шпалерами (gobelins, tapisseries de haute lisse), на которыхъ изображены, въ естественную величину, Герцоги Бургундскіе, Короли Ис-

---

(*) Сей такъ называемый хлѣбный домъ (Maison du Pain) служилъ мѣстомъ собранія городскихъ начальствъ до построенія ратуши. Въ 1625, Инфантина Изабелла возобновила его въ память избавленія Брюсселя отъ чумы, войны и голода. По сему случаю сдѣлана на немъ надпись: A peste, fame et bello libera nos Maria Pacis.

папскіе и Эрцгерцоги Австрійскіе, правившіе Нидерландами. Въ нижнемъ ярусѣ находятся городскія присутственныя мѣста.

Изъ частныхъ зданій, въ Брюсселѣ достоинъ вниманія домъ Графа д'Аренберга на площади le Petit Sablon. Онъ построенъ на мѣстѣ Келейнбургскаго Дома, который разрушенъ былъ до основанія Герцогомъ Альбою за то, что въ немъ собирались недовольные. Въ немъ схвачены были Эгмонтъ и Горнъ. Въ нынѣшнемъ домѣ Графа д'Аренберга жилъ нѣсколько времени Ж. Ж. Руссо. Въ немъ находятся прекрасная картинная галерея и богатое собраніе вазъ и другихъ вещей, найденныхъ въ Геркуланѣ. Я не могъ войти во внутренность дома, потому что хозяинъ его былъ въ отсутствіи.

Еще долженъ я упомянуть объ одной странной знаменитости города Брюсселя. На углу улицъ du Chêne и de l'Etuve, неподалеку отъ ратуши, устроенъ фонтанъ. Воду испускаетъ небольшой бронзовый купидонъ (работы Дюкенуа, въ 1648 г.) самымъ естественнымъ, хотя и не самымъ благопристойнымъ образомъ. Статуйка эта, называемая человѣчкомъ (Mannekenpis), слыветъ самымъ старымъ гражданиномъ Брюсселя (le plus ancien bourgeois de Bruxelles), и весьма уважается въ народѣ. Въ большіе праздники наряжаютъ человѣчка въ мундиръ національной гвардіи. Многіе государи жаловали ему наряды: Курфирстъ Баварскій подарилъ ему цѣлый гардеробъ и камердинера, чтобъ одѣвать его. Лудовикъ XV, желая загладить обиды, нанесенныя брюссельскому мѣщанину французскими гренадерами (при занятіи города въ 1747 году), пожаловалъ его кавалеромъ французскихъ орденовъ, и подарилъ ему полный костюмъ. 5-го Октября 1817 года пропала эта статуйка, къ большому огорченію жителей Брюсселя: ее нашли у одного

освобожденнаго каторжника, который укралъ ее, чтобъ воспользоваться бронзою: статуйку вновь поставили на піедесталъ, 6-го Декабря 1818 г., съ большою церемоніею — О происхожденіи ея толкуютъ, что Готфредъ, малолѣтный сынъ Герцога Брабантскаго, пропалъ однажды изъ дворца отца своего, и послѣ долговременныхъ тщетныхъ поисковъ, найденъ былъ на углу сихъ улицъ, въ этомъ положеніи.

Я обходилъ и объѣздилъ Брюссель въ три утра во всѣхъ направленіяхъ, и составилъ о немъ довольно вѣрную картину въ своемъ воображеніи. Онъ лежитъ на скатѣ холма, простирающагося къ востоку, и у подошвы его. Такимъ образомъ онъ естественно раздѣляется на верхній и нижній городъ. Самая старинная его часть находится въ срединѣ стараго города: здѣсь улицы узкія, кривыя и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нечистыя, à la Parisienne, но верхняя его половина и окраина нижней состоятъ изъ улицъ чистыхъ, широкихъ, обстроенныхъ великолѣпными домами. Говорятъ, что Брюссель есть Парижъ въ маломъ видѣ. Мнѣ кажется онъ пріятнѣе и живописнѣе Парижа. Движеніе въ срединѣ города, въ тѣсныхъ улицахъ, пребольшое. Магазиновъ множество.

Главнѣйшія издѣлія Брюсселя суть кружева и перепечатки французскихъ книгъ. Брюссельскія кружева извѣстны во всемъ свѣтѣ своею нѣжностью и красотою узоровъ. Эти узоры изготовляются особо, и съ величайшимъ раченіемъ нашиваются на кружево. Въ Брюсселѣ есть цѣлыя фабрики кружевъ, но бо́льшая часть изготовляется работницами по домамъ. Лучшій для того ленъ растетъ въ мѣстечкѣ Ребекѣ, близь Галла. Фунтъ самаго тонкаго продается на вѣсъ золота, т. е. по три и по четыре тысячи франковъ. Локоть прекраснѣйшихъ кружевъ продается по 150 франковъ, самыхъ простыхъ

по 20 фр. Матеріялъ для послѣдняго сорта стоитъ только два франка; остальное идетъ на задѣльную плату. Говорятъ, что женщины, прядущія ленъ на брюссельскія кружева и на французскій батистъ въ Сенъ-Кантенѣ, принуждены работать въ темныхъ комнатахъ, въ которыя свѣтъ входитъ узкимъ отверзтіемъ, и что симъ средствомъ глаза ихъ пріобрѣтаютъ необыкновенную зоркость: иначе онѣ не могли бы придавать своимъ издѣліямъ необыкновенную ихъ тонкость. Искусная работница, трудясь по шестнадцати часовъ въ день, зарабатываетъ два съ половиною франка. Обыкновенная работница получаетъ одинъ франкъ семьдесять пять сантимовъ. (Задѣльная плата простой швеи въ Парижѣ составляетъ одинъ франкъ двадцать пять сантимовъ.) Всего считается въ Бельгіи шесть тысячъ женщинъ, занимающихся сею работою. Продажа и выпускъ кружевъ за границу зависятъ отъ прихотей моды: съ нѣкотораго времени требованія на нихъ возрастаютъ: въ 1840 году вывезено ихъ за границу на 77,526 франковъ, въ 1841 на 1,155,846 фр.; въ 1842 на 1,257,112 фр.; въ томъ числѣ во Францію на 775,900 фр., въ Англію на 275,960 фр., въ Голландію на 189,476 фр. Лучшія кружева плетутъ въ Брюсселѣ и въ мѣстечкѣ Биншѣ. Гентскія, брюжскія и иперискія имъ уступаютъ.

Перепечатываніе новыхъ книгъ составляетъ въ Брюсселѣ немаловажную вѣтвь промышлености и торговли. Лишь только выйдетъ въ Парижѣ примѣчательная, важная или только хорошо продающаяся книга, чрезъ недѣлю она перепечатана въ Брюсселѣ, и продается за треть парижской цѣны. Правда, что брюссельскія изданія печатаются поспѣшно, не очень исправно, не на лучшей бумагѣ и мелкимъ, не слишкомъ четкимъ шрифтомъ, но дешевизною своею они повсюду вытѣсняютъ

товаръ оригинальный, и раскупаются во множествѣ. Французское Правительство тщетно старалось прекратить это злоупотребленіе, отъ котораго терпятъ именно хорошіе писатели и предпріимчивые книгопродавцы въ Парижѣ, но не могло успѣть въ томъ. Къ тому же, если бъ Бельгійское Правительство и прекратило у себя эту вредную для Французовъ промышленность, она перешла бы въ Голландію, въ Пруссію, и т. д. Прогуливаясь по Ватерлоскому Бульвару, увидѣлъ я вывѣску: Méline, imprimeur-libraire, и вспомнилъ, что Г. Мелинъ, лѣтъ за двѣнадцать, былъ у меня въ Петербургѣ, и продалъ мнѣ очень дешево многія хорошія книги. Я зашелъ къ нему, былъ имъ узнанъ и принятъ очень ласково. Въ разговорѣ намекнулъ я на то, что не слишкомъ нравственно перепечатывать чужія книги. Это тронуло его за живое «Помилуйте, сказалъ онъ, а сами-то Французы что дѣлаютъ? Перепечатываютъ всѣ англійскія и нѣмецкія книги.» И то правда, да все же ремесло это не самое чистое. Г. Мелинъ повелъ меня въ огромную свою типографію. Нѣсколько десятковъ наборщиковъ набирали съ *печатнаго оригинала*, какъ у насъ говорится. Двѣ скоропечатныя машины, приводимыя въ движеніе парами, и нѣсколько станковъ находились въ полномъ дѣйствіи. Я хотѣлъ купить Описаніе Брюсселя. Г. Мелинъ отвѣчалъ мнѣ, что, къ сожалѣнію, не можетъ исполнить моего желанія: онъ продаетъ книги свои гуртомъ, то есть тысячами вдругъ. Видя, что я заглядываю въ набираемыя книги, онъ спросилъ о причинѣ моего любопытства. Я признался, что желаю удостовѣриться, не перепечатываетъ ли онъ новой, книги, написанной о Россіи, однимъ французскимъ маркизомъ. — «Сохрани меня Богъ! сказалъ онъ: я такъ много обязанъ Россіи, продаю у васъ столько моихъ

произведеній, что былъ бы подлецомъ, если бъ сталъ печатать мерзости, которыя распространяются на ея счетъ неблагодарными и гнусными вралями?» — Что честно, такъ честно!

Народъ въ Брюсселѣ живой, и веселый: женщины хорошенькія, но, кажется, уступаютъ Антверпенкамъ. Говорятъ фламандскимъ нарѣчіемъ, похожимъ на Голандскій Языкъ, но всѣ разумѣютъ и отвѣчаютъ по-французски. Впрочемъ, сказываютъ, что и образованные люди, говоря по-французски, вмѣшиваютъ въ рѣчи свои площадную фламандскую божбу: God verdom myi! — Въ Брабантѣ составилось общество для сохраненія и обработки Фламандскаго Языка. Члены его жестоко жалуются на Брюссельцевъ за излишнюю привязанность къ Французамъ.

Въ Атверпенѣ я былъ избалованъ пріятнымъ знакомствомъ, и въ Брюсселѣ не сидѣлось мнѣ въ гостинницѣ. Но куда пойти? Кого посѣтить въ Брюсселѣ? Какъ, кого? А добраго, любезнаго Серве, у котораго я былъ за годъ предъ симъ на свадьбѣ (*). Спрашиваю, гдѣ онъ живетъ, и узнаю, что онъ теперь на дачѣ близь Гала, куда идетъ желѣзная дорога. Ѣду. Въ три часа по полудни, чрезъ 26 минутъ, за 75 сантимовъ, привезли меня въ Галъ. Гдѣ живетъ Г. Серве? спрашиваю на станціи. Вонъ тамъ, сударь, извольте итти все вдоль канала; за третьимъ шлюзомъ поверните направо, и тамъ спросите. Я пошелъ вдоль по каналу. Страна пріятная, хорошо обработанная, дорога ровная. Чрезъ часъ миновалъ я третій шлюзъ; пашелъ дорожку направо, и остановился у крестьянскаго домика. Здѣсь сказали мнѣ,

(*) Онъ женатъ на дочери Коммерціи Совѣтника Е. П. Фейгина.

что должно еще пройти около часу. Наконецъ завидѣлъ я крышу описаннаго мнѣ дома, и узналъ, что тутъ живетъ Сервс. Онъ и жена его, недавно разрѣшившаяся отъ бремени, выбѣжали ко мнѣ на встрѣчу, и встрѣтили меня съ выраженіемъ искренней привязанности и благодаренія за неожиданное посѣщеніе. Я предполагалъ было воротиться въ тотъ же вечеръ, но лишь только разговорился, раздался свистъ паровоза, послѣдняго въ этотъ день, и я принужденъ былъ остаться у нихъ на ночь. Вечеръ прошелъ въ веселой бесѣдѣ съ однимъ пріятелемъ Серве, любителемъ музыки, Г. Классомъ, который пріѣзжаетъ къ нему со скрипкою для репетицій. Меня помѣстили въ прекрасной, роскошно убранной комнатѣ, и я выспался какъ дома. Серве, всѣми уважаемый и за талантъ, и за благородство характера, живетъ въ довольствѣ и даже въ роскоши: дача у него барская. Мнѣ нравится въ немъ искреннее уваженіе и признательность къ Россіи, которую онъ отстаиваетъ здѣсь при всякомъ случаѣ. Поутру всталъ я заблаговременно, чтобъ не пропустить паровоза, но хозяинъ мой до того спорилъ съ Г. Классомъ, въ которомъ часу именно отходитъ поѣздъ изъ Галла, что мы опять его пропустили. Экипажей здѣсь ни какихъ не водится, и мы принуждены были отправиться въ Брюссель пѣшкомъ: дороги всего двѣнадцать верстъ. Г. Классъ пошелъ со мною. Серве проводилъ насъ. Къ счастью, у Серве есть билетъ на проходъ вдоль желѣзной дороги, по прямой линіи: въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы итти еще гораздо дальше. Наградила же судьба за дружескій визитъ! Но въ пріятной бесѣдѣ время прошло нечувствительно. Я распрашивалъ ихъ о нынѣшнемъ положеніи Бельгіи. Г. Серве говорилъ мало, но Г. Классъ показывалъ неудовольствіе на бывшее Голландское Прави-

тельство. — «Объявите же, что оно вамъ сдѣлало худаго,» сказалъ Серве. Г. Классъ разсказалъ мнѣ, что во время войны, въ его деревнѣ, въ господскомъ домѣ расположенъ былъ штабъ одной голландской дивизіи, и слѣдствіемъ этого постоя было опустошеніе его погреба. Зная, говорилъ онъ, что Принцъ Оранскій и братъ его, Принцъ Фридрихъ, строго смотрятъ за порядкомъ, я отправился въ главную квартиру, и явился къ Принцу Фридриху. «Не съ жалобою ли?» спросилъ онъ у меня съ участіемъ. «Не грабятъ ли, не шалятъ ли наши солдаты по деревнямъ?» — Нѣтъ, Ваше Высочество, отвѣчалъ я: солдаты очень тихи, но въ моемъ домѣ остановился штабъ. Въ погребу у меня было полторы тысячи бутылокъ стараго вина, и оно.... — «Выпито?» прервалъ меня Принцъ: «очень о васъ жалѣю, но это неизбѣжныя послѣдствія войны, и я вамъ помочь не могу.» Г. Классъ умолкъ печально. — «Въ самомъ дѣлѣ, это ужасно,» продолжалъ его рѣчь съ комическою важностью Серве: «не жечь, не грабить, а выпить полторы тысячи бутылокъ вина въ землѣ непріятельской!» — Мы подошли къ заставѣ. Гнусная пьяная фигурка въ таможенномъ мундирѣ остановила насъ: «Куда идете?» Въ городъ, отвѣчалъ Серве, показывая билетъ. «Вы можете пройти, а съ ношею пропустить не смѣю.» За Г. Классомъ человѣкъ несъ скрипку въ футлярѣ. «Что это за ноша!» возразилъ Классъ: «это скрипка!» — «Нужды нѣтъ,» отвѣчалъ сторожъ: «ее можно пронести только чрезъ такія ворота, гдѣ есть акцизъ со съѣстныхъ припасовъ.» — «Да что это за съѣстные припасы?» — «Не пущу!» закричалъ сторожъ съ запальчивостью. Нечего было дѣлать: мы пошли вдоль городскаго рва къ заставѣ, отстоявшей версты на двѣ. Терпѣнье Серве лопнуло. — «Вотъ,» закричалъ онъ,

«хваленая ваша законность и свобода! Всякій пьяница можетъ, подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, остановить и оскорбить порядочныхъ людей. Видѣли ли вы, съ какою злобною радостью этотъ пьяный негодяй смотрѣлъ на ленточку въ моей петлицѣ? Вотъ ваши революціи, ваши представительныя правленія, ваша свобода и равенство! — Можетъ ли случиться что подобное, напримѣръ, въ Россіи? Скажутъ учтиво: не приказано; обратишься къ офицеру, и онъ пропуститъ. Вотъ вамъ права, купленныя за полторы тысячи бутылокъ вина!» Г. Классъ молчалъ и шелъ своимъ путемъ. Въ двѣнадцатомъ часу вошли мы въ городъ. Г. Серве отыскалъ мнѣ коляску, чтобъ я не заплутался въ кривыхъ улицахъ предмѣстья, и пославъ со мною поклонъ всѣмъ своимъ петербургскимъ друзьямъ и знакомцамъ, отправился на станцію желѣзной дороги.

Пріѣхавъ домой, нашелъ я тамъ добраго Эмиля Гризара, который прибылъ нарочно изъ Антверпена, чтобъ быть моимъ путеводителемъ. Мы ходили съ нимъ по разнымъ достопамятнымъ мѣстамъ, описаннымъ мною выше, и, сверхъ того, видѣли, въ домѣ Графа Когена, прекрасную картину де-Кейзера: Рафаэль и Форнарина. Гризаръ отобѣдалъ со мною въ Univers. Не могу не отдать при семъ случаѣ справедливости брюссельской кухнѣ. Столъ въ здѣшнихъ гостиницахъ прекрасный: сытный, вкусный, изящный. Проводивъ любезнаго гостя до станціи желѣзной дороги, и пославъ тысячу поклоновъ антверпенскимъ моимъ друзьямъ, я отправился въ театръ. Давали оперу Россини, Моисей, на Французскомъ Языкѣ. Пѣвцы, пѣвицы, оркестръ были очень хороши. Зала обширная и великолѣпная. Только наружностью театръ кажется неуклюжимъ и мрачнымъ. Онъ построенъ на Монетной Площади (Place de la Monnaie), на которой не-

чти въ каждомъ домѣ есть кофейня, въ нижнемъ этажѣ, какъ въ Парижѣ. По площади, въ сумерки, бродятъ коммиссіонеры, и замѣтивъ иностранца, учтиво останавливаютъ его, и предлагаютъ ему свои услуги.

Пріѣхавъ въ Брюссель, во вторникъ (29-го Іюня), я тотчасъ же взялъ мѣсто въ парижскомъ дилижансѣ, отправляющемся въ субботу (3-го Іюля), чтобъ никакъ не оставаться въ Бельгіи долѣе. Прошло два дня, и я видѣлъ почти все, что есть любопытнаго въ Брюсселѣ. Остаются еще два дня, и въ это время осмотрю еще важнѣйшіе города ея, Гентъ, Брюжъ и Остенде. Три города въ два дня — возможное ли дѣло! Очень возможное: туда идетъ желѣзная дорога.

Въ четвертокъ, 1-го Іюля, въ восемь часовъ утра, отправился я въ Гентъ, чрезъ Мехельнъ, въ первомъ мѣстѣ, называемомъ здѣсь дилижансомъ, за $4^1/_2$ франка. Подлѣ меня сѣлъ сѣдой человѣкъ высокаго роста, воинственнаго вида. Гляжу, въ петлицѣ у него лента съ цвѣтами владимірскаго, аннинскаго ордена, парижской медали. Я заговорилъ съ нимъ по-русски. Онъ съ удовольствіемъ отвѣчалъ мнѣ, не чисто, но довольно хорошо и понятно. Оказалось, что это былъ полковникъ Ротіерсъ, долго служившій въ Россіи, преимущественно на Кавказѣ, и вышедшій въ отставку въ 1822 году. Мы тотчасъ познакомились и разговорились: тридцать пять минутъ пути до Мехельна, куда ѣхалъ полковникъ, показались мнѣ тремя. Онъ разспрашивалъ меня о разныхъ почтенныхъ особахъ, съ которыми былъ знакомъ въ Россіи, и сердечно радовался, слыша о нихъ доброе. О почившихъ вспоминалъ съ искреннимъ сожалѣніемъ. «Я родомъ Голландецъ, сказалъ онъ мнѣ, живу въ Брюсселѣ потому, что у меня тутъ есть домъ, но нѣсколько разъ ежегодно ѣзжу въ Гаагу, чтобъ по-

клониться Королевѣ Аннѣ Павловнѣ. Она моя Государыня, и когда я гляжу на нее, мнѣ кажется что я еще въ русскомъ мундирѣ.» Слеза скатилась, по морщиноватой щекѣ, въ сѣдой усъ. Такую невольную дань видитъ Богъ! Подобныя явленія благодарности честныхъ и достойныхъ людей къ гостепріимной Россіи и добрымъ ея Государямъ сторицею награждаютъ за клеветы и лжи какого нибудь Маркиза де-Кюстина. Пронзительный свистъ пароходнаго сигнала никогда не былъ для меня такъ чувствителенъ, какъ въ этотъ разъ. Я разстался съ почтеннымъ полковникомъ, какъ съ старымъ другомъ.

IX.

Парижъ, 5-го Іюля (17-го Іюля) 1843.

Когда поѣздъ желѣзной дороги двинулся далѣе, я вынулъ изъ кармана историческую картину Гента, и прочиталъ описаніе главныхъ его событій.

Исторія городовъ Европы въ Средніе Вѣки представляетъ любопытное зрѣлище. Крестовые Походы, открывъ новые пути торговли, обогатили приморскіе города Италіи, Франціи и Нидерландовъ. Ослабленіе феодальной системы и обѣдненіе рыцарства усилили значительность и силу городскихъ общинъ, которыя, для успѣшнѣйшаго сопротивленія требованіямъ и явнымъ нападеніямъ тогдашняго дворянства, не знавшаго предѣловъ своей власти, и питавшагося отчасти разбоями и грабежами, также для охраненія своихъ коммерческихъ флотовъ отъ наѣздниковъ на морѣ, составляли оборонительные между собою союзы. Важнѣйшимъ и благодѣтельнѣйшимъ изъ нихъ былъ Ганзейскій, простершій влія-

ніе свое и на русскіе города, Новгородъ и Псковъ. Но гдѣ не бываетъ злоупотребленія! Въ какомъ случаѣ люди умѣютъ положить предѣлъ своимъ страстямъ! Разбогатѣвшіе купцы и граждане наскучили повиновеніемъ своимъ владыкамъ, избирали себѣ князей по прихоти, и по прихоти ихъ изгоняли и отрѣшали. Но это продолжалось только до возмужанія великихъ монархій въ Европѣ, въ XV и XVI вѣкѣ, на западѣ Карла V, на сѣверовостокѣ Іоанна III. Предъ ихъ преобладающею силою пали надменные и строптивые города Италіи, Нидерландовъ и сѣверной Россіи, и вошли въ составъ огромныхъ государствъ. Между тѣмъ обстоятельства возрожденія, усиленія, обогащенія городовъ въ Средніе Вѣки, даже ихъ распрей, войнъ и внутреннихъ мятежей, чрезвычайно любопытны и занимательны. Сисмонди, въ своей Исторіи Италіянскихъ Республикъ въ Средніе Вѣки, представилъ намъ рядъ интересныхъ картинъ, написанныхъ мастерскою кистію. Почти столько же занимательны событія старинныхъ городовъ нидерландскихъ, жители которыхъ донынѣ сохранили пылкость страстей и приверженность къ старинымъ своимъ обычаямъ. И эта исторія, обильная происшествіями и страстями, проявляется въ сихъ городахъ на каждомъ шагу, въ памятникахъ, зданіяхъ, сказаніяхъ, народныхъ праздникахъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ. Каждый большой городъ Нидерландовъ представляетъ любознательному страннику обширное поле для наблюденій и замѣчаній.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ городовъ нидерландскихъ, въ историческомъ отношеніи, есть Гентъ, называемый по-французски Gand. Онъ извѣстенъ съ пятаго вѣка, и уже въ 635 году славился твердостью своего замка. Жившіе въ немъ язычники поклонялись богу

Меркурію, предъ статуею его, вылитою изъ серебра. Въ 629 году, Король Дагобертъ прислалъ въ Гентъ Святаго Аманда, для разсѣянія мрака невѣжества и идолопоклонства. Святый мужъ разрушилъ идола, водворилъ Христіанство, и построилъ два монастыря. Въ то же время одинъ богатый люттихскій помѣщикъ, Алловинъ де-Бавонъ, увлеченный проповѣдью Святаго Аманда, крестился и отдалъ симъ монастырямъ все свое имущество. По смерти его, крестились еще шестьдесятъ рыцарей, и въ память Бавона построили церковь. — Около 866 года, первый Графъ Фландрскій, Балдуинъ Желѣзная Рука, для обороны земли своей отъ Норманновъ, построилъ въ Гентѣ крѣпость, названную Графскимъ За́мкомъ (Château du Comte, s'Graevensteen). — Въ 968, Графъ Фландрскій, Балдуинъ Младшій, поселилъ въ Гентѣ ткачей и суконодѣловъ: это было основаніемъ знаменитымъ суконнымъ фабрикамъ гентскимъ. Замѣчательно, что тѣмъ же промысломъ обогатилась въ Италіи Флоренція. Въ 1177 году, Филиппъ Алзатскій далъ Генту права вольнаго города, освободилъ его отъ податей и службы; граждане получили право собираться для сужденія о своихъ выгодахъ сами выбирали своихъ правителей, имѣли свою печать, вѣчевой колоколъ (beffroi) и расправу. Многіе богатые жители Гента выстроили укрѣпленные домы съ башеньками; нѣкоторые уцѣлѣли понынѣ. Торговля ихъ значительно распространилась; богатства умножились. Балдуинъ IX, бывшій въ послѣдствіи Императоромъ Константинопольскимъ, установилъ въ Гентѣ тарифъ о пошлинѣ съ вывозимыхъ и привозныхъ товаровъ, и старался о введеніи во Фландріи единообразныхъ вѣсовъ и мѣръ. Въ 1202 году запрещено было гражданамъ Гента пріобрѣтать недвижимыя имущества внѣ города, и они принуждены были употреблять всѣ

свои капиталы на фабрики и торговлю. Людей праздныхъ и безремесленныхъ изгоняли изъ города. Богатыхъ и промышленыхъ иностранцевъ привлекали всѣми средствами. Съ купцами и капиталистами возникли и ростовщики. Принцесса Іоанна, для выкупа супруга своего, захваченнаго въ плѣнъ невѣрными, заняла здѣсь деньги по тридцати процентовъ. Городъ до того распространился, что Карлъ V говаривалъ: Я упрячу весь Парижъ въ мою перчатку (Je mettrai tout Paris dans mon gant, Gand).

Филиппъ Прекрасный, плѣнивъ Графа Фландрскаго Гвидо де Дампіера, занялъ Гентъ, и объявилъ Фландрію своимъ достояніемъ. Жители Гента, жестоко притѣсняемые завоевателемъ, рѣшились освободить отечество свое и государя. Брюжскій ткачъ, Петръ де Конингъ, взявъ себѣ въ помощники мясника Ивана Брейделя, набралъ толпу отважныхъ людей, прозванныхъ львиными когтями (klauwaerts), истребилъ и изгналъ всѣхъ Французовъ и ихъ сообщниковъ, и отдалъ подъ начальство сына графскаго, Гвида, армію въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ. Войско сіе сразилось съ пятидесяти-тысячною французскою арміею, близъ Аббатства Груннинге, неподалеку отъ Куртре, и разбило ее на голову. Въ этотъ день погибъ цвѣтъ французскаго дворянства: болѣе семи сотъ золотыхъ шпоръ, найденныхъ на полѣ битвы, повѣшены были въ груннигенской церкви. — Въ половинѣ XIV вѣка Гентъ принялъ участіе въ вѣковой борьбѣ Англіи съ Франціею. Графъ Лудовикъ Фландрскій держался стороны Французовъ. Жители Гента, руководимые патриціемъ своимъ, Яковомъ Артевельдомъ, требовали исключительнаго союза съ Англіею. Воспылала междоусобная война. Артевельдъ, возведен-

ный на степень регента Фландріи, побудилъ Короля Англійскаго Эдуарда присвоить себѣ титулъ и гербъ Короля Французскаго. Онъ употреблялъ всѣ силы свои, чтобъ подчинить Гентъ Англичанамъ, и наконецъ былъ умерщвленъ (24-го Іюля 1344 г.) раздраженнымъ народомъ, нежелавшимъ измѣнить Графу Фландрскому. Посреди сихъ смутъ и распрей, промышленость, торговля и богатство Гента возрастали безпрерывно. Съ ними распространилась и безпредѣльная роскошь. Самые простые граждане ходили въ шелкѣ и въ золотѣ. Нравы развратились: въ одинъ годъ совершено было въ Гентѣ болѣе тысячи четырехъ сотъ смертоубійствъ. Вотъ какъ одинъ новый историкъ (Президентъ де Герлашъ, въ Исторіи Нидерландовъ) описываетъ тогдашнюю мнимую свободу и блистательное состояніе городовъ нидерландскихъ: «Если города Бельгіи, въ Средніе Вѣки, кажутся намъ счастливыми и блистательными, это происходитъ единственно отъ противоположности ихъ съ бѣдственнымъ положеніемъ сосѣднихъ странъ, въ которыхъ жители городовъ и весей были подвергнуты жестокимъ и безчеловѣчнымъ притѣсненіямъ и разбоямъ бароновъ и рыцарей. Намъ нечего жалѣть объ этомъ вѣкѣ разстройства и междоусобій. Несправедливо поступаютъ, по нашему мнѣнію, тѣ, которые, въ наше время спокойствія и владычества законовъ, выхваляютъ времена варварства и кровопролитій!» — По выходѣ въ замужство Маргариты Фландрской (въ 1359) за за Филиппа Смѣлаго, Фландрія подчинилась могущественному Дому Бургундскому, но распри и междоусобія не прекращались. Наконецъ, жители Гента были разбиты Герцогомъ Бургундскимъ Филиппомъ Добрымъ, въ 1453 году, на равнинѣ Гавра (Gavre); шестнадцать тысячъ человѣкъ были убиты или потонули въ Шельдѣ.

Гентъ лишился бо́льшей части своихъ привилегій. Аббатъ Церкви Св. Бавона, двадцать пять старшинъ и двѣ тысячи гражданъ явились въ лагерь раздраженнаго Герцога, и просили помилованія: они принуждены были заплатить 400,000 золотыхъ талеровъ. — Карлъ Смѣлый стѣснилъ ихъ еще болѣе. Въ 1477 г. праздновали въ Гентѣ бракосочетаніе дочери его, Маріи, съ Эрцгерцогомъ Максимиліаномъ, сыномъ Императора Фридриха III, и съ сего времени Нидерланды поступили во владѣніе Австрійскаго Дома. Карлъ V родился въ Гентѣ, 25-го Февраля 1500 г., и крещенъ въ Церкви Св. Бавона. Въ 1539 году, граждане Гента, находившагося подъ управленіемъ сестры Императора, отказались выплатить чрезвычайную военную подать, и среди города возникло возмущеніе такъ называемыхъ крессеровъ (крикуновъ), составившихся изъ самыхъ низкихъ ремесленниковъ. Они казнили градскаго главу Ліевина Пина, и хотѣли было поддаться Франціи. Появленіе грознаго Императора съ войскомъ образумило ихъ. Карлъ повелѣлъ судить преступниковъ, и выслушавъ защиту, объявилъ ихъ виновными въ оскорбленіи величества, приговорилъ заплатить денежную пеню, и явиться предъ нимъ съ повинною головою. Старшины города, въ черномъ одѣяніи, босикомъ, съ непокрытою головою, тридцать гражданъ, начальники ткачей съ пятидесятью мастерами сего ремесла, шесть членовъ другихъ сословій, наконецъ пятьдесятъ крессеровъ, главнѣйшіе виновники бунта, въ однѣхъ рубахахъ, съ веревкою на шеѣ, явились предъ Императоромъ и намѣстницею его, и на колѣняхъ просили прощенія. Карлъ отнялъ у города всѣ его привилегіи, доходы, имущества, пушки и другое оружіе, даже знаменитый вѣчевой колоколъ, именовавшійся Роландомъ, и созывавшій мятежниковъ къ

возстанію. Укрѣпленія города были разрушены, жители обязаны выплатить большія суммы и содержать въ въ исправности цитадель, которую велѣно было построить для удержанія буйнаго города въ покорности. Четырнадцать кресссеровъ были казнены. Сими средствами Карлъ V утвердилъ власть свою въ Нидерландахъ; но сколь ни велики были пожертвованія, вынужденныя у граждань, богатство тамошнихъ городовъ было еще очень значительно. Слишкомъ извѣстны кровавыя распри, междоусобныя брани и казни, раздиравшія Нидерланды въ правленіе Филиппа II, поручившаго свирѣпому Герцогу Альбѣ смирить ревностныхъ послѣдователей новаго ученія, и укротить строптивость безпокойныхъ. Обѣ партіи старались превзойти одна другую неистовствами и свирѣпствомъ. Фанатическими внушеніями протестантскихъ проповѣдниковъ составилась (въ 1566) толпа иконоборцевъ, изъ людей простаго званія, бродягъ и разбойниковъ, стекшихся отвсюду: они вламывались въ католическія церкви, разрушали алтари, статуи, картины, опустошали и грабили монастыри: въ одну недѣлю разграблены были въ Брабантѣ болѣе шести сотъ церквей. Графъ д'Эгмонтъ, прибывшій въ Гентъ отъ имени Филиппа II, для возстановленія королевской власти и католическаго богослуженія, утишилъ мятежъ средствами мирными и кроткими. Но для Филиппа этого было недовольно: въ 1567 году явился въ Нидерландахъ Герцогъ Альба, и благородный Эгмонтъ сдѣлался одною изъ первыхъ жертвъ его. Учреждено было такъ называемое кровавое судилище (Bloed-raed); оно осуждало на смерть каждаго подсудимаго, не разбирая ни вины его, ни оправданій. Бѣдствія сіи продолжались до 1598 года; тогда Бельгія поступила во владѣніе Австріи, и насладилась вожделѣннымъ спокой-

ствіемъ подъ владычествомъ государей кроткихъ, правосудныхъ и народолюбивыхъ. Война за испанское наслѣдство простерлась и на Нидерланды. Утрехтскій миръ въ 1713 г. утвердилъ ихъ за Австріею. Царствованіе Маріи Терезіи оставило по себѣ самыя благодарныя воспоминанія. Іосифъ II, въ пламенномъ рвеніи своемъ къ упроченію благоденствія своихъ подданныхъ, отмѣнилъ разныя старинныя обыкновенія и остатки временъ феодальныхъ; упразднилъ многіе монастыри, ограничилъ власть Папы, и ввелъ новое судопроизводство, сообразное съ требованіями вѣка. Неразумные Бельгійцы видѣли въ сихъ полезныхъ и благодѣтельныхъ перемѣнахъ, внушенныхъ Императору искреннею любовію къ народу, нарушеніе своихъ нелѣпыхъ старинныхъ правъ, и подняли знамя бунта. Преемникъ Іосифа, Леопольдъ II, успокоилъ ихъ, но вскорѣ наступило для нихъ время возмездія и наказанія. Вспыхнула Французская Революція, и Нидерланды сдѣлались театромъ кровопролитной войны, кончившейся присоединеніемъ ихъ къ Франціи. Въ новыя времена, Гентъ ознаменовался нѣкоторыми историческими случаями. Въ 1803 г., Наполеонъ, бывшій тогда на высшей степени еще незапятнанной славы, съ Императрицею Жозефиною посѣтилъ Гентъ, съ величайшимъ вниманіемъ разсматривалъ выставку произведеній бельгійской промышлености, и щедро наградилъ отличившихся фабрикантовъ. Купечество угостило его на Парадной Площади (Place d'armes), превращенной въ огромный шатеръ. 20-го Іюня 1814, Императоръ Александръ, по возвращеніи изъ Англіи, былъ принятъ въ Гентѣ съ искреннимъ усердіемъ. Мимо оконъ дома Графа Стегейзена, въ которомъ онъ остановился, проходили два французскіе полка, возвращавшіеся изъ Гамбурга: достойно замѣчанія, что одинъ

изъ этихъ полковъ, за полтора года предъ тѣмъ, *первый* вступилъ въ Москву. — Въ 1814 же году собрался въ Гентѣ конгресъ министровъ англійскихъ и американскихъ. 24-го Декабря они заключили миръ между Великобританніею и Сѣверо-Американскими Штатами. — Во время Ста Дней (въ 1815 г.), жилъ въ Гентѣ Лудовикъ XVIII. Роялисты, гуляя по Италіянскому Бульвару въ Парижѣ, названному Гентскимъ (boulevard de Gand), распѣвали: rendez-nous notre paire de gants, père de Gand. Въ 1815 году, Бельгія вошла въ составъ Нидерландскаго Королевства; въ 1830 отдѣлилась отъ него, достигла мечтательной независимости, и узнала горькіе плоды ея. Гентъ, процвѣтавшій торговлею и промышленостью, лишился бо́льшей части источниковъ своего благосостоянія, и нынѣ горько оплакиваетъ бѣдственное свое состояніе. Въ 1832 году составилась было въ немъ партія для возсоединенія Бельгіи съ Голландіею, но не имѣла успѣха. Желѣзная дорога одна поддерживаетъ существованіе гентскихъ фабрикъ.

Но вотъ — раздается свистокъ паровоза. Поѣздъ останавливается, и мы выходимъ въ Гентѣ. Я отправился въ рекомендованную мнѣ гостинницу, Г. Паува, близъ почтоваго дома, на Парадной Площади, взялъ лонлакея, и пошелъ разглядывать. Въ первую минуту Гентъ разочаровалъ меня: въ немъ почти вовсе нѣтъ старинныхъ домовъ, живописныхъ и оригинальныхъ, какими я любовался въ Антверпенѣ. Все перестроено на новый ладъ. И это не удивительно. Богатые жители новаго Гента не могли оставаться въ тѣсныхъ, закопченныхъ домахъ своихъ предковъ. Уцѣлѣли только нѣкоторыя всенародныя зданія, остатки древнихъ укрѣпленій, и въ томъ числѣ старинная четвероугольная башня, на кото-

рой висѣлъ вѣчевой колоколъ, и съ которой издалека можно было видѣть приближающагося непріятеля. На вершинѣ ея былъ мѣдный вызолоченый драконъ, трофей побѣды, одержанной Гентомъ надъ гражданами Брюжа, которые получили его въ даръ отъ Графа Балдуина Фландрскаго. Графъ, какъ говоритъ преданіе, привезъ его изъ Палестины, гдѣ онъ возвышался надъ мечетью. Теперь драконъ снятъ: его чинятъ. Въ большіе праздники зажигаютъ на башнѣ смоляныя бочки, и изъ пасти драконовой пускаютъ ракеты.

Другое старинное зданіе въ Гентѣ есть ратуша, построенная не на площади, какъ въ другихъ городахъ Бельгіи и Голландіи, а на углу двухъ улицъ. Одинъ фасадъ ея на улицу Haute-Porte, совершенно готическій, построенъ въ 1487 году, и съ тѣхъ поръ не совершенно конченъ. Другой фасадъ (на Масляный Рынокъ) выстроенъ, въ началѣ XVII вѣка, въ классическомъ италіянскомъ вкусѣ: въ нижнемъ ярусѣ колонны дорическія, въ бель-этажѣ іоническія, въ верхнемъ коринѳскія. Во внутренности ратуши есть нѣсколько картинъ, но онѣ не важны. Архивъ ея богатъ историческими документами съ XII вѣка. Упомянутый мною Графскій Замокъ разрушенъ: остались только огромныя его ворота, которыми входишь въ бумагопрядильную фабрику. Недавно открыли подземный ходъ, шедшій изъ замка за городъ. Въ 1338 году жилъ въ этомъ замкѣ Англійскій Король Эдуардъ III съ своимъ семействомъ.

Въ Исторіи Гента играла важную роль площадь его, называемая *Пятничнымъ Рынкомъ* (le marché de Vendredi), бывшая позорищемъ многихъ важныхъ, отчасти кровавыхъ происшествій. На ней буйный народъ (les têtes dures de Flandre) водружалъ знамя свое, когда пола-

галъ, что вельможи нарушаютъ права его; на ней происходили великолѣпныя торжества вступленія Графовъ Фландрскихъ во владѣніе городомъ; на ней, въ 1447 году, казнены были два министра Маріи Бургундской, Гюгоннетъ и Эмбернуръ, уличенные въ измѣнѣ. Жители Гента воздвигли, въ 1600 году, на этой площади колонну въ память славнаго уроженца своего, Карла V, съ надписями, возвѣщавшими о славныхъ подвигахъ великаго Императора. Французы разрушили колонну, занявъ Гентъ во время революціонной войны. На углу одной улицы стоитъ, на каменномъ основаніи, огромная пушка, длиною въ 18 футовъ, въ окружности въ 10½ футовъ, называемая de dulle griate. Она отлита въ 1382, и была употребляема Гентцами въ 1452 г., при осадѣ Уденарда. На Пятничномъ Рынкѣ уцѣлѣли еще нѣкоторые старинные домы, и въ томъ числѣ зданіе съ башнею, въ которомъ происходили собранія мятежныхъ гражданъ. Къ одной стѣнѣ его прибито большое желѣзное кольцо (Lynwædring); въ это кольцо вдѣвали штуки привезеннаго на торгъ полотна, которое найдено было браковщиками недобротнымъ; потомъ раздавали его по госпиталямъ. Главный торгъ происходитъ здѣсь по пятницамъ, но и по вторникамъ бываетъ торгъ рано утромъ, до солнечнаго восхода: онъ называется *воровскимъ*, потому что на немъ нерѣдко продаются краденыя вещи. Все это любопытно тѣмъ, что длится въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. — На Зеленой Набережной (Quai aux herbes) красуется готическою архитектурою домъ гентскихъ судовщиковъ (navieurs), построенный въ 1531 году. Онъ имѣетъ видъ пирамиды, и украшенъ гербомъ Карла V и знаками сословія, которымъ былъ построенъ.

Я упомянулъ, что Карлъ V родился въ Гентѣ. Можно сказать, что странныя обстоятельства его рожденія пред-

вѣщали и необыкновенную жизнь его. Іоанна Арагонская, мать его, ревнивая до безумія, хотѣла непремѣнно присутствовать на балѣ, данномъ ея супругу, чтобъ не выпустить его изъ глазъ. Вдругъ она скрылась; дамы стали искать ея, и нашли въ не самомъ пристойномъ кабинетѣ, гдѣ схватили ее муки. Ей подали помощь во время, и она разрѣшилась отъ бремени принцемъ. Это случилось во Дворцѣ Принцевъ (la Cour des Princes), который существуетъ донынѣ. Комната, въ которой произошло рожденіе Карла, въ послѣдствіи была украшена барельефами, но въ 1835 году сгорѣла. — Домовая церковь Карла V и сына его, Филиппа II, превращена въ бумагопрядильную фабрику.

Изъ новыхъ зданій достойны вниманія университетъ и театръ. Первое изъ нихъ изящно и великолѣпно, и было бы еще красивѣе, если бъ стояло на площади, а не въ тѣсной улицѣ. Сѣни великолѣпныя, крыльцо мраморное, освѣщаемоё сверху. Большая зала (aula) огромная ротонда; потолокъ ея поддерживается восемнадцатью колоннами. Зданіе сіе воздвигнуто въ 1819 году, и можетъ стать на ряду съ превосходнѣйшими произведеніями архитектуры. Строитель его, Г. Руландтъ (Roelandt) счастливо подражалъ въ немъ самымъ изящнымъ остаткамъ древняго зодчества въ Римѣ. Университетъ, учрежденный въ 1816 г., имѣетъ кабинетъ естественной исторіи, собраніе монетъ и медалей, и библіотеку въ 60,000 томовъ. Студентовъ въ немъ до трехъ сотъ пятидесяти.

Мнѣ очень жаль, что я не могъ видѣть гентской тюрьмы (maison de détention), которая, по свидѣтельству Говарда, можетъ назваться образцовою: въ день моего пребыванія въ Гентѣ, городскія начальства угощали какого-то важнаго чиновника, и не было возможности добраться до градоначальника, отъ котораго зависитъ

впускъ въ заведеніе: онъ занимался политикою, т. е. разливалъ супъ, разрѣзывалъ жаркое, откупоривалъ бутылки и возглашалъ тосты. — Вотъ что я узналъ объ этомъ заведеніи: Огромное зданіе его имѣетъ видъ восьми-угольника. Оно построено въ 1772, по повелѣнію Маріи Терезіи, довершено въ 1824 г., и раздѣляется на восемь частей. Содержащіеся въ немъ преступники (около 1200 челов.) занимаются выдѣлкою холста для арміи; женщины (250) шьютъ рубахи. Все это заведеніе, сказываютъ, болѣе похоже на фабрику, нежели на тюрьму. Порядокъ, опрятность, благонравіе въ немъ примѣрные. Заключенные получаютъ часть задѣльной платы, и она выдается имъ при выпускѣ изъ тюрьмы. Людей невоспитанныхъ учатъ грамотѣ, ариѳметикѣ, Закону Божію, и они выходятъ изъ-подъ ареста образованнѣе и благонравнѣе, нежели были прежде. Пища у нихъ здоровая, одежда простая, но удобная и опрятная. Нѣтъ ни кандаловъ, ни рогатокъ. Тѣлесныя наказанія употребляются рѣдко. Арестанты болѣе всего страшатся одиночнаго заключенія. — Въ заведеніи учреждено нѣсколько харчевень, въ которыхъ продаютъ съѣстные и питейные припасы по умѣренной цѣнѣ. Золотая и серебряная монета изгнана изъ внутренности тюрьмы: здѣсь ходятъ деньги цинковыя, не имѣющія внѣ дома ни какой цѣны.

Болѣе всего удивилъ меня въ Гентѣ театръ. Городъ, имѣющій не болѣе 90,000 жителей, разореный войною и остановкою торговли, выстроилъ театръ, который, въ изяществѣ и великолѣпіи, поспоритъ даже съ италіянскими. Я не былъ въ представленіи, а говорю только о зданіи. Фасадъ его прекрасный. Средина выдается впередъ полукругомъ, и въ этомъ полукругѣ находится подъѣздъ. Экипажи въѣзжаютъ на дворъ, защищенный сверху и со всѣхъ сторонъ, отъ вѣтра и дождя. Онъ

такъ просторенъ, что въ немъ помѣщаются три кареты, одна за другою. Вдоль фасада подѣланы особые входы въ ложи и кресла, въ партеръ и раекъ. Собственный театръ занимаетъ третью часть зданія. Зала изящна и великолѣпна; въ ней помѣщаются до двухъ тысячъ человѣкъ, и выходы расположены такъ удобно, что, по окончаніи спектакля, всѣ зрители исчезаютъ въ пять минутъ. Подлѣ ложъ перваго яруса находится просторное фойе. Остальная часть зданія занята залою концертною и бальною. Въ большіе праздники всѣ части зданія служатъ для бала. — Театръ сей, выстроенный Г. Руландтомъ лѣтъ за пять предъ симъ, стóилъ городу около милліона двухъ сотъ тысячъ франковъ.

Изъ церквей Гента — простите великодушно это неприличное размѣщеніе предметовъ: сперва говорилъ я о зданіяхъ, посвященныхъ удовольствію, и уже послѣ того ввожу васъ въ храмы Божіи; но я описываю случаи и предметы, какъ они мнѣ представлялись, разсказываю *исторически*, какъ разсказываетъ одинъ мой пріятель, который за двадцать за три года началъ повѣствовать мнѣ анекдотъ, случившійся съ нимъ въ Вѣнѣ, и, вѣроятно, кончитъ его года черезъ два, когда снова встрѣчусь съ нимъ на Казанскомъ Мосту. Виноватъ ли я, что варварскій Цицеронъ повелъ меня сначала въ капища боговъ языческихъ? Впрочемъ я и радъ этому: посѣщеніе гентскихъ монастырей оставило въ моей душѣ самое умилительное чувство, подъ вліяніемъ котораго я не могъ бы глядѣть внимательно на ложи, декораціи, на кулисы этого земнаго преходящаго міра, который есть тма и мракъ предъ міромъ небеснымъ и вѣчнымъ!

И такъ — изъ церквей Гента знаменитѣйшая есть Соборъ Святаго Бавона, основанный въ 994 году, и кон-

ченный въ началѣ XVI вѣка. Вскорѣ потомъ церковь сія была опустошена иконоборцами. Наружностью она тяжела и некрасива, но внутренность ея великолѣпна и богата. Стѣны выложены бо́льшею частію чернымъ мраморомъ, перила бѣлаго и разноцвѣтнаго мрамора, врата придѣловъ бронзовыя; по стѣнамъ и въ нишахъ красуются статуи и картины. Надъ хоромъ висятъ знамена кавалеровъ Златаго Руна. Послѣднее собраніе капитула ихъ происходило въ семъ соборѣ, подъ предсѣдательствомъ Филиппа II, въ 1559 году. Надъ главнымъ алтаремъ возвышается статуя Св. Бавона. Передъ нимъ стоятъ четыре большіе мѣдные канделабра, съ *англійскими* гербами. Говорятъ, что они стояли въ лондонской Церкви Св. Павла, и проданы Кромвелемъ. Всѣ придѣлы наполнены картинами, отчасти драгоцѣнными. Первое мѣсто занимаютъ четыре картины братьевъ фанъ-Эйкъ (1432), написанныя на золотомъ грунтѣ. Знатоки удивляются яркости и блеску красокъ, которыми выражены золото, кристаллъ, брилліанты и другіе драгоцѣнные камни, свѣтъ глазъ, и свѣжесть лицъ. Можетъ быть, это прекрасно, удивительно, но меня болѣе заняла Рубенсова картина, представляющая Св. Бавона, какъ онъ, оставивъ военное званіе, идетъ въ монахи. Говорятъ, что Рубенсъ въ главной фигурѣ изобразилъ самого себя, а въ двухъ женщинахъ, женъ своихъ. Композиція, выраженіе, отдѣлка, колоритъ—все сильно, живо, увлекательно! Всѣмъ этимъ можно восхищаться безъ пособія какой либо теоріи.

Церковь Св. Михаила, готическое зданіе XV вѣка, превращена была въ 1791 году французскими якобинцами въ храмъ Разума, и при семъ случаѣ лишилась многихъ художественныхъ драгоцѣнностей. Онѣ замѣнены были въ послѣдствіи картинами новыхъ артистовъ.

Самая древняя церковь въ Гентѣ есть Церковь Св. Николая, на Хлѣбномъ Рынкѣ, мрачная, строгая, но живописная. И она пострадала во время революціи, и въ ней нѣтъ классическихъ произведеній. Мнѣ показывали въ ней на одномъ столпѣ надпись, что подлѣ церкви погребенъ Оливеръ Менжанъ (Minjan), жена его и тридцать одно дитя ихъ. При въѣздѣ Карла V въ Гентъ, Менжанъ встрѣтилъ его въ сопровожденіи двадцати одного сына, и обратилъ на себя его вниманіе. Императоръ освѣдомился о состояніи этого семейства, и удостовѣрившись, что Менжанъ, простой ремесленникъ, далъ дѣтямъ своимъ хорошее воспитаніе, пожаловалъ ему пенсіонъ. Вскорѣ потомъ Менжанъ пораженъ былъ смертью *всѣхъ* дѣтей своихъ: они умерли отъ *потовой* заразы (suette), занесенной изъ Англіи. Несчастные родители вскорѣ послѣдовали за дѣтьми своими.

Въ Гентѣ удалось мнѣ посѣтить и видѣть два католическіе женскіе монастыря. Первый монастырь Бегинокъ, или Бегинажъ (le couvent des Béguines, ou le Béguinage). Орденъ Бегинокъ основанъ, какъ говорятъ одни, въ VII вѣкѣ, Святою Беггою, матерью Пепина Геристальскаго. Другіе приписываютъ учрежденіе его Ламберту Косноязычному (le Bégue) въ 1180 г. Достовѣрно то, что онѣ появились въ XII вѣкѣ въ Люттихѣ, распространились потомъ въ Нидерландахъ и въ западной Германіи, въ Швейцаріи и во Франціи. Въ половинѣ XIII вѣка было ихъ въ Кельнѣ и въ окрестностяхъ до двухъ тысячъ, въ Нивеллѣ столько же, близъ Камбре тысяча триста. Причины умноженія ихъ числа должно искать въ Крестовыхъ Походахъ. Многіе отцы семейства погибли, много было вдовъ и сиротъ; дѣвицы не находили жениховъ, и имѣли необходимость въ защитѣ отъ буйства развра-

щенныхъ рыцарей. Для вступленія въ женскій монастырь, требовались большіе вклады. Бегинажи были пріютами для благочестивыхъ женъ и дѣвъ, соединявшихся для совмѣстнаго житія, въ цѣломудріи, тишинѣ и молитвѣ. Онѣ не давали вѣчнаго обѣта, могли оставлять обитель по своей волѣ и выходить замужъ. Зависѣли онѣ не отъ духовныхъ, а отъ свѣтскихъ властей, потому что не были утверждены Папою, и не принадлежали ни къ какому монашескому ордену. И одежда у нихъ была не одинаковая: онѣ носили платье сѣрое, черное, коричневое, иногда и голубое, съ бѣлымъ покрываломъ. Занимались онѣ воспитаніемъ бѣдныхъ дѣвицъ, призрѣніемъ сиротъ, ходили за больными, и отличались благочестіемъ, трудолюбіемъ и строгостью нравовъ. Но всему въ свѣтѣ бываетъ предѣлъ. Съ теченіемъ времени важность ихъ уставовъ и строгость повиновенія ослабѣли; легкомысліе и пороки водворились въ скромныхъ и чистыхъ дотолѣ пріютахъ. Въ XIII вѣкѣ возникли и мужскіе бегинажи, но въ нихъ не было ни благонравія, ни трудолюбія. Въ XIV вѣкѣ Бегинки исчезли въ Германіи и Франціи, и уцѣлѣли только въ Нидерландахъ, потому что здѣшнія обители строже наблюдали правила своего общества. Бегинажи есть во многихъ большихъ городахъ Бельгіи, но гентскій Бегинажъ Св. Елисаветы считается однимъ изъ самыхъ важныхъ. Я разсматривалъ его съ любопытствомъ и вниманіемъ. Посреди просторнаго двора, обведеннаго высокою каменною стѣною и окруженнаго рвомъ, возвышается небольшая церковь, содержимая въ примѣрной опрятности. Вокругъ ея построено множество домиковъ съ небольшими отдѣльными дворами, въ которыхъ обитаютъ отшельницы. Я входилъ въ одинъ такой домъ.

Учтивая Бегинка не молодыхъ лѣтъ показывала мнѣ всѣ его части, толковала образъ жизни сестеръ, ихъ занятія, и проч. Въ эти обители поступаютъ вдовы и дѣвицы, желающія провести остатокъ жизни своей въ удаленіи отъ свѣтскаго шума и суеты земной. Онѣ живутъ небольшими обществами, въ отдѣльныхъ домикахъ. Пищу стряпаютъ себѣ сами, въ общей кухнѣ, но каждая сама для себя. Обѣдаютъ въ общей столовой, каждая за своимъ столикомъ и передъ своимъ шкапомъ, въ которомъ прячетъ свое кушанье. Говорятъ, это заведено для избѣжанія ссоръ и раздоровъ между ними. Всѣ онѣ занимаются какимъ нибудь рукодѣліемъ, преимущественно плетеніемъ кружевъ, и обучаютъ маленькихъ дѣвочекъ. Ходятъ онѣ въ черной одеждѣ съ бѣлымъ покрываломъ. Числомъ ихъ до семи сотъ. Онѣ могутъ оставить бегинажъ, когда пожелаютъ, но это случается очень рѣдко: въ пятнадцать лѣтъ вышли изъ обители только шестеро. Заведеніе это достойно всего вниманія и уваженія. Іосифъ II, упразднившій многіе монастыри въ своихъ владѣніяхъ, сохранилъ заведеніе Бегинокъ, а Король Нидерландскій Вильгельмъ I, въ 1836 г., утвердилъ ихъ существованіе закономъ. Но смѣшеніе духовнаго съ свѣтскимъ, отсутствіе священнаго обѣта, которымъ человѣкъ навѣкъ обрекаетъ себя на служеніе Богу и жизнь богоугодную, охлаждаетъ посѣтителя бегинажей. Я вышелъ оттуда равнодушно, и отправился въ Монастырь Сестеръ Милосердія, гдѣ ожидало меня высокое душевное наслажденіе.

Монастырь Милосердыхъ Сестеръ Іисуса и Маріи находится въ части города, отдаленной отъ центра и отъ свѣтскаго шума, въ старинномъ зданіи угрюмой наружности. Лонлакей постучался. Привратница отворила

двери, и впустила насъ въ небольшую пріемную комнату. Я отдалъ ей свою визитную карточку, и минуты черезъ двѣ вошла въ комнату монахиня, лѣтъ тридцати пяти, довольно высокаго роста, статная, миловидная, привѣтливая, и самымъ чистымъ Французскимъ Языкомъ (здѣсь преобладаетъ Фламандскій), въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ, изъявила удовольствіе принять гостя изъ далекой Россіи. Я изумился этимъ неземнымъ явленіемъ. Платье на ней черное фланелевое, бѣлая фланелевая пелеринка, на головѣ снѣгобѣлый чепецъ. Но эти выразительные глаза, эти правильныя черты лица, эта пріятная улыбка, эта благородная поступь, этотъ очаровательный голосъ, въ которомъ отзывалась кротость душевная, эта откровенность во всѣхъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ — все это меня дивило и восхищало. Я пошелъ за нею, и предлагалъ ей вопросы, на которые она отвѣчала умно и искренно. Мы вошли въ корридоръ, надъ дверями котораго изображено слово: Silence! Монахиня предувѣдомила меня, что въ этомъ мѣстѣ не позволено говорить, а тутъ-то мнѣ, по обыкновенной падкости человѣка ко всему запрещенному, и хотѣлось предложить ей нѣсколько вопросовъ. Изъ корридора входъ въ церковь. Вожатая моя предъ алтаремъ преклонила колѣни съ искреннимъ благочестіемъ, и прочитала тихую молитву. Мы пошли далѣе. Она разсказала мнѣ, что сестры сей обители занимаются исключительно воспитаніемъ глухонѣмыхъ дѣвочекъ и попеченіемъ о неизлечимо-больныхъ, которыхъ въ больницѣ монастыря до полутораста.—Въ большой залѣ собраны были глухонѣмыя. Подъ надзоромъ нѣсколькихъ монахинь, онѣ занимались чтеніемъ, письмомъ, рукодѣліемъ. Вызвали одну дѣвочку лѣтъ десяти. Путеводительница моя продиктовала ей движеніями пальцевъ, и дѣвочка написала на доскѣ по

французски: этотъ господинъ пріѣхалъ издалека, изъ Россіи, и посѣтилъ наше заведеніе. Я взялъ мѣлъ, и написалъ, что считаю за счастіе узнать людей столь благочестивыхъ и благодѣтельныхъ. — «Понимаю, сказалъ я монахинѣ, что вы можете выразить движеніемъ пальцевъ, рукъ, головы, слова: *этотъ*, *господинъ*, *пріѣхалъ*; но какъ выразили вы имя собственное: Россія? — Эти слова выражаются буквами, а не понятіемъ, отвѣчала она: вотъ R, вотъ u, вотъ s, и т. далѣе.» Достойно вниманія, что точно такимъ же образомъ выражались имена собственныя и въ іероглифахъ египетскихъ. Послѣ этого экзамена, посѣтилъ я кухню, пекарню, прачечную: все устроено въ порядкѣ и удобно, вездѣ тишина и нидерландская опрятность. Всѣ работы въ домѣ, и самыя трудныя, и самыя отвратительныя, исправляются сестрами безпрекословно, безропотно, въ сладостномъ чувствѣ исполненія священнаго своего долга. Въ кухнѣ и въ прачечной молодыя, прекрасныя собою послушницы мыли посуду, полы, стирали бѣлье. Сестра хотѣла повести меня въ больницу неизлечимыхъ, но я не имѣлъ духу послѣдовать туда за нею. Видѣнное мною преисполнило мою душу искреннимъ умиленіемъ, которое не скрылось и отъ путеводительницы моей, и, сколько я могъ замѣтить, было ей очень пріятно. О жизни и занятіяхъ своихъ говорила она съ сердечнымъ удовольствіемъ. «Мы здѣсь совершенно счастливы; не знаемъ, что дѣлается въ свѣтѣ, и находимъ отраду въ благодѣяніи нашимъ ближнимъ, въ облегченіи ихъ страданій.» — И вы не сожалѣете о свѣтѣ? спросилъ я. — «Да что мы тамъ оставили? Кашемиры и бриліанты: мы ихъ носили, и видѣли всю ихъ ничтожность. Здѣсь живемъ мы въ совершенномъ спокойствіи духа, въ надеждѣ, въ предвкушеніи тѣхъ благъ, которыя Спаситель

завѣщалъ въ иномъ свѣтѣ.» И это было сказано безъ всякаго лицемѣрія или хвастовства, съ неизъяснимою, увлекательною истиною и скромностью. Мы вышли въ сѣни. Сестра поклонилась мнѣ учтиво. «Пожалуйте мнѣ вашу руку!» сказалъ я. —«Не смѣю,» отвѣчала она.— «Такъ благословите меня!» сказалъ я ей, преклонившись предъ нею. — «Да благословитъ васъ Богъ!» отвѣчала она съ чувствомъ: «вижу, что Его святая благодать на васъ дѣйствуетъ.» Я вышелъ изъ монастыря, погруженный въ чувство умиленія предъ сими истинно христіанскими добродѣтелями, и не разъ оборачивался дорогою, чтобы взглянуть на почернѣвшія стѣны, въ которыхъ таятся такія сокровища. — Всякому, кто любитъ и чувствуетъ добродѣтели христіанскія, совѣтую, въ случаѣ посѣщенія Бельгіи, съѣздить въ Гентъ и пойти въ Монастырь Сестеръ Милосердія. Не знаю, какъ зовутъ мою незабвенную путеводительницу: я не догадался спросить ее объ имени. Сей монастырь, равно какъ и многія другія богоугодныя заведенія Бельгіи, обязанъ существованіемъ своимъ христіанскому усердію Каноника Тріеста, (см. выше, стр. 170) который оставилъ здѣсь по себѣ благословенную память. Изъ монастыря пришелъ я прямо домой. Хорошо, повторяю, что я видѣлъ театръ и прочія свѣтскія зданія прежде этого: теперь я не былъ бы въ состояніи взглянуть на нихъ. — Читатели мои, можетъ быть, найдутъ, что описаннаго мною недостаточно было для возбужденія такого сильнаго чувства умиленія. Но могу ли я выразить все, что видѣлъ? Я описалъ только наружность дѣйствовавшихъ на меня лицъ и предметовъ, а той духовности, той святости, которая облекала и проникала ихъ, ни мое перо, ни чье другое не опишетъ. Между мертвымъ изображеніемъ добрыхъ дѣлъ буквами на бумагѣ, и ме-

жду дѣйствительнымъ ихъ созерцаніемъ есть такая же разность, какъ между молитвою напечатанною и тою же молитвою, произнесенною устами вѣрующаго. Отобѣдавъ въ гостинницѣ, отправился я на станцію желѣзной дороги, и въ семь часовъ прибылъ въ Брюжъ.

Брюжъ, Брюгге, одинъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ Бельгіи, былъ въ XIV вѣкѣ средоточіемъ всемірной торговли. Въ немъ поселились факторіи или коммиссіонерства семнадцати королевствъ; жили двадцать чужестранныхъ министровъ; сюда пріѣзжали торговые люди изъ странъ невѣдомыхъ. Самой большой славы и блеска достигъ Брюжъ въ началѣ XV вѣка, когда въ немъ былъ дворъ Герцоговъ Бургундскихъ. Тогда процвѣтали въ немъ живописцы Іоаннъ и Губертъ фанъ-Эйкъ, родоначальники Фламандской Школы. Въ Брюжѣ учрежденъ былъ, въ 1430 году, знаменитый орденъ Златаго Руна, Герцогомъ Филиппомъ Добрымъ, при бракосочетаніи его съ Изабеллою Португальскою. Златымъ Руномъ означалось богатство Фландріи, изобиловавшей шерстью и шерстяными товарами.

И это богатство, это благоденствіе, эта промышленость давно исчезли. Фабрики и торговля упадаютъ болѣе и болѣе. Число жителей уменьшилось до сорока пяти тысячъ, между коими пятнадцать тысячъ бѣдныхъ. Въ Брюжѣ живутъ богатые капиталисты, удалившіеся отъ дѣлъ, но такіе люди только считаютъ свои деньги, а въ оборотъ не пускаютъ. Быстрое обѣднѣніе Брюжа способствовало къ сохраненію въ немъ многихъ старинныхъ зданій, и онъ болѣе всѣхъ другихъ городовъ Бельгіи носитъ на себѣ характеръ Среднихъ Вѣковъ. Станція желѣзной дороги окружена старинными колоннадами и сводами: это бывшій Пятничный Рынокъ, на которомъ граждане Брюжа, 30-го Марта 1128 года, из-

бравъ въ Графы Фландрскіе Дидіе Алзатскаго, отреклись отъ повиновенія Вильгельму Нормандскому, котораго поддерживалъ Король Французскій. — Я отправился въ гостиницу Hôtel des Flandres, гдѣ мнѣ отвели на ночь уютную, чистенькую комнату, за самую ничтожную плату. Уже смеркалось, когда я вышелъ на улицу. Предположивъ осмотрѣть достопамятности Брюжа на другое утро, я теперь пошелъ бродить по городу, куда глаза глядятъ, и вскорѣ вышелъ на большую площадь. Съ одной стороны ея возвышалось большое готическое зданіе съ высокою башнею, которое я почелъ было ратушею. Съ другой представлялись взору старинные домы, разнообразной постройки. На площади было много народу. Женщины въ черныхъ салопахъ съ черными капишонами, точно монашеньки. Раздался звукъ барабана. Солдаты выстроились предъ караульнею. Забили зорю. Музыка играла, и очень хорошо, мелодіи мнѣ новыя и неизвѣстныя. Густая толпа народа ее окружала. Чуждый посреди этой толпы, перенесенный въ невѣдомый дотолѣ міръ, я былъ въ какомъ-то очарованіи. Кончилась музыка. Толпа разошлась. Остались на улицѣ не многіе, и опять черныя тѣни женщинъ забродили въ полумракѣ. Я стоялъ въ раздумьѣ, и переносился умомъ въ Средніе Вѣки. Декорація та же; костюмы старинные; языкъ того же вѣка. Ко мнѣ подошелъ какой-то человѣкъ, сколько видно было въ сумеркахъ, порядочно одѣтый, и спросилъ учтиво по-французски, не иностранецъ ли я. — «Точно такъ,» отвѣчалъ я: «за часъ предъ симъ прибылъ я въ Брюжъ, и брожу здѣсь подъ самыми разнообразными впечатлѣніями, не зная что вижу и что слышу. Что это за площадь? что это за зданія?» — «Съ удовольствіемъ удовлетворю вашему любопытству,» отвѣчалъ онъ: «мы

теперь на большой Торговой Площади. Это готическое зданіе – Ряды (les Halles). Оно построено въ XIII вѣкѣ. Въ одной его части мясныя лавки, въ другой гауптвахта и контора городскихъ сборовъ. Посмотрите, какъ величественна высокая готическая башня надъ Рядами: теперь ночью, глядитъ она какъ привидѣніе. На ней былъ деревянный шпицъ: онъ сгорѣлъ лѣтъ за сто предъ симъ.» Въ эту минуту заиграли на башнѣ куранты. «Они играютъ каждую четверть часа,» сказалъ мой вожатый, и считаются лучшими въ Европѣ: они состоятъ изъ сорока семи колоколовъ, раздѣленныхъ на четыре октавы.» Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ показались они звонче и пріятнѣе всѣхъ слышанныхъ мною. — «Съ этой (другой) стороны видите вы Суконные Ряды: они построены лѣтъ за пятьдесятъ предъ симъ, и не заслуживаютъ вниманія — Но вотъ два любопытные дома: въ этомъ, на углу улицы, называемомъ Кранепбургъ, граждане Брюжа заключили было Императора Максиміліана, когда онъ не хотѣлъ отдать сына своего, Филиппа, подъ опеку Франціи. Папа грозилъ имъ проклятіемъ. Императорское войско шло на нихъ. Буйныя головы настояли на своемъ. Теперь въ этомъ домѣ шинокъ. — Въ другомъ домѣ, на углу улицы Св. Аманда, жилъ Карлъ II, Король Англійскій, по изгнаніи его изъ отечества.» Я поблагодарилъ привѣтливаго толкователя, и онъ взялся проводить меня домой. Мы пошли кривыми улицами, мимо старинной церкви, окруженной высокими, густыми деревьями. Черная тѣнь женщины стала на пути нашемъ, и протянувъ изсохшую руку, глухимъ голосомъ, по-фламандски просила подаянія. Я далъ ей два су; она удалилась съ благословеніями. Вожатый мой сказалъ мнѣ, что въ Брюжѣ рѣдко кто подаетъ милостыню, потому что всѣ сами ходятъ

здѣсь по міру, и конечно на другой день въ нищенскомъ мірѣ распространится слухъ, что въ Брюжъ пріѣхалъ щедрый англійскій милордъ. У воротъ гостиницы простился я съ незнакомцемъ, искренно поблагодаривъ его за обязательное руководство.

На другой день началъ я свои странствія съ семи часовъ утра. Сначала отправился я въ Академію Художествъ, и въ ея музеѣ видѣлъ картины анъ-Эйка и Мемлинга, котораго трудами славится Брюжъ. Тутъ же выставлены нѣкоторыя работы учениковъ академіи, подающихъ большія надежды. Удивительно, какая дѣятельность, какой геній художественный возникли въ Бельгіи!

Церкви Брюжа равномѣрно богаты прекрасными произведеніями стариннаго искусства. Соборъ Спасителя (La Cathédrale du St. Sauveur), готическое зданіе XIV вѣка, выстроенное изъ кирпича, снаружи очень некрасиво: тяжело, грубо, обезображено новыми пристройками, и лишилось башни своей отъ пожара, въ 1839 году; но во внутренности своей красуется изящными картинами Мемлинга, де-Фоса, фанъ-Ооста и другихъ. Въ Церкви Богородицы (Notre Dame) находится изваяніе Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, приписываемое Микель-Анджелу. Въ этой церкви достойны замѣчанія гробницы Карла Смѣлаго (ум. въ 1477) и дочери его Маріи. На мраморныхъ доскахъ лежатъ бронзовыя статуи отца и дочери. По стѣнамъ Маріина саркофага красуются богатые щиты съ гербами провинцій, которыя Марія принесла въ приданое Австрійскому Дому. Память сей прекрасной и добродѣтельной царицы живетъ въ Нидерландахъ. Беременная, она провожала супруга своего на охотѣ въ окрестностяхъ Брюжа, упа-

ла съ лошади и, боясь огорчить супруга, скрывала отъ него смертельный свой недугъ.

Подлѣ сей церкви находится старинный госпиталь Св. Іоанна, въ которомъ ходятъ за больными Сестры Милосердія. Въ небольшой церкви его, сказываютъ, есть многія драгоцѣнныя произведенія Мемлинга. Янъ Мемлингъ, служившій солдатомъ въ арміи Карла Смѣлаго, въ 1477 г. послѣ сраженія при Нанси, раненый, больной, въ ветхомъ рубищѣ, прибрелъ въ Брюжъ, былъ принятъ благочестивыми монахинями, и выздоровѣвъ, употребилъ всѣ свои силы и способности для украшенія ихъ храма. Я не могъ войти во внутренность сей церкви, за какою-то помѣхою, и очень о томъ жалѣю. Мнѣ сказывали, что находящіяся въ ней художественныя сокровища не имѣютъ подобныхъ себѣ въ мірѣ. Утѣшаюсь мыслію, что я не въ послѣдній разъ въ Бельгіи, и что теперь только составляю оглавленіе будущаго, дѣйствительнаго путешествія.

Ратуша въ Брюжѣ прекрасное готическое зданіе съ шестью башеньками и странными слуховыми окнами въ высокой крышѣ. Фасадъ состоитъ изъ шести огромныхъ оконъ во всю стѣну. Стоявшія въ нишахъ между окнами статуи Графовъ Фландрскихъ разбиты революціонерами въ 1793 году. Потолокъ состоитъ изъ деревяннаго свода. Стропила его пускаютъ отъ себя стрѣльчатыя дуги, украшенныя изящною рѣзьбою. Въ ратушѣ находится городская библіотека, и есть нѣсколько рѣдкихъ картинъ. Въ архивѣ ея гніютъ драгоцѣнные документы Средней Исторіи. Въ числѣ ихъ есть реестръ лоттерейныхъ выигрышей, въ Брюжѣ, въ 1446 году. Изъ этого явствуетъ, что лоттереи возникли не въ Италіи, а въ Нидерландахъ, и ранѣе, нежели какъ полагаютъ.

Насупротивъ ратуши находится домъ присутственныхъ мѣстъ (Palais de Justice), зданіе отчасти новое. Въ отдѣленіи уголовной палаты, именно въ комнатѣ засѣданія присяжныхъ (Jury), есть художественная драгоцѣнность Брюжа, единственная въ мірѣ. Это огромный каминъ, покрытый рѣзьбою на мраморѣ и на деревѣ. Онъ сдѣланъ въ 1529 году. Надъ каминомъ рѣзныя деревянныя статуи Карла V, Маріи Бургундской и Максимиліана Австрійскаго (его бабки и дѣда), далѣе Карла Смѣлаго и Маргариты Іоркской (его прадѣда и прабабки); въ малыхъ медальонахъ родители его, Филиппъ Прекрасный и Іоанна Арагонская. На бѣломъ мраморномъ фризѣ изображена исторія цѣломудренной Сусанны. Все это окружено арабесками, гирландами и т. п., самой изящной и нѣжной работы. Къ верхней доскѣ наличника придѣланы мѣдныя скобы, за которыя придерживались рыцари, отогрѣвая ноги, озябшія въ верховой ѣздѣ. Весь этотъ памятникъ свидѣтельствуетъ о совершенствѣ искусства и о терпѣливости художниковъ XVI вѣка.

Странствія по Брюжу заключилъ я посѣщеніемъ дома Стрѣлецкаго Общества. Братства стрѣльцовъ (sociétés d'archers ou d'arbalétiers) существовали въ Нидерландахъ съ XIII вѣка. Они состояли изъ людей свободнаго званія, упражнявшихся въ стрѣльбѣ въ цѣль изъ лука, и усердно служившихъ на войнѣ. Поступавшій въ сіе сословіе присягалъ въ вѣрности братству и начальникамъ города, обязывался исполнять приказанія старшины, котораго величали королемъ стрѣлецкимъ, мирился съ тѣми изъ собратьевъ своихъ, съ которыми былъ въ ссорѣ. Ростовщиковъ и развратныхъ исключали изъ братства. Многіе изъ нихъ отличились неустрашимостью въ войнѣ и благородными поступками въ мирѣ.

Государи и вельможи вписывались въ списки стрѣльцовъ, и оказывали имъ покровительство. Общества ѣздили въ гости изъ города въ городъ, и были угощаемы собратіями своими радушно и великолѣпно. Многое перемѣнилось въ Бельгіи, а братства стрѣлецкія существуютъ понынѣ. Въ Брюжѣ ихъ два: Св. Георгія и Св. Севастіана. Я посѣщалъ домъ послѣдняго, въ Кармелитской Улицѣ, отличающійся небольшою готическою башенкою. Члены сего общества встарину сопровождали Графовъ Фландрскихъ на поѣздкахъ ихъ, защищали городъ въ случаѣ опасности, и оказывали ему разныя услуги. Въ 1656 году, Король Англійскій Карлъ II и братъ его, Герцогъ Генрихъ Глостерскій, оставивъ волнуемое мятежами отечество свое, вписались въ члены сего братства, и завѣщали ему по смерти своей значительныя суммы. Герцогъ подарилъ ему серебряную стрѣлу съ своимъ гербомъ. Общество, получивъ, въ слѣдствіе сего завѣщанія, три тысячи шестьсотъ гульденовъ, построило залу для собраній, и украсило ее мраморнымъ бюстомъ Короля и портретомъ Герцога. Нынѣшній Король Бельгійцевъ внесъ свое имя въ списокъ членовъ, пожаловалъ обществу титулъ королевскаго, и подарилъ ему портретъ свой. На дворѣ выстроена длинная галерея, въ которой члены забавляются стрѣльбою въ цѣль въ ненастное время. — Разумѣется, что нынѣ сіи общества утратили свою старинную значительность, и служатъ только мѣстами и средствами пріятнаго препровожденія времени, но достойны вниманія и любопытства, какъ живые памятники причудливой эпохи Среднихъ Вѣковъ.

Старинныя зданія Брюжа обветшали, памятники разрушились, драгоцѣнныя произведенія искусствъ отчасти развезены по другимъ городамъ, но одно достояніе при-

надлежитъ ему изстари понынѣ: это красота женщинъ. Во всей Бельгіи не видалъ я такихъ прекрасныхъ, выразительныхъ черныхъ глазъ: изъ-подъ чернаго капишона, на бѣломъ, правильномъ лицѣ, подъ высокимъ челомъ и живописными бровями, блестятъ они, какъ на яркихъ красками картинахъ Мемлинга. Во всѣхъ домахъ плетутъ кружева; идучи по улицѣ, послышишь стукъ коклюшекъ и взглянешь въ окно: подниметcя головка, и двѣ звѣздочки засверкаютъ, какъ въ ясную ночь на синемъ небѣ.

Въ десять часовъ кончилъ я странствія по Брюжу, сѣлъ въ карету на желѣзной дорогѣ, и полетѣлъ въ Остендъ. Чрезъ сорокъ минутъ остановился паровозъ, и я поселился часа на три въ Hôtel de l'Allemagne, прекрасной новой гостинницѣ, близъ станціи желѣзной дороги. Здѣсь не имѣлъ я надобности въ путеводителѣ, и спросивъ, которою улицею идетъ дорога въ портъ, отправился туда одинъ. Остендъ городъ не очень красивый, и имѣя коммерческій портъ, не такъ опрятенъ, какъ прочіе города Бельгіи. Хорошихъ зданій, старинныхъ или новыхъ, въ немъ нѣтъ, но достойны вниманія его укрѣпленія. Испанцы три года (съ 1601 до 1604) осаждали его, и онъ сдался только по приказанію Генеральныхъ Штатовъ. Осажденные потеряли, въ теченіе сего времени, пятьдесятъ, а осаждавшіе восемьдесятъ тысячъ человѣкъ. Испанскій генералъ Спинола, вступивъ въ городъ, нашелъ въ немъ однѣ развалины. — Значительность Остенда увеличилась съ 1830 года, и теперь въ немъ 12,000 жителей. Англичане, отправляющіеся на Рейнъ, избираютъ преимущественно путь чрезъ Остендъ, особенно для того, чтобъ избѣжать привязокъ французской таможни въ Кале и Дюнкирхенѣ. Бельгійскіе мытари, говорятъ, несравнен-

но снисходительнѣе. Мало по малу дошелъ я до вала, окружающаго городъ съ морской стороны, прошелъ чрезъ ворота, и величественная картина открытаго моря представилась глазамъ моимъ. Искусственная насыпь, вымощенная камнемъ, идетъ вдоль берега и отражаетъ бурныя волны. На углу насыпи построенъ прекрасный павиліонъ, въ которомъ пользующіеся купаньемъ отдыхаютъ, бесѣдуютъ, завтракаютъ. Я вошелъ въ павиліонъ, и спросилъ, нѣтъ ли устрицъ. — «Есть, сударь отвѣчали мнѣ, но нехорошія, тощія.» — «Нужды нѣтъ! возразилъ я: въ Остендѣ надобно завтракать устрицами. Я былъ въ Римѣ, и не видалъ Папы. Неужели буду въ Остендѣ, и не поѣмъ устрицъ?» Меня не обманули: устрицы были мелки и тощи, но притомъ свѣжи, и я радовался, что ѣмъ ихъ на берегу Нѣмецкаго Моря, какъ ѣлъ въ Средиземномъ и въ Адріатикѣ! — Остендъ славится своимъ рыбнымъ промысломъ. Торбеты, макрели и другая морская рыба свозятся сюда со всего морскаго берега, и продаются, особенно въ постные дни, казенными приставами съ публичнаго торга. Покупаютъ ихъ обыкновенно бабы, извѣстныя своимъ сильнымъ краснорѣчіемъ рыбныя торговки (poissardes), и потомъ на рынкѣ продаютъ въ разницу. Для храненія въ морской водѣ устрицъ, привозимыхъ преимущественно изъ Англіи, построены огромные садки. Устрицы противоположны ракамъ въ томъ, что онѣ тощи и вредны къ употребленію въ тѣ мѣсяцы, въ наименованіи которыхъ нѣтъ буквы *р*, а раки хороши только въ мѣсяцы, ознаменованные этою буквою! Въ другихъ садкахъ содержатся гомары, или большіе раки, привозимые изъ Норвегіи.

Сверхъ того Остендъ славится своими морскими купальнями, для которыхъ придуманы здѣсь всѣ удобства,

впрочемъ такія же, какъ въ Схевенингенѣ. Погода стояла вѣтряная и холодная, и я не могъ насладиться симъ удовольствіемъ.

На берегу, подъ парусинными навѣсами, продаются прекрасныя большія раковины и разныя вещицы, коробочки, корзиночки, букеты, и т. п., очень искусно сдѣланныя изъ мелкихъ ракушекъ.

Вотъ все, что я видѣлъ въ Остендѣ! Видѣлъ я еще разряженныхъ кавалеровъ и барынь, въ павиліонѣ, подлѣ купаленъ; видѣлъ бѣдныхъ страдальцевъ, разслабленныхъ болѣзнями, и ищущихъ подкрѣпленія силъ въ живительной влагѣ морской. Отобѣдавъ въ Hôtel de l'Allemagne, очень сытно и вкусно, пошелъ я на станцію желѣзной дороги, и за $9^1/_2$ франковъ взялъ мѣсто до Брюсселя. Выѣхалъ въ четыре часа по полудни, и прибылъ на мѣсто въ восемь часовъ. Это время пролетѣло для меня очень скоро. Со мною ѣхалъ одинъ Швейцарецъ, изъ Берна, Г. Крафтъ, образованный и хорошій человѣкъ, и я не видалъ, какъ Брюжъ, Гентъ и Мехельнъ промелькнули у меня передъ глазами.

Прошло только тридцать шесть часовъ, что я оставилъ Брюссель, и въ теченіе этого времени видѣлъ я три изъ важнѣйшихъ городовъ Бельгіи, напиталъ умъ и память незабвенными картинами и случаями Исторіи, и вотъ я опять въ гостинницѣ de l'Univers, и миловидная горничная, Анжелика, убираетъ мою комнату.

Утро субботы, 5-го Іюля, провелъ я въ одинокой прогулкѣ по городу: бродилъ куда глаза глядятъ, и находилъ много прекрасныхъ пунктовъ, много зданій и мѣстъ замѣчательныхъ.

Въ двѣнадцать часовъ отправился я, со всѣмъ моимъ скарбомъ, на станцію желѣзной дороги, взявъ мѣсто въ дилижансѣ до Парижа за 48 франковъ. Желѣзная до-

рога идетъ только до пограничнаго мѣстечка Кіевренъ (Quiévrain). Спутниками моими были молодой уроженецъ регенсбургскій съ хорошенькою женою. Раздается пронзительный свистъ. Мы въ Кіевренѣ. Должно оставить желѣзную дорогу, и влачиться въ обыкновеномъ дилижансѣ. Я пересѣлъ въ coupé новаго экипажа, и вдругъ сосѣди мои заговорили со мною по-русски. И кто? Извѣстный петербургскій винопродавецъ и поэтъ Гордонъ, который такъ краснорѣчиво и убѣдительно приглашаетъ публику въ газетахъ, стихами и прозою, покупать вино въ его погребѣ. Онъ ѣдетъ въ Бордо, для закупки винъ. Его провожаетъ молодой племянникъ. Мы не успѣли еще разговориться, какъ дилижансъ остановился, и дверцы растворились. Таможня! Пассажиры вышли и начали открывать сундуки и чемоданы. Меня спачала досмотрѣли и отпустили очень скоро, но молодой спутникъ мой испортилъ было наше дѣло. Онъ сталъ выкладывать изъ чемодана ватерлооскія воспоминанія: пуговицы, пули, чешуйки, приговаривая: вотъ трофеи побѣды Англичанъ надъ Французами, Веллингтона надъ Наполеономъ! Французы запылали, но вмѣсто возраженія начали досматривать его безпощадно, нашли у него новоторжскій товаръ на пару сапоговъ, и взяли пошлины семь франковъ. Мой Гордонъ, не даромъ тезка Байрона, воспылалъ гнѣвомъ, и садясь въ карету, грозилъ, что вскорѣ проѣдетъ тутъ же, и провезетъ полтораста паръ шитыхъ сапоговъ. Дилижансъ готовился ѣхать; его остановили, заставили всѣхъ пассажировъ выйти, и досмотрѣли вторично, по всѣмъ карманамъ. Мнѣ досадна была только проволочка. Начальникъ таможни подошелъ ко мнѣ, и извинился, что подвергъ наравнѣ съ другими вторичному досмотру. «По словамъ этого раздраженнаго господина, сказалъ

онъ, указывая на Г. Гордона, мы должны были заключить, что у него всѣ карманы наполнены контрабандою.» Нечего дѣлать. По окончаніи продѣлки, мы сѣли въ карету и отправились. Верстахъ въ четырехъ другая таможня, но эта досмотрѣла только по поверхности. — Переѣздъ во Францію изъ Бельгіи очень примѣтенъ: исчезаютъ опрятность и благосостояніе; на дорогѣ видимъ деревни бѣдныя, грязныя, отвратительныя. На станціяхъ нищіе окружаютъ дилижансъ съ пронзительными воплями: un peu de charité, mes bons messieurs! — Часовъ въ шесть въѣхали мы въ Валансіеннъ. Здѣсь отобрали у насъ паспорты, и дали временные виды, по которымъ мы должны получить паспорты въ Парижской Префектурѣ Полиціи. — Мы перемѣняли лошадей въ Камбре, знаменитомъ мѣстѣ жительства Фенелона, ночью проѣхали историческій Пероннъ, на другое утро не историческій и не поэтическій Санлисъ, и въ часъ по полудни въѣхали въ новый Вавилонъ. Раздѣлавшись въ конторѣ дилижансовъ, отправился я въ Rue du Port-Mahon, No 9, гдѣ пріятель мой, Луи, ветеранъ Египетской Арміи, нынѣ скромный привратникъ гостиницы Hôtel de Neustrie, принялъ меня съ распростертыми объятіями.

XI.

Парижъ 10/22 Сентября.

Послѣ шестилѣтняго отсутствія, я опять въ Парижѣ, въ этомъ непрерывномъ водоворотѣ, въ этомъ бурномъ хаосѣ великаго и мелкаго, прекраснаго и безобразнаго, изящнаго и грязнаго! «Какимъ показался онъ вамъ теперь?» спрашиваютъ мои читатели: «за шесть лѣтъ

предъ симъ, вы не совершенно были имъ довольны.» И теперь многое мнѣ въ немъ не нравится, но, къ удовольствію моему, отчасти сбылось предсказанное мною: здѣсь произошли перемѣны, и почти всѣ къ лучшему. Сначала скажу о наружности. Бульвары устроены вновь, выровнены, вымощены асфальтомъ, обсажены деревьями, освѣщены газомъ. Площадь Согласія, на которой возвышается Обелискъ Луксорскій, представляетъ зрѣлище величественное. По сторонамъ обелиска бьютъ обильные водою фонтаны. Вокругъ его идутъ бронзовыя колонны, служащія *подсвѣчниками* газовому свѣту. Въ разныхъ мѣстахъ города возникли новыя, великолѣпныя зданія, проложены новыя прямыя, широкія улицы, напримѣръ: названная въ честь нынѣшняго Сенскаго Префекта улица Рамбюто, пролагаемая отъ улицы Сенъ-Мартенъ до Болота (le Marais) по самой многолюдной части Парижа. Украшеніе города, снабженіе его новыми зданіями, монументами, фонтанами (такъ, напримѣръ, на мѣстѣ зданія бывшей Большой Оперы, въ улицѣ Ришелье, возвышается прекрасный фонтанъ), устроеніе новыхъ улицъ, расширеніе старыхъ — стоитъ городу до двадцати милліоновъ франковъ въ годъ. Весь доходъ города составляетъ шестьдесятъ милліоновъ; изъ нихъ идутъ на содержаніе полиціи слишкомъ десять милліоновъ, не считая секретныхъ издержекъ. Полиція здѣсь теперь находится въ совершенномъ благоустройствѣ: бдительна, осторожна, и притомъ тиха и учтива. Кажется, и народъ уже не такъ бурливъ и безпокоенъ, какъ прежде, непосредственно послѣ революціи 1830 года (*).

(*) Это явствуетъ и изъ обнародованнаго на сихъ дняхъ дняхъ отчета министра юстиціи за 1841 годъ.

Продолжительное спокойствіе и благоразумная строгость полиціи произвели свое дѣйствіе: разбои, смертоубійства, воровства случаются гораздо рѣже. число поединковъ уменьшилось. Жало журнальной дерзости притупилось отъ излишняго злоупотребленія. Бываютъ въ газетахъ ссоры и брани, но уже не такія жестокія, какъ прежде сего. Публика, убѣдившись, что журналисты пишутъ не по убѣжденію, а по внушенію духа партій и по денежнымъ разсчетамъ, сдѣлалась равнодушною къ ихъ возгласамъ и разглагольствіямъ. Клевета лишилась силы: брани, какъ хочешь, никто на это не сердится, потому что никто этому не вѣритъ. Между тѣмъ все движется, все кипитъ, все ищетъ пищи своимъ страстямъ и прихотямъ. Въ обычаяхъ замѣтилъ я любопытную перемѣну. Бывало, бѣда толкнуть кого невзначай на бульварѣ, наступить кому нибудь въ театрѣ на ногу. Извиненіямъ конца нѣтъ. Нынѣ толкаются и ходятъ по ногамъ безъ извиненія и зазрѣнія. Кто извинится, на того смотрятъ съ улыбкою сожалѣнія и презрѣнія, какъ на провинціяла. Если исключить высшіе, образованные классы, учтивые по убѣжденію и привычкѣ, французская учтивость ограничивается торговымъ и отчасти промышленымъ сословіемъ, которое въ ней находитъ пособіе своему производству. Вообще все, что можно имѣть на деньги и за деньги, здѣсь превосходно. Недавно показывали мнѣ на бульварѣ новыя продѣлки мелкой коммерціи. Продавецъ, въ блузѣ и испачканной фуражкѣ, громогласно выхваляетъ товаръ свой, ножички, ножницы, стальныя перья, карандаши. Народная толпа стоитъ въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи, боясь обмана. Вдругъ подходитъ къ лотку человѣкъ хорошо одѣтый, въ черномъ фракѣ, съ козьей бородкой, истинный джентель-

менъ, пробуетъ ножички и карандаши, восхищается ихъ добротою, покупаетъ безъ торгу порядочное количество, платитъ наличными деньгами, и уходитъ. Толпа бросается на лотокъ, и раскупаетъ весь товаръ. Покупщикъ этотъ, въ заговорѣ съ продавцемъ, былъ такъ называемый *засвѣтитель* покупщиковъ (alumeur des chalands): товаръ самый плохой расходится, при его помощи, скоро и выгодно.

Полиція употребляетъ всѣ средства для очищенія улицъ, для наблюденія опрятности — тщетно. Каналы отвратительныхъ жидкостей всякаго рода извиваются по всѣмъ улицамъ. Бѣдныя дамы иногда не знаютъ, какъ переправиться чрезъ эти Стиксы. Другое неудобство Парижа — безпрерывный шумъ, неизбѣжный, если хочешь жить среди города. Часто у меня отъ него голова кружится, и всего досаднѣе, когда вдругъ ночью поднимутся на улицѣ стукъ, грохотъ, крики. Оставимъ это: обратимся къ чему нибудь лучшему, къ умственной, литературной, художественой дѣятельности, въ которой Парижъ былъ, есть и будетъ средоточіемъ Европы.

Теперь на литературу время тихое и непроизводящее. Вы не найдете въ журналахъ извѣстій о новыхъ важныхъ книгахъ. Выходятъ только такія творенія, которыя написаны съ цѣлью ученою или государственною, а не по внушенію промышлености, завладѣвшей современною намъ словесностью. Изъ числа такихъ книгъ долженъ я упомянуть особенно о двухъ твореніяхъ, нѣкоторымъ образомъ принадлежащихъ Россіи. Первое: Des Finances et du crédit public de l'Autriche, de sa dette, de ses ressources financières et de son système d'imposition, avec quelques rapprochements entre ce pays, la Prusse et la France (2 vol. Paris, 1843, chez Renouard), сочиненіе

Тайнаго Совѣтника Тенгоборгскаго. Книга сія, написанная съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, умно, основательно и ясно, можетъ служить практическимъ руководствомъ въ наукѣ финансовъ, показывая, какія средства были употребляемы Австріею для поддержанія своего кредита среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, предлагая исторію ея государственнаго долга, Вѣнскаго Банка, сравнивая финансовыя ея средства съ прусскими, излагая систему ея налоговъ, исчисляя расходы, и т. д. Она принята съ одобреніемъ и хвалою въ самой Австріи, которая донынѣ не произвела ничего подобнаго въ семъ родѣ. Всякъ, кто занимается политическою экономіею и особенно наукою финансовъ, найдетъ въ сей книгѣ богатую пищу. Г. Тенгоборгскій посвятилъ свое сочиненіе Его Величеству Государю Императору.

Другая книга: Le Comte J. Capodistrias, Président de la Grèce, jugé par lui-même, d'après les actes de son administration, constatés par sa correspondance publiée à Génève en 1839 etc. (1 vol. Paris, 1843, Treuttel et Würz), составлена и издана Дѣйств. Ст. Совѣтникомъ Ѳ. А. Фаберомъ, находящимся при миссіи нашей въ Швейцаріи, авторомъ книгъ: Notices sur l'intérieur de la France (1807), Les promenades d'un désoeuvré à St. Pétersbourg (1810), основателемъ журнала le Conservateur impartial (что нынѣ Journal de St. Pètersbourg). Онъ коротко зналъ, слѣдственно и душевно уважалъ незабвеннаго Графа И. А. Каподистрія. Огорченный нелѣпыми и коварными клеветами, преслѣдовавшими добродѣтельнаго Президента Греціи при жизни его и по смерти, онъ вознамѣрился соорудить бывшему своему начальнику и благодѣтелю памятникъ изъ собственныхъ его дѣлъ, помысловъ и рѣчей. Изъ корреспонденціи Графа, напечатанной въ

1839. г., въ четырехъ томахъ, извлекъ онъ главныя черты, въ которыхъ проявляются нравственный характеръ Графа, его благочестіе, безкорыстіе, правосудіе, любовь къ отечеству, словомъ, всѣ добродѣтели, какія могутъ украшать человѣка и гражданина; правила его управленія, мѣры политическія, полицейскія и финансовыя, средства къ утвержденію Греціи на прочномъ основаніи, словомъ, все, что можетъ служить къ изображенію сего необыкновеннаго мужа въ истинномъ его свѣтѣ. Извлеченія сіи расположены систематическимъ образомъ, и представляютъ, нѣкоторымъ образомъ, курсъ нравственности, и политики и изложеніе важнѣйшихъ происшествій Греціи съ 1827 до 1831 года. Книга заключается слѣдующею запискою, написанною Графомъ поутру въ день его смерти, и найденною на столѣ его: «Ваше дѣло, любезный N. N., будетъ устроено по вашему желанію. Намѣреніе ваше не принимать ни какой платы за услуги, оказанныя вами отечеству, приноситъ вамъ честь и истинно меня радуетъ. Несказанно благодарю васъ за то. Это бальсамъ для души моей, ежеминутно отравляемой горечью. Пожимаю вамъ руку.» Очень любопытны подробности сношеній его съ адмиралами Союзныхъ Державъ. Одинъ только нашъ адмиралъ, П. И. Рикордъ, понималъ его, и подавалъ ему существенную помощь. — Г. Фаберъ, напечатавъ книгу сію на свой счетъ, назначилъ все, что выручено будетъ ея продажею, въ пользу русскихъ матросовъ эскадры адмирала Рикорда, раненыхъ въ дѣлѣ 27-го Іюля 1831 при усмиреніи мятежниковъ на островѣ Сирѣ.—Всѣ здѣшніе благонамѣренные журналы отдали при семъ случаѣ справедливость необыкновенному характеру покойнаго Графа, важности изданной нынѣ книги, и благородному труду почтеннаго Г. Фабера.

Вы знаете, какое несчастіе постигло Виктора Гюго! Девятнадцати-лѣтняя дочь его, вышедшая замужъ за три мѣсяца предъ симъ, потонула, катаясь въ Гаврѣ по Сенѣ, съ мужемъ и свекромъ своимъ. Самъ В. Гюго въ это время былъ въ Испаніи. Прибывъ во Францію, онъ узналъ о несчастіи своемъ изъ газетъ. Говорятъ, это жестоко сразило его. Всѣ литераторы, вся публика приняли искреннее участіе въ его горѣ. Онъ еще не возвращался въ Парижъ. Помню эту миловидную тринадцати-лѣтнюю дѣвочку (въ 1837); она была умна, какъ геніяльный отецъ ея, прекрасна, какъ прелестная мать.

Я посѣтилъ почтеннаго Нодіе, и нашелъ его больнымъ, слабымъ и разстроеннымъ, такъ, что я сбирался тотчасъ же его оставить. Но разговорившись со мною о литературѣ, о языкоученіи, и т. п., онъ оживился и забылъ свой недугъ. Я просилъ его дать мнѣ свѣдѣніе о томъ, что сдѣлано новаго во Французской Грамматикѣ. Онъ совѣтовалъ мнѣ обратиться къ профессору Патену (Patin), который нынѣ, по случаю его болѣзни, занялся его дѣлами по этой части въ академіи. Узнавъ, что я коротко знакомъ съ грамматическими трудами нѣмецкихъ ученыхъ, онъ хотѣлъ узнать нѣчто о ихъ выводахъ. Я сообщилъ ему основанія системы Беккера, о взаимномъ содѣйствіи двухъ полярныхъ началъ въ составленіи языка (мысли и звука). Выслушавъ меня со вниманіемъ, Нодіе возразилъ: «Мнѣ кажется, что языкъ человѣческій, проявленіе божественной силы и благодати на земли, въ существѣ своемъ тройственный: *мысль* воплощается въ *словѣ* и проявляетя дыханіемъ, *духомъ*.» — — По совѣту Г. Нодіе, обратился я къ Г. Патену, и нашелъ въ немъ человѣка серіознаго, ученаго, но привѣтливаго и услужливаго. Онъ сообщилъ мнѣ заглавія всѣхъ книгъ, вышедшихъ въ новыя времена о моемъ предме-

тѣ. — Г. Патенъ славится изученіемъ классической филологіи. Теперь издаетъ онъ Эврипида съ своими замѣчаніями.

Франція едва не лишилась самаго остроумнаго изъ своихъ критиковъ или самаго плодовитаго (послѣ Скриба) драматическаго писателя своего. Дюма написалъ комедію: *Сенъ-Сирскія Дѣвицы* (les Demoiselles de St. Cyr), написалъ ее умно, остро, живо, но очень небрежно: и исторія и даже Французскій Языкъ страждетъ въ ней подъ всеразрушительнымъ перомъ его. Жаненъ написалъ на него презлую критику, и такъ какъ фельетонъ въ Journal des Débats 27-го Іюля занятъ былъ главою Парижскихъ Тайнъ, эту критику напечатали крупными буквами, какъ бы статью ученую. Это взбѣсило Дюма, и онъ чрезъ три дня помѣстилъ въ Presse самую отчаянную антикритику, въ которой разбранилъ Жанена, исчисливъ всѣ старые грѣхи и промахи его: что онъ женилъ (въ своемъ Путешествіи) Герцога Косму I на Біанкѣ Капелло; что на дорогѣ изъ Генуи въ Лукку, видѣлъ горы справа, а море слѣва; что приписалъ Рембрандту Рафаэлево Видѣніе Езекіиля, и кроткому Леонарду да Винчи трехъ Парокъ грознаго Микель-Анджела; что онъ назвалъ Смирну островомъ; что онъ неправильно выписалъ цитату изъ Бокаччія; что въ представленіи Сенъ-Сирскихъ Дѣвицъ, онъ безпрерывно выбѣгалъ изъ ложи въ корридоръ, и не видалъ половины піесы. Жаненъ возразилъ на это чрезъ недѣлю въ Journal des Débats преостро и презабавно, но такъ колко и обидно, что Дюма вызвалъ его на дуэль. Фельетонистъ принялъ вызовъ, и они оба явились, вооруженные, въ назначенномъ мѣстѣ. Между тѣмъ, весь Парижъ взволновался извѣстіемъ о предстоящемъ поединкѣ: на Биржѣ, у Тортони, въ Оперѣ, толковали о томъ, какъ жаль будетъ лишиться котораго

нибудь изъ враждующихъ. Друзья ихъ, явившись вмѣстѣ съ ними на поле битвы, убѣдили ихъ помириться, и въ тотъ же самый вечеръ, въ представленіи Сенъ-Сирскихъ Дѣвицъ, Жаненъ явился въ ложѣ Дюма, сѣлъ съ нимъ рядомъ, аплодировалъ во всю мочь, и дружески пожималъ ему руку. И умно, и благоразумно! На другой день Жаненъ очень мило разсказалъ въ фельетонѣ сцену примиренія. Вообще критики правы въ томъ, что комедія Дюма написана не для Французскаго Театра, гдѣ первенствуютъ Корнель и Моліеръ, Расинъ и Вольтеръ: если бъ онъ отдалъ ее на одинъ изъ тѣхъ театровъ, для которыхъ Скрибъ создалъ особый родъ комедіи, водевиль безъ куплетовъ, требованія судей не были бы такъ строги. Въ комедіи его много интересныхъ *положеній,* дѣйствіе хорошо завязанное, возрастающій интересъ, умныя и острыя слова, забавныя выходки и смѣшныя сцены. Но не должно искать въ ней ни чистоты слога, ни литературной обработки, ни истины нравственной, ни философскихъ наблюденій: эти строгости несовмѣстны съ произведеніями нынѣшней французской сцены. Піесу играютъ раза по два въ недѣлю, и театръ бываетъ полонъ.

Евгеній Сю кончилъ *Парижскія Тайны,* и теперь пишетъ къ нимъ эпилогъ, дѣйствіе котораго происходитъ въ Германіи. Книга его принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ и достойныхъ вниманія произведеній современной литературы: онъ представилъ парижской публикѣ ужасную картину нравовъ и обычаевъ столичной черни; ея пороки и добродѣтели; ея наслажденія и страданія; совершенную безнравственность однихъ, проблески великодушія и благородства въ другихъ; онъ показалъ, какимъ восхитительнымъ удовольствіемъ могутъ насладиться люди сильные и богатые, если рѣшатся часть сво-

его достоянія и времени, расточаемыхъ въ пресытительныхъ забавахъ свѣта, употребить на отысканіе несчастныхъ, на извлеченіе ихъ изъ бездны разврата и порока, на спасеніе безсмертныхъ душъ отъ погибели. — Прочитавъ вновь первыя главы Парижскихъ Тайнъ, пошелъ я съ однимъ пріятелемъ-землякомъ въ Сите, отыскалъ Бобовую Улицу (la Rue aux fèves), тѣсную, грязную, ужасную; видѣлъ тамъ запасы угля и дровъ; заглядывалъ въ шинки, гдѣ отвратительныя вѣдьмы (les ogresses) подносятъ палящую настойку бродягамъ, ворамъ и бѣглымъ каторжникамъ. Но все это видѣлъ я днемъ, при свѣтѣ солнца, отъ котораго злодѣи прячутся какъ филины. Вечеромъ поберегся бы я отъ подобныхъ наблюденій. Мы вышли оттуда, миновали улицы двѣ, и огромное старинное зданіе, огороженное желѣзною рѣшеткою, представилось глазамъ нашимъ. Это что за палаты? спросилъ мой спутникъ. — «Это присутственныя мѣста, le Palais de Justice,» отвѣчалъ я. «Войдемъ.» Мы отыскали Уголовную Палату (la Cour d'Assisses), и сѣли между зрителями. Производился судъ надъ однимъ молодымъ человѣкомъ, который, въ пробирной палаткѣ Монетнаго Двора, накладывалъ фальшивые штемпеля на золотыя вещи. Я не хвалю и не люблю установленія присяжныхъ, свидѣтельствующаго о малолѣтствѣ общества людскаго, когда не было еще ученыхъ, опытныхъ судей, и *понятые* должны были рѣшать дѣло по совѣсти, но гласное, всенародное судопроизводство кажется мнѣ дѣломъ святымъ и великимъ; жаль, что оно не вездѣ возможно. Къ тому должно присовокупить, что сословіе судей есть самое почтенное во Франціи, и издревле славится честностью, безкорыстіемъ, неутомимостью въ исполненіи своихъ обязанностей и истиннымъ человѣколюбіемъ. Въ это время производился допросъ сви-

дѣтелей. Ни какое вымышленное представленіе не интересовало бы насъ такъ, какъ эта дѣйствительная, существенная строгая драма жизни! Въ другой разъ поговорю объ этомъ подробнѣе: теперь обращусь вновь къ литературѣ. Распространился слухъ, будто Евгеній Сю занялся сочиненіемъ—Всемірной Исторіи. Не очень вѣроятно, а возможно. — Его Парижскія Тайны выходятъ нынѣ иллюстрированнымъ изданіемъ. Мнѣ кажется это лишкимъ и даже неумѣстнымъ. Исторія, путешествія, легкіе очерки нравовъ, и т. п., имѣютъ надобность въ пособіи карандаша, чтобъ дополнить, пояснить осуществить свои картины. Но эти сильные, рѣзкіе вымыслы воображенія, эти поиски въ глубинахъ сердца и жизни человѣческой, сами собою выше всякой видимой картинки, и ни какой Гаварни не успѣетъ изобразить вамъ тѣхъ лицъ, которыя созданы фантазіею поэта, и въ душѣ каждаго читателя проявляются инымъ, особымъ образомъ. Составивъ въ воображеніи идеалъ его Gouauleuse (горланьи), его Chourineur (рѣзаки), смотришь на ихъ нарисованныя изображенія, и невольно говоришь: не то! не то!

Ламартинъ оставилъ поэзію и литературу, и вдался въ политику. Жаль и его, и политики. — Казимиръ Делавинь живетъ въ провинціи: онъ былъ опасно боленъ, но теперь поправляется. — Жоржъ-Зандъ также гдѣ-то, на берегахъ Луары. Шопенъ забавляетъ ее своею геніяльною игрою, и настраиваетъ ея воображеніе.

Обратимся къ театру. Наконецъ я видѣлъ Рашель, и насладился удовольствіемъ, уже давно не испытаннымъ; видѣлъ ее въ двухъ роляхъ, Федры и Герміоны. Невысокаго роста, худощавая женщина, съ довольно правильными чертами лица и прекраснѣйшими черными глазами. Голосъ выразительный, доходящій прямо до

сердца. Чувства въ ней очень много, но чувства не кроткаго, не нѣжнаго, а отчаяннаго, сильнаго, разрушительнаго. Въ Федрѣ, являя собою бѣдственную жертву неумолимаго рока, выражая всѣ терзанія скрываемой любви, ревности, мщенія, отчаянія, она была дѣйствительно прекрасна и величественна. Въ Герміонѣ она была ниже самой себя. Знаменитый стихъ: Je t'aimais, inconstant и проч. пропалъ безъ успѣха. Были и въ этой роли моменты прекрасные, но они вмѣстѣ не составятъ одной *минуты*. Прочіе актеры трагическіе очень плохи. Послѣ каждаго представленія Рашель вызывали и бросали ей вѣнки, но вызывали только однажды, и по окончаніи піесы. Такой вызовъ есть истинная награда. Рашель играетъ каждую субботу, не для того ли, чтобъ опровергнуть слухъ о еврейскомъ ея происхожденіи? — Послѣ классической трагедіи даютъ обыкновенно какую нибудь старинную комедію Моліера, Лесажа и пр. Зрители смотрятъ ихъ съ удовольствіемъ, и хлопаютъ при тѣхъ сценахъ и шуткахъ, которымъ рукоплескали ихъ дѣды и прадѣды. Это искреннее уваженіе къ *своей старинѣ* есть прекрасная черта въ литературномъ характерѣ Французовъ. — Упомяну объ Италіянской Оперѣ. Россини, проживъ четыре мѣсяца въ Парижѣ, вдругъ уѣхалъ въ Италію. Надѣялись, что онъ напишетъ музыку для піесы Большой Оперы, но онъ, какъ видно, твердо рѣшился успокоиться на лаврахъ. Я познакомился съ Донидзетти, и нашелъ въ немъ умнаго, любезнаго, простаго человѣка, *бѣлаго* Италіянца. Италіянцевъ можно раздѣлить на бѣлыхъ и черныхъ; сѣрыхъ, свѣтлосѣрыхъ, темносѣрыхъ у нихъ нѣтъ. Или добръ и любезенъ, какъ докторъ Флоріо, какъ Рубини, какъ Тамбурини, какъ покойный Кавосъ, какъ Джустиніани, или.... Я живу здѣсь недалеко отъ Италіянской

Оперы, и иногда долетаютъ до моего слуха репитиціи хоровъ. Театръ откроется 3-го Октября, Лучіею де Ламмермуръ. Любители пѣнія плачутъ по Рубини и Тамбурини. Новые пѣвцы (Ронкони и Сальви), говорятъ, не въ состояніи замѣнить ихъ.

Представленія на малыхъ театрахъ (Водевиля, Гимназіи) забавляютъ меня несказанно. Бифстексъ должно ѣсть въ Англіи, макароны въ Италіи, квасъ пить въ Россіи: водевили смотрѣть во Франціи, или, по крайней мѣрѣ, представляемые Французами. Этотъ родъ драмы есть собственное ихъ созданіе и принадлежитъ имъ исключительно. Эти блестки и искры ума и веселости, эта легкость и естественность разговора, эта живость и быстрота игры принадлежатъ Французамъ исключительно. Человѣкъ, трудившійся цѣлый день въ департаментѣ или въ мастерской артиста, занимавшійся съ утра дѣлами строгими, важными, вечеромъ забывается въ театрѣ, смѣется, плачетъ, веселится, освѣжаетъ воображеніе, готовитъ себѣ пріятныя мечтанія и спокойный сонъ, чтобъ завтра опять съ обновленными силами сѣсть за работу. И какіе у нихъ въ этомъ родѣ артисты! Арналь, забавный, простодушный и притомъ замысловатый. Буффе, конечно первый актеръ въ Парижѣ, естественный до того, что кажется, будто всякъ можетъ играть точно такъ, какъ онъ. Я видѣлъ его въ роли Жаккара, изобрѣтателя знаменитой машины. Удивительно, съ какою вѣрностью онъ схватилъ и изобразилъ характеръ беззаботнаго генія, притомъ благороднаго и великодушнаго. А актрисы! Прелестная, умная Элиза Дошъ въ Водевилѣ, талантливая Роза Шери въ Гимназіи. И еще Леонтина Волнисъ (бывшая Фе) въ Гимназіи же. Надобно видѣть ее въ Jour de l'Orage, водевилѣ, который она

играетъ съ своимъ мужемъ! — Мнѣ хотѣлось видѣть мелодраму, и я пошелъ вчера въ Театръ Porte St. Martin. Играли La tour de Nesle, мелодраму, которую сочинили въ компаніи Жюль-Жаненъ, Дюма и Гальярде, и за авторство которой послѣдніе два писателя вели между собою тяжбу, не изъ славы, но изъ авторскаго дохода, десятой доли сбора (*).

...... Всю правду доложу,
Изъ чести въ домѣ семъ *отнюдь я не служу!*

Точно не изъ чести! Нельзя вообразить себѣ ничего ужаснѣе, гнуснѣе содержанія этой піесы. Развратъ, прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе, отцеубійство, сыноубійство, насмѣшки надъ религіею — все, что только можно выдумать порочнаго и преступнаго, нагромождено въ Нельской Башнѣ. — Піесу эту играютъ ежедневно. Главныя роли исполняютъ въ ней первый трагикъ Франціи, Фредерикъ Леметръ, и знаменитая Дорвалъ. Всѣ мѣста набиты биткомъ. Публика смотритъ и слушаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Полиція нѣсколько разъ пыталась прекратить представленіе мелодрамы, но тщетно. Говорятъ, что она была еще ужаснѣе, и что цензура ее поисправила. Бѣдственна необходимость питать умъ и воображеніе пылкихъ, воспріимчивыхъ Французовъ такими картинами, пріучать ихъ къ зрѣлищу злодѣйствъ, и выставлять злодѣями людей высшихъ сословій! Съ трудомъ высидѣлъ я до конца піесы, продолжавшейся за полночь, и отправился домой съ самымъ непріятнымъ чувствомъ. Точно былъ въ анатомическомъ театрѣ! Нѣтъ! *сюда я не ѣздокъ!* — Сегодня отдохну въ Водевилѣ.

(*) Судъ рѣшилъ, что право авторства принадлежитъ Г. Гальярде. Есть съ чѣмъ поздравить!

XII.

23-го Сент. (5-го Окт.) 1843 г.

Возвращаясь на сихъ дняхъ домой, отъ знакомца моего Шницлера, живущаго въ Rue des Beaux-Arts, остановился я въ улицѣ des Petits Augustins, предъ великолѣпнымъ зданіемъ, отгороженнымъ отъ улицы желѣзною рѣшеткою. Я вспомнилъ, что посѣщалъ это мѣсто въ 1817 году. Здѣсь находился тогда Музей Французскихъ Древностей, собраніе единственное въ своемъ родѣ. Когда, въ 1790 году, имущества духовенства забраны были въ казну, Правительство предписало взять изъ монастырей всѣ драгоцѣнныя древностью или изяществомъ произведенія художествъ, и расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, составить Музей Національной Исторіи и Искусствъ. Дѣло сіе поручено было артисту Ленуару, который исполнилъ данное ему порученіе съ усердіемъ и успѣхомъ. Въ особомъ, именно для того назначенномъ зданіи, въ пяти залахъ, расположены были по вѣкамъ памятники всякаго рода: гробницы, монументы, статуи, барельефы, и. т. п. Музей былъ достоинъ вниманія въ отношеніи историческомъ и художественномъ: онъ заключалъ въ себѣ рядъ монументовъ знаменитѣйшихъ лицъ Французской Исторіи, и въ то же время представлялъ наглядную

Исторію Искусствъ во Франціи, съ первыхъ, грубыхъ началъ ихъ до возрожденія при Францискѣ I, до *вырожденія* ихъ въ восьмнадцатомъ вѣкѣ. Въ саду Музея были гробницы Абеларда и Элоизы, Коннетабля Монморанси, Дагоберта и другихъ. Въ 1815 году, по возстановленіи Бурбоновъ, памятники, находившіеся въ семъ музеѣ, возвращены были церквамъ, которымъ они принадлежали прежде, и я видѣлъ немногіе только остатки прежнихъ сокровищъ, бо́льшею частію архитектурные. Въ 1816 году положено было учредить въ помѣщеніи музея Училище Изящныхъ Искусствъ (Ecole des Beaux-Arts). Работы постройки начаты были въ 1819 году и кончены въ 1833, архитекторомъ Дюбаномъ; зданіе Училища Изящныхъ Искусствъ есть нынѣ одно изъ самыхъ великолѣпныхъ и красивыхъ въ Парижѣ.

Передній дворъ отдѣляется отъ улицы (des Petits Augustins) красивою рѣшеткою. По сторонамъ главныхъ воротъ возвышаются колоссальные термальные бюсты Пуссена и Пюжета. Правая сторона двора украшена фасадомъ Анетскаго За́мка, построеннаго Филибертомъ де Лормъ, по приказанію Генриха II, для прекрасной Діаны де Пуатье. Поперегъ всего двора идетъ арка, взятая изъ замка Гайліонъ, построеннаго въ 1500 г., при Лудовикѣ XII, Кардиналомъ Георгіемъ Амбуазскимъ. Сей остатокъ архитектуры того вѣка достоинъ вниманія вкусомъ и изяществомъ въ орнаментахъ, которые сохранились вполнѣ. На второмъ дворѣ, отдѣленномъ этою аркою отъ перваго, стоитъ большая круглая чаша, работы XIV вѣка, привезенная изъ Сенъ-Дени. Стѣны зданія по обѣимъ сторонамъ гайліонской арки, покрытой остатками старинной архитектуры, взяты изъ разныхъ за́мковъ Фран-

ціи. Дворъ вымощенъ мраморомъ, и вдоль его идетъ главный фасадъ музея, украшенный колоннами, мраморными и бронзовыми медаліонами и обломками древнихъ мраморовъ, расположенными въ нишахъ. На фризѣ начертаны имена знаменитѣйшихъ художниковъ всѣхъ школъ. Надъ главнымъ входомъ въ Музей надпись: Peinture, Architecture, Sculpture. Въ бронзовыхъ медаліонахъ изображенія Филиберта Делорма, Жана Гужона, Пуссена и Лесюёра. Посреди главнаго зданія находится внутренній дворъ, въ видѣ продолговатаго четвероугольника, выложенный разноцвѣтнымъ мраморомъ. По сторонамъ большихъ среднихъ дверей зданія великолѣпная колонна краснаго мрамора. Войдешь въ просторныя сѣни; свѣтлыя, широкія, удобныя крыльца ведутъ въ верхніе ярусы. Значеніе зданія видно на каждомъ шагу; вездѣ атрибуты искусствъ, и преимущественно архитектуры національной, родившейся въ Средніе Вѣки. Наконецъ узнали во Франціи значительность, изящество и цѣну Готической Архитектуры и дополненія ея, Архитектуры Возрожденія, прелестной, игривой, замысловатой и оригинальной. Извѣстно, съ какою ревностью, съ какимъ изступленіемъ и даже фанатисмомъ Викторъ Гюго толкуетъ объ остаткахъ стариннаго зодчества, какъ прилежно и подробно изучилъ онъ, напримѣръ, старинную башню въ Андернахѣ на Рейнѣ, мимо которой тысячи людей образованныхъ проѣзжали безъ вниманія. Умный, но своенравный и безвкусный XVIII вѣкъ пренебрегалъ стариною: многія драгоцѣнныя произведенія Среднихъ Вѣковъ были въ теченіе его разрушены, какъ варварскіе памятники уродливаго вкуса. Французская Революція довершила это опустошеніе: вездѣ ломали и уничтожали признаки рыцарства и феодалисма, а безъ нихъ не было ни-

чего въ Средніе Вѣки. Ленуаръ заслужилъ благодарность отечества спасеніемъ многихъ драгоцѣнныхъ произведеній старины. Теперь это варварство, это безвкусіе, это неправосудіе миновались. Остатки старины сохраняются рачительно. Ихъ отыскиваютъ повсюду, извлекаютъ на свѣтъ, и осторожно подновляютъ, чтобъ не стереть оригинальнаго характера. Одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ памятниковъ архитектуры и орнаментовки XVI вѣка есть домъ Короля Франциска I, построенный въ Моретѣ, посреди Фонтенблоскаго Лѣса, гдѣ онъ служилъ мѣстомъ сходбища охотникамъ. Правительство продало его, въ 1826 г., съ публичнаго торга, знаменитой актрисѣ Марсъ, которая, при помощи *усердныхъ любителей ея древности,* перенесла весь домъ на Елисейскія Поля, и поставила въ аллеѣ, называемой Cours la Reine. Въ то время промышленники вздумали застроить часть Елисейскихъ Полей новыми домами, и госпожа Марсъ полагала, что ея оригинальное, монументальное зданіе обратитъ на себя вниманіе какого нибудь эксцентрическаго лорда; но разсчетъ не удался: публика, съ жадностью бросающаяся въ новостроимые кварталы въ сѣверной части Парижа, не увлеклась блаженствомъ Полей Елисейскихъ: домы остались безъ наемщиковъ, и уже разваливаются. Только домъ Франциска I поддерживается раченіемъ хозяйки: не знаю, однако, даетъ ли онъ ей какой либо доходъ. Домъ построенъ правильнымъ квадратомъ въ два яруса, надъ погребными сводами. По угламъ небольшіе пиластры съ красивыми капителями. Нижній ярусъ построенъ аркадами, надъ которыми идетъ фризъ съ медаліонами, представляющими Маргариту, Анну Бретанскую, Діану де Пуатье, Лудовика XII, Генриха II и Франциска II. На барельефахъ аттика геніи держатъ гербы Франціи, обвитые

цвѣточными гирляндами и плодами. Во внутренности домъ не отличается ничѣмъ: онъ расположенъ для жилья и отдачи внаемъ.

Воротимся въ Училище Изящныхъ Искусствъ. По правую руку передняго двора находится помѣщеніе бывшей церкви Августинскаго Монастыря. Въ ней вся задняя стѣна занята копіею съ Микель-Анджелева Страшнаго Суда, въ Сикстинской Капеллѣ, написанною искуснымъ артистомъ Сигаллономъ, умершимъ лѣтъ за шесть предъ симъ. Копія, какъ копія: точно прозаическій переводъ великаго поэта; тутъ есть все, кромѣ его души, его генія, его языка. Къ тому хватились за составленіе копіи слишкомъ поздно: подлинникъ закопченъ свѣчами, и совершенно лишился своего прежняго колорита. Теперь принуждены списывать не то, что написалъ Микель-Анджело, а что оставило время. Тутъ же видѣлъ я гипсовыя копіи съ его же Моисея (въ Церкви Св. Петра Веригъ) и Снятіе со креста (въ Базиликѣ Св. Петра), и многіе другіе драгоцѣнные слѣпки съ превосходныхъ статуй и барельефовъ. Въ главномъ зданіи могъ я видѣть только галерею антиковъ (копіи) и полукруглую залу, красующуюся прекраснымъ твореніемъ Павла де ла-Роша. Вокругъ всей стѣны полукружія изобразилъ онъ группою семьдесятъ знаменитѣйшихъ артистовъ златаго вѣка искусствъ: каждый написанъ съ современнаго портрета, въ костюмѣ его, въ положеніи, соотвѣтствующемъ его нравственному и художественному характеру. Я провелъ часъ въ разсматриваніи этихъ любопытныхъ лицъ, искусно, изящно и отчетливо изображенныхъ, и не могъ налюбоваться ими. Судить о нихъ не мое дѣло. — Жаль, что добраго пріятеля моего, Гораса Вернета, нѣтъ еще въ Парижѣ: онъ по-

знакомилъ бы меня съ этимъ артистомъ: Павелъ де ла-Рошъ женатъ на его дочери. Классъ живописи де ла-Роша былъ однимъ изъ лучшихъ въ Парижѣ, но за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ онъ закрылъ его, и разогналъ учениковъ. Молодые люди шалостями разсердили его: они ходили ночью по улицамъ, снимали вывѣски, и переписывали ихъ по-своему. Одна повивальная бабка, возвращаясь поздно домой, нашла, что они лишь только кончили карикатурную пародію ея вывѣски, и пожаловалась профессору. — Я не могъ видѣть и всего зданія училища, потому что въ немъ происходитъ теперь сужденіе профессоровъ о раздачѣ премій. На будущей недѣлѣ откроется публичная выставка. Тогда потолкую о немъ поподробнѣе.

Если живопись и скульптура поднялись во Франціи на высокую степень, нельзя того же сказать объ архитектурѣ. Всенародныя зданія Парижа, въ новыя времена, не могутъ похвалиться изяществомъ постройки и сообразностью съ предметомъ и цѣлію. И объ этомъ намѣренъ я сказать нѣсколько словъ, когда успѣю разсмотрѣть предметъ моихъ изысканій внимательнѣе и и подробнѣе.

Въ числѣ всенародныхъ выставокъ художественныхъ произведеній заслуживаетъ вниманія оригинальная коллекція рисунковъ Александра Ваттемара. Читатели наши помнятъ этого необыкновеннаго, непостижимаго артиста, который *одинъ* игралъ нѣсколько комедій, представляя въ нихъ и героя и героиню, и отца и мать, и слугу и служанку, и т. п. Теперь онъ совершенно оставилъ свое драматическое поприще, и занялся другими предметами, важными, серіозными. Такъ, напримѣръ, предложилъ онъ всѣмъ библіотекамъ Европы и Америки привесть въ извѣстность свои дублеты, т. е. двой-

ные, лишніе экземпляры одной и той же книги, и поменявшись ими на недостающія у нихъ творенія, безъ большихъ издержекъ дополнить и обогатить свои книгохранилища. Правительства съ охотою и признательностью приняли сіе предложеніе, и старались привести въ дѣйство, но безъ большаго успѣха. «Полезное это дѣло, говоритъ Г. Ваттемаръ, расшиблось объ лѣность библіотекарей.» Года за три предъ симъ былъ онъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, сѣверныхъ и южныхъ, на островѣ Кубѣ, и пр., и вездѣ старался объ осуществленіи своей идеи. Къ удивленію своему нашелъ онъ, что богатая и сильная Республика Сѣверо-Американская, усердно и успѣшно пекущаяся о дѣлахъ политическихъ, финансовыхъ и матеріяльныхъ, оставляетъ безъ вниманія науки, искусства, умственную и нравственную часть народнаго богатства. Въ Сѣверной Америкѣ нѣтъ ни музеевъ, ни всенародныхъ библіотекъ, ни публичныхъ лекцій. Ваттемаръ изумился и огорчился симъ наблюденіемъ, но не удовольствовался однимъ сожалѣніемъ: онъ обратился къ важнѣшимъ особамъ государственнымъ, къ богатымъ и значительнымъ гражданамъ, наконецъ ко всему народу, въ многочисленномъ собраніи (meeting), и изобразилъ имъ, съ какою попечительностью и щедротою Государства Европы, Англія, Россія, Франція, Австрія, Пруссія, пекутся о доставленіи своимъ подданнымъ средствъ къ дѣйствительному образованію ума и сердца. Краснорѣчивыя его убѣжденія (онъ очень хорошо говоритъ по-англійски) имѣли успѣхъ самый блистательный. Правительство центральное опредѣлило значиельныя суммы на основаніе общеполезныхъ учрежденій ученыхъ и художественныхъ, на заведеніе сношеній съ учеными особами и сословіями Европы. Г. Ваттемаръ посѣтилъ двадцать шесть областей Союза, встрѣ-

чаемый и провожаемый торжественною благодарностью: вездѣ областныя правительства назначали большія суммы на исполненіе его благородныхъ предположеній. Въ Вашингтонѣ, посреди споровъ и неустройствъ политическихъ, обѣ Палаты единогласно рѣшили исполнить его предположенія. Президентъ фанъ-Бюренъ сообщилъ Г. Ваттемару копію съ сего рѣшенія, на пергаментѣ, въ великолѣпномъ футлярѣ, при самомъ лестномъ письмѣ. Копія была подписана всѣми членами Конгреса. И не только просвѣщенные Американцы изъявили свое сочувствіе мыслямъ и намѣреніямъ Г. Ваттемара: одинъ старшина дикарей, называемыхъ *краснокожими*, написалъ къ нему письмо, въ которомъ выражаетъ признательность свою и единоплеменниковъ своихъ за усердныя его попеченія о распространеніи благотворнаго просвѣщенія.

На путешествіяхъ своихъ Г. Ваттемаръ успѣлъ составить богатую и разнообразную коллекцію рисунковъ, картоновъ, автографовъ и т. п., числомъ до тысячи двухъ сотъ, и теперь выставилъ ее на Италіянскомъ Бульварѣ, въ бель-этажѣ великолѣпнаго дома. Плата за входъ, по одному франку, назначена въ пользу благотворительнаго общества (de St. Vincent de Paul). Коллекція его раздѣлена въ обширныхъ залахъ по націямъ. Въ первой залѣ Франція: рисунки, акварели, виды, портреты и т. п., въ томъ числѣ видъ старинной башни, начертанный Викторомъ Гюго; работы Деверіи, Шеффера, Гро, Герцога Рейхштадтскаго, Герцога Бордоскаго. Далѣе Бельгія (рисунки Ваннерса, фанъ Бри, Бракелара), Голландія, Испанія, Португалія, Пруссія (работы Е. В. Короля Прусскаго, Шадова, Бегаса, Тика, Бендеманна и пр.), Саксонія, Баварія (труды Шнорра, Кваліо, Кленце), Австрія и т. д., Россія (работы Егорова, Б. Клодта, Графа Ѳ. П. Толстаго, Зауэрвейда,

Орловскаго, Чернецова, Кн. Голицыной, Кн. Гагарина, Рабуса, Б. Штакельберга, Рейтерна и н. др., Далѣе идутъ Швейцарія, Италія, Англія и, наконецъ, Сѣверная Америка. Здѣсь собраны ландшафты любопытныхъ и живописныхъ мѣстъ, изображенія костюмовъ, игръ, занятій Сѣверо-Американцевъ, портреты знаменитыхъ лицъ и т. п. Въ заключеніе развѣшены произведенія искусствъ Китая, Японіи, Индіи, даже Австраліи. — Выставка Г. Ваттемара обратила на себя вниманіе всей просвѣщенной публики Парижа. Съ удовольствіемъ могу сказать, что русское ея отдѣленіе пользуется преимущественнымъ вниманіемъ знатоковъ и любителей въ художественномъ отношеніи. Американскіе рисунки болѣе обращаютъ на себя любопытство новостью и неизвѣстностью изображаемыхъ ими предметовъ.

Въ новой литературѣ достойна вниманія книжка: Artémon Matvéieff, tableau-scène, стихотвореніе Князя Э. Мещерскаго. Поэтъ представляетъ намъ доблестнаго боярина въ ночь и утромъ въ день его страдальческой смерти. Бояринъ проводитъ ночь въ молитвѣ, и готовиттся къ судьбѣ, его ожидающей. Служитель его, юродивый, спитъ на порогѣ. Бояринъ, въ краснорѣчивомъ монологѣ, выражаетъ мысли свои о бывшей и грядущей судьбѣ Россіи, о надеждахъ, возбуждаемыхъ великимъ характеромъ Петра, о препятствіяхъ, которыя предъ Нимъ возникнутъ, и наконецъ, о славѣ и величіи любезной Россіи. Слова его прерываются рѣчами и пѣніемъ юродиваго, который мало по малу просыпается, наконецъ, приходитъ въ изступленіе, и предсказываетъ близкую кончину боярина. Съ восходомъ солнца поднимается грохотъ на площади. Стрѣльцы требуютъ головы Матвѣева. Укрѣпленный вѣрою, онъ выходитъ къ нимъ на встрѣчу, и они поднимаютъ его на копьяхъ. Юро-

дивый восклицаетъ: «Умри, бояринъ! умри за Великаго Петра!» Въ этомъ стихотвореніи много сильныхъ и прекрасныхъ мѣстъ. Намъ болѣе всего понравились лирическія строфы, напримѣръ, слѣдующая пѣснь юродиваго:

Je vois un jeune tambour
A la mise singulière,
Dont la caisse nuit et jour
Ebranle une armée entière....
C'est Pierre!
Je vois un grand charpentier
Qui de sa hache ouvrière
Avec un sloop au chantier
Fait une flotte princière....
C'est Pierre!
Je vois un brun matelot,
Ses longs cheveux en arrière,
Qui bombarde sur le flot
Toute une escadre en croisière....
C'est Pierre!
Je vois un beau général!
— Hausse-col, botte, écuyère,
Habit vert et blanc cheval —
Qui chasse une armée altière....
C'est Pierre!
Je vois un sage — œil hautain
Grand-ouvert à la lumière —
Il médite le matin
Et le soir boit de la bière....
C'est Pierre!
Je vois un géant.... terreur!
Tous tombent dans la pousssière;
La couronne d'Empereur
Ceint son front et sa bannière....
C'est Pierre!
Je vois un archange, entrant
Lumineux dans ma chaumière,
Les boyards le nomment grand,
Le peuple le nomme père...
C'est Pierre!

Вообще все сіе стиховореніе дышитъ самою чистою и благородною любовію къ отечеству, къ добрымъ нашимъ Государямъ, надеждою и увѣренностью въ грядущемъ счастіи, величіи и благоденствіи Россіи. — Этою картинною сценою авторъ предполагаетъ начать рядъ драматическихъ поемъ того же размѣра, и напечатать собраніе ихъ подъ заглавіемъ: *Черныя розы.* Въ числѣ ихъ будутъ подражанія Свѣтланѣ Жуковскаго, Цыганамъ Пушкина, и т. п. — Строгіе патріоты станутъ, можетъ быть, упрекать автора тѣмъ, что онъ пишетъ не по-русски. Пишетъ онъ, правда, по-французски, но

смотритъ, видитъ, чувствуетъ, мыслитъ истинно по-руски. Знакомя иностранцевъ съ великими характерами нашей Исторіи, съ образцовыми произведеніями нашихъ писателей, исправляя понятія ихъ о Россіи и о Рускихъ, онъ служитъ своему отечеству самымъ полезнымъ образомъ.

На прошедшей недѣлѣ возобновились представленія на Одеонѣ, такъ называемомъ Второмъ Французскомъ Театрѣ. Въ началѣ актеръ Монрозъ произнесъ рѣчь въ стихахъ, въ которой обѣщаютъ публикѣ все возможное и даже невозможное. Затѣмъ играли Лукрецію, Понсара. Главная роль, которую прежде сего играла Дорваль, отдана была актрисѣ Максимъ, принужденной превосходствомъ таланта Рашели оставить сцену Перваго Французскаго Театра. Дорваль играла Туллію. Любители театра этимъ недовольны: непріятно, говорятъ они, видѣть ту же актрису, въ той же трагедіи, но въ другой роли. Въ заключеніе спектакля дана была недавно отысканная комедія Моліера: Le médecin volant, произведеніе молодыхъ лѣтъ его, таланта вовсе не зрѣлаго. — Потомъ играли на этомъ театрѣ новую комедію, или, лучше сказать драму въ стихахъ: *Училище Принцевъ* (l'Ecole des Princes); она скучна и натянута.

Талантъ Арналя развернулся недавно въ двухъ новыхъ піесахъ: *Госпожа Синяя Борода* (Madame Barbe-Bleue) и *Патино*. Въ первой игралъ онъ Шевалье де Пезена, дерзкаго хвастуна и шута, во второй легковѣрнаго парижскаго мѣщанина. Забавно и мило! О французскихъ водевиляхъ, повторяю, должно судить въ Парижѣ, по представленію ихъ, а отнюдь не за границею, по журналамъ. Тысячи замысловатыхъ словъ, тонкихъ и колкихъ замѣчаній, забавныхъ остротъ исчезаютъ внѣ Парижа Такъ напримѣръ, въ водевилѣ Les petites misères de la vie humaine говорится объ укрѣп-

леніяхъ Парижа, которыя теперь занимаютъ всѣ журналы и публику. Два пріятеля спѣшатъ опередить другъ друга, чтобы не опоздать къ торгамъ на постройку двухъ бастіоновъ и куртины, и оба хвалятъ предпріятіе укрѣпить Парижъ. «Да восклицаетъ одинъ: укрѣпленіе Парижа дѣло великое — для подрядчиковъ.» Общій хохотъ публики подтверждаетъ истину замѣчанія. — Театръ Водевиля содержится теперь извѣстнымъ писателемъ Ансело, бывшимъ въ Россіи, въ 1826 году, съ Маршаломъ Мармономъ. Жена его снабжаетъ репертуаръ хорошенькими піесками (въ которыхъ отличается *неузнанная* у насъ, милая артистка Валерія Мира), а онъ хлопочетъ о хозяйственныхъ дѣлахъ. Нанимая ложу на одно представленіе, я столкнулся съ нимъ въ конторѣ, и мы, вспомнивъ прежнее знакомство, разговорились о томъ, о семъ. «Какъ вамъ нравится нашъ театръ?» спросилъ онъ. — «Очень нравится!» отвѣчалъ я: «только вы играете все одно и одно. Посмотрѣлъ разъ, и довольно.» — «Помилуйте!» возразилъ онъ: «къ чему перемѣнять спектакли: посмотрите, какая длинная афишка! Чудесная афишка! Каждый вечеръ театръ полонъ!» — «Правда!» сказалъ я, вспомнивъ слова Лессинга: Die Kunst geht nach Brot. Содержатели парижскихъ театровъ не могутъ пожаловаться на публику. Залы ихъ по бóльшей части, набиты биткомъ, и сборы бываютъ значительные. Повтореніе одной и той же піесы въ теченіе мѣсяца и двухъ, облегчаетъ труды артистовъ, освобождая ихъ отъ репетицій, и придаетъ представленію необыкновенную точность и круглоту.

На театрѣ Ambigu-Comique появилась новая романтическая піеса: *Парижскіе Цыганы*, въ которой представлены въ лицахъ всѣ ужасы и гнусности Парижскихъ Тайнъ: воровскіе притоны, ночлеги, драки, грабежи,

убійства и тому подобное—какъ говорятъ, очень близко къ природѣ.

На театрѣ Gaîté упала съ грохотомъ *Памела Жиро*, драма Бальзака, который вновь доказалъ, что рѣшительно не имѣетъ драматическаго таланта. Одинъ пріятель его извѣстилъ своихъ товарищей о семъ бѣдственномъ происшествіи слѣдующимъ циркуляромъ: «Милостивые государи и любезные товарищи! Съ сокрушеннымъ сердцемъ извѣщаю васъ о потерѣ, понесенной самымъ плодовитымъ романистомъ нашимъ, въ лицѣ дѣвицы Памелы Жиро, скончавшейся 26-го Сентября, на Театрѣ Веселости, и погребенной въ суфлеровой пещерѣ.»

Третьяго дня происходило открытіе преставленій Италіянскаго Театра Лучіею ди Ламмермуръ. Съ большимъ трудомъ промыслилъ я себѣ мѣсто въ проходѣ между ложами 1-го яруса, и то за десять франковъ! Не смотря на большія цѣны, публика тѣснится въ этомъ театрѣ: во-первыхъ, изъ любви къ музыкѣ; во-вторыхъ, потому что это въ тонѣ большаго свѣта; въ-третьихъ, хочется людей посмотрѣть, себя показать. Зала (Ventadour) изящна и великолѣпна, все убрано малиновымъ бархатомъ съ золотыми украшеніями. Сидѣть удобно и просторно. Публика отборная. Ложи заняты разраженными дамами. Въ королевской ложѣ, подлѣ сцены, съ лѣвой стороны, сидѣли сестра Короля, Принцесса Аделаида, и молодая Принцесса Жуанвильская, прекрасная и миловидная собою. Противъ обыкновенія другихъ театровъ, дамы сидѣли и въ креслахъ (stalles): на билетахъ въ кресла Французскаго Театра именно напечатано, что дамы не могутъ ими пользоваться. Представленіе оперы удовлетворило ожиданіямъ публики. Новые дебютанты, теноръ Сальви и баритонъ (Ронкони, понравились и пѣніемъ и игрою. Ронкони

сначала примѣтно оробѣлъ: онъ чувствовалъ, какъ трудно играть предъ публикою знатоковъ вслѣдъ за Тамбурини, но послѣ первой аріи ему рукоплескали съ восторгомъ, потомъ его вызвали, и онъ продолжалъ свою роль съ бо̀льшею увѣренностью. Сальви, прекрасный собою, имѣетъ голосъ нѣжный, пріятный, выразительный. По мнѣнію критики, онъ гораздо выше Маріо, который игралъ послѣ Рубини. Разумѣется, у этихъ молодыхъ артистовъ не было тѣхъ громовыхъ эфектовъ, которыми Тамбурини и Рубини мгновенно увлекали публику, но время, ученіе, навыкъ поставятъ и ихъ гораздо выше нынѣшняго. Лучію играла Персіани. Она не высока ростомъ, не хороша лицомъ, но поетъ прекрасно. Въ этотъ вечеръ она была нездорова, и оттого иногда ослабѣвала, но вообще исполнила свое дѣло очень хорошо. Какое наслажденіе слышать мастерское исполненіе *знакомой* уже музыки! На каждомъ шагу самые пріятные сюрпризы. Точно, будто ощупалъ въ карманѣ копѣйку, а вынулъ имперіялъ. Оркестръ превосходный, не слишкомъ громкій: онъ *служитъ* пѣнію, а не заглушаетъ его. Публика умная, знающая, но избалованная и очень взыскательная: тѣмъ болѣе славы успѣху. Дебютантовъ вызвали единогласно; при каждомъ удачномъ тонѣ раздавался въ залѣ шопотъ удовольствія. Здѣшніе италіянскіе артисты не имѣютъ нелѣпой италіянской привычки кланяться публикѣ при каждомъ плескѣ рукъ; они принимаютъ аплодиссементъ, какъ пріятную, но должную дань ихъ искусству. — Наслаждаясь отъ всей души этимъ восхитительнымъ спектаклемъ, я радовался въ душѣ, что и у насъ, въ Петербургѣ, готовится любителямъ изящнаго подобное благородное удовольствіе.

XIII.

28-го Сентября (10-го Октяб.) 1843.

По обѣщанію моему, сообщаю дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Училищѣ Изящныхъ Искусствъ. Оно находится въ вѣдѣніи Совѣта, состоящаго изъ пяти членовъ. Курсы ординарные открыты для учениковъ національныхъ и иностранцевъ, до тридцати-лѣтняго возраста, но конкурсъ для полученія большихъ призовъ римскихъ открытъ только для природныхъ Французовъ (или вступившихъ въ подданство) того же возраста. Конкурсъ сей заключаетъ въ себѣ живопись, ваяніе, архитектуру, гравированіе и музыку (*). Училище состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: въ первомъ преподаются живопись и скульптура, во второмъ архитектура. Удостоенные первыхъ призовъ въ ежегодномъ конкурсѣ сихъ отдѣловъ посылаются, на счетъ казны, въ Римъ на пять лѣтъ. Другаго пособія имъ нѣтъ; нѣтъ того щедраго вспоможенія бѣднымъ, талантливымъ юношамъ, какое дается имъ у насъ, варваровъ. Здѣсь неизвѣстно воспитаніе, обученіе и содержаніе на счетъ казны: родители самаго большаго семейства должны содержать и обучать дѣтей своихъ въ младенчествѣ и отрочествѣ ихъ, и только взрослые юноши поступаютъ, при обученіи, на казенное содержаніе, и то въ весьма немногихъ заведеніяхъ. —

(*) Музыка преподается въ Консерваторіи, и только призы назначаются Училищемъ.

Публика недовольна дѣйствіями Совѣта Училища Изящныхъ Искусствъ. Вотъ жалобы, найденныя мною въ одномъ журналѣ, и никѣмъ не опровергнутыя. «У насъ», говоритъ авторъ этой статьи, «существуютъ Академія Художествъ, Школа въ Парижѣ, Школа въ Римѣ; бываютъ выставки; толкуютъ присяжные; на содержаніе всего этого отпускается милліонъ семьсотъ тысячъ франковъ. Правительство, по контракту, заказываетъ работъ на два милліона въ годъ; профессора получаютъ значительныя выгоды, и при всемъ томъ обученіе художествамъ у насъ бѣдное и недостаточное. На триста или четыреста учениковъ, въ училищѣ около ста мѣстъ, въ худо освѣщенныхъ залахъ, гдѣ рисуютъ не на столахъ, а на колѣнкахъ, и лѣпятъ, кое-какъ, часа по два въ день. Преподаютъ тамъ двѣнадцать профессоровъ посмѣнно, и на каждаго ученика приходится наставленія по полуминутѣ въ день. Профессоръ Жираръ преподаетъ перспективу, но точно такъ, какъ въ Политехнической Школѣ, математическую, годную для геометровъ, а не для живописцевъ и скульпторовъ Другой профессоръ, подъ именемъ анатоміи, читаетъ поверхностную номенклатуру — вотъ и все. Въ училищѣ не преподаютъ собственной живописи, т. е. колорита, свѣто-тѣни, полагая, вѣроятно, что это дѣло вдохновенія. Въ классѣ ваянія не занимаются имъ на практикѣ, не обработываютъ мрамора, не упражняются въ литьѣ. Ученики не получаютъ наставленія въ томъ, что̀ есть стиль художника, изобрѣтеніе, мысль, композиція, эстетика, философія и нравственная сторона искусства, исторія, и т. п. Все это преподаютъ академики въ частныхъ урокахъ, *за деньги*. Въ школѣ есть лишь нѣсколько гипсовыхъ моделей и безобразный натурщикъ. Курсъ ар-

хитектуры также не полонъ. Математика и перспектива преподаются хорошими наставниками, но собственной архитектурѣ учатъ плохо. Нѣтъ классовъ теоріи и исторіи архитектуры. Одинъ профессоръ (Же, Jау) преподаетъ строительное искусство по Ронделе, и только. Пособія архитектуры, механика, гидравлика, акустика, и проч., не преподаются, а между тѣмъ съ учениковъ требуютъ познанія сихъ предметовъ! Бѣдные юноши только изводятъ бумагу черченьемъ, но практикою не занимаются. Пейзажисты, граверы, медальеры смѣшаны съ живописцами и скульпторами, и не пользуются ни какимъ особымъ наставленіемъ. Право на полученіе пенсіона въ Римѣ раздается по прихоти, по родству, по интригѣ, начинающимъ школьникамъ, а не артистамъ, пріобрѣтшимъ опытность. Взгляните на работы римскихъ пенсіонеровъ прежнихъ годовъ: во всѣхъ видны возрастающая ежегодно посредственность, дурной вкусъ и варварство.» — «Призы 1843», продолжаетъ журналистъ: «розданы за труды ничтожные и несправедливо: первый призъ живописи отданъ г-ну Дамери, а заслужилъ его Белувиль, удостоенный только втораго. Большой призъ архитектуры отданъ за проектъ зданія Института, безпрерывно повторяющійся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ немногими варіаціями. — Изъ Рима получены работы также небольшаго достоинства. Геберъ написалъ, подъ названіемъ: *Мечтанія*, двухъ одалыкъ, сидящихъ на берегу Боспора: принужденно, чопорно, мелко, вылизано. Мюратъ, подъ названіемъ: *Плачъ Іереміи*, прислалъ большую картину, на которой очень эфектно изображено захожденіе солнца. Работа его свидѣтельствуетъ о трудѣ и знаніи дѣла, но живопись его вообще театральная, декораціонная: нѣтъ ни движенія, ни истины. Смерть Троила (Бриссе) учени-

ческій этюдъ. Скульптурныя работы еще слабѣе. Архитектура ничтожна. Генененъ (Guénepin) прислалъ проектъ морскаго инвалиднаго дома, плоское подражаніе Мансару (строителю Парижскаго Инвалиднаго Дома), смѣсь разныхъ куполовъ, вышекъ, башенокъ, фронтоновъ, арокъ, и проч. И отдѣлка на бумагѣ самая варварская.»

Я привелъ точныя слова критика, смягчивъ еще нѣкоторыя его выраженія; но долженъ сказать, что онъ вообще говоритъ правду. Въ свидѣтельство того, какъ выбираютъ пенсіонеровъ для отправленія въ Римъ, возьму напечатанное въ нынѣшнемъ Journal des Débats исчисленіе артистовъ, удостоенныхъ сего пособія съ 1766 года. Въ спискѣ нахожу Жироде (1789 г.), Герена (1797), Энгра (1801), Пюжоля (1811), но нѣтъ ни Гораса Верпета, ни Павла де Лароша. Вчерашняго числа происходило публичное присужденіе призовъ въ академіи. Я отправился туда, но прежде того зашелъ въ уголовную палату (la cour d'assises), и не могъ оттуда вырваться. Сегодня прочиталъ я въ газетахъ описаніе торжества. Оно было открыто и заключено исполненіемъ симфоній и кантатъ, сочиненныхъ увѣнчанными воспитанниками Консерваторіи. Розданы были призы, и непремѣнный секретарь Академіи, Рауль-Рошетъ, прочиталъ похвальное слово Керубини, усѣянное, какъ пишутъ, любопытными анекдотами и острыми словами: прочитаю, когда оно будетъ напечатано. Еще одно замѣчаніе. Французскіе пенсіонеры въ Римѣ не пользуются, наравнѣ съ пенсіонерами другихъ государствъ, свободою въ избраніи и исполненіи своихъ работъ: они строго подчинены директору, и безъ его позволенія не смѣютъ ничѣмъ заняться. Въ нынѣшнемъ году одинъ пенсіонеръ нарушилъ законъ: выгравировалъ что-то на

сторону, за деньги. За это сдѣланъ ему былъ въ публичномъ засѣданіи строгій выговоръ.

И при всѣхъ этихъ недостаткахъ, стѣсненіяхъ, неудобствахъ и злоупотребленіяхъ, искусства процвѣтаютъ во Франціи болѣе нежели гдѣ нибудь, и Парижъ, по справедливости, можетъ назваться средоточіемъ художественнаго міра во всѣхъ отношеніяхъ. Честь и слава талантамъ и способностямъ націи! Честь и слава публикѣ французской, которая любитъ, поощряетъ, отыскиваетъ, награждаетъ геніяльныхъ артистовъ! И Правительство Французское дѣлаетъ все, что можетъ, для ободренія и возвышенія національныхъ талантовъ: блистательнымъ тому свидѣтельствомъ служитъ Версальскій Музей; въ новыя времена обогащенъ онъ прекраснѣйшими картинами Гораса Вернета, представляющими послѣднія происшествія Французской Военной Исторіи.

О литературѣ не могу еще сказать ничего новаго и любопытнаго. Еще не рѣшено, какой родъ книгъ войдетъ въ моду нынѣшнею зимою. Было время на записки, или мемуары знаменитыхъ и извѣстныхъ людей. Рядъ ихъ открытъ былъ записками госпожи Роланъ, жертвы Робеспіеррова тиранства. Стали отыскивать и печатать записки XVII, XVIII вѣка, революціи, имперіи. Истощивъ запасъ, начали сочинять ихъ подъ разными именами, склеивая повѣрья, анекдоты, острыя слова въ толстыхъ томахъ. Въ числѣ сихъ поддѣльныхъ Записокъ нѣкоторыя были очень занимательны и хорошо составлены: таковы, напримѣръ, *Записки Маркизы де Креки*, въ которыхъ очень искусно, вѣрно и живо изображены нравы, обычаи, предразсудки и характеры XVIII вѣка. *Записки государственнаго человѣка* (Mémoires d'un homme d'état), заключающія въ себѣ періодъ съ начала революціонной войны до 1815 года, имѣютъ большое исто-

рическое достоинство. Вдругъ прошла мода на записки, и вошли въ моду романы: въ эту эпоху прославились Бальзакъ, Сю, Сулье, Жоржъ-Сандъ. Потомъ наступило время повѣстей: повѣсти синія, красныя, бурыя, пестрыя, дѣдушкины, бабушкины, нравственныя, безнравственныя, появлялись еженедѣльно. И онѣ канули въ бездну забвенія. Романы и повѣсти наконецъ до того надоѣли публикѣ, что книгопродавцы не рѣшались ихъ печатать особыми книгами, и сочиненія сего рода нашли пріютъ въ обозрѣніяхъ (revues) и въ фельетонахъ журналовъ. Даже знаменитыя *Парижскія Тайны* явились въ публикѣ такимъ образомъ. Впрочемъ тутъ участвуетъ и разсчетъ. Ни какой книгопродавецъ не заплатитъ за романъ такъ щедро, какъ редакція журнала, причемъ авторъ имѣетъ въ виду напечатать свое твореніе и особо, если оно понравится публикѣ. — Года два господствовали изданія иллюстрированныя, т. е. украшенныя гравюрами на деревѣ. Выходитъ даже цѣлый еженедѣльный журналъ, большаго формата, въ лицахъ: онъ издается въ Лондонѣ, и перепечатывается въ Парижѣ, подъ заглавіемъ l'Illustration. Получено извѣстіе о гибели корабля: на виньеткѣ представленъ корабль, волнуемый бурею. Англійская Королева ѣдетъ во Францію: появляются видъ Дувра, изображеніе фрегата, портреты Королевы, ея супруга, всей фамиліи Короля Французовъ, и т. д. Въ этомъ случаѣ иллюстрированныя изданія достигли крайней точки совершенства, если не въ изяществѣ, то въ быстротѣ и своевременности. Но вмѣстѣ съ симъ начинается и паденіе сихъ изданій: уже печатаютъ въ газетахъ о продажѣ разныхъ книгъ съ изображеніями, по цѣнѣ, сходной противу прежняго. Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что гравировка на деревѣ останется въ своей силѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ

она дѣйствительно полезна и прилична. — Писатели и книгопродавцы радуются извѣстію, что по новому коммерческому трактату между Французскимъ и Сардинскимъ Правительствами, послѣднее обязывается не впускать въ свои владѣнія французскихъ книгъ, перепечатанныхъ въ Бельгіи. По строгости таможень сардинскихъ, это средство будетъ очень дѣйствительно.

Изъ литературныхъ произведеній должно упомянуть о четвертомъ томѣ сочиненія Луи Бланка (Louis Blanc), Histoire des dix ans, 1830 — 1840, которое принадлежитъ къ числу самыхъ подробныхъ и любопытныхъ твореній о происшествіяхъ сихъ лѣтъ. Но все ли справедливо въ этой книгѣ? Разумѣется, гдѣ авторъ говоритъ о событіяхъ, описанныхъ и переданныхъ ему односторонно, онъ впадаетъ въ ошибки и заблужденія, но исторія самой Франціи написана имъ, какъ намъ кажется, добросовѣстно и достовѣрно. Достойны замѣчанія подробности о случаяхъ 1830 года. Хвалители іюльскаго переворота представляли его какимъ-то единодушнымъ внушеніемъ національнаго чувства, какою-то героическою поэмою, борьбою исполинскою. Г. Бланкъ приподнимаетъ, если не всю завѣсу, то бо̀льшую ея часть, и открываетъ намъ, какими случайностями, какими несчастными ошибками, какими ничтожными средствами произведено было это потрясеніе всего общественнаго состава, и какъ мелки вблизи нѣкоторые изъ характеровъ, которые издали казалися чѣмъ-то грознымъ, великимъ и чудесымъ.

Нѣкоторые самоучки-знатоки астрономіи пугаютъ насъ догадками, что вскорѣ предстоятъ въ нашей солнечной системѣ важныя и грозныя перемѣны. На дняхъ въ Парижской Академіи Наукъ прочтено было доказательство, что эта система довольно прочна и постоянна: по

отысканнымъ недавно наблюденіямъ китайскихъ астрономовъ, произведеннымъ за полтораста лѣтъ до Рождества Христова, нашли, что теченіе планеты Меркурія съ тѣхъ поръ, т. е. въ теченіе слишкомъ двухъ тысячъ лѣтъ, ни на волосъ не измѣнилось.

Сегодня нашелъ я въ здѣшнихъ газетахъ исчисленіе несчастій, случившихся на желѣзныхъ дорогахъ въ Англіи, во Франціи и Бельгіи, свидѣтельствующее о томъ, какъ сіи несчастія вообще рѣдки и ничтожны въ сравненіи съ большимъ числомъ путешествующихъ. Главное исчисленіе сдѣлано въ Англіи, гдѣ въ 1840 году было пятьдесятъ желѣзныхъ дорогъ, а въ 1842 болѣе шестидесяти, и гдѣ ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ гораздо шибче, нежели во Франціи и въ Бельгіи. Случаи сіи дѣлятся на три статьи: 1) столкновеніе пароходовъ, съѣздъ съ рельсовъ, поврежденіе дороги, ломка осей, и т. п., 2) неосторожность проѣзжающихъ, когда они входятъ въ экипажи, выходятъ изъ нихъ, перебѣгаютъ чрезъ дорогу, и проч., 3) гибель людей, служащихъ при желѣзныхъ дорогахъ. Изъ этого явствуетъ, что только случаи первой статьи могутъ быть поставлены въ вину управляющимъ дорогами, но исчисленіе касается всѣхъ трехъ.

Въ семнадцать мѣсяцевъ, съ Августа 1840 до конца Декабря 1841, на пятидесяти желѣзныхъ дорогахъ Англіи произошло 204 случая, т. е. 79 въ 1840 и 125 въ 1841 году.

По первой статьѣ, 57 случаевъ: убито 46 челов., ранено 11.

По второй: 52 случая, убито 22 челов., ранено 30.

По третьей: 95 случаевъ, убито 35 челов., ранено 62.

Въ теченіе сихъ семнадцати мѣсяцевъ проѣхало по желѣзнымъ дорогамъ пятнадцать милліоновъ человѣкъ.

Сравнивъ число сіе съ числомъ пострадавшихъ, получимъ утѣшительный результатъ, что по первой статьѣ лишился жизни одинъ человѣкъ изъ 326,086; по второй, одинъ изъ 652,172, т. е., что изъ 652,172 челов. одинъ былъ неостороженъ, и заплатилъ за то жизнію. По обѣимъ статьямъ, погибъ одинъ человѣкъ изъ 217,536; по всѣмъ же тремъ одинъ изъ 130,435; между тѣмъ какъ только число погибшихъ по первой статьѣ можетъ свидѣтельствовать объ опасности ѣзды сего рода. — При сличеніи цифръ, выше приведенныхъ, найдемъ, что въ 1841 году было одною восьмою менѣе несчастій, нежели въ 1840. Въ 1841 году трое погибли оттого, что выскочили изъ вагоновъ за шляпою, 12 выскочили безъ причины; шесть человѣкъ раздавлены, перебѣгая чрезъ дорогу; нѣсколько человѣкъ спали на рельсахъ; другіе попадали съ ваггоновъ, забравшись туда безъ спросу. — Въ 1842 году, на шестдесять одной желѣзной дорогѣ, проѣхали восемнадцать милліоновъ челов.; каждую недѣлю совершено на нихъ по 275,000 километровъ, что составляетъ слишкомъ семь разъ окружность всего Земнаго Шара, и несчастныхъ случаевъ было еще гораздо меньше, т. е. 154 случая, 73 убитыхъ, 71 раненый (по первой статьѣ, 10 случаевъ: убито 5, ранено 14; по второй 47 случаевъ: убито 26, ранено 22; по третьей 77 случаевъ: убито 42, ранено 35 человѣкъ.) Достойно замѣчанія, что изъ пяти погибшихъ первой статьи только одинъ погибъ безъ собственной вины или неосторожности, слѣдственно, одинъ изъ восемнадцати милліоновъ. Вообще по первой статьѣ былъ одинъ убитый на 3,600,000 и одинъ раненый на 1,200,000. По второй, одинъ убитый на 692,076. По всѣмъ тремъ статьямъ, одинъ убитый на 250,000. — Въ Бельгіи находимъ такіе же результаты. Съ 1835 до 1839 г. были

тамъ лишь одинакіе рельсы, и поѣзды разъѣзжались только на станціяхъ. И во все это время лишилось тамъ жизни не болѣе 15-ти, ранено не болѣе 16-ти человѣкъ, и въ этомъ числѣ путешественниковъ убито трое, а ранено двое. Проѣхало 6,609,645 челов.; слѣдственно, лишился жизни одинъ человѣкъ изъ 2,203,215. — Согласитесь, что если бъ эти самые люди проѣхали по обыкновенымъ дорогамъ, на лошадяхъ, то пострадало бы гораздо болѣе. Подумайте, что 6,609,645 путешественниковъ Бельгіи наполнили бы 330,482 дилижанса, по двадцати мѣстъ въ каждомъ, или составили бы ежедневный проѣздъ одного дилижанса въ теченіе девяти сотъ лѣтъ, и тогда рѣшите, которое средство сообщенія безопаснѣе. Во Франціи собраны свѣдѣнія по желѣзнымъ дорогамъ изъ Парижа въ Сенъ-Жерменъ и въ Корбейль. По послѣдней изъ сихъ дорогъ, открытой 10-го Сентября 1840 г., до 30-го Іюня 1843 проѣхало 2,200,000 челов., и не было ни одного несчастнаго случая. По дорогѣ въ Сенъ-Жерменъ (съ открытія ея въ Августѣ 1847) проѣхало болѣе шести милліоновъ человѣкъ, и лишился жизни одинъ въ 1842. Ранено и ушибено по одному человѣку изо ста тысячъ. Изъ подробнаго изслѣдованія дѣйствій желѣзныхъ дорогъ Франціи въ первой половинѣ 1843 г. явствуетъ, что на шести дорогахъ, идущихъ изъ Парижа, и составляющихъ болѣе 340 километровъ (363 версты), съ 1-го Января по 30-е Іюня проѣхало 18,440 поѣздовъ, съ 1,889,718 путешественниками, всего сдѣлано 510,215 километровъ (544,520 верстъ), и не было ни одного путешественника убитаго или раненаго. Погибло только трое служителей желѣзныхъ дорогъ. Изъ сравненія бѣдствій на желѣзныхъ дорогахъ съ несчастными случаями на обыкновенныхъ путяхъ, въ экипажахъ, заложенныхъ лошадьми, явствуетъ, что

послѣдніе въ семдесятъ два раза опаснѣе, то есть, что вмѣсто 46 челов., погибшихъ на желѣзныхъ дорогахъ Англіи, погибло бы на обыкновенныхъ дорогахъ 3,912.

Вамъ надоѣли эти цифры; вы требуете чего нибудь поинтереснѣе, позабавнѣе? Хотя я не знаю въ свѣтѣ ничего интереснѣе и забавнѣе жизни человѣческой, но готовъ васъ послушаться, и скажу нѣсколько словъ о здѣшнихъ забавахъ. Лѣтнія увеселенія прекращаются. Еще не холодно; бываютъ дни теплые, иногда почти жаркіе, но дождь перепадаетъ довольно часто; листья на деревьяхъ желтѣютъ или еще зеленые падаютъ съ сучьевъ. Гульбища пустѣютъ. Олимпійскій Циркъ, въ которомъ представляются удивительныя игрища на лошадяхъ, переносится изъ Елисейскихъ Полей въ Тартаръ, т. е. въ средину Парижа. Театры начинаютъ зимній свой періодъ, но борьба лѣта съ осенью еще не кончилась. Большой и блистательный свѣтъ Парижа еще на дачахъ. Въ подражаніе Англичанамъ, знатные и богатые люди теперь занимаются охотою. Говорятъ, чрезъ мѣсяцъ увидимъ зимній Парижъ во всемъ его блескѣ.

На Италіянскомъ Театрѣ, дебюты Ронкони и Сальви продолжаются съ прежнимъ блескомъ и успѣхомъ. Мнѣ пріятно видѣть, что я не ошибся въ ихъ талантѣ и искусствѣ. Всѣ журналы единогласно отдаютъ имъ справедливость, и цѣлыми фельетонами доказываютъ то, что я сказалъ вамъ въ десяти строчкахъ. Любопытно видѣть, съ какимъ усиліемъ и ухищреніемъ каждый фельетонистъ старается найти новый оборотъ старымъ дѣламъ и словамъ, выдумать новый соусъ къ ежедневному блюду! — Сегодня знаменитая Гризи выступаетъ на сцену въ роли Нормы. На дняхъ будетъ дебютировать басъ Форназари, которымъ надѣются замѣнить Лаблаша, но врядъ ли это удастся. Рѣдко, почти невозмож-

но найти такое счастливое сочетаніе пѣнія и игры, какое случилость въ Лаблашѣ; но онъ устарѣлъ, былъ боленъ въ Италіи, и ѣдетъ сюда разстроенный, страждущій.

На Французскомъ Театрѣ, въ прошедшую субботу, Рашель играла роль Маріи Стюартъ, въ трагедіи того же имени, передѣланной изъ Шиллера Лебрёномъ. Она была восхитительно прелестна и ужасна въ сценѣ свиданія съ Елисаветою. Вотъ истинное ея назначеніе! Оскорбленная гордость, чувство собственнаго достоинства, превосходство надъ соперницею, забвеніе всѣхъ опасностей и самой смерти въ минуту торжества надъ коварною мучительницею — все это выражено было ею превосходно, отчетливо, увлекательно. Но въ сценѣ прощанія предъ отходомъ на казнь, она была слабѣе. Умиленіе, тихая грусть, любовь къ друзьямъ, покидаемымъ навѣки, могли бъ выразиться удачнѣе. И при всемъ томъ она была прекрасна и величественна. А прочіе артисты? Эта откормленная здоровенная Меленгъ, въ роли Елисаветы, какая-то сердитая лавочница (épicière) изъ улицы Сенъ-Дени; этотъ Лестеръ! — — Я воображалъ себѣ Каратыгина. Съ какимъ восторгомъ приняли бы его здѣшніе знатоки истиннаго искусства!

На дняхъ дебютировала на Французскомъ, Театрѣ въ роли Эрифилы (въ Расиновой Ифигеніи) молодая Италіянка Аральди, бывшая, подъ именемъ Беттони, танцовщицею на Миланскомъ Театрѣ. Я не видалъ ея, но, по единогласному сужденію критики, она много обѣщаетъ. Привычка къ сценѣ, ловкая походка, граціозныя движенія, искусная мимика не удивительны въ балетной артисткѣ, но сила чувства, звонкость и выразительность голоса, чистота произношенія изумили и восхитили публику. Жаль, что не видалъ ея, и

не жаль. Тотъ вечеръ провелъ я въ Пале-Рояльскомъ Театрѣ (одномъ изъ малыхъ водевильныхъ театровъ), съ большимъ удовольствіемъ, въ которомъ забылъ весь тяжелый трудъ цѣлаго утра, вращавшійся въ огромныхъ залахъ древняго зáмка общей грамматики. Когда мысль утомится этими строгими работами, и голова заупрямится тянуть канитель *золотой* науки, необходимо должно освѣжиться перемѣною впечатлѣній, и для тэого, въ осеннее время, комическій татеръ лучшее средство! Я видѣлъ, въ этотъ вечеръ, единственную въ своемъ родѣ актрису Дежазе, которая, имѣя отъ роду болѣе пятидесяти лѣтъ, увлекаетъ зрителей въ молодыхъ комическихъ роляхъ; видѣлъ уморительнаго шута Тузе (Tousez), умнаго и забавнаго Равеля, который, не говоря ни слова, однимъ взглядомъ заставляетъ хохотать всю залу; слышалъ комическій разсказъ съ пѣніемъ, оригинальнаго Левассора. Онъ представлялъ продавца картинокъ, и царапая смычкомъ на ненастроенный скрипкѣ, разсказывалъ взятіе Китая Англичанами, пріѣздъ Англійской Королевы во Францію, и т. п. Остротъ, каламбуровъ бездна. И притомъ игра его, это неподражаемое простодушіе, этотъ тонъ парижскихъ уличныхъ пѣвцовъ! Нѣтъ —

Водевиль есть вещь, а прочее все гниль!

Подлѣ меня сидѣлъ какой-то строгій критикъ — не Французъ, а какъ казалось, изъ націи, которая, послѣ Французовъ, лучше всѣхъ говоритъ по-французски. «Какъ нравится вамъ Тузе въ роли дурака?» спросилъ его сосѣдъ.—«Не очень!» отвѣчалъ аристархъ: «мнѣ кажется, онъ слишкомъ глупъ!»

Къ отдѣлу комическихъ представленій принадлежитъ процесъ, рѣшенный на сихъ дняхъ въ здѣшнемъ Коммер-

ческомъ Судѣ. Нѣкто, Monsieur Fournier de St. Amand, подалъ въ судъ просьбу о взысканіи съ содержателя Большой Оперы, Г. Леона Пилле, пяти франковъ, слѣдующихъ ему, Г. Фурніе за взятый имъ билетъ, и еще двадцать франковъ за *протори* и убытки (dommages et interêts), по тому поводу, что въ представленіи оперы Робертъ, 20-го Августа, вмѣсто возвѣщеннаго на афишахъ актера Дюпре, главную роль игралъ актеръ Маріе. Г. Фурніе шелъ-де слушать именно Дюпре, заплатилъ за партерный билетъ пять франковъ, и былъ обманутъ въ своемъ ожиданіи. — Судъ, принявъ въ уваженіе объясненія Г. Пилле, что о замѣщеніи Дюпре другимъ артистомъ объявлено было наклеенными на афишкахъ полосками, и что таковая афиша именно висѣла надъ конторою, въ которой взятъ былъ билетъ господиномъ Фурніе, отринулъ его требованіе, и присудилъ самого къ уплатѣ судебныхъ издержекъ.

XIV.

8/20-го Октября 1843.

Въ теченіе нынѣшняго лѣта публика Парижа и Франціи занималась спорами и преніями о существованіи и вліяніи іезуитовъ во Франціи. Орденъ сей никогда не былъ здѣсь возстановленъ законно, и только подъ чужими именами нѣкоторые его члены успѣли втереться во время реставраціи (въ 1815 до 1830 года въ Парижѣ, нашли покровителей, стали заводить училища, и старались, по-прежнему, прибрать въ свои

руки и духовную и свѣтскую власть. Эти происки и ухищренія не ограничились Франціею. Они успѣли усилиться въ Италіи, преимущественно въ Піемонтѣ. Въ Швейцаріи они утвердились въ католическихъ кантонахъ, и стараются подчинить себѣ и протестантскіе. По ихъ внушеніямъ, нѣкоторые монастыри Ааргаускаго Кантона, въ началѣ 1841 года, подняли знамя бунта противъ своего правительства. Это происшествіе подало поводъ въ Швейцаріи къ безпокойствамъ и раздорамъ, которые не прекращались и донынѣ. Въ Нидерландахъ, іезуиты предуготовили бѣдственное отторженіе Бельгіи, возмущая католическихъ подданныхъ противъ протестантскаго ихъ государя. Оттуда это сопротивленіе правительству проникло въ прусскія прирейнскія владѣнія, и проявилось въ непокорности Архіепископа Кёльнскаго. Въ самой Великобританіи умѣли они составить себѣ партію, и, какъ видно изъ послѣднихъ рѣчей О'Коннеля, поддерживаютъ сторону радикаловъ (*). Напрасно выхваляли ихъ за приверженность къ монархическому правленію: это была только маска. Они готовы вступить въ союзъ со всѣми возможными мятежниками, революціонерами, сентябрщиками, только бы утвердить власть папскую, и распространить свое вліяніе. Напрасно славили ихъ ученость и заслуги въ воспитаніи юношества. Іезуитскій Орденъ, обильный умными, хитрыми членами, не имѣлъ въ числѣ ихъ ни одного геніальнаго классическаго писателя, а учениками

(*) Въ одной рѣчи своей, на сихъ дняхъ, О'Коннель сказалъ: «Утверждаютъ, что я воспитанникъ іезуитовъ. Это не правда, но четверо сыновей моихъ воспитаны ими, и если бъ у меня было двадцать четыре сына, я отдалъ бы ихъ всѣхъ на воспитаніе почтеннымъ отцамъ іезуитамъ.»

его были Вольтеръ, Дидротъ, многіе энциклопедисты, даже изверги Французской Революціи. Во Франціи нѣсколько лѣтъ о іезуитахъ не было слышно, но года за четыре предъ симъ начали они опять появляться подъ разными именами, начали вмѣшиваться въ дѣла общественныя и семейныя, и особенно старались присвоить себѣ вновь воспитаніе юношества. Народное просвѣщеніе во Франціи состоитъ въ вѣдѣніи Университета: симъ именемъ называется все сословіе учащихъ, или Министерство Народнаго Просвѣщенія, управляемое особымъ Совѣтомъ, подъ вѣдѣніемъ министра. Нельзя не отдать справедливости министрамъ, управлявшимъ сею частію во Франціи: они сдѣлали что могли, для усовершенія ученія и образованія, особенно низшихъ сословій народа, и не только не отвергали пособія духовенства (именно Ордена Братій Христіанскаго Ученія), но и всячески имъ вспомоществовали: въ этомъ отношеніи особенно дѣйствовалъ безпристрастно и благоразумно бывшій Министръ Просвѣщенія, протестантъ Гизо. Ничто не помогло противъ происковъ и ухищреній неусыпныхъ іезуитовъ: они втерлись въ милость къ нѣкоторымъ прелатамъ, и при ихъ помощи и пособіи воздвигли гоненіе на Университетъ Франціи, объявляя членовъ и руководителей его безбожниками и нечестивцами. Давнишнія и всегдашнія уловки! Если хотятъ оклеветать чиновника, распускаютъ слухъ, что онъ *беретъ*: поди, оправдывайся! Человѣка откровеннаго, громогласнаго въ дѣлахъ и словахъ, провозглашаютъ *шпіономъ*: безъ этого-де не смѣлъ бы онъ говорить такъ громко! Людей ученыхъ, возвышающихся надъ толпою, недосягаемыхъ тѣснымъ умамъ современниковъ, ненавидимыхъ послѣдователями заученной старины, оглашаютъ *безбожниками*. Величайшіе мыслители, при жизни своей, подвергались

этому враждебному нареканію, и рѣдко сами пожинали плоды великихъ трудовъ своихъ. Рене Декартъ, родоначальникъ новой Философіи, принужденъ былъ удалиться изъ отечества своего; чрезъ шестнадцать лѣтъ послѣ его кончины, тѣло его привезено было во Францію, и съ честію погребено въ Церкви Св. Генофевы. Христіанъ Вольфъ, по доносамъ піетистовъ, выключенъ былъ изъ службы, и, подъ опасеніемъ висѣлицы, высланъ за границу. Прошло нѣсколько лѣтъ, и философская система его принята была во всѣхъ училищахъ, свѣтскихъ и духовныхъ. У насъ преподавалась она долгое время по учебнику Бавмейстера (sic), переведенному знаменитымъ писателемъ Я. В. Толмачевымъ. Явился Кантъ, провозгласилъ новое свое ученіе, и внуки тѣхъ самыхъ зилотовъ, которые плели веревку на Вольфа, вступились за покойника, напали на живаго, и пытались обличить его въ *безбожіи*. Успокоились умы. Книги Канта вошли въ общее употребленіе. Возникъ Фихте, и въ то же время раздался голосъ: *безбожникъ*! Такъ ведется донынѣ: нынѣшній *безбожникъ*, Гегель, ждетъ смѣны другимъ безбожникомъ, чтобъ стать въ ряду честныхъ людей (*). Въ общей Исторіи Философіи, то есть въ исторіи заблужденій человѣческихъ, пружиною этихъ толковъ, обвиненій и доносовъ бываетъ привычка къ старинѣ, самолюбіе, стыдъ признаться, что мы дотолѣ ошибались и врали вздоръ. Въ нынѣшнихъ же обвиненіяхъ іезуитскихъ присоединяется къ тому низкое корыстолю-

---

(*) Впрочемъ, это правило не безъ исключенія. Нѣкоторые послѣдователи Гегеля дѣйствительно превзошли всякую мѣру, и заслужили справедливое негодованіе честныхъ людей и обвиненіе со стороны правительства. Эти философы никогда не войдутъ въ кругъ добросовѣстныхъ искателей истины.

біе, желаніе согнать враговъ съ занимаемыхъ ими мѣстъ, и сѣсть на сіи мѣста съ своею братіею. — Разумѣется, что члены ученаго сословія стали защищаться на дѣлѣ. Два извѣстные профессора Французскаго Коллегіума, Мишеле (Michelet) и Кине (Quinet), съ каѳедръ своихъ возстали противъ системы жизни и ученія іезуитовъ, и свободно выразили свое о нихъ мнѣніе, подкрѣпленное свидѣтельствами исторіи и собственыхъ ихъ теорій. Іезуиты воспылали злобою. Послѣдователи ихъ наполнили залы коллегіума, и шиканьемъ, свистомъ, стукомъ старались заглушить голоса ораторовъ. Тщетно! Публика ихъ поддержала: они высказали все, что у нихъ было на сердцѣ, и напечатали свои лекціи особою книжкою, подъ заглавіемъ: Des Jésuites. Я предпочитаю лекціи Кине: въ нихъ менѣе обаянія (prestige) и фантасмагоріи, но болѣе фактовъ, болѣе разсужденій. Онъ вполнѣ представилъ лицемѣріе іезуитовъ, выставилъ ихъ фарисейство, ихъ жадность къ земнымъ благамъ, превратность ихъ толковъ о религіи, объ обязанностяхъ человѣка и христіанина. Повѣрятъ ли, что, стараясь о распространеніи своего ученія въ Восточной Индіи, и желая поддѣлаться подъ понятія закоснѣлыхъ язычниковъ, они отринули Христа распятаго! Они, подобно язычникамъ Браминамъ, не принимали простаго народа (паріевъ) въ общеніе Церкви. Кине доказываетъ это не книгами свѣтскихъ писателей, а папскими буллами, которыми старались образумить іезуитовъ и обратить ихъ къ ученію Церкви Христіанской. Іезуиты утверждаютъ, что ими держатся государства. Г. Кине говоритъ на это: «Назовите мнѣ, съ XVI вѣка, одинъ народъ, въ которомъ вмѣшательство, даже непрямое, духовной власти въ свѣтскую, т. е. владычество папства (ультрамонтанисмъ) не было бы причиною разстройства! Съ

котораго времени Франція сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ быть могла? Со времени Лудовика XIV и деклараціи 1682 г. (о правахъ Галликанской Церкви), съ той поры началась независимость государства. Напротивъ, что вы сдѣлали съ народами, которые остались болѣе другихъ вѣрными вашему ученію? Что вы сдѣлали съ Италіею? Провозглашая единство, вы ее раздробили на части. Что вы сдѣлали съ Испаніею, съ Португаліею, съ Южною Америкою? Тамошніе народы слѣдовали внушеніямъ ѳеократіи, и чѣмъ они награждены? Всѣми признаками смерти. Что вы сдѣлали съ Польшею? — Съ другой стороны, могущественные нынѣ народы, имѣющіе всѣ права на благоденствіе, предпринимающіе дѣла великія, Англія, Россія, Пруссія, Соединенные Штаты — написты ли это, что ли? По *вашимъ* словамъ, они едва ли христіане. Отчего же происходитъ это странное превращеніе? Почему покорность духовной власти всюду влечетъ за собою паденіе и разстройство? Почему народы, увлеченные въ семъ направленіи, погрузились въ непробудимое усыпленіе? Свойство духа есть оживлять, а не усыплять. Точно такъ. И не долженъ ли духъ повелѣвать тѣломъ? Безъ сомнѣнія. Ученіе Церкви само по себѣ, по философіи и по теоріи, справедливо. Признаю его дѣйствительно истиннымъ. Отчего же Провидѣніе не благопріятствуетъ ему такъ видимо? Чего ему недостаетъ? Недостаетъ одного условія. Что произошло бы, если бъ всѣ отношенія въ свѣтѣ были ниспровергнуты, если бъ духъ перестал мыслить, и предоставилъ мысль тѣлу; если бъ сохранили слова, и утратили сущность; если бъ духовная власть лишилась духа; если бъ, по непостижимой превратности, въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ, было болѣе вѣры въ свѣтскихъ, нежели въ духовныхъ, болѣе жара и усердія въ спорахъ философскихъ, неже-

ли въ преніяхъ богословскихъ, словомъ, болѣе души въ свѣтскомъ быту, нежели въ духовномъ? Изъ этого произошло бы, что одни сохранили бы духъ, а другіе пріобрѣли бы букву, а для руководства міромъ недостаточно лепетать устами: Господи! Господи! Слова сіи тогда только дѣйствительны, когда въ нихъ заключается существенность, вдохновеніе и жизнь!»

Книжка сія произвела въ публикѣ сильное впечатлѣніе. Архіепископъ Парижскій вмѣшался въ это дѣло; издалъ мнѣніе свое о предметѣ настоящаго спора, и коснулся лекцій профессоровъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они, нападая на іезуитовъ, оскорбили все духовенство Франціи. Кине отвѣчалъ учтиво и почтительно, но смѣло и твердо. Теперь, пока, дѣло сіе замолкло. Съ возобновленіемъ курсовъ въ коллегіумахъ, въ Ноябрѣ, можетъ быть, возникнутъ и новые споры. Между тѣмъ, напрасно іезуиты и товарищи ихъ произносятъ проклятіе надъ нынѣшнимъ поколѣніемъ во Франціи: при большомъ развратѣ, при усиленіи своекорыстія и матеріялисма, проявляются здѣсь и признаки внутренняго, духовнаго возрожденія, именно въ молодыхъ людяхъ: посѣщеніе храмовъ, искренняя молитва, слушаніе Слова Божія, исполненіе на дѣлѣ заповѣдей Спасителя, благотвореніе бѣднымъ и страждущимъ совершаются ими съ благоговѣніемъ и ревностью. Въ примѣръ исполненія христіанскихъ обязанностей милосердія, приведу учрежденіе Благотворительнаго Общества Святаго Викентія (St. Vincent de Paul) (*).

(*) Викентій де Поль (род. 1576, ум. въ 1660 г.) учредилъ монашескій орденъ (конгрегацію) Лазаристовъ, которому поставилъ въ обязанность проповѣдь Евангелія бѣднымъ, водвореніе мира между людьми, попеченіе о больныхъ, распространеніе нравственности въ простомъ народѣ, и образо-

Общество сіе долгое время существовало безъ всякой организаціи, безъ всякаго устава; наконецъ, по увеличеніи числа его членовъ и по расширеніи круга его дѣйствій, оно (въ Декабрѣ 1835 г.) составило уставъ, которымъ опредѣлило кругъ и объемъ своихъ дѣйствій и средства къ достиженію предположенной имъ цѣли. Цѣль сія есть двоякая: усовершенствованіе самого себя и благотвореніе ближнимъ. Сообщу главныя основанія его предначертаній, дѣйствій и помышленій. Первое правило *самоотверженіе.* Охотно склоняться на мнѣніе другихъ, не роптать, когда наше мнѣніе не принято, не уважено; любить ближнихъ своихъ отъ всего сердца и безпредѣльно; избѣгать всякой непріятности, всякаго спора съ бѣдными; не обижаться, когда они не слушаютъ нашихъ совѣтовъ; не навязывать имъ нашихъ мнѣній насильно и повелительно. Удовольствуемся тѣмъ, что предложимъ благое, и пламенно будемъ убѣждать къ принятію его: Богъ даруетъ силу нашимъ словамъ, если то въ Его волѣ. Второе: *снисхожденіе.* Изъ числа бѣдныхъ одни имѣютъ счастіе быть христіанами, другіе равнодушны къ религіи; есть и безбожники. Мы не смѣемъ отвергать и послѣднихъ, но въ рѣчахъ нашихъ должны сообразоваться съ нравственнымъ состояніемъ каждаго, помня глаголъ Спасителя о кротости голубиной и хитрости змѣиной. Благотвореніе отверзаетъ душу къ довѣренности, и такъ станемъ милостынею вещественною готовить пути дарамъ духовнымъ. Третіе: *любовь къ ближнему и попеченіе о спасеніи души его.* Кто не пи-

---

ваніе сельскихъ священниковъ. Благія его дѣла имѣли великое вліяніе, и не прерывались послѣ его смерти. Въ послѣдствіе времени, Римская Церковь причла его къ лику Святыхъ.

таетъ въ душѣ сихъ двухъ чувствованій, сливающихся у христіанина воедино, тотъ не долженъ быть членомъ Общества Милосердія. Не будемъ никогда сѣтовать на труды, заботы, досады, возлагаемыя на насъ симъ Обществомъ. Посвятивъ себя пользамъ ближняго, мы добровольно и безропотно подверглись всѣмъ симъ обязанностямъ. Не станемъ жалѣть пожертвованій денежныхъ, радуясь, что можемъ, въ лицѣ бѣдныхъ, принести нѣчто въ даръ Спасителю нашему, что можемъ облегчить страданія нищихъ братій нашихъ. Пожертвованія сіи будемъ приносить съ совершеннымъ самозабвеніемъ, не приписывая себѣ превосходства надъ братіями своими, которые не въ состояніи сотворить милостыни столь значительной. Четвертое: *кротость и смиреніе сердца.* Памятуя ученіе Спасителя нашего, будемъ между собою кротки, смиренны, вѣжливы, предупредительны, будемъ таковы и съ бѣдными, которыхъ посѣщаемъ. Одна кротость владычествуетъ надъ душами: *блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю.* Особенно нуженъ духъ кротости и смиренія въ тѣхъ случаяхъ, когда мы даемъ совѣты, увѣщеваемъ убѣгать зла, и творить добро. Усердіе къ спасенію душъ безъ кротости, есть корабль безъ вѣтрилъ. Пятое: *духъ братолюбія.* Сей духъ довершитъ благія дѣла Общества, и возвыситъ оное въ очахъ міра. Слѣдуя ученію Божественнаго Учителя нашего и Апостоловъ Его, возлюбимъ другъ друга. Будемъ любить друга друга нынѣ и всегда, вблизи и издали. Дружба сія дастъ намъ силы сносить взаимные наши недостатки и слабости. Будемъ вѣрить въ недостатки братьевъ нашихъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ и только по дѣйствительномъ убѣжденіи. Слѣдуя правиламъ Того, Кто завѣщалъ каждому изъ насъ попеченіе о нашемъ ближнемъ въ духѣ братской любви и ис-

кренней дружбы, предостережемъ брата нашего падшаго или готоваго пасть; поможемъ ему укрѣпиться въ добрѣ или возстать отъ паденія. — Заболѣетъ ли одинъ изъ братій нашихъ, друзья должны посѣщать его, ходить за нимъ, облегчать скуку одиночества въ выздоровленіи; въ случаѣ болѣзни опасной, побуждать его къ исполненію долга христіанскаго. Словомъ, печали и радости каждаго изъ насъ будутъ общи всѣмъ, по глаголу Апостола: плачьте съ плачущими, радуйтесь съ радующимися. Да будетъ единеніе братіи Общества Милосердія Св. Викентія поставляемо въ примѣръ дружбы христіанской, дружбы, сильнѣйшей самой смерти, ибо мы часто будемъ предъ Богомъ воспоминать о братіяхъ, которыхъ лишились. Чувство сіе, составивъ изъ всѣхъ сердецъ нашихъ одно сердце, изъ всѣхъ душъ одну душу, возвыситъ въ глазахъ нашихъ любезное наше братское общество. Станемъ благословлять его за добро, которое мы совершили по его внушенію, какъ бы добро сіе ничтожно ни было. Станемъ нѣжно любить наше братство, любить его болѣе всякаго другаго подобнаго сословія, не по причинѣ его превосходства, не по внушенію гордости, но какъ благонравныя дѣти любятъ мать свою, бѣдную и безобразную, болѣе нежели всѣхъ другихъ женъ, сколько бы онѣ ни отличались своимъ богатствомъ и наружною красотою.

Вотъ еще нѣкоторыя замѣчанія и правила Благотворительнаго Общества Святаго Викентія. Порокъ, наиболѣе противуположный христіанской любви и смиренію, есть зависть. Станемъ убѣгать ея не только въ отношеніи другъ къ другу, но и въ отношеніи къ инымъ обществамъ, имѣющимъ цѣлію, подобно нашему, благотвореніе ближнимъ. Станемъ желать имъ успѣха, станемъ радоваться добру, ими содѣянному. Съ

удовольствіемъ примемъ въ нѣдра свои новыхъ братій, и присоединимъ къ себѣ общества, уже существующія, ибо тогда будемъ въ состояніи дѣлать болѣе добра; но безъ зависти будемъ видѣть, что христіанскіе друзья поступаютъ въ другія сословія, и что другія общества благотворятъ ближнему инымъ образомъ, независимо отъ насъ. У насъ одно желаніе, чтобъ всѣ люди благотворили ближнимъ своимъ, помогали страждущимъ. Скажемъ еще: хотя мы любимъ наше общество болѣе нежели другія, но не станемъ возвышать и превозноситъ его надъ прочими. — Въ томъ же духѣ, безропотно и охотно будемъ видѣть, когда общество поручаетъ исполненіе своихъ дѣлъ другимъ членамъ своимъ, а не намъ. Будемъ всегда помнить, что мы люди свѣтскіе, молодые, и не имѣемъ права учить другихъ. Въ семъ отношеніи станемъ уважать совѣты общества и его старшинъ; особенно будемъ въ точности исполнять наставленія духовныхъ старшинъ нашихъ. Младшіе изъ насъ должны уважать старшихъ; новопринятые члены должны слушаться опытныхъ. — Мы раздаемъ дары Божіи, дары общаго Отца всѣхъ человѣковъ, озаряющаго всѣхъ солнцемъ своимъ. Любовь наша къ ближнему не будетъ смотрѣть на лица: всякій бѣдный имѣетъ право на состраданіе и вспоможеніе наше. Не станемъ разбирать, къ которой партіи, къ какой сектѣ онъ принадлежитъ. Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ для спасенія всѣхъ людей, и Грековъ, и Іудеевъ, и Варваровъ, и Римлянъ. Подобно Ему, не станемъ разбирать, кто есть тотъ, который страждетъ и терпитъ бѣдствіе. Но, по словамъ Св. Апостола Павла, предписывающаго сначала помогать своимъ единовѣрцамъ, и мы будемъ обращать преимущественное вниманіе на несчастныхъ, имѣющихъ сча-

стіе быть христіанами и достойныхъ сего титла своими добродѣтелями. — Духъ милосердія и благоразумія повелѣваетъ намъ изгнать навсегда изъ общества нашего пренія политическія. Желающіе сохранить единство въ исполненіи обязанностей христіанскаго милосердія, должны удаляться отъ движеній политическихъ, раздирающихъ общество людей, возмущающихъ спокойствіе общественное, должны убѣгать раздражительныхъ вопросовъ, дѣлящихъ міръ на враждебныя части. Наше общество посвящено исключительно милосердію: политика чужда ему совершенно. — Попеченіе о спасеніи душъ, о возбужденіи въ людяхъ чувствованій религіозныхъ должно быть кротко и терпѣливо. Не всякая ревность ведетъ ко благу, не всякая угодна Богу. Сердца людей не всегда расположены къ пріятію ими новыхъ, христіанскихъ уроковъ. Умѣйте ожидать часа Божія, умѣйте обуздывать свое нетерпѣніе. Иногда должно ждать цѣлыя недѣли, прежде нежели можно будетъ съ успѣхомъ промолвить слово нравоученія и назиданія. Не должно, особенно, принуждать людей къ принятію нашихъ наставленій. Съ другой стороны, не должно отчаиваться при первомъ неуспѣхѣ нашего труда. Можетъ быть, Богу не угодно, чтобъ мы были свидѣтелями добра, произведеннаго нашими стараніями и пожертвованіями. Милосердіе наше имѣло бы менѣе заслуги и возбудило бы въ насъ пагубное тщеславіе, если бъ оно всегда было увѣнчеваемо успѣхомъ. — Въ сношеніяхъ нашихъ съ бѣдными должны мы быть благоразумны и осторожны. Къ несчастію, бѣдные, особенно въ большихъ городахъ, искусно умѣютъ скрывать собственныя свои средства къ пропитанію, и такимъ образомъ похищаютъ милостыню, принадлежащую другимъ. Не вооружаясь обидною для нихъ недовѣрчивостью, будемъ

наблюдать осторожность, не станемъ слѣпо вѣрить первымъ ихъ показаніямъ. — Притомъ должны мы быть предусмотрительны въ пользу бѣдныхъ, если хотимъ истинно помогать имъ: мы должны внушать имъ, что наше вспоможеніе есть только временное; мы должны поощрять ихъ къ трудолюбію, для снисканія себѣ пропитанія; указывать имъ случаи къ работѣ, подавать къ тому средства. — Не станемъ стыдиться, подавая милостыню ничтожную: малое для богача велико для неимущаго. Непрочность и недостаточность доходовъ нашихъ не позволяютъ намъ раздавать многаго. Искреннее участіе, усердное вниманіе къ бѣднымъ могутъ придать милостынѣ нашей большую цѣну.» — Правила сіи оканчиваются слѣдующимъ воззваніемъ: «Мужайтесь, братія! Соединенные или раздѣленные, вблизи и издали, возлюбимъ другъ друга, возлюбимъ бѣдныхъ сердцемъ и дѣломъ! Возлюбимъ скромное общество наше, въ которомъ мы сдружились между собою, въ которомъ нашли путь къ добрымъ дѣламъ и жизни христіанской. Возлюбимъ наши занятія, наши законы. Исполняя ихъ въ точности, упрочимъ благое наше дѣло. «Въ свѣтѣ много дѣлается зла,» сказалъ одинъ почтенный священникъ въ другомъ благотворительномъ обществѣ: «сдѣлаемъ же много добра!» Ахъ, какъ возрадуемся мы со временемъ, что провели не безъ пользы дни нашей юности! Юность есть поле, требующее жатвы. Остановимся на немъ, оглянемся во всѣ стороны. Подберемъ рачительно колосья, падшіе къ ногамъ нашимъ.... Сдѣлаемъ столько добра, сколько можемъ. Это добро будетъ заслугою нашею предъ Господомъ.»

Я хотѣлъ выписать лишь нѣсколько строкъ устава, и увлекшись предметомъ, исписалъ три страницы. Общество Христіанскаго Милосердія составилось изъ не-

большаго числа молодыхъ людей хорошихъ и достаточныхъ фамилій: теперь въ одномъ Парижѣ оно считаетъ до тысячи шестисотъ членовъ. Во многихъ провинціяльныхъ городахъ есть его отдѣленія (conférences). Учредители общества пришли съ того времени въ зрѣлый возрастъ, но не охладѣли въ благородномъ рвеніи своемъ. Они принимаютъ нынѣ и пожилыхъ людей, но дѣлаютъ это въ знакъ особаго къ нимъ уваженія, въ видѣ исключенія изъ правила. Въ числѣ членовъ находятся люди всѣхъ сословій и партій. Всякое различіе мнѣній и понятій исчезаетъ на порогѣ ихъ храмины. Нѣкоторые члены, не имѣвшіе силы духа и твердости характера для исполненія возложенныхъ ими на себя обязанностей, вышли изъ общества, и оно вовсе тому не противилось. Всѣ члены общества исполняютъ свои обязанности съ примѣрнымъ усердіемъ и самоотверженіемъ: отыскиваютъ бѣдныхъ, больныхъ, страждущихъ, взбираются на чердаки, сходятъ въ подземныя жилища бѣдности (въ каменоломняхъ), помогаютъ деньгами, пищею, одеждою, доставляютъ врачебныя пособія больнымъ, сами ходятъ за ними, погребаютъ умершихъ и призираютъ вдовъ и сиротъ. Надѣюсь получить отчетъ общества, и сообщу изъ него извлеченіе. Благотворя бѣднымъ, члены общества оказываютъ большую услугу всему городу Парижу и самой Франціи. Умноженіе числа бездомныхъ и бродягъ (les prolétaires) есть жестокая язва нынѣшней Франціи, и въ особенности Парижа и его окрестностей. Общество Милосердія старается уменьшить число ихъ, старается обратить ихъ на путь добра и чести, и сдѣлать, если не полезными, то, по крайней мѣрѣ, безвредными. Неистовые радикалы, и въ челѣ ихъ Аббатъ Ламенне, пытаются раздражить эту чернь, пробудить спящаго кровожаднаго тигра.

Я разсматривалъ и описывалъ благотворительныя заведенія нѣкоторыхъ городовъ Германіи: считаю нелишнимъ и даже полезнымъ дать понятіе и о здѣшнихъ. Парижъ есть бурный хаосъ всѣхъ страстей и благородныхъ и подлыхъ, и буйныхъ и кроткихъ: порицая достойное презрѣнія и негодованія нашего, отдадимъ справедливость доброму и великому.

Едва ли буду имѣть сегодня время сказать что либо о *свѣтскомъ* Парижѣ. Важнѣйшая литературная новость — появленіе въ скоромъ времени новаго тома стихотвореній Беранже. Геніяльный пѣвецъ молчалъ двѣнадцать лѣтъ. Полагали, что онъ умолкъ навсегда. Теперь ему шестьдесятъ лѣтъ отъ роду, но особы, видѣвшія новыя его произведенія, утверждаютъ, что геній его ни мало не ослабѣлъ. Увидимъ! — На прошедшей недѣлѣ Гризи вышла на сцену въ Нормѣ. — Я опять увидѣлъ эту прекрасную женщину, эту несравненную артистку. Она (съ 1837 г.) постарѣла и потолстѣла, но талантъ ея, игра, голосъ, искусство такъ же увлекательны, какъ и прежде. Прочіе пѣвцы въ этой оперѣ были посредственные, особенно Деифіори: подлѣ Гризи онъ напоминалъ мнѣ нашего Шемаева. — На нынѣшней недѣлѣ видѣлъ и слышалъ я Маріо, въ Сомнамбулѣ; видѣлъ прекраснаго собою молодаго человѣка, пламеннаго артиста; слышалъ хорошаго тенора, но это не Рубини. Персіани очень счастливо выполнила партію Алины. Роль Тамбурини игралъ Морелли, пѣвецъ и актеръ незавидный. Вообще здѣсь переходъ отъ первыхъ ролей къ вторымъ чрезвычайно чувствителенъ. По минованіи перваго восторга, возбужденнаго во мнѣ Италіянскою Оперою, вижу теперь, что въ ней иное и не хорошо. Хоры жидки. Декораціи хороши, но постановка піесъ, костюмы, и проч. скудные.

Наша старая знакомка, Виргинія Бурбье, играла уже два раза въ Одеонѣ, въ роли Селимены (въ Мизантропѣ) и въ Jeux de l'Amour et du Hasard. Сказываютъ, она поправилась. Поздравляемъ! Говорятъ: она напоминаетъ Марсъ. Напоминаетъ ее, какъ некрологъ, заставляя сожалѣть о потерѣ. На этомъ театрѣ играли новую драму *Петръ Ланде* (Pierre Landais), Эмиля Сувестра, автора хорошихъ піесъ: Riche et Pauvre, Henri Hamelin, и др. Она имѣла большой успѣхъ.

Теперь происходятъ здѣсь скачки на Марсовомъ Полѣ. Народу стекается множество, и въ экипажахъ и пѣшаго. Первый призъ въ прошедшее воскресенье достался — Ротшильду. На ловца звѣрь бѣжитъ. Я не былъ на этомъ спектаклѣ, впрочемъ, какъ сказываютъ, очень забавномъ и интересномъ.

Погода еще стоитъ довольно хорошая. Бываютъ дни ясные и, по времени года, теплые, какъ у насъ въ началѣ Сентября. Лѣтнія загородныя собранія и балы уже кончились. Начинаются зимнія забавы, и промышленники въ длинныхъ афишахъ расписываютъ удовольствія, ожидающія охотниковъ въ разныхъ всенародныхъ собраніяхъ.

XV.

$^{10}/_{28}$-го Октября 1843.

Во второмъ письмѣ моемъ сказалъ я нѣсколько словъ о новой піесѣ: *Парижскіе Цыганы*, представляемой нѣсколько недѣль сряду на Театрѣ Ambigu-Comique, и привлекающей каждый вечеръ множество зрителей. Я отозвал-

ся объ этой піесѣ, основываясь на сужденіяхъ и толкахъ журналовъ, но безпрерывное ея повтореніе заставило меня размыслить, дѣйствительно ли она такъ гнусна и ужасна, какою ее представляютъ фельетонисты, и я рѣшился удостовѣриться въ томъ на дѣлѣ, взялъ билетъ въ кресла (за сорокъ су, полтинникъ серебромъ), запасся печатною піесою, и съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за содержаніемъ, изложеніемъ и представленіемъ мелодрамы. Скажу, что, по моему мнѣнію, эта піеса отнюдь не заслуживаетъ презрительнаго взгляда, какимъ удостоили ее изъ первыхъ ложъ рецензенты въ желтыхъ перчаткахъ. Соглашаюсь, что въ ней мало драматическаго достоинства, что интрига и развязка ея обыкновенны и избиты; но это вѣрная, разительная картина парижскаго быта; это близкое изображеніе нравовъ парижской черни, гостиныхъ и кабаковъ, свѣтской улицы Шоссе-д'Антенъ и воровскихъ притоновъ у Адской Заставы. Декораціи великолѣпныя и вѣрныя: вы видите монмартрскія каменоломни, въ которыхъ укрываются бездомные негодяи, видите Парижъ, сверху, *съ птичьяго полета*, видите мостъ чрезъ Сену; надъ нимъ ночное звѣздное небо, подъ нимъ притонъ злодѣевъ; съ моста бросается въ рѣку жертва обмана и отчаянія.... Актеры играютъ очень хорошо, особенно въ роляхъ простолюдиновъ, въ блузахъ: посмотрите на этого дюжаго мужика, Pelure d'Oignon, какъ онъ, въ воровской гостиницѣ, играетъ на биліардѣ, какъ примѣриваетъ кій, какъ точитъ его и натираетъ мѣломъ. Въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ истина, натура! Вы за часъ видѣли этого молодца, на бульварѣ, подлѣ входа въ кабакъ. — Что жъ это за Парижскіе Цыганы? спросите вы. Отвѣчаю выпискою изъ самой піесы. Монторгёйль, предводитель Парижскихъ Цыганъ, разговариваетъ съ

провинціяломъ: «Берегитесь; не вѣрьте встрѣчному и поперечному. Въ Парижѣ такъ много Цыганъ....» — *Пров.* Помилуйте, что за Цыганы въ Парижѣ? Я ихъ не замѣчалъ. — *Монт.* Вы меня не понимаете. Я говорю не о тѣхъ Цыганахъ, которые бродятъ по міру, пляшутъ и ворожатъ. Я разумѣю подъ этимъ именемъ вообще всѣхъ людей, которые существуютъ неизвѣстно какимъ образомъ. У нихъ нѣтъ ни званія, ни состоянія, ни даже постоянной квартиры, ни какого пристанища. Они не живутъ нигдѣ, а найти ихъ можно вездѣ. У нихъ нѣтъ ни какого ремесла, а занимаются они пятидесятью. Почти всѣ они, вставая поутру, не знаютъ, гдѣ случится имъ пообѣдать; сегодня богаты, завтра голодны. Они согласны жить и честно, если можно, а если нельзя, готовы на всякія плутни. — *Пров.* Такъ это мошенники? — *Монт.* Нѣтъ, это Цыганы. Вы встрѣчаете ихъ въ Парижѣ на каждомъ шагу: одни стоятъ на верху лѣстницы, присвоиваютъ себѣ званія юрисъ-консультовъ, бывшихъ префектовъ Имперіи, кавалеровъ Золотой Шпоры. Вы найдете этихъ у Тортони, на скачкахъ, за кулисами Оперы. Другіе лѣпятся въ срединѣ лѣстницы: это мнимые выходцы, блюдолизы и бѣдняки, стыдящіеся просить милостыни. Съ ними можно столкнуться на биржѣ, въ Пале-Роялѣ, или подлѣ печки кофейныхъ домовъ, гдѣ они отогрѣваютъ окостенѣлые свои члены. Наконецъ, ниже, у подошвы лѣстницы, толпится мелкая чернь этого рода: они продаютъ тросточки, цѣпочки; отворяютъ дверцы каретъ, и прочее, и прочее. Словомъ, почтенный господинъ Дюрозье, въ Парижѣ считаютъ Цыганъ большихъ и малыхъ, сто тысячъ душъ. — *Пров.* Сто тысячъ! — *Монт.* Сто тысячъ голодныхъ хищныхъ птицъ, ищущихъ чужаго корму.... пауковъ просвѣщенной столи-

цы, разставляющихъ свои сѣти повсюду, чтобъ ловить олуховъ..... Вотъ этотъ афферистъ начнетъ тѣмъ, что предложитъ вамъ вступить въ компанію, гдѣ выигрываются милліоны, и кончитъ словами: «одолжите мнѣ пять франковъ» — Цыганъ! — Издатель журнала, который никогда выходить не будетъ — Цыганъ! — Этотъ банкиръ-самозванецъ пригласитъ васъ на обѣдъ къ Вери, и за десертомъ, когда дойдетъ до уплаты, увидитъ, что забылъ свой кошелекъ дома — Цыганъ! Наконецъ, этотъ человѣкъ, котораго вы едва знаете, который называетъ васъ любезнѣйшимъ другомъ, жметъ вамъ руку (пожимаетъ руку Дюрозье) Цыганъ! Цыганъ, тотъ же Цыганъ!»—*Пров.* Понимаю теперь! Понимаю.— *Монт.* Такъ-то сударь! И вечеромъ оказывается, что весь этотъ народъ завтракалъ, обѣдалъ, наслаждался, жилъ, а проснулся было утромъ безъ гроша. — *Пров.* Понимаю! За нихъ платятъ дураки, олухи. Кстати, господа! Скоро пять часовъ. Позвольте мнѣ пригласить васъ откушать. — *Монт.* Съ удовольствіемъ.»

Эта картина списана съ натуры. Во всѣхъ большихъ, многолюдныхъ городахъ существуетъ этотъ *отстой* общества, живутъ люди безъ званія и должности, питаясь какъ нибудь, всѣми средствами, позволенными и непозволенными, но нигдѣ они не являются въ такомъ большомъ числѣ, какъ въ Парижѣ, нигдѣ не употребляютъ такихъ хитростей, уловокъ для снисканія себѣ пропитанія, а потомъ и для обогащенія себя чужимъ добромъ. Разгуливая по шумнымъ бульварамъ, посреди безпрерывной густой колонны порядочно и изящно одѣтыхъ людей, удивляясь множеству великолѣпныхъ и богатыхъ магазиновъ, въ которыхъ выставлены напоказъ всѣ произведенія искусства, моды, прихоти, видя за зеркальными стеклами кофейныхъ домовъ и

расторацій сотни франтовъ, утоляющихъ голодъ и жажду самымъ прихотливымъ образомъ, не можешь себѣ вообразить, какая мрачная, грязная, ужасная окраина, *обрамливаетъ* эту картину образованности, промышлености, вкуса и богатства! — Въ предмѣстіяхъ Парижа, говоритъ одинъ писатель (Эскиросъ), найдете вы людей на всѣхъ степеняхъ развитія, отъ самой скотской дикости до званія человѣка просвѣщеннаго, и чтобъ видѣть дикарей, не нужно ѣздить въ Африку или въ Америку. Годы и столѣтія измѣняютъ Парижъ, но только въ его центрѣ, въ мѣстахъ, доступныхъ образованію; внѣшнія его части (la banlieue) остановились на одной степени, и впередъ не подвигаются. Самые грубые, одичалые люди гнѣздятся на Монмартрѣ, въ Пети-Монружѣ, близъ бульвара Монъ-Парнассъ, вокругъ заставъ Менской (du Maine), Вожирарской, и преимущественно въ каменоломняхъ. Это народы бродячіе: днемъ спятъ, ночью выходятъ за добычею. Лѣтомъ укрываются они, для дневнаго сна, за заборами, въ канавкахъ подлѣ дороги, въ дуплахъ деревъ, въ хлѣбѣ на полѣ. Зимою удаляются въ каменоломни, въ известковыя печи, подъ своды мостовъ. Одежда ихъ состоитъ изъ ветхихъ лохмотьевъ. Пищу добываютъ они, какая случится. Всѣ они живутъ въ безбрачіи съ женщинами, не менѣе отвратительными и ужасными, убѣгая людей и свѣта дневнаго. Дѣти ихъ (les momes) пьютъ водку, курятъ табакъ и чуждаются всякаго образованія. Умомъ эти люди очень ограничены, но у нихъ тонкое чутье — издали чуютъ они добычу и — полицейскихъ. Лица ихъ длинныя, обрюзглыя; взглядъ дикій и глупый; члены слабые. У просвѣщенныхъ людей заимствовали они пьянство, развратъ и кражу. Сходбища ихъ бываютъ въ кабакахъ у заставъ Св. Іакова и Монъ-

Парнасской, подъ вывѣсками: à la cachette, à mon oncle, à la chouette, au bon trou, и т. под. Съ безпримѣрною дерзостью нападаютъ они на порядочныхъ людей, прогуливающихся по уединеннымъ бульварамъ подлѣ сихъ заставъ. Изъ ветхой лачуги выбѣгаетъ бѣшеная баба, схватываетъ гуляющаго за воротъ, и утверждаетъ, что онъ билъ ея женщинъ. За нею появляются еще двѣ или три грязныя твари, и съ воплемъ повторяютъ обвиненія. Потомъ гнусные мужчины высовываютъ рожи свои изъ оконъ и дверей, и грозятъ убить дерзновеннаго, который осмѣлился обижать ихъ *супругъ* (leurs épouses). Несчастный пришлецъ долженъ откупиться. — Къ этимъ страшнымъ дикарямъ присоединяются женщины, бродящія въ сумеркахъ по бульварамъ, подлѣ сихъ заставъ: несчастныя эти твари живутъ въ землянкахъ, въ сараяхъ, въ погребахъ, по тридцати въ одномъ тѣсномъ помѣщеніи. Полиція не можетъ ни истребить, ни угомонить ихъ. Когда ихъ преслѣдуютъ въ Парижѣ, они бѣгутъ въ провинціи, и несутъ заразу разврата въ села. Достойно замѣчанія одно сходство этихъ людей съ американскими дикарями: они также накалываютъ себѣ тѣло разными узорами и именами своихъ возлюбленныхъ. Съ людьми бродятъ ихъ собаки, бездомныя, гнусныя, грязныя, злыя; онѣ бросаются на лавки мясниковъ, и уносятъ большіе куски говядины. Эти животныя до того закалены, что ядъ на нихъ не дѣйствуетъ. — Какъ первое состояніе дикаго человѣка есть состояніе звѣролова, такъ и эти дикари охотятся, но не на животныхъ, а на людей: останавливаютъ прохожихъ, и просятъ подаянія, грозя взглядомъ и дубиною. Получивъ отказъ, бросаются на свою жертву: одинъ схватываетъ бѣдняка за воротъ, и взваливаетъ его себѣ на спину; другой въ это время очи-

щаетъ его карманы. Заупрямится, бьютъ его по головѣ деревяннымъ башмакомъ. — Языкъ ихъ достоинъ замѣчанія: луна называется у нихъ *шпіонкою*, голова *отрѣзкомъ* (tronche). Нѣтъ слова для выраженія солнца. — Дикари заставъ живутъ въ обществѣ и дружбѣ съ контрабандистами, которые тайкомъ ввозятъ въ городъ съѣстные и питейные припасы, обложенные акцизомъ. Главный промыселъ заключается въ провозѣ вина и водки. Идетъ чрезъ заставу безногій инвалидъ: въ деревяннойногѣ его водка. Является пузатый мужикъ. Досмотрщикъ ткнетъ щупаломъ въ его брюхо, и брызнетъ фонтанъ краснаго вина. Женщина несетъ груднаго младенца: это большой кувшинъ въ пеленкахъ. Люди, на все другое глупые и непонятливые, чрезвычайно смышлены на обманъ и плутни.

Другіе промышленники, не до такой степени дикіе, но гораздо смышленнѣе и опытнѣе, живутъ въ самомъ городѣ, преимущественно въ торговыхъ его частяхъ, и на острову Сите, подлѣ самыхъ присутственныхъ мѣстъ Въ числѣ ихъ находится нѣсколько тысячъ каторжниковъ, освобожденныхъ по окончаніи срока ихъ работы (forçats libérés), или бѣглыхъ. И вся эта фаланга ведетъ вѣчную войну съ людьми достаточными и честными, съ полиціею и судебною властью. Убійства случаются (по многолюдству города) довольно рѣдко, и обыкновенно совершаются, по выраженію полицейскому, *въ азартѣ*, т. е въ изступленіи гнѣва, отчаянія, ревности, въ пьяномъ состояніи, а не съ умысломъ или изъ засады. Но воровство производится здѣсь въ большомъ размѣрѣ и подъ всѣми возможными видами, иногда очень замысловато и забавно. На сихъ дняхъ одинъ купецъ послалъ мальчика своего къ другому съ мѣшкомъ, въ которомъ были тысяча двѣсти франковъ сере-

бромъ. Путь былъ не близкій. Мальчикъ усталъ, и сѣлъ отдохуть на скамейкѣ, въ Елисейскихъ Поляхъ. Къ нему подходятъ два человѣка, порядочно одѣтые. «Сдѣлай намъ одолженіе, любезнѣйшій,» говоритъ одинъ изъ нихъ мальчику: «сосчитай, сколько у тебя въ мѣшкѣ денегъ; товарищъ мой, судя по наружности, полагаетъ, что въ немъ только тысяча франковъ. Я утверждаю, что тамъ болѣе, и мы ударились объ закладъ во сто франковъ. Одолжи насъ; докажи, что одинъ изъ насъ правъ, и кто выиграетъ, тотъ дастъ тебѣ пять франковъ.» Мальчикъ согласился, сталъ вынимать деньги, считать ихъ и ставить столбиками по двадцати пяти-франковиковъ. Наставивъ десять столбиковъ, онъ сказалъ: «Видите, господа, вотъ тысяча франковъ, а въ мѣшкѣ остались еще двѣсти.» Но каждый изъ господъ въ эту минуту уже схватилъ по столбику, и оба ударились бѣжать въ разныя стороны. Бѣдный мальчикъ оцѣпенѣлъ: за которымъ погнаться, и какъ оставить деньги на скамейкѣ? Между тѣмъ, они исчезли, и горемыка рѣшился, забравъ остальныя деньги, отправиться назадъ къ хозяину съ повинною. — Такія и подобныя штуки случаются очень часто. Ежедневно читаете вы въ газетахъ, что плуты обманули хозяевъ или сидѣльцевъ какого нибудь богатаго магазина. Впрочемъ, это лишь мелкія плутни, это продѣлки голодныхъ бѣдняковъ, шалуновъ и лѣнивцевъ. Но въ Парижѣ существуютъ цѣлыя компаніи записныхъ воровъ, мошенниковъ, укрывателей и перепродавцевъ краденыхъ вещей. Нынѣшнимъ лѣтомъ открыли такое плутовское гнѣздо, и теперь производится всенародный судъ надъ ними въ здѣшней уголовной палатѣ. Въ старинныхъ письмахъ моихъ (1817 г.) о Парижѣ (напечатанныхъ въ IV томѣ моихъ сочиненій) описалъ я въ подробности уставъ и дѣйствія уголовныхъ судовъ во Франціи

но такъ какъ я не предполагаю, чтобъ всѣ читатели Сѣверной Пчелы помнили статью, написанную за четверть вѣка предъ симъ, то и считаю неизлишнимъ войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности. Уголовныя судилища во Франціи не суть постоянныя, въ которыхъ члены занимались бы сими дѣлами исключительно, но, по мѣрѣ накопленія уголовныхъ дѣлъ, открываются въ каждой губерніи (департаментѣ) ассизные суды чрезъ мѣсяцъ, чрезъ два; въ Парижѣ по два раза въ мѣсяцъ. Ассизный судъ состоитъ изъ предсѣдателя, двухъ членовъ, секретаря (greffier) и двухъ экзекуторовъ (huissiers). Сверхъ того присутствуетъ въ немъ королевскій прокуроръ, или генеральный адвокатъ. По окончаніи дѣлъ уголовныхъ члены суда должны заниматься въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ исключительно дѣлами гражданскими, и до истеченія сего срока не могутъ быть наряжены въ судъ уголовный: это распоряженіе сдѣлано для того, чтобъ они, безпрерывными занятіями по дѣламъ уголовнымъ, не привыкли къ произнесенію карательныхъ приговоровъ и не ожесточились въ сердцѣ. Предсѣдатель руководствуетъ всѣми дѣйствіями суда, допрашиваетъ подсудимыхъ и свидѣтелей, излагаетъ присяжнымъ содержаніе дѣла и доводы той и другой стороны, наблюдаетъ законность и порядокъ въ производствѣ дѣлъ, и объявляетъ приговоры. Съ членами совѣтуется онъ при опредѣленіи бо́льшаго или мѐньшаго наказанія и при сомнительныхъ случаяхъ. Прокуроръ есть всенародный обвинитель: онъ представляетъ лице нарушеннаго преступленіемъ закона, излагаетъ вину подсудимаго, опровергаетъ его оправданія, и требуетъ кары. Защита подсудимаго поручена адвокатамъ. Въ каждомъ уголовномъ судѣ засѣдаютъ двѣнадцать человѣкъ присяжныхъ, *понятыхъ* изъ числа гражданъ, пользующихся своими пра-

вами, имѣющихъ болѣе тридцати лѣтъ отъ роду, и платящихъ извѣстную подать, или же находящихся въ службѣ гражданской или военной. За неявку къ исправленію должности присяжнаго безъ законныхъ причинъ, платится по пятисотъ франковъ пени. Изъ шестидесяти присяжныхъ, назначенныхъ жребіемъ, подсудимый можетъ отринуть двадцать четырехъ; прокуроръ столько-же; въ этомъ случаѣ остальные двѣнадцать непремѣнно вступаютъ въ исполненіе сей обязанности.

По окончаніи выбора, *совестные судьи* присягаютъ въ томъ, что будутъ судить дѣло по совѣсти, предъ Богомъ и предъ людьми. Судъ производится въ просторной залѣ, имѣющей нѣсколько выходовъ. Председатель сидитъ за столомъ, имѣющимъ видъ полумѣсяца; по обѣимъ сторонамъ его члены; далѣе, направо, прокуроръ, налѣво секретарь. По правую сторону залы идутъ два стола, съ шестью креслами за каждымъ: мѣста присяжныхъ. По лѣвую, за перегородкою, вышиною въ аршинъ, сидятъ подсудимые. Подлѣ нихъ жандармы, раздѣляющіе ихъ другъ отъ друга, такъ, чтобъ они не не могли между собою разговаривать. Адвокаты занимаютъ мѣста передъ перегородкою. Свидѣтелей въ началѣ перекликаютъ, отводятъ въ особенную комнату, и потомъ вызываютъ, по мѣрѣ надобности. Часть залы, противоположная судейскому столу, отгорожена перилами: въ ней помѣщаются зрители и слушатели. Людей извѣстныхъ и иностранцевъ, по предъявленіи ихъ паспортовъ, впускаютъ и въ средину залы, когда есть мѣсто. За особыми столами сидятъ скорописцы, и записываютъ ходъ дѣла для журналовъ (*). — Производ-

(*) Проворство и искусство ихъ въ этомъ отношеніи удивительны. Третьяго дня засѣданія уголовнаго суда кончилось въ половинѣ шестаго

ство дѣла начинается упомянутою присягою. Засимъ вводятъ подсудимыхъ. Секретарь читаетъ обвинительный актъ, составленный на основаніи произведеннаго по дѣлу слѣдствія, и предсѣдатель начинаетъ допросы. Сперва спрашиваютъ подсудимаго; потомъ каждаго свидѣтеля по одиначкѣ, по слѣдующей формѣ: «Какъ васъ зовутъ?» — Баронъ Ладусетъ. — «Поднимите правую руку. Присягните говорить сущую правду, и одну правду, безъ страха и ненависти.» — «Присягаю.» — Опустите руку. Имя ваше?» — Жанъ Жакъ Ладусетъ. — «Лѣта?» — Шестьдесятъ лѣтъ. — «Званіе?» — Депутатъ. — «Гдѣ вы живете?» — Въ Улицѣ Св. Лазаря, подъ No 7. — «Не состоите ли вы въ родствѣ съ подсудимымъ и не находитесь ли у него въ услуженіи?» — Нѣтъ. «Извольте сказать все, что вамъ извѣстно.» Свидѣтель отвѣчаетъ. Прокуроръ и присяжные (чрезъ предсѣдателя) предлагаютъ ему вопросы съ своей стороны. По окончаніи допросовъ, прокуроръ произноситъ рѣчь, въ которой выставляетъ всѣ доводы къ обвиненію подсудимаго. Потомъ адвокатъ возражаетъ прокурору, и выставляетъ всѣ оправдательныя средства своего кліента. По окончаніи его рѣчи, предсѣдатель спрашиваетъ у подсудимаго, не имѣетъ ли онъ чего прибавить къ своему оправданію, и получивъ отвѣтъ: не имѣю, излагаетъ присяжнымъ выводъ (le résumé) всего дѣла: обвинительные пункты, доводы прокурора, оправданія адвокатовъ, и наконецъ, предлагаетъ имъ вопросы: «Такой-то подсудимый виноватъ ли (напримѣръ) въ похищеніи вещей у

по полудни. Я едва успѣлъ отобѣдать: въ восемь часовъ вышелъ журналъ: le Messager, и въ немъ помѣщено было все производство того дня. Молодцы, нечего сказать, и на доброе, и на злое!

Барона Ладусета? А если виноватъ, то не было ли притомъ смягчительныхъ обстоятельствъ (circonstances atténuantes)?» Присяжные уходятъ въ особую комнату. Члены суда удаляются также изъ залы. Подсудимаго отводятъ въ тюрьму, подлѣ судейской комнаты. Вдругъ (черезъ полчаса, черезъ часъ, иногда часовъ черезъ пять), раздается звонъ колокольчика — знакъ, что присяжные кончили свое дѣло. Члены суда входятъ и занимаютъ свои мѣста. Потомъ вступаютъ присяжные. «Извольте прочитать рѣшеніе!» говоритъ президентъ. Старшій присяжный, встаетъ, и приложивъ правую руку къ сердцу, читаетъ: «По чести моей и по совѣсти, предъ Богомъ и предъ людьми, присяжные объявили: да! подсудимый виноватъ!» или «нѣтъ! подсудимый не виноватъ.» Вводятъ подсудимаго, и объявляютъ ему рѣшеніе. Въ первомъ случаѣ, прокуроръ встаетъ съ своего мѣста, и ссылаясь на такой-то пунктъ Уголовнаго Уложенія, требуетъ наказанія виновнаго. Предсѣдатель, по совѣщаніи съ своими товарищими, возглашаетъ: «Въ слѣдствіе рѣшенія присяжныхъ, на основаніи §..... Уголовнаго Уложенія, судъ приговариваетъ подсудимаго (напримѣръ) къ каторжной работѣ на пять лѣтъ. Подсудимый! Вы имѣете три дня сроку, для подачи апелляціи (*).» Въ случаѣ оправданія, онъ говоритъ: «Въ

(*) Апелляція подается въ Кассаціонный Судъ. Проситель не можетъ жаловаться на собственное рѣшеніе суда, не смѣетъ называть его неправымъ, а себя невиноватымъ. Онъ можетъ только указать на нарушеніе формы, законами предписанной; напримѣръ, когда допросили свидѣтеля, не снявъ съ него присяги. Въ случаѣ справедливости жалобы, Кассаціонный Судъ уничтожаетъ приговоръ, но не оправдываетъ подсудимаго, а предаетъ его вновь суду въ другой губерніи. Въ случаѣ неосновательности жалобы, Кассаціонный Судъ ее отвергаетъ, и предписываетъ привесть приговоръ въ исполненіе. Подсудимый имѣетъ еще средство — обратиться къ милосердію Короля.

слѣдствіе рѣшенія присяжныхъ, судъ объявляетъ подсудимаго невиновнымъ, и предписываетъ освободить его немедленно, если онъ не находится подъ стражею по другимъ причинамъ.» — Въ этомъ судопроизводствѣ много хорошаго, но довольно и недостатковъ. Главный, по моему мнѣнію, заключается въ судѣ присяжныхъ. Люди несвѣдущіе въ законахъ и судопроизводствѣ, часто необразованные и ограниченныхъ способностей ума, должны отвѣчать на вопросы, предложенные имъ въ дѣлахъ запутанныхъ и темныхъ, и отъ ихъ рѣшенія зависятъ жизнь, честь и достояніе человѣка! На лицахъ ихъ написаны скука, досада, нетерпѣніе: они оторваны на двѣ недѣли отъ дѣлъ своихъ, не знаютъ что дѣлается дома, каково идетъ продажа въ магазинѣ, не лѣнятся ли работники въ мастерской, и т. п. Въ числѣ присяжныхъ случаются два или три дѣловые человѣка, и они руководствуютъ прочими. Парижскихъ присяжныхъ болѣе всего можно обвинить въ потворствѣ; особенно снисходительны они къ женщинамъ: на сихъ дняхъ оправдали они троихъ дамъ: одна была участницею въ дѣланіи фальшивыхъ прусскихъ и бельгійскихъ ассигнацій; другая зарѣзала мужа въ дракѣ; третья выстрѣлила изъ пистолета въ друга своего сердца. Не виноваты! — Чаще всего употребляются ими во зло *смягчительныя обстоятельства.* Извѣстно, чта эта уловка употреблена была и въ процесѣ отравительницы Лафаржъ. На сихъ дняхъ судили изверга, который выбросилъ за окно изъ третьяго яруса молодую добродѣтельную жену свою, беременную на восьмомъ мѣсяцѣ: она умерла чрезъ шесть часовъ. Его признали виновнымъ со смягчительными обстоятельствами! Главная причина заключалась въ томъ, что присяжные не были совершенно убѣждены въ его виновности — до того спутали ихъ

противорѣчивые доводы прокурора и адвокатовъ. И такъ, или они облегчили наказаніе злодѣя, или наказали невиннаго! — Другое обстоятельство — гласность. Я назвалъ ее, въ одномъ изъ прежнихъ моихъ писемъ, дѣломъ святымъ и великимъ, и не отрекаюсь отъ словъ моихъ; но есть ли въ свѣтѣ какое установленіе человѣческое безъ грѣха и слабости! Гласность есть порука въ безпристрастіи и справедливости судей. Публика допускается въ судебныя палаты не для забавы и не для удовлетворенія любопытству, а для свидѣтельства, для повѣрки и для одобренія дѣйствій юстиціи. По сей причинѣ, кажется мнѣ, слѣдовало бы давать входъ въ судилища только людямъ образованнымъ, честнымъ гражданамъ, осѣдлымъ въ городѣ, во Франціи пользующимся, напримѣръ, правомъ службы въ національной гвардіи. Но теперь въ судъ допускаютъ всѣхъ и каждаго. Мѣсто, отведенное для публики, наполнено людьми самаго низкаго званія, всевозможными парижскими Цыганами въ блузахъ, въ рубищѣ: они съ жадностью слѣдятъ за производствомъ дѣлъ, особенно воровскихъ, узнаютъ новыя средства мошенничества, научаются избѣгать опасности и, болѣе всего, пріобрѣтаютъ навыкъ отвѣчать на вопросы слѣдователей, находить лазейки въ законахъ, выдумывать отговорки, употреблять прицѣпки, крючки. Въ случаѣ обвиненія подсудимыхъ, уныніе является на звѣрныхъ лицахъ этихъ слушателей; когда же послѣдуетъ оправданіе, поднимается среди ихъ вопль радости и торжества. Хотите ли видѣть злодѣйскія рожи, смотрите, въ ассизномъ и исправительномъ судѣ, не на подсудимыхъ, которые, можетъ быть, невинны, а на зрителей. По наполненіи залы, дверь запираютъ и ставятъ къ ней часовыхъ, но жадное любопыство черни такъ велико, что толпы ея осаждаютъ двери снаружи,

чтобъ узнать о послѣдствіяхъ процеса, лишь только онъ кончится.

Всѣ эти и другія несовершенства французскаго уголовнаго судопроизводства исчезаютъ предъ добросовѣстностью, любовью къ истинѣ и правосудіемъ французскихъ чиновниковъ юстиціи. Въ странахъ необразованныхъ, какъ, напримѣръ, въ Турціи, самыя благія намѣренія правительства, самые мудрые законы не производятъ желаннаго дѣйствія, потому что непросвѣщенные, корыстолюбивые, безсовѣстные чиновники умѣютъ искажать ихъ и обращать во зло при исполненіи на дѣлѣ. Въ земляхъ истинно просвѣщенныхъ, какова, напримѣръ, Пруссія, чиновники образованные, безокрыстные, добросовѣстные умѣютъ и посредственный, даже ошибочный законъ обращать на благо общее. За пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, Капнистъ сказалъ:

Законы святы,
Да исполнители лихіе супостаты!

Во Франціи судебное сословіе славится изстари ученостью, трудолюбіемъ, безкорыстіемъ и благородствомъ въ словахъ и дѣлахъ. Это непрерывный рядъ честныхъ и добросовѣстныхъ исполнителей законовъ, отъ отца къ сыну. Званіе судьи во Франціи независимое и безсмѣнное, и никто, даже самъ Король, не можетъ оставить его отъ должности. Въ лѣтописяхъ Французской Юстиціи нѣтъ случая, чтобъ судья былъ обвиненъ и уличенъ въ лихоимствѣ и въ злоупотребленіи своей власти. Съ судьями (la robe, la magistrature) не должно смѣшивать прокуроровъ и адвокатовъ (le parquet et le barreau): въ числѣ ихъ есть люди благородные, честные, праводушные; но обязанность говорить обо всемъ, отстаивать все возможное, доказывать, что бѣлое черно, а черное бѣло, не могла не имѣть вліянія на нравствен-

ность большей части изъ нихъ. Не довольствуясь производствомъ дѣлъ судебныхъ, эти неумолчные говоруны бросились въ политику, и участіемъ своимъ въ народныхъ собраніяхъ подали поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ, неустройствамъ и бѣдствіямъ. Не было ни одной революціи, ни одного мятежнаго волненія, въ которомъ эти краснобаи не имѣли бы участія. Но, повторяю, въ числѣ ихъ есть люди добродѣтельные, и многіе изъ нихъ обладаютъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Чиновники юстиціи ходятъ въ особомъ костюмѣ: не въ мундирахъ, а въ длинныхъ черныхъ шелковыхъ мантіяхъ съ рукавами; бѣлая косынка виситъ нагруди длинными концами; на головѣ четвероугольная черная шапка (barret); у совѣтниковъ Королевскаго Суда съ двумя серебряными галунами; у прокуроровъ съ однимъ; у прочихъ чиновниковъ безъ галуновъ. Въ торжественные дни судьи ходятъ въ красныхъ мантіяхъ.

Теперь производится въ Парижскомъ Уголовномъ Судѣ важный и любопытный процесъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, Предмѣстье Сенъ-Жерменское, обитаемое людьми знатными и богатыми, было поприщемъ самыхъ смѣлыхъ и дерзновенныхъ кражъ, совершавшихся и днемъ ночью, и не оставлявшихъ ни какого слѣда. Какая-то таинственность облекала эти преступленія: воры перелѣзали чрезъ высокіе заборы, отпирали всѣ замки; знали въ точности расположеніе комнатъ въ домахъ; знали, гдѣ хранятся въ нихъ драгоцѣнности; знали обычаи и образъ жизни хозяевъ, когда они ложатся спать, когда встаютъ, когда не бываютъ дома. Полиція долгое время тщетно ихъ доискивалась. Наконецъ, въ началѣ нынѣшняго года, послѣ кражи, произведенной неосторожно, напали на слѣдъ воровъ, открыли ихъ и перело-

вили. Всѣхъ подсудимыхъ двадцать три человѣка, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ. Я былъ при производствѣ этого дѣла, еще не конченнаго, и внимательно слѣдилъ за его ходомъ. — Председатель суда, г. Занджакоми, человѣкъ среднихъ лѣтъ, благородной наружности, говоритъ ясно и определительно, дѣйствуетъ безпристрастно, и оказываетъ при производствѣ процеса непостижимое терпѣніе и хладнокровіе. Королевскій прокуроръ, г. Жаллонъ, человѣкъ уже не молодой, говоритъ сильно и рѣшительно. Число кражъ простирается до сорока, и свидѣтелей призвано болѣе ста двадцати человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько знатныхъ и именитыхъ особъ (Баронъ Ладусетъ, бывшій префектъ, нынѣ депутатъ, Броньяръ, членъ Института, и т. п.). Воры бо̀льшею частью ремесленники, столяры, мебельщики (tapissiers), слесаря, золотыхъ дѣлъ мастера, винопродавцы, и т. п. Столяры и слесаря, работая въ домахъ, знакомились съ расположеніемъ комнатъ и выходовъ, брали слѣпки съ ключей, и т. п.; сдѣлавъ покражу, продавали добычу въ винныхъ погребахъ своимъ соумышленникамъ, а тѣ относили ихъ къ торговцамъ старыми вещами и ломомъ. Жены ихъ и наложницы стояли на караулѣ, освѣдомлялись, дома ли обреченные въ жертву жильцы, и т. д. Главные виновники, видя что имъ не сдобровать, рѣшились объявить предъ судомъ всю правду, чтобъ облегчить тѣмъ ожидающее ихъ наказаніе. Они разсказываютъ свои подвиги подробно, равнодушно, съ прибаутками, какъ будто бы дѣло шло о поступкахъ честныхъ и непредосудительныхъ. Президентъ говоритъ: «Приступаемъ къ дѣлу о покражѣ въ домѣ г. Ладусета. Флаша (Flachat)! Это ваше дѣло.» — Точно такъ, г. президентъ. — «Вашими сообщниками были Готье и Леръ?» — Были, отвѣчаютъ

они. — «Разскажите, Флаша, какъ это происходило.» — Извольте, г. президентъ. 5-го Іюля шелъ я по Улицѣ Св. Лазаря съ Готье и Леромъ, и поровнявшись съ домомъ No 7 (обратясь къ свидѣтелю) — это вашъ домъ, г. Баронъ Ладусетъ, сказалъ имъ: вотъ домъ, который можно бъ было обработать (exploiter). Они согласились, и мы произвели въ немъ *обыскъ* (l'expertise). Ночью принесли мы свои инструменты (outils), и вошли въ комнаты, выломали замки въ конторкахъ, и вынесли оттуда шестьдесятъ четыре тысячи франковъ. Товарищи мои хотѣли поискать еще, но я удержалъ ихъ, довольно-де и этого. Мы *честно* раздѣлили добычу между собою, и когда пришли домой и разсказали г-жѣ Рошъ (наложницѣ Флаша) объ этой удачной экспедиціи, она бросилась ко мнѣ на шею съ радостными слезами, и воскликнула: «Ну, душенька! теперь счастье твое сдѣлано!»

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь!

Воровъ замѣтили, погнались вслѣдъ за ними, и за нѣжною идиліею наступила плачевная элегія. — —

Во вчерашнемъ засѣданіи толковали о поддѣльныхъ ключахъ. Авторъ ихъ, слесарь, сказалъ между прочимъ: «Я отправился предварительно въ домъ, чтобъ испробовать ключи. Вы знаете, г. президентъ, что поддѣльные ключи всегда пробуются предъ употребленіемъ ихъ на дѣлѣ.» — Всѣ слушатели расхохотались, а предсѣдатель, не измѣняя своему равнодушію, сказалъ: «Нѣтъ, мы этого не знаемъ.»

Лица у этихъ людей подлыя и звѣрскія. Одинъ молодой человѣкъ отличается среди ихъ порядочнымъ видомъ, осанкою, чистотою и правильностью языка. Это

Леръ (Laire), бывшій лекаремъ, человѣкъ воспитанный и ученый, но развратный и злодѣй. Онъ уже приговоренъ къ двадцати-лѣтней каторжной работѣ, и привезенъ изъ Бреста, по прикосновенности его ко вновь открытымъ кражамъ. Изъ женщинъ однѣ плачутъ и жалуются на несчастную судьбу свою; другія во всемъ запираются. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ содержательница магазина, мадамъ Жакъ, женщина съ виду порядочная, въ траурѣ: она скупала серебро и золото у воровъ, и теперь клянется и божится, что не догадывалась, откуда они все это промышляютъ. Знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю. — Предсѣдатель говоритъ съ подсудимыми твердо и опредѣлительно, но снисходительно и учтиво. — На той недѣлѣ судили одну женщину за участіе въ дѣланіи фальшивой монеты. Она была очень разстроена, и съ трудомъ стояла на мѣстѣ. Предсѣдатель, замѣтивъ это, сказалъ ей: «Вы, кажется, устали, сударыня; извольте сѣсть.» Третьяго дня подали ему среди допроса записку. Онъ прочиталъ ее, и обратясь къ присяжнымъ, сказалъ: «Въ числѣ подсудимыхъ есть женщина, которая кормитъ грудью своего ребенка. Она проситъ позволенія удалиться, для исполненія своей обязанности. Закрываю засѣданіе на десять минутъ. (Обратясь къ подсудимой): Довольно ли вамъ этого срока?» — «Довольно, г. президентъ.» Судьи и присяжные встали съ своихъ мѣстъ, и вышли изъ залы. По истеченіи десяти минутъ, предсѣдатель послалъ экзекутора освѣдомиться, насосался ли ребенокъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, возобновилъ засѣданіе. Это, скажете вы, бездѣлица. Такъ! Но эта бездѣлица свидѣтельствуетъ о благородствѣ и человѣколюбіи, съ какими отправляется здѣсь тяжелая и грозная должность уголовнаго судьи. Во всѣхъ дѣлахъ, словахъ и прiе-

махъ сихъ почтенныхъ чиновниковъ видишь уваженіе къ священной своей обязанности, твердое намѣреніе исполнять законы во всей ихъ силѣ, и въ то же время безпристрастіе, любовь къ правдѣ, неутомимость въ изысканіи истины, и въ оправданіи невиннаго. Этотъ процесъ длится пятый день. Вчера кончились допросы. Сегодня произноситъ рѣчь генеральный адвокатъ. — Въ предстоящемъ засѣданіи, въ началѣ Ноября, будутъ судить шайку сорока трехъ мошенниковъ.

Полно толковать объ юстиціи: думаю, что я наскучилъ многимъ моимъ читателямъ, но конечно, въ числѣ ихъ есть особы, для которыхъ сіи подробности интересны и важны.

Фамусовъ сказалъ о Москвѣ: «что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!» То же можно сказать, въ бóльшемъ размѣрѣ, о Парижѣ.

За мѣсяцъ предъ симъ умеръ здѣсь бывшій Испанскій министръ, Графъ Торено, авторъ хорошей Исторіи Испанской Войны съ Наполеономъ. Извѣстно, что финансы Испаніи находятся въ самомъ бѣдственномъ состояніи; облигаціи ея лишились всей цѣны; долги возрасли до неоплатности; случается, что по мѣсяцамъ никому не выплачиваютъ жалованья. Графъ Торено оставилъ дѣтямъ своимъ наслѣдство въ шесть милліоновъ франковъ:

Ну какъ не согрѣшить, не скажешь,
Что у него пушекъ на рыльцѣ есть!

Недавно скончался въ провинціи г. Гальсъ де-Мальвирадъ, бывшимъ генеральнымъ консуломъ въ Россіи, и женатый на Русской.

На прошедшей недѣлѣ кончилъ жизнь свою въ Парижѣ одинъ изъ живыхъ памятниковъ легкомысленнаго XVIII вѣка, г. де-Монтронъ (Montrond). Онъ явился въ

большомъ свѣтѣ въ 1789 году, человѣкомъ умнымъ, любезнымъ, блистательнымъ, подружился съ тогдашнимъ Епископомъ Отёнскимъ, Талейраномъ, и оставался до самой его кончины его ученикомъ, повѣреннымъ и неразлучнымъ спутникомъ. Талейранъ расторгъ въ жизнь свою многія связи, но оставался вѣренъ Монтрону, который ѣздилъ въ Римъ, для испрошенія другу своему позволенія Папы на вступленіе въ бракъ. Монтронъ любилъ деньги, но не какъ скупецъ, а для прожитья, и расточалъ ихъ безъ мѣры; жилъ бариномъ, петиметромъ до восьмидесяти лѣтъ, не думая о завтрашнемъ днѣ. Вчера бывало у него въ карманѣ пятьсотъ тысячъ франковъ, а сегодня пять су. Тайлеранъ помогалъ ему въ денежныхъ аферахъ своими капиталами, совѣтами и указаніями. Остроуміе Монтрона прославило его въ свѣтѣ. —«Не повѣрите, какъ я добръ, сказалъ однажды: я не могу никого ненавидѣть, даже того, кто сдѣлалъ мнѣ добро.»—Онъ не любилъ госпожи Сталь, и никакъ не хотѣлъ быть у ней въ домѣ. «Согласитесь,» отвѣчалъ онъ тѣмъ, которые этому удивлялись, «что надобно имѣть много ума, чтобъ противустоять этой умной бабѣ!» Проживъ въ большомъ свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ, онъ былъ все тотъ же: легкомысленный франтъ, безразсудный мотъ, волокита, игрокъ, дуэлистъ; жилъ весело, великолѣпно, безтолково. Одна только смерть Талейрана огорчила его дѣйствительно. Въ послѣдніе годы онъ жилъ игрою. Правительство, снисходя къ его лѣтамъ и привычкамъ, не замѣчало его банка. Журналистъ, описавъ подвиги Монтрона, спрашиваетъ: «Что оставила послѣ себя эта жизнь долгая, блистательная, разнообразная? Полузабытыя воспоминанія и имя, которое не доживетъ до завтра.

Французское Правительство отправляетъ посольство

въ Китай. Посланникомъ назначенъ г. Лагрене, бывшій секретаремъ Французскаго Посольства въ Петербургѣ и потомъ посланникомъ въ Греціи. По поводу заведенія сношеній съ Азіею, учреждена при здѣшнемъ Училищѣ живыхъ восточныхъ языковъ каѳедра общенароднаго Китайскаго Языка. Профессоромъ назначенъ г. Базенъ (Bazin).

Изъ Бордо пишутъ, что въ нынѣшнемъ году вино будетъ превосходнаго качества. Сентябрскіе жары поправили бѣду, причиненную сыростью и холодомъ Іюля и Августа. Виноградъ вышелъ самый сахаристый.

Въ Италіянской Оперѣ дебютировалъ Форназари, въ роли Велисарія, и имѣлъ блистательный успѣхъ. Голосъ его, чувство, сила, выразительность его пѣнія и игры увлекли публику.

Госпожа Бурбье продожаетъ играть *свои двѣ роли* въ Одеонѣ, но публика уже начинаетъ узнавать ее. Вотъ что сказано о ней въ одномъ журналѣ: «Госпожа Бурбье имѣетъ недостатки всѣхъ подражателей: намъ кажется, что она заимствовала у госпожи Марсъ гораздо болѣе дурнаго, нежели хорошаго. Но успѣхъ ея былъ совершенный, и отъ нея зависитъ заслужить его вполнѣ.»

Театръ des Variétés привлекаетъ множество зрителей одною небольшею піескою: Jacquot. Въ ней забавна до чрезвычайности игра актера Нёвиля, который съ невѣроятнымъ искусствомъ и успѣхомъ передразниваетъ голосомъ и манерами десять извѣстнѣйшихъ актеровъ Парижа. Онъ забавлялъ этимъ дарованіемъ публику одного изъ театровъ предмѣстія. Несторъ Рокпланъ, директоръ Театра des Variétés, очень стѣсненный въ своихъ финансахъ, пригласилъ его на свою сцену, и не ошибся въ разсчетѣ. Каждый вечеръ тянется вдоль

бульвара длинный *хвостъ* (la queue) жаждущихъ войти въ партеръ. — Вотъ еще піеса, которая внѣ Парижа не можетъ имѣть ни какой цѣны, а здѣсь, конечно, выдержитъ до ста представленій сряду.

Тіеръ воротился въ Парижъ, говорятъ, по причинѣ болѣзни жены. Въ одномъ журналѣ приписываютъ ему слѣдующій отзывъ: «Я посѣялъ въ Палатѣ дураковъ, а выросли парижскія укрѣпленія!»

Въ заключеніе моего письма — любопытная грамматическая замѣтка. Извѣстно, что въ типографіяхъ число буквъ отливается по мѣрѣ встрѣчающейся въ нихъ надобности, которая довольно близко разсчитана; напримѣръ, буквы *е* отливается на листъ 700 штукъ, буквы *a* 600, буквы *и* 550, буквы *б* 500, и т. д. Такое разсчисленіе называется *полисомъ*. Книгопродавецъ, предпринявшій изданіе полныхъ твореній Шатобріана, заплатилъ типографщику за отливку новыхъ буквъ, и наборъ трехъ частей начался въ одно время. По истеченіи нѣкотораго времени, всѣ наборщики объявляютъ, что у нихъ не стало буквы *a*. Справляются съ полисомъ: отлито было потребное число. Нечего дѣлать: приливаютъ недостающее. Дня черезъ два оказывается недоимка въ буквѣ *n*, а потомъ въ буквѣ *t*. «Что за притча!» говоритъ типографщикъ, и съ досадою дополняетъ недостатокъ. Между тѣмъ издатели стали допытываться о причинѣ такой странности, и нашли, что она заключается въ стараніи Шатобріана избѣгать затычекъ: *qui*, *que*, и замѣнять ихъ причастіями и дѣепричастіями, кончащимися на *ant*, l*isant*, aim*ant*, brul*ant*. А у насъ хотятъ изгнать прекрасныя, выразительныя наши причастія: *читающій*, *любящій*, *горящій*, и замѣнить ихъ не-

русскими оборотами: *который читаетъ, который любитъ, который горитъ*! Впрочемъ и то правда: Шатобріанъ старый дуракъ, изъ ума выжилъ, а наши.....

XVI.

23 Октября (4-го Ноября) 1843 г.

29-го Октября минуло три года существованію нынѣшняго министерства. Король пожаловалъ орденъ Почетнаго Легіона второй степени (grands officiers) тѣмъ изъ министровъ, которые его еще не имѣли, а журналы наполнились толками и сужденіями о дѣлахъ и заслугахъ сего министерства. Каждый судитъ не по правдѣ, не по совѣсти, а по личнымъ отношеніямъ и по вліянію духа партій. Ни одно министерство, съ 1830 года, не существовало такъ долго, и если бъ оно не имѣло ни какой другой заслуги, то одна эта продолжительность уже служитъ къ его чести и заставляетъ Францію уважать его (*). Постоянствомъ и неуклоннымъ

(*) Нынѣшнее Министерство есть тринадцатое съ 1830 года: первое существовало 82 дня; второе (подъ предсѣдательствомъ Лафитта) 131 день; третье (Перрье) 577 дней; четвертое (Сульта и Жерара) 763 дня; пятое 8 дней; шестое (Мортье и Броліо) 469 дней; седьмое (22-го Февраля, Тіера) 195 дней; восьмое (6-го Сентября, Гизо и Графа Моле) 221; девятое (15-го Апрѣля, Гр. Моле) 715 дней; десятое (12-го Мая, Маршала Сульта) 294 дня; одиннадцатое (1-го Марта, Тіера) 241 день; и нынѣшнее (29-го Октября 1840, Маршала Сульта) существуетъ 1,095 дней. — Оно существуетъ, съ небольшимъ измѣненіемъ и донынѣ (2 Апрѣля 1847.) *Поздн. примѣч.*

послѣдованіемъ одной и той же системѣ, оно утвердило порядокъ, спокойствіе, владычество законовъ и внутреннее благосостояніе Франціи, сколько то было возможно послѣ сильныхъ и разрушительныхъ переворотовъ. — Споръ Университета съ духовенствомъ о вмѣшательствѣ іезуитовъ въ воспитаніе юношества еще не прекратился. Архіепископъ Ліонскій г. де Бональдъ очень неосторожно вмѣшался въ это дѣло: онъ объявилъ всенародно, что выведетъ священниковъ-законоучителей изъ тѣхъ гимназій (collèges), въ которыхъ будутъ находиться профессора, ему непріятные. Къ нему пристали нѣкоторые другіе епископы, и раздоръ закипѣлъ больше прежняго. Дошло до того, что въ Journal des Débats совѣтовали, въ случаѣ дальнѣйшаго неповиновенія духовенства, удержать тридцать милліоновъ франковъ, отпускаемыхъ правительствомъ ежегодно на его содержаніе. Министерство донынѣ не принимаетъ участія въ раздорахъ; но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что эти споры приносятъ большой вредъ нравственности и уваженію къ епископскому сану. Прилично ли прелатамъ вдаваться въ гласные толки съ журналистами и фельетонистами, и подвергать себя ихъ возраженіямъ и насмѣшкамъ? И за кого? За іезуитовъ, которые, своими происками и интригами, много способствовали къ возженію послѣдней революціи. — По новѣйшимъ извѣстіямъ, министерство представило письмо Епископа Шалонскаго (самое пламенное и оскорбительное) на судъ Государственнаго Совѣта.

Съ наступленіемъ Ноября оканчиваются осеннія ваканціи судебныхъ мѣстъ и учебныхъ заведеній. Возобновленіе ихъ засѣданій и курсовъ (les rentrées) производится торжественнымъ образомъ. Третьяго дня Министръ Просвѣщенія, г. ВиллЬменъ, открылъ возобновле-

ніе курса Нормальнаго Училища. Вчера послѣдовало открытіе Королевскаго Суда (la Cour Royale), подъ предсѣдательствомъ г. Сегіе. Генеральный адвокатъ, г. Нугіе (Nouguier), произнесъ рѣчь объ успѣхахъ законодательства и судопроизводства Франціи въ новѣйшее время. Онъ коснулся въ сей рѣчи нѣкоторыхъ злоупотребленій, вкравшихся въ исполненіе, обязанности присяжныхъ, которые, забывая свое истинное назначеніе, присвоиваютъ себѣ право помилованія, и слишкомъ часто употребляютъ во зло пособіе смягчительныхъ обстоятельствъ. Въ числѣ благихъ законовъ назвалъ онъ распоряженія касательно поединковъ: дѣйствительно, теперь очень рѣдко слышно о дуэляхъ, и записные драчуны (les brétailleurs), боясь строгаго наказанія, принуждены были бросить свое ремесло. Ораторъ, основывая благо и спокойствіе Франціи на прочности и незыблемости законовъ, на осмотрительности и медленности въ измѣненіяхъ основныхъ правилъ государственныхъ, коснулся поэтическихъ порывовъ новыхъ преобразователей, особенно Ламартина, въ слѣдующихъ словахъ: «Пусть люди, предпочитающіе игру и прихоти воображенія дѣйствительности подвиговъ практическихъ, называютъ охранительное и наблюдательное благоразуміе неподвижностью, останавливающею людей на пути ихъ, ограничивающею кругъ ихъ дѣйствій; пусть они провозглашаютъ медленностью терпѣливую зрѣлость каждаго изъ нашихъ успѣховъ; пусть они, въ восторженномъ тщеславіи своихъ поэтическихъ мечтаній, воображаютъ, будто однимъ взглядомъ могутъ измѣрить необозримые пути ума человѣческаго; пусть утверждаютъ, что однимъ скачкомъ можно достигнуть предѣловъ усовершенія человѣчества!»

Уголовное дѣло, о которомъ писалъ я въ предъиду-

щемъ письмѣ моемъ, рѣшено было въ прошедшій вторникъ, 31-го Октября. Цѣлое утро того дня употреблено было на изложеніе дѣла пресѣдателемъ. Въ шесть часовъ по полудни предложены были присяжнымъ пятьсотъ тридцать вопросовъ. Они кончили свои сужденія въ половинѣ одиннадцатаго часа ночи. Пятеро подсудимыхъ были найдены невиновными, а восемнадцать приговорены къ разнымъ наказаніямъ: къ каторжной работѣ (на 30, на 25, на 20 на 18, на 15, на 6 и на 5 лѣтъ), къ содержанію въ рабочемъ домѣ и къ заключенію подъ стражею. Одинъ изъ подсудимыхъ спокойно выслушалъ осужденіе свое на тридцать лѣтъ каторги, но когда прочитали, что жена его, за участіе въ воровствѣ, приговорена къ четырехлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ, онъ вышелъ изъ себя, въ бѣшенствѣ вскочилъ съ своего мѣста, и грозя кулакомъ судьямъ и присяжнымъ, закричалъ! «Скопище разбойниковъ! Вы осудили невинную! Мошенники, злодѣи! Не бось, душенька, я не дамъ тебя въ обиду!» Съ сими словами бросился онъ къ женѣ, разломавъ перегородку, за которою она сидѣла. Его съ трудомъ вывели изъ судейской. Сцена эта произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ: никто не ожидалъ проявленія такого сильнаго чувства въ душѣ подлаго вора и мошенника. — Полагаютъ что еще не всѣ участники этой шайки переловлены: воровства, случившіяся на сихъ дняхъ, заставляютъ думать, что бо́льшая ихъ часть укрылась отъ поисковъ полиціи.

Оставимъ колеблемое вѣтрами и непогодами безплодное поле политики и строгое поприще юстиціи: обратимся къ тому, что составляетъ славу, отраду и утѣшеніе всего рода человѣческаго, къ наукамъ, искусствамъ, словесности.

На сихъ дняхъ посѣщалъ я знаменитый артезіанскій колодезь на Гренельской Площади, дѣло достойное хвалы и удивленія во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, по непосредственной пользѣ, обѣщаемой имъ многолюднымъ частямъ города Парижа, нуждавшимся въ хорошей водѣ; во-вторыхъ, по рѣшенію имъ важной геологической задачи.

Артезіанскіе колодези (Puits artésiens), названные такъ по провинціи Артуа, гдѣ впервые начали ихъ копать во Франціи, извѣстны издавна въ Италіи и въ Австріи; но тамъ довольствовались искапываніемъ ихъ въ маломъ видѣ. Въ новѣйшія времена обратили на сей предметъ особенное вниманіе, видя въ существованіи сихъ колодезей лучшее средство къ снабженію степныхъ и безводныхъ мѣстъ необходимою для жизни человѣческой стихіею, и къ устроенію при такихъ колодезяхъ мельницъ, фонтановъ, и т. п. Въ Парижѣ занялся симъ опытомъ гражданскій инженеръ Мюло (Mulot), при помощи своего сына. Городовой Совѣтъ, видя великую пользу, какая можетъ произойти отъ артезіанскаго колодезя, назначилъ на исполненіе сего предпріятія достаточныя суммы. Работы начались 1-го Января 1834, за Марсовымъ Полемъ, въ помѣщеніи Гренельской Бойни, на мѣстѣ возвышенномъ. Въ Декабрѣ 1836 просверлили землю на 385 метра (179½ саженъ): прошли слоями намывной земли, песку, мѣлу смѣшаннаго съ кремнистою землею, и проникли въ крѣпкій зеленоватый мѣлъ. Въ Іюнѣ сондъ дошелъ до 466 метровъ (218½ саж.), не встрѣчая ничего инаго. Наконецъ, 20-го Февраля 1841, поднялась вода въ огромномъ количествѣ, но смѣшанная съ грязью и зеленоватымъ и желтымъ пескомъ, до того, что она оказывалась негодною для питья. Фонтанъ извергалъ по три кубическіе метра воды въ минуту. По

исчисленію директора работъ путей сообщенія, г. Эмери, сила, подпимающая воду сію со дна колодезя, равняется пятидесяти атмосферамъ. Верхнее отверзстіе трубы имѣетъ въ діаметрѣ 55 сантиметровъ (12¼ вершковъ), нижнее 18 сантиметровъ (4 вершка). Длина трубы 547 метровъ (около 257 саженъ). Притомъ вода поднималась не безпрерывнымъ, ровнымъ столпомъ, а порывами, болѣе или менѣе сильными; иногда останавливалась она на нѣсколько дней. Въ другое время порывы воды были такъ сильны, что она разрушала мѣдные и чугунные цилиндры, которыми хотѣли дать ей правильное теченіе: это случилось, между прочимъ, 6-го Октября 1841. Бывало, что вода поднималась чистая, безъ всякой примѣси, а потомъ вдругъ извергала на поверхность грязь и песокъ. Для удостовѣренія, на какую именно высоту можетъ подниматься вода колодезя, устроили надъ нимъ трубу во сто футовъ (15¼ саженъ); водяной столпъ поднимается на сію высоту, и на томъ вода является уже совершенно чистою и свѣтлою, безъ всякихъ постороннихъ частицъ, которыя, поднимаясь изъ земли, своею тяжестію мало по малу отпадаютъ. Вода колодезя, чистая на вкусъ, имѣетъ свойство желѣзистое. Теплота ея простирается до 25° стоградуснаго термометра. Вода, достигнувъ вершины вертикальной трубы, упадаетъ двумя цилиндрами: одинъ находится въ соприкосновеніи съ трубою горизонтальною, проводящею воду для употребленія ея на дѣлѣ, другимъ падаетъ въ водоемъ лишнее. Эта лишняя вода не всегда бываетъ въ равномъ количествѣ. Однажды въ моемъ присутствіи, вода сія почти совершенно остановилась — слѣдствіе неровнаго ея изверженія изъ-подъ земли. Горизонтальною трубою вода при-

водится нынѣ въ водоемы бойни и въ нѣкоторыя другія мѣста близлежащаго Бульвара Инвалидовъ. Предполагаютъ провести ее оттуда въ часть города, облегающую Пантеонъ, или Церковь Св. Геновефы (Ste Geneviève), наиболѣе нуждающуюся въ водѣ. Продавая эту воду по два су (восемь копѣекъ мѣдью) за ведро, городъ получитъ въ одинъ годъ всю сумму, которую употребилъ па устроеніе колодезя и водопровода. И теперь уже пользуется ею Гренельская Бойня, которая донынѣ издерживала въ годъ десять тысячъ франковъ на подвозъ воды.

Вотъ практическое употребленіе Гренельскаго Колодезя! Но теорія его происхожденія еще далеко не очистилась такъ, какъ вода его при выходѣ изъ высокой трубы. Для объясненія силы, извергающей воду, толковали, что она поднимается по закону гидравлики, наблюдаемому при устроеніи искусственныхъ фонтановъ: вода, опускаясь по искривленной трубкѣ, старается подняться вновь на ту высоту, съ которой падаетъ, и такимъ образомъ производитъ фонтаны или водометы. Изъ сего долженствовало бы слѣдовать, что артезіанскіе колодези могутъ существовать только вблизи горъ, со внутренностью которыхъ подземные источники должны быть въ непосредственномъ и безпрерывномъ соотношеніи. Сверхъ того нельзя вообразить себѣ, чтобъ внутри земли существовали правильныя гидравлическія трубки, просверленныя въ безпрерывномъ твердомъ веществѣ, ибо вода, попавъ въ слой рѣдкій, напримѣръ въ песокъ, непремѣнно расплылась бы во всѣ стороны. Вода же, стекающая съ высоты безъ стѣсненія ея въ искривленной трубкѣ, никогда не поднимется вновь на эту высоту; напримѣръ, вода дождевая, падая на землю

жолобами, составитъ лужи въ углубленіяхъ, но никогда не произведетъ фонтана! Извѣстный писатель Азаисъ, творецъ книги: *О вознагражденіяхъ* (Des compensations), рѣшилъ сію задачу очень замысловатымъ и, кажется, довольно справедливымъ образомъ. Онъ полагаетъ, что вода распространена по всей внутренности Земнаго Шара, сверхъ твердаго его остава, подъ верхнею его корою, и, какъ кровь въ тѣлѣ животнаго, находится въ безпрерывномъ кругообращеніи, стремясь расширительною (expansive) своею силою къ поверхности. Проколите какую либо часть тѣла животнаго: кровь брызнетъ вертикально къ его поверхности; продолбите верхній слой земли, вода хлынетъ вверхъ непреоборимою силою. Недавно случившееся землетрясеніе на островѣ Гваделупѣ подкрѣпляетъ это предположеніе: земля тамъ разщелилась, и изъ отверзтія брызнула горячая вода, смѣшанная, какъ и въ Гренельскомъ Колодезѣ, съ разными посторонними веществами. Это было болѣзненное изверженіе земнаго тѣла — кровоизверженіе, геморрагія. Г. Азаисъ идетъ далѣе: онъ утверждаетъ, что подобно тому, какъ искусственнымъ кровопусканіемъ предупреждается кровоизверженіе болѣзненное, такъ искусственными отводами подземной крови можно предупреждать землетрясенія. И въ то же время полагаетъ онъ, что такое искусственное извлеченіе необходимой въ землѣ влажности, можетъ изсушить подземныя водяныя жилы, и тѣмъ ослабить, разстроить организмъ ихъ окрестностей. — На сихъ частностяхъ г. Азаисъ воздвигъ свою систему расширительности всякаго органическаго тѣла, удерживаемой противною ей силою сжатія снаружи. Здѣсь оканчиваю изложеніе его наблюденій и умозрѣній, прося извине-

нія у записныхъ натуралистовъ, что незванный зашелъ въ вертоградъ ихъ науки. Впрочемъ, извѣстна поговорка, что дуракъ иногда закинетъ камень такъ, что сто умныхъ его не отыщутъ. Это случилось и со мною: въ первомъ нумерѣ *Журнала Общеполезныхъ Свѣдѣній*, издаваннаго г. Башуцкимъ, изложилъ я мнѣніе свое о причинѣ круглоты солнечныхъ лучей, проникающихъ сквозь тѣсныя отверстія, напримѣръ, сквозь древесные листья. Сіе мнѣніе обратило на себя вниманіе нашихъ академиковъ и другихъ ученыхъ людей въ Европѣ. Г. Ламонъ, астрономъ мюнхенскій, растолковалъ мнѣ этотъ феноменъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Г. Азаисъ окончилъ свою любопытную брошюрку самымъ комическимъ образомъ: онъ помѣстилъ въ ней письмо свое къ Королю, съ жалобою на Академіи, не принявшія его въ число своихъ членовъ. Да развѣ отъ этого онъ сдѣлался бы умнѣе, и изобрѣтеніе его важнѣе и дѣйствительнѣе? И не лучше ли въ тысячу разъ слышать о себѣ: «странное дѣло, что Азаисъ, принесшій отечеству своему большую пользу сороколѣтними трудами и важными сочиненіями, не членъ академіи?» Выборъ не труденъ. И не жалкое ли было бы дѣло, если бъ умъ, знанія, общеполезность, слава ограничивались тѣсными стѣнами академій; если бъ, напримѣръ, во Франціи, только *сорокъ человѣкъ* умѣли писать по-французски! — Франція представляетъ нынѣ нѣсколько разительныхъ примѣровъ тому, что геній и дарованія очень часто не имѣютъ надобности въ искривленной трубкѣ школьнаго ученія, чтобы подняться на поверхность; напротивъ, подобно столпу воды Тренельскаго Источника, разрывая всѣ преграды, взлетаютъ на верхъ славы, разумѣется въ нача-

лѣ своемъ и не безъ примѣси постороннихъ веществъ, вредящихъ чистотѣ и блеску.

Первый изъ этихъ геніевъ-самоучекъ діепскій сапожникъ Граліонъ (Graillon). Доселѣ шилъ онъ простые уродливые сапоги для матросовъ. Однажды, скучая безъ работы, разминалъ онъ кусокъ мягкой смолы, и, самъ не зная какъ, вылѣпилъ изъ него фигурку Китайскаго уродца. Самъ онъ не догадывался о своемъ успѣхѣ, но жена его пришла въ восторгъ отъ этого чудеснаго произведенія, и утверждала, что фигурка схожа, какъ двѣ капли, съ сосѣдкинымъ сыномъ. Слава Граліона распространилась по всему околотку. Любопытные стекались къ нему, восхищались его фигурками, и заказывали новыя: онъ началъ лѣпить ихъ изъ глины. Одинъ парижскій литераторъ пишетъ о немъ: «Граліонъ живетъ въ тѣсной, грязной улицѣ, близъ собора. Я взобрался въ его бѣдную комнатку по узкой лѣстницѣ. Во всемъ господствовалъ піитическій безпорядокъ. Сапожный *инструментъ* и обрѣзки кожи валялись посреди снадобья художественнаго. Я нашелъ тамъ двухъ знакомцевъ, г. Роже де Бовуара и г. де Віель-Кастеля. Они разсматривали группу нищихъ, только что вылѣпленную Граліономъ. Позы всѣхъ фигуръ очень натуральны. Одежда ихъ, убогое рубище, отдѣлана съ необыкновенною смѣлостью и истиною: во всемъ видны безпечность и цинизмъ нищенства. Граліонъ вылѣпилъ и нѣсколько историческихъ статуекъ: Дюкена и всадника временъ Лудовика XIII, съ такимъ же искусствомъ и успѣхомъ. Въ Неаполѣ подобныя статуйки продаются очень дорого, а онѣ не стоятъ этихъ. Граліонъ самъ не знаетъ, какъ и почему онъ ихъ вылѣпливаетъ: онѣ родятся у него подъ руками. «На что вамъ этотъ вздоръ?»

спрашиваетъ онъ съ простодушною улыбкою у людей, которые непремѣнно хотятъ имѣть ихъ.»

Другой геніяльный сынъ природы появился въ Руанѣ: онъ ткачь, а по извѣстіямъ другихъ оловянщикъ, по прозвищу Бёзанвиль (Beusenville). На сихъ дняхъ представилъ онъ комитету Французскаго Театра трагедію въ пяти актахъ, въ стихахъ, подъ названіемъ *Спартакъ*. Комитетъ нашелъ ее прекрасною и достойною представленія, но изъявилъ желаніе, чтобъ авторъ перемѣнилъ нѣкоторыя мѣста, слишкомъ похожія на сцены одной трагедіи, недавно игранной. Бёзанвиль клянется и божится, что никогда не видалъ и не читалъ этой трагедіи. Въ трудѣ его видны неопытность и незнаніе сцены, но есть прекрасныя мѣста и удивительные стихи.

Въ одномъ неважномъ журналѣ изъявлютъ сомнѣніе, точно ли это самоучки, и нѣтъ ли тутъ какой нибудь хитрости. «Вѣроятно, не сапожникъ и не ткачь, говорятъ, сдѣлались артистомъ и поэтомъ, а артистъ и поэтъ надѣли блузу и фартукъ ремесленниковъ. Какіе нибудь *неузнанные* парижскіе геніи, которыхъ труды отринуты и театромъ, и академіею, вздумали, подъ этою маскою, провезти контрабанду.» Быть можетъ! Видали и мы, что плохіе поэты писали стихи за лавочниковъ, и вмѣстѣ съ ними дѣлились безмертіемъ и деньгами. Что сойдетъ съ рукъ сидѣльцу въ мелочной лавкѣ, того не простятъ губернскому секретарю.

Въ противоположность этимъ ремесленникамъ, возвысившимся на степень поэтовъ, есть въ Парижѣ люди (и это уже не выдумка и не хитрость), упадшіе до невѣроятно низкой степени, люди занимавшіе нѣкогда почетное мѣсто въ обществѣ, а теперь изъ него навсегда изгнанные, и по своей доброй волѣ. Между прочими

такими чудаками и полоумными существуетъ въ Парижѣ нѣкто Л., *тряпичникъ* (*), который знакомъ со многими писателями и фельетонистами, толкуетъ о литературѣ, и проклинаетъ ее. Каждое утро въ пятомъ часу, и вечеромъ, въ одиннадцатомъ, проходитъ по галереѣ Монпансіе, въ Пале-Роялѣ мимо театра, потомъ по тротуару Биржевой Площади мимо Водевиля и по Монмартрскому Бульвару мимо Variétés, человѣкъ высокій, статный, благородной наружности, черноволосый съ просѣдью, въ бѣдной одеждѣ, съ мѣшкомъ подъ мышкою. Онъ былъ нѣкогда достаточенъ, а теперь питается сборомъ тряпья, бумажныхъ обрѣзковъ, т. п. За двадцать за пять лѣтъ предъ симъ онъ писалъ водевили, и отдавалъ ихъ на театръ подъ чужими именами, участвовалъ въ трудахъ самыхъ извѣстныхъ водевилистовъ, Бразье, Дюмерсана, и т. п., а теперь продаетъ свою добычу въ предмѣстіяхъ Парижа. Только онъ не хочетъ носить корзинки и крючка, а довольствуется мѣшкомъ, и въ часы досуга сочиняетъ статьи для мелкихъ парижскихъ журналовъ. Иногда пишетъ онъ письма къ начинающимъ драматическимъ авторамъ, и старается отвратить ихъ отъ сего рода занятій, въ которыхъ не получаешь ничего, кромѣ обмана и нервныхъ припадковъ. Онъ имѣетъ право на мѣста во многихъ водевильныхъ театрахъ, но не пользуется имъ, а проходитъ мимо, и съ улыбкою сожалѣнія глядитъ на публику, которая тѣснится, чтобъ видѣть и слышать *произведенія*

(*) Chiffonnier. У насъ, въ Петербургѣ, существуетъ это ремесло: мальчики съ корзиною за плечами и съ крючкомъ на палкѣ въ рукахъ, ходятъ по улицамъ и дворамъ, набираютъ въ сору и помояхъ лоскутья холстины, сукна, дрянную бумагу, и т. п., и продаютъ это имѣющимъ въ томъ нужду. Не знаю въ точности, какъ они называются въ народѣ; ветошникъ не то: это продавецъ стараго платья (fripier).

фабрики обмановъ, какъ онъ выражается. Однажды, проходя мимо театра des Variétés въ день перваго представленія, увидѣлъ онъ предъ кофейныхъ домомъ толпу молодыхъ литераторовъ. Онъ остановился, свернулъ мѣшокъ свой, и съ важнымъ видомъ сказалъ имъ: «Повѣрьте мнѣ, бросьте это, и послѣдуйте за мною!» Сказавъ это, онъ схватилъ за руку одного изъ прежнихъ своихъ сотрудниковъ, и хотѣлъ потащить его съ собою. — Л. живетъ на чердакѣ дома между предмѣстіями Менильмонтанъ и Белльвиль. Онъ питается черствымъ хлѣбомъ и тухлымъ мясомъ, расхаживая по полю. Нѣсколько разъ хотѣли его исторгнуть изъ этой нищеты, но онъ отказывается отъ всякой помощи, говоря: «Я совершенно счастливъ: пріятно жить въ уединеніи среди Парижа.» Съ другими тряпичниками живетъ онъ въ тѣсной дружбѣ, ходитъ съ ними по кабакамъ, и подчиваетъ ихъ, но самъ не пьетъ. Разстройство ума его приписываютъ несчастной любви: одна знаменитая бульварная актриса обманула его, и онъ помѣшался. — Недавно умеръ другой чудакъ, но не полоумный, Шодрюкъ-Дюкло (Chodruc-Duclos). Онъ былъ, въ свое время, въ числѣ парижскихъ львовъ, славился своимъ щегольствомъ, любезностью, волокитствомъ. Въ министерство Виллеля, онъ проигралъ процесъ, и лишился своего имущества. Онъ напрягалъ всѣ силы свои къ возвращенію потеряннаго, и не успѣвъ въ томъ, видѣвъ измѣну и неблагодарность прежнихъ друзей своихъ, возненавидѣлъ свѣтъ, сдѣлался нищимъ, поселился на чердакѣ гнусной улицы Pierre-Lescot, одѣлся въ рубище, выпачкался грязью, и въ этомъ діогеновскомъ костюмѣ являлся во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, пристально и съ презрительною усмѣшкою посматривая на тѣхъ, которыхъ въ счастливые дни угощалъ за роскошнымъ

столомъ. Я не разъ видалъ его, въ 1837 г., подъ аркадами Пале-Рояля.

Одинъ молодой пейзажистъ въ Ліонѣ, г. Амарантъ Руліе (Rouillet), изобрѣлъ способъ, при помощи котораго человѣкъ, никогда не учившійся рисованію, можетъ въ нѣсколько минутъ въ точности списать рисунокъ или изобразить какой угодно предметъ, находящійся предъ его глазами, въ дѣйствительную величину, и въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ; въ послѣднемъ случаѣ съ самымъ точнымъ наблюденіемъ перспективы. Разумѣется, что въ рисункѣ не будетъ свободы и изящества *почерка*, пріобрѣтаемыхъ только навыкомъ и ученіемъ. Способъ этотъ, говорятъ, простой, безъ машинъ, безъ помощи химіи, безъ громоздкихъ и дорогихъ приборовъ. «За годъ передъ симъ (пишутъ въ одномъ журналѣ) Министръ Внутреннихъ Дѣлъ изъявилъ желаніе имѣть объ этомъ изобрѣтеніи мнѣніе Академіи Художествъ. Взглянувъ на новую методу поверхностно и презрительно, академія объявила, что не хочетъ заняться разсмотрѣніемъ ея, потому-де, что такія изобрѣтенія вредятъ искусству, лишая его всѣхъ затрудненій. Министръ, не довольствуясь этою отговоркою (на основаніи которой слѣдовало бы уничтожить линѣйку, циркуль, камера-обскуру, дагерротипъ и другія средства, употребляемыя въ академіи и никогда не вредившія искусству), назначилъ, для изслѣдованія этого изобрѣтенія, особую коммиссію ученыхъ и художниковъ. Послѣ долгихъ и основательныхъ испытаній, въ которыхъ всѣ возможныя затрудненія были побѣждены съ необыкновенною скоростью, легкостью и успѣхомъ, коммиссія заключила, что главное начальство изящныхъ художествъ должно купить сіе изобрѣтеніе, и обнародовать въ пользу ремеслъ и искусствъ. Пока дѣло это

тянулось по департаментамъ и отдѣленіямъ министерства, одинъ ученый архитекторъ, въ особомъ донесеніи министру, доказалъ, что открытіе сіе гораздо важнѣе и общеполезнѣе, нежели какъ воображаетъ самъ изобрѣтатель. Г. Руліе получилъ, въ слѣдствіе сего, 1200 фр. ежегодной пенсіи. Публика съ нетерпѣніемъ ожидаетъ обнародованія секрета. Бѣдная Академія Художествъ! Сообщая въ тринадцатомъ моемъ письмѣ строгое о ней сужденіе, я, признаюсь побаивался, что повторяю, можетъ быть, толки враждебные и односторонніе, но вотъ новыя свидѣтельства подтверждаютъ истину сообщеннаго мною. Извлекаю сущность статьи, напечатанной въ послѣднемъ нумерѣ «Артиста». «Что есть академія?» спрашиваетъ критикъ по примѣру Аббата Сіеса. — «Ничто!» отвѣчаетъ онъ самъ себѣ. — «Чѣмъ могла бы она быть?» — Чѣмъ нибудь. — «Что есть Академія Художествъ?» — Тѣло безъ единства, безъ вѣсу, безъ силы, безъ души, безъ жизни: безъ единства, потому что между различными ея частями нѣтъ ни какой связи; злоба, раздоръ и зависть господствуютъ между профессорами, и дѣлятъ ихъ на враждебныя партіи; безъ вѣсу у высшаго Правительства; безъ души, ибо въ ней нѣтъ и духа общественнаго (esprit de corps); безъ жизни, ибо существованіе ея ничтожно. — Ея не спрашиваютъ, когда идетъ дѣло о производствѣ важныхъ и огромныхъ предпріятій: она разбираетъ только ученическія работы, опыты самыхъ плохихъ музыкантовъ, маранье школьниковъ. Сорокъ членовъ ея пресеріозно толкуютъ, какая линѣйка лучше, деревянная, мѣдная или стеклянная, и какая должна быть форма академическаго рейсфедера! — Академію употребляютъ только для того, чтобъ исключать съ выставки, безъ милосердія, всѣ тѣ работы, которыхъ *не хо-*

тятъ выставить, и на ея голову обращаютъ всю отвѣтственность. Она ни на чемъ не основываетъ своихъ сужденій, и рѣшаетъ наудачу; принимаетъ работы посредственныя, и отвергаетъ превосходныя; не даетъ хода геніяльному человѣку, который образовался самъ собою, а не въ пыльныхъ классахъ академіи. — Система обученія въ ней та же, что была въ 1665 году, и сдѣлалась еще хуже. Бѣдные ученики блуждаютъ въ прежнихъ нелѣпостяхъ и предразсудкахъ; рисуютъ все по тѣмъ же образцамъ, и тѣ же головки, мужскія и женскія, являются въ ихъ произведеніяхъ. Они не знаютъ, что одна рисовка не составляетъ артиста, что ему нужны философическое познаніе исторіи, изученіе характеровъ и страстей, волнующихъ сердце человѣческое. Академія наша есть праздная зрительница того движенія, которое сообщено правительствомъ всѣмъ прочимъ частямъ всенароднаго обученія. Она безмолвствуетъ, между тѣмъ, какъ геніяльные молодые люди пролагаютъ новые пути во всѣхъ наукахъ и искусствахъ. Домъ ея есть богадѣльня, пріютъ отдохновенія и лѣни, а Правительство учрежденіемъ ея не думало потворствовать лѣности; напротивъ, хотѣло ободрить, оживить таланты, давъ имъ спокойствіе и обезпечивъ ихъ содержаніе. По старинному обычаю, каждый членъ, являющійся на погребеніе товарища, получаетъ, какъ старинная плакальщица, золотой жетонъ въ двадцать франковъ. Богатые академики безъ стыда протягиваютъ руку, чтобъ принять это даяніе за слезы, которыхъ не проливаютъ. Въ день погребенія прибѣгаютъ они въ академію, записываютъ свое имя, и схватываютъ жетонъ, но на кладбище не ходятъ, а возвращаются домой. — Академія не имѣетъ силы исключить изъ числа своихъ членовъ тѣхъ художниковъ, которые

срамятъ ее своею безнравственностью, которые, получая ежегодно заказы на сорокъ тысячъ франковъ, не стыдятся рисовать соблазнительныя картинки, лѣпить неблагопристойныя статуйки — и подъ ними подписывать свое имя: вы можете найти живое свидѣтельство этому во всѣхъ магазинахъ. Конечно, въ этомъ виноваты не всѣ, а человѣка три изъ сорока; но какимъ образомъ прочіе ихъ не удержатъ или не отринутъ?» Это напечатано не въ какомъ либо неизвѣстномъ листкѣ, а въ журналѣ, пользующемся сотрудничествомъ Вернета, Лароша, Шеффера и другихъ первоклассныхъ артистовъ.

Соборъ Богородицы, Nôtre Dame, древнѣйшая изъ церквей Парижа, построенная въ IV вѣкѣ на развалинахъ храма Вулкана и Кастора и Поллукса, угрожаетъ паденіемъ. Стѣны ея во многихъ частяхъ растрескались, и если не будутъ приняты скорыя мѣры, можетъ послѣдовать большое несчастіе. Правительство занялось симъ предметомъ. Четыре артхитектора (Гг. Лассю, Віоле-ле-Дюкъ, Арвефъ и Фонтенъ) представили планы и проекты. Они будутъ внесены въ Палату Депутатовъ, потому что на сію работу потребуется значительная сумма. Желательно только, чтобъ Гг. архитекторы возстановили храмъ въ его старинной, величественной простотѣ, безъ тѣхъ мелочныхъ, пестрыхъ украшеній, которыми обезображены новыя церкви Парижа, М. Магдалины и Богородицы Лореттской.

Одинъ изъ самыхъ старинныхъ домовъ Парижа есть дворецъ Клюни (Hôtel de Cluny), въ улицѣ Mathurins St. Jacques. Въ немъ обитали многіе знаменитые люди своего времени; въ немъ бывали и Францискъ I, и Генрихъ IV. Въ послѣдствіи (въ 1625) жили въ немъ монахини поръ-рояльскія, убѣгавшія тамъ преслѣдованія іезуитовъ. И чего въ немъ не бывало! При Генрихѣ III

театръ, а въ 1601 году, квартира папскихъ нунціевъ! До 1817 жили въ немъ астрономы Делиль, Лаландъ и Мессіе: они устроили обсерваторію на одной изъ его башенъ. Въ последнее время это зданіе принадлежало Г. дю-Сомрару, ревностному знатоку и любителю древностей: онъ собралъ здѣсь драгоцѣнный музей остатковъ французской старины, и показывалъ его любителямъ только по два раза въ мѣсяцъ. Въ прошломъ году онъ скончался. Теперь никого не пускаютъ въ отель. Музей его приводится въ новый порядокъ, и открытъ будетъ публикѣ 1-го Января. Полагаютъ, что правительство купитъ этотъ драгоцѣнный памятникъ старины, распространитъ музей, и сдѣлаетъ его доступнымъ всей публикѣ.

Изъ театральныхъ новостей обращаетъ на себя вниманіе, на Водевильномъ-театрѣ, новый водевиль-драма: *Госпожа Роланъ* (Madame Roland), сочиненіе госпожи Ансело. Жюль-Жаненъ помѣстилъ въ Journal des Débats строгій и справедливый разборъ сей піесы: онъ выставляетъ всю ничтожность героевъ Революціи Французской, неудобство и неприличіе выводить ихъ на сцену, когда память ихъ еще свѣжа и находятся въ живыхъ многіе ихъ современники; наконецъ, замѣчаетъ, какъ странно слышать, что Шенье, Барбару, госпожа Роланъ, посреди волненій и ужасовъ того времени, распѣваютъ водевили. Все это сущая правда, но эта піеса, съ другой стороны, достойна вниманія многими неотъемлемыми красотами. Въ ней выведены на сцену тѣ несчастныя жертвы своего воображенія и тщеславія, которыя, въ ослѣпленіи своемъ, мечтали возвратить на земли золотой вѣкъ, ниспровергли прошедшее, ничего не создали въ настоящемъ, отверзли путь владычеству злодѣйства, ужаса и кровопролитія, и сами сдѣлались жертвами сво

ихъ замысловъ. Съ другой стороны видимъ прежнихъ вельможъ и царедворцевъ Франціи, добрыхъ, благородныхъ, но легкомысленныхъ и преисполненныхъ предразсудками. Героиня драмы республиканка, но все содержаніе піесы, всѣ ея выводы и уроки клонятся къ изображенію временъ республики, безначалія и буйства во всей ихъ гнусности, во всемъ ужасѣ. Въ первомъ актѣ Маша (Manon) Флипонъ, въ знатномъ домѣ, подвергается пересудамъ и насмѣшкамъ людей, не понимавшихъ ея смѣлаго характера, не воображавшихъ, чтобъ недворянка могла быть умна, образована и достойна уваженія. Во второмъ актѣ она замужемъ за Министромъ Роланомъ, участвуетъ въ трудахъ мужа своего, воображаетъ себѣ, что Франція счастлива и довольна подъ его управленіемъ, и наконецъ видитъ горькіе плоды разстройства и безначалія. Люди, нѣкогда знатные и богатые, скрываются у ней въ домѣ отъ преслѣдованій черни. Пламенный Барбару, обязанный всѣмъ одному вельможѣ, видитъ себя въ необходимости или измѣнить своимъ нынѣшнимъ друзьямъ, или приговорить къ смерти своего благодѣтеля и все его семейство: Въ третьемъ актѣ — темница. Герцоги, маркизы, придворныя дамы, заключенные въ ней, клянутъ свою участь, и обвиняютъ въ бѣдствіи своемъ Ролана и его жену. Вдругъ растворяются двери: въ темницу вводятъ Марію Роланъ, и потомъ ее же первую выводятъ на казнь. Простившись съ товарищами своего заключенія, она идетъ на смерть съ словами (дѣйствительно сказанными госпожею Роланъ въ часъ смерти): «О свобода! сколько преступленій совершается во имя твое!» — Многія мѣста драмы разительны и сильны. Таково окончаніе перваго акта. Балъ въ домѣ одного герцога. Все движется, пляшетъ, смѣется, веселится. Вдругъ раздаются на улицѣ

ружейные и пушечные выстрѣлы, бой набата, вопль неистовой черни — народъ беретъ Бастилію; но безпечные не обращаютъ вниманія на грозное предвѣстіе грядущихъ бѣдствій, и послѣ короткаго перерыва, продолжаютъ веселиться, или — какъ удачно сказалъ Салванди — плясать на огнедышащей горѣ. — Играютъ эту піесу очень старательно и удачно. Только главная актриса, госпожа Дошъ (въ роли Маріи Роланъ), не довольно смѣла и рѣшительна. Госпожа Пажъ прекрасно играетъ роль знатной дамы. Лаферріеръ (бывшій нашъ знакомецъ) хорошъ въ роли Барбару. Но лучше всѣхъ Барду, въ роли генеральнаго откупщика: олицетвореніе жадности, подлости и трусости. Постановка піесы тщательная и изящная. Вообще драма сія принадлежитъ къ тѣмъ, которыя, вопреки критикамъ, силою и истиною изображаемыхъ въ ней страстей долго привлекаютъ на себя вниманіе публики. Многія колкія выходки на нелѣпость республиканисма и на несообразность его съ здравымъ смысломъ и съ благоденствіемъ народа принимаемы были публикою съ удовольствіемъ. Еще забылъ я сказать о роли старой няни, которая, въ простотѣ души своей, видитъ гораздо далѣе умной и ученой своей вскормленницы (госпожи Роланъ), и предсказываетъ, какая горькая участь ее ожидаетъ.

Сегодня, въ Одеонѣ, дебютируютъ братъ и сестра госпожи Рашель: Рафаилъ Феликсъ въ роли Родрига, Ревекка въ роли Химены (въ Корнелевомъ Сидѣ). Журнальные застрѣльщики уже прицѣливаются, но въ театрѣ конечно успѣхъ будетъ блистательный и громкій: во всякомъ случаѣ, фаланга хлопальщиковъ, по указанію своего предводителя (chef de la claque), ободритъ юные таланты шумнымъ рукоплесканіемъ. Впрочемъ и съ журналистами сладить можно! Для этого выдуманы въ Па-

рижѣ небольшіе талисманы, золотые кружечки, не больше мѣдной денежки: они въ критикѣ то же, что столпъ Вольты въ Физикѣ; чѣмъ выше колонка такихъ металлическихъ кружечковъ, тѣмъ она дѣйствительнѣе. Въ одной новой книгѣ вотъ какъ изображаютъ двухъ самыхъ грозныхъ членовъ парижскаго ареопага: «Дѣйствіе происходитъ въ театрѣ Большой Оперы, при представленіи знаменитой піесы, въ присутствіи Короля и его Фамиліи. Посмотрите, сказалъ мнѣ мой товарищъ, на этого человѣка! Это одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ критиковъ, судья и бичъ актеровъ, авторовъ и книгопродавцевъ. Самъ онъ не въ состояніи написать ничего дѣльнаго или порядочнаго, но въ удивительной степени обладаетъ искусствомъ круглить, точить, разнообразить фразы, и разбирать главу романа, или актъ водевиля. Онъ исключительно обожаетъ писателей греческихъ и римскихъ, потому, вѣроятно, что собственныя его творенія отнюдь не классическія. Онъ отдѣлываетея оборотомъ блистательнымъ, часто оригинальнымъ, иногда слишкомъ отважнымъ. Впрочемъ, онъ малый добрый, и готовъ хвалить, когда хорошо выспится; но бѣда, когда онъ проведетъ безпокойную ночь, или надѣнетъ тѣсные сапоги, а это случается съ нимъ регулярно каждый понедѣльникъ (*). О нынѣшнемъ спектаклѣ наполнитъ онъ восемь столбцевъ разными посторонними вещами, будетъ толковать и о погодѣ, и о скачкахъ, и о Гораціи, и о Лафонтенѣ, и строкахъ на сорока поговоритъ о піесѣ, объ авторахъ, объ актерахъ, и поѣдетъ обѣдать къ тому, кого расхвалилъ болѣе. Соперникъ или совмѣст-

---

(*) По понедѣльникамъ являются въ Journal des Débats критическія статьи Жюль-Жанена.

никъ его на поприщѣ критики (*), вотъ этотъ человѣкъ въ бѣломъ галстухѣ, въ бенуарѣ налѣво. Онъ хозяинъ, издатель, директоръ, редакторъ маленькой ежедневной газеты, исключительно посвященной театру. Перо его, всегда напоенное желчью, никогда не разбираетъ дѣла: талантъ, умъ, глупость, возрастъ, заслуга, полъ, для него все равно; все подвергается его злобнымъ насмѣшкамъ. Но, вмѣсто оскорбленій и насмѣшекъ, всякъ можетъ пріобрѣсть у него и почетъ; стоитъ только развязать кошелекъ: брань, въ ту же минуту, превратится въ самую лестную похвалу, въ самое ревностное уваженіе къ дарованію и трудамъ. И это не дорого: по десяти франковъ за строчку. Иногда онъ хвалитъ и безъ денегъ, но только актрисъ, и онѣ знаютъ, что это значитъ. Это случается лишь мимоходомъ, и если похваленная не догадается въ теченіе недѣли, что должно отдарить за хвалу, онъ немилосердо срываетъ съ нее вѣнокъ, которымъ самъ ее украсилъ. Эта промышленость, которою онъ занимается безъ стыда въ теченіе двадцати лѣтъ, обогатила его; онъ живетъ бариномъ, даетъ вечера и бываетъ въ большомъ свѣтѣ. Онъ никогда не выходитъ безъ оружія, боясь нападенія на щеки. Это странно: кажется, онѣ должны были привыкнуть къ непріятнымъ прикосновеніямъ. Эти два господина флигельманы тучи мелкихъ лающихъ журналистовъ, которые ничего не пишутъ, кромѣ брани на другихъ. Они въ большомъ числѣ наполняютъ и партеръ и амфитеатръ. Нѣкоторые изъ нихъ еще не обѣдали, а теперь одинна-

(*) Шарль Морисъ, издатель журнала Le Courrier des Théâtres. Судъ исправительной полиціи прекратилъ было это изданіе, но Морисъ продолжаетъ его подъ заглавіемъ: Le Coureur des Théâtres. Каждый артистъ парижскій обязанъ подписываться на извѣстное число экземпляровъ, отъ двадцати до тридцати, но получаетъ только одинъ.

дцатый часъ. Бѣдняки эти днемъ влачатъ свою праздность по бульварамъ и тротуарамъ, и питаются баваруазомъ и сигарками, которыми ихъ потчиваютъ; вечеромъ, въ истертыхъ засаленныхъ сюртукахъ забываютъ свое убожество, вещественное и умственное, въ упоеніи спектакля, и перемигиваются съ галереею. Эти наглецы приводятъ въ отчаяніе режиссеровъ. За кулисы ихъ не пускаютъ.»

Вотъ до какой степени упало благородное занятіе литературою и изящными искусствами! За то нѣкоторыя ремесла въ Парижѣ возносятся на степень художества. Разскажу одинъ случай. Я сидѣлъ у одного пріятеля, поутру. Къ нему вошелъ портной, и принесъ новый сюртучекъ. Пріятель мой примѣрилъ его, похвалилъ и замѣтилъ только, что спереди не достаетъ одной пуговицы. — «Она лишняя!» возразилъ портной. — «Но прошлаго года вы ее пришили.» — «Прошлаго года! Древняя Исторія, а теперь ужъ не то.» — «Нужды нѣтъ, пришейте; будетъ лучше.» — «Невозможно, сударь, я осрамлюсь! Что скажетъ нашъ конгресъ?» — Пріятель мой расхохотался, а я приступилъ къ артисту съ просьбою, сказать мнѣ, что это за конгресъ, и получилъ отъ него слѣдующее объясненіе: Портные мастера парижскіе, человѣкъ слишкомъ полтораста, составляютъ между собою отдѣльное, регулярное общество, имѣющее цѣлію усовершенствованіе искусства (не смѣю сказать, мастерства) и вспоможеніе бѣднымъ мастерамъ, подмастерьямъ и работникамъ. Они собираются на конгресъ въ первое воскресенье каждаго мѣсяца, у президента своего, Г. Фроже (Froget), толкуютъ о своемъ дѣлѣ, предлагаютъ перемѣны и улучшенія въ покроѣ одежды, въ отдѣлкѣ, и пр., разсуждаютъ о сихъ предложеніяхъ, и принимаютъ ихъ или отвергаютъ боль-

шинствомъ голосовъ. Потомъ читаютъ поступившія къ секретарю бумаги: жалобы, просьбы о пособіи, и рѣшаютъ ихъ. Засѣданіе оканчивается сборомъ въ пользу бѣдныхъ. На другой день прибѣгаютъ въ канцелярію конгреса сыщики модныхъ журналовъ, узнаютъ о его рѣшеніяхъ, и сообщаютъ ихъ во всеуслышаніе по Земному Шару. Сверхъ того сами артисты издаютъ свой Journal des Tailleurs.

Парижане радуются извѣстію, что Совѣтъ Сенскаго Департамента положилъ принять мѣры къ отмѣненію платы за переходъ чрезъ мосты. За переходъ чрезъ старинные мосты (Новый Мостъ, Королевскій, Согласія, Мѣновой, Св. Михаила) не платятъ ничего, но на десяти мостахъ, построенныхъ въ новое время (Изящныхъ Искусствъ, Аустерлицкій, Іенскій, Карусельный, Аркольскій, и пр.) берутъ съ каждаго прохожаго по одному су, и съ экипажей по соразмѣрности. Въ годъ сбирается 851,000 франковъ. Постройка сихъ мостовъ стоила 8,440,000 фр. Разсчитано, что и капиталъ и проценты сей суммы уже уплачены сборомъ, и что дальнѣйшее взиманіе его несправедливо. Плата, правда, не велика, но составляетъ большое неудобство, особенно для бѣднаго класса.

XVII.

30-го Окт. (11-го Ноября) 1843 г.

Должно надѣяться, что непріятные споры между защитниками іезуитовъ и Университетомъ Франціи вскорѣ прекратятся. Министръ Юстиціи и Духовныхъ Дѣлъ Дѣлъ представилъ Государственному Совѣту письмо,

обнародованное о семъ предметѣ Епископомъ Шалонскимъ. Совѣтъ единогласно рѣшилъ, что Епископъ употребилъ во зло власть свою. Положено сдѣлать ему выговоръ.

Съ юга получаются плачевныя извѣстія о разлитіи Роны и Дюрансы: вода размыла дороги, прорвала шлюзы, затопила большія пространства, снесла много домовъ, и угрожала гибелью цѣлымъ селеніямъ и городамъ Полагаютъ, что бѣдствія сіи, неслыханныя встарину, случаются отъ срубки лѣсовъ па скатахъ горъ: дождевая вода, не удерживаемая и не раздѣляемая кустами, стволами деревъ и корнями ихъ, сливается въ быстрые потоки и низвергается въ долины. Съ другой стороны, воды разливаются отъ быстраго таянія снѣговъ на горахъ, причиняемаго южными осенними вѣтрами. Знающіе и опытные инженеры предлагаютъ разные проекты къ устраненію сихъ бѣдствій. Главное средство есть сохраненіе лѣсовъ.

При возобновленіи засѣданій Кассаціоннаго Суда, подъ предсѣдательствомъ Г. Бойе (по отсутствію Перваго Президента, Графа Порталиса), Генералъ-Прокуроръ Дюпенъ произнесъ похвальное слово знаменитому законовѣдцу XVI вѣка, Стефану Пакіе (Pasquier), ревностному защитнику трона и отъявленному врагу іезуитовъ. Потомъ упомянулъ онъ о двухъ почтенныхъ мужахъ, которыхъ судейское сословіе лишилось недавно: это Графъ Жильберъ де-Вуазенъ, Совѣтникъ Кассаціоннаго Суда, котораго вся фамилія пріобрѣла нетлѣнную славу на поприщѣ юстиціи (*), и членъ того же

(*) Но не въ нисходящей линіи. Сынъ Графа Жильбера де Вуазенъ, женившись на знаменитой Маріи Таліони, проигралъ почти все имущество жены своей (до 700,000 фр.), и тѣмъ принудилъ ее оставить Парижъ. Впро-

суда, Рюперу. Воздавъ должную хвалу ихъ добродѣтелямъ и заслугамъ, Г. Дюпенъ заключилъ рѣчь свою слѣдующими словами: «Станемъ чтить старцевъ нашихъ, милостивые государи! станемъ уважать сихъ мужей, дѣйствительно достойныхъ имени сенаторовъ, оставившихъ на пройденномъ ими поприщѣ благородный слѣдъ своихъ подвиговъ и доблестей. Станемъ молить небо, да сохранитъ на долгое время тѣхъ, которые еще засѣдаютъ въ главѣ нашей. Сіи судьи, посѣдѣвшіе подъ мантіею своею, составляютъ вѣчную славу нашего сословія. Одинъ видъ ихъ уже внушаетъ почтеніе! Къ мысли о маститой старости ихъ присовокупляется воспоминаніе о зрѣлой ихъ опытности, пріобрѣтенной долговременнымъ ученіемъ, укрѣпленной познаніемъ людей и навыкомъ въ дѣлахъ. Въ нихъ уже нѣтъ пылкихъ страстей, но за то, какая кротость, какое благоволеніе, какое, смѣю сказать, родительское чувство, возбуждающее во всѣхъ, приближающихся къ нимъ, любовь, истинно дѣтскую. Болѣе всего должны мы помнить то, что они, ветераны науки и долга, всѣми силами способствовали къ сооруженію зданія новаго законодательства, и пріобрѣли Кассаціонному Суду ту высокую славу, которую вамъ предлежитъ продолжать.»

Ассизный Судъ безпрерывно занимается производствомъ дѣлъ надъ ворами парижскими: имъ конца нѣтъ. Одинъ богатый капиталистъ, слыша безпрерывно о новыхъ кражахъ, придумалъ, при помощи одного искуснаго слесаря, разныя охранительныя средства къ своему сокровищу: задвижки, замки внутренніе и висячіе, и т.

чемъ, если бъ онъ былъ человѣкъ порядочный, она не восхищала бы Петербурга въ теченіе пяти лѣтъ. Vivent les mauvais sujets!

п., и былъ увѣренъ въ неприкосновенности своего маммона. Вдругъ прочиталъ онъ въ газетѣ, что его повѣренный, смышленый и опытный слесарь, находится въ шайкѣ, судимой за воровство, и увидѣлъ, что всѣ его секреты извѣстны почтенной компаніи. Это такъ сильно подѣйствовало на старика, что съ нимъ сдѣлался ударъ, и онъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ.

Въ числѣ первыхъ процесовъ, представленныхъ на ревизію Королевскаго Суда, былъ одинъ литературный, рѣшеный уже въ нижней инстанціи. Содержатели парижскаго театра Драматической Гимназіи, Делетръ-Пуарсонъ и Серфберъ, подали жалобу на компанію драматическихъ авторовъ, составившуюся подъ предсѣдательствомъ Г. Віенне. Цѣль этой компаніи есть охранять права авторскія, обезпеченныя закономъ, и принуждать директоровъ театральныхъ исполнять свои обязанности Извѣстно, что по французскимъ законамъ, принадлежитъ автору піесы десятая часть сбора при представленіи ея на театрѣ въ предѣлахъ Франціи. Знаменитые и любимые публикою авторы получаютъ и болѣе, по соглашенію съ дирекціями. Между тѣмъ, не всѣ содержатели исполняли свои обязанности, и, пріобрѣтая важныя выгоды отъ представленія піесъ, не выплачивали авторамъ слѣдующей имъ части подъ разными предлогами. Для устраненія сего зла, составилась упомянутая мною компанія за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Она содержитъ агентовъ въ Парижѣ и въ провинціяхъ (всего до шести сотъ человѣкъ), которые слѣдятъ за дѣйствіями содержателей театровъ, и заставляютъ ихъ платить десятину, и сверхъ того исполнять обязанности, на основаніи которыхъ компанія уступаетъ имъ піесы. Содержатели театра Гимназіи возстали противъ сихъ условій, объявили, что не хотятъ исполнять ихъ, и Ком-

панія *выключила* этотъ театръ *изъ списковъ*, т. е. обязала своихъ членовъ не давать ему новыхъ піесъ и взять обратно прежнія, а въ числѣ членовъ ея состоятъ почти всѣ драматическіе писатели Франціи. Гг. Делетръ-Пуарсонъ и Серфберъ пожаловались на это рѣшеніе въ судѣ, называли существованіе компаніи *стачкою*, запрещенною законами, и требовали взысканія съ ней шестидесяти тысячъ франковъ убытку. Судъ рѣшилъ, что законъ о стачкахъ имѣлъ въ виду только непозволительныя стачки работниковъ противъ хозяевъ и заводчиковъ, что авторы вовсе не наемники директоровъ, и что компанія въ правѣ распоряжать произведеніями своихъ членовъ, какъ заблагоразсудитъ. Содержатели подали апелляцію въ Королевскій Судъ, и онъ третьяго дня подтвердилъ опредѣленіе низшей инстанціи, къ общей радости всѣхъ драматическихъ писателей. — Званіе водевилиста во Франціи самое прибыльное. Г. Ансело, съ женою, имѣетъ въ годъ до шестидесяти тысячъ франковъ дохода отъ своихъ піесъ. Извѣстно, какую огромную фортуну сколотилъ Скрибъ. Александръ Дюма также не можетъ пожаловаться. Но какимъ образомъ успѣваетъ онъ работать такъ проворно? Что мѣсяцъ, то піеса, то романъ, то путешествіе. Это дѣло механисма Дюма имѣетъ подъ рукою нѣсколько помощниковъ, дѣятельныхъ молодыхъ людей, съ умомъ и дарованіями, но безъ денегъ и безъ имени. Они пишутъ драмы, комедіи, водевили, романы и повѣсти, и приносятъ къ нему. Онъ выбираетъ что ему нравится, платитъ имъ втрое противу всякаго книгопродавца, выправляетъ ихъ трудъ, и сообщаетъ ему блескъ и силу, отдаетъ на театръ, въ журналы, и получаетъ десятки тысячъ барыша. По этой причинѣ Жюль-Жаненъ увѣрялъ его самого въ журналѣ, что Сенъ-Сирскія Дѣвицы не его піеса. Съ моло-

дыми сотрудниками своими поступаетъ онъ благородно и щедро. Одинъ начинающій писатель принесъ ему трагедію. Дюма, прочитавши ее, возвратилъ автору съ сими словами: «Піеса ваша для меня не годится, но въ ней есть одна прекрасная сцена, которою я воспользуюсь со временемъ. Вотъ вамъ тысяча франковъ.»

Вы, конечно, дивитесь, что я, толкуя о спектакляхъ парижскихъ, ни словомъ не упомянулъ о Большой Оперѣ. Виноватъ: я въ ней еще не былъ. Можно ли находить удовольствіе во французскомъ пѣніи, когда есть италіянское? Можно ли, послѣ Ронкони, Сальви, Форназари, Маріо, Гризи, Персіани, слушать крикъ Дюпре и хрипоту мадамъ Штольцъ, которая, овладѣвъ сердцемъ директора Оперы, Леона Пилле, стрѣляетъ оттуда въ уши слушателей! Говорятъ, хорошъ пѣвецъ Баруале (Barroilhet). Послушаю его въ новой оперѣ Донидзетти, Донъ-Себастіанъ, которую теперь ставятъ на сцену.

На Театрѣ Комической Оперы, компонистъ Адамъ возобновляетъ лучшія піесы стариннаго французскаго репертуара. Оставляя въ цѣлости прежніе напѣвы, онъ украшаетъ ихъ модными выходками, пополняетъ инструментовку, и такимъ образомъ оживляетъ Гретри, Монсиньи и другихъ почтенныхъ старцевъ. Теперь публика сбирается во множествѣ смотрѣть и слушать Дезертира, который восхищалъ Парижанъ въ срединѣ XVIII вѣка. Либретто этой оперы написано Седеномъ (род. въ 1719), который оставилъ ремесло каменщика, чтобъ заняться поэзіею. Кто не знаетъ забавной аріи:

Tous les hommes sont
Bons,
On ne voit que gens
Francs,
A leurs intérêts

Prés.
Nous aimons la bonté,
L'exacte probité
Dans les autres.
Faire le bien est si doux,
Pour ne rendre heureux que nous
Et les nôtres!

Вольтеръ отдавалъ справедливость оригинальности Седена, и встрѣтившись съ нимъ однажды въ сѣняхъ Оперы, сказалъ: «Вотъ человѣкъ, который ничѣмъ не пользовался у другихъ!» Седенъ отвѣчалъ скромно: «Оттого у меня ничего и нѣтъ!» Въ первое представленіе возобновленнаго Дезертира (въ Сенъ-Клу) случилась нынѣ трогательная сцена. Когда закричали на сценѣ, что дезертиръ будетъ разстрѣлянъ, раздался громкій вопль въ залѣ. Всѣ обратились къ королевской ложѣ, въ которой сидѣла Королева Христина Испанская: она старалась подать помощь упавшей въ обморокъ придворной дамѣ своей, женѣ Генерала Діего Леона, разстрѣляннаго Эспартеромъ. —

Отъ Адама недалекъ переходъ къ *Евѣ*. Такъ называется новая драма извѣстнаго романиста Леона Гозлана, представляемая на Французскомъ Театрѣ. Дѣйствіе ея происходитъ въ Канадѣ, во время Войны Сѣверо-Американской. Дѣйствующія лица суть Французы того времени, развратные, легкомысленные, веселые, и Квакеры, добродѣтельные, строгіе, угрюмые. Содержаніе піесы до безконечности запутанное: происшествій, встрѣчъ, характеровъ, лицъ множество. Длинноты убійственныя: это недостатокъ всѣхъ повѣствователей, когда они займутся драмою. Романы ихъ разливаются широкою рѣкою: они не умѣютъ и не хотятъ втѣснить ихъ въ рамки театральнаго дѣйствія, требующаго быстроты и сжатости. Какъ драма, эта піеса не хороша, скучна, утомительна

(и послѣ урѣзокъ, сдѣланныхъ авторомъ во второе представленіе), но какъ произведеніе литературное заслуживаетъ хвалу живымъ, блистательнымъ слогомъ, многими смѣлыми и разительными мыслями. Французская трагическая сцена теперь сиротствуетъ, по случаю болѣзни госпожи (или, какъ зовутъ ее у насъ, въ Петербургѣ) *дѣвицы* Рашель. Надѣются, что она недѣль чрезъ шесть оправится. Братъ и сестра ея удачно дебютировали въ Одеонѣ. Они имѣютъ способности и дарованія, и лѣтъ черезъ пять могутъ сдѣлаться артистами. Тѣмъ прискорбнѣе было видѣть, что ихъ выводятъ на сцену такъ рано, и убиваютъ недозрѣвшіе таланты.

Носится слухъ, что Французскій Театръ, находящійся теперь, какъ извѣстно, въ Пале-Роялѣ, переведенъ будетъ въ другое мѣсто. Въ случаѣ кончины Короля, Регентъ (Принцъ Немурскій) будетъ жить въ Палѣ-Роялѣ, и помѣщеніе театра ему понадобится. Предполагаютъ построить новый театръ неподалеку отъ Банка, между улицами Vivienne и Nôtre-Dame des Victoires.

На Театрѣ Гимназіи видѣлъ я на дняхъ презанимательное представленіе. Во-первыхъ, маленькій водевиль: *Неузнанные* (les Incompris). Въ немъ выведенъ на сцену молодой человѣкъ изъ толпы тѣхъ выспреннихъ геніевъ, которые въ двадцать лѣтъ отъ роду разочаровались свѣтомъ, воспоминаютъ о былыхъ радостяхъ, о несбывшихся надеждахъ, и только въ *хладной* могилѣ надѣются *отогрѣть* сердце, не узнанное, не понятое, не оцѣненное неблагодарнымъ свѣтомъ. Но это одна маска: герой нашъ старается заманить въ свои сѣти напитанную чтеніемъ романовъ дочь колпачника (bonnetier). Его *узнаютъ*, обнаруживаютъ, и дѣло оканчивается куплетами. Актеръ Нюма играетъ главную роль въ совершенствѣ. Затѣмъ играли водевиль: *Докторъ Робенъ*, въ которомъ Буффе

чрезвычайно хорошъ въ главной роли Гаррика. Одна мечтательная дѣвица, видя его на сценѣ, въ разныхъ Шекспировыхъ роляхъ, влюбляется въ него до безпамятства. Гаррикъ, по просьбѣ жениха ея, своего друга, берется вылечить ее, и является подъ именемъ Доктора Робена, но самъ увлекается женщиною, которая сходитъ отъ него съ ума; объявляетъ ей, кто онъ, и открывается въ своей страсти. Вдругъ совѣсть въ немъ пробуждается, и онъ рѣшается ее образумить. Для этого представляется онъ пьянымъ, и разочаровываетъ мечтательницу объясненіемъ, что страсть его была выдумка, шутка и вздоръ. Разумѣется, что это средство ее исцѣляетъ. — Третьею піесою въ этотъ вечеръ была драма-водевиль *Жанъ Ленуаръ*, которой содержаніе заимствовано изъ времен Революціи Французской. Одинъ богатый графъ бѣжалъ изъ Франціи съ дочерью въ Англію, оставивъ все свое имущество, четыреста тысячъ ливровъ ассигнаціями, въ шкатулкѣ, спрятанной въ его сельскомъ домѣ. Молодой живописецъ, влюбленный въ молодую графиню, рѣшается спасти его достояніе, и тайкомъ приходитъ въ господскій домъ, которымъ завладѣлъ бывшій мызникъ графа, Жанъ Ленуаръ, обиженный и выгнанный его управителемъ, и поклявшійся вѣчною ненавистью и злобою къ помѣщику и его семейству. Молодой человѣкъ, прокравшись въ извѣстную комнату, находитъ кладъ и готовится бѣжать съ нимъ, но его схватываютъ и сажаютъ подъ стражу. Жанъ Ленуаръ, видя въ немъ шпіона, хочетъ предать его суду и разстрѣлять, но узнавъ, что бѣднякъ отважился на этотъ поступокъ для спасенія имущества бѣгствующаго графа, прощаетъ его и отпускаетъ со шкатулкою. Живописецъ приноситъ шкалулку къ Графу; ее раскрываютъ и, вмѣсто ассигнацій, находятъ въ ней расписки и сче-

ты, которыми Жанъ Ленуаръ, оправдывается предъ Графомъ, и доказываетъ, что его выгнали напрасно. Все пропало. Графъ, дочь его, бѣдный живописецъ — всѣ въ отчаяніи. Вдругъ приходитъ письмо къ Графу отъ банкира: Жанъ Ленуаръ переслалъ всѣ деньги, по векселю, при самомъ грубомъ и дерзкомъ письмѣ. — Авторъ этой піесы, Г. Овре, конечно не имѣетъ таланта Леона Гозлана, но знаетъ сердце человѣческое, характеръ изображаемой имъ эпохи и — театръ. Драма его наполнена разительными чертами. Достойно вниманія нынѣшнее направленіе французской сцены: и въ этой драмѣ дворяне, роялисты, люди образованные, выставлены истинно благородными и возвышенными душею. Простолюдины же представлены грубыми и жестокосердыми варварами: если чувство честности и пробьется изъ души ихъ, то въ видѣ суровомъ, оскорбительномъ и дерзкомъ. Только въ женскомъ сердцѣ своекорыстіе и мстительность не могутъ заглушить голоса милосердія и сострадания: Маделена, добрая жена Жана Ленуара, составляетъ разительную съ нимъ противоположность. — Разыгрываютъ эту піесу прекрасно. Волнисъ несравненно хорошъ въ роли Графа. Тиссеранъ живо представляетъ Ленуара. Маделена (госпожа Натали), молодая Графиня (Роза Шери) и домохозяинъ, скупой Англичанинъ (Клейнъ), имъ не уступаютъ. — Въ прошедшее воскресенье имѣлъ я удовольствіе видѣть (въ Variétès) стараго знакомца, Верне, въ роли отца дебютантки, которую онъ создалъ въ Парижѣ. Удивительный старикъ! Онъ уже оставилъ театръ, но игралъ въ этотъ день въ благодарность за бенефисъ, данный ему директоромъ.

На дняхъ дана будетъ, на Théâtre de la Porte St. Martin новая драма Дюма. Готовится также драма изъ Парижскихъ Тайнъ; ее пишетъ самъ Евгеній Сю, при по-

мощи Дино, автора Тридцати лѣтъ изъ жизни игрока. Говорятъ, что полиція запретила Фредерику Леметру играть главную роль въ этой піесѣ. Боятся, что онъ, въ лицѣ разбойника, слишкомъ сильно и вредно будетъ дѣйствовать на площадную публику.

Въ литературномъ свѣтѣ обращаетъ на себя вниманіе романъ Альфонса Ройе: Les Janissaires (*Янычары*). Авторъ долго жилъ въ Турціи, и пишетъ тамошнія картины съ натуры. Въ домѣ одной знатной барыни, Графини Б., одинъ молодой писатель, еще вовсе неизвѣстный въ литературномъ свѣтѣ, читалъ двѣ пѣсни новой эпической поэмы, и заслужилъ общее одобреніе. Но похвала гостиныхъ ничего не значитъ: тамъ судятъ болѣе по связямъ автора, по партіи, къ которой онъ принадлежитъ, по особѣ, которая къ нему благоволитъ.

Министерство Финансовъ возвысило налогъ на сигарки: сигарка, стоившая прежде сего четыре су, теперь продается по пяти. Это произвело большое волненіе въ курящей публикѣ, и большая часть ея обратилась вновь къ табаку: на одной недѣлѣ, по выходѣ постановленія о налогѣ на сигарки, продано въ Парижѣ болѣе восьми тысячъ курительныхъ трубокъ. Дамы, любительницы легкаго дыма сигаръ, въ отчаяніи отъ тучъ табачныхъ, и горько жалуются на жестокосердое министерство, которое облекаетъ ихъ любезныхъ друзей и поклонниковъ этою тяжелою атмосферою.

На сихъ днахъ умеръ извѣстный фортепіанистъ и композиторъ Прадеръ; онъ писалъ для Комической Оперы, и мастерски акомпанировалъ пѣвцамъ: знаменитый Гара (Garat) не могъ хорошо пѣть безъ его помощи.

Двѣ свадьбы, на сей недѣлѣ, обратили на себя вниманіе Парижа: одинъ знатный молодой человѣкъ недавно вѣнчался, въ Церкви Маріи Магдалины, съ недво-

1600 года; изъ числа тамошнихъ жителей было много ненавидѣвшихъ Бориса; всѣ они, прибѣжавъ съ покорностію къ самозванцу, увеличили значительную его шайку; одни изъ нихъ радовались случаю грабить, другіе истинно вѣрили въ него.

Лишь только самозванецъ перешелъ границу, какъ многіе города: Путивль, Рыльскъ, Бѣлгородъ, и другіе города сдались ему безъ сопротивленія, началось съ Моравска, въ нихъ было очень мало войска, и они по одиначкѣ не могли защищаться. Начальниковъ городовъ, въ которыхъ оказывалось сопротивленіе, вязали и присылали къ самозванцу, который принималъ ихъ сначала не строго, но увѣщевалъ съ кротостію обратиться къ законному Царю; этому плѣнники были ради, ожидая уже себѣ вѣрной смерти; а иные изъ нихъ сами охотно оставались подъ его знаменами, имѣя въ виду возвышеніе или по личной ненависти къ Борису.

Съ каждымъ шагомъ самозванецъ увеличивалъ свои силы и безостановочно шелъ все впередъ. 26 Октября подступилъ онъ подъ Черниговъ; Борисъ выслалъ туда войско, подъ предводительствомъ Трубецкаго и Басманова, но они не успѣли уже защитить города; самозванецъ взялъ его. Въ Черниговѣ былъ Воеводою Князь Татевъ, ненавидѣвшій Бориса: онъ сдалъ городъ и самъ вступилъ въ службу къ самозванцу. Самозванецъ нашелъ въ Черниговѣ богатую казну, онъ раздѣлилъ ее между сподвижниками своими для удовлетворенія ихъ алчности и для возбужденія ревности въ предпринятомъ походѣ.

Изъ Чернигова онъ направилъ путь къ Новгороду Сѣверску, тамъ начальствовалъ Басмановъ, который только съ пятью стами стрѣлковъ заперся въ городѣ,

по крайней мѣрѣ, накажетъ его недолгою разлукою съ милою его сердца, для которой онъ отважился преступить воинскіе законы.

Въ предъидущемъ письмѣ моемъ говорилъ я о двухъ поэтахъ-самоучкахъ, сапожникѣ и ткачѣ. Теперь сообщу вамъ подробности о двухъ поэтахъ, питомцахъ и ученикахъ природы: это хлѣбникъ Ребуль, въ Нимѣ, и парикмахеръ Жасменъ, въ Ажанѣ. Ребуль пишетъ стихи свои чистымъ академическимъ французскимъ языкомъ, подражаетъ Ламартину, острится, любезничаетъ и варіируетъ вѣчную тему *горести*, *любви*, *надежды*, какъ она разыгрывается поэзіею во Франціи съ 1820 года. Это не хлѣбникъ, превратившійся въ поэта, а поэтъ, занимающійся хлѣбопеченіемъ. Онъ такъ же могъ бы быть купцемъ, чиновникомъ, военнымъ. Пылкая кровь юга играетъ въ немъ и проявляется стихами. Другой изъ этихъ поэтовъ, также сынъ юга, но онъ поэтъ природы и истины; онъ не подражатель, а оригиналъ; онъ не пользуется готовымъ языкомъ, а, подобно Данту, создаетъ свой собственный: онъ пишетъ свои стихи на гасконскомъ нарѣчіи, которымъ Французскій Языкъ сливается съ языкомъ странъ южныхъ, особенно съ Испанскимъ. Вотъ образчикъ этого языка:

Et bous tabé, Moussu, sans cregne
De troubla mous jours et mas neys
M'escribes de pourta ma guittard et moun pegne
Dins la grando bilo des Reys.

Т. е. Et vous aussi, monsieur, sans craindre
De troubler mes jours et mes nuits,
Vous m'écrivez d'aller porter ma guittare et mon peigne
Dans la grande ville des Rois.

Поэзія Жасмена дышитъ свѣжестью младенческою, какой нельзя найти въ языкахъ образованныхъ. Вотъ

что онъ сказалъ объ этомъ одному литератору, посѣтившему его недавно: «Какое счастье, что я пользуюсь моимъ роднымъ языкомъ! Онъ старъ, но еще свѣжъ; ни какіе предмѣстники, ни какія правила, ни какія обезсиливающія отношенія не стѣсняютъ его: онъ свободенъ, горделивъ, новъ въ словесности, и можетъ безъ нареканія заимствовать слова окружающихъ его языковъ, испанскаго, италіянскаго и всѣхъ нарѣчій юга. Это мое счастье, а можетъ быть и сила. А вашъ языкъ, напримѣръ, что онъ такое? Изнуренный правилами, стѣсненный вкусомъ и пурисмомъ, истощенный многочисліемъ и плодовитостью писателей, онъ старъ и дряхлъ. Языкъ удивительный въ гражданской жизни, но онъ убійственъ для поэзіи. И справедливо ли говорятъ, что поэзія умираетъ во Франціи? Нѣтъ, поэзія никогда не умираетъ; умираетъ языкъ. Замѣтьте это. Возьмемъ въ примѣръ Виктора Гюго. Чего искалъ этотъ великій поэтъ? Языка, котораго недостаетъ ему. Онъ хотѣлъ электризовать его, оживить, воскресить изысканіемъ странныхъ словъ и оборотовъ, иногда и преувеличеніемъ мыслей. Видите ли, какъ терзается его геній? И отчего? Оттого, что у него нѣтъ орудія; языкъ изношенный, мертвый, для него отвратителенъ; онъ хочетъ создать новый языкъ въ старомъ. У меня, напротивъ, есть свой собственный языкъ, чистый, дѣвственный, смѣлый, благоухающій какъ цвѣтъ померанца, и мнѣ, только мнѣ одному Господь Богъ даровалъ счастіе владѣть имъ:»

Первые писатели и критики Франціи, Нодіе, Сентъ-Бёвъ, и проч., поощряютъ труды Жасмена, любятъ его. Король, Королева, Принцы Королевской Фамиліи его награждаютъ. Онъ чувствуетъ вполнѣ сіи поощренія и милости, страстно занимается поэзіею, но не оставляетъ своего ремесла: надъ дверьми скромной лавки его кра-

свое: набрать войско. Мстиславскій былъ раненъ въ этомъ сраженіи; Борисъ наградилъ его поцарски; предводителемъ русскаго войска остался Шуйскій. Басмановъ также принималъ дѣятельное участіе въ сраженіи: онъ выступилъ изъ своей крѣпости на помощь къ Мстиславскому и по отраженіи непріятеля, опять заключился въ ней, охранять ее; но Борисъ вызвалъ его въ Москву, милостиво принялъ и пожаловалъ саномъ Думнаго Боярина.

Въ скоромъ времени послѣ того Шуйскій получалъ новую помощь отъ Царя; войска у него находилось уже слишкомъ 70,000, онъ двинулся на Самозванца, который успѣлъ уже опять набрать до 15,000 человѣкъ, и смѣло пошелъ навстрѣчу Шуйскому. Подъ Добрыничами возгорѣлось новое сраженіе; самозванецъ оказывалъ личную храбрость, но принужденъ былъ уступить превосходству силъ. Русскіе воеводы, подкрѣпляемые нѣмецкими тѣлохранителями Бориса, совершенно разбили его 21 Генваря; они могли бы уничтожить бродяжную шайку, еслибы опять приняли дѣятельныя мѣры противъ разбитыхъ враговъ; воеводы, почитая дѣло конченнымъ, а самаго лжедимитрія убитымъ, сами пріостановили преслѣдователей, и этимъ сдѣлали важную ошибку.

Самозванецъ сперва бѣжалъ въ Рыльскъ, оттуда въ Путивль, а оттуда уже рѣшился онъ бѣжать въ Польшу, или, лучше сказать, онъ хотѣлъ тайно покинуть свою остальную дружину, но русскіе измѣнники старались удержать его, потому что имъ безъ него пришлось бы плохо; они ему поручились за успѣхъ, ссылаясь на множество единомышленниковъ своихъ въ русскомъ войскѣ. Самозванецъ, какъ у-

говорить наединѣ съ однимъ изъ нихъ. — «Да кто вы, сударь?» спрашиваетъ Бальзакъ. — «Полицейскій коммиссаръ.» — «Какое вамъ до насъ дѣло, господинъ коммиссаръ?» — «Вотъ какое! (вынимаетъ бумагу изъ кармана.) Пріятель вашъ долженъ пожаловать со мною къ слѣдственному судьѣ. Онъ изготовляетъ фальшивые векселя, и въ теченіе трехъ лѣтъ наводняетъ ими разные города Европы. Будьте увѣрены, что безъ этого обстоятельства я не осмѣлился бы васъ безпокоить!»

Въ предъидущемъ письмѣ моемъ привелъ я слова одного изъ ораторовъ Королевскаго Суда о мѣрахъ противу поединковъ. Дѣйствительно, поединки случаются здѣсь чрезвычайно рѣдко: строгое и неизбѣжное наказаніе обидчиковъ и зачинщиковъ прекратило охоту стрѣляться, и это средство мщенія или оправданія предоставлено только людямъ низшихъ сословій. Недавно принесли въ городскую больницу одного человѣка, раненаго въ плечо. Пистолетнымъ выстрѣломъ раздробило ему плечевую кость, и мясо было разорвано самымъ страннымъ, уродливымъ образомъ. Пули не доискались, а нашли *наперстокъ* портнаго! Два подмастерья почтеннаго цеха поссорились за хорошенькую швею, и стрѣлялись на десяти шагахъ, за неимѣніемъ пуль — наперстками!

Въ заключеніе нынѣшняго письма новый урокъ Политической экономіи и коммерціи. Въ Quotidienne напечатано было на дняхъ объявленіе слѣдующаго содержанія: «Г. Дюпонъ, нашедъ средство сбывать *въ Россіи* и въ Германіи старыя шали, симъ извѣщаетъ дамъ, что онъ мѣняетъ поношенныя ихъ шали на новыя. 2, Rue Neuve des Mathurins, Chaussée d'Antin.» Любопытно было бы знать, гдѣ находится депо г. Дюпона въ Петербур-

гѣ и въ Москвѣ, т. е. гдѣ наши русскія дамы покупаютъ за новость обноски парижскихъ гризетокъ!

XVIII.

6/18 Ноября 1843.

Одна изъ пріятныхъ и утѣшительныхъ перемѣнъ въ Парижѣ, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, есть почти совершенное истребленіе нищенства. Бывало (въ 1817 г.) гнусные уроды и калѣки, бóльшею частію искусственные, останавливали прохожаго на каждомъ шагу, просили милостыни, иногда требовали, и не получивъ ничего, ругались и бросали въ него грязью. Женщины нанимали дѣтей разнаго возраста, и называя ихъ своимъ семействомъ, бродили по городу, стараясь тронуть милосердіе добрыхъ людей. Теперь ничего такого нѣтъ. Единственное средство испрашивать милостыни состоитъ въ *мнимой* продажѣ зубочистокъ, конвертовъ, медовыхъ и сахарныхъ сосулекъ, зажигательныхъ спичекъ, и т. п. Бѣдная женщина, предлагая вамъ этотъ товаръ, глядитъ на васъ глазами, въ которыхъ написано: подайте на хлѣбъ! и въ случаѣ отказа, не тревожитъ васъ болѣе. Всякаго нищаго, всякаго бродягу городовые сержанты хватаютъ немедленно, и отводятъ въ полицейскій судъ, а оттуда отправляютъ ихъ въ *нищенскіе домы* (dépôts de mendicité): тамъ ихъ разбираютъ; способныхъ къ работѣ заставляютъ заняться дѣломъ, а слабыхъ и больныхъ отправляютъ въ богадѣльни. Фран-

цузское Правительство изстари пеклось о бѣдныхъ и нищихъ, но учрежденіе домовъ нищенскихъ принадлежитъ Наполеону. Огорченный зрѣлищемъ бѣдности и страданій простаго народа, онъ принялъ твердое намѣреніе помочь ему, и видя что его предписанія исполняются медленно, написалъ (14-го Ноября 1807) Министру Внутреннихъ Дѣлъ: «Считаю важнымъ дѣломъ, великою мыслію, славою моею истребленіе нищенства. Деньги есть, по мнѣ кажется, дѣло это идетъ медленно, а между тѣмъ годы проходятъ. Живя на земли, должны мы оставить слѣды, которые сохранили бы нашу память въ благословеніи у потомства. Уѣзжаю на мѣсяцъ. Постарайтесь къ 15-му Декабря отвѣчать на всѣ предложенные вамъ вопросы, и разобрать ихъ въ подробности, чтобъ я могъ, общимъ положеніемъ, нанести нищенству послѣдній ударъ.» Кажется, Императоръ не былъ доволенъ проектомъ положенія, составленнымъ въ министерствѣ: онъ самъ продиктовалъ Герцогу Бассанскому Положеніе, обнародованое 5-го Іюля 1808 г., въ которомъ замѣчательны слѣдующія слова: «Не должно бояться, чтобъ всѣ нищіе во Франціи сбѣжались въ эти домы: они не найдутъ въ нихъ удовлетворенія своимъ ожиданіямъ, и сверхъ того нищіе-бродяги въ нихъ принимаемы не будутъ.» Министръ отозвался о сихъ домахъ слѣдующими словами: «Приняты сильныя и важныя мѣры для истребленія нищенства. Въ каждомъ департаментѣ будетъ устроенъ особый домъ, въ которомъ бѣдные найдутъ пріютъ, пищу и работу: въ сихъ отеческихъ заведеніяхъ, кротость и милосердіе облегчатъ тягость заключенія, порядокъ будетъ сохраняемъ уваженіемъ; въ призрѣваемыхъ будетъ возбуждаемо чувство благодѣтельнаго стыда, и они будутъ пріучаемы къ честному труду. Сіи предположенія испол-

нены будутъ въ скорѣйшемъ времени.» Съ 1808 до 1819 года открыто было 37 нищенскихъ домовъ. Сіи домы закрыты были во время реставраціи. Тогдашнее министерство старалось истребить всѣ памятники владычества Имперіи. Наполеонъ, учреждая сіи пріюты, подчинилъ ихъ исключительно своимъ чиновникамъ; явились новые чиновники, и заведенія упали. Если бъ онъ пригласилъ частныхъ благотворителей содѣйствовать ему въ семъ добромъ дѣлѣ, правительство сократило бы свои издержки, и самыя сіи заведенія укоренились бы въ государствѣ. Между тѣмъ изъ прежнихъ нищенскихъ домовъ уцѣлѣли три (въ Сенъ-Дени, Виллеръ-Коттере и Ланѣ), въ послѣдствіи присоединено было къ нимъ еще нѣсколько, и теперь сія часть приведена въ надлежащій порядокъ.

Для вспоможеній бѣднымъ, не нищимъ, учреждены при каждой изъ двѣнадцати частей (arrondissement) Парижа *благотворительные комитеты* (bureaux de bienfaisance), состоящіе изъ частнаго пристава (maire), который занимаетъ въ нихъ должность президента, изъ вице-президента, нѣсколькихъ членовъ (коммиссаровъ) и дамъ-благотворительницъ. Обязанности комитета состоятъ въ распредѣленіи пособій, доставляемыхъ ему правительствомъ или частными людьми, и въ надзорѣ надъ благотворительными заведеніями, ему подвѣдомыми. Пособія бываютъ ежегодныя и единовременныя. Первыми пользуются слѣпцы, разбитые параличемъ, одержимые ракомъ, расслабленные, старцы свыше 65-ти лѣтъ; послѣднее оказывается раненымъ, больнымъ, роженицамъ, подкидышамъ, сиротамъ, отцамъ и матерямъ семействъ, обремененнымъ большимъ числомъ малолѣтныхъ дѣтей, и наконецъ особамъ, находящимся въ особенныхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ. Въ вѣденіи каждаго ко-

митета находятся, числомъ по мѣрѣ надобности, врачи и хурурги, повивальныя бабки, сестры милосердія и дѣтскіе пріюты.

Благотворительные комитеты Парижа обнародовали свои отчеты за 1841 годъ. Въ теченіе сего времени оказано пособія 29,282 семействамъ или отдѣльнымъ лицамъ, а именно:

Оказано единовременное пособіе семействамъ.	10,424.
Ежегодное вспоможеніе семействамъ. . . .	14,583.
Старцамъ свыше 80-ти лѣтъ.	1,223.
Старцамъ свыше 70-ти лѣтъ.	1,962.
Слѣпцамъ.	1,051.
Разслабленнымъ	256.
Итого . . .	29,282.

Число семействъ и лицъ, получившихъ пособіе, въ 1829 году было 30,361, въ 1832 г. 31,723, въ 1835 г. 28,969, въ 1838 г. 26,936. И такъ, не смотря на увеличеніе населенія города, число бѣдныхъ безпрерывно уменьшалось съ 1832 года, то есть, со времени распространенія торговли и промышлености. Но въ концѣ 1838 г. произошелъ въ коммерціи переворотъ, продолжающійся нынѣ, и въ слѣдствіе этого число бѣдныхъ возрасло одною десятою частью.

Въ 29,282 семействахъ, получившихъ пособіе въ 1841 г., было 66,487 лицъ. Главы семейства были: женатыхъ 11,917, вдовыхъ 10,408; женъ, оставленныхъ мужьями, 1,898. Взрослыхъ холостыхъ людей 4,496, малолѣтныхъ сиротъ 563. Изъ 29,282 главъ семейства, 14,052 были старѣе шестидесяти лѣтъ.

За квартиру платятъ сіи семейства: 5,399 по 50-ти фр. въ годъ и менѣе; 12,680 отъ 50-ти до 100 фр.; 5681

отъ 100 до 200 фр.; 187 отъ 200 до 300 фр.; 13 отъ 300 до 400 фр.; только два болѣе 400 фр.; 9003 пользуются квартирою даромъ; 23717 помѣщены въ должности дворниковъ.

Любопытно раздѣленіе бѣдныхъ по званіямъ: есть званія, которыхъ члены пользовались пособіемъ въ прежніе годы, а въ 1841 году не являлись; таковы: штукатуры, поливальщики улицъ, восколеи, площильщики и замазчики. Обжигальщиковъ металла (affineurs), сукновальщиковъ, фейерверкеровъ, золотобоевъ, колбасниковъ (charcutiers), было по одному. Еще было малое число бѣдныхъ между бандажистами, золотошвеями, перчаточниками, гранильщиками, литейщиками изъ гипса, пергаментщиками, парфюмёрами, оправщиками камней: ихъ оказалось по два. Драматическихъ артистовъ, церковныхъ пѣвчихъ по три. Рисовальщиковъ четверо; книгопродавцевъ и букинистовъ шестеро; типографскихъ наборщиковъ десятеро (*); граверовъ пятнадцать; переплетчиковъ двадцать четыре; 127 печатниковъ, лишившихся пропитанія въ-слѣдствіе введенія книгопечатныхъ машинъ. Болѣе ста было въ слѣдующихъ званіяхъ: плотниковъ 111; токарей 119; тряпичниковъ 122; прядильщиковъ бумаги, шерсти и шелку 124; ткачей 129; землекоповъ (terrassiers) 130; чеботарей (savetiers) 131; слугъ домашнихъ 132; ломовыхъ извощиковъ 140; писцовъ 140; кожевенныхъ работниковъ 156; кучеровъ 179; водоносовъ 189; столяровъ краснодеревщиковъ 192; маляровъ и стекольщиковъ 278; каменщиковъ 300; слесарей 353; столяровъ 406; портныхъ 477; продав-

(*) Малое число сихъ недостаточныхъ изъ огромнаго класса типографскихъ наборщиковъ происходитъ оттого, что они составили между собою сберегательную и вспомогательную кассу.

цевъ платья 778; сапожниковъ 880; посыльщиковъ 1,129; дворниковъ 1,283; поденщиковъ 1,805; людей безъ ремесла 1982. — Доходы благотворительныхъ комитетовъ состоятъ изъ суммъ, отпускаемыхъ управленіемъ богадѣленъ, изъ завѣщаній, пожертвованій, сборовъ съ театральныхъ представленій, баловъ, концертовъ (9,182 фр.) и проч. Расходы въ 1841 составляли 1,361,635 фр. Недостатокъ пополняли изъ городскихъ доходовъ. Пособія производятся преимущественно отпускомъ платья, бѣлья, постели, хлѣба, мяса, буліона, лекарствъ, дровъ, и т. п. Опытъ доказалъ, что пособія натурою гораздо полезнѣе денежныхъ. Деньгами выдано всего 95,811 фр.

Какъ ни значительны сіи пособія, они недостаточны для прокормленія всѣхъ бѣдныхъ, и убожество въ нѣкоторыхъ частяхъ Парижа, особенно между рабочими классами, чрезвычайно велико. Задѣльная плата недостаточна для содержанія работника, обремененнаго семействомъ. Хорошая швея, напримѣръ, получаетъ въ день по 25 су, т. е. 30 копѣекъ серебромъ: этого сдвали достаточно на пропитаніе одного человѣка. Притомъ и не каждый день встрѣчается работа. Движеніе промышлености, подобное приливу и отливу морскому, прихотливыя измѣненія моды и другія случайности въ быту ремесленномъ, мгновенно повергаютъ въ нищету тысячи семействъ честныхъ и трудолюбивыхъ. Многіе благонамѣренные люди обращаютъ на сей предметъ все вниманіе Правительства, и по справедливости утверждаютъ, что отъ хорошаго устройства сей части зависитъ его прочность и спокойствіе Франціи. Не милостыня нужна бѣдняку, а работа и достаточная плата. Предполагается въ каждомъ ремеслѣ завести сберегательныя кассы и попечительные комитеты, для вспомо-

женія честнымъ и нуждающимся людямъ доставленіемъ имъ средства полезнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе и сберегать копѣйку на черный день.

Засѣданія ассизнаго суда представляютъ мало любопытнаго и достойнаго замѣчанія: въ немъ судятъ городскихъ воровъ, и при этомъ возобновляются прежнія сцены, иногда смѣшныя но чаще гнусныя и отвратительныя. Не смотря на ежедневные примѣры строгости законовъ, кража въ Парижѣ не прекращается: на сихъ дняхъ украли, въ одномъ изъ лучшихъ кофейныхъ домовъ Монмартрскаго Бульвара, всю серебряную посуду, всѣ столовые приборы, цѣною на шесть тысячъ франковъ. И это произошло среди бѣлаго дня! Одинъ молодой человѣкъ промышлялъ, съ товарищами своими, инымъ образомъ: онъ нанималъ меблированныя квартиры въ разныхъ домахъ, поселялся въ нихъ, т. есть приносилъ свой пустой чемоданъ, и ночью спускалъ въ окно столовые часы, зеркала и другія движимости. Товарищи, на улицѣ, принимали эти вещи. На другой день уходилъ онъ со двора, и не возвращался. Такимъ способомъ ограбилъ онъ нѣсколько квартиръ въ лучшей части города. Онъ старался нанимать и переѣзжать во время сумерекъ, чтобъ не замѣтили его лица. Но на сихъ дняхъ, въ Passage Choiseul, узнала его одна дворничиха, закричала: держите вора! и отдала на руки городовому сержанту. Брадатый франтъ, въ новомъ, щегольскомъ пальто, въ желтыхъ перчаткахъ и лакированныхъ сапогахъ, отправленъ былъ въ полицію.

Въ ученомъ свѣтѣ достойны замѣчанія счастливые поиски ученаго Грека Миноида Мины. Министръ Просвѣщенія отправилъ его, въ началѣ 1840 года, въ Турцію и Грецію, для отысканія рѣдкихъ и дорогихъ рукописей. Мина провелъ тамъ около трехъ лѣтъ, и съ успѣ-

хомъ выполнилъ данное ему порученіе. Въ разныхъ монастыряхъ греческихъ (преимущественно на Аѳонской Горѣ) нашелъ онъ многія драгоцѣнности. Въ числѣ ихъ находятся: басни Бабрія; доньшѣ извѣстны были не болѣе ста стиховъ этого писателя; теперь найдено ихъ до двухъ тысячъ; отрывокъ изъ двадцатой книги Діонисія Галикарнасскаго; часть 21-й книги Полибія; отрывки изъ Исторіи Приска; трактатъ Галліена, недостававшій въ его твореніяхъ; новый текстъ басенъ Езопа съ древнею его біографіею; разсужденіе о греческомъ синтаксисѣ, Григорія Коринѳскаго; сочиненіе Филострата о гимнастикѣ; разные отрывки, грамматическіе и критическіе, о греческихъ поэтахъ; рукописи о Церковномъ и Гражданскомъ Правѣ; Исторія завоеванія Китая Татарами, сочиненная на Новогреческомъ Языкѣ Патріархомъ Іерусалимскимъ Нектаріемъ. —Драгоцѣнности сіи привезены въ Королевскую Библіотеку въ подлинникахъ или вѣрныхъ копіяхъ. Когда Мина занимался разборомъ ихъ въ одномъ монастырѣ Аѳонской Горы, къ нему приходили рыбаки, и просили пергаменныхъ листковъ на приманку рыбы. Получивъ отказъ, они дивились, и говорили, что добрые калогеры имъ никогда въ этомъ не отказывали. Бумажными листами заклеивали окна. Мина убѣдилъ тамошнихъ грамотѣевъ въ важности и въ *цѣнности* сихъ лоскутьевъ, и они дали слово хранить ихъ сколько возможно.

Въ литературѣ обращаетъ на себя вниманіе новая книга: Cours de Littérature dramatique, ou de l'usage des passions dans le drame, сочиненіе профессора Сенъ-Маръ-Жирардена, извлеченное изъ уроковъ, читанныхъ имъ въ Сорбоннѣ. Авторъ главною цѣлію себѣ предпо-

ложилъ доказать превосходство Театра Греческаго и стариннаго Французскаго надъ нынѣшнимъ. Цѣль благая, и книга его заключаетъ въ себѣ много хорошаго и истиннаго, но мнѣ кажется, онъ судитъ слишкомъ односторонно, и не довольно обращаетъ вниманія на Драмы Англійскую, Испанскую и Нѣмецкую, имѣвшія несомнѣнное и ощутительное вліяніе на нынѣшній Театръ Французскій. Впрочемъ донынѣ вышелъ только первый томъ его книги, по которому нельзя произнести о ней рѣшительнаго сужденія.

Въ прежнихъ письмахъ моихъ сообщилъ я вамъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ поэтахъ-самоучкахъ, возникшихъ въ новое время во Франціи. Вотъ оригинальное и, по мнѣ, очень справедливое о нихъ сужденіе умнаго Альфонса Карра: «Меня тревожитъ одна вещь, и я долженъ сказать о ней нѣсколько словъ. Еженедѣльно журналы твердятъ намъ, что парихмахеръ Жасменъ превосходный поэтъ, что Г***, жестянникъ, пишетъ удивительные стихи, что ткачъ Бёзанвилъ представилъ на Французскій Театръ пяти-актную трагедію въ стихахъ. Назавтра въ другомъ журналѣ замѣчаютъ: «Извините, Г. Бёзанвилъ не ткачъ, а оловянщикъ. Не обижайте этого почтеннаго цеха: въ немъ донынѣ еще не было поэтовъ.» Меня самого посѣтилъ въ моемъ уединеніи портной, занимающійся стихотворствомъ и очень удачно. Гдѣ-то есть поэтъ-хлѣбникъ и водевилистъ-слесарь. Все это очень хорошо; только я желалъ бы, чтобъ нѣкоторые извѣстные мнѣ поэты помѣнялись съ этими совмѣстниками, и занявъ ихъ мѣста, сдѣлались бы портными, оловянщиками, хлѣбниками, слесарями, парикмахерами, жестянниками, ткачами и пр. Въ противномъ случаѣ, у насъ будетъ слишкомъ много поэтовъ, и слишкомъ мало мастеровыхъ. Въ журналахъ увѣряютъ, что Г. Бёзанвилъ,

послѣдній изъ этихъ поэтовъ-выскочекъ, не получилъ ни какого воспитанія. Это напоминаетъ мнѣ живописца, который рисуетъ ногами, за неимѣніемъ рукъ, или того штукаря на бульварѣ, который пишетъ *брюхомъ*. — Въ самомъ дѣлѣ, не знаю, до чего это насъ доведетъ: хорошій жестянникъ гораздо полезнѣе посредственнаго стихотворца. Не этихъ плодовъ должно ждать отъ распространенія просвѣщенія. Если поэтъ не увлекаетъ людей своими твореніями, если онъ не наставляетъ ихъ въ великихъ истинахъ, — онъ такъ же безполезенъ, какъ, напримѣръ, человѣкъ, играющій искусно въ домино и на билліардѣ. Всѣ эти ремесленники, оставляющіе свою работу для кропанія стиховъ, представляютъ огорчительное свидѣтельство тому, чего должно ожидать отъ распространенія образованія въ низшихъ степеняхъ общества. Истинное образованіе даетъ всякому человѣку средства и пособія быть полезнымъ и достойнымъ уваженія въ своемъ званіи. Но если это пойдетъ по нынѣшнему, вскорѣ вся Франція будетъ сочинять трагедіи, и всѣ, отъ знатнаго до нищаго, будутъ говорить экзаметрами. Всѣмъ этимъ господамъ поэтамъ противопоставлю я одного человѣка, ремесленника, который, при помощи безпрерывнаго труда, образовался самъ собою. Онъ былъ огородникомъ, и не оставлялъ сего званія, не бросалъ полезныхъ занятій для того, чтобъ низать строчки почти равной длины, оканчивающіяся созвучными складами. Онъ остался огородникомъ, но сдѣлался огородникомъ знающимъ и искуснымъ, обративъ пріобрѣтенныя имъ знанія въ пользу своего ремесла. Онъ не пишетъ трагедій, но умно и правильно сочиняетъ книги о плодоводствѣ и земледѣліи: ученыя земледѣльческія общества приняли его свои члены. Вотъ что должно поощрять! Вотъ прекрасное послѣдствіе истиннаго образованія, а

этого-то и не поощряютъ. Знаменитая особа, пожаловавшая часы съ цѣпочкою парикмахеру-поэту Жасмену, вѣроятно, не знаетъ и о существованіи огородника Паке (Pâquet). — Вотъ дѣйствительное и благоразумное равенство: хорошій огородникъ равенъ хорошему поэту. Но дурной поэтъ гораздо ниже хорошаго поэта и хорошаго огородника. Равенство состоитъ не въ томъ, чтобъ быть всѣмъ однимъ и тѣмъ же, но быть равно хорошимъ и полезнымъ во всѣхъ званіяхъ. Между великимъ поэтомъ и поэтомъ посредственнымъ болѣе разстоянія, нежели между великимъ поэтомъ и дворникомъ.» — Экой злодѣй!

Въ прошедшій понедѣльникъ, 13-го числа, была представлена на Театрѣ Большой Оперы давно возвѣщенная піеса: *Донъ-Себастіанъ*, слова Скриба, музыка Донидзетти. Исторія Короля Португальскаго Дона Себастіана представляетъ занимательный и обильный происшествіями предметъ драматическому писателю. Воспламененый ревностью къ Вѣрѣ Христіанской и ненавистью къ магометанамъ, онъ, на двадцать-пятомъ году отъ рожденія (1578) предпринялъ, съ многочисленнымъ войскомъ, походъ въ Африку, но былъ на голову разбитъ при Алкасарѣ, и пропалъ безъ вѣсти. Португалія подпала власти Короля Испанскаго Филиппа II. Долгое время Португальцы вѣрили, что юный Король ихъ живъ и томится въ плѣну, и надѣялись, что онъ воротится, но тщетно. Четыре самозванца являлись подъ его именемъ, и преданіе о геройскомъ юношѣ, раскрашенное вымыслами воображенія, донынѣ живетъ въ Португаліи. Скрибъ воспользовался симъ предметомъ и обстоятельствами того времени очень удачно. Въ первомъ актѣ Донъ-Себастіанъ готовится отплыть изъ Лиссабонскаго. Порта. Является воинъ и хочетъ подать просьбу Ко-

ролю. Стража его не допускаетъ. Себастіанъ призываетъ его и спрашиваетъ: «Какъ тебя зовутъ?» — Камоэнсъ! отвѣчаетъ воинъ. — «Ступай со мною, говоритъ Король: ты воспоешь мои подвиги!» Въ это самое время проходитъ процессія инквизиціи: ведутъ на костеръ юную Африканку, бѣжавшую изъ монастыря, гдѣ ее заключили. Король не можетъ отмѣнить приговора инквизиціи, но смягчаетъ его: Заиду ссылаютъ въ Африку, ея отечество. Второе дѣйствіе происходитъ въ Африкѣ. Себастіанъ, побѣжденный, раненый, удаляется съ поля битвы въ сопровожденіи немногихъ вѣрныхъ сподвижниковъ. Абаялдосъ, предводитель Арабовъ, ихъ останавливаетъ, и спрашиваетъ, который изъ нихъ Король. «Я Король!» отвѣчаетъ смертельно раненый Донъ Энрико, и испускаетъ послѣдній вздохъ. Арабы уносятъ его тѣло, и берутъ въ плѣнъ спутниковъ. Король укрывается одинъ при помощи Заиды, но, для возвращенія ему свободы, она соглашается отдать руку Абаялдосу. Въ третьемъ актѣ, Донъ-Себастіанъ, въ Лиссабонѣ, видитъ собственное свое погребеніе: тщетно объявляетъ онъ свое имя, доказываетъ, что онъ живъ. Новый Король называетъ его самозванцемъ, и велитъ взять его подъ стражу. Въ четвертомъ актѣ трибуналъ инквизиціи судитъ Себастіана. Является свидѣтельница въ его пользу: женщина въ черномъ покрывалѣ объявляетъ, что это дѣйствительно Король Себастіанъ, что она нашла его раненаго, окровавленнаго, и спасла ему жизнь. Судьи готовы ей повѣрить, но узнавъ въ ней бѣглую Африканку, объявляютъ, что ея свидѣтельство не имѣетъ силы. Въ пятомъ актѣ Себастіанъ и Заида въ тюрьмѣ. Камоэнсъ пытается освободить ихъ. Къ окну привязана веревочная лѣстница. Себастіанъ и Заида спускаются съ высокой башни. Но замыселъ ихъ

открыть. Сверху отрубаютъ лѣстницу, и любовники падаютъ въ море. — Вы видите здѣсь богатое, разнообразное поле движеніямъ всѣхъ страстей! И въ самомъ дѣлѣ, интересъ поддерживается до конца піесы. Музыка удовлетворила требованіямъ самыхъ взыскательныхъ судей. Всего болѣе понравился квинтетъ въ четвертомъ актѣ, въ сценѣ инквизиціи; потомъ каватина Себастіана и романсъ Камоэнса. Вѣнецъ въ этомъ представленіи принадлежитъ пѣвцу Баруале, въ роли Камоэнса: онъ увлекъ всю публику. Дюпре заслужилъ одобреніе въ роли Дона Себастіана, и госпожа Штольцъ хорошо исполнила роль Заиды. Декораціи удивительныя; постановка богатая. Погребальная процессія, въ третьемъ актѣ, представляетъ самое великолѣпное и разительное зрѣлище. Послѣдняя декорація, съ луннымъ свѣтомъ, очаровательна.

Все это хорошо, изящно, великолѣпно, но это не Италіянская Опера: на другой день, на Италіянскомъ Театрѣ играли въ первый разъ *Марію де Роганъ*, оперу, написанную тѣмъ же Донидзетти для Вѣнскаго Театра (онъ первый капельмейстеръ Императора Австрійскаго), и публика забыла Дона-Себастіана съ его блескомъ и великолѣпіемъ: сладостные напѣвы Италіи, изливающіеся звуками роднаго языка ея, передаваемые ея неподражаемыми пѣвцами, перенесли слушателей въ третье небо. Какъ усадительны, восхитительны изящныя искусства! говоришь, смотря на чудеса Большой Оперы, а въ Италіянской Оперѣ повторяешь: есть въ мірѣ и въ сердцѣ нашемъ нѣчто выше этого искусства, этого напряженія физическихъ силъ нашихъ, и это нѣчто проявляется звуками, приводящими въ движеніе таинственныя струны души человѣческой!

Въ меньшихъ театрахъ Парижа произошла на сихъ дняхъ перемѣна, обратившая на себя вниманіе всего драматическаго міра: Буффе, единственный, неподражаемый, оставляетъ Театръ Гимназіи, и переходитъ въ Variétés. Главною тому причиною полагаютъ то, что онъ не можетъ играть въ Гимназіи лучшихъ ролей своихъ: онѣ принадлежатъ тѣмъ авторамъ, которые положили не давать своихъ піесъ Гимназіи, какъ я говорилъ въ предъидущемъ письмѣ моемъ. Директоръ Театра Variétés, Несторъ Рокпланъ, платитъ директору Гимназіи, Пуарсону, сто тысячъ франковъ неустойки за нарушеніе контракта со стороны Буффе. Этотъ артистъ опредѣляется къ нему на девять лѣтъ; онъ будетъ ежегодно получать по 40,000 фр., пользоваться трехмѣсячнымъ отпускомъ, и въ девять лѣтъ получитъ *два* бенефиса. Первое представленіе его на театрѣ des Variétés будетъ въ Gamin de Paris. — Я писалъ вамъ, что Фредерику Леметру не хотятъ позволить играть роль въ новой піесѣ les Mystères de Paris, но ошибся, сказавъ, что ему дана была роль разбойника. Нѣтъ! его выводятъ на сцену въ роли мошенника, нотаріуса Жака Ферранда, и все сословіе нотаріусовъ пришло въ ужасъ: говорятъ, они даютъ сорокъ тысячъ франковъ, только бы не Леметръ былъ ихъ преставителемъ. Щекотливость ихъ въ семъ случаѣ происходитъ отъ безславія, которымъ покрылъ ихъ званіе нотаріусъ Легонъ (братъ бывшаго бельгійскаго посланника въ Парижѣ): онъ утаилъ и растратилъ многія ввѣренныя ему суммы, и приговоренъ къ заключенію въ рабочемъ домѣ за мошенничество. Между тѣмъ, выгоды, ожидаемыя дирекціею театра отъ представленія новой піесы во всей ея силѣ, такъ велики, что она конечно не сжалится надъ воплями *чернокафтанниковъ*, и не приметъ ихъ пожертвованія.

Содержатели парижскихъ театровъ встревожены прибытіемъ въ Парижъ двухъ англійскихъ книгопродавцевъ Митчельса и Сегена: они вербуютъ хорошихъ актеровъ и актрисъ, для составленія водевиля въ Лондонѣ. Не довольно того, вопіютъ они, что *рубли* отнимаютъ у насъ лучшихъ артистовъ: вотъ и *шиллинги* возвышаютъ курсъ жалованья неугомонныхъ и ненасытныхъ актеровъ! Но какое дѣло книгопродавцамъ до театра? Таковъ обычай въ Англіи. Тамъ книгопродавцы торгуютъ театральными билетами, на которые курсъ поднимается и упадаетъ, смотря по важности піесъ и достоинству актеровъ. «Эти варвары», говорятъ содержатели парижскихъ театровъ, «разорились отъ синихъ чулокъ, отъ озерныхъ поэтовъ (lakistes), отъ бельгійскихъ перепечатокъ, и на театрѣ хотятъ воротить то, что потеряли на рынкѣ!»

Заговоривъ объ Англіи, сообщаю извѣстіе, напечатанное въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ газетахъ: одни вѣрятъ ему, другіе говорятъ, что это англійскій *пуфъ*, а я предоставляю его, разрѣшеніе почтеннымъ читателямъ Пчелы: если не правда, то, по крайней мѣрѣ, забавно. Пишутъ изъ Лондона, что нынѣ занимаются тамъ разрѣшеніемъ самаго огромнаго предпріятія, которое когда либо обращало на себя вниманіе промышленаго міра. Хотятъ построить пловучій островъ, длиною въ 600 метровъ (280 саженъ), шириною въ 160 (75 саженъ), который опускался бы въ воду не болѣе какъ на три метра ($4^1/_4$ аршина), какъ бы тяжело ни былъ нагруженъ. Въ военнотъ отношеніи ничто не могло бы противиться этой громадѣ, ибо самые большіе пароходы были бы морѣ, въ сравненіи съ нею, тоже, что челноки подлѣ линѣйнаго корабля. Проектъ сего чудовищнаго судна былъ напечатанъ впервые въ

Naval and military Gazette, и повторенъ въ Mechanic Magazine и во многихъ другихъ изданіяхъ. Островъ этотъ долженъ имѣть форму огромнаго сплюснутаго кита. Постройка обойдется въ десять милліоновъ франковъ. На немъ могли бы помѣститься до пяти тысячъ человѣкъ. Такой островъ оставался бы недвижимъ при самой сильной качкѣ, потому что тяжесть его превосходила бы силу самыхъ большихъ отдѣльныхъ валовъ. Вдоль краевъ острова были бы устроены пловучіе рычаги, которые приводились бы въ движеніе волнами, съ бо́льшею или ме́ньшею силою, и давали бы ходъ колесамъ, винтамъ или какимъ либо другимъ механическимъ средствамъ, для приведенія въ ходъ чудовищной машины. Для ней придумали новаго рода паруса, въ видѣ опахала, развертывающіеся въ нѣсколько секундъ. Это хорошо при вѣтрѣ. Но при безвѣтріи обыкновенно свѣтитъ солнце: на пловучемъ острову находятся паровыя машины, воспламеняемыя посредствомъ зажигательныхъ стеколъ и зеркалъ. Надѣются, что такой островъ будетъ плавать по тридцати и по сороку верстъ въ часъ. Онъ не можетъ потонуть, потому что при тяжести, равняющейся вѣсу десяти линѣйныхъ кораблей съ полнымъ грузомъ, по соразмѣрности его объема, удѣльная тяжесть цѣлаго была бы гораздо менѣе выдавливаемой имъ воды. — Не могу сообщить вамъ подробностей постройки, но онѣ вскорѣ будутъ обнародованы. Изобрѣтатель, г. Эцлеръ, воротится въ Лондонъ въ концѣ сего мѣсяца изъ Сѣверной Америки, куда онъ поѣхалъ для сообщенія своего проекта предпріимчивымъ особамъ.

XIX.

$^{13}/_{25}$-го Ноября 1843.

Сбираясь сообщить читателямъ моимъ нѣкоторыя подробности о новыхъ всенародныхъ и частныхъ зданіяхъ Парижа, долженъ я сначала дать имъ понятіе о расположеніи и главныхъ частяхъ всего города. Сена раздѣляетъ его на двѣ, почти равныя части, сѣверную и южную. Посреди сихъ двухъ частей, рукавами рѣки образуются острова: Сите и Св. Лудовика. Сѣверная часть состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Антенской части (Chaussée d'Antin), Торговой Части и Болота (le Marais); южная дѣлится на два: Предмѣстіе Св. Германа, или Сенъ-Жерменское, и Латинскій Кварталъ (le Quartier Latin). Первое населеніе города ограничивалось островами Сены. Потомъ онъ распространялся мало по малу до нынѣшнихъ бульваровъ, устроенныхъ на мѣстѣ бывшихъ укрѣпленій. Части города за бульварами назывались предмѣстьями: это отчасти сохранилось понынѣ: улицы, идущія по собственному городу, переходя чрезъ бульваръ, получаютъ названіе улицъ предмѣстья: Rue Montmartre, Rue Poissonnière становятся Rue du Faubourg Montmartre, Rue du Faubourg Poissonnière.

Самая блистательная, свѣтская, богатая часть города нынѣ есть Антенская. На Болотѣ живутъ, какъ у насъ на Литейной, отставные, старички, старушки, удалившіеся отъ дѣлъ купцы и т. п. Торговая Часть, идущая по обѣимъ сторонамъ улицы Сенъ-Дени, есть то же,

что у насъ 3-я Адмиралтейская. Въ Сенъ-Жерменскомъ Предмѣстьѣ живутъ богатыя и знатныя особы, преимущественно роялисты; тамъ же нанимаютъ квартиры заѣзжіе первоклассные иностранцы. Въ этой части города нѣтъ того движенія, того шуму, которые не даютъ покою на правомъ берегу рѣки: въ десять часовъ вечера закрываются магазины и кофейни. Въ Латинскомъ Кварталѣ помѣщаются училища: Медицинское, Юридическое и Политехническое, важнѣйшіе коллегіумы, и т. п. Въ Сенъ-Жерменскомъ Предмѣстія и въ Латинскомъ Кварталѣ находятся важнѣйшія книжныя лавки и типографіи.

Парижъ изстари славится вышиною своихъ домовъ, тѣснотою и неопрятностью улицъ, и не безъ основанія. На дняхъ ходилъ я въ Латинскій Кварталъ, чтобъ узнать, когда начнутся лекціи во Французскомъ Коллегіумѣ. Шелъ дождь, и мостовая была покрыта грязью. Въ тѣсныхъ улицахъ, среди мрачныхъ, высокихъ домовъ, вонь и смрадъ невыносимые. У Французовъ улица есть помойная яма, въ которую изливаются и выкидываются изъ домовъ всякія нечистоты. Это ужъ такъ принято, но есть злоупотребленіе уличной свободы, которое, какъ мнѣ кажется, полиція могла бы и должна бъ была прекратить. Можетъ быть, это и сбудется современемъ. До тѣхъ же поръ Парижъ, при всемъ блескѣ и великолѣпіи, будетъ, по-прежнему, гнуснымъ клоакомъ. Говорятъ: улицы тѣсны, домы высоки, народу множество. Это не оправданіе: въ Вѣнѣ улицы тѣснѣе и кривѣе парижскихъ, а чистота на нихъ примѣрная, Еще замѣчаніе о свойствѣ парижской грязи. Читая описаніе отважнаго возстанія генерала Малле (въ Ноябрѣ 1812), я не понималъ, какъ могло случиться что одинъ баталіонъ часомъ позже пришелъ въ городъ оттого,

что въ то утро *шелъ дождь*. Теперь очень понимаю. Гладкая и ровная мостовая Парижа, послѣ дождя, осенью покрывается тонкимъ слоемъ грязи, чрезвычайно склизкой; ноги скользятъ то въ ту, то въ другую сторону, и это до крайности затрудняетъ и замедляетъ пѣшеходовъ. Однажды, вышедъ изъ Дворца Юстиціи, я принужденъ былъ остановиться на Мѣновомъ Мосту (Pont au Change), и долго не могъ сойти съ мѣста — такъ было скользко! Чтобъ ходить по этой грязи и не грязнить обуви, надобно родиться Парижаниномъ. Здѣсь никто не носитъ галошъ, и милая повѣсть Графа Соллогуба не была бы понята въ Парижѣ. Благословляю добраго Кирштена, который снабдилъ меня ими въ дорогу. Французы хвалятъ эту обувь, и не думаютъ употреблять ее (*).

Самая новая часть города есть Антенская; сѣверная ея половина (отъ бульваровъ къ заставамъ) моложе Петербурга: ее начали строить съ 1720 года. Улицы здѣсь прямыя и довольны широкія, какъ напримѣръ, наша — Гороховая. Со временемъ и всѣ улицы Парижа будутъ шире нынѣшнихъ: при постройкѣ новыхъ домовъ, заставляютъ выводить стѣны на полсажени далѣе: отъ этого во многихъ улицахъ есть уступы; въ другихъ остались немногіе старые домы, и выступаютъ еще впередъ. Такимъ образомъ улицы расширяются, правда нечувствительно и мало по малу, но безъ большихъ издержекъ, какихъ требуетъ проложеніе новыхъ путей.

(*) Достойно замѣчанія, что нѣкоторыя вещи, у насъ очень употребительныя, здѣсь вовсе неизвѣстны. Такъ напримѣръ, здѣсь нѣтъ *этажерокъ*. Казалось бы, что французское имя должно означать и французскую вещь. Привыкши къ этой мебели, я тщетно искалъ ея по лавкамъ, и наконецъ принужденъ былъ заказать.

Пройдемся по Бульварамъ Магдалины, Капуцинокъ и Италіянскому, и поразглядимъ эту часть города. Не стану говорить о магазинахъ: они занимаютъ нижній ярусъ почти всѣхъ домовъ Парижа, и бываютъ богаче, великолѣпнѣе и изящнѣе, смотря по части города. Въ концѣ Королевской Улицы (Rue Royale St. Honoré), идущей отъ Площади Согласія къ бульварамъ, возвышается великолѣпная церковь Св. Маріи Магдалины. Встарину, когда эта часть города была еще *за городомъ*, существовала здѣсь небольшая церковь, принадлежавшая къ деревнѣ Вилль-Эвекъ, въ которой живалъ лѣтомъ Архіепископъ Парижскій. Въ 1764 году начали строить Церковь во имя Св. Магдалины, и такъ часто перемѣняли планъ и ломали начатое, что при учрежденіи консульства не было построено почти ничего. Бонапарте (1802) вознамѣрился воздвигнуть на этомъ мѣстѣ *Храмъ Славы*, поставить въ немъ статуи знаменитѣйшихъ полководцевъ Франціи, и украсить стѣны надписями въ память храбрыхъ воиновъ. Въ 1813 году готово было основаніе, и на немъ возвышались пятьдесятъ двѣ коринѳскія колонны. При возстановленіи Бурбоновъ, положено было, вмѣсто Храма Славы, достроить Церковь во имя Св. Магдалины, но работы шли очень медленно, и кончены лишь недавно. Церковь Св. Магдалины построена по образцу аѳинскаго Парѳенона (*), продолговатымъ четверо-угольникомъ, вдоль стѣнъ котораго идутъ желобчатыя колонны. Главный порталъ обращенъ къ Королевской Улицѣ. Во фронтонѣ его огромный мраморный барельефъ Лемера (изваявшаго два фронтона Исакіевскаго Собора), представляющій Страшный Судъ. Въ срединѣ Спаси-

(*) Такую форму имѣетъ Биржа въ С. Петербургѣ.

тель, у ногъ его Св. Магдалина на колѣняхъ. Съ лѣвой стороны ангелъ истребитель гонитъ грозным мечемъ своимъ Безстыдство, Развратъ, Лицемѣріе и Любостяжаніе. Съ правой ангелъ воскресенія; подлѣ него Вѣра, Надежда и Любовь. Подъ барельефомъ начертано: D. O. M. sub invocatione Sanctae Magdalenae. На сѣверномъ фронтонѣ нѣтъ барельефа. Во внутренность храма ведетъ крыльцо во всю ширину зданія. Главныя двери бронзовыя, съ символическимъ изображеніемъ Десяти Заповѣдей. Внутренность храма не раздѣлена колоннами, а состоитъ изъ одного огромнаго параллелограмма, оканчивающагося абсидою, въ которой помѣщается главный алтарь. Свѣтъ падаетъ сквозь три отверзтія въ потолкѣ. И главный алтарь освѣщенъ сверху. Стѣны и плафонъ абсиды расписаны фресками; потолокъ храма украшенъ скульптурою. Въ шести алтаряхъ по сторонамъ возвышаются мраморныя статуи. На главномъ алтарѣ группа, представляющая Св. Марію Магдалину, среди ангеловъ, работты Марокетти. Столпы и карнизы алтарей разноцвѣтнаго мрамора. Въ нишахъ картины первыхъ мастеровъ Франціи. Все блистательно, великолѣпно, изящно, но, по признанію самихъ Французовъ, зданіе сіе и снаружи и внутри не церковь христіанская, а бальная зала. Это происходитъ оттого, что Наполеонъ именно хотѣлъ построить свѣтскій и, можно сказать, языческій храмъ, и отринулъ всѣ проекты, въ которыхъ зданіе походило на христіанскую церковь. Потомъ измѣнилось назначеніе зданія, а архитектура и орнаменты остались прежніе. Какая разница, напримѣръ, съ старинною Церковью Св. Сульпиція, близъ Люксанбургскаго Дворца!

Мѣсто позади церкви Св. Магдалины было пустое, и бо̀льшую часть его занимали огромные дровяные и лѣс-

ные дворы. Теперь идетъ тамъ одна изъ прекраснѣйшихъ улицъ Парижа, Rue Tronchet, широкая, чистая, свѣтлая, обстроенная новыми, изящными домами. — Въ Парижѣ, не трудно узнать время построенія каждаго дома. Зданія, оставшіяся съ XVI и XVII вѣка, почернѣли и искрошились снаружи: такова Королевская Библіотека, бывшій дворецъ Кардинала Мазарина; такова больница la Charité. Это мрачныя, грязныя, угрюмыя зданія, похожія на тюрьмы. Частные домы того времени узкіе, въ три и четыре окна, высокіе (ярусовъ въ шесть), съ темными проходами (allées) и тѣсными, крутыми лѣстницами, безъ дворовъ, самые неуклюжіе. Господскіе домы (les hôtels) построены во дворахъ (entre cour et jardin), но теперь они бо̀льшею частію превращены въ заведенія промышлености, магазины, и т. п.: старинное удобство несовмѣстно съ нынѣшнимъ образомъ жизни, требующимъ *комфорта*. Домы новаго времени, т. е. второй половины XVIII вѣка и Имперіи, шире прежнихъ, расположены удобнѣе, имѣютъ дворы, хотя и небольшіе, нерѣдко превращенные въ садики. Новѣйшіе же частные домы, т. е. послѣднихъ двадцати лѣтъ, какъ наружностью, такъ и внутреннимъ расположеніемъ, представляютъ торжество нынѣшняго вкуса и образованія. Фасады, въ прежнихъ домахъ простые, въ новыхъ украшены рѣзьбою на камнѣ, бо̀льшею частію въ готическомъ вкусѣ. Въ первомъ и во второмъ ярусѣ идутъ балконы во всю ширину дома, съ прекрасною чугунною рѣшеткою. Крыльца свѣтлыя, удобныя, мраморныя или краснаго дерева. Комнаты не такія огромныя и многочисленныя, какъ у насъ, но свѣтлыя, уютныя, изящно украшенныя и меблированныя. Занавѣсы, ковры, мраморные камины, огромныя зеркала составляютъ ихъ роскошь. Одно только странно: въ Парижѣ не сдѣлано ничего для ото-

плепія комнатъ зимою. Нѣтъ двойныхъ рамъ, нѣтъ печей. Вездѣ камины, и, при недостаточности ихъ, калориферы, т. е. подвижныя чугунныя печки. Ноги должно или кутать въ мѣховики или ставить на рѣшетку жаровни съ угольями (chaufferette). Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ есть амосовскія печи: многіе находятъ ихъ удобными, а у себя не заводятъ. Французы не вѣрятъ, чтобъ у насъ въ домахъ было теплѣе.

Отъ Церкви Магдалины простирается бульваръ того же имени, принимающій въ себя улицы: ла-Фермъ, Годо де Моруа, Коммартенъ и Шоссе д'Антенъ. Всѣ эти улицы построены недавно. Послѣдняя изъ нихъ, просторная, съ широкими тротуарами, ведетъ въ улицу Св. Лазаря, гдѣ находится станція Версальской и Сенъ-Жерменской Желѣзной Дороги, и въ Клиши, гдѣ помѣщается тюрьма для заключенія должниковъ. Эта свѣтская, шумная, богатая часть города была въ началѣ XVIII вѣка огромнымъ болотомъ. По дорогѣ, которая шла изъ Гранжъ-Бательера въ деревню Вилль-Эвекъ, возвышались шинки, наполненные народомъ съ утра до ночи. Близлежащія деревни, Поршеронъ, Клиши и другія, были мѣстами загородныхъ забавъ и разврата. Посреди дороги въ Клиши протекалъ ручеекъ Менильмонтанъ. Въ 1720 году проложили улицу отъ бульвара, гдѣ оканчивается Улица Лудовика Великаго, до Улицы Св. Лазаря. Ее застроили знатныя особы и царедворцы, такъ называемыми *хижинками* и *домиками* (chaumières et petites maisons), въ которыхъ они, въ кругу не самомъ благопристойномъ, отдыхали отъ обязанностей и тягостей этикета. Здѣсь же часто происходили поединки между совмѣстниками въ волокитствѣ. Улица эта нѣсколько разъ перемѣняла свое наименованіе: въ началѣ она прозвана была Антенскою, потому что начи-

палась у дома Герцога д'Антенъ, который потомъ принадлежалъ Герцогу де Ришелье, и получилъ наименованіе Ганноверскаго Павиліона. Въ 1791 году улица эта названа была Улицею Мирабо, потому что въ ней жилъ и умеръ этотъ необыкновенный ораторъ. Въ 1793 наименовали ее Улицею Монбланъ, по имени новаго депармента, присоединеннаго къ Франціи. Въ 1815 возвращено ей первоначальное имя. Въ этой улицѣ жила знаменитая танцовщица Гимаръ. Маршалъ Субизъ (въ 1762) построилъ ей великолѣпный домъ, въ которомъ жрица Терпсихоры отдыхала послѣ трудовъ въ Большой Оперѣ, и съ отборными артистами играла комедіи на домашнемъ театрѣ. Домъ ея былъ разыгранъ въ лоттерею (въ 1786 г.), и принадлежитъ теперь купцу; въ нижнемъ ярусѣ аптека! Такимъ же образомъ исчезли бывшіе здѣсь отели Монморанси, Монтессонъ, Монфермель. При Наполеонѣ поселились здѣсь многіе важные люди, и между ими дядя его, знаменитый кардиналъ Фешъ. Въ этой же улицѣ пытались завести блистательный клубъ — Казино-Паганини, но онъ скончался при самомъ своемъ рожденіи. Теперь лучшіе домы ея занимаются богатыми банкирами, негоціантами, маклерами. Нижніе ярусы заняты магазинами лавками, кофейнями: улица начинается харчевнею, и оканчивается шинкомъ. Но литература и искусства облагораживаютъ ее своими созданіями: Улица Шоссе д'Антенъ была, лѣтъ за тридцать предъ симъ, театромъ наблюденій знаменитаго Пустынника (Жуи); въ ней неистощимый Скрибъ заимствовалъ героевъ и героинь для своихъ водевилей: здѣсь нашелъ онъ своихъ банкирскихъ женъ, молодыхъ вдовъ, наполеоновскихъ полковниковъ, модныхъ шалуновъ, милыхъ докторовъ, толстыхъ бароновъ, невѣстъ въ бѣлыхъ вуаляхъ, и вертлявыхъ кокетокъ, раздушен-

ныхъ и разукрашенныхъ. Здѣсь жила пресловутая красавица и умница Рекамье до переселенія своего въ Лѣсное Аббатство (l'Abbaye aux Bois); неподалеку отсюда, въ Улицѣ Жуберъ, живутъ Господинъ и Госпожа Ансело. А въ этомъ прекрасномъ новомъ готическомъ домѣ, № 45, поселился Александръ Дюма, защитникъ и покровитель Виргиніи Бурбіе.

Александръ Дюма имѣлъ на дняхъ торжество на Театрѣ Сентъ-Мартенскихъ Воротъ, но, по мнѣ, торжество незавидное. Играли въ первый разъ его драму: *Луиза Бернаръ*, сколоченную изъ давно извѣстныхъ и избитыхъ случаевъ и происшествій. Собственная драма оканчивается съ третьимъ актомъ. Четвертый и пятый составляютъ дѣйствіе прибавочное, и вредятъ успѣху цѣлаго. Между тѣмъ, въ піесѣ есть нѣсколько счастливыхъ положеній, острыхъ словъ, умныхъ замѣчаній и разительныхъ сценъ. Лучше всего монологъ молодаго столяра, который, послѣ долгаго отсутствія, возвращается въ домъ родительскій, не находитъ въ живыхъ ни отца, ни матери, разглядываетъ мѣсто своего рожденія и поприще дѣтскихъ игръ; видитъ кресла старика отца, колыбельку покойной сестры, и наконецъ плетку, висящую на стѣнѣ. «Ахъ, знакомая плетка!» говоритъ онъ, снявъ ее съ гвоздика и стирая съ нея пыль: «ты, добрая плетка, выучила меня грамотѣ!» Актеръ Рокуръ играетъ эту роль въ совершенствѣ. При всѣхъ недостаткахъ піесы, она, благодаря игрѣ актеровъ, прошла благополучно, и по опущеніи завѣсы, Римляне (такъ называются наемные хлопальщики) съ громкими рукоплесканіями требовали, чтобъ объявлено было имя автора, которое, впрочемъ, всѣмъ было извѣстно. Во всѣхъ журналахъ наперерывъ хвалятъ драму, и Жюль-Жаненъ написалъ ей длинный панегирикъ съ забавною оговоркою: «Мнѣ жаль,

что я не могу довольно похвалить этой піесы: по недавней моей ссорѣ съ Г. Дюма, могли бы заключить, что я его задабриваю.»

А что жъ ты дѣлаешь, проклятый?

спросилъ бы я его съ русскимъ мизантропомъ. Какъ бы ни было, піесу даютъ ежедневно, и Александръ Дюма, посмѣиваясь надъ плательщиками и хлопальщиками, беретъ съ дирекціи свою десятину. Какъ бы разбранилъ онъ самъ эту драму, если бъ она была написана другимъ! Вообще эта *круговая порука* (camaraderie) доведена здѣсь до высочайшей степени. Викторъ Гюго, Александръ Дюма, Евгеній Сю, Фредерикъ Суліе, Жоржъ Сандъ, Скрибъ и еще два или три писателя, связанные выгодами съ этими господами — вотъ генеральные откупщики и таможенные пристава Французскаго Парнаса: другимъ нѣтъ ни мѣста, ни пощады.

На Французскомъ Театрѣ продолжаютъ играть Еву, на Большой Оперѣ Дона Себастіана, на Комической Дезертира. Я принудилъ себя пойти въ Комическую Оперу, и послушать эту оперу, воскрешенную Адамомъ. Вяло, бѣдно, скучно! Одинъ дуэтъ Севильскаго Цирюльника стоитъ всей кучи твореній Монсиньи, Гретри и прочихъ французскихъ композиторовъ XVIII столѣтія. Французамъ нравятся эти аріи, эти мелодіи, какъ воспоминанія дѣтства, какъ намъ нравятся пѣсни Мельника и Сбитенщика. Притомъ и пѣвцы Комической Оперы не великіе люди, есть просто и дурные. Мнѣ понравился одинъ (Мокеръ) въ роли Монтосіеля. Онъ удачно рѣшилъ трудную задачу, играть въ продолженіе полутора акта роль пьянаго, и не выходить изъ предѣловъ приличія. И аріи, пѣтыя имъ, казались мнѣ лучше прочихъ. — Донъ Себастіанъ привлекаетъ публику преимущественно ве-

николѣпіемъ и изяществомъ спектакля: декораціи несравненныя! Въ первомъ актѣ вся лѣвая сторона сцены занята линѣйнымъ кораблемъ у пристани: корма его обращена къ авансценѣ. Во второмъ представлена Алкасарская Равнина въ Африкѣ, безпредѣльная, раскаленная, знойная. Глядя на нее, чувствуешь жаръ африканскій. Не знаю, какъ угораздились замѣнить и боковыя кулисы изображеніемъ плоскости. Декорація послѣдняго акта: грозная башня на берегу моря, освѣщаемаго луною, очаровательна!

На Театрѣ Водевиля даютъ новую піесу: *Пресыщенный* (L'homme blasé). Я еще не видалъ ея; говорятъ, что она очень забавна, и Арналь въ ней уморителенъ. Передъ нею представляютъ обыкновенно водевиль-драму: *Госпожа Роланъ*, о которой я писалъ уже. Безпрерывное повтореніе этой піесы, серіозной, и слѣдственно, скучной, надоѣло посѣтителямъ Водевиля, но Ансело, въ угожденіе своей супругѣ, не хочетъ снять ея съ афиши. Наконецъ третьяго дня терпѣніе публики лопнуло. Въ третьемъ актѣ, какой-то толстый господинъ въ галереѣ третьяго яруса вздумалъ засвистать. Его хотѣли принудить къ молчанію, но онъ продолжалъ свистать, приговаривая: «Я заплатилъ деньги, и могу хлопать и свистать, сколько душѣ моей угодно!» За нарушеніе порядка и спокойствія, полиція вывела его изъ залы, но данный имъ сигналъ подѣйствовалъ: со всѣхъ сторонъ раздались свистъ, хохотъ и топотъ. Бѣдненькая Дошъ, игравшая главную роль, смутилась и не могла продолжать: принуждены были опустить завѣсу до окончанія піесы. Сочинительница, госпожа Ансело, сидѣла въ ложѣ перваго яруса. Между тѣмъ піесу продолжаютъ играть, и въ журналахъ прославляютъ ея успѣхъ. Это оттого, что въ журналахъ совершенно справедлива толь-

ко одна строчка, слѣдующая: «За помѣщеніе строки платятъ по одному франку.»

На прошедшей недѣлѣ скончалась въ помѣстьѣ близъ Парижа, бывшая артистка Французскаго Театра, Эмилія Леверъ (Leverd). Она начала поприще свое съ балета. Актеръ Клозель (бывшій и у насъ) замѣтилъ въ ней драматическій талантъ, и заставилъ ее дебютировать на Театрѣ Лувуа, которымъ тогда управлялъ Пикаръ. Молодая Эмилія имѣла успѣхъ, и вздумала замѣнить несравненную Конта въ роляхъ первыхъ кокетокъ; но Марсъ, игравшая дотолѣ молодыхъ невинныхъ дѣвицъ, ей воспротивилась, требуя этихъ ролей для себя. Возгорѣлась война, въ которой приняла участіе вся публика. Наполеонъ рѣшилъ дѣло въ пользу Леверъ письмомъ *изъ Москвы*, но директоръ театра, Ремюза, умѣлъ какъ-то выгородить г-жу Марсъ, и она одержала побѣду. По возстановленіи Бурбоновъ, Леверъ вышла на сцену въ бѣлыхъ лентахъ, а Марсъ съ фіялкою, эмблемой Наполеона. Въ залѣ поднялся шумъ, и вспылала война между офицерами старой гвардіи Наполеона и мушкетерами Короля. Главными квартирами двухъ партій были кофейные домы Ламблена и Валуа, въ Пале-Роялѣ. Битвы происходили и въ партерѣ и въ Булонскомъ Лѣсу. Госпожа Леверъ конечно одержала бы побѣду, но противъ нея возсталъ сильный врагъ — чрезвычайная дородность, и она принуждена была играть роли молодыхъ матерей и характерныя. Я помню ее въ роли госпожи Эврарь (въ комедіи Le vieux célibataire), въ 1817 году. Совершенство въ своемъ родѣ! Я до того изумленъ былъ ея искусствомъ, что *въ комедіи* не могъ удержаться отъ слезъ; посмотрѣлъ, въ замѣшательствѣ, на своихъ сосѣдей въ креслахъ: и они задыхаются! — Посреди успѣховъ и торжествъ на новомъ поприщѣ, вдругъ

явился новый врагъ — оспа. Обезображенная артистка рѣшилась оставить театръ, и провела жизнь въ кругу добрыхъ и любезныхъ друзей. Наслѣдникамъ своимъ оставила она двадцать пять тысячъ франковъ годоваго дохода.

24-го Ноября скончался, въ Виллькренѣ (Villecresne) близъ Корбеля, членъ Французской Академіи Кампенонъ, извѣстный своими прекрасными стихотвореніями: La maison des champs и l'Enfant prodigue. Онъ страдалъ въ теченіе двадцати лѣтъ тяжкою болѣзнію, и проводилъ жизнь свою въ сельскомъ уединеніи, не имѣя возможности ничѣмъ заняться. Добродушіемъ и кротостью нрава заслуживалъ онъ общее уваженіе.

Евгеній Сю объявилъ въ газетахъ, что онъ отнюдь не намѣренъ, по требованію нѣкоторыхъ особъ, смягчить на сценѣ лице преступнаго нотаріуса, но выведетъ его точно такъ, какъ онъ представленъ въ романѣ. Исключеніе изъ правила, замѣчаетъ онъ, не можетъ обидѣть сословія честныхъ людей.

Въ память Моліера воздвигаютъ фонтанъ съ его статуею. Сей монументъ будетъ стоять на остромъ углу улицъ Traversière и Ришельё. Открытіе послѣдуетъ въ день рожденія поэта, 15-го Января. Въ городовомъ совѣтѣ на дняхъ долго толковали о томъ, какъ праздновать открытіе. Процессія, по тѣснотѣ улицъ, не можетъ быть многочисленная. Академію Французскую пригласить неловко, потому что Моліеръ, къ вѣчному ея стыду, не былъ ея членомъ. Эти вопросы заняли большую часть засѣданія, но слѣдующіе два приняты были скоро и безъ возраженія: рѣчи произносить самыя короткія, потому что въ тотъ день будетъ, вѣроятно, погода холодная, и послѣ церемоніи отобѣдать въ ратушѣ на счетъ города.

Въ Италіянской Оперѣ пронесся было слухъ, что пѣвецъ Форназари ѣдетъ въ Петербургъ. Уныніе и страхъ были общіе. Къ удовольствію любителей оперы оказалось, что этотъ слухъ не имѣетъ основанія.

Рашель все еще нездорова, и не только не играетъ; но и не принимаетъ гостей. Каждую пятницу собирался у нея кружокъ свѣтскихъ и любезныхъ людей, но этотъ кружокъ нынѣ разстроился: двое или трое уѣхали съ посольствомъ въ Китай; одинъ отставленъ за измѣну; другой изгнанъ за то, что худо повязываетъ галстухъ; третій удаленъ за нескромность. Авторъ книжки: Les actrices galantes, Г. Легаллуа, отозвался въ ней невыгодно о нравственности Госпожи Рашель. Она позвала его къ суду, и лишь только приступили къ разбору дѣла, адвокатъ подсудимаго прочиталъ письмо его, въ которомъ онъ признаетъ свою вину, и проситъ прощенія у обиженной. Ея адвокатъ объявилъ, что она довольствуется симъ признаніемъ и прекращаетъ искъ. Судьи, видя въ этомъ случаѣ не только личную обиду, но и нарушеніе закона о свободѣ тисненія, хотѣли было продолжать дѣло. Наконецъ, они смягчились и освободили Легаллуа, а уплату издержекъ возложили на просительницу.

Слѣдуя примѣру великой артистки, актриса Театра Сенъ-Мартенскихъ Воротъ, Инесъ Гонзалесъ, пожаловалась въ судѣ на издателя журнала Le Satan, Франциска Бореля, въ томъ, что онъ оскорбилъ ея честь въ своихъ статьяхъ. Судъ приговорилъ его къ трехмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и къ уплатѣ 500 франковъ безчестья. Журналистъ, извѣщая объ этомъ своихъ читателей, объявляетъ, что онъ самъ будетъ жаловаться на госпожу Инесъ-Гонзалесъ, которая оклеветала его, утверждая предъ судомъ, будто онъ просилъ съ нея денегъ за то,

чтобъ хвалить ее или по крайней мѣрѣ оставить въ покоѣ. Не посадятъ ли ихъ въ тюрьму вмѣстѣ?

Уголовная Палата продолжаетъ заниматься безконечными процесами воровъ. Вотъ что пишутъ объ этомъ въ одномъ журналѣ: «Удвойте задвижки, устройте замки, застегните карманы цѣлымъ рядомъ пуговицъ. Парижъ сдѣлался добычею воровъ: никогда любовь къ чужому добру не производила такихъ опустошеній. Суды Исправительной Полиціи и Ассизовъ выбились изъ силъ: Мандренамъ и Картушамъ нѣтъ конца. Прочитавъ Судебную Газету, думаешь видѣть вора во всякомъ встрѣчномъ, обманщика и плута въ своихъ слугахъ, даже въ знакомыхъ. Подастъ ли вамъ кто руку — берегитесь, онъ стянетъ у васъ съ пальца перстень. Освѣдомится ли о вашемъ здоровьѣ — хочетъ пощупать вамъ пульсъ и забраться въ карманъ. Постучится ли въ вашу дверь, спроситъ ли кротко и учтиво, дома ли вы: онъ конечно снимаетъ слѣпокъ съ вашего ключа. Бѣда да и только! Замѣтимъ же, что воры удивительно образовались: точь въ точь, честные люди. Мошенникъ Леръ воровалъ, читая Виргилія въ подлинникѣ; въ окна взлѣзаютъ франты въ лакированныхъ сапогахъ, ломаютъ замки въ щегольскихъ перчаткахъ. Стариннаго вора можно было почуять за версту: что за ужасныя бороды, мутные глаза, звѣрская улыбка, красныя руки! Скажешь, бывало: съ такимъ молодцомъ не хотѣлось бы встрѣтиться ночью, въ глухомъ мѣстѣ! Теперь же, садясь въ дилижансъ Лафита и Кальяра, встрѣчаетесь съ любезнымъ, обязательнымъ человѣкомъ: «Не угодно ли вамъ, сударь, спрашиваетъ онъ, занять мое мѣсто въ углу? Не прикажете ли ароматическихъ лепешечекъ? Солнце васъ безпокоитъ; я спущу стору.» — Что за милый человѣкъ! думаешь про себя, не чувствуешь скуки, путешествуя

съ такимъ товарищемъ; онъ знаетъ все, говоритъ обо всемъ, какъ человѣкъ благовоспитанный, о политикѣ, о дѣлахъ коммерческихъ, о фабрикахъ, о литературѣ, о театрѣ, о свѣтскихъ происшествіяхъ. Жаль было разставаться. — Мѣсяцовъ чрезъ шесть приглашаютъ васъ свидѣтелемъ въ уголовный судъ, и на скамьѣ подсудимыхъ сидитъ милый вашъ попутчикъ; онъ смотритъ на васъ съ благосклонною улыбкою, какъ старый знакомецъ. Подчивая сосѣдей розовыми лепешечками, онъ перевелъ въ свой карманъ пять или шесть чужихъ портфелей. Такова исторія мошенника Сука (Souques), который будетъ преданъ суду на сихъ дняхъ: этотъ юный двадцати-шестилѣтній бандитъ былъ очень любезенъ и нѣженъ съ дамами, которыхъ встрѣчалъ въ дорогѣ; его можно было принять за льва, отправляющагося въ свое помѣстье для отдохновенія отъ зимнихъ баловъ и концертовъ, а онъ былъ не только воръ, но и убійца!» — Вотъ еще свидѣтельство учтивости и любезности, съ какою воры дѣйствуютъ въ нынѣшнее время. Я писалъ вамъ, что недавно обокрали одного парижскаго ресторатора; все серебро его исчезло вдругъ, какъ подъ руками Пинетти или Боско. Полиція тщетно доискивается виновныхъ. На другой день послѣ покражи бѣдный трактирщикъ получилъ письмо слѣдующаго содержанія: «Милостивый государь! Не безпокойтесь о своемъ серебрѣ: оно въ моихъ рукахъ, и я его не выпущу. Между тѣмъ я вспомнилъ, что, отобѣдавъ у васъ вчера, я въ торопяхъ забылъ расплатиться. Крайне виноватъ! Больно было бы мнѣ, если бъ вы подумали, что я въ состояніи обмануть васъ въ такой бездѣлицѣ. Въ слѣдствіе сего имѣю честь препроводить къ вамъ присемъ одинъ наполеондоръ въ уплату вчерашняго долга, простирающагося до 10 фр. 60 сант. Остальное прошу

отдать на водку прислужнику. Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ высокопочитаніи.»

Сегодня прочиталъ я въ газетахъ новое свидѣтельство непростительнаго потворства присяжныхъ. Въ Эньскомъ Департаментѣ (Dép. de l'Aisne) одна молодая женщина, вышедшая за мужъ за полгода предъ симъ, посягнула на жизнь своего мужа. Послѣ неважной съ нимъ ссоры, она влила ему, спящему, въ ухо растопленнаго свинцу. Онъ проснулся отъ ужасной боли, и она убѣжала. Бѣднякъ остался живъ, но на всю жизнь изувѣченъ. Присяжные объявили, что это была прихоть беременной жизни, и что она совершила преступленіе невольно. На основаніи этого, судъ приговорилъ ее къ заключенію въ тюрьмѣ на полтора года. Но если дѣйствительно она впала въ преступленіе безсознательно, какъ въ помѣшательствѣ ума, можно ли было присуждать ее къ самому легкому наказанію! Въ противномъ случаѣ, можно ли было наказывать временнымъ заключеніемъ покушеніе на жизнь мужа, неисполненное только отъ того, что онъ проснулся!

На прошедшей недѣлѣ возобновились публичные курсы въ *Хранилищѣ Искусствъ и Ремеслъ* (Conservatoire des Arts et Métiers). Болѣе всѣхъ имѣетъ слушателей Бланки, читающій курсъ промышленой экономіи. Во вступительной его лекціи замѣтили слѣдующее мѣсто: «Политическіе экономы и филантропы наши заботятся объ участи фабричныхъ работниковъ и мастеровыхъ. Хорошее дѣло, но взглядъ этотъ односторонній. Посмотрите на бѣдственное состояніе крестьянъ и земледѣльцевъ въ провинціяхъ, удаленныхъ отъ центра коммерческой дѣятельности! Я ѣздилъ въ нынѣшнемъ году по Департаментамъ Варскому, Верхне и Нижне-Альпійскому, и видѣлъ тамъ бѣдность, превосходящую всякое описаніе.

Вотъ ломоть чернаго хлѣба, какимъ питаются тамошніе поселяне. Пекутъ его, за недостаткомъ лѣса, на коровьемъ навозѣ, однажды годъ; онъ до того черствѣетъ, что въ послѣдствіи должно отрубать куски топоромъ, и два дня мочить ихъ въ водѣ. Вотъ бѣдственное положеніе большей части тамошнихъ поселянъ!»

Правительство съ нѣкотораго времени обращаетъ особенное вниманіе на поддѣлку вина, молока и другихъ веществъ, употребляемыхъ въ пищу. Въ журналѣ le Breton, сказано по сему случаю: «Не всѣ воры работаютъ на галерахъ: свидѣтельствомъ тому могутъ служить многочисленные преступные торговцы, которые, подъ наименованіемъ чаю, молока, соли, вина, сахару, кофе, продаютъ вещества самыя вредныя. Эти поддѣлки особенно усилились въ недавнее время. Въ Берси и въ Руанѣ цѣлыя рѣки поддѣльнаго вина были вылиты на улицу полиціею; въ Гаврѣ истребили большое количество подмѣшаннаго молока. Недавно, городское начальство въ Бордо запретило ввозъ въ городъ какого-то отвратительнаго вещества, называемаго картофельнымъ сахаромъ (glucose), и подмѣшиваемаго въ сахарный песокъ такъ искусно, что самые опытные люди не могутъ различить его. Эти же продѣлки происходятъ въ Нантѣ. Желательно, чтобъ и здѣсь правительство прекратило сіи злоупотребленія, и наказало мошенниковъ, которые вредятъ честной торговлѣ и губятъ бѣдныхъ покупщиковъ!»

Возвышеніе пошлины на сигарки все еще составляетъ предметъ бесѣдъ въ гостиныхъ и статей въ журналахъ. Нѣкоторые политики утверждаютъ, что министерство не имѣло права возвышать пошлину, и что этотъ вопросъ подлежитъ разрѣшенію Палаты Депутатовъ. Между тѣмъ,

мода воспользовалась этимъ обстоятельствомъ: люди хорошаго тона совершенно перестали курить.

На нынѣшней недѣлѣ открылась война Франціи съ Англіею — на шахматной доскѣ. Англійскій Клубъ прислалъ сюда трехъ депутатовъ, Гг. Стаунтона, Варрена и Брайона, вмѣсто знаменитаго Вильсона. Франція избрала Гг. Сентъ-Амана, Сазіаса и Лекривена. Битва происходитъ въ Cercle des Echecs; черезъ день, отъ одиннадцати часовъ утра до шести вечера, густая толпа окружаетъ игроковъ въ краснорѣчивомъ молчаніи. Первый день прошелъ въ наблюденіяхъ. Въ пять слѣдующихъ засѣданій подвинуто съ каждой стороны по одной пѣшкѣ. Глубокомысленные математики полагаютъ, что Англія въ первомъ засѣданіи выдвинетъ *ладью*, а Франція приведетъ въ движеніе *коней*. Первый шахъ ферези послѣдуетъ не прежде 1-го Февраля. На эту борьбу съѣхались любители изъ провинцій и даже изъ чужихъ краевъ. Пари съ обѣихъ сторонъ простираются до трехъ тысячъ франковъ. Какъ было бы хорошо, когда бъ Англія никогда иначе не воевала съ Франціею!

Въ заключеніе нынѣшняго письма сообщаю истинное происшествіе, случившееся на дняхъ. Одинъ молодой пламенный писатель, отправлялясь въ Италіянскій Театръ, на представленіе Нормы, остановилъ свой наемный экипажъ у магазина оптическихъ инструментовъ, въ улицѣ Кастиліоне, и купилъ, за двѣсти франковъ, прекрасную зрительную трубку. Послѣ спектакля отправился онъ съ друзьями ужинать въ Пале-Рояль, у братьевъ Провансаловъ, и въ пріятной бесѣдѣ просидѣлъ тамъ до трехъ часовъ. Упоенный и гармоніею Беллини и возліяніями бургонскаго, онъ въ сладкой дремотѣ пріѣхалъ домой, и бросился въ постель. На другой день хватился онъ зрительной трубки — нѣтъ, ни въ сюртукѣ, ни въ

пальто. Посылаетъ къ хозяину экипажа, и тамъ ея не оказывается. Что дѣлать? Молодой человѣкъ, суевѣрный, какъ всѣ вдохновенные поэты, поспѣшилъ одѣться, и бросился къ ясновидящей. Послѣ надлежащихъ продѣлокъ, прорицательница заснула, и тихимъ голосомъ сказала: «Вчера, при выходѣ изъ Италіянскаго Театра, вы потеряли зрительную трубку въ черепаховой оправѣ, купленную вами за два часа предъ тѣмъ, въ улицѣ Кастиліоне.» Вопрошатель изумился. «Ваша трубка найдена особою, которая послѣ васъ нанимала экипажъ.» По точности первой половины отвѣта, нельзя было сомнѣваться въ вѣроятности послѣдней. Поэтъ отправился къ хозяину наемной кареты, тотъ ничего не знаетъ; обратился съ жалобою въ полицію, началось дѣло. Проходятъ дни, проходятъ ночи, а о трубкѣ нѣтъ ни малѣйшаго слуха. Юный мечтатель утверждалъ, что ясновидящая, разсказавъ обстоятельства, ему одному извѣстныя, не могла ошибиться. Вдругъ замѣтилъ онъ, что каммердинеръ его обкрадываетъ. Стали слѣдить за нимъ, и добрались, что онъ состоитъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ какою-то женщиною, которая хранитъ краденыя имъ вещи. И эта женщина была та мнимая ясновидящая! Ей не трудно было описать примѣты трубки: въ то самое утро каммердинеръ похитилъ ее у сонпаго барина, и принесъ на сохраненіе къ своей пріятельницѣ.

XX.

20-го Ноября (2-го Декабря) 1843 г.

Въ предъидущемъ письмѣ моемъ, описывая прогулку мою по Парижу, я остановился въ Улицѣ д'Шоссе Антенъ. Куда отправиться теперь? Воротиться ли на

бульваръ и пройтись по Улицѣ Мира (la Rue de la Paix), примыкающей къ бульвару съ другой стороны? Нѣтъ: пойдемъ въ прежнемъ направленіи.

Вотъ Улица Побѣды (la Rue de la Victoire), начинающаяся съ Шоссе-д'Антенской, параллельно бульвару. Въ угловомъ домѣ, подъ No 62, умеръ, 28-го Ноября 1825, Генералъ Фуа, храбрый воинъ, пламенный патріотъ, краснорѣчивый ораторъ. Вся Франція оплакивала тогда его кончину, а если поразмыслить, то прекращеніе земной жизни было для него благодѣяніемъ Промысла: онъ не имѣлъ несчастія дожить до іюльской революціи, которая разочаровала бы его мечтанія, и низвела бы во гробъ среди огорченій, обмановъ и обидъ, какъ друзей его, Бенжаменъ-Констана и Казимира Перріе, конечно не однажды раскаивавшихся въ участіи, которое приняли въ ниспроверженіи прежняго порядка дѣлъ. — Войдемъ въ Улицу Побѣды. Въ то время, когда возникла изъ ничтожества Улица Шоссе-д'Антенская, пролегалъ здѣсь тѣсный и грязный переулокъ среди болотъ. Въ 1735 году положили основаніе улицѣ, названной Chantereine, по *пѣнію*, или кваканью лягушекъ въ ближнемъ болотѣ. Улица эта тѣсна и не вездѣ снабжена тротуарами, но богата любопытными историческими воспоминаніями. Въ ней жилъ нѣкогда банкиръ Перрего, у котораго знаменитый Жакъ Лафитъ былъ прикащикомъ и потомъ товарищемъ. Дочь Перрего вышла за Генерала Мармона: свадьба была самая блистательная. Лафитъ игралъ на ней роль скромнаго зрителя: можно ли было предполагать, что чрезъ нѣсколько лѣтъ невидный помощникъ тестя будетъ сражаться съ маршаломъ на улицахъ Парижа, и потомъ заплатитъ за минутное торжество потерею огромнаго со-

стоянія!—Неподалеку отсюда находился домъ г-жи Монтессонъ, второй супруги Герцога Орлеанскаго, дѣда нынѣшняго Короля. Потомъ достался онъ знаменитому подрядчику Уврару, и въ 1810 году помѣщалось въ немъ Австрійское Посольство: здѣсь, на балѣ, данномъ Княземъ Шварценбергомъ по поводу бракосочетанія Наполеона съ Маріею Луизою, случилось ужасное происшествіе: сгорѣла бальная зала, и въ ней погибло нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Княгиня Полина Шварценбергъ. Мы упоминали о чертогахъ танцовщицы Гимаръ въ Шоссе-д'Антенской Улицѣ: въ Улицѣ Шантеренъ красовались палаты двухъ другихъ театральныхъ героинь, Дюте и Дервье. Карамзинъ описалъ въ своихъ письмахъ волшебный за̀мокъ послѣдней. Теперь нѣтъ и слѣдовъ его: все застроено тѣсными домами, отдаваемыми внаемъ.

Въ этой же улицѣ началась слава двухъ знаменитыхъ мужей XVIII вѣка, Каліостра и Месмера. Первый изъ нихъ, основавшій славу и фортуну свою на шарлатанствѣ и обманѣ, кончилъ жизнь въ темницѣ. Послѣдній, открывъ таинственную силу природы, самъ повредилъ успѣху своего открытія, провозгласивъ его съ шумомъ и хвастовствомъ, былъ отринутъ и обруганъ учеными и академіями, но въ концѣ продолжительнаго своего поприща утѣшился блистательными успѣхами великаго открытія.

Во время Директоріи былъ въ этой улицѣ Театръ Олимпійскій, который посѣщали всѣ тогдашнія красавицы и знаменитости, въ легкой, прозрачной одеждѣ вѣка Периклова: госпожа Талліенъ играла въ ложѣ роль Аспазіи, госпожа Рекамье являлась въ дезабилье Лаисы. Восхищенные *откровенностью* ихъ, Парижане рукопле-

скали имъ, воображая себя Аѳинянами. Но вдругъ возсіяла надъ этою улицею слава самая блистательная. Въ небольшомъ домѣ, среди садика, 5-го Декабря 1797 года, остановился Генералъ Бонапарте, увѣнчанный свѣжими лаврами побѣдъ своихъ въ Италіи. Съ этой минуты скромное дотолѣ жилище его семейства сдѣлалось шумнымъ дворцемъ, въ которомъ толпились всѣ сильные, знатные и именитые люди того времени. Сюда явились члены Директоріи, съ приглашеніемъ юнаго героя, освободителя Италіи, примирителя Европы, на великолѣпное торжество, данное въ честь ему во Дворцѣ Люксанбургскомъ. Министры, президенты Законодательныхъ Совѣтовъ, члены Дипломатическаго Корпуса, военные и гражданскіе сановники привозили въ Улицу Шантеренъ адресы, похвальные листы въ прозѣ и въ стихахъ, приглашенія на обѣды, на ужины, на балы, Депутаты Института поднесли герою дипломъ на званіе члена, и улица сія съ тѣхъ поръ названа была *Улицею Побѣды.*

До самаго отъѣзда своего въ Египетъ, Наполеонъ жилъ, или, лучше сказать, *скрывался* въ укромномъ своемъ жилищѣ, гдѣ обитали съ нимъ любовь супружеская и дѣтская, гдѣ помыслы о славѣ отечества и предначертанія новыхъ торжествъ занимали часы его уединенія, гдѣ посѣщали его друзья, Монжъ, Бертоллетъ, Лапласъ, Лагранжъ, Бертье, Лефебръ, Бурріеннъ, Бернарденъ-де-Сенъ-Піеръ, Шенье, Арно, Тальма, Давидъ. Онъ толковалъ съ ними о наукахъ, о войнѣ, о политикѣ, объ искусствахъ, о театрѣ, о поэзіи. Здѣсь же являлся къ нему двадцатилѣтній инженеръ, съ планомъ построенія проѣздовъ подъ русломъ рѣкъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ Брюннель: чрезъ сорокъ лѣтъ, онъ осуществилъ свой планъ подъ Темзою. Вообще Наполеонъ, какъ стро-

гій математикъ, не скоро подавался на новые проекты: онъ требовалъ во всемъ точности алгебраической, не предоставляя ничего дѣйствіямъ стихій и (не своей) волѣ человѣческой. Такимъ образомъ отринулъ онъ и пароходы. Нѣтъ сомнѣнія, что если бъ онъ *исключительно* воспользовался симъ исполинскимъ изобрѣтеніемъ въ войнѣ своей съ Англіею, исторія Европы въ теченіе XIX вѣка была бы совершенно иная. — 4-го Мая 1798, Бонапарте во второй разъ оставилъ Улицу Побѣды, отправился въ Тулонъ, оттуда въ Египетъ, и 16-го Октября 1799 опять воротился въ свое укромное жилище. Здѣсь составилъ онъ планъ ниспроверженія слабой и безсмысленной Директоріи; отсюда отправился онъ, 17-го Брюмера, въ Сенъ-Клу, противъ мнимыхъ законодателей Франціи. Предпріятіе увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ Улица Побѣды лишилась знаменитѣйшаго изъ своихъ *обывателей.* Первый Консулъ переселился въ Люксанбургскій, а потомъ въ Тюльерійскій Дворецъ. Помню, какъ свѣтлую мечту юности, тѣ годы, въ которые звѣзда побѣдителя, миротворца, законодателя блистала надъ главою Наполеона Бонапарте, чтимаго, любимаго во всей Европѣ. Если бъ въ то время тихая смерть смежила его очи, ни какая въ мірѣ слава не могла бы сравниться съ его славою. Но наступилъ 1804 годъ..... Оставимъ это: происшествія, послѣдовавшія за тѣмъ временемъ, не относятся къ *Улицѣ Побѣдъ.*

Теперь эта улица—улица, какъ и другія, тѣсная, грязная, но довольно хорошо обстроенная. На мѣстѣ жилища Наполеонова возвышаются великолѣпныя бани, подъ названіемъ: *Неотермы*; но двухъ-этажный домикъ, въ которомъ онъ жилъ посреди небольшаго садика, уцѣлѣлъ понынѣ. Въ немъ живутъ, и я не смѣлъ искать

доступа во внутренность, но долго стоялъ передъ нимъ, и глядѣлъ въ окна, завѣшенныя гардинами. Въ саду стоитъ на піедесталѣ мраморный бюстъ Наполеона въ республиканскомъ генеральскомъ мундирѣ. Въ этомъ домикѣ жилъ генералъ Бертранъ, благородный, вѣрный слуга своего государя, по возвращеніи съ Острова Св. Елены.

Для меня лично, Улица Побѣды останется навсегда памятною и любезною: тамъ, въ домѣ No 28, на углу Улицы Сенъ-Жоржъ, провожу я самые пріятные часы свои въ Парижѣ, въ обществѣ любезнаго, умнаго, образованнаго человѣка, милаго соотечественника!

Улица Побѣды пересѣкаетъ, подъ прямымъ угломъ, Улицу Лафитта. Войдемъ въ нее, но лучше съ бульвара. На лѣвомъ углу Улицы Лафитта съ бульвара возвышается пятиэтажный домъ, выстроенный въ новомъ вкусѣ, изящно и великолѣпно. Орнаменты чугунныхъ его балконовъ и перилъ вызолочены, и оттого этотъ домъ слыветъ во всемъ Парижѣ подъ именемъ *вызолоченнаго*, хотя его богатыя украшенія, какъ и многія *блистательности* этой улицы, въ послѣднее время чрезвычайно потускли. Улица Лафитта началась въ 1770 году, и наименована была Улицею Артуа, въ честь Королевскаго Принца Графа д'Артуа, въ послѣдствіи Короля Карла X. Наступила революція. Въ этой улицѣ жилъ тогда бывшій іезуитъ Черутти, который, подобно нынѣшнему аббату Ламенне, началъ поприще свое сочиненіемъ книгъ въ пользу католицисма, а потомъ обратился къ ученію якобинцевъ! Онъ былъ другомъ Мирабо, и вмѣстѣ съ нимъ и Таллейраномъ издавалъ журналъ: *Сельскій Листокъ* (La feuille villageoise). Мирабо испустилъ духъ въ объятіяхъ Черутти, который самъ вскорѣ послѣдовалъ за своимъ другомъ, на тотъ свѣтъ. Въ память

аббата, улица въ которой онъ жилъ, названа была по его имени, и слыла подъ нимъ до 1814 года: тогда возвращено было ей прежнее имя, Артуа. Въ 1830 году наименована она была Улицею Лафитта. Я помню эту улицу съ 1817 года: тогда возвышался въ концѣ ея, наравнѣ съ Улицею Провансскою, отель Телюссонъ, въ которомъ помѣщалось Русское Посольство. Домъ этотъ построенъ былъ оригинальнымъ, живописнымъ образомъ. Отъ улицы отдѣлялся онъ огромною аркою, изъза которой видѣнъ былъ прекрасный садикъ, и въ немъ полукруглый храмъ съ колоннами. Архитектура этого дома была такъ необыкновенна и прелестна, что гуляющіе сходили съ бульвара, чтобъ любоваться ею: точно великолѣпная декорація Большой Оперы. Онъ построенъ былъ несмѣтно богатымъ банкиромъ Телюссономъ, у котораго Неккеръ, отецъ Госпожи Сталь, былъ прикащикомъ и кассиромъ. Госпожа Теллюссонъ собирала въ немъ блистательное общество парижскихъ знаменитостей, но никогда не принимала въ немъ господина Неккера, его жены и дочери: она не могла забыть неблагодарности его къ бывшему его *хозяину*, и не прощала автору Коринны колкихъ эпиграмъ на счетъ этого неблаговоленія. Въ началѣ консульства жилъ въ этомъ домѣ генералъ Мюратъ.

Русское Посольство въ послѣдствіи переведено было въ Улицу Елисейскихъ Полей, и блистательный отель Телюссона пошелъ въ ломку. Пале-рояльскій портной Бершю, обогатившійся преимущественно шитьемъ мундировъ, купилъ этотъ отель, сломалъ его, посрединѣ продолжилъ улицу, а съ боковъ выстроилъ домы, годные для отдачи внаемъ. Улица лишилась лучшаго своего украшенія, но сдѣлалась гораздо длиннѣе. Въ концѣ ея (съ 1824 по 1836) построили Церковь Богородицы Лореттской

(Notre Dame de Lorette). Этимъ храмомъ ограничивается улица къ сѣверу; надъ нимъ виднѣются вершины Монмартра. Архитектура сего зданія безвкусная, тяжелая; болѣе всего обезображено оно невысокою башенкою надъ фронтономъ. Если излишняя пестрота внутреннихъ украшеній Церкви Магдалины возбуждаетъ неудовольствіе особъ строгихъ и набожныхъ, то декорація Церкви Лореттской, совершенно бальная и театральная, подвергаетъ ее даже нареканіямъ людей свѣтскихъ и легкомысленныхъ. Въ ней есть прекрасныя статуи, картины и фрески, но все это несообразно съ назначеніемъ и важностью зданія богослужебнаго. Улицы, идущія къ сѣверу отъ этой церкви, возникли въ новое время: онѣ прямы, широки, снабжены хорошими тротуарами. Здѣсь живутъ, по преимуществу, артисты и хорошенькія женщины, извѣстныя въ парижскомъ мірѣ подъ именемъ *лоретокъ* (les lorettes): это облагороженныя или, лучше сказать, приглаженныя гризетки.

Воротимся въ Улицу Лафитта. При входѣ въ нее съ бульвара, на лѣвой сторонѣ, въ описанномъ мною вызолоченномъ домѣ, помѣщается богатая ресторація Гарди, а подлѣ книжная лавка. Далѣе по бульвару, на углу Улицы Тетбу (Taitbout), знаменитая въ мірѣ кофейня Тортони, славящаяся преимущественно своимъ мороженымъ. Въ отдѣльныхъ ея комнаткахъ происходятъ иногда совѣщанія капиталистовъ и негоціянтовъ: это биржа высшей степени. На правомъ углу Улицы Лафиттъ другая книжная лавка, Богера. Но не ученая и не гастрономическая слава преимуществуетъ въ этой улицѣ: въ ней помѣщаются отели богатѣйшихъ банкировъ — Лафитта и Ротшильда: великолѣпные домы съ просторными дворами. Лафиттъ, какъ я

упоминалъ, пережилъ свою славу. Обогащаясь на счетъ реставраціи (1815 — 1830) участіемъ въ выгодахъ, предоставленныхъ банкирамъ при огромныхъ займахъ для уплаты контрибуціи побѣдоноснымъ Союзникамъ, и для вознагражденія ограбленныхъ революціею эмигрантовъ, онъ въ то же время дѣйствовалъ противъ правительства, и игралъ одну изъ первыхъ ролей въ пятнадцатилѣтней мистификаціи, разразившейся въ Іюлѣ 1830 года. Лафиттъ въ это время избранъ былъ въ президенты Палаты Депутатовъ, а потомъ назначенъ президентомъ Совѣта Министровъ. Въ обѣихъ должностяхъ принужденъ онъ былъ испить горькую чашу неблагодарности людской, и между тѣмъ, какъ онъ боролся съ страшными силами, имъ самимъ вызванными, растаяли его капиталы, исчезъ кредитъ, и министръ, уволенный отъ службы, явился на биржѣ разореннымъ банкиромъ. Открыта была подписка на покупку и возвращеніе ему дома его, проданнаго съ публичнаго торга. Онъ образумился, бросилъ политику, и опять занялся философіею банка: вскорѣ минусъ его превратился въ плюсъ, и плюсъ парасталъ нулями. Къ чести Лафитта должно сказать, что онъ, во время славы и обилія, былъ покровителемъ талантовъ во всѣхъ родахъ, и открылъ дорогу не одному человѣку съ дарованіемъ: это служило бы еще къ бо̀льшей его чести, если бъ дѣлалось не изъ политическихъ видовъ. Сосѣдъ Лафитта, Баронъ Джемсъ Ротшильдъ, представляетъ разительную съ нимъ противоположность. Несмѣтное богатство дома братьевъ Ротшильдовъ есть одно изъ достопамятнѣйшихъ явленій нашего времени, но всего достойнѣе вниманія то, что составленіе этого огромнаго состоянія началось неслыханнымъ подвигомъ честности, безкорыстія и

благородства. Отецъ нынѣшнихъ Ротшильдовъ, Майеръ Ансельмъ Ротшильдъ (род. въ 1743 г.), пріобрѣлъ, трудолюбіемъ, честностью и бережливостью, хорошее состояніе и доброе имя во Франкфуртѣ на Майнѣ, и съ 1797 года былъ агентомъ Курфирста Гессенскаго. Въ 1806 году, когда Французы нахлынули на Германію, и Наполеонъ объявилъ Гессенскія Земли своею собственностью, Курфирстъ, сбираясь спастись бѣгствомъ, пригласилъ къ себѣ Ротшильда, и безъ расписки, безъ свидѣтелей, отдалъ ему все свое частное имущество, состоявшее изъ нѣсколькихъ милліоновъ гульденовъ. Ротшильдъ спасъ ввѣренные ему капиталы съ опасностью жизни и съ пожертвованіемъ всего собственнаго своего имущества. Всѣмъ было извѣстно, что достояніе Ротшильда расхищено Французами, и Курфирстъ полагалъ, что лишился и своей казны. Между тѣмъ Ротшильдъ отдохнулъ, поправился, и началъ производить дѣла ввѣренными ему капиталами. Вспоможеніями нуждающимся, благороднымъ участіемъ въ судьбѣ страждущаго человѣчества и строгостью въ исполненіи своихъ обязанностей онъ снискалъ общее уваженіе и довѣренность, и умирая въ 1812 году, оставилъ пятерымъ сыновьямъ своимъ значительное состояніе, съ завѣщаніемъ пребывать въ братской любви и согласіи, и честно дѣлить труды, потери и барыши между собою. Въ случаѣ разногласія предлагается вопросъ: «а что̀ сказалъ бы въ этомъ случаѣ нашъ покойный родитель?» и старшій братъ объявляетъ рѣшеніе: прочіе повинуются ему безпрекословно. Когда, въ 1815 году, Курфирстъ Гессенскій воротился въ отечество, братья Ротшильды явились къ нему, представили капиталъ, ввѣренный ихъ отцу, и выплатили всѣ причитавшіеся ему про-

центы. Сей подвигъ изумилъ и тронулъ Курфирста: онъ отказался отъ процентовъ, и оставилъ свой капиталъ въ ихъ кассѣ, назначивъ себѣ небольшой съ него доходъ. На Вѣнскомъ Конгресѣ, онъ поручилъ сихъ благородныхъ людей вниманію Государей Европы, и Ротшильды сдѣлались всемірными банкирами. Старшій изъ нихъ, Ансельмъ (семидесяти лѣтъ), живетъ во Франкфуртѣ на Майнѣ; второй, Соломонъ, въ Вѣнѣ; третій, Натанъ, жилъ въ Лондонѣ: онъ умеръ въ 1838 году и мѣсто его занялъ старшій сынъ; четвертый, Карлъ, пребываетъ въ Неаполѣ; пятый, Джемсъ, въ Парижѣ. Они переженились на двоюродныхъ сестрахъ и племянницахъ своихъ, и женили сыновей своихъ также на родственницахъ, и твердо пребываютъ въ Еврейскомъ Законѣ. Достойно замѣчанія, что еще жива девяносто-четырехъ-лѣтняя ихъ мать: она живетъ у старшаго сына, во Франкфуртѣ, не хочетъ выѣхать изъ Еврейской Улицы, ходитъ въ жидовскомъ костюмѣ, и пользуется всѣми физическими силами, твердымъ разсудкомъ и свѣжею памятью. Сыновья питаютъ къ ней безусловное ветхозавѣтное благоговѣніе. — Нынѣ Ротшильды приняли на себя довершеніе и приведеніе въ дѣйство сѣверной желѣзной дороги, отъ Парижа до бельгійской границы. Это раздражаетъ самолюбивыхъ Французовъ: вольно было ихъ банкирамъ, Лафитту, Перріе, Делессеру и tutti quanti, промѣнять свои существенные капиталы на возгласы въ журналахъ, на пустыя рѣчи въ палатахъ, промѣнять полные парусинные мѣшки на шитые кафтаны съ пустыми карманами! — Еще одно замѣчаніе: совѣтую всякому путешественнику запасаться кредитивами и векселями на имя Ротшильдовъ: они получатъ деньги свои безъ убытку, безъ замедленія, безъ крючковъ. Въ ихъ конторахъ заведенъ

порядокъ удивительный: каждый знаетъ свое дѣло; принимаютъ являющихся учтиво, исполняютъ ихъ желанія вмигъ. Однажды явился я въ ихъ контору за деньгами, и между тѣмъ какъ одинъ изъ кассировъ записывалъ мое требованіе въ книгу, вспомнилъ я, что мнѣ нужно послать тридцать франковъ въ Гамбургъ. Лишь только-колько я разинулъ ротъ, вошелъ какой-то господинъ, и предъявилъ бумагу; кассиръ поднялъ опускную дверь въ комнатѣ, спустился въ золотой рудникъ, вынесъ оттуда двѣсти тысячныхъ ассигнацій, отдалъ счетомъ пришельцу, взялъ съ него расписку и отпустилъ. — «Вамъ чего-то угодно?» спросилъ онъ у меня. — «Точно», отвѣчалъ я: «мнѣ нужно переслать деньги въ Гамбургъ, но это такая ничтожная сумма, что мнѣ совѣстно васъ безпокоить.» — «Помилуйте», возразилъ онъ: «это наша должность,» и повелъ меня въ другую комнату, гдѣ тотчасъ же исполнили мое желаніе. — Это напомнило мнѣ нашего добраго, почтеннаго Барона Штиглица, который, равномѣрно, не пренебрегалъ ни какимъ дѣломъ, зная, что неважное для него можетъ быть очень важно для другаго.

Въ политикѣ господствуетъ теперь тишина, обыкновенно предшествующая бурѣ. Чрезъ мѣсяцъ откроются засѣданія Палатъ, забушуютъ страсти, заговорятъ адвокаты, зашумятъ журналы. — На дняхъ происходили въ трехъ частяхъ Парижа (10-й, и 11-й и 12-й, на лѣвомъ берегу Сены) выборы въ члены городоваго совѣта. Кандидатовъ явилось множество: въ каждой части выбрано по три члена. Болѣе всего удивило избраніе г. Консидерана, главнаго издателя опозиціоннаго журнала la Démocratie pacifique, ученика и послѣдователя мечтательнаго Фурріе.

Недѣли за три предъ симъ пріѣхалъ было въ Парижъ Князь Юлій Полиньякъ, бывшій министръ Карла X,

высидѣвшій десять лѣтъ въ Гамской Крѣпости. О немъ разсказываютъ забавный анекдотъ, который я передаю вамъ, не ручаясь въ его достовѣрности. Полиція позволила ему пріѣхать въ Парижъ, но на другой день явился къ нему чиновникъ, и объявилъ, что съ просьбою о позволеніи жить въ Парижѣ онъ долженъ обратиться къ Королю. Князь объявилъ, что непремѣнно исполнитъ это. Чрезъ десять дней приходитъ къ нему тотъ же чиновникъ, и говоритъ: «Вы дали честное слово, что испросите у Короля позволеніе жить въ Парижѣ, и не исполнили его.» — «Извините,» отвѣчаетъ Князь: «исполнилъ во всей точности. Вотъ и отвѣтъ Его Величества.» — Изумленный чиновникъ прочиталъ слѣдующія строки: «Хотя я не понимаю, любезнѣйшій Князь, «къ чему вамъ можетъ служить мое позволеніе жить въ «Парижѣ, но по желанію вашему, даю вамъ его охотно. «Пребываю къ вамъ благосклонный. *Генрихъ Французскій.*» Письмо было написано рукою Герцога Бордоскаго, къ которому Полиньякъ, какъ къ Королю, имъ признаваемому, обратился въ семъ случаѣ. Разумѣется, что онъ долженъ былъ въ тотъ же день выѣхать изъ Парижа.

Въ Уголовномъ Судѣ конченъ третьяго дня процесъ втораго разряда воровъ парижскихъ. Главный преступникъ, Рожеръ, приговоренъ къ каторжной работѣ на 50 лѣтъ; четверо на 20 лѣтъ двое на 15 лѣтъ; остальные одиннадцать человѣкъ къ заключенію въ рабочемъ домѣ, отъ 10 до 5 лѣтъ. Шесть человѣкъ оправданы. Присяжнымъ предложены были болѣе двухъ сотъ сорока вопросовъ: они употребили пять часовъ на рѣшеніе ихъ. — Впрочемъ этотъ процесъ не представилъ ничего особенно важнаго или необыкновеннаго.

На сихъ дняхъ начались курсы въ Сорбоннѣ, въ Collége de France, и пр. Третьяго дня историкъ Лакретель

открылъ свои лекціи въ Сорбоннѣ вступительною рѣчью, въ защиту Французскаго Университета, и въ опроверженіе клеветъ и происковъ іезуитскихъ. — «Любопытно было, говоритъ одинъ журналистъ, слышать старца, какъ онъ попеременно защищалъ и религію и науку отъ несправедливыхъ нападеній, которымъ подпали та и другая; съ какою силою и негодованіемъ онъ отражалъ оскорбительные навѣты, которымъ подверглись многіе достойные профессоры: одни изъ нихъ товарищи и друзья Лакретеля, другіе ученики его. Свидѣтельство, данное имъ благородству ихъ правилъ, и строгое, но справедливое осужденіе враговъ ихъ, заслуживаютъ вниманіе и одобреніе всѣхъ благомыслящихъ людей, всѣхъ отцевъ семейства. Въ рѣчи своей, Г. Лакретель представилъ вкратцѣ исторію Французскаго Духовенства во время реставраціи и послѣ 1830 года. Онъ показалъ, какимъ образомъ, въ правленіе старшей линіи Бурбоновъ, духовенство повредило и себѣ и монархіи, отдавшись во власть іезуитовъ, слушаясь во всемъ ихъ совѣтовъ, и какъ, въ послѣднее время, воротивъ, десятилѣтнимъ усердіемъ къ чистымъ пользамъ религіи, то уваженіе, то вниманіе, которыхъ лишилось въ эпоху политическихъ смутъ, оно, какъ бы наскучивъ своимъ благоразуміемъ, вновь предалось руководству этого вредоноснаго сословія, которое губитъ все, къ чему ни прикоснется, и очень искусно умѣетъ переживать все то, что подвергается его разрушительному дѣйствію. «Надѣемся, сказалъ Г. Лакретель, что духовенство догадается во-время оставить эту гибельную стезю; надѣемся, что оно, заглянувъ въ исторію, различитъ и друзей и враговъ своихъ, и узнаетъ тѣхъ людей, которые, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, смѣло и успѣшно старались отдать ему справедливость и утвер-

дитъ его власть, и въ награду за это осыпаны были клеветами и оскорбленіями!»

Я упоминалъ о кончинѣ семидесятилѣтняго Кампенона, третьяго по старшинству члена Французской Академіи. Этотъ добрый человѣкъ могъ служить доказательствомъ, какъ легокъ бывалъ въ старые годы доступъ въ почтенное сословіе сорока. Онъ написалъ нѣсколько милыхъ, легкихъ стихотвореній, и занялъ мѣсто упраздненное смертью Делиля! Въ то время написали на него эпиграмму:

Au fauteuil de Delille aspire Campenon.
Crois-tu que son talent tout seul l'y campe? — Non.

Впрочемъ и нынѣ бываютъ выборы не слишкомъ строгіе и справедливые. Старички, ревнуя къ славѣ прежнихъ лѣтъ, не допускаютъ въ академію юныхъ талантовъ, свѣжихъ, сильныхъ, не допускаютъ людей, которые могутъ замѣнить и затмить ихъ. Съ другой стороны, и свѣтскіе литераторы не охотно даютъ голоса заслуженнымъ филологамъ, основательнымъ грамматикамъ и лексикографамъ. Прошлаго года вопили противъ принятія Профессора Патена, который академіи гораздо полезнѣе Жуи, Анселo, Скриба и другихъ литераторовъ, отличающихся не познаніями или опытностью, а только счастливымъ приспособленіемъ посредственныхъ своихъ талантовъ ко временному вкусу публики. Многіе изъ блистательныхъ литераторовъ, которыхъ эпиграммы, басеньки, посланія читаются съ восхищеніемъ въ большомъ свѣтѣ, не умѣютъ написать правильно трехъ строкъ въ прозѣ. Другіе, съ жадностію читаемые публикою и превозносимые друзьями и подкупными журналами, обязаны и слогомъ, и синтаксисомъ, и даже ороографіею своихъ великолѣпныхъ книгъ, трудолюбію и

знаніямъ типографскихъ корректоровъ, о которыхъ упомяну ниже. Что это за академики!—Французская Академія покоится глубокимъ сномъ, и только по смерти котораго либо изъ своихъ членовъ приходитъ въ движеніе: начинаются визиты, рекомендаціи, происки, иногда случаются и завтраки съ трюфелями и шампанскимъ. Въ журналахъ взвѣшиваютъ заслуги и достоинства кандидатовъ. Болѣе прочихъ имѣютъ надежды на занятіе вакансіи Альфредъ де Виньи и Сентъ-Бёвъ. Беранже объявилъ, что отнюдь не хочетъ быть членомъ академіи. Дюма говоритъ, что явится при слѣдующей вакансіи, Бальзакъ и Мериме легонько стучатся у дверей. Извѣстно, что каждый новопринимаемый членъ обязанъ произнести похвальное слово своему предмѣстнику. Какъ похвалить Кампенона? Онъ былъ, конечно, человѣкъ не великій, но образованный, умный и честный. Во время реставраціи онъ былъ ценсоромъ, и исправлялъ свою должность добросовѣстно, благородно и разсудительно.

Въ важной литературѣ обращаетъ на себя вниманіе публики новое сочиненіе Миніе (Mignet), краснорѣчиваго историка Французской Революціи. Оно называется Notices et mémoires historiques (*Историческія замѣчанія и записки*), въ двухъ томахъ, и заключаетъ въ себѣ извѣстія о жизни, дѣйствіяхъ и характерѣ важнѣйшихъ лицъ конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ первомъ томѣ представлены: Сіесъ, Рёдереръ, Ливингстонъ, Таллейранъ, Бруссе, Мерленъ де Дуэ, Дону, Ренуаръ, Мишо и Аббатъ Фресину. По свидѣтельству строгихъ и добросовѣстныхъ критиковъ, твореніе Г. Миніе есть самое важное изъ всѣхъ произведеній текущаго года. Слогъ его отличается силою, величіемъ и изяществомъ, какихъ

нельзя найти у многихъ нынѣшнихъ прозаиковъ. Одинъ критикъ утверждаетъ, что этотъ слогъ останется памятникомъ французской прозы XIX вѣка, и что онъ привелъ бы въ изумленіе публику Боссюэта, Расина и Фенелона, представивъ ей, какая умственная работа совершена въ продолженіе полутораста лѣтъ. Отдадимъ въ семъ отношеніи дань справедливости и хвалы Французамъ: они уважаютъ, любятъ, хранятъ, *холятъ* свой языкъ, не отвергаютъ красотъ старинныхъ, съ большимъ разборомъ принимаютъ новое, и полученное отъ отцевъ передаютъ дѣтямъ въ лучшемъ, усовершенномъ видѣ. Я не говорю о тѣхъ мелкихъ, безталанныхъ писателяхъ, которые заводятся, какъ вредныя насѣкомыя, на деревѣ словесности каждаго народа, которые, нелѣпыми нововведеніями, странностью словъ и оборотовъ, дерзостью, безстыдствомъ, хотятъ составить себѣ имя и славу: они существуютъ и во Франціи. Но публика, просвѣщенная и умная, легко отличаетъ золото отъ мишуры, и эфемерныя выдумки шарлатановъ исчезаютъ, какъ бы никогда не бывали. Нарушеніе правилъ языка, une faute de langue, какъ фальшивый тонъ въ музыкѣ, здѣсь ничѣмъ не извиняется. Въ каждой типографіи есть *справщикъ*, который не только замѣчаетъ типографскія ошибки, но поправляетъ и слогъ автора: эту должность занимаютъ обыкновенно отставные профессоры, учители, и т. п.; они сами не пишутъ ничего, въ свѣтѣ слывутъ неуклюжими педантами, cuistres, но не одинъ академикъ обязанъ имъ чистотою и правильностью своего слога! Такіе помощники полезны преимущественно ученымъ, не литераторамъ, т. е. математикамъ, химикамъ, медикамъ, и т. п., которые, занимаясь *дѣломъ*, не обращаютъ вниманія на *слова*. Отъ этого французскія книги, за исключеніемъ очень немногихъ,

обыкновенно написаны чисто и правильно, напечатаны исправно.

Обратимся къ театру. Третьяго дня играли на Французскомъ Театрѣ новую драму Скриба и Поль-Дюпора, *Опекунша, или Употребленіе богатства* (La Tutrice, ou l'emploi des richesses). Одинъ нѣмецкій графъ, негодуя на мотовство молодаго племянника и наслѣдника своего, отдаетъ, по завѣщанію, все имѣніе свое одной молодой прекрасной дамѣ, предоставивъ ей выдѣлить что угодно шалуну племяннику. Амалія скупаетъ всѣ его долги, и не имѣя иныхъ средствъ обуздать его, сажаетъ въ тюрьму. Онъ рѣшается употребить *праздное* въ тюрьмѣ *время* на усовершеніе своихъ дарованій, чтобъ потомъ обратить ихъ въ пользу, пріобрѣсть состояніе, уплатить долгъ и отомстить ненавистной опекуншѣ. Графъ выходитъ изъ тюрьмы перерожденнымъ, и опекунша, разумѣется, отдаетъ ему имѣніе и руку. Въ піесѣ много счастливыхъ сценъ, много ума, но она не понравилась публикѣ нѣкоторыми *неделикатными* подробностями. Положенія, сцены, выраженія, которыя привели бы въ восторгъ публику Театра Сенъ-Мартенскихъ Воротъ, Ambigu и Gaité, возмущаютъ посѣтителей классическаго театра, и тотъ самый, который хлопалъ безъ умолку при несообразностяхъ и непристойностяхъ *Луизы Бернаръ*, негодуетъ на легкія вольности *Опекунши*! — Въ литературно-драматическомъ свѣтѣ много толкуютъ о новой комедіи: *Издали нѣчто, вблизи ничего* (Les bâtons flottants, ou De loin et de près). Въ этой піесѣ представлены дѣйствія, движенія и переломы министерской жизни во Франціи. Молодой провинціялъ, очарованный издали блескомъ министерскаго портфеля, изливающимся на всѣ *отдѣленія* и *столы*, поступаетъ въ секретари къ министру, и вскорѣ разочаровывается. Только-то?

не болѣе? спрашиваетъ онъ послѣ каждаго явленія. Авторъ піесы хранитъ строжайшее инкогнито. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, г. Дюшатель, препроводилъ рукопись въ комитетъ театра, и она принята единогласно. Безъ этого покровительства, говорятъ, цензура не пропустила бы ея. Можетъ статься! Но вѣроятнѣе всего это *пуфъ*! Таинственность *передъ* представленіемъ, наемные хлопальщики *во время* представленія, купленныя статьи *послѣ* представленія — піеса и авторъ обрекаются славѣ и безсмертію. Sic itur ad astra!

Рашель выздоровѣла. Послѣ шестинедѣльной болѣзни, вышла она на сцену, въ роли Монимы, въ Расиновомъ Митридатѣ.

Французская Большая Опера пробавляется Дономъ Себастіаномъ; Италіянская, Маріею ди Роганъ: новаго нѣтъ.

На Одеонѣ играютъ новыя піесы, возобновляютъ старыя. Но я не имѣю духу отправляться въ эту отдаленную пустыню (*) за *Древностью* госпожи Жоржъ, за *Средними Вѣками* Виргиніи Бурбіе.

Я упоминалъ о *Пресыщенномъ*, на Театрѣ Водевиля. Презабавная піеса, торжество Арналя! Молодой богачь Нантуліе (Nantouillet) пресытился благами и наслажденіями міра сего, спектаклями, скачками, лошадьми, собаками, шампанскимъ, танцовщицами, друзьями: онъ ищетъ сильныхъ и новыхъ ощущеній. Ему совѣтуютъ жениться. Онъ находитъ это по своему вкусу, и объявляетъ, что женится на первой женщинѣ, которая попадется ему на глаза. Эта женщина бѣглая жена слесаря, который въ домѣ Нантуліе чинитъ перила балкона. Нантуліе объявляетъ ей свое желаніе; она согла-

(*) Одеонъ лежитъ за Сеною, близъ Люксанбургскаго Дворца.

шается; вдругъ входитъ слесарь, видитъ свою дезертирку, и вступаетъ въ ссору съ Пантуліе, почитая его похитителемъ. Пантуліе, радуясь сильнымъ ощущеніямъ, не оправдывается. Они схватываются, борются, и оба падаютъ съ балкона въ рѣку. Оба остаются въ живыхъ, но каждый думаетъ, что лишилъ жизни своего противника: Пантуліе бѣжитъ въ свою деревню, и, не узнанный мызникомъ, поступаетъ къ нему въ пастухи, а слесарь прячется у того же мызника въ подвалѣ. Пантуліе, страдавшій несвареніемъ желудка за роскошнымъ столомъ, здоровѣетъ и тучнѣетъ на сельской пищѣ, на черномъ хлѣбѣ, на кисломъ винѣ, но сильныя ощущенія его не оставляютъ: ему безпрерывно мерещится утопленный имъ слесарь. По подозрѣнію въ обманѣ, его сажаютъ подъ стражу; онъ хочетъ уйти, и спускается въ подвалъ: тамъ видитъ слесаря во плоти, и такъ пугается, что волосы его вдругъ становятся сѣдыми. Наконецъ, оба узнаютъ, что противникъ живъ, и піеса оканчивается ничѣмъ, т. е. свадьбою. Множество остротъ, каламбуровъ, колкихъ мѣстныхъ замѣчаній забавляютъ зрителей, и возбуждаютъ общій хохотъ и громкія рукоплесканія. Арналь чрезвычайно хорошъ въ роли Пантуліе. Натуральность и непринужденность его игры являются здѣсь во всей своей силѣ. Гдѣ другой взревѣлъ бы изо всей силы, онъ говоритъ тихо и равнодушно, и увлекаетъ публику. Въ окончательномъ куплетѣ онъ толкуетъ о томъ, что не должно никого убивать: жертва вѣчно будетъ у васъ передъ глазами. «Если вы убьете нашу піесу, она будетъ сниться вамъ всю ночь, и не дастъ ни на минуту покоя!»

На театрѣ Пале-Рояля привлекаетъ публику водевиль *Маркиза де Караба* (la Marquise de Carabas), въ ко-

торомъ молодая мельничиха заставляетъ стараго скупаго маркиза, за прежніе его грѣхи, жениться на ней. Дѣйствіе невѣроятное несбыточное, нелѣпое, но неувядающая пятидесяти-лѣтняя Дежазе мила въ этой піесѣ до крайности. Вмѣстѣ съ нею даютъ Лунатика (le Noctambule), въ которомъ главную роль играетъ Равель: никто, да и онъ самъ не знаетъ, что онъ лунатикъ; онъ забирается въ разныя заповѣдныя мѣста; вездѣ его бьютъ, отвсюду гонятъ; жена считаетъ его волокитою и негодяемъ; наконецъ все объясняется. Если бъ эта піеса была покороче и поскромнѣе, выиграли бы много и актеры и публика.

Все эти мелкіе интересы исчезаютъ предъ великимъ происшествіемъ въ драматическомъ мірѣ. Буффе, оставивъ Гимназію, сегодня дебютируетъ въ Variétés. Ему слѣдовало играть 1-го числа, т. е. вчера, но онъ (всѣ великіе люди суевѣрны) не хотѣлъ начать новаго поприща въ пятницу! Директоръ Театра Variétés обѣщаетъ себѣ золотыя горы, но не всѣ вѣрятъ его предчувствію. Буффе жилъ для Гимназіи: онъ создалъ въ ней и репертуаръ, и публику; онъ умѣлъ сочетать трогательное, чувствительное, нѣжное съ смѣшнымъ, комическимъ и забавнымъ: въ Gamin de Paris, въ Fille de l'avare, въ Pauvre Jacques, въ Жаккардѣ, онъ торжествовалъ этимъ двойственнымъ харатеромъ. Въ Variétés не то: публика этого театра любитъ фарсы, преувеличенія (charges), пустословія (blagues). Тонкія, неуловимыя черты оригинальной игры его пропадутъ среди карикатуръ. Такъ говорятъ любители Буффе, и защитники Гимназіи. Другая часть публики думаетъ иначе. Увидимъ, кто правъ; между тѣмъ полюбуемся игрою Буффе въ тѣхъ піесахъ, которыя были написаны именно для него, и исчезли съ репертуара Гимназіи послѣ ссоры директора ея съ обществомъ во-

девилистовъ. Говорятъ, Буффе сбирается въ 1845 году посѣтить Петербургъ. Милости просимъ! Вотъ визитъ, такъ визитъ! А что намъ въ этихъ романистахъ, которыхъ лучшую часть, т. е. ихъ сочиненія, мы можемъ имѣть и безъ ихъ любезной персоны, по рублю серебромъ за томъ.

Бальзакъ воротился въ Парижъ. Лишь только завидѣли его на улицѣ, началась стрѣльба въ него изъ мелкихъ журналовъ. Утверждаютъ, что онъ отъѣлся въ Россіи, потолстѣлъ, помолодѣлъ; что онъ всѣ кушанья свои приправляетъ лукомъ. Онъ привезъ съ собою, говорятъ, премиленькій *кнутикъ* въ сафьянномъ футлярѣ, и намѣренъ имъ родительски наказывать тридцатилѣтнихъ героинь своихъ за ихъ тринадцатилѣтнія шалости. Онъ перестроилъ дачу свою на московскій манеръ: вмѣсто каминовъ у него печи; дверей мало; оконъ почти нѣтъ вовсе; входятъ чрезъ крышу, спускаясь по лѣсенкѣ, сплетенной изъ шамаханскаго шелку. У воротъ, вмѣсто: parlez au portier, надпись: parlez au moujik. Въ концѣ двора, въ укромномъ мѣстѣ, куда не досягаетъ солнце, устроена въ миніатюрѣ Сибирь, мѣсто, покрытое вѣчнымъ снѣгомъ: туда будетъ онъ ссылать всѣхъ враговъ своихъ: книгопродавцевъ, которые не хотѣли печатать его сочиненій, директоровъ театра, отринувшихъ его піесы; актеровъ и актрисъ, которые не соглашались играть въ нихъ. Онъ будетъ изрѣдка пріѣзжать на дачу, но всегда въ саняхъ, къ сожалѣнію, запряженныхъ лошадьми, за недостаткомъ оленей, на которыхъ, *какъ извѣстно*, разъѣзжаютъ въ Петербургѣ.

Отъ смѣшнаго перейдемъ къ серіозному. Шахматная война продолжается съ ожесточеніемъ. Сыграно восемь партій; изъ нихъ одна объявлена нерѣшеною, а семь выиграны Англичанами. Французы оцѣпенѣли! Давно ли

покойникъ Лабурдоппе обыгралъ покойника Макъ-Донеля! Утѣшаются тѣмъ, что партіи выиграны Стаунтономъ, первымъ игрокомъ Англіи, а со стороны Франціи дѣйствовалъ второстепенный. Открыта подписка, чтобъ выписать Дешателя, считающагося первымъ изъ Французовъ. Спаси народную честь нашу! вопіютъ къ нему отчаянныя пѣшки.

XXII.

27-го Ноября (9-го Декабря) 1843 г.

Не знаю, интересуютъ ли моихъ читателей прогулки мои по Парижу. Можетъ быть и интересуютъ. Кто бывалъ въ этой столицѣ модъ и вкуса, тотъ вспомнитъ былое, посравнитъ его съ нынѣшнимъ, а кому не удавалось видѣть нынѣшняго Вавилона, тотъ, конечно, полюбопытствуетъ узнать, что это за городъ, о которомъ люди не наговорятся. И такъ, въ этомъ предположеніи, въ нынѣшнемъ письмѣ еще продолжаю начатое, а потомъ пріостановлюсь, чтобъ получить извѣстіе съ береговъ Невы — прекратить ли это занятіе или итти далѣе. И какъ отказаться отъ прогулки по чистому воздуху! Сегодня, 24-го Ноября, погода стоитъ сухая и теплая. За дождливымъ лѣтомъ послѣдовали здѣсь ясная осень и теплая зима. Розы цвѣтутъ въ садахъ, рынки наполнены разнообразными, свѣжими цвѣтами. Цвѣточныя почки на деревьяхъ распускаются, но къ концу Декабря гро-

зятъ намъ морозами. Покамѣстъ погуляемъ въ лѣтнихъ сюртукахъ!

Я прогулялся съ моими читателями по улицамъ, прилегающимъ къ сѣверной сторонѣ бульваровъ. Скажу теперь нѣчто о самыхъ бульварахъ. Они устроены на мѣстѣ бывшихъ укрѣпленій, и раздѣляются на сѣверные и южные. Сѣверные идутъ отъ Церкви Св. Магдалины, и называются: Бульваръ Магдалины, Капуцинокъ, Италіянскій, Монмартрскій, Пуасоніеръ, Благовѣщенія (Bonne nouvelle), Сенъ-Денискій, Сенъ-Мартенскій, Тампльскій, des Filles du Calvaire, Бомарше и Св. Антонія: послѣдній примыкаетъ къ площади, на которой нѣкогда стояла Бастилія. Южные бульвары простираются по южной чертѣ города (Инвалидный, Горы Парнасса, Сенъ-Жакъ, Ледника (de la Glaciére), Гобеленовъ и Госпитальный). Сіи послѣдніе бульвары расположены въ пустынной, бѣдной части города, сохранили въ цѣлости свои деревья, но ни къ чему не служатъ: тамошнимъ жителямъ прогуливаться подъ ихъ тѣнью некогда, а другимъ далеко. Займемся сѣверными. Они составляютъ прекраснѣйшую въ мірѣ улицу и самое оживленное, пріятное, великолѣпное гульбище. Первенствующій изъ сихъ бульваровъ есть Италіянскій (des Italiens), названный такъ по Италіянской Оперѣ, которая на немъ построена, но главнымъ фасадомъ не къ бульвару, а къ площадкѣ. Съ бульвара зданіе Оперы занято магазинами и жилыми квартирами. Такимъ образомъ, театръ этотъ не бульварный: теперь помѣщается въ немъ Комическая Опера. Сѣверная аллея этого бульвара, по которой простираются богатыя кофейни (Парижская, Гарди, Риша, Тортони) и самые богатые магазины, служила искони гульбищемъ знати и аристократіи. Во время пребыванія Французскихъ Принцевъ въ Коблепцѣ (1790

— 92) названа она была Бульваромъ Кобленцскимъ (B. de Coblence), а въ теченіе Ста дней, Гентскимъ (B. de Gand), по мѣсту жительства Лудовика XVIII. И теперь эта часть бульваровъ самая изящная, великолѣпная, многолюдная и шумная. Старинныя деревья, вдоль всѣхъ сѣверныхъ бульваровъ, уцѣлѣли только въ маломъ числѣ; самое сильное опустошеніе произвела между ими пресловутая революція іюльская: варвары срубали прекрасныя деревья, и громоздили изъ нихъ баррикады. На мѣстѣ ихъ насажены небольшія деревца, огороженныя желѣзными рѣшетками. Всѣ сѣверные бульвары вымощены асфальтомъ. Сходы съ нихъ на мостовую устроены ступенями. Во многихъ мѣстахъ они расположены террасами. Широкая улица, по которой они идутъ, не вездѣ ровная: на Монмартрскомъ Бульварѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, она поднимается горбомъ, и тутъ эти бульвары, покрытые движущимся народомъ, представляютъ преинтересную картину. Особенно красива и оригинальна эта картина въ сумерки: зажигаются газовые фонари; магазины и кофейни освѣщаются мгновенно; среди темноты сверкаютъ красные фонари омнибусовъ. И посреди этого густая толпа: все движется, шумитъ, гудетъ, толкается, смѣется, разсуждаетъ, кричитъ, поетъ, продаетъ и покупаетъ. На бульварахъ находятся многіе второклассные театры. Variétés, на Монмартрскомъ, подлѣ Панорамскаго Пассажа; Гимназіи, на Б. Благовѣщенія. Далѣе тянутся рядомъ театры Сенъ-Мартенскихъ Воротъ, Ambigu, Gaité, и между ими третьеклассныя зрѣлища: Folies dramatiques, Délassements, и пр. Тутъ же Олимпійскій Циркъ Франкони, и Діорама. Бульвары, занимаемые сими зрѣлищами, называются *Бульваромъ Преступленія* (Boul. du Crime), по содержанію бо́льшей части мелодрамъ, которыя тамъ представляют-

ся. Кто не видалъ бульваровъ Парижскихъ, тотъ не можетъ составить себѣ о нихъ ни какого понятія, и я тщетно усиливался бы изобразить ихъ моимъ читателямъ. Домы по обѣимъ сторонамъ улицы высокіе, въ пять, шесть ярусовъ, самой разнообразной, прихотливой архитектуры. Во многихъ мѣстахъ появляются зданія въ новѣйшемъ вкусѣ. На бульварѣ Пуассоніеръ видите вы огромный домъ, съ надписью на мраморной доскѣ золотыми буквами: Maison du pont de fer (домъ съ желѣзнымъ мостомъ). Входите въ великолѣпныя ворота, и видите, что дворъ цѣлыми двумя ярусами ниже улицы бульвара, и сообщается боковыми воротами съ другими улицами, котырыя ниже бульварной. Вровень же съ бульваромъ идетъ, поперегъ всего двора, желѣзный мостъ для пѣшеходовъ. Весь этотъ оригинальный домъ наполненъ богатыми магазинами, гостиницами и кофейнями! Обратимся вновь къ улицамъ, впадающимъ въ бульвары. Мы уже прошлись по сѣверной части: пойдемъ теперь по южной.

Въ угольномъ домѣ Бульвара Капуциновъ и улицы того же имени помѣщается Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Надъ воротами развѣвается трехцвѣтное знамя. Здѣсь живетъ уже три года г. Гизо, котораго я, за шесть лѣтъ предъ симъ, посѣщалъ въ скромномъ его жилищѣ, въ улицѣ Вилль-Эвекъ. Далѣе открывается предъ вами великолѣпнѣйшая улица въ Парижѣ, *Улица Мира* (la Rue de la Paix). По обѣимъ сторонамъ идутъ въ прямой линіи высокіе, великолѣпные, богатые домы; далѣе улица расширяется и составляетъ Вандомскую Площадь, посреди которой возвышается огромная бронзовая колонна съ статуею Наполеона; еще далѣе виденъ Садъ Тюльерійскій. Вся эта сторона возбуждаетъ въ странникѣ воспоминаніе

о двухъ великихъ государяхъ Франціи, Лудовикѣ XIV и Наполеонѣ. — Въ 1606 году Герцогиня де Меркёръ построила въ Улицѣ Сентъ-Оноре Монастырь Капуцинокъ. Лудовикъ XIV, въ 1688, приказалъ срыть зданіе монастыря, основалъ на его мѣстѣ великолѣпную Площадь Вандомскую, а монастырь воздвигли вновь далѣе къ сѣверу. Въ церкви его погребены были многія знаменитыя особы, въ томъ числѣ Маркизъ де Лувуа и Маркиза де Помпадуръ. Подлѣ церкви находился просторный садъ, который съ 1797 до 1804 года былъ всенароднымъ гульбищемъ, и ограничивался стѣнами разрушеннаго (1792) монастыря и его церкви. Достойно замѣчанія, что въ этомъ саду выставлена была *первая* панорама. — Наполеонъ, старавшійся повсюду изглаживать слѣды опустошеній революціи, приказалъ срыть развалины монастыря до основанія, и проложилъ отъ Вандомской Площади къ бульвару улицу, которая была названа Наполеоновою, а въ 1814 получила наименованіе Улицы Мира. — Въ этой улицѣ находятся нѣкоторыя изъ лучшихъ гостиницъ Парижа: на правомъ углу Hôtel de Douvres; насупротивъ Hôtel de la Paix, далѣе Hôtel Mirabeau, и проч. Изъ пристроекъ бывшаго Капуцинскаго Монастыря уцѣлѣли двѣ: въ первой, налѣво, помѣщается казарма пожарной команды (sappeurs-pompiers); въ другой, огромной, безобразной массѣ, экспедиція штемпельной и гербовой бумаги (bureau du timbre).

Вотъ мы пришли на Вандомскую Площадь: она осьмиугольная и состоитъ изъ домовъ одинаковой архитектуры, построеныхъ Мансаромъ: въ одномъ домѣ, на правой сторонѣ, помѣщается теперь Министерство Юстиціи, на лѣвой Русское Посольство. — Площадь эта наименована была Площадью Лудовика Великаго, но въ народѣ слы-

ла она подъ прежнимъ именемъ, даннымъ ей потому, что часть ея нѣкогда занята была дворцомъ и садомъ Герцога Вандомскаго. Посреди возвышалась конная статуя Лудовика XIV. Въ 1792 году она подверглась участи, постигшей монументы Генриха IV на Новомъ Мосту и Лудовика XIII на Королевской Площади: ее разрушила буйная чернь — та самая, которая чрезъ двадцать два года послѣ того стащила статую Наполеона съ ея огромнаго подножія. — На этой площади случались происшествія, важныя и ничтожныя, смѣшныя и плачевныя. Въ 1696 году жила на ней прекрасная торговка духами (la belle parfumeuse). Кавалеръ де Гризоль и Виконтъ де Бержеракъ влюбились въ нее, и встрѣтившись вечеркомъ у дверей ея магазина, обнажили при свѣтѣ фонаря свои шпаги: кавалеръ былъ тяжело раненъ, виконтъ заколотъ. Торговку, которая подала поводъ уже ко многимъ несчастіямъ, выгнали оттуда, а мужа ея, за слабое смотрѣніе, посадили въ крѣпость. — Въ регентство Герцога Орлеанскаго площадь сія была позорищемъ безстыднаго обмана и сумасброднаго изступленія: въ одномъ изъ домовъ ея устроилъ свою контору Шотландецъ Ла, когда ему стало тѣсно въ улицѣ Кенканпуа. Тысячи людей толпились и дрались здѣсь, чтобъ получить за наличныя деньги, за чистое золото и серебро — великолѣпныя облигаціи, которыя вскорѣ исчезли и увлекли въ пропасть легковѣрныхъ спекуляторовъ. — Во время революціи эта площадь названа была *Площадью Пикъ*, потому что во многихъ изъ опустѣвшихъ домовъ ея устроена была фабрика пикъ, для вооруженія народа. Мѣсто сіе заглохло; мостовая заросла травою. Въ безлюдныхъ домахъ ночныя птицы свили себѣ гнѣзда. Посреди ея валялись камни и желѣзо, остатки разрушеннаго монумента. Одинъ фран-

цузскій литераторъ (Эмиль Марко де Сентъ-Илеръ) пишетъ: «Я былъ еще ребенкомъ, когда впервые прошелъ по ней въ домъ друга моего отца, Генерала Ожеранвиля (зятя Александра Бертіе). Разрушенныя стѣны, разбитыя статуи произвели во мнѣ самое горестное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ шесть лѣтъ, а кажется, я вижу ихъ еще теперь. Наполеонъ, бывшій тогда подполковникомъ (chef de bataillon) артиллеріи, часто посѣщалъ генерала Ожеранвиля. Однажды, послѣ обѣда, хозяинъ и всѣ гости, въ числѣ ихъ мой отецъ, Бонапарте, Бертіе и другіе, вздумали пойти покушать мороженкаго въ Фраскати (публичномъ саду); Наполеонъ подалъ руку госпожѣ Талліенъ. Вышедъ на Вандомскую Площадь, безлюдную и пустынную, Наполеонъ обратился къ Ожеранвилю съ сими словами: «Генералъ! ваша площадь прекрасна, но въ ней недостаетъ центра и народу. Теперь она похожа на прекрасную женщину безъ души.» — «Вѣкъ статуй прошелъ, отвѣчалъ генералъ, и я не знаю, подполковникъ, чью статую можно бъ было здѣсь поставить.» — «Не статую, возразилъ Наполеонъ, а колонну, подобную Трояновой въ Римѣ, или еще огромный саркофагъ, въ которомъ хранился бы прахъ всѣхъ великихъ полководцевъ республики?» — «Идея прекрасная, сказала госпожа д'Ожеранвиль, но я предпочитаю колонну.» — «И вы будете имѣть ее со временемъ, вскричалъ Наполеонъ, будете, будете! Только дайте намъ, Бертіе и мнѣ, сдѣлаться главнокомандующими.» — «Прекрасная мечта!» сказалъ Бертіе, улыбаясь. — Не прошло двѣнадцати лѣтъ, бывшій подполковникъ положилъ первый камень въ основаніе колоннѣ, на которой возвышалась его статуя. Не прошло восьми лѣтъ, чернь парижская силилась веревками стащить эту статую съ вершины колонны! Металлъ

ся былъ употребленъ на возобновленіе статуи Генриха IV на Новомъ Мосту. Во время реставраціи, на вершинѣ колонны была огромная лилія подъ бѣлымъ знаменемъ. Въ 1852 году статуя Наполеона вновь поставлена была на колоннѣ, и съ бо́льшимъ противъ прежняго приличіемъ. Прежняя статуя напоминала тщеславіе геніальнаго человѣка, который, воздвигая себѣ самому монументъ, хотѣлъ предупредить приговоръ потомства. Нынѣшняя есть добровольная дань великому полководцу, поднесенная ему послѣ его смерти. Въ прежней статуѣ Наполеонъ представленъ былъ въ римской тогѣ, въ вѣнцѣ тріумфатора, въ театральной позитурѣ. Въ нынѣшней является онъ взорамъ народа и бывшихъ своихъ воиновъ, въ обыкновенномъ своемъ сюртукѣ, въ классической шляпѣ, въ томъ положеніи, какъ видали его обыкновенно въ публикѣ. Достойно замѣчанія, что почести, оказываемыя ему въ послѣднее время, относятся болѣе къ полководцу, нежели къ государю; прахъ его погребенъ не въ Сенъ-Дени, а въ Церкви Инвалиднаго Дома, гдѣ покоятся Тюренеь, Вобанъ и другіе знаменитые воины. И на Вандомской Колоннѣ представленъ онъ просто генераломъ.

Улица Мира упирается въ Тюльерійскій Садъ, любимое гульбище жителей этой части города. И теперь, въ Декабрѣ, въ ясную погоду, онъ наполненъ гуляющими всякаго званія, возраста и пола. Мужчины читаютъ газеты, которыя можно получать по два су за прочтеніе изъ деревянныхъ будокъ, служащихъ кабинетами для чтенія. Дамы расхаживаютъ по аллеямъ или сидятъ на стульяхъ, и занимаются *своею* политикою. Цѣлые рои дѣтей рѣзвятся, бѣгаютъ, играютъ, смѣются. Старички и старушки сидятъ на солнцѣ, подъ террасою, которая защищаетъ ихъ отъ сѣвернаго вѣтра:

это тепленькое мѣстечко называется *маленькимъ Провансомъ* (la petite Provence). — Видите ли, посреди двухъ куртинъ, полукруглыя мраморныя скамьи, оканчивающіяся сфинксами, уже пожелтѣвшія отъ вліянія времени, никѣмъ не посѣщаемыя, не служащія ни къ чему? Онѣ построены въ 1791 году, по приказанію Робеспіерра, и составляютъ единственный неразрушенный памятникъ его губительнаго владычества!

Зимы здѣсь еще нѣтъ ни на улицахъ, ни въ домахъ. Салоны Сенъ Жерменскаго Предмѣстія, подающаго тонъ въ изящномъ свѣтѣ, еще безмолвны и заперты. Цвѣтъ парижской аристократіи находится въ Англіи. Болѣе трехъ сотъ старинныхъ дворянъ, герцоговъ, маркизовъ, графовъ, виконтовъ, бароновъ, и т. п., съ женами и дѣтьми, отправились въ Лондонъ, чтобъ представиться Герцогу Бордоскому, и увѣрить его во всегдашней своей преданности и неизмѣнной вѣрности.

Въ прошедшее воскресенье знаменитый духовный ораторъ Теодоръ Лакордеръ началъ свои проповѣди въ Соборѣ Богородицы Парижской. Стеченіе слушателей всякаго званія было чрезвычайно великое. Ораторъ явился въ одеждѣ доминиканскаго монаха, запрещенной законами Франціи, и говорилъ очень смѣло о правахъ и обязанностяхъ проповѣдника Слова Божія. Отдавая справедливость его жару и краснорѣчію, многіе дивились, что онъ, въ проповѣди христіанской, приводилъ въ примѣръ Дарія, Катона, Сократа, Демосѳена. Сравнивая себя съ послѣднимъ, онъ возгласилъ: «такъ Демосѳенъ на берегу моря изучалъ свое искусство, такъ готовился онъ къ своему призванію, въ которомъ приводилъ въ трепетъ *Филиппа!*»

На сихъ дняхъ былъ я въ засѣданіи одного общества, котораго цѣль, старанія и труды должны возбуждать вниманіе и уваженіе всякаго благонамѣреннаго человѣка. Это Королевская Академія Юношества (Académie royale de la jeunesse). Цѣль сей академіи, учрежденной подъ покровительствомъ Королевы и сына ея, Герцога де Монпансіе, состоитъ въ отысканіи, поощреніи и образованіи молодыхъ людей съ дарованіями. Члены ея посѣщаютъ казенныя и частныя училища, и освѣдомляются, нѣтъ ли въ нихъ юношей или дѣвицъ, которыя имѣли бы необходимость въ пособіи для усовершенія своихъ талантовъ. Академія, удостовѣрясь въ ихъ нравственности и прилежаніи, даетъ имъ учителей, учебныя пособія и бѣднымъ даже содержаніе. Недавно обанкрутился одинъ купецъ; сынъ его, упражнявшійся съ успѣхомъ въ музыкѣ, долженъ былъ оставить искусства, и заняться какимъ нибудь мастерствомъ: академія дала ему средства продолжать начатое. Это одинъ примѣръ изо ста. Я съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе въ публичное собраніе академіи. Въ залѣ собралось человѣкъ полтораста, большею частію дамъ: добрыя матери и сестры понимаютъ всю цѣну нравственнаго и умственнаго образованія существъ, любезныхъ ихъ сердцу! Президентъ академіи, знаменитый филантропъ, Маркизъ де Ларошфуко-Ліанкуръ, не присутствовалъ за болѣзнію: мѣсто его занималъ какой-то отставной генералъ, человѣкъ почтеннаго вида. Подлѣ него сидѣла вице-президентъ, госпожа Флёри-Шамбелланъ, начальница одного дѣвичьяго института, женщина среднихъ лѣтъ, миловидная, умная, скромная. Директоръ академіи, г. Арну Графъ д'Албано, прочиталъ отчетъ о ея дѣйствіяхъ, а секретарь сообщилъ собранію главные пункты ея статутовъ. Госпожа Флёри-Шамбелланъ прочитала краткую рѣчь о

цѣли и благихъ трудахъ сего общества. Рѣчь ея написана была умно, просто, увлекательно, но почтенная ораторша, съ необыкновенною во Француженкѣ застѣнчивостью, читала ее дрожа и запинаясь. Новый почетный членъ общества, г. Серфберъ, инспекторъ тюремнаго комитета, прочиталъ очень умное разсужденіе о томъ, какъ вредно давать людямъ простаго званія высшее образованіе, которое выводитъ ихъ изъ состоянія въ которомъ они родились, и даетъ имъ понятія, желанія и требованія, которыхъ они, безъ нарушенія общественныхъ законовъ, удовлетворить не могутъ. Ему отвѣчалъ директоръ: совершенно согласуясь съ мнѣніями оратора, онъ однако выразилъ желаніе, чтобъ люди благонамѣренные и достаточные почаще вмѣшивались въ толпу народную, и отыскивали въ ней молодыхъ людей, способныхъ къ высшему образованію. Извѣстная писательница, дѣвица Элиза Моро, прочитала одно прекрасное свое стихотвореніе, а секретарь академіи, г. Гёмберъ, сатиру на свѣтскихъ умниковъ. Въ промежуткахъ чтеній, молодые люди обоего пола, состоящіе подъ покровительствомъ академіи, играли на фортепіанѣ, на скрипкѣ, на віолончели, и пѣли аріи и дуэты. Всѣ слушатели приведены были въ изумленіе однимъ семилѣтнимъ мальчикомъ, игравшимъ на фортепіанѣ съ удивительнымъ искусствомъ и выраженіемъ. — Мнѣ обѣщали сообщить со временемъ отчетъ сей академіи: съ удовольствіемъ подѣлюсь имъ съ моими читателями.

Душевно жалѣю, что я не могъ быть на другомъ подобномъ торжествѣ. Въ воскресенье, 3-го Декабря, глухонѣмые, уроженцы разныхъ странъ, всякаго званія и возраста, праздновали общимъ обѣдомъ 131-й день рожденія безсмертнаго своего благотворителя,

Аббата де л'Эпе. Въ семъ собраніи, по единогласному рѣшенію, предсѣдательствовалъ глухо-нѣмой, Фердинадъ Бертіе, старшій изъ профессоровъ Королевскаго Училища, другъ, покровитель, совѣтникъ, помощникъ, отецъ всѣхъ товарищей его несчастія. Изъ не-глухонѣмыхъ приняли участіе въ торжествѣ нѣкоторые чиновники министерства, завѣдывающаго сею частію, ученые, литераторы и артисты. Самое искреннее веселіе, самая непритворная дружба господствовали между этимъ необыкновеннымъ сословіемъ людей: они выражали свои мысли и душевныя движенія общимъ своимъ языкомъ, понятнымъ всякому глухо-нѣмому на Земномъ Шарѣ. Произнесено было шесть *безмолвныхъ* рѣчей господами Бертіе, Аллиберомъ, Лепуаромъ, Пелиссіе (профессорами Королевскаго Училища), Лусто и Левассоромъ, молодыми искусными живописцами. — Г. Морне, *говорящій* профессоръ, выразилъ знаками желаніе, чтобъ въ скоромъ времени возникли во Франціи новыя школы глухо-нѣмыхъ. Теперь существуютъ для нихъ только два казенныя училища, а число ихъ простирается до двадцати тысячъ. Г. де Монглавъ произнесъ тостъ во славу глухо-нѣмыхъ, и выразилъ, одушевленною пантомимою, слѣдующее: «Они имѣютъ уже юрисконсульта въ лицѣ г. Фердинанда Бертіе, который ревностно отыскиваетъ утраченныя ими права, переписывается за нихъ съ Судебною Газетою, и подаетъ, въ пользу ихъ, прошенія въ Палату Депутатовъ, а она препровождаетъ ихъ къ министрамъ. Прозаики ихъ: тотъ же самый Фердинандъ Бертіе, отличающійся сильнымъ и гармоническимъ слогомъ, авторъ многихъ сочиненій, увѣнчанныхъ академіею; Клодъ Форрестіе, директоръ Ліонскаго Училища глухо-нѣмыхъ, готовящій себѣ славу Роллена несчастныхъ своихъ братій: онъ

составляетъ для нихъ полный курсъ воспитанія; далѣе сынъ генерала Газана, ихъ Лабрюйеръ, оригинальный и смѣлый; наконецъ, извѣстные ихъ профессоры и писатели: Ленуаръ, Ришарденъ, Аллиберъ, Шамбелланъ, и др.; поэты: Пеллисіе, воспѣтый Ламартиномъ, и который постигаетъ гармонію стиха не ухомъ, а сердцемъ; его совмѣстникъ и соровнователь Шателенъ, воспитанный въ Тулузѣ; два бакалавра, съ честью выдержавшіе экзаменъ въ Блуа и въ. Канѣ: Лоранъ и Поль де Виганъ; многіе живописцы, которыхъ произведенія отличаются на выставкахъ и въ Версальской Галереѣ: дѣвица Роберъ, граціозная ученица Жироде; Пеллонъ, глухо-нѣмой Апеллесъ, изобразившій кончину Аббата де л'Эпе; Лусто и Видеркеръ, пишущіе, по заказу правительства, картины религіознаго содержанія; Сѣверо-Американецъ Джонъ-Карлинъ, Перуанецъ Варела, геніяльный Октавій Безю, бѣдный, брошенный ребенокъ, прославившійся въ живописи сухими красками, трудомъ и постоянствомъ поднявшійся изъ состоянія простаго ремесленника на степень превосходнаго артиста; литографы: тѣ же Безю, Видеркеръ и Эдуардъ Роберъ, братъ художницы; граверы: Болле, служащій въ Военно-Топографическомъ Депо, Гамбль и дѣвица Алавуанъ; механики, и въ числѣ ихъ геніяльный Глаке, извѣстные часовщики: Барба и Алавуанъ; типографщики: Буларъ, Думикъ и Ромигіеръ, и другіе, занимающіеся въ Королевской Типографіи, у Дидота, и пр.; цѣлый *народъ* трудолюбивыхъ и терпѣливыхъ ремесленниковъ, отправляющихъ самыя разнообразныя мастерства, моряки, и въ числѣ ихъ глухо-нѣмой негръ изъ Сѣверной Америки, посѣщавшій за нѣсколько лѣтъ предъ симъ бѣлыхъ братьевъ своихъ въ Парижѣ, и бесѣдовавшій съ ними на общемъ ихъ языкѣ. Наконецъ,

между ими были и солдаты: Ламазюръ храбро сражался въ Вандеѣ; Дедіе съ честью служилъ въ артиллеріи; наконецъ, Графъ Соларъ, благородный потомокъ знатнаго рода, брошенный на улицу безсовѣстными родственниками, поднятый Аббатомъ де л'Эпе, обиженный судами, представленный на Французскомъ Театрѣ (*), служилъ драгуномъ во Французской Арміи, и былъ убитъ въ схваткѣ съ Австрійцами: несчастный не слыхалъ, что затрубили отбой, и одинъ остался среди толпы непріятелей. — Видите ли, любезные собесѣдники наши пріобрѣли славу во всѣхъ родахъ! И такъ, произнесемъ тостъ во славу глухо-нѣмыхъ; пожелаемъ имъ всякаго счастія и успѣха въ будущемъ!»

При семъ случаѣ сообщу трогательный анекдотъ, напечатанный въ одномъ здѣшнемъ журналѣ: «*Нѣмая любовь.* Нью-Іоркъ, 15-го Ноября. Въ Ассизномъ Судѣ Области Миссури рѣшили странный процесъ. Одинъ молодой человѣкъ, по фамиліи Порхъ, былъ обвиненъ Миссъ Елисаветою Томпсонъ въ нарушеніи обѣщанія жениться на ней. Очень обыкновенно видѣть, что молодыя Американки судебнымъ порядкомъ преслѣдуютъ невѣрныхъ друзей своихъ, и взыскиваютъ съ нихъ денежныя пени за неисполненіе обѣщаній; но нынѣшній процесъ замѣчателенъ былъ тѣмъ, что Елисавета Томпсонъ глухо-нѣмая. Бѣдная дѣвица, пишутъ, выражала свое несчастіе пантомимою, и такъ краснорѣчиво, что привела въ умиленіе и слезы судей и зрителей. На рукахъ у нея былъ ребенокъ, плодъ и жертва ея проступка. Судьи приговорили Порха заплатить ей 3000 долларовъ (15,000 р. асс.).»

(*) Въ драмѣ Аббатъ де л'Эпе, соч. Буйльи.

Вчера начался въ здѣшнемъ Ассизномъ Судѣ процесъ тридцати трехъ воровъ: они грабили частные и казенные домы, церкви, кладбища. Прахъ композитора Далейрака и жены его перенесенъ былъ, въ 1839 году, на кладбище селенія Фонтене-су-Буа. Разнесся слухъ, что госпожа Далейракъ погребена въ дорогихъ бриліантахъ. Злодѣи пробрались ночью на кладбище, свалили претяжелый камень, вырыли гробъ, разбили его, и не найдя искомаго, разметали кости! Но сосѣди Французовъ, Англичане, не уступаютъ имъ въ отправленіи сихъ свободныхъ ремеслъ: исчислено, что въ Лондонѣ 16,900 воровъ занимаются своимъ дѣломъ явно, предъ глазами полиціи. Въ 227-ми домахъ укрываютъ краденыя вещи. Въ 276-ти домахъ воры сходятся. Нищіе живутъ въ 220-ти домахъ. Говорятъ, что съ наступающаго Новаго Года заведены будутъ въ Парижѣ ночные стражи; въ каждой улицѣ, по крайней мѣрѣ, по одному. Они будутъ перекликаться между собою свистками. Надѣются симъ прекратить дерзость многочисленныхъ воровъ.

Любители французской старины въ отчаяніи. Знаменитому за̀мку Шамбору грозитъ совершенное разрушеніе. Извѣстно, что онъ подаренъ былъ націею Герцогу Бордоскому при его рожденіи, и въ послѣдствіи утвержденъ за нимъ приговоромъ суда, но такъ какъ Герцогъ донынѣ не вступалъ въ обладаніе имъ, его продаютъ съ публичнаго торгу. Составилась компанія для покупки его: она намѣрена распродать землю по небольшимъ участкамъ, а за̀мокъ срыть. Варварство!

Извѣстно, что въ Англіи произведены удачные опыты надъ приведеніемъ въ движеніе паровозовъ желѣзныхъ дорогъ посредствомъ воздуха (атмосферическимъ давленіемъ): здѣсь намѣрены испытать сіе изобрѣтеніе на версальской желѣзной дорогѣ, по лѣвому берегу Сены.

Швеціею, съ Голландіею, по торговымъ отношеніямъ, съ Франціею, съ Даніею, съ Персіею, и съ Голштиніею по разнымъ отношеніямъ: о помощи деньгами и войсками особенно во время войны съ Польшею, также по торговымъ дѣламъ и по совѣщанію о бракахъ. По случаю сношенія съ Голштиніею, Русская Исторія обогатилась замѣчательнымъ преданіемъ о нашемъ отечествѣ Адама *Олеарія*, котораго Михаилъ вызвалъ служить къ себѣ въ Россію слѣдующею грамотою: *Вѣдомо намъ, Великому Государю, нашему Царскому Величеству, учинилось, что ты горазто наученъ и навыченъ астрологіи и географусъ, и небесному бѣгу, и землемѣрію, и инымъ подобнымъ мастерствамъ и мудрствіямъ, а намъ, Великому Государю, нашему Царскому Величеству, таковъ мастеръ годенъ.*

Сочиненіе Олеарія о Россіи весьма любопытно; онъ описываетъ бытъ древнихъ Россіянъ весьма подробно и наблюдательно.

Вотъ какія были внѣшнія обстоятельства, современныя царствованію Михаила; изъ внутреннихъ же учрежденій замѣчательны слѣдующія: 1.) Патріархъ Филаретъ, какъ и предшественники его, Патріархи, имѣли право судить въ своихъ владѣніяхъ всѣ преступленія, кромѣ самыхъ важныхъ, уголовныхъ; Филарету дана была грамота самосудная, онъ принималъ заботливое участіе въ правленіи своего сына, особенно въ первые года своего возвращенія изъ Польши, когда еще Царь былъ юнъ и неопытенъ въ правленіи.

2.) Въ 1623 г. учреждены были присяги для каждаго чина, какъ и нынѣ, предъ крестомъ и Евангеліемъ.

либо странѣ, она ничтожна, если не удѣляется на производство кормовыхъ травъ по крайней мѣрѣ половины обрабатываемой земли. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ наблюдается сіе правило, землепашество, при самой простой, несовершенной и даже нелѣпой системѣ, производится съ большимъ успѣхомъ и обогащаетъ земледѣльцевъ. Какъ возвысить земледѣліе во Франціи? Стоитъ только убѣдить поселянъ въ выгодѣ и безошибочности средства, нами предлагаемаго. Издавайте книги и журналы, посвященные земледѣлію, заводите дорогія образцовыя фермы, выписывайте англійскій скотъ лучшей породы. Все это очень хорошо, но толку и пользы отъ этого не будетъ. Вспомните, въ чьихъ рукахъ находится земледѣліе во Франціи. Девяносто девять сотыхъ людей, занимающихся во Франціи земледѣліемъ, суть невѣжды-крестьяне или мелкіе помѣщики: они не слушаютъ лекцій, не читаютъ книгъ, не посѣщаютъ образцовыхъ фермъ, и думаютъ, что въ свѣтѣ нѣтъ другаго способа хлѣбопашества, кромѣ переданнаго имъ отъ отцевъ и дѣдовъ. — Вмѣсто употребленія этихъ затруднительныхъ и дорогихъ средствъ, ни къ чему не ведущихъ, постарайтесь, въ селеніяхъ, гдѣ господствуетъ самая плохая система землепашества, убѣдить *одного* поселянина засѣять половину своихъ полей и болѣе кормовыми травами: земледѣліе вскорѣ процвѣтетъ и обогатитъ его. Пусть ученые толкуютъ о пользѣ того или другаго частнаго способа: люди государственные должны итти прямо къ цѣли, и дѣйствовать не на немногихъ избранныхъ, а на всю массу народа. Возможно ли этого достигнуть? Очень возможно. Что̀ сдѣлано во Франціи для истребленія закоренѣлаго зла? Кто видитъ это зло? У насъ существуютъ земледѣльческіе комитеты, но они дѣйствуютъ безъ всякой инструкціи, безъ

опредѣленной цѣли, въ совершенномъ безначаліи. Случается, что они награждаютъ смѣтливыхъ и дѣятельныхъ землепашцевъ, но чаще даютъ сіи награды за разведеніе новыхъ произрастеній тамъ, гдѣ они вовсе ненужны, и тратятъ деньги на ничтожныя поощренія, не достигающія цѣли. Такимъ образомъ теряются ежегодно значительныя суммы. Дайте средства мелкому помѣщику засѣять половину своей пашни кормовыми травами, вмѣсто того, чтобъ держать ихъ въ пару, онъ въ состояніи будетъ на другой годъ обзавестись большимъ количествомъ скота, добудетъ навозъ, и вскорѣ получитъ вознагражденіе: въ нѣсколько лѣтъ онъ обогатится. Такой живой урокъ, безъ сомнѣнія, подѣйствуетъ на сосѣдей его лучше всякаго ученаго курса, образцовой фермы или наградъ комитета. Другіе непремѣнно станутъ подражать ему, и система земледѣлія, въ короткое время, перемѣнится сама собою. Видимая выгода, барышъ, деньги — вотъ лучшая приманка для всякаго помѣщика и крестьянина! Тутъ не нужно ни какихъ лекцій, ни какихъ другихъ поощреній.»

Удивительный талантъ возбуждаетъ теперь вниманіе Парижа. Въ домѣ Маркиза де Лувуа исполнены были нѣкоторыя части оперы, сочиненной молодымъ композиторомъ Рене Вильбахомъ, подъ названіемъ: l'Egyptienne. Всѣ слушатели приведены были въ восторгъ; Мейерберъ и Галеви осыпали ее похвалами. Директоръ Большой Оперы просилъ позволенія дать ее на своемъ театрѣ. Авторъ ея родомъ изъ Монпеліе, имѣетъ отъ роду семнадцать лѣтъ — и слѣпъ! (*) — Вѣроятно, что

(*) Въ одномъ журналѣ пишутъ, что ему не болѣе четырнадцати лѣтъ, но что зрѣніе ему возвращено недавно счастливою операціею. Незнаю.

эта піеса оживитъ сцену Большой Оперы, на которой играютъ только Дона-Себастіана.

Въ комитетѣ Французскаго Театра читали и одобрили новую драму: *Діегоріаль*, сочиненную молодымъ человѣкомъ, Сежуромъ, донынѣ вовсе неизвѣстнымъ. *Опекунша* влачится медленно, не смотря на дружескія статьи въ большихъ и малыхъ журналахъ. — Рашель выходитъ на сцену сегодня.

Италіянская Опера пробавляется прежними піесами. Въ прошедшую ночь скончался скоропостижно директоръ ея, Г. Жаннень.

Буффе дебютировалъ на Театрѣ Variétés въ прошедшую субботу, и ежедневно играетъ ту же самую роль, парижскаго баловня (le gamin de Paris): сегодня играетъ онъ ее въ триста шестьдесятъ пятый разъ! Стеченіе публики большое, успѣхъ блистательный, но все еще сомнѣваются, поддержатся ли симъ финансы этого театра, который не можетъ выпутаться изъ долговъ. Странное дѣло! Палерояльскій Театръ обогатилъ своихъ основателей: акціи его, стóившія въ началѣ пятьсотъ франковъ, продаются нынѣ по четырнадцати тысячъ! Другіе же театры, гораздо его выше наружнымъ и внутреннимъ достоинствомъ, едва окупаютъ свои издержки.

Я видѣлъ Буффе въ этой роли вчера, и еще не могу опомниться отъ изумленія и восторга. Это дѣйствительно совершенство въ своемъ родѣ. Въ характерѣ парижскаго *баловня* (такъ называются мальчики низшихъ сословій, еще не поступившіе ни въ военную, ни въ другую службу, ни въ подмастерья) заключаются разныя стихіи, самыя противоположныя, добродушіе и своенравіе, глубокое чувство и шаловливость, самоотверженіе и страсть къ удовольствіямъ, быстрый, вѣрный умъ и непреодо-

лимое легкомысліе: все это выражено было съ удивительною истиною и въ предѣлахъ благороднаго, изящнаго комисма. Разсказомъ о смерти отца привелъ онъ въ слезы всю публику. Признаюсь, я давно не ощущалъ такого сладостнаго умиленія, какъ въ тѣ минуты, когда наслаждался симъ зрѣлищемъ. Къ этому должно присовокупить наружныя средства и пособія: всѣ тѣлодвиженія, ухватки, прыжки, интонаціи голоса, выраженіе лица — — все, все снято было съ натуры, и представлено въ совершенствѣ.

Директоръ Театра Гимназіи, желая пополнить вакансію, принялъ на свою сцену молодаго актера Дельмаса. Онъ артистъ не безъ таланта, но далеко не Буффе. Въ первое представленіе водевиля *Daniel le tambour* публика приняла его очень благосклонно, и по опущеніи завѣсы раздались вызовы. Молодой человѣкъ никакъ не вѣрилъ, что вызываютъ его; наконецъ его принудили выйти; онъ блѣднѣлъ, дрожалъ, плакалъ отъ неожиданнаго торжества. Впрочемъ, можетъ быть, что онъ чувствовалъ все ничтожество подкупныхъ рукоплесканій. Изъ всѣхъ парижскихъ артистовъ одинъ Буффе не нанимаетъ и не терпитъ хлопальщиковъ. Онъ нѣсколько разъ просилъ и директора театра и *шефа клакеровъ* оставить его въ покоѣ. Тщетно! Однажды, въ самомъ жару игры его, раздались хлопанья *знакомыхъ* ему *двѣнадцати паръ рукъ*. Онъ подошелъ къ лампамъ, и обратясь къ центру театра, гдѣ они возсѣдаютъ, обыкновенно, подъ люстрою, громко сказалъ имъ: «Перестаньте хлопать, или я перестану играть!» Партеръ приведенъ былъ въ восторгъ этимъ случаемъ. Грозное à la porte (вонъ)! раздалось во всѣхъ концахъ залы, и пристыженные Римляне принуждены были оставить поле битвы. Нѣкоторые содержатели театровъ пытались

было освободиться отъ этой постыдной подати, и объявляли, на афишахъ: «На нашемъ театрѣ нѣтъ хлопальщиковъ, нѣтъ стачекъ, нѣтъ обмана.» Что жъ! Атаманы этихъ шаекъ покупали билеты, сажали своихъ работниковъ въ разныхъ мѣстахъ залы, и прерывали представленіе общимъ свистомъ! Директоры принуждены были покориться. Согласитесь, что свобода удивительно хорошая вещь — на бумагѣ!

На Театрѣ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ готовятъ новую піесу: *Обозрѣніе 1843 года.* Въ ней представлены будутъ всѣ любопытныя, смѣшныя и забавныя происшествія истекшаго года, въ рамкѣ водевиля.

На прочихъ театрахъ все идетъ въ старой колеѣ: повтореніе *Дезертира* въ Комической Оперѣ, *Пресыщенный* въ Водевилѣ, *Маркиза де Караба* въ Пале-Роялѣ, привлекаютъ каждый вечеръ многочисленную публику: дирекція болѣе не спрашиваетъ!

Въ литературѣ нѣтъ ничего новаго. Викторъ Гюго еще не опомнился отъ жестокаго удара, нанесеннаго ему смертью дочери. Казимиръ Делавинь отправился на зиму въ Монпеліе, и если тамошній климатъ не будетъ ему благопріятствовать, поѣдетъ въ Ниццу. Врачи и семейство запретили ему заниматься какою бы то ни было работою, но его метода стихотворенія противится всѣмъ запрещеніямъ и совѣтамъ. Онъ сочиняетъ стихи въ умѣ, не имѣя надобности писать ихъ. Снаружи кажется онъ спокойнымъ и беззаботнымъ, а между тѣмъ душа его работаетъ и воображеніе пылаетъ.

пристрастился къ нему съ малолѣтства, любилъ его и питалъ къ нему неограниченную довѣренность. Но Морозовъ, къ прискорбію должно сказать истину, не былъ достоинъ таковой Царской любви. Онъ ни душевными качествами своими, ни добросовѣстностію совсѣмъ не походилъ на мудраго и добродѣтельнаго Патріарха Филарета.

Въ опасныя годины бѣдствій Россіи Филаретъ былъ блюстителемъ спокойствія ея, защитникомъ правосудія и покровителемъ несчастныхъ; но Морозовъ, при всемъ своемъ обширномъ умѣ, былъ обуреваемъ пагубными страстями, изъ которыхъ были особенно замѣчательныя въ немъ: неограниченное честолюбіе, сребролюбіе и зависть. Филарета уважали, Морозова боялись и ненавидѣли какъ равные ему по званію царедворцы, такъ и народъ, за несправедливость, за недоступную гордость, за чрезмѣрное самовластіе и корыстолюбіе. Морозовъ былъ проницателенъ, онъ примѣчалъ питаемую къ нему общую ненависть, но онъ, надѣясь на царскую къ себѣ милость, не обращалъ на то большаго вниманія и не бралъ даже никакихъ мѣръ для отвращенія оной; онъ жестоко мстилъ врагамъ своимъ и какъ бы презиралъ ихъ безсиліе.

Но ненависть къ нему недремала въ окружавшихъ его Боярахъ и царедворцевъ; враги Морозова тщащельно изыскивали всѣ средства къ низложенію царскаго любимца съ высокаго пьедестала его и удаленію отъ Двора, но Морозовъ, къ общему изумленію, страху и досадѣ, вознесся еще на большую степень силы и почестей своихъ. Онъ довелъ до того Царя хитрыми ласкательствами и убѣжденіями своими, что Царь рѣшился вступить въ бракъ съ

это не превратится въ безобразный хаосъ, въ стаю волковъ, поѣдающихъ стада беззащитныхъ овецъ! А между тѣмъ все идетъ своимъ чередомъ. Громко, шумно, буйно, а все это сыто, все къ вечеру наглядѣлось, все убирается по домамъ, выпуская только немногихъ избранныхъ на ночную работу. Поутру читаешь въ журналѣ: «Вчера воры забрались въ магазинъ улицы Монторгёйль, No 17, и утащили кассу. — Вчера дворничиха дома No. 5, въ Улицѣ Каплуна (du Chapon) до полусмерти приколотила сосѣдку, лавочницу, подозрѣвая ее въ непозволительной дружбѣ съ мужемъ ея, дворникомъ.— Вчера подрались двое пьяныхъ въ Предмѣстіи Сенъ-Дени. Одинъ изъ нихъ толкнулъ другаго такъ сильно, что онъ упалъ подъ колеса огромной фуры и былъ унесенъ замертво въ больницу. — Два молодые человѣка гуляли вчера по трактирамъ, виннымъ погребамъ и другимъ благонамѣреннымъ заведеніямъ, и ночью, въ квартирѣ одного изъ нихъ, передрались и *перекусались.*» И только? Не болѣе. Самыя многочисленныя преступленія, совершающіяся въ Парижѣ, суть кражи съ разными усугубительными и смягчительными обстоятельствами. Смертоубійства случаются рѣдко (*). Но вообще,

(*) Исключеніемъ изъ сего правила можетъ быть ужасное злодѣяніе, совершенное на сихъ дняхъ. Молодой аптекарскій ученикъ, прибывшій изъ Тулузы, разъѣзжалъ съ визитами и развозилъ рекомендательныя письма. Между прочимъ пріѣхалъ онъ къ семидесяти-четырехъ-лѣтней старушкѣ, г-жѣ де Сеннепаръ, бесѣдовалъ съ нею нѣсколько времени, и замѣтивъ, что она живетъ въ достаткѣ и обиліи, бросился на нее, задушилъ ее и ограбилъ ея коммоды. Уходя изъ ея квартиры, онъ говорилъ громко, будто съ нею: «Прощайте, сударыня! не безпокойтесь; извольте воротиться!» Полиція вскорѣ добралась до него. Сначала онъ запирался, но когда нашли у него заграбленныя имъ вещи, признался во всемъ. Ему хотѣлось *пожить* въ Парижѣ и насладиться всѣми его удовольствіями! Извергу этому двадцать второй годъ отъ роду.

во времена обыкновенныя, порядокъ на улицахъ и спокойствіе въ домахъ достойны замѣчанія. Подъ именемъ *порядка*, я разумѣю не совершенную тишину и не безусловное повиновеніе. Что̀ здѣсь считается порядкомъ и тишиною, то̀ въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ, въ Копенгагенѣ *показалось бы* разбоемъ, бунтомъ, революціею. И чему обязанъ Парижъ, съ своимъ милліономъ (или 935,261, въ 1842) жителей, симъ относительнымъ порядкомъ, безопасностью и спокойствіемъ? Своей полиціи, которая можетъ назваться однимъ изъ самыхъ любопытныхъ учрежденій во Франціи, если не во всей Европѣ. Полагаю, что нѣкоторыя свѣдѣнія о ней, заимствуемыя мною изъ достовѣрныхъ и новыхъ источниковъ, будутъ интересны моимъ читателямъ.

Встарину завѣдывали парижскою полиціею члены магистрата и градской глава (le prévôt des marchands). Лудовикъ XIV, по совѣту Кольберта, учредилъ, въ 1667 году, званіе королевскаго намѣстника полиціи (lieutenant général de police), и облекъ сею должностью одного почтеннаго сановника, де ла-Рени (de la Reynie). Память его уважается донынѣ. Исчисленіе злоупотребленій, прекращенныхъ симъ достойнымъ градоначальникомъ, свидѣтельствуетъ, въ какомъ неустройствѣ находилась дотолѣ столица Франціи. Онъ закрылъ триста притоновъ (tripots), въ которыхъ разные промышленники, драчуны, женщины дурнаго поведенія, толпились день и ночь. Лакеи и пажи вельможъ составляли какое-то страшное скопище, и на Новомъ Мосту, на Площади Дофина, даже въ прихожей залѣ Парламента, забавлялись шумными играми, которыя нерѣдко оканчивались кровавыми драками и смертоубійствомъ. Ла-Рени запретилъ сходбища лакеевъ, чью бы ливрею они ни носили. Знатныя особы разгнѣвались, стали жало-

ваться, и требовали охраненія правъ, свойственныхъ ихъ сану. Намѣстникъ, въ отвѣтъ на ихъ жалобы, повѣсилъ лакея Герцога де Рокелора и пажа Герцогини де Шеврёзъ, которые прибили студента на Мѣновомъ Мосту. При немъ началось освѣщеніе города, и тѣмъ положено было основаніе прекращенію ночныхъ разбоевъ; при немъ же заведено было ежедневное очищеніе улицъ и дворовъ. Повѣрятъ ли, что сіи полезныя учрежденія, безъ которыхъ, кажется, нынѣ ни какой городъ существовать не можетъ, казались стѣснительными и вельможамъ и гражданамъ, и возбудили общую къ виновнику ихъ ненависть! Вскорѣ оказались плоды сихъ благихъ трудовъ. Чрезъ десять лѣтъ прекратились ночные разбои и убійства; нравы низшихъ сословій исправились, ибо ла-Рени, не довольствуясь преслѣдованіемъ злодѣяній и преступленій, старался возвысить нравственность народа: онъ учредилъ училища для бѣдныхъ и дѣтскіе пріюты. Въ его время истребленъ послѣдній *Дворъ Чудесъ* (cour des miracles): такъ назывались въ Парижѣ гостиницы нищихъ, адскія пещеры нравственной и тѣлесной заразы; такія гостиницы исчезали мало по малу; послѣдняя (близъ Воротъ Сенъ-Дени), окруженная каменною стѣною, существовала до 1670 года: тщетно старались разогнать скопище негодяевъ вооруженною силою. Хозяева и жильцы гостиницы трижды отражали воинскія команды бутылками, каменьями, грязью. Однажды, съ разсвѣтомъ дня, явился самъ ла-Рени съ значительнымъ отрядомъ солдатъ и саперовъ. Завидѣвъ солдатъ, населеніе этого ада — бабы старики, взрослые, дѣти — завопили во всю мочь; въ одно мгновеніе кочерги, палки съ желѣзными наконечниками, шпаги, ружья и пищали поднялись надъ растрепанными головами людей, обезображенныхъ развра-

томъ, пьянствомъ и бѣшенствомъ. Солдаты стали заряжать ружья. «Не стрѣлять!» возразилъ ла-Рени громкимъ голосомъ, выступилъ впередъ, и грознымъ взглядомъ заставилъ молчать бѣснующуюся толпу: «Я могъ бы наказать васъ, сослать на галеры, заключить въ тюрьмы, но предпочитаю милосердіе, полагая, что между вами болѣе несчастныхъ, нежели виновныхъ. Выслушайте меня и благодарите. Я велю сдѣлать три пролома въ вашей стѣнѣ: бѣгите безъ помѣхи; только двѣнадцать послѣднихъ заплатятъ за всѣхъ: шестерыхъ повѣшу, а шестерыхъ пошлю на каторгу.» — Нищіе оцѣпенѣли. Саперы выломали въ стѣнѣ три отверзтія. «Бѣгите! возгласилъ ла-Рени: только нѣтъ пощады двѣнадцати послѣднимъ.» Толпа двинулась къ отверзтіямъ: слѣпцы прозрѣли; разбитые параличемъ выпрямились; безногіе и хромые побѣжали, только бы не попасть въ обреченную дюжину. Въ четверть часа разбѣжались всѣ, и одинъ простодушный полицейскій офицеръ съ смущеннымъ видомъ донесъ: «Виноваты, ваше превосходительство, не только двѣнадцати, и одного не успѣли схватить!» — «Тѣмъ лучше, сударь, отвѣчалъ намѣстникъ, а чтобъ они не воротились, сройте эти стѣны, эти лачуги! Чтобъ не было и слѣда временъ варварства!»

Ла-Рени отправлялъ свою должность тридцать лѣтъ (до 1697 г.). Преемникъ его, д'Аржансонъ, слѣдовалъ его примѣру во многомъ: въ его время образовалась тайная полиція. Онъ былъ человѣкъ умный, хитрый, смѣтливый. Лице у него было самое безобразное и страшное: однимъ взглядомъ своимъ онъ обезоруживалъ и ужасалъ виновнаго. — Изъ намѣстниковъ полиціи въ XVIII вѣкѣ прославились болѣе прочихъ Сартинъ и Ленуаръ. Сартинъ, или Сартинесъ (Sartinez), ро-

дился въ Барселонѣ (1729), въ бѣдномъ званіи, прибылъ девятнадцати лѣтъ во Францію, служилъ, кланялся, молчалъ, и въ 1759 году назначенъ былъ намѣстникомъ полиціи въ Парижѣ. Онъ былъ созданъ полиціймейстеромъ: съ виду важенъ, суровъ, холоденъ, но умѣлъ измѣнять свою наружность по обстоятельствамъ. Взглядъ его былъ проницательный и страшный, но впечатлѣніе его смягчалось кроткою и привѣтливою улыбкою. Сила этого взгляда являлась преимущественно въ смятеніяхъ и скопищахъ черни. Иногда тщетны бывали всѣ усилія чиновниковъ полицейскихъ, всѣ угрозы военной команды; чернь не повиновалась и бушевала. Являлся Сартинъ, обращалъ на толпу испанскіе глаза свои: буйныя толпы утихали, какъ стада овецъ. Одинъ звукъ его пронзительнаго, крикливаго голоса приводилъ въ трепетъ закоснѣлыхъ разбойниковъ.

Сартинъ обращалъ преимущественное вниманіе на три предмета полицейскихъ обязанностей: безопасность, чистоту и освѣщеніе города (sureté, propreté, clarté). Онъ преобразовалъ полезное и, можно сказать, почтенное званіе квартальныхъ коммиссаровъ (commissaire de quartier), чиновниковъ самыхъ близкихъ къ народу, и дѣйствующихъ на него своимъ примѣромъ и властью. Онъ старался опредѣлять въ сіи мѣста людей, достойныхъ во всякомъ отношеніи общаго уваженія; онъ полагалъ что чиновники, обязанные наблюдать надъ поведеніемъ и нравами своихъ согражданъ, сами должны быть люди добронравные, хорошаго поведенія и неукоризненной жизни, что они должны особенно добрымъ примѣромъ внушать къ себѣ уваженіе и довѣренность. Благія его намѣренія увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ: сословіе коммиссаровъ пріобрѣло въ публикѣ уваженіе, котораго прежде не могло имѣть по безнравствен-

ности нѣкоторыхъ своихъ членовъ. Театры обратили на себя особенное вниманіе Сартина. Дотолѣ хозяйничали въ нихъ актеры по своему произволу, и содержали хлопальщиковъ, которые нерѣдко вступали въ драку съ партеромъ. Сартинъ отмѣнилъ это зло. Людей, нарушавшихъ тишину въ театрѣ, брали подъ стражу, актеровъ и актрисъ, уличенныхъ въ подкупѣ хлопальщиковъ, сажали въ Форъ-л'Эвекъ. Такимъ образомъ, партеръ Французскаго Театра вступилъ въ прежнія свои права, и безпристрастные судьи воротились въ театръ, который десять лѣтъ былъ во власти гнусныхъ наемниковъ. Желательно было бы, чтобъ нынѣшній префектъ полиціи, почтенный Делессеръ, послѣдовалъ примѣру своего предшественника, и выгналъ изъ парижскихъ театровъ эту подлую сволочь. Но нѣтъ Теперь это невозможно. Тогда были времена варварскія, времена тяжкаго самодержавія, владычества Королей, знатныхъ особъ и другихъ порядочныхъ людей, словомъ, правленіе тиранское и нестерпимое. Нынѣ владычествуетъ свобода, и всякъ, за деньги или даромъ, можетъ дѣлать что ему угодно! Свобода всѣмъ негодяямъ! Совершенное равенство между честными людьми и плутами! Вотъ какъ многіе публицисты и журналисты понимаютъ представительное правленіе. Но — возвратимся къ Сартину.

Ни какая часть полиціи не укрывалась отъ зоркаго взгляда Сартина: устройство улицъ, освѣщеніе, постройки, мощеніе, ночная стража, караульни, водометы, продовольствіе, охраненіе зданій и памятниковъ, наблюденіе за домами разврата, за тайными играми, за рынками, обученіе юношества, общественное здоровье — все обращало на себя его недремлющую дѣятельность. — Сартинъ хвалился тѣмъ, что знаетъ не только то, что про-

исходитъ въ Парижѣ и въ главнѣйшихъ городахъ Франціи, но и что случается въ прочихъ странахъ Европы. Однажды получилъ онъ изъ Вѣны просьбу арестовать опаснаго разбойника, который, злодѣйствовавъ долгое время въ Карніоліи и въ Каринтіи, теперь скрывается въ Парижѣ. Сартинъ тотчасъ же отвѣчалъ, что преступникъ находится не въ Парижѣ, а въ Вѣнѣ, живетъ въ такой-то улицѣ, въ домѣ подъ такимъ-то нумеромъ. Полиція вѣнская нашла его тамъ дѣйствительно.—Одинъ изъ слугъ папскихъ, ограбивъ ризницу Св. Петра, бѣжалъ изъ Рима. Папское Правительство, полагая, что онъ бѣжалъ на французскомъ купеческомъ суднѣ въ Провансъ, обратилось съ просьбою къ Г. Сартину захватить вора, лишь только онъ появится во Франціи. Намѣстникъ полиціи отвѣчалъ по той же почтѣ: «Человѣкъ, котораго вы ищете, не пріѣзжалъ во Францію: онъ скрывается въ Чивитта-Веккіи, въ сицилійской лодкѣ, принадлежащей Бартоломею Франди. Онъ намѣренъ ѣхать въ Мессину, а оттуда пробраться въ Турцію. Поспѣшите; вы поймаете его на морѣ.» Папа, получивъ эту лаконическую депешу, послалъ въ погоню бригъ и галеру, и близъ Мессины дѣйствительно настигнута была лодка Бартоломея Франди, на которой воръ везъ богатую свою добычу. — Эта необыкновенная дѣятельность, эта удивительная смѣтливость обратили на Сартина вниманіе всей Европы. Полагали, что онъ располагаетъ несмѣтными суммами: отнюдь нѣтъ! Онъ довольствовался обыкновенными доходами полиціи, и притомъ такъ бережливо, что у него всегда были деньги въ запасѣ. Въ суровую зиму 1772 года, онъ употребилъ сто восемьдесятъ тысячъ франковъ на снабженіе одеждою и пищею множества бѣдныхъ людей, которые, безъ его пособія, погибли бы съ голоду или отъ стужи.

Наполняя мѣста полицейскихъ чиновниковъ людьми честными и почтенными, Г. де Сартинъ умѣлъ въ то же время употреблять въ пользу службы кающихся грѣшниковъ, помилованныхъ воровъ и тому подобныхъ виртуозовъ, которые, какъ нашъ Ванька Каинъ, изъ мошенниковъ пошли въ сыщики. «Какъ можете вы пользоваться услугами такихъ негодяевъ?» спросилъ у него одинъ вельможа. — «Сдѣлайте одолженіе, укажите мнѣ честныхъ людей, которые согласились бы исполнять эти должности!» отвѣчалъ Сартинъ. При немъ находились всегда трое или четверо изъ этихъ бывшихъ плутовъ, и онъ называлъ ихъ въ шутку своими адъютантами. Однажды, въ Версали, за карточнымъ столомъ, въ присутствіи намѣстника полиціи, зашла рѣчь о проворствѣ парижскихъ воровъ. — Князь де Бово утверждалъ, что самый искусный воръ никакъ не успѣетъ обокрасть человѣка осторожнаго. — «Ошибаетесь, Князь, возразилъ Г. де Сартинъ: «не угодно ли удариться объ закладъ, что завтра, у меня за столомъ, васъ обокрадутъ, и вы этого не замѣтите.»— «Извольте! держу пари въ шесть тысячъ ливровъ, что не успѣете.» — «Жаль мнѣ будетъ за бѣдныхъ, которымъ назначаю мой выигрышъ, но я стою на своемъ.» — «У меня вытащатъ табакерку изъ кармана, кошелекъ или часы, отрѣжутъ пуговицы— это не важность.» — «Нѣтъ, совсѣмъ не то! У васъ украдутъ съ шеи орденъ Святаго Духа.»—«Мой орденъ?» вскричалъ Князь, расхохотавшись: «если вы успѣете, я объявлю вашихъ адъютантовъ первыми фокусниками въ мірѣ. Господа!» прибавилъ онъ, обратясь къ прочимъ: «прошу васъ завтра откушать со мною у Г. де Сартина!»—Обѣдъ былъ сытный и великолѣпный; за столомъ сидѣло болѣе ста человѣкъ. Посреди блистательныхъ царедворцевъ и знатныхъ иностранцевъ, дипломатовъ,

сидѣли ученыя знаменитости: Морелле, д'Аламберъ и др. Насупротивъ Князя де Бово помѣстился кавалеръ ордена Калатравы, причисленный къ испанскому посольству. Бесѣда вскорѣ разгорѣлась. Пошли разговоры, росказни, шутки, въ томъ любезномъ, свободномъ, но благородномъ тонѣ, которымъ отличалось французское общество XVIII вѣка. Князь страстно любилъ литературу италіянскую, и вскорѣ завязался у него споръ съ кавалеромъ, который отстаивалъ словесность испанскую, и читалъ наизустъ цѣлыя страницы Лопе де Веги, Серванта, Кальдерона. Князь, въ свою очередь, декламировалъ стихи Данта, Тасса и Аріоста. Наконецъ, когда оба спорщика, утомившись въ битвѣ, поумолкли, госпожа де Сартинъ подошла къ Князю, граціозно поклонилась, и подавая ему раскрытый кошелекъ, сказала: «Пожалуйте на бѣдныхъ, Ваша Свѣтлость!» Г. де Бово взглянулъ на грудь свою: крестъ его исчезъ. «Я побѣжденъ», отвѣчалъ онъ улыбаясь, и опустилъ въ кошелекъ ассигнацію въ пятьсотъ луидоровъ. Въ то же время г. де Сартинъ подалъ ему крестъ его на голубой лентѣ, не разрѣзанной, не измятой. Никто не замѣтилъ, какимъ образомъ исполнена была эта штука, и г. де Сартинъ охотно разгадалъ вопросъ. «Между тѣмъ, какъ Князь углубленъ былъ въ бесѣду съ любезнымъ кавалеромъ Калатравы (котораго вы у меня въ гостяхъ больше не увидите), другой изъ моихъ адъютантовъ, сидя подъ столомъ, тихонько стаскивалъ его салфетку. Князь три раза наклонялся, чтобъ поднять ее, и мой искусный плутъ три раза могъ исполнить свой замыселъ, но я хотѣлъ, чтобъ онъ снялъ не только крестъ, но и ленту, цѣльную, не разрѣзанную, не оторванную. При четвертомъ паденіи салфетки, все было кончено.» — Вечеромъ въ тотъ день, Лудовикъ XV забавлялся этимъ случаемъ

въ своемъ кругу. — Маркиза де К., одна изъ придворныхъ дамъ Дофины, пріѣхала, однажды, запыхавшись въ домъ намѣстника полиціи; плакала, кричала, жаловалась, что у нея украли изъ конторки всѣ брилліанты и двадцать тысячь ливровъ деньгами. Она просила г. де Сартина употребить всѣ средства для отысканія воровъ, обвиняла слугъ своихъ, сосѣдей, дѣтей. — «Не обвиняйте никого, сударыня», сказалъ ей г. Сартинъ, отвелъ ее въ сторону, и шепнулъ на ухо: «Вчера, вечеромъ, послѣ представленія оперы, сидѣлъ у васъ пѣвецъ Г.; онъ похитилъ ваши брилліанты и деньги; они еще у него. Угодно ли вамъ, я прикажу взять его.»—«Нѣтъ, нѣтъ!» отвѣчала она:» молчите, ради Бога, спасите мою честь.» Онъ исполнилъ ея желаніе. — О дѣйствіяхъ и подвигахъ г. де Сартина можно бъ было написать цѣлую книгу. Онъ видѣлъ все собственными своими глазами, ежедневно получалъ извѣстія изо всѣхъ странъ Европы, имѣлъ корреспондентовъ въ Индіи и въ Америкѣ. — Въ теченіе пятнадцати-лѣтняго управленія парижскою полиціею, основалъ онъ множество полезныхъ учрежденій: при немъ построенъ Хлѣбный Рынокъ (la Halle aux Blés), заведена безплатная школа рисованія для ремесленниковъ; возстановлены осьмнадцать фонтановъ; вымощены многія улицы, и т. п. Въ 1774 году г. де Сартину поручена была должность морскаго министра: онъ не имѣлъ о морскомъ дѣлѣ ни малѣйшаго понятія; никогда не видалъ военнаго корабля, не зналъ порядка военной и флотской службы, и вовсе былъ неспособенъ къ возстановленію французскаго флота, который, со временъ Кардинала Флёри, оставался въ совершенномъ небреженіи. Неккеръ вытѣснилъ Сартина изъ министерства за то, что онъ издержалъ на свою часть двѣнадцать милліоновъ болѣе противъ бюджета. — Въ началѣ революо-

ціи выѣхалъ онъ изъ Франціи, и умеръ въ Таррагонѣ въ 1801 году. Въ теченіе двадцати одного года службы, прошло чрезъ его руки семьсотъ сорокъ пять милліоновъ ливровъ: умирая, имѣлъ онъ не болѣе шести тысячъ доходу.

Преемникъ его въ управленіи парижскою полиціею, г. Ленуаръ, не имѣлъ блистательныхъ его качествъ, но заслужилъ благодарное вниманіе потомства многими полезными учрежденіями: онъ преобразовалъ больницы и тюрьмы; завелъ богадѣльни для старцевъ и неизлечимыхъ; учредилъ школы для бѣдныхъ; обезпечилъ судьбу найденышей; завелъ контору кормилицъ; исправилъ пожарную команду; положилъ основаніе ссудной кассѣ (Mont de Piété). При немъ разведены многіе бульвары и построены разныя общеполезныя зданія. Онъ вышелъ изъ службы въ 1787 году. Вскорѣ потомъ разразилась революція, и въ адскомъ броженіи своемъ ниспровергла все, что созидалось во Франціи въ теченіе вѣковъ. За кровожаднымъ Конвентомъ послѣдовала слабая Директорія. Въ Парижѣ и въ провинціяхъ не было ни порядка, ни устройства, ни безопасности. Воровства, разбои, смертоубійства случались ежедневно и еженощно. Парижъ сдѣлался добычею шайки злодѣевъ. Вдругъ явился Наполеонъ, разогналъ жалкихъ законодателей, ниспровергъ нелѣпую Директорію, и твердою рукою, водимою свѣтлымъ умомъ, возстановилъ во Франціи спокойствіе, благоустройство, безопасность и порядокъ. — Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу вамъ свѣдѣніи о нынѣшнемъ образованіи и дѣйствіяхъ парижской полиціи.

Я началъ нынѣшнее письмо, за три дня предъ симъ, описаніемъ здѣшней зимней погоды, и теперь долженъ прибавить:

Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ!

Третьяго дня и вчера былъ здѣсь туманъ, какого я не видалъ отъ роду, густой, тяжелый, нестерпимый. Едва видно было шаговъ за пять. На улицѣ трудно было дышать; изъ домовъ выходили только по крайней надобности. Вечеромъ, въ десятомъ часу, туманъ увеличился до того, что полиція остановила движеніе омнибусовъ, да и прочіе экипажи разъѣзжали только изрѣдка, и съ большимъ трудомъ. Вчера былъ туманъ, но гораздо легче; сегодня ($^3/_{15}$ Декабря) день свѣтлый и ясный при трехъ градусахъ мороза. Изъ Лондона получены извѣстія, что третьяго дня туманъ прекратилъ тамъ всѣ дѣла, всѣ движенія въ городѣ. Въ двухъ шагахъ не видать было ничего. Какое-то густое красноватое облако спустилось на столицу Англіи. Въ это время случаются самые безстыдные и значительные грабежи. Воръ стащитъ съ женщины шаль, платокъ, салопъ, отойдетъ на два шага, и сдѣлается невидимкою. Мракъ увеличивается еще оттого, что, по боязни воровъ, запираются всѣ магазины, въ иное время ярко освѣщенные. Экипажи сталкиваются. Людей давятъ на улицахъ. Глухіе жалобные крики раздаются въ непроницаемомъ мракѣ.

Въ политическомъ мірѣ господствуетъ здѣсь тишина, какъ на морѣ передъ бурею. Чрезъ двѣ недѣли откроются засѣданія Палатъ. Едва ли удастся мнѣ видѣть эту любопытную церемонію: квесторы Палаты Депутатовъ объявляютъ въ газетахъ, что не могутъ удовлетворить требованіямъ публики; всѣ билеты де розданы.

Французы вывозятъ изъ Англіи всякія диковинки. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «Я посѣтилъ одного извѣстнаго врача, живущаго въ New-Broadsteet. «Не хотите ли видѣть знаменитаго Іеремію Бентама?» спросилъ онъ у меня. — «Да этотъ знаменитый публицистъ уже дав-

но умеръ?» — «Нѣтъ, вотъ онъ!» — Съ симъ словомъ, докторъ раскрылъ дверцы великолѣпнаго шкапа. Нарядно одѣтый старикъ сидѣлъ въ богатыхъ креслахъ, и, какъ казалось, дремалъ. На лицѣ его начертаны были спокойствіе и глубокомысліе. Предъ смертью своею онъ объявилъ, что очнется черезъ пятьдесятъ лѣтъ, и запретилъ до того времени хоронить его и отдавать имѣніе наслѣдникамъ. Это исполнено въ точности. Врачъ, другъ его, выбальсамировалъ его тѣло съ удивительнымъ искусствомъ. Лице его точно живое.

Еще любопытная новость не изъ Англіи, а изъ Сѣверной Америки. Многіе промышленики предлагали употребить въ пользу лишнюю силу паровыхъ машинъ на желѣзныхъ дорогахъ, напримѣръ устроеніемъ на нихъ мукомольныхъ мельницъ. Эта мысль принесла пользу. Пишутъ въ американскихъ журналахъ, что тамъ на паровозахъ, заведены маслобойни. Передъ отправленіемъ поѣзда наполняютъ большой жестяной сосудъ на паровозѣ свѣжимъ молокомъ; въ сосудѣ устроены лопатки, приводимыя въ движеніе паромъ. Пріѣхали на мѣсто, и въ жестяномъ сосудѣ, вмѣсто молока, прекрасное свѣжее масло. И мало ли что можно дѣлать на паровозахъ!

Масло пахтать, хлѣбы печь,
Щи варить, капусту сѣчь!

Шахматная война между Англіею и Франціею продолжается. Сыграно семнадцать партій. Стаунтонъ выигралъ десять, Сентъ-Аманъ четыре. Три партіи отложены.

Въ литературномъ свѣтѣ нѣтъ ничего новаго. Книгопродавцы готовятъ подарки къ Новому Году. Календарей, альманаховъ выходитъ множество, подъ разными заглавіями, но всѣ они самой простой и грубой отдѣлки, съ плохими картинками, выгравированными на

деревѣ; продаются не дороже десяти су. Объ иномъ распишутъ въ газетахъ, какъ о чудѣ: возьмешь въ руки, все вздоръ и обманъ.

Вчера былъ я во Французскомъ Коллегіумѣ (Collége de France)на первой въ нынѣшнюю зиму лекціи профессора Ампера: онъ читаетъ Исторію Французской Поэзіи въ XVII вѣкѣ. Говоритъ онъ не красно и не гладко, отрывисто и скачками (saccades), но умно и основательно. Онъ замѣтилъ очень справедливо, что жизнь поэтовъ италіянскихъ и испанскихъ, португальскихъ и англійскихъ богата разнообразными событіями и связана съ современными происшествіями, между тѣмъ какъ классики Франціи, Корнель, Расинъ, Буало, Моліеръ, Лафонтенъ, вели жизнь самую простую и обыкновенную, не разцвѣченную ни какими достопамятностями. Потомъ изложилъ онъ, какое вліяніе на ихъ труды имѣли обстоятельства, случаи и характеры того времени, и наконецъ, какимъ образомъ воспользовались они матеріалами, подготовленными для нихъ издавна. Въ заключеніе выразилъ онъ справедливую мысль о томъ, что литература есть драгоцѣннѣйшее достояніе и самое прочное наслѣдіе всякаго народа. Всѣ его подвиги, герои, побѣды, бѣдствія, торжества *выливаются* наконецъ въ книги, и книги суть самые прочные памятники великихъ дѣлъ и великихъ людей. Зала была наполнена слушателями всякаго званія, возраста и пола. Профессора слушали со вниманіемъ и удовольствіемъ, и, по окончаніи лекціи, наградили единодушнымъ рукоплесканіемъ. Такіе всенародные уроки, преподаваемые первостепенными учеными и литераторами Франціи, чувствительно содѣйствуютъ къ распространенію общеполезныхъ знаній, здравыхъ понятій и чистаго вкуса въ публикѣ, и довершаютъ образованіе ея, начатое въ училищахъ.

На здѣшнихъ театрахъ господствуетъ теперь такое единообразіе, что Жюль-Жаненъ, въ прошедшій понедѣльникъ, не нашелъ чѣмъ наполнить фельетонъ въ Journal des Dèbats, и толковалъ въ немъ объ одной новой поэмѣ, обыкновеннымъ своимъ манеромъ, скачками прыжками, шуточками, цитатами, остротами, и т. п.

На Театрѣ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ даютъ новую піесу: *Маркизскіе Острова*, обозрѣніе 1843 года. Содержаніе ея есть слѣдующее: Знаменитый Пуфъ, не находя средства жить въ Парижѣ (la capitale du monde civilisé ou dévalisé), сбирается ѣхать на островъ Нукагиву, на воздушномъ шарѣ, и запасается всѣми парижскими диковинками. Промышленики парижскіе приносятъ къ нему свои произведенія, возглашаемыя на четвертой страницѣ каждаго-журнала: рекомендаціи жениховъ и невѣстъ, сапоги-самоходы, мыло, которое изводитъ руки покупщика, а само не изводится; мальтійскіе конфекты, предохраняющіе отъ морской болѣзни, но причиняющіе тошноту на берегу, и т. п. Во второмъ актѣ, Пуфъ выходитъ на берегъ въ Нукагивѣ, со всею своею честною компаніею, является къ тамошнему королю, и представляетъ предъ нимъ разныя. парижскія штуки: въ одинъ мигъ золотитъ его шляпу, его руку; привозитъ паровую машину; сажаетъ въ нее барана; повертываетъ колесо; снимаетъ крышу; вотъ бараньи котлеты, бараній бокъ, баранья голова подъ соусомъ; шерсть сырая, пряденая, сукно, фраки, пальто и прочее. Наконецъ приводитъ драматическую колонну: вотъ Одеонъ въ видѣ Брута; въ Variétés пляшутъ *канканъ* въ лучшемъ обществѣ; далѣе приходятъ: Донъ-Себастіанъ, Юдиѳь, Евва, Госпожа Роланъ съ знаменемъ и надписью: уменьшеніе цѣнъ за мѣста въ водевилѣ, а цѣны все тѣ же; Донъ-

Кишотъ, парижскій баловень; наконецъ пери танцуетъ балетъ съ парижскимъ носильщикомъ (fort de la halle), отличающимся силою своихъ мускуловъ. Всего забавнѣе шутка надъ Феликсомъ, отцемъ госпожи Рашель, выпускающимъ на сцену малолѣтныхъ дѣтей своихъ. Является рядъ дѣтей разнаго возраста; они поютъ, декламируютъ, но родитель объявляетъ первымъ геніемъ изъ нихъ младшаго, груднаго ребенка, котораго приноситъ на сцену кормилица. — Толку въ этой піесѣ мало, но очень много забавнаго и смѣшнаго: публика толпится въ каждомъ представленіи.

Третьяго дня насладился я во Французскомъ Театрѣ удовольствіемъ, какое только можетъ быть возбуждено въ душѣ человѣка зрѣлищемъ истинно изящнаго. Играли Моліерова *Тартюфа* тщательно, умно, отчетисто, по тѣмъ преданіямъ, которыя переходятъ въ этомъ святилищѣ Французской Комедіи изъ рода въ родъ. Потомъ давали: *Опекуншу*, Скриба, о которой я уже упоминалъ. Піеса слабая и не можетъ стать на ряду съ другими комедіями этого автора, но какъ она была сыграна! Прово (Provost) игралъ роль основателя компаній на акціяхъ съ неподражаемымъ комисмомъ. Брендо (Brindeau), статный и прекрасный собою, въ роли Графа Вирцбурга былъ дѣйствительно молодымъ человѣкомъ высшаго круга, какого вы не найдете ни на вѣнскомъ, ни на берлинскомъ театрѣ, а госпожа Плесси, въ роли опекунши, была несказанно прелестна, умна, интересна. Вотъ торжество Франціи и Парижа! Вотъ театръ, которому нигдѣ и никогда не бывало подобнаго! Госпожа Плесси конечно не Марсъ, которая была, какъ Тальма, какъ Малибранъ, какъ Таліони, исключеніемъ изъ общаго правила, и выше всякаго сравненія, но смѣло можетъ войти въ состязаніе съ первыми ар-

тистками Европы. На Французскомъ Театрѣ видите торжество Французскаго Языка, благороднаго тона, образованнаго общества, видите ту невыразимую простоту, которою облекается искусство на высшей своей степени. Здѣсь нѣтъ того принужденія, той манерности, той изысканности въ тѣлодвиженіяхъ, мимикѣ и голосѣ, которыми на другихъ сценахъ даже геніяльные артисты думаютъ приправлять свою игру. Французская Трагедія, при всѣхъ красотахъ своихъ, есть представленіе событій небывалыхъ и невозможныхъ, въ которыхъ участвуютъ характеры и лица не историческія и не психологическія, но Комедія Французская есть вѣнецъ и слава драматическаго искусства.

Госпожа Рашель вышла вновь на сцену, въ роли Монимы, въ Расиновомъ Митридатѣ, и была принята публикою съ громкимъ выраженіемъ радости и удовольствія. Въ игрѣ ея была, пишутъ, какая-то томность, приличная безхарактерному характеру Монимы.

На Второмъ Французскомъ Театрѣ произошла на дняхъ непріятная сцена. Любимая артистка парижской публикѣ, госпожа Дорваль, въ роли Тулліи (въ Понсардовой Лукреціи) прервана была громкими свистками. Не привыкнувъ къ такимъ выраженіямъ хвалы, она отозвалась на счетъ партера очень смѣло, и возбудила общее неудовольствіе. На другой день составился противъ нея заговоръ, и лишь только она, ни о чемъ не догадываясь, вышла на сцену, раздался громкій единогласный свистъ: просите прощенія! кричали ей со всѣхъ сторонъ. Она подошла къ лампамъ и сказала учтиво, но твердо: «Милостивые государи! Я никогда не думала оскорблять партеръ Одеона, который былъ ко мнѣ всегда благосклоненъ и снисходителенъ. Вчера я увлеклась неизвинительною горячностію, не имѣвъ силъ

вытерпѣть оскорбленія, котораго отнюдь не заслужила.» Ей отвѣчали рукоплесканіями, и по окончаніи піесы ее вызвали, но на другой день она сказалась больною, и вотъ уже болѣе недѣли не выходитъ на сцену.

Дирекція Большой Оперы, какъ слышно, просила Мейербера кончить оперу, надъ которою онъ трудится уже нѣсколько лѣтъ. Онъ отвѣчалъ, что отдастъ ей свою піесу, когда дирекція рѣшится принять другаго тенора, вмѣсто Дюпре, и разстаться съ госпожею Штольцъ. Леонъ Пилле, сказываютъ, съ тяжелымъ вздохомъ согласился на сіи условія. Увидимъ.

Я писалъ вамъ о смерти одного изъ директоровъ Италіянской Оперы, Жаннена (Jeannin). Происшествіе это самое печальное. Кассиръ Оперы замѣченъ былъ въ злоупотребленіяхъ; удаленъ отъ должности, преданъ суду и посаженъ въ тюрьму. Это случилось въ прошедшее воскресенье. Съ тѣхъ поръ Жаненъ сдѣлался печаленъ, задумчивъ, и въ четвертокъ утромъ нашли его и жену его мертвыми въ ихъ квартирѣ: они лишили себя жизни угольнымъ чадомъ. Полагаютъ, что Жанненъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ кассира, и не хотѣлъ пережить своего стыда, а жена не согласилась пережить мужа. Между тѣмъ, товарищи его всячески стараются замять это дѣло и сберечь честь своего сотрудника, но что утаишь въ Парижѣ! Нѣтъ секрета, которымъ бы здѣсь не пожертвовали для наполненія двухъ строкъ въ журналѣ.

Распечатываю письмо мое, уже готовое къ отправленію на почту, чтобъ сообщить вамъ печальное извѣстіе о кончинѣ Казимира Делавиня. Онъ отправился, какъ я уже писалъ, въ Монпеліе, но, не доѣхавъ туда, скончался въ Ліонѣ, на 12-е Декабря, въ объятіяхъ

жены своей, благословляя девятилѣтняго сына. Онъ родился въ Гаврѣ, въ 1794 году. На семнадцатомъ году отъ рожденія написалъ онъ оду на рожденіе Короля Римскаго. Важнѣйшія сочиненія его суть: трагедіи: *Сицилійскія Вечерни*, *Марино Фаліеро*, *Парія*, *Лудовикъ XI*; комедіи: *Урокъ старикамъ*, *Комедіянты*. Изъ лирическихъ его стихотвореній отличаются: *Мессенійскія пѣсни*. Онъ не любилъ новой литературной школы, и придерживался классицизма: при избраніи Виктора Гюго въ члены академіи, онъ положилъ въ урну черный шаръ. Поэзія его всегда была благородная, скромная, нравственная. Стихи отличаются изяществомъ и чистотою. Слогъ его правильный и отчетистый. Въ частной жизни онъ былъ честенъ, прямодушенъ, безкорыстенъ и откровененъ. Рановременная его кончина возбудила общее сожалѣніе. — Тѣло его привезено въ Парижъ.

XIII.

12/24-го Декабря.

При возстановленіи Бурбоновъ удержаны были учрежденія Наполеона, перемѣнились только лица. Префектами парижской полиціи въ 1815 году были: Деказъ, Англесъ (до 1821), Делаво (до 1828), Дебеллеймъ (до 1829) и Манженъ (до 28-го Іюля 1830). Первые два префекта, занимаясь преимущественно политикою, усмиреніемъ буйныхъ бонапартистовъ, утвержденіемъ королевской власти, не могли много сдѣлать собственно для города. Въ управленіе г. Делаво совершено многое къ

пользѣ и украшенію Парижа: конченъ Каналъ Сенъ-Мартенскій, построены рынки, выровнены бульвары, расширены и исправлены набережныя; новыя части города возникли вдругъ, какъ бы дѣйствіемъ волшебства. Въ это же время устроены въ бо̀льшей части улицъ тротуары, и исправлено очищеніе улицъ. Г. Дебеллеймъ сдѣлалъ много полезнаго въ краткое время своего управленія, и еще больше предуготовилъ своему преемнику. При немъ перестроены были водосточныя трубы съ кровель, которыя прежде того обливали прохожихъ, и уничтожены вывѣски, выдававшіяся въ улицу и стѣснявшія проѣздъ. Многими изъ большихъ построекъ, совершенными въ сіе время, Парижъ обязанъ сенскому префекту, г. де Шабролю, одному изъ самыхъ умныхъ и дѣятельныхъ администраторовъ Франціи. По важнѣйшимъ изъ дѣлъ г. Дебеллейма было заведеніе городовыхъ сержантовъ, которымъ поручено наблюденіе за порядкомъ на улицахъ, площадяхъ, рынкахъ, въ пассажахъ, и предупрежденіе кражъ и мошенничествъ, совершаемыхъ негодяями, которые, подъ защитою независимости гражданина, безпрепятственно гуляютъ по городу, и дѣлаютъ что имъ угодно. — При г. Дебеллеймѣ введены въ употребленіе *омнибусы*. Еще въ царствованіе Лудовика XIV задумано было завести всенародныя повозки за пять су (les carosses à cinq sous). Король далъ учредителямъ привилегію на 99 лѣтъ, но въ тотъ аристократическій вѣкъ не могло состояться такое предпріятіе: оно обанкрутилось. Кондукторамъ запрещено было впускать въ повозки лакеевъ, рабочихъ людей во вседневной одеждѣ и пьяныхъ. Нынѣ этого различія нѣтъ: случается, что перъ Франціи садится между двумя лакеями; уголовный судья подлѣ вора, котораго будетъ судить чрезъ недѣлю; щеголи-

ха подлѣ полупьянаго поденщика. Омнибусъ есть родъ кладбища, на которомъ смѣшаны всѣ возрасты, всѣ званія, всѣ степени гражданскаго общества. Входятъ туда не кланяясь, выходятъ не прощаясь; заплатилъ шесть су, и баста. «Омнибусъ, говоритъ одинъ писатель, есть символъ нашего вѣка: всякъ себѣ господинъ: эгоисмъ, неучтивость, равенство великаго съ малымъ, благороднаго съ подлымъ, отличаютъ это временное сходбище людей.» — «Если разсмотрѣть омнибусы въ двойномъ отношеніи нравственности и торговли (говоритъ тотъ же писатель), ни та, ни другая не получили отъ нихъ пользы. Не станемъ уже говорить о непристойномъ смѣшеніи половъ и возрастовъ. Скажемъ, основываясь на документахъ и общемъ свѣдѣніи, что омнибусы убили въ Парижѣ мелочную и разничную торговлю. Замѣчено, что со времени заведенія ихъ, на самой длинной ихъ линіи, по бульварамъ, продажа въ разныхъ лавкахъ уменьшилась пятою долею, а въ нѣкоторыхъ и четвертою. Это, конечно, въ цѣломъ не много значитъ, но двацать тысячъ семействъ отъ того страждутъ. Да какъ это случилось? Очень натурально: пѣшій зайдетъ дорогою въ лавочку, въ питейный домъ, въ харчевню. Сѣдокъ въ омнибусѣ ѣдетъ, не останавливаясь, отъ одного конца до другаго. Еще замѣчено, что эти грузные, неуклюжіе экипажи до чрезвычайности портятъ мостовую. При учрежденіи ихъ, этого нельзя было предвидѣть. Во время г. Дебеллейма было въ Парижѣ полтораста омнибусовъ, а теперь считается ихъ болѣе тысячи. Это доказываетъ только, какъ выгодно содержаніе омнибусовъ. Послѣдовавшіе префекты полиціи, отдавая новой компаніи особую линію, всегда выговаривали себѣ часть значительныхъ барышей пред-

пріятія. Говорятъ, что г. Дебеллеймъ намѣревался очистить парижскія улицы истребленіемъ гнуснаго обычая, превращающаго ихъ въ отхожія мѣста, оскверняющаго самыя великолѣпныя зданія и священные потомству памятники, но не успѣлъ въ томъ. Жаль! онъ заслужилъ бы благодарность потомства, превративъ Парижъ изъ отвратительнаго клоака въ городъ чистый, благоустроенный и благонравный. Какъ трудно здѣсь вводить и самыя благія постановленія, увидимъ изъ дѣйствій его преемника. Г. Дебеллеймъ, при увольненіи своемъ отъ должности префекта полиціи, оставилъ два проекта положеній, которыхъ не смѣлъ привести въ исполненіе, боясь лишиться благоволенія публики, или, какъ здѣсь говорятъ, популярности. Г. Манженъ (Mengin), находя сіи положенія весьма полезными, привелъ ихъ въ дѣйство: первымъ изъ нихъ приняты были разныя полезныя мѣры къ обузданію безнравственности; другимъ опредѣлено было раздѣлить на разряды пребывающихъ въ Парижѣ освобожденныхъ каторжниковъ и иныхъ людей, подвергшихся наказаніямъ, и тѣмъ обезпечено спокойствіе столицы. Повѣрятъ ли, что сіи два положенія, полезныя и благонамѣренныя, возбудили вопль негодованія и громкія жалобы *либеральныхъ* журналовъ 1829 года! Въ нихъ гласно возбуждали народъ къ явному сопротивленію симъ стѣснительнымъ законамъ. Люди, у которыхъ всегда на языкѣ честь, правда, нравственность и благо отечества, вступились за права вертеповъ разврата, за неприкосновенность отъявленныхъ, заклейменыхъ, злодѣевъ, какъ будто бы отъ того зависѣло счастіе и спокойствіе Франціи. Эти неблагоразумныя и безсовѣстныя разглагольствія принесли горькіе плоды по обнародованіи несчастныхъ постановленій (ordonnances), 25-го

Іюля 1830 года. Буйные изверги явились на улицахъ и площадяхъ, и зажгли пламя междоусобной войны. Они вопили на притѣснителя своего, префекта полиціи, а хитрые демагоги направили ихъ къ достиженію другой цѣли. Это есть важный фактъ въ исторіи іюльскихъ происшествій. Въ Парижѣ считаютъ до трехъ тысячъ *оборонителей* (souteneurs) домовъ разврата. Въ 1830 году были тамъ двадцать восемь тысячъ освобожденныхъ каторжниковъ, шесть тысячъ бродягъ и безпаспортныхъ, которыхъ полиція знала и не смѣла захватить иначе, какъ при самомъ совершеніи какого либо преступленія (en cas de flagrant délit). Либеральная партія воспользовалась этими людьми, которымъ терять нечего, а многое можно выиграть. Самыя буйныя и неукротимыя изъ шаекъ, дѣйствовавшихъ въ эти дни мятежа, были тѣ, въ которыхъ находились женщины дурнаго поведенія. Когда законная власть была ниспровергнута, 29-го Іюля, побѣдители отправились въ префектуру полиціи, гдѣ нѣсколько сотъ такихъ женщинъ сидѣли подъ арестомъ за нарушеніе предписаній префекта. Немногіе оставшіеся въ префектурѣ чиновники не могли противиться волѣ неистовой толпы, требовавшей освобожденія заключенныхъ гражданокъ именемъ спасеннаго ими отечества и пріобрѣтенной славы: это было исполнено. Подробности сихъ происшествій заимствовалъ я изъ книги, вышедшей здѣсь на сихъ дняхъ, подъ заглавіемъ: Histoire de la Police de Paris, par Horace Raisson.

Послѣ іюльскихъ происшествій, префекты полиціи смѣнялись очень часто: до 26-го Декабря перебывали въ этой должности шестеро. Седьмой, г. Жиске, занималъ ее до 6-го Сентября 1836 года. Съ того времени находится въ семъ званіи г. Габріель Делессеръ. Сооб-

щаемъ обозрѣніе нынѣшняго состоянія сей важной части въ столицѣ Франціи.

Полиція Парижская стóитъ городу двѣнадцать милліоновъ франковъ. Она имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ особенную стражу въ 2,596 чел. пѣхоты и 647 конницы, пожарную команду въ 830 чел., 500 городовыхъ сержантовъ и около 300 чиновниковъ, занимающихся въ префектурѣ цѣлый день, иногда и ночь; сверхъ того должно причислить къ нимъ полицейскихъ коммисаровъ, мирныхъ судей, смотрителей и разныхъ чиновниковъ и агентовъ, всего около двухъ тысячь человѣкъ. Дѣла префектуры дѣлятся на двѣ части: въ первой заключается полиція политическая, проникающая сквозь мглу и мракъ рысьими своими глазами, для обезпеченія внутренняго спокойствія, для открытія заговоровъ и для предупрежденія разрушительныхъ замысловъ. Вторая полиція есть городская, столь же дѣятельная, проницательная и неутомимая, но дѣйствующая прямо, явно, гласно. Обѣ содѣйствуютъ къ охраненію безопасности государства: первая охраняя власти и правительство, послѣдняя наблюдая безпрерывно за толпами бродягъ, разбойниковъ и злодѣевъ всякаго рода, угрожающихъ жизни и имуществу гражданъ. — Дѣйствія полиціи политической укрываются отъ глазъ наблюдателя. Притомъ, она не имѣетъ постоянныхъ правилъ, ни твердой системы, сообразуясь съ требованіемъ обстоятельствъ. Агенты сей полиціи, неизвѣстные другъ другу, набираются обыкновенно изъ разорившихся свѣтскихъ людей, мотовъ и развратниковъ; изъ женщинъ, не дурныхъ собою, не глупыхъ и смѣтливыхъ, но не имѣющихъ средствъ для поддержанія себя въ свѣтѣ; изъ молодыхъ людей, которые въ училищахъ, между неопытными товарищами, слывутъ неугомонными крикунами, а въ самомъ дѣлѣ при-

сматриваютъ за прочими, и доносятъ о ихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ.

Городская полиція простираетъ власть свою на Парижъ и его окрестности. Въ каждой изъ двѣнадцати частей столицы, подъ вѣдѣніемъ мирнаго судьи, есть бригада городовыхъ сержантовъ и смотрителей, коихъ число сообразуется съ требованіемъ обстоятельствъ. Они обязаны безпрерывно наблюдать, въ своей части, за исполненіемъ законовъ и постановленій, открывать злоупотребленія и проступки, прекращать безпорядки, брать подъ стражу преступниковъ, найденныхъ на дѣлѣ, подавать помощь людямъ, имѣющимъ въ ней надобность, и сколько возможно стараться объ освобожденіи движенія экипажей и людей на улицахъ отъ всякихъ препятствій. Служба ихъ начинается съ утра, и оканчивается въ полночь: ихъ смѣняютъ дозоры національной гвардіи, городской стражи и линѣйныхъ войскъ. Сержанты и смотрители доносятъ о каждомъ случаѣ въ контору своей части, письменно или словесно, а контора сообщаетъ о томъ по два раза въ день, если нужно и чаще, префекту. Четыре бригады, называемыя центральными, всегда находятся въ распоряженіи префекта, на случай надобности, если бъ обыкновенная сила оказалась недостаточною. Смотрители гостиницъ, постоялыхъ дворовъ и наемныхъ квартиръ съ мебелью (hôtels garnis, такихъ домовъ въ Парижѣ до четырехъ тысячъ) ежедневно посѣщаютъ сіи мѣста, записываютъ пріѣзжихъ, и вносятъ ихъ въ алфавитный списокъ. Ежедневно пріѣзжаютъ въ Парижѣ около 2,600 человѣкъ.

Отдѣленіе городской безопасности завѣдываетъ людьми, подвергшимися наказанію, освобожденными каторжниками; отыскиваетъ виновныхъ въ преступленіяхъ

и проступкахъ; исполняетъ, въ отношеніи къ нимъ, судебные приговоры и распоряженія начальства, и т. д.

Полиція занимается продовольствіемъ города, наблюдаетъ за рынками, лавками и судоходствомъ. Освѣщеніе города производится посредствомъ семи тысячъ газовыхъ рожковъ и двѣнадцати тысячъ фонарей. Полиція надсматриваетъ надъ госпиталями, тюрьмами, домами разврата, въ которыхъ кипятъ гнусныя страсти, буйство и всѣ пороки; она обуздываетъ болѣе тридцати тысячъ злодѣевъ, убійцъ, воровъ, бродягъ, наказанныхъ по приговорамъ суда: она знаетъ ихъ всѣхъ, знаетъ ихъ имена, разбойничьи прозвища, прежнія преступленія, нынѣшнее положеніе, даже иногда и будущіе замыслы. — Полиція смотритъ за мѣрами и вѣсами въ лавкахъ, и наблюдаетъ за добротою продаваемыхъ публично съѣстныхъ припасовъ. Для предупрежденія самоубійствъ, очень часто случающихся въ Парижѣ, разъѣзжаютъ лодки по Сенѣ въ ночное время.

Нынѣшній префектъ полиціи заслужилъ общее уваженіе своею дѣятельностью, благонамѣреностью и безкорыстіемъ. Въ теченіе управленія своего издалъ онъ болѣе двухъ сотъ положеній о разныхъ предметахъ городскаго управленія, и во многомъ исправилъ и улучшилъ свою часть. Подъ его предсѣдательствомъ собирается еженедѣльно Совѣтъ Общественнаго Здравія, составленный изъ знающихъ людей и ученыхъ химиковъ, и занимающійся всѣмъ, что только можетъ быть вредно или полезно здоровью и физическому благосостоянію жителей города: спасеніемъ жизни мнимоумершимъ, повальными болѣзнями скота, неудобствомъ и вредомъ нѣкоторыхъ ремеслъ, банями общественными, и т. п. Въ Сенскомъ Департаментѣ находятся одиннадцать тюремъ, подвѣдомыхъ префекту полиціи, въ которыхъ содер-

жатся до пяти тысячъ человѣкъ. Г. Делессеръ обращаетъ на сію часть самое дѣятельное вниманіе, и особенно озабочивается будущею судьбою и исправленіемъ малолѣтныхъ преступниковъ, число которыхъ въ Парижѣ очень велико. До его времени, изо ста тридцати молодыхъ преступниковъ, выпущенныхъ изъ тюремъ, тридцать человѣкъ обыкновенно, чрезъ нѣсколько времени, опять туда попадали. По введеніи новаго порядка въ тюрьмахъ, по раздѣленіи преступниковъ по возрасту и степенямъ проступковъ, по совершенномъ отдаленіи отъ нихъ самыхъ порочныхъ, при наблюденіи системы одинокаго заключенія (système cellulaire), изъ двухъ сотъ тридцати девяти дѣтей только семеро были уличены въ законопротивныхъ проступкахъ во второй разъ. До 1840 года поощряли молодыхъ преступниковъ къ хорошему поведенію раздачею денежныхъ наградъ и позволеніемъ издерживать сіи деньги въ тюремной харчевнѣ (cantine). Нынѣ это отмѣнено: награды состоятъ изъ книгъ и ремесленныхъ инструментовъ, смотря по званію и занятію молодаго арестанта. Тюрьма для молодыхъ преступниковъ называется центральнымъ домомъ исправительнаго воспитанія.

Г. Делессеръ заслужилъ одобреніе и благодарность всѣхъ честныхъ людей тѣмъ, что удалилъ отъ службы при полиціи всѣхъ людей безнравственныхъ, уличенныхъ въ поступкахъ предосудительныхъ, какихъ прежде сего, какъ мы видѣли выше, полиція употребляла исключительно, пользуясь ихъ прежними связями и опытностью. Извѣстно, что знаменитый воръ Видокъ былъ въ послѣдствіи полицейскимъ агентомъ. Замѣстивъ всѣ должности по полицейской части людьми честными и благонамѣренными, Г. Делессеръ привелъ ее въ уваженіе въ публикѣ, и истребилъ даже въ

простомъ народѣ давнишній предразсудокъ противъ благонамѣренности и безкорыстія полицейскихъ, которые прежде сего подвергались ненависти и презрѣнію. Теперь люди всякаго званія охотно содѣйствуютъ полицейскимъ служителямъ въ исполненіи тяжкой ихъ обязанности. — Достойны вниманія перемѣны, произведенныя Г. Делессеромъ въ обращеніи съ самыми опасными и закоснѣлыми преступниками, и благія ихъ послѣдствія. Прежде сего старались принуждать ихъ къ признанію строгостью, угрозами, страхомъ. Нынѣ достигаютъ сей цѣли убѣжденіемъ, доказывая виновному, что искреннее раскаяніе и совершенная откровенность могутъ облегчить судьбу его предъ судомъ. Данныя ему обѣщанія свято исполняются. Опытные и благонамѣренные слѣдственные чиновники стараются возбудить въ преступной душѣ остатокъ добрыхъ чувствованій, стараются внушить виновнымъ довѣренность, возжечь въ нихъ надежду на снисхожденіе людей и упованіе на милосердіе Божіе. Послѣдствія сихъ стараній видны были въ нынѣшнихъ засѣданіяхъ парижскаго ассизнаго суда. Судимы были шайки въ сорокъ, въ семьдесятъ человѣкъ. Главные виновики свободно и откровенно признавались въ своихъ преступленіяхъ, уличали своихъ участниковъ, пособниковъ и укрывателей, и подавали способы къ охраненію честныхъ людей отъ покушеній злодѣевъ въ будущемъ времени. — Для искорененія разврата въ женскомъ полѣ (въ Парижѣ считается до двухъ сотъ *терпимыхъ* домовъ, maisons de tolérance, и до четырехъ тысячъ развратныхъ женщинъ), учрéжденъ въ 1821 году домъ исправленія, подъ наименованіемъ: *Добрый Пастырь*; съ того времени перебывали въ семъ заведеніи около двухъ тысячъ женщинъ, и воротились въ кругъ своего семейства раскаявшими-

ся, исправленными. Другой подобный домъ учрежденъ въ Версали Герцогинею де Граммонъ. Третій заведенъ пасторами Протестантской Церкви въ Парижѣ.

Симъ оканчиваю замѣчанія о полиціи парижской, можетъ быть недостаточныя, односороннія, но конечно любопытныя.

Настаетъ зимняя пора, а зимы нѣтъ. 6/18 Декабря собрались мы, пришельцы съ Сѣвера, въ Церкви Православной, для испрошенія у Господа Бога долгоденствія и всѣхъ благъ нашему Государю, и усердно молили Всевышняго о продолженіи благодати Его надъ любезнымъ нашимъ отечествомъ продолженіемъ дней и здравія Августѣйшаго нашего Отца и Благотворителя. — Погода была сырая и туманная, но довольно теплая. Всѣ были въ лѣтнихъ сюртукахъ, военные въ лѣтнихъ шинеляхъ. Странно намъ было праздновать Николинъ День не лѣтомъ и не зимою!

Салоны открываются. Герцогиня Деказъ (супруга главнаго референдарія Палаты Перовъ) открыла свою гостиную въ Люксанбургскомъ Дворцѣ. Недавно былъ самый тѣсный раутъ у Англійскаго Посла.

Съ приближеніемъ Новаго Года разцвѣтаетъ разгульная парижская жизнь. Всѣ магазины снабжены новостями, подарками и сюрпризами. Книжныя лавки, особенно Гецеля и Кюрмера, обѣ въ улицѣ Ришелье, предлагаютъ любителямъ книги всякаго содержанія, духовныя, ученыя, учебныя, дѣтскія, свѣтскія, украшенныя великолѣпными гравюрами, въ самыхъ изящныхъ переплетахъ. Магазины произведеній искусствъ, бездѣлушекъ и дѣтскихъ игрушекъ Сюса, (подлѣ Водевиля) и Жиру (въ Rue Coq St. Honoré) представляютъ зрѣлище, полное жизни, единственное, фантастическое. Кто не видалъ этихъ магазиновъ, тотъ не можетъ вообразить, что это такое.

Магазинъ Жиру, напримѣръ, помѣщается въ четырехъ ярусахъ, и состоитъ изъ двадцати комнатъ, въ которыхъ находятся болѣе ста прикащиковъ и прикащицъ. Въ одной комнатѣ приборы и пособія рисованія, живописи и письма; въ другой бронзы; въ третьей мебель; въ четвертой гравюры, картины, статуйки; въ пятой дѣтскія игрушки, и т. д. Механическія фигуры Робера удивительны: дѣвица играетъ на органчикѣ (serinette), птичка ей вторитъ, размахивая крылышками и разѣвая ротъ; маркизъ, въ костюмѣ XVIII вѣка, сидитъ за столомъ, кланяется прохожимъ, киваетъ имъ головою, и пишетъ карандашемъ отвѣты на вопросы (разумѣется, заготовленные), рисуетъ собачку, птичку, генія, по вашему желанію. При каждой буквѣ, при каждой чертѣ, онъ приставляетъ и потомъ приподнимаетъ карандашъ, написавъ букву *i*, ставитъ надъ нею точку, и т. п. Такая игрушка стоитъ шесть тысячъ франковъ: по изяществу отдѣлки и совершенству механисма — не дорого. Въ залахъ съ утра до ночи толпится разнообразная публика: разглядываетъ, смѣется, хвалитъ, критикуетъ, бранитъ и — покупаетъ. Впрочемъ, вообще мнѣ кажется, продавцевъ въ Парижѣ гораздо больше, нежели покупщиковъ. Это видно и по безлюдности въ нѣкоторыхъ магазинахъ, и по учтивости и предупредительности, съ какою вамъ навязываютъ товаръ. Отговорки здѣсь недѣйствительны. Вамъ неловко нести вещь съ собою? Ее тотчасъ пришлютъ къ вамъ на домъ. Съ вами нѣтъ денегъ? Вы заплатите тому, кто принесетъ. Это заманчиво и дорого только для новопріѣзжихъ: глаза у нихъ разбѣгаются отъ пестраго, ослѣпительнаго зрѣлища этого богатства, изящества и роскоши. Кажется, все дешево; все отдаютъ почти даромъ. И съ какими манерами! Сѣдаго старика востроглазая магазинщица

увѣряетъ, что онъ въ лучшей порѣ, въ той порѣ, какая именно нравится прекрасному полу, и онъ покупаетъ механическій парикъ, благовонную помаду, смягчающее мыло, модные фулары, цѣпочки, запонки. Почтенная старушка въ восхищеніи отъ увѣреній усатаго прикащика, что она молода и прекрасна, что при появленіи ея въ салонѣ Графини Кастелланъ всѣ ахнутъ отъ удивленія, восторга и зависти. Она развязываетъ кошелекъ съ *лобанчиками*, потомъ вытаскиваетъ изъ бумажника и пятисотную ассигнацію. Товары такъ дешевы! продавцы такъ милы! — Но на людей бывалыхъ и *обстрѣленныхъ*, эти приманки не дѣйствуютъ. Проходя мимо магазина, остановишься предъ огромными зеркальными стеклами, полюбуешься товаромъ и особенно искусною его выставкою (вотъ тутъ точно товаръ лицомъ!), и пойдешь далѣе. Меня забавляютъ карикатурныя чучелы и уродцы въ кандитерскихъ. *Левъ* съ человѣческою головою, расчесанною по послѣдней модной картинкѣ; на лапахъ кольца и перстни; въ лѣвомъ глазѣ защуренная лорнетка! — Въ Парижѣ достойны замѣчанія *траурные магазины*, какихъ я не видалъ нигдѣ: въ этихъ магазинахъ продаются всѣ матеріи, всѣ наряды, всѣ дамскія вещи, нужныя для глубокаго траура, для обыкновеннаго и для полутраура. Наружность магазина, рамы, двери и проч. черныя, лакированныя, съ серебряными украшеніями и приличными названіями: Au sarcophage, à la Reine Artémise, и т. п. Вообще здѣсь носятъ трауръ очень долго, и какъ *печаль изнашивается скорѣе черной фланели*, то лица, движенія и рѣчи горюющихъ иногда рѣзко противорѣчатъ одеждѣ. Это зрѣлище непріятно и оскорбительно для нравственнаго чувства. Впрочемъ, это лучше лицемѣрія и ханжества.

Третьяго дня происходило погребеніе Казимира Делавиня на кладбищѣ Лашеза. Академія Французская, артисты Французскаго Театра и многіе литераторы проводили его до могилы. Изъ словъ, произнесенныхъ при семъ случаѣ, достойна особеннаго вниманія рѣчь Виктора Гюго, отъ имени академіи, въ которой онъ нынѣ занимаетъ мѣсто директора. Онъ здѣсь въ первый разъ явился внѣ дома, послѣ жестокой потери, имъ потерпѣнной. На выразительномъ лицѣ его, на высокомъ, благородномъ челѣ, начертана была глубокая печаль, возобновленная зрѣлищемъ отверзтой могилы. Покойный Делавинь не былъ изъ числа его друзей, явно возставалъ противъ твореній Гюго и ихъ теоріи, подалъ голосъ противъ него при избраніи его въ академію. Какой предметъ для человѣка истинно умнаго, благороднаго, чувствующаго свое достоинство, возвышающагося надъ своекорыстною толпою, живущею для мелкихъ выгодъ своего тщеславія и корысти! И Викторъ Гюго умѣлъ имъ воспользоваться: онъ отдалъ всю справедливость и дарованіямъ и трудамъ Делавиня; выразилъ всю великость потери, всю горесть его друзей и родныхъ, и вызывая изъ глубины прекрасной души своей отголоски неусыпленной еще временемъ, собственной печали, умѣлъ возбудить во всѣхъ слушателяхъ искреннее умиленіе.— Въ день погребенія Делавиня не было представленія на Французскомъ Театрѣ. Комитетъ сего театра положилъ изваять мраморный бюстъ его, и поставить въ своемъ фойе. На Одеонѣ, который въ своемъ репертуарѣ имѣетъ творенія Делавиня, произнесены были въ тотъ вечеръ прекрасные стихи, написанные по сему случаю.

Въ числѣ артистовъ, умершихъ на сихъ дняхъ, называютъ живописца Ге (Gué), писавшаго прекрасныя декораціи для бульварныхъ театровъ, и бывшаго нашего

петербургскаго актера Жено, занимавшаго должность режиссера въ Комической Оперѣ. Нынѣшнимъ лѣтомъ умеръ здѣсь еще Альфонсъ Атрюксъ, долгое время игравшій на Петербургскомъ Театрѣ. Въ Ліонѣ скончался извѣстный литераторъ Баржине (Barginet de Grenoble).— Смерть адвоката Воллиса (Wollis) возбудила сожалѣніе всѣхъ знавшихъ его. Онъ былъ человѣкъ умный, ученый, добрый, безкорыстный и большой весельчакъ: нерѣдко смѣшилъ онъ и публику и судей своими выходками, но дѣлалъ свое дѣло: могила его оросилась слезами бѣдной женщины, которую онъ, за недѣлю до кончины, краснорѣчіемъ своимъ спасъ отъ незаслуженнаго ею позорнаго наказанія. Онъ былъ сотрудникомъ въ изданіи Судебной Газеты.

На театрахъ мало новостей. Французскій Театръ, за неимѣніемъ чего нибудь новаго, отрылъ въ своемъ архивѣ трагедію: *Тиверій*, сочиненную Іосифомъ Шеніе, которой не позволяли играть ни при Наполеонѣ, ни во время реставраціи. Съ нею случилось то же, что было съ Исторіею Елагина и со многими другими подобными произведеніями, которыя пользовались уваженіемъ доколѣ таились во мракѣ, а выступивъ на свѣтъ дневной, лишились своей славы. Только *Горе отъ ума* вытерпѣло эту огненную пробу. Трагедія Шеніе скучна, холодна, единообразна. Жюль-Жаненъ сказалъ о ней въ Journal des Débats сущую правду. Другіе журналы, руководимые духомъ партій, стараются поддержать ее, но тщетно.

На Италіянской Оперѣ играли новую піесу: Fantasma. Музыка Персіани, слабая, безцвѣтная, набранная изъ разныхъ воспоминаній, не понравилась публикѣ. Защитники оперы въ журналахъ стараются поддержать вниманіе публики обѣщаніемъ представленія прежнихъ

оперъ: Донъ Жуана, Севильскаго Цирюльника, и т. п. Положено поставить бюстъ Россини въ фойе Италіянской Оперы. Это первый примѣръ, что ставятъ въ театрѣ монументъ композитору *заживо.* Надѣются задѣть его *за живое,* и вымолить оперу.

Буффе, играя ежедневно одну и ту же піесу въ Variétés, наполняетъ театръ до нельзя, и говорятъ, уплатилъ уже сборами половину неустойки. Любители ждутъ его въ *Дочери Скупца*: онъ въ этой піесѣ является истинно великимъ актеромъ.

Вчера видѣлъ я, на Театрѣ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ, Фредерика Леметра въ мелодрамѣ *Брадобрѣй Короля Арагонскаго.* Актеръ умный, геніальный, но — бульварный. Мимика его удивительная; лице и глаза говорятъ краснорѣчиво, а рѣчи его разслушать трудно. Il bredouille, говорятъ Французы. Въ игрѣ Леметра достойно замѣчанія то, что онъ съ равнымъ успѣхомъ играетъ и трагическія и забавныя сцены. Онъ не трагикъ и не комикъ, а актеръ, т. е. артистъ, умѣющій представлять человѣка во всѣхъ положеніяхъ его жизни.

Изъ новыхъ піесъ должно назвать водевили: *Нашествіе гризетокъ* (l'Invasion des grisettes) на Театрѣ Пале-Рояльскомъ, и *Кухня и Театръ,* соч. Поль де Кока, на Театрѣ des Folies dramatiques. Болѣе о нихъ говорить не нужно.

Въ Олимпійскомъ Циркѣ Франкони представляютъ морскую драму: Ле-Ванжеръ (le Vengeur). Такъ назывался французскій корабль, который въ революціонную войну разбитъ и потопленъ былъ Англичанами. Экипажъ не хотѣлъ сдаться, и съ радостными восклицаніями пошелъ ко дну. Надѣюсь увидѣть эту піесу, и сообщить вамъ о ней подробный отчетъ.

Директоръ Театра Гимназіи, г. Пуарсонъ, потерявъ

процесъ, начатый имъ съ обществомъ драматическихъ авторовъ, объявилъ, что отказывается отъ своего званія. Надѣются, что преемникъ его будетъ сговорчивѣе.

Приписка. Готовясь запечатать это письмо и отправить на почту, получаю No. 268 Сѣверной Пчелы, въ которомъ говорится о здѣшней Италіянской Оперѣ. Ты совершенно правъ, любезнѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ! Здѣшняя опера, лишившись Рубини и Тамбурини, не дождавшись Лаблаша, упала до крайности, то есть, сколько Италіянская Опера въ Парижѣ упасть можетъ. Сальви и Ронкони были бы очень хороши на второстепенномъ театрѣ, но на мѣстахъ нынѣшнихъ *вашихъ*, т. е. *нашихъ* пѣвцовъ, кажутся слабыми. Петербургъ можетъ похвалиться, что въ немъ теперь находится лучшая опера на Земномъ Шарѣ. Поясняю: не знаю г-жи Віардо-Гарсіи, и вѣрю тому, что вы о ней говорите и пишете.

XXIII.

Декабря 1843 16/30

Слишкомъ долго занималъ я васъ, любезные мои читатели, дѣлами матеріяльными, административными, которыя не могутъ быть интересны для всѣхъ. Извините: изъ-за двухъ тысячъ верстъ вкуса вашего не разгадаешь, требованій не узнаешь, критикъ не услышишь. Пишешь точно ощупью. Сегодня потолкуемъ о лите-

послѣдствіи времени названъ былъ *Беринговымъ*. На рѣкѣ Амурѣ главное мѣсто занималъ городъ *Албазинъ* въ 1650 г.

Царь не менѣе заботился и о распространеніи торговли нашей съ западомъ Европы; мудрыя мнѣнія его объ этомъ важномъ предметѣ видны во всѣхъ учрежденіяхъ и указахъ его: съ давнихъ временъ Англійскіе промышленники пользовались у насъ большою, особенною привиллегіею, относительно торговли. Царь повелѣлъ сравнять права ихъ съ Голландцами и съ другими купцами. Всѣми торговыми дѣлами и управленіями ихъ поручено было вѣдать особенному *приказу*, члены котораго состояли изъ купцовъ и имъ вмѣнено было въ непремѣнную обязанность поступать по регламентамъ изданнаго Устава о торговлѣ и о пошлинахъ. Съ наложеніемъ пошлинъ на всѣ иностранные товары, иностранцамъ дозволено было производить только оптовую продажу и большею частію въ пограничныхъ городахъ. Монетная система была также усовершенствована. При Алексіѣ же Михайловичѣ учрежденъ былъ въ Москвѣ первый монетный дворъ, въ которомъ и начали чеканить серебряные рубли и полурубли (полтинники).

Для оживленія же внутренней промышленности народной, заведены были разныя фабрики и заводы, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ; въ Москвѣ къ прежнимъ фабрикамъ прибавилось нѣсколько суконныхъ, бумажныхъ и шелковыхъ, которыя состояли, большею частію, подъ наблюденіемъ иностранцевъ; имъ же поручено было усилить и гор-

момъ невинныхъ чтеній. Но справедливость требуетъ сказать, что Академія Французская сдѣлала и много хорошаго и полезнаго для Французской Словесности. Она пояснила и утвердила многія истинныя правила языка и словесности, основанныя на чистомъ вкусѣ, здравомъ смыслѣ и глубокомъ знаніи древности; она способствовала къ удержанію писателей, особенно молодыхъ и неопытныхъ, въ предѣлахъ приличія, благородства и умѣренности; она составила лексиконъ Французскаго Языка, который служитъ основаніемъ всѣмъ прочимъ твореніямъ въ семъ родѣ, и составляетъ прочный памятникъ ея трудолюбія и славы. Многіе изъ недостатковъ, въ которыхъ ее упрекаютъ, происходятъ отъ страннаго ея первоначальнаго устройства, которое, при всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ во Франціи и въ самой академіи въ теченіе двухъ вѣковъ, не могло быть измѣнено къ лучшему. Таковъ, напримѣръ, обычай, что кандидаты на убылыя мѣста въ академіи не предлагаются членами, а должны проситься сами. Академія, говорятъ, боялась отказа, боялась вѣроятно потому, что чувствовала свою слабость. Никто не откажется быть членомъ сословія истинно полезнаго, благонамѣреннаго, всѣми уважаемаго: въ этомъ случаѣ стыдно было бы тому, кто отказывается. И этой просьбы недостаточно: кандидатъ, внесенный въ списокъ чающихъ, долженъ обѣгать передпія тридцати девяти членовъ, кланяться, просить. Это называется — дѣлать визиты. Такъ какъ *всѣ*, и самые знаменитые академики, подвергались этому унизительному этикету, то онъ и не считается слишкомъ стѣснительнымъ, но есть писатели, которые, чувствуя свое достоинство, никакъ не хотятъ ему подвергнуться: такъ, напримѣръ, Беранже никогда не будетъ членомъ академіи, онъ не соглашается бить челомъ. Еще нѣ-

которыя странности замѣчательны въ этомъ почтенномъ сословіи. Каждый новопринимаемый членъ долженъ непремѣнно, въ день торжественнаго его принятія, произнести похвалу своему предмѣстнику, а президентъ или директоръ академіи обязанъ хвалить и умершаго и новопринимаемаго, исчислять заслуги и достоинства сего послѣдняго, отверзшія ему входъ въ святилище. Викторъ Гюго (нынѣшній директоръ академіи) сказалъ на сихъ дняхъ: «Я обязанъ былъ хвалить Казимира Делавиня, моего врага и противника, надъ его могилою; долженъ буду хвалить его въ академіи; исполняю эти обязанности охотно, ибо Делавинь былъ человѣкъ съ дарованіями и умомъ, честный и благородный; но каково мнѣ будетъ, если попадетъ на его мѣсто Сенъ-Маръ-Жирарденъ, и мнѣ прійдется, предъ всею публикою, хвалить въ глаза человѣка, котораго я терпѣть не могу, который два раза въ недѣлю, на публичныхъ лекціяхъ въ Сорбоннѣ, раздираетъ и меня, и мои сочиненія!» — Увидимъ, какъ онъ вывернется изъ этого критическаго положенія. Можетъ быть, ему не случится быть въ этой крайности: директоръ и секретарь Академіи смѣняются каждые три мѣсяца.

Нынѣ въ Академіи Французской тридцать восемь членовъ и двѣ вакансіи. Сообщу краткую ихъ характеристику, заимствуемую мною изъ самыхъ свѣжихъ источниковъ.

Первое мѣсто въ академіи принадлежитъ *Шатобріану*, безспорно первому изъ живущихъ нынѣ писателей Европы, который, благородствомъ своего характера, безкорыстіемъ, самоотверженіемъ и вѣрностію къ роду древнихъ Королей своихъ, возвышаетъ еще свой необыкновенный геній. И жизнь, и творенія его такъ извѣстны, что о нихъ нѣтъ надобности распространяться

Ламартинъ, первенствующій изъ нынѣшнихъ поэтовъ Франціи: его *Размышленія* (Méditations), твореніе двадцатилѣтняго поэта, изумили и восхитили всѣхъ любителей словесности свѣжестью и истиною чувствованій, прелестью языка и стиховъ. Теперь онъ ихъ не напишетъ: политика изсушила его сердце и умъ. И еще, если бъ онъ былъ политикомъ основательнымъ и дѣльнымъ. Но нѣтъ: онъ теряется въ софисмахъ и противорѣчіяхъ, облекаемыхъ имъ всѣмъ изяществомъ и благородствомъ слога. Онъ хватается за все, отъ одного предмета переходитъ къ другому, совершенно противоположному, и тѣмъ лишается всей силы, всей возможности дѣйствовать на слушателей и читателей. — Наружность способствуетъ успѣхамъ его краснорѣчія: онъ высокъ ростомъ и статенъ; чело у него высокое и покрыто рѣдкими волосами; лице длинное и правильное; взглядъ кроткій и ласковый. Обыкновенно засовываетъ онъ лѣвую руку за сюртукъ, застегнутый до верху. Органъ его прелестный и увлекательный; особенно онъ умиляетъ женскіе умы и сердца. Во всѣхъ его движеніяхъ видны приличіе, благородство, умѣренность, достоинство. Говорятъ, онъ былъ невыразимо прекрасенъ въ тотъ день, когда возставалъ противъ перевезенія въ Парижъ останковъ Наполеона, утверждая, что лучшая гробница для героя есть безплодная скала Св. Елены, обороняемая неизмѣримымъ Океаномъ, плещущимся у стопъ ея; что не должно заключать его въ тѣсномъ склепѣ Инвалиднаго Дома, монументѣ ничтожномъ для такого великаго генія.

О *Викторѣ Гюго* мнѣнія различны. Одни видятъ въ немъ поэта геніяльнаго, оригинальнаго, единственнаго; другіе утверждаютъ, что онъ страненъ, смѣшонъ, уродливъ, что онъ рубитъ стихи какъ ни попало, и составилъ родъ и школу безобразные и нелѣпые. Викторъ

Гюго, правда, не есть писатель совершенный: это алмазъ въ корѣ, но алмазъ; ему не достаетъ только шлифовки. Другаго шлифуйте, сколько угодно — толку не будетъ. У него часто встрѣчается мысль удивительная, геніяльная подлѣ самой ничтожной, вялой и пошлой. Отчего это? Оттого, что онъ спѣшитъ изливать на бумагу минутныя внушенія своего поэтическаго генія, не заботясь о ихъ достоинствѣ и обработкѣ. Этотъ недостатокъ чаще всего встрѣчается въ его драмахъ: въ нихъ есть стихи истинно поэтическіе и смысломъ, и выраженіемъ, а нерѣдко *тирада* такихъ стиховъ оканчивается мыслію самою плоскою, самою обыкновенною, стихомъ дурнымъ и неумѣстнымъ. Въ театральныхъ своихъ піесахъ онъ жертвуетъ всѣмъ, вѣроятностью, положеніемъ лицъ, самыми естественными чувствованіями, даже необходимостями—минутнымъ порывамъ поэтическаго генія, только для того, чтобъ произвесть самое сильное впечатлѣніе въ главныхъ мѣстахъ драмы. Стихи его иногда бываютъ жестки, темны, неполны, и вдругъ, посреди самыхъ несвязныхъ, принужденныхъ, возникаютъ стихи, удивительные поэзіею и истиною.— Но какъ хороши его лирическія творенія: его *Осенніе листья*, *Внутренніе голоса*, *Восточныя стихотворенія* (les Orientales), нѣкоторыя мѣста въ *Пѣсняхъ сумеречныхъ*, въ *Лучахъ и Тѣняхъ*! Романъ его Nôtre Dame de Paris, принадлежитъ къ превосходнѣйшимъ твореніямъ въ семъ родѣ. Викторъ Гюго отличается челомъ высокимъ, поэтическимъ; носъ у него благообразный, уста круглыя; все лице его кроткое и выразительное. Снаружи онъ кажется холоденъ, но душа у него добрая и чувствительная.

Суме (Soumet), авторъ трагедій: *Сауль*, *Клитемнестра*, *Елисавета*, имѣвшихъ въ свое время блистательный

успѣхъ, нынѣ оставленныхъ. Похвала людей, одаренныхъ умомъ и вкусомъ, могла утѣшить автора въ непостоянствѣ публики. Послѣднее твореніе Суме: La divine Epopée, также имѣетъ большія достоинства, но явясь въ свѣтъ безъ шарлатанства, оно не имѣло успѣха въ публикѣ. Не критика добросовѣстная, не разборы основательные и безпристрастные, а газетныя объявленія и хвастливые возгласы журнальныхъ друзей даютъ нынѣ цѣну произведеніямъ словесности.

Карлъ Нодіе, по справедливости, славится основательнымъ знаніемъ Языка Французскаго во всѣхъ его тонкостяхъ, чистымъ вкусомъ и тонкимъ умомъ: онъ остеръ, ученъ и скроменъ. Творенія его, плодъ основательнаго размышленія, отличаются точностью, чистотою и непринужденностью слога. Онъ академикъ по превосходству. При выборахъ новыхъ членовъ, говорятъ, онъ руководствуется справедливостью и безпристрастіемъ. Я рѣдко находилъ людей, которые пользовались бы такою *единогласною* доброю славою, какъ Г. Нодіе.

Віеннг, авторъ прекрасныхъ басенъ, не уступающихъ иногда Лафонтеновымъ. Прошлаго года играли его трагедіею: *Арбогастъ*, которая ничѣмъ не хуже другихъ, принимаемыхъ публикою съ одобреніемъ и даже съ восторгомъ. Но имя это не понравилось. Что за Арбогастъ? спрашивали со смѣхомъ, и зашикали піесу. Назови онъ ее не именемъ дикаго Франка, а какъ нибудь иначе, напримѣръ *Отравительница*, и піеса выдержала бы сто представленій. Названіе великая вещь. Віение человѣкъ умный, да объ этомъ не позаботился, и трагедія его исчезла со сцены.

Скрибъ — дѣло иное: мастеръ выдумать и содержаніе піесы, и характеры, и заглавіе. И сколько умнаго, замысловатаго, милаго въ его маленькихъ комедіяхъ и

водевиляхъ! Память его переживетъ славу многихъ другихъ академиковъ. Онъ писалъ и для Большой Оперы, и для Комической, и для Французскаго Театра, и для Водевиля, для Гимназіи, для Variétés, но теперь онъ исписался: новыя его піесы гораздо слабѣе прежнихъ, и нѣкоторыя просто дурны. — Ему теперь отъ роду пятьдесятъ два года: онъ любезенъ, веселъ, добродушенъ и уменъ въ обществѣ. Бесѣда его увлекательная.

Ансело, писатель съ умомъ и дарованіемъ, долгое время добивался мѣста въ академіи. Жалуются на него, что онъ унижаетъ свое званіе, присоединяя его въ объявленіяхъ и афишахъ къ титлу содержателя театра Водевиля, и удивляются, что умная жена его отъ того не удержитъ. Въ самомъ дѣлѣ, она пишетъ гораздо лучше своего мужа, и, какъ слышно, директорствуетъ вмѣсто его на театрѣ. О раздорахъ его съ обществомъ драматическихъ писателей скажу ниже.

Понжервиль извѣстенъ своимъ прекраснымъ, легкимъ, увлекательнымъ слогомъ; онъ умѣетъ побѣждать всѣ трудности языка, и для выраженія мысли классическаго писателя древности всегда найдетъ приличные слова и обороты. Онъ очень удачно перевелъ стихами Лукреція: *О естествѣ вещей.* Легкія его стихотворенія прелестны. Изъ переводовъ же еще достоинъ вниманія *Потерянный Рай*, Мильтона: уже одинъ этотъ трудъ далъ бы ему право засѣдать въ академіи.

Гиро (Guiraud), авторъ трагедій: *Маккавеи*, *Виргинія*, *Графъ Жюліенъ*, савойскихъ элегій и нѣсколькихъ твореній въ прозѣ, человѣкъ съ дарованіемъ превосходнымъ, но скромнымъ, тихимъ, не возбуждающимъ шумнаго удивленія въ свѣтѣ. Онъ сохранилъ приверженность къ прежнимъ Королямъ, къ прежнимъ постановленіямъ, и въ отношеніи къ нынѣшнему порядку ве-

щей, наблюдаетъ благородную и приличную скромность. Онъ отличается въ обществѣ старинною французскою вѣжливостью и необыкновеннымъ остроуміемъ; живетъ тихо и скромно, участвуя въ трудахъ многихъ благотворительныхъ обществъ. Въ академіи онъ говоритъ мало, но умно и основательно.

Вотъ всѣ собственные *нынѣшніе* литераторы, засѣдающіе теперь во Французской Академіи. Десять человѣкъ: не много.

Изъ философовъ считаются въ ней: *Кузенъ*, переводчикъ Платона, авторъ Курса Философіи и Философическихъ Отрывковъ, бывшій министромъ просвѣщенія, человѣкъ ученый и трудолюбивый. Онъ получаетъ жалованья за разныя должности, которыхъ не отправляетъ. Удивляются цинисму и неопрятности его наружности. Говорятъ, онъ хочетъ этимъ показать презрѣніе къ ничтожнымъ приличіямъ свѣтскимъ. — *Балланшъ*, писатель умный и глубокомысленный, человѣкъ образованный и любезный, другъ Шатобріана и неизмѣнный гость Госпожи де-Рекаміе. — *Дрозъ*, авторъ книгъ: *Приложеніе нравственности къ политикѣ*, *Курсъ Политической Экономіи*, *Нравственная Философія*, *Опытъ объ изящномъ въ искусствахъ*, достойнымъ образомъ занимаетъ мѣсто въ академіи. Жалуются, что книги его *скучны*. Да развѣ такія вещи пишутся для забавы? — Онъ человѣкъ умный и почтенный, и часто забавляетъ своихъ товарищей необыкновенною своею разсѣянностью. Онъ рѣдко является въ академіи, не забывъ чего нибудь дома, платка, табакерки, очковъ. Онъ никогда не знаетъ и не слышитъ о чемъ идетъ дѣло. Однажды онъ совершенно ограбилъ бѣднаго г. Bауръ-Лорміана, который преспокойно спалъ подлѣ него въ академическихъ своихъ креслахъ: взялъ его платокъ, табакерку, очки, зонтикъ

и галоши, и преблагополучно унесъ ихъ съ собою. Въ другой разъ онъ утащилъ невзначай великолѣпную огромную шляпу г. Пакіе, и оставилъ ему свою. Надобно было видѣть, съ какимъ комическимъ уныніемъ канцлеръ Франціи повертывалъ въ рукахъ истертую шляпченку. Однажды написалъ онъ къ г. Кампенону, котораго навѣщалъ въ то утро: «Любезнѣйшій! Я забылъ у васъ табакерку. Сдѣлайте одолженіе, пришлите ее съ подателемъ.» Написавъ эти слова, онъ нашелъ табакерку, и прибавивъ въ запискѣ: «Не безпокойтесь, я нашелъ ее», запечаталъ и отослалъ! — Г. *Ройе-Колларъ*, извѣстный ораторъ и авторъ многихъ хорошихъ философскихъ сочиненій, теперь старъ и часто бываетъ боленъ. Онъ рѣдко ѣздитъ въ академію, и, какъ всѣ люди прошлаго вѣка, ненавидитъ и бранитъ все нынѣшнее. Онъ холоденъ, строгъ и важенъ. Говорятъ что самолюбіе его безпредѣльно. — Къ философамъ присоединяю трудолюбиваго, ученаго, филолога, умнаго профессора *Патена*. Нѣкоторые критики утверждаютъ, что профессору Латинскаго Языка нѣтъ мѣста въ Академіи Французской. Правда, онъ не литераторъ, но онъ знатокъ Общей Грамматики и тѣхъ языковъ, по которымъ образовался Языкъ Французскій. Я думаю, что онъ при составленіи словаря, гораздо полезнѣе многихъ блистательныхъ умниковъ и поэтовъ.

Объ остальныхъ членахъ Французской Академіи сообщу въ будущемъ моемъ письмѣ, а теперь скажу нѣсколько словъ о текущихъ здѣшнихъ дѣлахъ.

Въ среду, 27-го Декабря, происходило торжественное открытіе засѣданій Палатъ Перовъ и Депутатовъ. Я не нашелъ средствъ получить билетъ для входа въ залу Палаты Депутатовъ, и долженъ былъ удовольствоваться созерцаніемъ наружной церемоніи, въ толпѣ народ-

ной. По всей дорогѣ, отъ Тюльерійскаго Дворца (по правому берегу Сены, по Площади Согласія и по Мосту Лудовика XVI) до Дворца Бурбонскаго, гдѣ засѣдаетъ Палата Депутатовъ, стояли по одной сторонѣ линѣйныя войска и національная гвардія; другая сторона ограничивалась берегомъ Сены; сверхъ того, полиція удерживала толпы народныя въ далекомъ разстояніи за войсками, и ни одинъ человѣкъ не могъ подойти къ пути, по которому надлежало ѣхать Королю. Только кареты посланниковъ иностранныхъ имѣли свободный проѣздъ. Въ исходѣ перваго часа войска выстроились, и въ нѣсколькихъ экипажахъ проѣхала Королева съ Принцессами и иностранными Принцами, пребывающими теперь въ Парижѣ. Карета Герцогини Орлеанской была траурная, и вся прислуга въ черной одеждѣ. Въ часъ, пальба съ баттарей Инвалиднаго Дома возвѣстила, что Король двинулся изъ Тюльерійскаго Дворца. Онъ ѣхалъ съ сыновьями своими, Герцогомъ Немурскимъ, Принцемъ Жуанвильскимъ и Герцогомъ Монпансіерскимъ, въ богатой каретѣ, окруженной генералами и адъютантами верхомъ. Спереди и позади кареты ѣхали значительные отряды конницы. Войска отдавали честь съ барабаннымъ боемъ. Національная гвардія восклицала: да здравствуетъ Король! — Чрезъ полчаса обрядъ открытія Палатъ кончился, и Король съ фамиліею тѣмъ же порядкомъ воротился во дворецъ. — О самой церемоніи распостраняться не стану: вы часто читали о ней въ газетахъ. Во всѣхъ присутствующихъ возбуждено было чувство умилительнаго сожалѣнія, когда вошла въ королевскую трибуну Герцогиня Орлеанская, ведя за руку старшаго, пятилѣтняго своего сына, Графа Парижскаго: и мать и сынъ были въ глубокомъ траурѣ. Въ рѣчи Короля то мѣсто, гдѣ онъ

говорить о предохраненіи воспитанія народнаго отъ посторонняго вліянія, произвело общее удовольствіе. По первымъ дѣйствіямъ Палаты видно, что нынѣшнее миролюбивое министерство будетъ имѣть большинство голосовъ въ засѣданіи. Въ президенты выбранъ Г. Созе; въ числѣ президентовъ и секретарей девяти отдѣленій, десять выбрано изъ министерской партіи, восемь изъ оппозиціи. — Я смотрѣлъ эту церемонію съ Площади Согласія; отправился потомъ, съ однимъ добрымъ землякомъ, къ Горасу Вернету, пробылъ около получаса въ его мастерской, и пошелъ домой: на улицахъ уже продавали экземпляры Парижскаго Монитера съ описаніемъ открытія Палатъ и съ рѣчью Короля. Всѣ хватали листки, и читали ихъ съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ.

Съ открытіемъ засѣданій Палатъ началась дѣйствительная зимняя жизнь въ Парижѣ. Разверзлись двери въ министерскихъ залахъ. Гостиныя оживляются. Все приходитъ въ движеніе. Многіе легитимисты воротились уже изъ Англіи. Остававшіеся въ Парижѣ вздумали смѣяться надъ ихъ пилигримствомъ. Отъ этого вспыхнули споры, раздоры; говорятъ, между ими были уже двѣ дуэли. Странное дѣло, что Французы, даже принадлежащіе къ одной и той же партіи, связанные одними и тѣми же выгодами, видами и надеждами, не могутъ ужиться въ мирѣ. Кажется, вотъ партія такая-то беретъ верхъ: глядь, начальники ея поссорились, перебранились, и всѣ ихъ проекты и предначертанія канули въ воду. И живущіе въ чужихъ краяхъ Французы ссорятся больше всего между собою. Посмотрите, напротивъ того, на выходцевъ другихъ націй, напримѣръ на Англичанъ или на Швейцарцевъ: они составляютъ на чужбинѣ какъ бы одно

семейство, и всячески стараются сохранять, если не внутреннее, то наружное согласіе между собою. А эти умные, острые и вообще добродушные Французы точно фейерверочныя ракеты. Попадетъ въ нее мелкая искорка, она затрещитъ и поднимется на воздухъ! Самолюбіе ихъ принуждено было въ одномъ важномъ, національномъ дѣлѣ уступить первенство Англичанамъ: Стауптонъ обыгралъ въ шахматы первыхъ французскихъ матадоровъ. Живущіе здѣсь Англичане дали въ честь его великолѣпный обѣдъ, и онъ уѣхалъ домой, увѣнчанный лаврами и съ титломъ шахматнаго короля.

Я писалъ вамъ о заговорѣ любителей куренія противъ дорогихъ сигарокъ. Они успѣли въ своемъ замыслѣ: администрація, въ эти два мѣсяца, продавая сигарки по пяти су вмѣсто четырехъ, понесла убытку до восьми сотъ тысячъ франковъ отъ уменьшенія продажи. Теперь, сказываютъ, она намѣрена возстановить прежнюю цѣну, но воротятся ли прежніе потребители? Врядъ ли. Многіе уже попривыкли къ трубкѣ. Вотъ что значитъ неумѣстная и неразсчитанная мѣра въ дѣлѣ, повидимому, ничтожномъ!

Погода здѣсь стоитъ довольно теплая и сухая, точно какъ у насъ въ началѣ октября, до наступленія морозовъ. Чрезвычайно пріятна прогулка днемъ и вечеромъ по бульварамъ, по богатымъ магазинами улицамъ: все это кипитъ народомъ, запасающимся новинками и подарками къ Новому Году. Это какая-то странная лихорадка, какой-то припадокъ, въ которомъ больные забываютъ всѣ дѣла свои, всѣ прежнія заботы, чтобъ заняться одними — покупкою новинокъ. Мнѣ кажется, правительство назначаетъ важное дѣло открытія Палатъ именно въ это время Святокъ, когда въ Парижѣ всѣ

умы озабочены покупками и подарками къ Новому Году. Замѣчено, что въ эти двѣ недѣли и сборы въ театрахъ бываютъ гораздо меньше обыкновеннаго: всякъ старается или купить или продать что нибудь.

Театральныхъ новостей не много. Директоръ Большой Оперы отправится въ Италію, чтобъ нанять хорошаго тенора: тамъ славятся двое: Феретти въ Миланѣ, и Фраскини въ Неаполѣ. Тогда, вѣроятно, появится на сценѣ опера Мейербера: *Пророкъ*. Если же это не сбудется къ 15-му Февраля, Донидзетти напишетъ оперу Jeanne la folle. Теперь оба маэстра уѣхали, Мейерберъ въ Берлинъ, а Донидзетти въ Вѣну. — Большую Оперу намѣреваются перестроить: нынѣшнее помѣщеніе ея только временное (— съ 1820 года!). Предполагаютъ воздвигнуть зданіе сіе въ улицѣ Пинонъ, гдѣ теперь, сказать по нашему, *съѣзжій домъ* (la mairie) второй части; иные совѣтуютъ избрать мѣсто въ Улицѣ Мира или на бульварѣ. Въ первомъ случаѣ, la mairie переведена будетъ въ домъ, или дворецъ Агуадо, въ улицѣ Гранжъ-Бателіеръ. Этотъ отель построенъ былъ въ половинѣ XVII вѣка генеральнымъ откупщикомъ Оньи (Ogny). Во время революціи были въ немъ знаменитыя рестораціи Робера, потомъ Луантье. Милліонщикъ Агаудо купилъ и возобновилъ сей домъ, какъ говорятъ, изъ благодарности или изъ суевѣрія: онъ былъ въ молодости очень бѣденъ, и занимался мелочнымъ торгомъ; первымъ удачнымъ для него дѣломъ была продажа нѣсколькихъ бутылокъ испанскаго и бордосскаго вина въ рестораціи Луантье.

Изъ новыхъ піесъ должно назвать драму: *Герцогиня де Шатору*, сочиненіе Софіи Ге (Gey), игранную въ Одеонѣ. Ее освистали безпощадно. Говорятъ, драма скучна и растянута. Жюль-Жаненъ, пріятель сочинительницы и

считались первенствомъ и даже заводили продолжительныя тяжбы, а ихъ подчиненные пользовались этимъ: были безпечны къ службѣ, въ дѣлахъ оказывались опущенія разнаго рода и всякое ослушаніе къ начальству, какъ у гражданскихъ, такъ и у военныхъ чиновъ: не пользовались побѣдами или проигрывали сраженія собственно отъ подобныхъ распрей и безпорядковъ.

Іоаннъ IV впрочемъ успѣлъ нѣсколько ограничить это пагубное зло, но совершенно истребилъ его Царь Θеодоръ Алексѣевичъ. Для уничтоженія *мѣстничества* нарочно составленъ былъ соборъ (въ 1682 г. 2-го Генваря) изъ избранныхъ особъ подъ предсѣдательствомъ Князя Василья Васильевича Голицина, и на этомъ соборѣ изыскивали всѣ средства къ прекращенію подобныхъ помѣшательствъ во всѣхъ дѣлахъ; наконецъ, по общему приговору, запрещено было въ дѣлахъ службы основываться на званіи и дѣяніи предковъ своихъ, и постановлено, чтобы служащіе вѣрою и правдою отечеству своему получали и повышенія и отличія по службѣ не по старшинству породы, но по истиннымъ заслугамъ и по личнымъ дарованіямъ своимъ, и наконецъ разрядныя книги, на которыхъ *мѣстничество* утвердило свои древнія права, по приказанію Царя, были всенародно, торжественно сожжены. Вмѣсто этихъ книгъ введены были родословныя дворянскія книги и съ того времени гражданская и военная служба исполнялась и соблюдалась правильнѣе и порядочнѣе,

Царь Θеодоръ былъ слабаго сложенія и это-то было причиною преждевременной смерти его. Онъ

въ роли ея дочери, Сюрвилль, въ роли мужа ея, Серръ, въ роли солдата, были очень хороши. Но для меня всего забавнѣе и интереснѣе были зрители, наполнявшіе партеръ, галереи и ложи. Въ первостепенныхъ парижскихъ театрахъ находите вы публику умную, образованную, одаренную и вкусомъ, и знаніемъ дѣла, но холодную, пресыщенную (blasé), которую трудно расшевелить до восторга. Здѣсь же все идетъ въ счетъ. Зрители наслаждаются отъ души, и не думаютъ о критикѣ. Въ трогательной сценѣ всѣ плачутъ: хныканье, рыданье заглушаютъ голосъ актера. Въ комическихъ явленіяхъ, хохочутъ во все горло. На всѣхъ лицахъ написано искреннее удовольствіе. Эти посѣтители бульварнаго театра люди небогатые, дорожатъ удовольствіемъ, которое стóитъ имъ денегъ; проведя весь день въ трудахъ и заботѣ, они вполнѣ наслаждаются досугомъ и забавами вечера, безъ оглядки предаются наслажденію настоящимъ, забывая на минуту, что завтра начнется тяжелое будущее. Въ антрактахъ ѣдятъ, пьютъ, перекликаются изъ ложи въ ложу съ знакомыми. Первыя ложи бываютъ заняты и особами высшаго круга. При мнѣ одинъ молодой, хорошо одѣтый человѣкъ подалъ дамѣ апельсинъ. Она совѣстилась взять, находя, что ѣсть въ публикѣ непристойно! — «Кушайте! кушайте, сударыня!» возразилъ онъ: «въ Gaité все пристойно.» — Одинъ знакомецъ мой, драматическій писатель, видя, съ какимъ любопытствомъ я разсматриваю эту забавную публику, сдѣлалъ мнѣ большое удовольствіе — повелъ за кулисы, въ залу отдохновенія артистовъ, между сценами, въ которыхъ они играютъ. Въ довольно просторной, но просто убранной залѣ, нашелъ я нѣсколько актеровъ, которыхъ лишь только видѣлъ на сценѣ. Комендантъ крѣпости дружески разговаривалъ съ тюремщи-

комъ, котораго за пять минутъ до того велѣлъ повѣсить. — За небольшимъ столикомъ сидѣли директоръ театра и авторъ піесы (Анисе-Буржуа), и играли въ шахматы. Подлѣ нихъ стоялъ, въ шляпѣ, человѣкъ лѣтъ сорока, одѣтый просто, но опрятно, благообразный и пріятный съ виду, и пристально слѣдилъ за игрою. «Знаете ли, кто это?» спросилъ у меня мой знакомецъ: «Это Поль-де-Кокъ.» Знаменитый Поль-де-Кокъ, Гомеръ гризетокъ, сидѣльцевъ, лавочниковъ Сенъ-Дениской Улицы, публичныхъ писцовъ и обманутыхъ мужей! Оставивъ залу, знакомецъ мой изъявилъ удивленіе свое, что Поль-де-Кокъ вовсе неуважаемый за авторство въ Парижѣ, пользуется большою извѣстностью за границею: въ Англіи, Германіи, Россіи, его переводятъ, печатаютъ, читаютъ, знаютъ наизустъ; другіе же романисты Франціи, люди съ умомъ и истиннымъ дарованіемъ, тамъ вовсе не такъ извѣстны. Я возразилъ ему, что это отнюдь не удивительно. Бальзакъ, Сандъ и иные первоклассные романисты французскіе создали въ своихъ твореніяхъ міръ, небывалый, воображаемый, царство въ лунѣ или въ Сатурнѣ: это идеалы, условные портреты лицъ, не существующихъ ни въ природѣ, ни въ обществѣ, и получающіе все достоинство отъ искусства художника. У Поль-де-Кока простая натура, какъ она существуетъ въ самомъ дѣлѣ. Его портреты не рисованные, не живописные, а дагерротипные отблески, передающіе предметъ во всей прозаической точности. Парижанамъ подлинники этихъ картинъ слишкомъ извѣстны, и иногда извѣстностью своею отвратительны, но въ глазахъ иностранцевъ они имѣютъ свою цѣну, могу сказать, прелесть. Въ Англіи появился въ новыя времена такой же писатель, Дикенсъ. Достойно замѣчанія искусство, съ какимъ Дикенсъ рисуетъ предметы низкіе, вѣрно, но не отвратительно, не

оскорбляя благороднаго чувства и вкуса. Возьмите его Оливера Твиста: какія лица, какіе люди въ немъ изображены, а между тѣмъ благовоспитанная дама можетъ, безъ зазрѣнія совѣсти, признаться, что читала этотъ романъ.

Я нѣсколько разъ упоминалъ въ письмахъ моихъ о обществѣ драматическихъ писателей, предписывающемъ законы свои содержателямъ театровъ. Общество это выиграло процесъ свой съ дирекціею Гимназіи, то есть судъ призналъ право авторовъ соединяться въ компаніи для пріобрѣтенія выгодъ отъ своихъ трудовъ. Одержавъ эту побѣду, общество это теперь само очутилось на краю гибели. Уже споръ съ содержателемъ Гимназіи лишилъ его членовъ полутораста тысячъ франковъ, которые были бы получены ими, если бъ не случилось двухлѣтняго разрыва съ Гимназіею. Сверхъ того остаются у нихъ въ портфеляхъ піесы, которыя непремѣнно были бы взяты на этотъ театръ, безъ упрямства ихъ комитета. Теперь комитетъ вздумалъ завести войну съ содержателемъ Водевиля, Ансело, утверждая, что, подъ опасеніемъ отпаденія всѣхъ драматическихъ писателей, ни г. Ансело, ни жена его, не смѣютъ представлять своихъ піесъ на *своемъ* театрѣ, и если представляютъ, то должны отдавать обществу драматическихъ писателей пять шестыхъ долей годоваго авторскаго дохода, оставляя себѣ только одну шестую, т. е. около десяти тысячъ франковъ. Ансело объявилъ, что не станетъ брать новыхъ піесъ у авторовъ, состоящихъ въ обществѣ, но что творенія, полученныя отъ нихъ донынѣ, будетъ давать у себя, не смотря ни на какія возраженія, на прежнихъ условіяхъ. Отъ этого возгорится процесъ. Притомъ, вѣроятно, что содержатели прочихъ театровъ приста-

нутъ къ дѣлу Гимназіи и Водевиля, и принудятъ комитетъ понизить свои тяжкія условія, а можетъ быть и совершенно срáспустить общество, вздумавшее ввести такую монополію въ драматическую литературу.

XXIV.

6-го Января (1844) 25-го Декабря 1843 г.

По обѣщанію моему, готовился я сегодня кончить начатую мною въ предъидущемъ письмѣ моемъ статью о Французской Академіи, но до того, не могу не подѣлиться съ моими читателями сладостнымъ впечатлѣніемъ, которое произведено во мнѣ зрѣлищемъ истиннаго, высокаго таланта. Намѣреваясь сообщить читателямъ моимъ отчетъ о новомъ обозрѣніи 1843 года, представляемомъ здѣсь нѣсколько дней сряду, отправился я въ Театръ des Variétés. Я пришелъ рано, видѣлъ вторично представленіе *Парижскаго баловня,* и въ этотъ разъ удостовѣрился, что Буффе, конечно, *первый* артистъ въ Парижѣ, если не во всей Европѣ. Ужасы, бѣдствія, страданія, слезы театральныя меня не трогаютъ; лампы, декораціи, костюмы румяны, парики — все это разрушаетъ всякое очарованіе, и по окончаніи трагедіи или драмы, развѣ что скажу: этотъ актеръ, эта актриса поняли свою роль, хорошо выразили страсть представленнаго ими лица, и т. п. Но здѣсь, при этомъ живомъ, естественномъ геніяльномъ представленіи лица самаго простаго, обыкновеннаго, вседневнаго, при выраженіи чувствъ и страстей, какія колеблютъ не героевъ и не героинь древности, а всякаго человѣка, живущаго въ

волненіи свѣта, возвышаюсь чувствомъ и душею, ощущаю въ сердцѣ своемъ невыразимое словами умиленіе, и оно изливается слезами! Видя Буффе въ этой роли во второй разъ, я достойно могъ оцѣнить его талантъ, его геній, его душу. Характеръ лица остается въ каждомъ представленіи совершенно тѣмъ же; главные случаи (incidents) также не измѣняются, движенія же его тѣла и лица, интонація голоса, взглядъ и улыбка проявляются различно, по минутному внушенію, но всегда кстати, прилично и натурально! Но къ чему стану я усиливаться въ выраженіи того, что не передается словами! Танцы Таліони, пѣніе Рубини, игра Буффе не имѣютъ нотныхъ буквъ въ азбукѣ слова. По мнѣ, актеръ выше и танцовщицы и пѣвца: первая, получивъ отъ природы необыкновенную силу и гибкость мускуловъ, естественную грацію и легкость, родилась, къ счастью, дочерью артиста, который умѣлъ образовать и возвызить ея таланты; другой, уроженецъ богатаго тенорами Бергама, усовершенствовалъ свой рѣдкій, случайный даръ, необыкновенное устройство, гибкость и силу горловыхъ органовъ, искусствомъ и ученіемъ. Послѣдній, невысокаго роста, тщедушный, съ лицемъ не безобразнымъ, но и не прекраснымъ, съ голосомъ обыкновеннымъ, создалъ всѣ свои таланты въ глубинѣ души своей, и привелъ ихъ въ дѣйство, руководствуясь наблюдательнымъ умомъ, здравымъ смысломъ и истиннымъ чувствомъ. Увидѣвъ его, вы увидите торжество истиннаго, самороднаго, самостоятельнаго генія. И къ тому прибавьте еще свойство и характеръ представляемыхъ лицъ. Таліони является волшебною сильфидою, дѣвою Дуная, романтическою хитаною; Рубини передаетъ намъ созданія Россини, Беллини, въ роляхъ героевъ великихъ или волнуемыхъ

сильною страстью. Буффе приводитъ въ умиленіе и восторгъ, представляя типографскаго ученика, въ блузѣ, въ фуражкѣ, сложенной изъ макулатурнаго листа! — Въ этой піесѣ отличается превосходною игрою другой артистъ, Лафонъ, въ роли бонапартовскаго генерала, нынѣшняго пера: живой портретъ характерныхъ оригиналовъ. — Теперь скажу о обозрѣніи — нѣтъ, послѣ Буффе и Лафона, какъ-то совѣстно говорить о фарсѣ. Упомяну о немъ въ концѣ моего письма, а теперь пройдемся въ академію.

Во Французской Академіи засѣдаютъ восемь историковъ, которыхъ мѣсто, кажется, было бы въ третьемъ классѣ Института (*). Нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ мѣста и въ томъ и въ другомъ классѣ. Мнѣ кажется это и безполезнымъ и стѣснительнымъ: если членъ одного класса Института заслуживаетъ мѣсто въ другомъ классѣ, можно наименовать его почетнымъ членомъ, сверхъ-комплектнымъ, и не занимать креселъ, которыя гораздо полезнѣе дать новому кандидату. Но таковъ здѣсь обычай: многіе члены засѣдаютъ въ двухъ классахъ, а еще бóльшее число достойныхъ людей не находитъ мѣста въ Институтѣ. Историки Французской Академіи суть осьмидесяти-двухлѣтній *Лакретель*, донынѣ называемый *младшимъ*, для отличія отъ старшаго его брата, умершаго въ 1824 году, одинъ изъ достойнѣйшихъ членовъ академіи. Онъ, сказываютъ, сохранилъ всю свѣ-

(*) Въ 1795 году, уничтоженныя во время революціи Академіи Франціи соединены были въ одно сословіе, Институтъ. Академія Наукъ составила первый классъ; Французская второй классъ; Историческая (бывшая Академія Надписей и Изящныхъ Искусствъ) третій классъ; Художествъ, четвертый классъ. Въ 1832 году учрежденъ пятый классъ, наукъ нравственныхъ и политическихъ.

жесть и любезность молодыхъ лѣтъ, и еще пишетъ нѣжные и замысловатые стишки. Изъ сочиненій его пользуются преимущественною славою: *Исторія религіозныхъ войнъ Франціи*, и *Исторія Франціи въ XVIII вѣкѣ*. Занимая мѣсто профессора въ Сорбоннѣ, онъ пріобрѣлъ уваженіе и довѣренность студентовъ безпристрастіемъ, и снисходительностію своею при экзаменахъ. Нѣкоторые профессоры терзаютъ испытуемыхъ самымъ безжалостнымъ образомъ.

Баронъ де Барантъ составилъ себѣ почетное имя своею *Исторіею Герцоговъ Бургундскихъ*, твореніемъ, имѣющимъ мало подобныхъ себѣ во Франціи и въ другихъ странахъ.

Гизо, авторъ *Курса Новой Исторіи, Исторіи Англійской Революціи* и *Опыта о Французской Революціи*, и *Вильменъ*, сочинитель *Исторіи Кромвеля* и *Исторіи Литературы Среднихъ Вѣковъ и Литературы Французской*, были въ свое время первостепенными профессорами въ Сорбоннѣ, и пріобѣли своими лекціями и сочиненіями прочную славу. Они пожертвовали ею тщеславію политическому: теперь они министры, живутъ въ великолѣпныхъ дворцахъ, ораторствуютъ въ палатахъ, участвуютъ въ дѣлахъ государственныхъ, даютъ блистательные обѣды, окружены толпою льстецовъ и хвалителей, но, конечно, съ удовольствіемъ и сожалѣніемъ вспоминаютъ о быломъ времени, когда обитали въ отдаленномъ Латинскомъ Кварталѣ, жили тихо и умѣренно, собирали вокругъ себя цвѣтъ образованнаго парижскаго общества, разливали свѣтъ наукъ и ума, и питались славою самою прочною и благодарною. Beatus ille qui forum vitat!

Тіеръ и *Миніе* описали Исторію Французской Революціи, первый подробно и обширно, послѣдній въ краткомъ,

но краснорѣчивомъ обзорѣ. Первый нѣсколько разъ былъ министромъ, и въ промежуткахъ занимается Исторіею Наполеона. Послѣдній, по возвышеніи друзей его въ 1830 году, отказался отъ предложенныхъ ему блистательныхъ государственныхъ должностей, и удовольствовался мѣстомъ хранителя архивовъ королевства, съ которымъ сопряжено огромное содержаніе. Я упоминалъ выше о новомъ его твореніи.

Сегюръ, авторъ *Исторіи похода* 1812 *года*, и *Исторіи Петра Великаго*, представляетъ въ Институтѣ военно-историческую литературу; онъ пользуется общимъ уваженіемъ.

Наконецъ, г. *Токвиль* (Toqueville), авторъ классической книги о Сѣверной Америкѣ, былъ уже членомъ пятаго класса Института, когда его, въ прошломъ году, приняли въ Академію Французскую. Онъ человѣкъ молодой, но писатель основательно ученый, умный и добросовѣстный.

Встарину Академія Французская искала подпоры и покровительства принятіемъ въ члены свои безграмотныхъ дюковъ и маркизовъ. Нынѣ принимаетъ она сановниковъ политическихъ, но, по распространеніи знаній и образованія, уже не безграмотныхъ. Къ числу политическихъ ея членовъ принадлежатъ Гг. *Пакіе*, *Сентъ-Олеръ*, *Сальванди*, *Моле* и *Дюпенъ*. Они люди не безъ дарованія, и нѣкоторые изъ нихъ отличились и въ литературѣ хорошими произведеніями, но если бъ не имѣли вѣсу въ политикѣ, академическія двери никогда не растворились бы предъ ними. Впрочемъ рѣчь г. Моле, произнесенная имъ при вступленіи въ академію, обратила на себя общее вниманіе красотою слога и важностью содержанія.

Теперь приступимъ къ исчисленію инвалидовъ академіи, членовъ, уже отжившихъ литературный вѣкъ свой, или еще вовсе не жившихъ. Аббатъ *Фелецъ*, нынѣ забытый публикою, человѣкъ ученый, умный и любезный, послѣдній представитель Французскаго Духовенства въ академіи. *Этіеннъ*, авторъ комедіи *Два зятя*, оперъ: *Жокондъ* и *Аладинъ*; *Бриффо* (Briffaut), творецъ поэмы *Розамонда* и трагедій: *Нинъ* и *Карлъ Наварскій*; *Жуи*, извѣстный нѣкогда своимъ *Антенскимъ Пустынникомъ* (въ самомъ дѣлѣ писалъ его г. Мерль), нынѣ заклятой врагъ новой школы; *Же* (Jay), издатель книгъ самыхъ посредственныхъ; *Дюпати*, отставной водевилистъ, нѣкогда веселый, живой, рѣзвый, теперь тяжелый, сварливый и неповоротливый; *Тиссо* (Tissot), издавшій встарину *Курсъ Поэзіи и Литературы*, и *Изученіе Виргилія*; *Лебрёнъ*, составившій себѣ имя переводомъ, или, лучше сказать, пародіею Шиллеровой *Маріи Стюартъ*; *Бауръ-Лорміанъ*, слабый перевочикъ Тасса и Оссіана, и наконецъ *Флуранъ* (Flourens), натуралистъ, занимающійся не Языкомъ Французскимъ, не литературою, а набивкою птичьихъ чучелъ, и его при выборѣ предпочли — Виктору Гюго! — Нѣкоторые изъ почтенныхъ старичковъ знамениты въ засѣданіяхъ академіи глубокимъ сномъ своимъ; только сонъ этотъ различный: Же, вступивъ въ залу располагается въ креслахъ своихъ какъ дома, прикрываетъ лобъ рукою, какъ будто размышляя, засыпаетъ тотчасъ, и пробуждается въ концѣ засѣданія отъ шума отодвигаемыхъ креселъ; Лебрёнъ дремлетъ тихо, никого не безпокоя; Бауръ-Лорміанъ храпитъ громко, но далеко не такъ какъ г. Тиссо, который, сномъ своимъ, безпокойнымъ и шумнымъ, приводитъ въ отчаяніе всю академію, а проснувшись, увѣряетъ, что не спалъ вовсе, непосредственно вмѣшивается

въ предметъ спора или бесѣды, и сердится, что его не понимаютъ и не хотятъ слушать.

Обыкновенныя миролюбивыя дѣйствія академіи теперь прерваны открытіемъ двухъ вакансій, смертію Гг. Кампенона и Делавиня. Начались рекомендаціи, происки, визиты. Журналисты чинятъ перья, чтобъ напасть на академію, если бъ выборъ ея не согласовался съ мнѣніемъ партіи, господствующей въ литературѣ.

Я писалъ вамъ о движеніи, волненіи, безпокойствѣ, въ которое приведенъ былъ Парижъ наступленіемъ Святокъ и приближеніемъ Новаго Года. Это треволненіе достигло высшей своей точки 31-го Декабря. Погода была сухая, свѣтлая, довольно теплая. Густыя толпы покрывали всѣ бульвары, тѣснились во всѣхъ пассажахъ, въ галереяхъ Пале-Рояля. Кстати о Пале-Роялѣ. Вы, конечно, удивляетесь что я, говоря о мѣстахъ забавъ, покупокъ и продажъ въ Парижѣ, ни разу не упоминалъ объ этомъ центрѣ здѣшней промышлености и наслажденій. Увы! Пале-Рояль существуетъ только зданіемъ, именемъ и прежними воспоминаніями. Волшебная его сила, очаровательное дѣйствіе на пріѣзжихъ, блескъ, слава — все исчезло подъ могучею рукою времени. Пале-Рояль теперь не иное что, какъ гостиный дворъ, съ прибавкою нѣсколькихъ ресторацій и кофейныхъ домовъ. Магазиновъ тридцать заняты продажею готоваго платья, какъ у насъ на толкучемъ рынкѣ; только что здѣсь сидѣльцы не кричатъ прохожимъ: «шинели, сюртуки, *пальто-саки* хорошіе!» — Предоставляя себѣ сказать объ этомъ подробно въ одномъ изъ слѣдующихъ моихъ писемъ, возвращаюсь къ описанію кануна Новаго Года. Всѣ магазины были блистательно освѣщены и наполнены народомъ, преимуще-

ственно книжныя и эстампныя лавки, кандитерскія и игрушечныя. На столахъ предъ книжными магазинами разложены были новыя иллюстрированныя изданія книгъ забавныхъ, учебныхъ, дѣтскихъ, путешествій и проч., въ великолѣпныхъ и красивыхъ переплетахъ. Окна и зеркальныя двери эстампныхъ магазиновъ завѣшены прекрасными гравюрами и литографіями. Въ кандитерскихъ разставлены были, въ живописной симметріи, изящные парижскіе конфекты, конечно первые въ свѣтѣ наружнымъ видомъ. Дѣтскія игрушки доведены здѣсь до удивительнаго совершенства, и взрослые люди забавляются ими съ удовольствіемъ. Кромѣ этихъ постоянныхъ магазиновъ, всѣ бульвары покрыты были подвижными выставками и столами со всякимъ товаромъ. «Покупайте, господа!» кричитъ мальчикъ въ разодранной блузѣ. «Пользуйтесь счастливымъ случаемъ! Завтра его не будетъ! Вотъ часы на цѣпочкѣ, по два су, то есть по десяти сантимовъ! А вотъ товары на выборъ, ящички краснаго дерева, зеркальцы, бокалы, — по десяти су! покупайте на подарки къ Новому Году!» Люди, скупые и разсчетливые во всякое иное время, развязываютъ теперь кошельки, прельщаются зрѣлищемъ товаровъ и возгласами продающихъ Одинъ несетъ кипу книгъ; другой занялъ обѣ руки свои ношею конфектовъ, и оглядывается, не тащатъ ли у него платка изъ кармана; третій несетъ полишинеля, дергаетъ его за веревочку и забавляется его прыжками. А маменьки, а тетеньки, а сестрицы! Это движеніе продолжалось и въ ночь; въ три часа по полуночи оно поутихло; въ пять часовъ вновь началась продажа. Купцы и магазинщики не имѣютъ времени считать денегъ и записывать продажу. А сколько у нихъ украдутъ! Полицейскіе сержаты то и дѣло отводятъ подъ арестъ покупщиковъ безденежныхъ,

или разсѣянныхъ, которые нечаянно опускаютъ въ свои карманы вещь, взятую ими невзначай, безъ всякаго худаго намѣренія!

Въ день Новаго Года, въ ясное и тихое утро, разлилась по улицамъ толпа поклонниковъ, искателей и поздравителей, кто въ мундирѣ національной гвардіи, кто въ новомъ сюртучкѣ; многіе съ цвѣточными букетами, съ корзинками конфектовъ. И лишь только эта толпа разсѣялась по всему городу, набѣжали тучи и пошелъ дождь! Всѣ наемные экипажи были заняты въ одну минуту. Бѣдные пѣшеходы, разфранченные по воскресному, скрылись въ пассажахъ, въ кофейняхъ, въ магазинахъ. Поддѣльные цвѣты, какъ сказалъ Крыловъ, боятся дождя: они измокли въ букетахъ; конфекты растаяли. Уличные магазины исчезли. — Посѣтивъ нѣкоторыхъ знакомыхъ (не Русскихъ, ибо мы не признаемъ и здѣсь 20-го Декабря 1843 первымъ числомъ Января 1844) въ Сенъ-Жерменскомъ Предмѣстіи, я, около четырехъ часовъ, возвращался домой, въ кабріолетѣ, по Карусельной Площади. Въ Тюльерійскомъ Дворцѣ лишь только кончился выходъ у Короля. Бѣдные офицеры, прибывшіе во дворецъ въ хорошую погоду пѣшкомъ, принуждены были, въ парадныхъ мундирахъ, возвращаться домой подъ дождемъ. Старики сердились, молодые смѣялись.

День Новаго Года есть главный и общій праздникъ въ Парижѣ. Въ этотъ день закрыты всѣ мастерскія, всѣ фабрики; не работаютъ и въ типографіяхъ: 2-го Января выходятъ въ свѣтъ не многіе только журналы. И послѣ перваго числа похмѣлье продолжается еще нѣсколько дней. Двѣ первыя недѣли Новаго Года (la quinzaine de Janvier), проводимыя людьми порядочными въ увеселеніяхъ семейнаго круга, а безпорядочными

въ трактирахъ и кофейняхъ, до того неблагопріятны театральнымъ преставленіямъ, что многіе драматическіе авторы не соглашаются въ это время давать новыхъ піесъ.

Газеты наполнены длинными рѣчами, произнесенными предъ Королемъ при поздравленіи его съ Новымъ Годомъ, отъ имени дипломатическаго корпуса, палатъ, разныхъ присутственныхъ мѣстъ, національной гвардіи, арміи и проч., и отвѣтами Короля. Всѣ сіи рѣчи и отвѣты заготовляются наканунѣ, не имѣютъ достоинства импровизаціи, но иногда заключаютъ въ себѣ выраженіе мнѣній и желаній различныхъ сословій, и потому обращаютъ на себя вниманіе журналовъ. Но всѣ эти толки, споры, мнѣнія вращаются въ кругу пустыхъ фразъ и мелочныхъ придирокъ. Что бы ни сказала одна партія, другая будетъ критиковать ее нещадно. Впрочемъ, нынѣ эти споры, пренія и раздоры ограничиваются предѣлами журналовъ, и не имѣютъ вліянія на публику, не тревожатъ, не волнуютъ ея. Всѣ наконецъ убѣдились, что эти рѣчи, разсужденія, замѣчанія, возраженія внушаются не собственнымъ мнѣніемъ или убѣжденіемъ писателя, а духомъ партіи, зависти, досады, и что тотъ самый человѣкъ, который теперь бранитъ министерство, получивъ мѣсто помощника столоначальника, сдѣлался бы ревностнымъ его защитникомъ. «Министры наши злодѣи, предатели народа,» значитъ въ переводѣ: «я просилъ мѣста при табачномъ или соляномъ акцизѣ, и мнѣ отказали.»

Третьяго дня, профессоръ Мишеле началъ курсъ Исторіи во Французскомъ Коллегіумѣ. Онъ проходитъ нынѣ событія XVII вѣка, и особенно старается выставить дѣйствія папъ и поборниковъ ихъ, іезуитовъ. «Утративъ отчасти гласную и явную власть свою надъ

умами и сердцами говоритъ Мишеле, они старались пробраться всюду потаенными путями; возникъ Римъ подземный. Говорятъ что римскія катакомбы идутъ до Остіи. Я полагаю, что онѣ идутъ до Альповъ, за Альпы, до Вѣны, до Мюнхена, до Парижа, до нашего пепелища. — Въ семнадцатомъ вѣкѣ появился легіонъ *директоровъ совѣсти*, разнообразныхъ до безконечности, смотря по характерамъ и надобностямъ людей. Составились новые ордена, именно для этой цѣли: одни снисходительные и легкіе; другіе умствующіе и строгіе. Проявилась удивительная дѣятельность, и Римская Церковь, желая умножить число своихъ послѣдовалей, смягчила въ сіе время нѣкоторыя изъ своихъ старинныхъ строгихъ правилъ, сократила или и вовсе отмѣнила разные духовные обряды, уменьшила посты, облегчила уставы монастырскіе, и прекратила умерщвленіе плоти, господствовавшее въ Средніе Вѣки.» Предвидимъ новую бурю противъ профессоровъ со стороны іезуитовъ! Ежедневно появляются книжки и статьи противъ университета и его членовъ, отличающіяся нетерпимостью и изувѣрствомъ. Вся Франція въ ожиданіи, что сдѣлаютъ правительство и палаты въ семъ отношеніи. Лица, участвующія въ борьбѣ своими выгодами и тщеславіемъ, ждутъ этого рѣшенія съ нетерпѣніемъ, страхомъ и надеждою. Но бóльшая часть публики, по крайней мѣрѣ, въ Парижѣ, смотритъ на эту борьбу, какъ на любопытное зрѣлище, и ждетъ ея развязки, какъ ждетъ пятаго акта въ трагедіи: мое-де дѣло сторона.

Изъ новыхъ театральныхъ піесъ достойна большаго вниманія трагедія: *Андрей Шеніе*, представляемая въ Одеонѣ. Она сочинена г. Даліеромъ (Dallières), учителемъ Латинскаго Языка въ одномъ провинціяльномъ городѣ, и есть первый плодъ его поэтическаго вдохно-

венія. Извѣстна бѣдственная судьба Андрея Шеніе, одного изъ даровитѣйшихъ поэтовъ Франціи. Отецъ его былъ французскимъ генеральнымъ консуломъ въ Константинополѣ; мать Гречанка. Блистательныя его дарованія рано обратили на него вниманіе литераторовъ и любителей словесности, но въ тѣ бурныя времена, когда робкія музы укрывались отъ кровожадныхъ палачей Робеспіеровыхъ, тихіе звуки лиры и флейты заглушались криками разъяренныхъ фурій. Братъ его, Марія Іосифъ, писалъ республиканскія трагедіи; кроткій и праводушный Андрей хотѣлъ служить человѣчеству и правдѣ: онъ написалъ оду Шарлоттѣ Корде, умертвившей изверга Марата, и просилъ позволенія защищать предъ судомъ Лудовика XVI; онъ, по просьбѣ Мальзерба, написалъ воззваніе къ народу, отъ имени несчастнаго Короля, противъ беззаконнаго приговора Конвента. Могъ ли онъ, послѣ этого, избѣжать преслѣдованій и казни! Его схватили въ Пасси, заключили въ тюрьму, и казнили 7-го термидора (25-го Іюля 1794), за два дня до паденія Робеспіера. Еще два дня — и поэтъ остался бы въ живыхъ. Въ темницѣ онъ писалъ стихи: разилъ бѣшенныхъ якобинцевъ стрѣлами Ювенала, и пѣлъ прекрасную, юную плѣнницу, заключенную въ той же темницѣ, Юлію де Куаньи.

Трагикъ представилъ Шеніе въ темницѣ, предъ казнію. Съ нимъ вмѣстѣ заключены храбрый генералъ Гошъ и госпожа де Куаньи. Является братъ его, Марія Іосифъ, употребляющій всѣ средства въ Конвентѣ, гдѣ засѣдаютъ многіе друзья его, чтобъ спасти несчастнаго. Отецъ ихъ врывается въ темницу, и обвиняетъ младшаго брата въ равнодушіи и эгоисмѣ. Наконецъ исполнители казни увлекаютъ Андрея Шеніе на плаху. Въ минуту его казни, умираетъ воспѣтая имъ подруга

послѣднихъ дней его. — Эта піеса собственно не трагедія, потому что въ ней нѣтъ ни дѣйствія, ни завязки: съ перваго явленія видѣнъ конецъ ея, но это прекрасная, трогательная элегія, написанная изящными стихами. Всѣ критики, наперерывъ отдаютъ справедливость молодому автору, и изъявляютъ ожиданіе, что онъ не остановится на поприщѣ

По обѣщанію моему, долженъ я сказать нѣсколько словъ о Обозрѣніи 1843 года на Театрѣ des Variétés. Оно называется Кометою, въ насмѣшку надъ членами обсерваторіи парижской, которые не замѣтили въ истекшемъ году кометы, появившейся на небѣ, и узнали о существованіи ея отъ бульварныхъ зѣвакъ. Наскучившій парижскою жизнію, нѣкто Пенсе (Pinsé) отправляется на новоизобрѣтенномъ воздушномъ шарѣ въ комету, и находитъ тамъ міръ самый странный: люди тамъ родятся и растутъ на деревьяхъ, какъ еловыя шишки; зелень огородную удятъ въ рѣкѣ; дыни летаютъ по воздуху; ихъ стрѣляютъ какъ куропатокъ. Тамъ являются всякіе парижскіе уроды: между прочимъ огромныя сигарки, изгоняемыя исполинскою трубкою; олицетвореніе всѣхъ театровъ; насмѣшки надъ малолѣтнымъ Сидомъ, надъ объявленіями Ансело; наконецъ китайскія тѣни, въ которыхъ преставляются сцены изъ *Парижскихъ Тайнъ* съ колкими замѣчаніями. Забавно, смѣшно, но пусто и не прочно.

Вчера Лаблашъ снова вышелъ на сцену въ Донъ-Паскуалѣ, Донидзетти. Публика приняла его съ восторгомъ, и тронула благороднаго артиста до слезъ.

Въ газетахъ напечатано исчисленіе новыхъ піесъ, сыгранныхъ въ теченіе прошедшаго года на парижскихъ театрахъ: 4 пантомимные балета, 5 трагедій, 14 оперъ, 28 комедій, 54 драмы и 178 водевилей. Всего 258

піесъ, 179 писателей (въ томъ числѣ три дамы) и 13 композиторовъ. Болѣе всѣхъ написалъ Скрибъ: только пять піесъ, но въ нихъ семнадцать актовъ. Послѣ его молодой авторъ Клервиль: онъ поставилъ пятнадцать піесъ, бо̀льшею частію одноактныхъ; *поставилъ*, говорю, а не написалъ. Какъ такъ? А вотъ какъ. На дняхъ прогуливался я по бульвару и по Улицѣ Монмартрской, съ пріятелемъ моимъ, драматическимъ писателемъ *О.* Онъ просилъ меня зайти съ нимъ въ кофейню, гдѣ онъ надѣялся найти своего знакомца, всегдашняго ея посѣтителя (habitué). И мы нашли его тамъ дѣйствительно. За столикомъ сидѣлъ высокій дородный человѣкъ, пріятнаго вида, съ выраженіемъ душевнаго спокойствія на лицѣ, курилъ трубку и попивалъ пиво. *О.*, поговоривъ съ нимъ, вышелъ со мною изъ кофейни, и сказалъ: «Этотъ господинъ служитъ столоначальникомъ въ одномъ министерствѣ; вечера проводитъ въ кофейнѣ, размышляя о томъ, что будетъ писать завтра, а поутру, въ департаментѣ, на казенной бумагѣ, казенными перьями, пишетъ водевили, составленные имъ въ умѣ наканунѣ. Не дорожа авторскою извѣстностью, онъ отдаетъ свои піесы на театръ подъ именемъ молодаго артиста Клервиля.» Его піесы дѣйствительно замысловаты и забавны.

XXIV.

1/13 Января 1844.

Волненіе, произведенное Новымъ Годомъ, примѣтно утихаетъ. Оно уменьшилось и отъ ненастной погоды: облачное небо, дождь съ мокрымъ снѣгомъ, грязь—вотъ

нынѣшняя зима. Холодовъ еще вовсе не бывало. Парижане грозятся Февралемъ и Мартомъ. Увидимъ, померзнемъ.

Наступаетъ время карнавала, который, по раннему времени Пасхи (26-го Марта ст. ст.), будетъ очень коротокъ. Начинаются балы, частные и публичные. Въ прошедшій понедѣльникъ былъ я на прекрасномъ балѣ у Князя П. И. Т. Въ комнатахъ, изящно убранныхъ, блистательно освѣщенныхъ, толпился цвѣтъ парижскаго общества. Угощеніе было вкусное и роскошное. Бальная музыка превосходная. Дамы одѣты изящно, мило, нѣкоторыя богато и великолѣпно. «Какъ вамъ нравится парижскій балъ?» спросилъ у меня одинъ землякъ. — «Очень нравится, отвѣчалъ я: онъ напоминаетъ мнѣ Петербургъ: всѣ говорятъ по-французски. Изрѣдка только слышишь Русскій Языкъ.» По, правду сказать, мнѣ наши балы нравятся больше: комнаты у насъ несравненно просторнѣе; кавалеры гораздо блистательнѣе: прекрасные наши гвардейскіе мундиры, *вылитые* на статныхъ молодыхъ людяхъ, придаютъ нашимъ собраніямъ блескъ необыкновенный; здѣсь же толпятся одни черные фраки — точно мухи на тарелкѣ съ мухоморомъ. Всѣ въ черныхъ галстукахъ. И дамы и дѣвицы наши — но лучше умолчу, и глубокимъ вздохомъ выражу благодарное воспоминаніе о тѣхъ собраніяхъ, въ которыхъ бывалъ прошедшею зимою. Меня интересовали нѣкоторые гости, въ особенности бывшій министръ Тіеръ, невысокаго роста, черноволосый съ просѣдью, необыкновенно живой и поворотливый. Глаза у него черные, преумные; улыбка насмѣшливая. Лицемъ онъ не красавецъ, не имѣетъ того выраженія глубокомыслія и геніяльности, которымъ блистаетъ ликъ совмѣстника его, Гизо; но онъ отнюдь не таковъ, какимъ изображаютъ

его *нѣкоторые* живописцы и граверы, вѣроятно, нанимаемые оппозиціею. Вообще, онъ похожъ на умнаго, смѣтливаго чиновника 7-го или 6-го класса, изъ Малороссіянъ. — Здѣсь же встрѣтилъ я добраго, любезнаго Виконта д'Арленкура, нашего недавняго гостя, вспоминающаго о Россіи съ любовію, уваженіемъ и благодарностію.

У Гораса Верпета бываю по субботамъ, ввечеру; у него собирается хорошее общество — артистовъ, ученыхъ, литераторовъ. Молодыхъ русскихъ художниковъ принимаетъ онъ ласково и радушно. Нѣкоторые изъ нихъ работаютъ у него въ мастерской, подъ личнымъ его руководствомъ. Горасъ Вернетъ кончилъ прекрасную картину въ *русскихъ нравахъ*: онъ изобразилъ самого себя, на зимней своей поѣздкѣ въ Кронштадтъ: лихая тройка мчитъ его по снѣжной равнинѣ — живо, прекрасно! Картина сія отправляется имъ въ Петербургъ. Теперь пишетъ онъ опъ большую картину Юдиѳь. Я восхищался, въ его гостиной, несравненнымъ портретомъ одного Маронита. Это геніяльное твореніе произвело въ душѣ моей какое-то невыразимое умиленіе несказанною своею истиною, изяществомъ, чѣмъ-то такимъ, чего высказать нельзя. Знатокъ, художникъ нашелъ бы для этого надлежащее выраженіе: я его не знаю. — Въ мастерской своей Вернетъ показывалъ мнѣ съ восхищеніемъ и справедливою гордостью драгоцѣнную фарфоровую вазу, пожалованную ему Государемъ. — Вездѣ видны у него слѣды пребыванія въ Россіи: въ передней, предъ мастерскою, сани; внизу, подъ навѣсомъ, дрожки: кучеръ Татаринъ проваживаетъ по двору лихихъ коней. На улицахъ Парижа, Вернетъ, экипажемъ своимъ, обра-

щаетъ на себя общее, любопытное вниманіе (*). — Въ домѣ своемъ онъ любезенъ и привѣтливъ. Супруга его, милая, ласковая, по лѣтамъ ему ровесница. Онъ женился на ней очень рано, и донынѣ любитъ ее, какъ невѣсту. Къ сожалѣнію моему, не могъ я познакомиться съ зятемъ его, Поль де-ла-Рошемъ: онъ уѣхалъ на зиму въ Римъ. Надъ каминомъ гостиной Верцета виситъ написанный имъ самимъ портретъ его дочери, госпожи де-ла-Рошъ. Другой пріятный вечеръ провелъ я у Маркиза Алфреда Монтебелло, втораго сына знаменитаго наполеоновскаго маршала Ланна, убитаго при Асмернѣ, въ 1809 году. Старшій сынъ его, наслѣдовавшій достоинство герцога, находится теперь французскимъ посланникомъ въ Неаполѣ. Младшій, Густавъ, служитъ подполковникомъ въ одномъ уланскомъ полку, человѣкъ благороднаго вида, съ воинскою осанкою, добродушный и привѣтливый. Средній, Алфредъ, отвѣдалъ было счастья на политическомъ поприщѣ, былъ одинъ годъ депутатомъ, но, не поладивъ ни съ которою партіею, оставилъ свое званіе, и занялся сельскимъ хозяйствомъ, преимущественно виподѣліемъ. Онъ купилъ у нынѣшняго Короля, когда онъ былъ еще Герцогомъ Орлеанскимъ, обширныя помѣстья въ Шампани, прожилъ тамъ безвыѣздно нѣсколько лѣтъ сряду, и довелъ у себя добываніе и приготовленіе вина до высокой степени совершенства: шампанское Монтебелло считаютъ теперь однимъ изъ лучшихъ винъ этого края, и, вѣроятно, оно вско-

(*) Когда онъ пріѣхалъ ко мнѣ, и экипажъ его остановился на улицѣ, собралась вокругъ него густая толпа. Одинъ Французъ, видно ученѣе прочихъ, увѣрялъ всѣхъ, что это экипажъ новаго изобрѣтенія, patenté.

рѣ вытѣснитъ всѣ прочія. Его продается въ годъ до осьмисотъ тысячъ бутылокъ! Маркизъ, симъ способомъ, поправилъ состояніе всей своей фамиліи, и помогаетъ старшему брату своему поддерживать достоинство посланника. И это дѣлаетъ онъ явно, гласно, не находя въ томъ, какъ оно и есть, ничего унизительнаго: «Братъ мой герцогъ и посланникъ, говоритъ онъ, а я винопродавецъ (marchand de vin).» Но этотъ винопродавецъ живетъ въ прекрасномъ отелѣ улицы Лафита, между Ротшильдомъ и Лафитомъ, собираетъ у себя лучшее общество, и пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Въ обращеніи своемъ онъ добръ, ласковъ и простъ. Супруга его, племянница Казимира Перрье, дама умная, образованная, почтенная. Однажды въ ихъ гостиной, переговоривъ со всѣми, кого я зналъ, сѣлъ я на диванъ, и сталъ разсматривать гравюры новой иллюстрированной книги. Маркиза подошла ко мнѣ, и разговорилась о нынѣшней парижской жизни. «Наши гостиныя, сказала она между прочимъ, принадлежатъ исторіи: онѣ исчезли въ послѣднее время совершенно. Бесѣда (la causerie), даръ разсказа (de la narration), все это миновало. Видите ли, тамъ на диванѣ сидятъ нѣсколько прекрасныхъ, образованныхъ дѣвицъ: онѣ перешептываются между собою. А гдѣ молодые люди? что жъ они не подойдутъ къ нимъ, какъ встарину бывало? что жъ они не бесѣдуютъ съ этими милыми дамами? До того ли имъ! Они забрались въ гостиную моего дѣверя, улана, и курятъ сигарки! — Старики были бы гораздо любезнѣе ихъ, если бъ вистъ, биржа и политика не отнимали у нихъ всего времени. Право, прежде сего мы умѣли лучше пользоваться жизнію и ея благами, имѣли больше средствъ нравиться иностранцамъ и принимать ихъ.»

Эти жалобы слышу я повсюду. Высшее общество становится болѣе и болѣе холоднымъ, негостепріимнымъ, брюзгливымъ. За то въ среднемъ состояніи водворяется непомѣрная роскошь. Прежде сего, люди этого званія видѣли первенство надъ собою дворянства, воинской и банкирской аристократіи. Теперь все это смѣшалось: въ національной гвардіи, напримѣръ, служатъ и герцогъ, и его сапожникъ, и нерѣдко этотъ сапожникъ въ полдень разводитъ на часы знатныхъ людей, съ которыхъ поутру снималъ мѣрку. Деньги и однѣ деньги составляютъ нынѣ мѣрило достоинствъ, и доказательство богатства, роскошь, есть наружное проявленіе сихъ достоинствъ. Роскошь эта питаетъ сословія артистовъ, купцевъ и ремесленниковъ, но разоряетъ многихъ, по крайней мѣрѣ, разстроиваетъ имущества; дѣти, вмѣсто денегъ, наслѣдуютъ ветхія мебели и подержанные экипажи. — Низшее сословіе ремесленниковъ и работниковъ, въ послѣднее время, какъ я слышалъ, чувствительно облагородилось и возвысилось понятіями и образомъ жизни. Типографскіе наборщики, напримѣръ, извѣстные и славные изстари невоздержаніемъ и буйствомъ, нынѣ стараются отличаться трезвостью, благонравіемъ, позволительными и пристойными удовольствіями. Они не посѣщаютъ винныхъ погребовъ и грязныхъ трактировъ; одѣваясь опрятно и по модѣ, они проводятъ время въ кофейныхъ домахъ за чтеніемъ журналовъ, и ходятъ въ театры. Пьяницѣ нѣтъ мѣста въ типографіи: всѣ имъ гнушаются, и всячески стараются его выжить. Такая же перемѣна, говорятъ, произошла и въ другихъ ремеслахъ. Любопытно слѣдить за измѣненіями нравовъ и обычаевъ въ народѣ: смотрѣть, какъ одно сословіе поднимается, другое падаетъ въ отношеніи нравственномъ

имущество, состоявшее и въ деньгахъ и въ помѣстьяхъ и въ большомъ количествѣ душъ и въ дорогихъ металлическихъ украшеніяхъ и въ посудѣ. Предки наши, благодаря умѣренности ихъ и трудолюбію, также незатѣйливой, постоянной формѣ, были крѣпки и здоровы; самый сѣверный климатъ, навыкъ къ холоду и движенію много споспѣшествовали ихъ здоровью и долголѣтію (теперь примѣры долголѣтія очень рѣдки): женщины цвѣли красотою и въ то время; здоровье рѣзко отпечатывалось на ихъ щекахъ румянцемъ: и въ пѣсняхъ Русскихъ онѣ назывались: *красны* дѣвицы; только онѣ очень портили свои лица прихотливымъ натираніемъ: бѣлилами и румянами; обыкновеніе это, къ несчастію, осталось наслѣдственнымъ, и въ наши времена, особенно въ купечествѣ и мѣщанствѣ, женщины съ излишествомъ употребляютъ вредныя для своихъ лицъ притиранья и преждевременно губятъ свою природную красоту.

Еще надобно сознаться, что предки наши—мужчины имѣли не лучшее обыкновеніе, вредящее ихъ здоровью и даже доброму имени: многіе изъ нихъ придерживались крѣпкихъ напитковъ: *вино веселитъ сердце Русскаго человѣка!* сказалъ Князь Владиміръ; но ни онъ, и никто изъ здравомыслящихъ людей не подразумѣвалъ неумѣреннаго употребленія вина; это губительное зло умаляло и долголѣтіе нашихъ предковъ и производило въ душахъ ихъ нравственное зло; въ иныхъ семействахъ и женщины предавались этому неистовому влеченію. Почему бы имъ не брать примѣра съ побѣдителей своихъ Татаръ, которымъ законъ Магомета воспрещалъ подобную страсть! Но они презирали Татаръ и всѣ ихъ обычаи.

ко находила актрисъ, которыя были бы способны играть главную въ ней роль. Рашель отважилась на этотъ трудный шагъ, вызвала трагедію изъ полувѣковаго забвенія, и — раскаялась. Пламенная, страстная Федра не умѣстилась въ тихомъ, безмолвно страждущемъ, безнадежномъ сердцѣ Вереники. Одинъ критикъ (Евгеній Пеллетанъ) справедливо и прекрасно сказалъ о ней: «Госпожа Рашель подверглась жестокому испытанію: наша неумолимая, сильная, гордая Герміона рѣшилась представить лице нѣжное, чувствительное, меланхолическое. Она явилась въ азіятской прическѣ Клеопатры; волосы ея вились черными кольцами; прекраснѣе быть не можно. Въ счастливыхъ движеніяхъ души, на лицѣ госпожи Рашель проявляется какой-то кроткій блескъ: кажется, надежда пролила на нее священный свой елей, и оно говоритъ таинственнымъ свѣтомъ. Отъ этого яснаго, радостнаго выраженія великая артистка переходитъ, съ удивительнымъ искусствомъ, къ проявленію горести и слезъ; уста ея разверзаются вполовину; чело покрывается морщинами; глаза закатываются; рука трепещетъ на груди; голосъ понижается до глухихъ нотъ, выражающихъ глубокую страсть. Такова она въ другихъ своихъ созданіяхъ. Но намъ кажется, что въ этой роли, госпожа Рашель выражаетъ болѣе лихорадку, нежели унынiе горести. Голосъ ея прерывчивъ, движенія рѣзки. Не слышишь той торжественной, тихой жалобы, той невыразимой жалобы, которая стонетъ, какъ вѣтеръ осенній, перелетающій съ дерева на дерево, срывая съ нихъ увядшіе листья на поблеклую траву!»

Драма Александра Дюма, le Laird de Dumbicky, освистанная въ первое представленіе, потомъ понравилась публикѣ. Мнѣнія о ней различны: въ Revue de Paris ее хвалятъ, въ Revue indépendante унижаютъ до антиподовъ.

Я не видалъ ся, и не могу сказать о ней ничего своего; въ журналахъ же толку не добьюсь. Возгарается жестокая война между Жюль-Жаненомъ и защитниками Марін Іосифа Шеніе. Ж. Жаненъ уничтожилъ въ фельетонѣ Journal des Débats трагедію его, *Тиберій.* Журналы противной партіи превознесли ее до облаковъ, и одинъ критикъ, Феликсъ Піатъ (Piat), явно выступилъ противъ *принца критиковъ,* какъ Ж. Ж. самъ себя называетъ. Онъ помѣстилъ жесточайшую на него брань въ журналѣ la Réforme, но какъ этотъ журналъ расходится не въ большомъ числѣ экземпляровъ, онъ напечаталъ ее особо: ее продаютъ на улицахъ по три су. Піатъ не удовольствовался опроверженіемъ мнѣній и сужденій Жанена: онъ напалъ на личный его характеръ, и раскрылъ всю литературную и частную жизнь его. — Въ отвѣтъ на эту брань появился листокъ, безъ подписи Жанена, но отъ лица его, написанный извѣстнымъ его слогомъ. Въ началѣ старается онъ представить своего противника смѣшнымъ и жалкимъ, упоминая, между прочимъ, что его статья продается по цѣнѣ билета на засѣданіе въ извѣстныхъ кабинетахъ, но потомъ переходитъ въ чувствительность, вспоминаетъ о прежней своей съ нимъ дружбѣ (причемъ мы узнаемъ, что ужасная и отвратительная глава: Дѣти Сеяна, въ Жаненовомъ романѣ *Барнавъ,* написана Піатомъ), и заключаетъ рѣшительнымъ отзывомъ, что конечно не Піатъ написалъ эту статью, а кто нибудь другой употребилъ во зло его имя. Между тѣмъ полагаютъ нѣкоторые, что не критика Піата, а эта отповѣдь поддѣльная. Жаненъ подалъ на него жалобу въ Судъ Исправительной Полиціи за оскорбленіе личной его чести. Посмотримъ, позабавимся и опишемъ. Впрочемъ, это дѣло не литературное: въ немъ главнымъ движителемъ духъ

партій: Жаненъ пишетъ фельетоны журнала министерскаго, а Піатъ принадлежитъ къ оппозиціи. Жаненъ дерзнулъ явно возстать на поэта революціи — и довольно.

Сегодня ($^3/_{15}$ Января) происходитъ открытіе монумента Моліеру. Онъ воздвигнутъ на остромъ углу улицы Траверсіеръ, входящей въ улицу Ришелье, неподалеку отъ того дома, въ которомъ Моліеръ умеръ. На огромномъ піедесталѣ возвышается бронзовая его статуя; внизу двѣ музы, серіозная и комическая. У подножія бьетъ фонтанъ. Открытіе послѣдуетъ торжественнымъ образомъ, въ присутствіи городскихъ начальствъ, Института, актеровъ Французскаго Театра. По тѣснотѣ мѣста, могутъ быть допущены лишь немногіе посторонніе зрители. По этому я и не попытаюсь туда пробраться, тѣмъ болѣе, что господа студенты медицины и правовѣдѣнія изъявили желаніе удостоить торжество своимъ присутствіемъ, слѣдственно, очень вѣроятно, что не обойдется безъ драки съ полиціею. Окна сосѣдственныхъ домовъ отдаются на нынѣшнее утро по сту и по двѣсти франковъ. Вечеромъ сегодня даютъ лучшія комедіи Моліера на обоихъ главныхъ театрахъ, Французскомъ и Одеонѣ.

Приписка, вечеромъ въ восемь часовъ. Торжество открытія Моліерова памятника кончилось благополучно. Съ утра отряды линѣйныхъ войскъ и конной городской стражи заняли всѣ проходы, ведущіе въ улицу Ришелье. Особы, приглашенныя къ торжеству, съѣхались на дворѣ Пале-Рояля, и оттуда прошли процессіею къ памятнику. Торжество началось въ первомъ часу. По снятіи завѣсы, произнесены были рѣчи Сенскимъ Префектомъ Графомъ Рамбюто, г. Этіенемъ отъ имени Французской Академіи, артистомъ Сансономъ отъ име-

ни Французскаго Театра, и г. Араго отъ имени коммиссіи подписчиковъ на сооруженіе монумента. Г. префектъ вложилъ въ подножіе монумента медаль, выбитую въ честь Моліера, полное собраніе его сочиненій и его біографію. Засимъ префектъ поднесъ лавровый вѣнокъ, который былъ надѣтъ на голову статуи. Другіе вѣнки поднесены были: Г. Этіенемъ отъ Академіи Французской; Миніе отъ Академіи Нравственныхъ и Политическихъ наукъ; Галеви отъ Академіи Изящныхъ Искусствъ; Араго отъ коммиссіи подписчиковъ; Тейлоромъ отъ сословія драматическихъ артистовъ; Віенне отъ общества драматическихъ писателей; Ліадіеромъ отъ общества литераторовъ, и Сансономъ отъ общиковъ Французскаго Театра. Питомцы музъ собрались было густою толпою, но не могли пробиться сквозь войска, пошумѣли и отправились въ свою сторону. Тамъ вошли они въ фойе Одеона, и актеръ Монрозъ прочелъ предъ ними приличное сему случаю стихотвореніе. Они разошлись съ восклицаніями: «Да здравствуетъ (vive) Моліеръ!» Благопристойности ничто не нарушало. — Я пришелъ туда часа въ три. Множество народа смотрѣло на памятникъ. Дамы подъѣзжали въ экипажахъ. Памятникъ, въ самомъ дѣлѣ, прекрасный и благородный. Поэтъ представленъ сидящимъ въ креслахъ. На лицѣ его изображено глубокомысліе; въ лѣвой рукѣ держитъ онъ книгу, въ правой грифель. Подъ статуею надпись:

A Molière
né à Paris, le 15 Janvier 1622
mort à Paris, le 17 Février 1673
Souscription nationale.

Домъ, въ которомъ умеръ Моліеръ, No 34-й въ улицѣ

Ришелье, прямо противъ памятника, украшенъ былъ богатыми фестонами малиноваго бархата съ золотымъ галуномъ.

XXV.

$^{8}/_{20}$ Января.

Въ предъидущемъ письмѣ моемъ обѣщалъ я сообщить вамъ описаніе здѣшней Музыкальной Консерваторіи. Исполняю слово.

Консерваторіями (conservatorio) называются въ Италіи большія публичныя музыкальныя школы, имѣющія цѣлію поддержаніе и распространеніе музыкальнаго искусства во всей его чистотѣ. Польза ихъ несомнѣнна и неоспорима. Въ художествахъ, дѣйствующихъ произведеніями своими на зрѣніе, есть вѣковые памятники, передающіе труды генія и вкуса позднѣйшему потомству, во всемъ ихъ величіи, во всей чистотѣ. Въ области же искусствъ, дѣйствующихъ на слухъ, выраженіе геніяльнаго артиста, воздушное, улетающее, неуловимое, исчезаетъ вмѣстѣ съ производителемъ, и искусство, по крайней мѣрѣ въ исполненіи своемъ, сохраняется и переходитъ въ потомство однимъ преданіемъ. По сей причинѣ, музыка, драматическое пѣніе и драматическая декламація имѣютъ надобность въ такихъ учрежденіяхъ, которыя бы въ точности сохраняли и передавали потомству ихъ произведенія и исполненіе. Вотъ назначеніе и цѣль консерваторій!

Первыя консерваторіи учреждены были въ Италіи, при содѣйствіи Школы Фландрской, или Бельгійской. Въ концѣ IV вѣка, Св. Амвросій, Епископъ Медіоланскій, учредивъ школу церковнаго пѣнія, принималъ въ нее дѣтей, одаренныхъ хорошимъ голосомъ. Папа Левъ Святой распространилъ, въ слѣдующемъ вѣкѣ, обученіе пѣнію по всѣмъ странамъ христіанскимъ. Консерваторіи были въ началѣ своемъ богоугодными заведеніями: богачи и вельможи учреждали ихъ на свой счетъ, для призрѣнія дѣтей бѣдныхъ, сиротъ и подкидышей. Достаточные ученики принимались пенсіонерами. Изъ сихъ-то разсадниковъ вышли италіянскіе пѣвцы и композиторы, прославившіеся во всей Европѣ. Въ Неаполѣ учреждены были консерваторіи для мальчиковъ, въ Венеціи для дѣвочекъ. Въ Римѣ не было консерваторій: вѣроятно, что варварскій обычай образованія кастратовъ тому препятствовалъ. Въ Миланѣ учреждена консерваторія во время французскаго тамъ владычества.

Въ XVIII вѣкѣ были въ Неаполѣ четыре консерваторіи: Св. Онуфрія, знаменитѣйшая изъ всѣхъ, числомъ и славою своихъ профессоровъ: въ ней образовались Дуранте, Пиччини, Саккини, Паизіелло; Св. Маріи Лореттской, изъ которой вышли Гуліельми и Чимароза; La Pietà, давшая образованіе Траэттѣ и Фердинанду Перу, и, наконецъ, Консерваторія: I poveri di Gesu Christo, въ которой учился Перголезе. Въ первыхъ двухъ было по двѣсти воспитанниковъ, въ послѣднихъ по сту. Дѣтей принимали отъ восьми до десяти лѣтъ, и содержали въ теченіе восьми лѣтъ. Въ случаѣ неспособности или неуспѣховъ, ихъ исключали, для замѣщенія другими. Они ходили въ голубыхъ и бѣлыхъ полукафтаньяхъ, и пѣли въ церквахъ. Въ самыхъ заведеніяхъ даваемы были концерты, ораторіи и оперы, сочиненныя воспитан-

никами. По окончаніи образованія, ихъ выпускали: кто опредѣлялся въ церковные пѣвчіе, кто шелъ на театръ, кто оставался въ консерваторіи. Въ каждомъ заведеніи было по два профессора: одинъ училъ композиціи, другой пѣнію. Этихъ учителей было достаточно: они наблюдали родъ методы взаимнаго обученія. Учители музыки инструментальной нанимаемы были со стороны. — Эти заведенія уже не существуютъ. Мюратъ, въ управленіе свое Неаполемъ, возстановилъ ихъ подъ наименованіемъ Королевской Музыкальной Академіи, и помѣстилъ въ просторномъ зданіи бывшаго женскаго Монастыря Св. Севастіана. Марчелло, Перрини, Бонифондъ и Цингарелли были, одинъ за другимъ, директорами сего заведенія: послѣдній былъ назначенъ самимъ Наполеономъ. Знаменитый Крешентини былъ въ немъ профессоромъ. Изъ этой школы вышли Беллини, Меркаданте и Лаблашъ. Обученіе молодыхъ людей не ограничивалось музыкою: они получали основательное ученое и литературное образованіе. Въ 1809 году было въ сей консерваторіи 411 учениковъ, въ томъ числѣ 90 на казенномъ содержаніи. Въ 1818 году, зданіе консерваторіи отдано было іезуитамъ, и заведеніе переведено въ другое мѣсто: съ тѣхъ поръ оно начало примѣтно упадать.

Въ Венеціи были также четыре консерваторіи: въ Ospedale della Pietà былъ капельмейстеромъ Сарти; госпожа Сирменъ, пѣвица, виртуозка на скрипкѣ и сочинительница, получила образованіе въ Консерваторіи le Mendicanti. Славная пѣвица Агуджари воспитана въ заведеніи Incurabili. Саккини былъ учителемъ въ Ospedaletto di San Giovanni e Paolo. Воспитанницы оставались въ заведеніи обыкновенно до замужства. Наблюденіе за нравственностью воспитанницъ было самое строгое.

Мужчинъ не допускали къ участію въ концертахъ: на всѣхъ инструментахъ, и духовыхъ и струнныхъ, играли женщины. Жалко, говорятъ, было смотрѣть, какъ нѣжныя ручки, розовые пальчики утомлялись тромбономъ и контрабасомъ! Венеціянскія консерваторіи рушились съ уничтоженіемъ республики.

Въ 1808 году, Вице-Король Италійскій, Принцъ Евгеній, учредилъ консерваторію въ Миланѣ, подъ надзоромъ капельмейстера Азіоли. Сіе заведеніе процвѣтаетъ понынѣ. Сверхъ того есть консерваторіи музыки въ Вѣнѣ, въ Прагѣ (гдѣ образовалась Графиня Росси), въ Брюсселѣ и въ Люттихѣ.

Во Франціи первое училище музыки учреждено было, стараніями министра Барона де Бретейля, въ 1784 году. Оно помѣщалось въ зданіи des Menus-Plaisirs, въ улицѣ Бержеръ, и находилось подъ вѣдѣніемъ Госсека. Въ 1786 году присоединенъ былъ къ нему классъ декламаціи, и оно названо было Королевскимъ Училищемъ Пѣнія и Декламаціи: однимъ изъ первыхъ учениковъ его былъ Тальма.

Въ 1789 году, съ началомъ революціи, закрыто было сіе училище, наравнѣ со многими другими общеполезными заведеніями прежнихъ временъ. Въ 1792 году учреждено было училище для образованія полковыхъ музыкантовъ, и вскорѣ прославилось во Франціи, но этого было недостаточно. Въ 1795 году, по проекту Шеніе, учреждена была *Парижская Консерваторія*, въ которую вошли всѣ прежнія заведенія сего рода. Штатъ для нея утвержденъ былъ самый огромный: директоръ, секретарь, пять инспекторовъ, сто пятнадцать профессоровъ, шестьсотъ воспитанниковъ обоего пола, и на содержаніе ихъ по 240,000 франковъ ежегодно.

Бонапарте, во время консульства, нашелъ, что эта сумма слишкомъ велика: онъ уменьшилъ ее до ста тысячъ франковъ. Положено было имѣть въ Консерваторіи директора, секретаря, трехъ инспекторовъ, тридцать пять профессоровъ, и триста учениковъ и ученицъ, принимаемыхъ по экзамену. Знаменитѣйшіе современные артисты удостоены были званія почетныхъ членовъ и корреспондентовъ Консерваторіи. Въ 1808 году учрежденъ былъ классъ декламаціи, которую преподавали первые артисты Французскаго Театра. Въ 1812 году (декретомъ *изъ Москвы*, отъ 15-го Октября) Наполеонъ преобразовалъ сіе заведеніе, давъ ему наименованіе Императорской Консерваторіи Музыки и Декламаціи. Число учениковъ увеличено было до четырехъ сотъ (*). Въ это время Консерваторія достигла высшей точки своей славы и совершенства. — Въ 1816 году, заведеніе сіе, равно какъ и многія другія учрежденія временъ имперіи, было преобразовано, и не къ лучшему. Штатъ обрѣзали до крайности. Консерваторія упала и томилась нѣсколько лѣтъ въ бездѣйствіи и неизвѣстности. Въ 1824 году, *Королевское Училище Музыки* было возстановлено, снабжено всѣми средствами, и поручено завѣдыванію знаменитаго Керубини. Въ это время начались вновь и публичные концерты, которымъ оно было обязано от-

(*) Въ числѣ сихъ воспитанниковъ только девяносто были на казенномъ содержаніи, всѣ прочіе пансіонеры или приходящіе. Только у насъ, въ Россіи, Правительство даетъ юношеству и воспитаніе, и содержаніе, и будущее состояніе. Только у насъ говорятъ молодому человѣку: вотъ тебѣ квартира, столъ, одежда, книги, учители, досугъ, помощь, чинъ, мѣсто. «А что мнѣ за это дѣлать?» спрашиваетъ онъ. — Будь человѣкомъ и Русскимъ, отвѣчаютъ ему.

части своею извѣстностію и славою. Въ 1830 году получило оно прежнее наименованіе Консерваторіи.

Прекрасное и полезное сіе заведеніе можетъ похвалиться участіемъ въ трудахъ его многихъ знаменитыхъ и геніяльныхъ людей. Инспекторами обученія были въ немъ: Госсекъ, Керубини, Мегюль, Лесюэръ, Мартини, Пиччини, Гретри, Монсиньи; совѣтниками: Перъ, Россини, Мейерберъ; корреспондентами: Гайднъ, Паизіелло, Саліери, Винтеръ, Цингарелли, Крешентини. Въ числѣ профессоровъ были: для композиціи: Бертонъ, Катель, Элеръ, Аббатъ Розъ, Перпъ, Рейша; для пѣнія: Гара, Плантадъ, Лаисъ, Бланджини, Пеллегрини, Бордоньи, Бандероли; для декламаціи: Монвель, Гранмениль, Дюгазонъ, Дазенкуръ, Каліо, (Caillot), Флери, Тальма, Батистъ, Мишло; для фортепіана: Адамъ, Бойельдіё, Мозенъ, г-жа Монжеру; для струнныхъ инструментовъ: Роде, Баліо, Крейцеръ, Ромбергъ, и мн. др. — Изъ воспитанниковъ Консерваторіи прославились: Герольдъ, Галеви, Фетисъ, Пансеронъ, Калькбреннеръ, Герцъ, Габенекъ, Бродъ, Гилью, и другіе композиторы и музыканты; драматическіе артисты: Сансонъ, Картиньи, Перле, г-жи Демерсонъ и Манжо; въ Оперѣ: Нурри и Деривисъ (отецъ и сынъ), Поншаръ, Левассёръ, госпожи Браншю, Альберъ, Даморо-Чинти, Дорюсъ-Гра, Корнелія Фальконъ. Этотъ списокъ именъ есть лучшее свидѣтельство справедливо заслуженной славы Консерваторіи и пользы, принесенной ею изящнымъ искусствамъ!

Члены Консерваторіи воздвигли незыблемый себѣ памятникъ, составивъ по общимъ правиламъ и издавъ руководства, или методы по всѣмъ частямъ музыкальнаго искуства: такихъ руководствъ выпущено ими четырнадцацать, въ томъ числѣ *Курсъ контрапункта и фуги*, твореніе Керубини. Каждый отдѣльный курсъ, по из-

готовленія его профессоромъ, подвергался подробному разсмотрѣнію комитета, которому поручено было наблюдать за строгимъ соглашеніемъ правилъ между собою, такъ чтобъ всѣ курсы составили одно органическое цѣлое. Въ семъ комитетѣ засѣдали не одни профессоры музыки: въ собранія его приглашаемы были ученые и литераторы, которые могли быть полезны своими свѣдѣніями и совѣтами.

Въ началѣ Консерваторіи даваемы были ею концерты. Это продолжалось до преобразованія ея, въ 1814 году. Въ 1828 году возобновлены они *обществомъ концертовъ*, составившимся изъ профессоровъ и прежнихъ воспитанниковъ сего заведенія. Сіе общество даетъ по семи концертовъ въ зиму, чрезъ двѣ недѣли каждый. Частыя и продолжительныя репетиціи не устрашаютъ артистовъ: всѣ участвуютъ въ нихъ съ усердіемъ и любовію; сборъ назначается въ пользу бѣдныхъ музыкантовъ и семействъ ихъ. Концерты Парижской Консерваторіи, по свидѣтельству безпристрастныхъ иностранцевъ, не имѣютъ подобныхъ себѣ въ свѣтѣ.

Они даются въ зданіи des Menus-Plaisirs, въ залѣ, устроенной наподобіе театра, т. е. имѣющей ложи, галереи, партеръ и кресла: вмѣсто сцены огромная эстрада, расположенная амфитеатромъ; впереди ея скамьи для хористовъ; скрипки и віолы, числомъ до сорока, находятся внизу; на первомъ уступѣ віолончели, на второмъ духовые инструменты; далѣе контрабасы, тромбоны, трубы и литавры.

Всѣ мѣста въ залѣ наняты заблаговременно на семь концертовъ, и билетъ получить очень трудно. Мнѣ доставила его одна любимая ученица знаменитаго Шопена. Публика была отборная и внимательная: каждая счастливая фраза, каждый блистательный моментъ произ-

водили въ ней электрическое потрясеніе, выражавшееся шепотомъ одобренія: охуждать было нечего. Въ королевской ложѣ сидѣли Герцогиня Немурская, Принцъ Жуанвильскій съ супругою, Принцесса Клементина и Герцогъ Монпансіерскій. Концертъ начался ровно въ два часа по полудни, и продолжался до четверти пятаго. Въ началѣ исполнена была богатая поэзіею третья симфонія Мендельсона-Бартольди. Потомъ явились два хора: мужской и женскій. Пѣвицы были въ бѣломъ платьѣ, убранные просто; всѣ онѣ ученицы Консерваторіи: исполнены были маршъ и хоры изъ *Аѳинскихъ Развалинъ*, Бетговена, а потомъ часть обѣдни Гайдна. Музыка Беетговена увлекла публику, и она съ громкими рукоплесканіями потребовала повторенія. Духовная музыка также была принята съ одобреніемъ: я въ нихъ не участвовалъ. Если бъ я чаще слышалъ католическую духовную музыку, сопровождаемую струнными и духовыми инструментами, то, можетъ быть, попривыкъ бы къ ней, сталъ бы ее понимать и чувствовать, но теперь никакъ не могу постигнуть ея красотъ и особенностей, не могу возвыситься душею, слыша звуки скрипки, флейты, контрабаса, мертвыхъ орудій рукъ нашихъ. Одинъ голосъ человѣческій можетъ достойно славить Творца нашего! — Между сими двумя піесами, игралъ на тромбонѣ г. Белькe, первый тромбонистъ Короля Прусскаго: игралъ съ большимъ стараніемъ, съ большою отчетливостію, сдѣлалъ *все*, что̀ могъ изъ этого огромнаго инструмента, и это *все* очень неважно: побѣжденныя трудности еще не могутъ быть красотами. Въ заключеніе сыграна была, съ необыкновеннымъ искусствомъ, симфонія Гайдна (B. dur): вотъ музыка! вотъ исполненіе! Публика нѣсколько разъ прерывала оркестръ знаками своего одобренія, и заставила повто-

рить вторую часть, въ которой мотивъ самый простой развитъ авторомъ съ непостижимымъ искусствомъ, и исполненъ былъ въ совершенствѣ. — Оркестромъ управлялъ Габенекъ, сѣдой старикъ, но пламенный, изступленный артистъ. Ни малѣйшая неисправность не ускользала отъ его вниманія: онъ, казалось, предвидѣлъ, гдѣ могло чего нибудь недоставать, и предупреждалъ ошибки. Всѣ артисты исполняли свою обязанность съ тѣмъ безкорыстнымъ, безотчетнымъ усердіемъ, которое можетъ быть награждено только внутреннимъ сознаніемъ своего достоинства, которому нѣтъ платы, нѣтъ цѣны. На ихъ лицахъ начертано было то самое удовольствіе, которое ощущали восхищенные слушатели. — Второй концертъ назначенъ $^{16}/_{28}$-го Января: не знаю, удастся ли туда пробраться. Между тѣмъ не могу удержаться отъ двухъ замѣчаній: первое всѣ піесы, игранныя въ этотъ день въ Консерваторіи, сочинены Нѣмцами, слѣдственно, это музыка не французская. Французамъ принадлежитъ только усердное и искусное исполненіе. Второе, Консерваторія, просвѣщая вкусъ публики исполненіемъ классическихъ твореній, и образуя хорошихъ инструментальныхъ музыкантовъ и композиторовъ, не даетъ нынѣ операмъ парижскимъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Отчего это? Или пѣвцы выродились? Видно такъ. Сопраны (женскіе) и теноры очень рѣдки во всей Европѣ.

Истекшая недѣля могла назваться *Моліеровою.* Только и рѣчи было что о Моліерѣ: портреты Моліера, медали Моліера, біографіи Моліера, піесы Моліера (напримѣръ, Тартюфъ, продававшійся по четыре су), альманахъ Моліера, и т. д. И въ серіозной Палатѣ Депутатовъ, когда оппозиція упрекала министерство въ томъ, что оно не уважаетъ старинной славы Франціи, Дюпенъ воскликнулъ: «Мы воздвигли памятникъ Моліеру!»

XXVI.

$^{15}/_{27}$-го Января.

Лишь только прошли Святки и шумныя сцены Новаго Года, начинается здѣсь карнавалъ — время зимнихъ увеселеній, баловъ, маскарадовъ. Не стану говорить о балахъ частныхъ: они вездѣ одни и тѣ же. Здѣсь, въ Парижѣ, достойны вниманія иностранцевъ публичныя, *народныя* танцовальныя собранія, безъ масокъ и съ масками. Я былъ въ одномъ такомъ маскарадѣ, въ улицѣ Сентъ-Оноре, называемомъ Валентино. Зала огромная квадратная, ярко освѣщенная гасомъ. По сторонамъ мѣста для зрителей, расположенныя уступами. Посреди залы возвышенная эстрада съ большимъ и громкимъ хоромъ музыки, украшенная статуями и трехцвѣтными знаменами. Публика состоитъ изъ молодыхъ и немолодыхъ людей средняго званія, разодѣтыхъ въ фантастическіе костюмы, безтолковые, неуклюжіе, грязные. Лица у многихъ расписаны; кто намалевалъ себѣ подбитый глазъ, кто выставилъ нумеръ своей квартиры на щекахъ. Дамы (можете вообразить, какого класса) замаскированны не всѣ, одѣты небрежно и не слишкомъ опрятно, но довольно благопристойно. Почти у каждой есть свой *кавалеръ*. Танцуютъ французскій кадриль, доведенный до крайней степени позволительности, подъ именемъ *канкана*. Иногда смѣняется онъ галопомъ и вальсомъ. Танцы происходятъ съ необыкновенною живостью и самоотверженіемъ, сопровождаются воплями и воемъ изступленнаго удовольствія. Одинъ

уголъ залы принадлежитъ студентамъ медицины и правовѣдѣнія: здѣсь всего веселѣе и шумнѣе. Хохотъ, шутки, свистъ, вопль не умолкаютъ. Нельзя вобразить себѣ изступленія этой вакхической толпы! Въ одномъ должно отдать справедливость посѣтителямъ сихъ шумныхъ собраній: въ самомъ пылкомъ разгулѣ, они трезвы; пьяныхъ вовсе нѣтъ. И это очень хорошо: въ противномъ случаѣ, этотъ вертепъ сдѣлался бы сущимъ адомъ. Порядочные люди, мужчины и замаскированныя дамы, прохаживаются посреди веселящихся спокойно и свободно: никто ихъ не задѣнетъ, не обидитъ. Впрочемъ въ концѣ залы,

Спокойствія рачитель,
Городовой сержантъ, полиціи служитель,
Гуллетъ съ важностью въ мундирномъ сюртукѣ.

Эта забава продолжается до шести часовъ утра. Знаменитые публичные маскарады въ Операхъ Большой и Комической начались, но я не видалъ ихъ: для пополненія наблюденій моихъ въ Парижѣ, рѣшусь, вѣроятно, пожертовать одною ночью на посѣщеніе такого замаскированнаго бала.

На Французскомъ Театрѣ имѣла значительный успѣхъ новая комедія въ стихахъ: Un ménage Parisien (*Парижское хозяйство*), сочиненіе извѣстнаго водевилиста Баярда. Въ ней изображенъ одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ браковъ, которые отвергаются и законами и обществомъ, но, къ несчастію, часто встрѣчаются во Франціи. Молодая вдова живетъ въ связи съ любезнымъ ея сердцу, и является въ свѣтѣ подъ именемъ и съ правами законной жены. Сынъ ея, отъ перваго брака, флотскій мичманъ, не знаетъ этого обстоятельства. Вдругъ одинъ молодой вѣтряникъ открываетъ ему тайну. Ссора, поединокъ, отчаяніе матери, гнѣвъ сына, тревога мужа-

любовника, свѣтскія сплетни, — все это слѣдуетъ въ своемъ порядкѣ. Піеса оканчивается заключеніемъ законнаго брака. Въ этой піесѣ нѣтъ оригинальности: она слишкимъ похожа на извѣстную драму: La mère et la fille, но составленна умно, изобилуетъ многими стихами прекрасными. Характеры не новы, не оригинальны, но очерчены искусно и рѣзко: съ одной стороны лукавый вѣстовщикъ, который вездѣ ищетъ секретовъ; съ другой философъ, извиняющій всѣ проступки молодыхъ людей, только бы они обѣщались исправиться со временемъ; старая хлопотунья и нравоучительница, молодая, простодушная дѣвица — все это давнишніе знакомцы. «Старое вино, говоритъ одинъ журналистъ, но чѣмъ оно старѣе, тѣмъ лучше!» Другой критикъ говоритъ, что это старинное блюдо, возобновленное по правиламъ и опытамъ новѣйшей кухни. Эти два сравненія докажутъ вамъ справедливость замѣчанія моего въ одномъ изъ предъидущихъ моихъ писемъ, что удовольствія стола во Франціи теперь первенствуютъ: драматичестому автору оказываютъ большую честь, когда уподобляютъ его повару. Въ прежніе годы такая піеса открыла бы автору врата Французской Академіи: нынѣ этого мало. Впрочемъ, замѣчаютъ, что именно эта посредственность *по плечу* нынѣшней публикѣ, и доставляетъ автору успѣхъ на сценѣ. Игра актеровъ заслужила вниманіе и одобреніе партера. Въ Корсарѣ замѣчено слѣдующее объ одномъ актерѣ: «Лаба (въ роли Артура) вскорѣ проковыряетъ правый карманъ своего жилета. Какая несчастная привычка терзать такъ немилосердо необходимую часть своей одежды! Портной оттого выигрываетъ, но артистъ конечно теряетъ!»

Буффе, сыгравъ разъ сорокъ роль Парижскаго Баловня, принялся за другую, въ водевилѣ: *Дядя Баптистъ*

(Mon oncle Baptiste). Все, что я могъ бы сказать въ похвалу ему, было бы недостаточно! Онъ играетъ роль мастероваго, который полагаетъ, что младшій братъ его, образованный фабрикантъ, имъ гнушается. Дѣйствительно, младшій братъ, выдавая дочь свою замужъ за человѣка высшаго общества, приходитъ въ замѣшательство отъ посѣщенія брата, честнаго, добраго, но слишкомъ простаго, грубаго, необразованнаго. Баптистъ, замѣтивъ, что онъ лишній въ домѣ брата, отказывается отъ обѣда, и идетъ съ женою своею, крикливою провинціялкою, въ трактиръ, съ горя тамъ напивается, и въ этомъ положеніи возвращается къ брату, въ хмѣлю, съ досады открываетъ предъ всѣми разстройство его имѣнія, и приводитъ все семейство въ отчаяніе. Вдругъ догадывается онъ, что надѣлалъ бѣды; отъ испугу проходитъ хмѣль, раскаяніе проявляется въ доброй душѣ, и онъ жертвуетъ всѣмъ своимъ достояніемъ, чтобъ загладить свою неосторожность и спасти брата. Сцену пьянаго играетъ онъ съ невыразимою истиною, безъ преувеличенія, безъ отвратительности. Но ничто не можетъ сравниться съ просыпленіемъ его и съ выраженіемъ горькаго раскаянія. Это надобно видѣть; передать никакъ нельзя.

Театръ Гимназіи много потерялъ съ удаленіемъ Буффе, но все еще пользуется славою и уваженіемъ. На этомъ театрѣ господствуетъ какое-то благородство, какое-то приличіе, какихъ тщетно будемъ искать въ другихъ сосѣдственныхъ съ нимъ. Теперь играютъ на немъ презабавную піесу: L'Italien et le Bas-Breton, которую можно было бы очень хорошо передѣлать на русскіе нравы. Я видѣлъ и представленіе водевиля: Madame Veuve Boudenois. Госпожа Волнисъ въ немъ

очень хороша: она играетъ главную роль мнимо несчастной вдовы, говоритъ очень мало, и замѣняетъ рѣчи необыкновенно искусною мимикою. Тиссеранъ въ роли повѣсы мужа, и Нюма въ роли совѣтника королевскаго суда, которому весь свѣтъ чудится ассизнымъ судомъ, чрезвычайно хороши. —

Въ Парижѣ не одни собственные театры обращаютъ на себя вниманіе публики. Всенародныя судилища и засѣданія Палатъ представляютъ, въ сію минуту, зрѣлище достойное вниманія и изученія психологовъ и политиковъ.

Въ Парижскомъ Уголовномъ Судѣ производится дѣло преступника Пульмана, который уличенъ во многихъ кражахъ и убійствахъ. Послѣднее злодѣяніе, совершенное имъ въ Нанжисѣ, гдѣ онъ убилъ и ограбилъ семидесятилѣтняго содержателя гостиницы, навело полицію на слѣды его. Злодѣя схватили и предали суду. Ему отъ роду тридцать пять лѣтъ. Онъ высокъ ростомъ и красивъ лицемъ; глядитъ смѣло; говоритъ свободно, правильно, тономъ образованнаго человѣка; одѣтъ опрятно и по модѣ. Видя, что ни какія запирательства и отговорки не спасутъ его отъ гиліотины, онъ рѣшился высказать предъ судомъ всю правду, открыть всѣ свои злодѣйскіе подвиги, даже и тѣ, въ которыхъ его не подозрѣвали. Шестнадцати лѣтъ, онъ былъ приговоренъ за кражу къ заключенію на пять лѣтъ; потомъ за другую кражу на десять лѣтъ. Вышедши изъ тюрьмы, онъ поступилъ въ службу къ какому-то посланнику, отправлявшемуся въ С. Петербургъ, но не могъ съ нимъ ѣхать по неимѣнію надлежащаго паспорта. Онъ признается, что однажды бросился съ ножемъ на родную мать. Между тѣмъ, въ адской душѣ его есть еще искра человѣческаго чувства: онъ всячески защищаетъ и вы-

гораживаетъ какую-то Луизу Симонно, которая участвовала въ его преступленіяхъ. — Вчера, генеральный адвокатъ произнесъ обвиненіе, и начались рѣчи адвокатовъ. Приговоръ, вѣроятно, произнесенъ будетъ сегодня.

Палата Депутатовъ давно не представляла такого драматическаго интереса, какъ нынѣ. Я говорю: *драматическаго*, не безъ умысла. Если смотрѣть на нее, какъ на выраженіе общаго мнѣнія, какъ на представительницу нуждъ, желаній и мнѣній государства, она ни мало не заслуживаетъ и не достигаетъ своего назначенія, (которое, впрочемъ, едва ли какою либо Палатою или Парламентомъ можетъ быть достигнуто); но если глядѣть на нее, какъ на поприще дѣйствія и борьбы страстей человѣческихъ и проявленія великихъ и необыкновенныхъ ораторскихъ талантовъ, съ нею не можетъ сравниться ни какая другая сцена важностью и интересомъ. Два предмета занимаютъ теперь преимущественно вниманіе Палаты при составленіи адреса на тронную рѣчь: устраненіе духовенства отъ всенароднаго обученія, и выговоръ депутатамъ, ѣздившимъ въ Лондонъ на поклоненіе къ Герцогу Бордоскому. Въ прошедшій вторникъ былъ я въ Палатѣ, и слышалъ прекрасную рѣчь Министра Просвѣщенія г. Вилльмена, въ защиту Французскаго Университета. Засѣданіе было очень интересное, но крайне мнѣ жаль, что я не былъ въ Палатѣ вчера. Министръ Гизо выдержалъ жесточайшее нападеніе двухъ оппозицій, либеральной и легитимистской, приготовленное издавна. Министръ требовалъ *заклейменія* (flétrissure) поведенія депутатовъ, ѣздившихъ въ Лондонъ. Беррі напомнилъ ему, что онъ самъ, въ 1815 году, ѣздилъ въ Гентъ къ изгнанному Лудовику XVIII. Онъ взошелъ на каѳедру, нѣсколько разъ на-

чиналъ говорить, но громкіе вопли, хохотъ и шумъ лѣвой стороны безпрывно его прерывали. Онъ вытерпѣлъ всѣ нападенія, не сходилъ съ каѳедры, и заставилъ себя выслушать. Засѣданіе, начавшееся въ два часа, кончилось въ три четверти осьмаго! Это поведеніе оппозиціи принято публикою съ неудовльствіемъ и порицаніемъ. И враги министра Гизо негодуютъ на сіи оскорбленія, которыя только подкрѣпляютъ его силу и значительность. — Я замѣтилъ въ Палатѣ, что съ 1837 года, когда я былъ въ ней въ послѣдній разъ, знаменитѣйшіе члены ея чрезвычайно постарѣли, такъ утомительна здѣсь должность министра и трибуна! Кажется, по головамъ ихъ прошло лѣтъ тридцать. Сультъ одряхлѣлъ, сгорбился и почти совсѣмъ лишился волосъ; Лафитъ ветхъ и слабъ. Гизо устарѣлъ примѣтно: онъ теперь удивительно похожъ на портреты Папы Пія VII. Берріе и Одилонъ-Барро, бывшіе тогда въ цвѣтѣ лѣтъ, теперь сѣдые старики. Могена нѣтъ въ Палатѣ: онъ въ Лондонѣ, какъ сказываютъ, укрывается отъ своихъ парижскихъ заимодавцевъ. — Но въ ораторскомъ искусствѣ Французскіе депутаты оказали большіе успѣхи. Гизо, бывшій за нѣсколько лѣтъ предъ симъ ораторомъ слабымъ, безцвѣтнымъ, теперь достойно славится своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, блистательною импровизаціею. Онъ отвѣчалъ (въ прошедшій вторникъ) на нѣкоторые вопросы и возраженія оппозиціи о дѣлахъ внѣшней политики, скоро, положительно, рѣшительно, умно. Виллъменъ, безобразный собою, неуклюжій, одѣтый небрежно, явился великимъ и блистательнымъ ораторомъ. Говорятъ, рѣчь его была подготовлена. Нѣтъ! Онъ не могъ предвидѣть, что именно у него спросятъ. Подготовлены были дѣла, факты, мысли: изложеніе было импровизировано. И адмиралъ Макау (морской ми-

нистръ) говорилъ очень складно, плавно, пріятно. Ораторы оппозиціи, слышанные мною въ тотъ день (Карне, Ларошжакленъ, и пр.), далеко уступаютъ министрамъ.

Но, воля ваша! Все это только блистательная комедія! Благо Франціи, государственое хозяйство, выгоды торговли, промышлености, земледѣлія — все это исчезаетъ предъ вопросами политическими, вращающимися вокругъ частныхъ мнѣній, личныхъ выгодъ, самолюбія и тщеславія. Заговорили было о системѣ построенія желѣзныхъ дорогъ, предметѣ чрезвычайно важномъ. Никто не слушалъ дѣльнаго оратора, (Г. Мюре де Борда), потому что онъ говорилъ просто, безъ прикрасъ, безъ прибаутокъ: всѣ депутаты громко разговаривали между собою. Тщетно президентъ просилъ ихъ замолчать, тщетно стучалъ линѣйкою по столу, звонилъ въ колокольчикъ. Ларошжакленъ сталъ доказывать цифрами несмѣтныя выгоды желѣзныхъ дорогъ. Вдругъ закричали ему съ лѣвой стороны: «Оставьте насъ въ покоѣ! Ваши цифры сущая фантасмагорія.» Все собраніе расхохоталось, и параграфъ о желѣзныхъ дорогахъ былъ принятъ безъ спора. Но лишь только вступитъ на каѳедру извѣстный краснобай, шумъ утихаетъ, и въ залѣ водворнется глубокое безмолвіе. — Когда ораторъ замѣчаетъ, что Палата утомлена и поднимается легкій шепотъ, онъ прибѣгаетъ къ помощи тяжелой артиллеріи: слава Франціи, геній Наполеона, честь народная приплетаются кстати и некстати. Bien! très bien! раздается со всѣхъ сторонъ.

Всѣ журналы наполнены этими дѣлами, и на легкія статьи въ нихъ нѣтъ мѣста. Всѣ бесѣды вращаются теперь вокругъ преній Палаты, и даже Пульманъ, котораго въ иное время расписали бы яркими красками

въ газетахъ, теперь пройдетъ почти незамѣченнымъ. По сей причинѣ и я не могу сообщить вамъ почти ничего любопытнаго. Но — въ сію минуту получаю газету la Siècle, и читаю въ ней извѣстіе о кончинѣ почтеннаго, достойнаго, благороднаго *Карла Нодіе!* Онъ скончался окруженный любовію и уваженіемъ своего семейства, своихъ совмѣстниковъ, своихъ друзей и недрузей въ литературѣ! Я зналъ его не коротко, но пользовался его дружелюбіемъ, ласкою, совѣтами, кроткою, умною, поучительною бесѣдою, и милый ликъ добродѣтельнаго мужа навѣкъ сохранится въ глубинѣ моей души. Такихъ людей немного въ свѣтѣ!

XXVII.

22-го Января (3-го Февраля) 1844

На прошедшей недѣлѣ ѣздилъ я, по желѣзной дорогѣ, въ Пуасси, для осмотра тамошней тюрьмы, или рабочаго дома, подъ руководствомъ знакомца моего, г. Серфберга, служащаго по сей части.

Пуасси, городокъ въ три тысячи душъ, лежитъ по дорогѣ въ Руанъ, пролегающей по Сенъ-Жерменскому Лѣсу. Онъ знаменитъ своею торговлею скотомъ. На тамошній рынокъ пригоняютъ рогатый скотъ, барановъ, козъ, и т. п., со всѣхъ концевъ, и продаютъ гуртомъ парижскимъ мясникамъ. День былъ торговый. На большой площади, обнесенной желѣзными цѣпями на каменныхъ столбикахъ, стояли тысячи быковъ, обреченныхъ

на жаркое во всепоглощающемъ Парижѣ. Въ другомъ отдѣленіи тѣснились телята, въ третьемъ бараны. Пастуховъ и погонщиковъ немного. Должность ихъ исполняютъ большія мясничьи собаки, особой породы, сильныя, смышленыя, чуткія. Удивительно, напримѣръ, что собака знаетъ всѣхъ барановъ своего хозяина, и не позволитъ ни одному изъ нихъ примкнуть къ сосѣднему стаду. — По большому числу и важности сдѣлокъ на здѣшнемъ скотномъ рынкѣ, заведена въ Пуасси учетная контора, изъ которой, по запискѣ мясниковъ, выплачиваютъ деньги скотопродавцамъ: такимъ образомъ устраняется всякая остановка въ платежѣ, и мясники освобождаются отъ необходимости возить съ собою наличныя деньги, которыя могли бы возбудить вниманіе и дѣятельность зоркихъ воровъ парижскихъ.

Взглянувъ мимоходомъ на этотъ любопытный рынокъ, мы поспѣшили въ тюрьму. Она устроена въ огромномъ зданіи упраздненнаго монастыря, обведена высокими, стѣнами, и сверхъ того окружена валами, съ которыхъ часовые могутъ видѣть все, что происходитъ во внутренности дворовъ. Побѣги случаются очень рѣдко. Только на прошедшей недѣлѣ одинъ арестантъ взобрался на крышку, потомъ на другую, дошелъ до крайняго зданія, и соскочилъ въ высоты въ нѣсколько саженъ. Сто честныхъ людей, при этомъ прыжкѣ, непремѣнно сломали бы себѣ шею, но воръ упалъ благополучно на ноги, и бѣжалъ изъ города. На станціи желѣзной дороги, въ Аніерѣ, его узнали по арестантской одеждѣ, и задержали.

Мы зашли сначала въ контору, и получили позволеніе директора осмотрѣть заведеніе во всѣхъ его частяхъ. Въ здѣшней тюрьмѣ заключены девятьсотъ сорокъ человѣкъ взрослыхъ арестантовъ мужескаго по-

ла, приговоренныхъ къ содержанію въ тюрьмѣ за проступки, отъ двухъ до пяти лѣтъ; бóльшею частію бѣглые (en rupture de ban), воры, пристанодержатели, и проч. Всѣ они заняты работою по разнымъ ремесламъ. Мы посѣтили и осмотрѣли нѣсколько мастерскихъ: слесарную, карандашную, игольную, шляпную, сапожную, столярную, портнаго дѣла, и т. п. Въ каждой мастерской смотритель за порядкомъ, изъ армейскихъ унтеръ-офицеровъ, и нѣсколько подмастерьевъ (contre-maitre). Рабочіе не смѣютъ ни въ продолженіе работы, ни въ какое другое время, говорить другъ съ другомъ; имъ позволено только отвѣчать на вопросы, предлагаемые имъ смотрителями или подмастерьями. Они получаютъ часть задѣльныхъ денегъ на пищу, другую часть хранятъ до выпуска ихъ изъ тюрьмы, третья остается въ кассѣ заведенія. Работы производятся въ пользу откупщиковъ, которые снимаютъ мастерскія на извѣстное время. Задѣльная плата несравненно менѣе вольной, но и работа не такъ хороша. Сіи заведенія вредны тѣмъ, что отнимаютъ хлѣбъ у честныхъ ремесленниковъ. Такъ, напримѣръ, всѣ готовыя платья, продаваемыя въ Пале-Роялѣ, шьются въ здѣшней тюрьмѣ. Шляпы изготовляются преимущественно для Южной Америки, гдѣ ихъ продаютъ по три франка: при мнѣ вклеивали въ нихъ ярлыки съ надписью: Estado di Paraguay. — Но на заключенныхъ это безпрерывное занятіе работою, это отчужденіе отъ прежнихъ мыслей и побужденій, конечно, производитъ благое дѣйствіе. Правда, что здѣсь арестанты не отдѣлены совершенно, какъ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ Англіи и Америки, но употреблены всѣ средства, чтобъ удерживать ихъ отъ сношеній съ сотоварищами. Работы производятся по пят-

надцати часовъ въ день. Два часа опредѣлены на завтракъ, обѣдъ и отдохновеніе; семь часовъ на сонъ. Въ два часа ударили въ колоколъ къ обѣду. Арестанты оставили работу, и отправились по два въ рядъ въ крестовую бывшаго монастыря, въ которой расположены столы со скамьями. Пища ихъ состоитъ изъ питательной похлебки. Однажды въ недѣлю, по четверткамъ, даютъ имъ мясную порцію. Тѣмъ изъ нихъ, которые успѣли сберечь часть задѣльныхъ денегъ, позволяется покупать въ харчевнѣ вареный картофель, рѣпу, бобы, и т. п. Вино, водка, пиво, табакъ строго воспрещены. Отобѣдавъ въ молчаніи, арестанты встали, выслушали краткую молитву, и отправились на прогулку, на большой четвероугольный дворъ обставленный скамьями. Одна часть ихъ расположилась по скамьямъ, на солнцѣ. Другая часть прогуливалась, т. е. арестанты обходили въ молчаніи, гуськомъ, весь дворъ, въ предшествіи и подъ надзоромъ смотрителей. Минутъ черезъ десять, другіе начинали прогулку, а эти садились. Въ три часа ударилъ колоколъ, и они вновь отправились на работу.

Въ крестовой залѣ устроена небольшая часовня, простая, бѣдная. По окончаніи обѣда, вошелъ въ залу престарѣлый священникъ. Многіе арестанты кинулись къ нему съ выраженіемъ уваженія и довѣренности. Онъ бесѣдовалъ съ ними ласково и дружелюбно. Сверхъ того есть въ тюрьмѣ школа. Арестанты считаютъ величайшею милостью позволеніе посѣщать ее, и прилежно учатся чтенію, письму и ариѳметикѣ. При школѣ заведена библіотека, состоящая подъ вѣдѣніемъ одного горбатаго вора, не способнаго ни къ какой другой работѣ. Заключенные съ жадностію занимаются чтеніемъ. Многіе отказываются отъ прогул-

ки по свѣжему воздуху, проводя время отдохновенія въ столовой за книгою.

Всѣ арестанты одѣты одинаково, въ курткахъ и брюкахъ грубаго сѣраго сукна, въ такихъ же фуражкахъ. Кажется, что они вообще довольны своимъ состояніемъ. Лица у нихъ бóльшею частію обыкновенныя, но есть уродливыя и звѣрскія: нѣкоторые глядятъ на посѣтителей искоса, какъ будто желая сказать: «Попадись ты мнѣ на дорогѣ, вѣкъ не забудешь.» Есть и физіономіи кроткія, даже красивыя. Богъ разберетъ ихъ! — Всегдашнее безмолвіе, безпрерывное занятіе работою, неусыпный надзоръ выводятъ нѣкоторыхъ изъ терпѣнія. Двое рѣшились подвергнуться каторжной работѣ въ какомъ нибудь портѣ, гдѣ галерные невольники шумятъ, поютъ, пьянствуютъ, и разсчитали, что имъ стóитъ покуситься на жизнь человѣка, чтобъ быть приговоренными къ каторгѣ: ни одинъ адвокатъ не знаетъ такъ хорошо Уголовнаго Уложенія, какъ воры и мошенники парижскіе. Они напали на одного смотрителя, и стали его душить. Другіе подоспѣли къ нему на помощь; виновныхъ предали суду, и, какъ можно было предвидѣть, осудили на каторгу. Между тѣмъ умыселъ ихъ открылся, и, въ слѣдствіе этого, ихъ оставили въ этой тюрьмѣ на всю жизнь, и осудили работать отдѣльно, въ кандалахъ и въ одеждѣ каторжниковъ. Я видѣлъ одного изъ этихъ злодѣевъ, какъ онъ, послѣ всѣхъ, шелъ къ обѣду. Самая гнусная фигура! Непокорныхъ, лѣнивыхъ, безпокойныхъ сажаютъ въ отдѣльныя темныя каморки, на хлѣбъ и на воду. — Французское Уголовное Уложеніе не допускаетъ тѣлеснаго наказанія, но, по моему мнѣнію, оно было бы вовсе нелишнимъ въ отношеніи къ людямъ, впадшимъ въ

преступленіе вторично, и къ заключеннымъ въ рабочихъ домахъ.

Послѣ всего посѣтилъ я больницу, устроенную очень хорошо, просторную, опрятную, съ аптекою, лабораторіею и садомъ. Больныхъ пользуютъ рачительно, содержатъ очень хорошо. Въ числѣ ихъ есть и старики, неспособные ни къ какой работѣ. Когда я изъявилъ сожалѣніе объ участи бѣдныхъ старцевъ, водившій насъ смотритель сказалъ мнѣ, что они самые закоснѣлые и дикіе злодѣи. Не удивительно: молодость ихъ совпадаетъ съ владычествомъ революціоннаго ужаса во Франціи. Мнѣ указали на одного осьмидесяти-двухълѣтняго, еще довольно бодраго старика, Гюге, который былъ эскадроннымъ командиромъ при Наполеонѣ, потомъ сдѣлался мошенникомъ и воромъ. За четыре года предъ симъ онъ посаженъ въ тюрьму въ четвертый разъ, и долженъ высидѣть еще годъ. И теперь крадетъ онъ корки хлѣба у своихъ товарищей. — Другой содержавшійся здѣсь старикъ, человѣкъ достаточный, отказалъ все свое имѣніе, тысячъ сто франковъ, старостѣ тюремной больницы (infirmier), изъ арестантовъ, за хорошее его обращеніе. Бѣднякъ, вступившій въ темницу нищимъ, вышелъ изъ нея человѣкомъ богатымъ, едва не почтеннымъ. — Въ углу больничной палаты сидѣлъ молодой священникъ, и бесѣдовалъ съ однимъ арестантомъ: несчастный слушалъ его внимательно, и горько плакалъ.

Центральная тюрьма въ Пуасси принадлежитъ къ числу первостепенныхъ заведеній сего рода во Франціи. Въ ней обходятся съ заключенными кротко и снисходительно, стараются образовать ихъ, пріучить къ труду, и отвадить отъ дурныхъ правилъ и привычекъ. Въ то же время, лишеніе свободы, умѣренная пища, отсутствіе

жизненныхъ наслажденій простонародья, безпрерывная работа, всегдашнее молчаніе, бдительный надзоръ и строгое наказаніе за каждый проступокъ — заставляютъ ихъ чувствовать всю тягость заключенія. Но исправляются ли они этою системою? Очень рѣдко. Многіе изъ нихъ, на первой недѣлѣ по освобожденіи своемъ, попадаются въ прежнихъ преступленіяхъ. Нѣкоторые умышленно совершаютъ проступки, чтобъ ихъ вновь заключили въ Пуасси, ибо, къ несчастію, и скудная пища, и бѣдное содержаніе арестанта составляютъ предметъ зависти для живущихъ на волѣ: милліоны людей во Франціи, честныхъ, трудолюбивыхъ, не имѣютъ и этого. Когда и кѣмъ рѣшена будетъ задача дѣйствительно исправительнаго заключенія!

Трагедія Пульмана разыграна. Въ самомъ дѣлѣ трагедія, театральное зрѣлище! Зала уголовной палаты наполнена была зрителями и зрительницами. Модныя, свѣтскія дамы просили у президента билетовъ, какъ въ италіанскую оперу. Пульманъ приговоренъ къ смерти; сообщница его, Луиза Симонне, къ двадцати-лѣтней каторжной работѣ съ выставкою; прочіе участники, къ работѣ и заключенію на меньшіе сроки. Нѣсколько человѣкъ найдены невинными. По выслушаніи рѣшенія присяжныхъ, сначала ввели оправданныхъ, и объявили о ихъ освобожденіи; потомъ приговоренныхъ къ каторгѣ и заключенію. Лишь только Луиза Симонне услышала рѣшеніе: виновата, но съ облегчительными обстоятельствами, то есть, что не будетъ казнена, она перестала плакать, подняла голову, и стала глядѣть на публику съ неимовѣрною дерзостью. Пульмана ввели послѣдняго. Онъ равнодушно выслушалъ смертный свой, но съ трепетомъ ожидалъ рѣшенія судьбы Луизы. Увидѣвъ же ее въ числѣ особъ, приговоренныхъ не къ

смертной казни, онъ видимо обрадовался, и глаза его, обращенные на нее, наполнились слезами. Новое свидѣтельство, что нѣтъ въ свѣтѣ такого злодѣя, который бы въ глубинѣ души своей не сохранилъ еще какого либо человѣческаго чувства. И кто знаетъ! Можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ, при иномъ воспитаніи, при иномъ сообществѣ, при иныхъ примѣрахъ, Пульманъ былъ бы человѣкъ честнымъ и добродѣтельнымъ! — Всѣ подсудимые подали апелляцію въ Кассаціонный Судъ: одинъ Пульманъ объявилъ, что подвергается безропотно исполненію приговора. Его отвели въ отдѣленіе приговоренныхъ къ смертной казни, гдѣ двое часовыхъ сторожатъ его и день и ночь.

Этотъ процесъ возбудилъ бы еще бо́льшее любопытство и вниманіе въ здѣшней публикѣ, если бъ она не была развлечена дѣлами и преніями Палаты Депутатовъ. Еще не утихли отголоски бурнаго засѣданія 26-го Января. Легитимисты, оскорбленные рѣшеніемъ Палаты (Берріе, Ларошжакленъ, Вальми и др.), отказались отъ званія депутатовъ, но вѣроятно, что они будутъ выбраны вновь. Сальванди, вице-президентъ Палаты, просилъ увольненія отъ должности посла въ Туринѣ: ему изъявлено было неудовольствіе, что онъ, получая 80,000 фр. жалованья, подалъ голосъ противъ министерства. Впрочемъ, эти движенія, волненія, бури кажутся важными и великими только издали. Если бъ знали у насъ, какъ все это мелко и ничтожно вблизи, какъ разочарователенъ взглядъ за кулисы этого театра! Останемся друзья, въ партерѣ. Будемъ глядѣть, забавляться, хлопать и свистать. Играютъ пусть, для нашей забавы, другіе!

Обратимся къ дѣйствительному театру. Въ Январѣ появилось на парижскихъ театрахъ четырнадцать но-

выхъ піесъ: три комедіи и одиннадцать водевилей двадцати одного автора. Какъ мало! говорятъ критики. Самая замѣчательная новость есть *Парижское хозяйство*, о которой я упоминалъ. Прочія не заслуживаютъ вниманія. Въ прежнемъ письмѣ обѣщалъ я пожертвовать одною ночью, чтобъ видѣть и описать маскарадъ Большой Оперы, и исполнилъ эту *обязанность* въ прошедшую субботу.

По сердцемъ сокрушился,
Что *на это* рѣшился.

Маскарадъ, или замаскированный балъ (bal masqué). Оперы раздѣляется на двѣ части, рѣзко отдѣляющіяся одна отъ другой. Первая часть: это фойе, длинная, довольно широкая, великолѣпно меблированная и ярко освѣщенная зала. Въ ней движется, толкается, толпится, тѣснится публика порядочная: мужчины въ черныхъ фракахъ, безъ масокъ; дамы въ доминахъ и венеціянахъ, замаскированныя. Ходятъ, скучаютъ, задираютъ прохожихъ, силятся узнавать знакомыхъ — вотъ и все. Дамы кокетничаютъ изъ-подъ личинокъ: ротикъ и глазки дѣлаютъ свое. Эти маскарады очень благопріятны некрасавицамъ, которыя всѣ кажутся хорошенькими, потому что у всякой Француженки глаза, по необходимости, французскіе, то есть обыкновенно черные яркіе, краснорѣчивые. «Что тебѣ за охота, сказалъ одинъ кавалеръ другому, волочиться за этою маскою. Она лицемъ безобразна.» — Да за то, какіе глаза! возразилъ тотъ. — «Они хороши оттого отвѣчалъ первый, что усиливаются вырваться изъ этой рожи.»—Часть этой порядочной публики возсѣдаетъ въ ложахъ оперной залы, служащей поприщемъ шумныхъ забавъ другой половины. Огромная зала и просторная сцена, соединенныя между собою, представляютъ зрѣлище необыкновенное.

При звукахъ громкой музыки, при яркомъ свѣтѣ тридцати люстръ, движется, кружится, вертится, бѣснуется въ ней пестрая толпа нѣсколькихъ сотъ паръ арлекиновъ, полишинелей, піерро, коломбинъ, пастуховъ, пастушекъ, рыцарей, дебардеровъ и другихъ фантастическихъ фигуръ. Лишь только умолкаетъ музыка, раздается въ залѣ ревъ изступленнаго веселья. Забавно, смѣшно, любопытно, но отнюдь не заманчиво, не пріятно, не увлекательно. Эти неистовыя пляски продолжаются часовъ до четырехъ. Засимъ посѣтители маскарада разсыпаются по ресторацiямъ и кофейнямъ бульвара, открытымъ во всю эту ночь, ужинаютъ и пьютъ, въ общихъ залахъ и въ отдѣльныхъ кабинетахъ. Можно заключить, какова эта компанія! Но если нравственность страждетъ отъ сихъ собраній, то выигрываетъ политика: тысячи праздныхъ, буйныхъ, безнравственныхъ людей удерживаются дня на два въ недѣлю отъ вредныхъ и опасныхъ замысловъ и покушеній, и наполняя вакхическими воплями своими пространство огромной оперной залы, хрипнутъ на площади и въ толпѣ народной. Всякая страна должна имѣть какое нибудь средство къ заглушенію страстей народа, доставленіемъ ему безвреднаго наслажденія. Въ Баваріи, напримѣръ, эту должность исполняетъ вкусное, густое пиво: доколѣ бутылка его стóитъ не дороже шести крейцеровъ, доколѣ всякій истый Баварецъ можетъ за малую плату насладиться этимъ нектаромъ, всѣ буйныя головы будутъ тамъ въ тяжеломъ усыпленіи, и никто не вздумаетъ умничать или шалить. Франція горькимъ опытомъ узнала, что иногда самыя ничтожныя обстоятельства имѣютъ важное вліяніе на судьбу государства и народа. Такимъ образомъ, напримѣръ, іюльскій пере-

воротъ 1830 года произошелъ оттого, что въ то время стояла ясная, сухая погода. Если бъ повелѣнія Карла X, возбудившія общее волненіе, вышли въ дурную, дождливую погоду, толпы не собрались бы на улицахъ и площадяхъ; недовольные пошумѣли бы дома или въ кофейняхъ, и тѣмъ бы дѣло кончилось. Французы боятся дождя болѣе, нежели пуль и картечь.

Оставимъ это поприще слабостей, страстей, минутныхъ занятій скоропреходящаго человѣчества. Обратимъ вниманіе и на строгую сторону жизни, на эту черную кайму, которая *обрамливаетъ* всякую, и самую веселую картину нашего земнаго быта.

На истекшей недѣлѣ скончались здѣсь нѣсколько людей, если не великихъ, то извѣстныхъ и замѣчательныхъ. Во-первыхъ, *Карлъ Фроманъ* (Froment), молодой, трудолюбивый издатель драматическаго журнала, падшій, подъ тягостью губительной срочной работы. Во-вторыхъ, знаменитый нѣкогда артистъ *Жюліенъ*, блиставшій, лѣтъ за сорокъ предъ симъ, на сценѣ Водевиля, въ первыхъ роляхъ любовниковъ. Онъ былъ славенъ не только на сценѣ, но и въ свѣтѣ, своею любезностью, умомъ, изяществомъ наряда, наблюденіемъ всѣхъ прихотей и причудъ моды и роскоши — то есть былъ, какъ нынѣ говорится, львомъ своего времени. Не удивительно, что онъ тогда блисталъ въ свѣтѣ: всѣ молодые люди, не калѣки, увлекаемы были въ армію Наполеона; оставались горбатые, хромые, кривые. Жюліенъ ежедневно катался верхомъ или въ кабріолетѣ по Булонской Рощѣ, и обращалъ на себя вниманіе. Однажды загулялся онъ до того, что забылъ свою обязанность играть въ тотъ день на театрѣ. Семь часовъ; его нѣтъ. Публика шумитъ, бѣснуется. Директоръ въ отчаяніи разсылаетъ сторожей, статистовъ и прочую закулисную

челядь во всѣ стороны, для отысканія пропавшаго безъ вѣсти перваго любовника. Но вотъ онъ ѣдетъ. Слава Богу! Жюліенъ вышелъ изъ кабріолета, проворно подрумянился, и приказалъ поднять завѣсу. Публика, ждавшая его цѣлый часъ, съ шумомъ и крикомъ требовала извиненія. Жюліенъ поклонился, подошелъ къ суфлеровой пещерѣ, и показалъ, что хочетъ говорить. Все умолкло. «Адель, сказалъ онъ въ полголоса, дала мнѣ знать, что хочетъ видѣться со мною.» Потомъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и хотѣлъ продолжать. «Это что̀ значитъ!» закричали въ партерѣ. «Какая дерзость! Что̀ намъ за намъ за нужда до Адели!» Но зрители, знавшіе піесу, хохотомъ заглушили вопль негодованія. Слова, сказанныя Жюліеномъ, были начальными въ его монологѣ, а онъ произнесъ ихъ такъ, какъ будто бы извинялъ ими свою неисправность. — Жюліенъ не имѣвъ отличныхъ талантовъ, славившись въ свое время только манерами и нарядами, былъ давно забытъ; извѣстіе о его кончинѣ вызвало въ журналахъ слабый отголосокъ его бывшаго существованія. Къ несчастію, смерть равна для всѣхъ — и для ничтожныхъ и для великихъ, для пустыхъ и для полезныхъ людей.

Въ прошедшій понедѣльникъ происходило погребеніе двухъ мужей, достойныхъ памяти и вниманія потомства. Первый былъ храбрый наполеоновскій воинъ, Маршалъ *Графъ Друэ д'Эрлонъ*, умершій на семьдесятъ девятомъ году отъ рожденія: тѣло его погребено было въ Церкви Инвалиднаго Дома, со всѣми приличными его сану почестями. На знаменахъ, несенныхъ предъ гробомъ, начертаны были имена битвъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и отличился. — Другой былъ — почтенный литераторъ и филологъ *Карлъ Нодіе*, о которомъ я неоднократно упоминалъ и въ нынѣшнихъ и въ преж-

нихъ моихъ (1837) письмахъ. Тѣло его отпѣвали въ Церкви Св. Лудовика и Павла; вся она была наполнена его друзьями, ибо кто только зналъ Нодіе, тотъ былъ ему и другомъ. Концы покрова несли академики: Вильменъ, Министръ Просвѣщенія, Этіеннь и Лебрёнъ, перы Франціи, и Викторъ Гюго. Предъ опущеніемъ тѣла въ могилу, произнесено было нѣсколько рѣчей. Г. Этіеннь, говорившій отъ лица Академіи, упомянулъ объ одномъ трогательномъ обстоятельствѣ. «За тридцать лѣтъ предъ симъ, сказалъ онъ, когда я былъ исключенъ изъ академіи, угрожаемъ изгнаніемъ изъ Франціи, вдругъ вбѣжалъ въ мою комнату Нодіе, и сказалъ мнѣ: «Богъ даровалъ мнѣ сына: я могъ бы дать ему въ воспріемники какого нибудь сильнаго вельможу (*). Нѣтъ, лучше поручу его покровительству друга, который теперь въ несчастіи. Сдѣлайте одолженіе, окрестите моего сына!» — «Увы, присовокупилъ Этіеннь: это милое дитя давно уже предшествовало ему въ могилу. Да услышатъ они въ горней обители своей выраженіе неизгладимаго воспоминанія и неутѣшной горести нашей!» — Въ рѣчи товарища его (по службѣ при библіотекѣ Арсенала) г. Каи (Caïx) достойно вниманія слѣдующее мѣсто: «Сердце Карла Нодіе было такое доброе, душа его, любящая и довѣрчивая, проявляла мысли столь кроткія, чувствованія столь дружелюбныя и въ то же время возвышенныя, что каждый изъ насъ, забывая пространство, отдѣлявшее его отъ такого знаменитаго писателя, искалъ его дружбы, и съ гордостью и удовольствіемъ хвалился, когда пріобрѣталъ ее. Ни какой литераторъ

(*) Нодіе, бывшій при Лудовикѣ XVIII въ Гентѣ, пользовался уваженіемъ дворянъ и роялистовъ.

не оказывалъ, какъ въ частномъ быту, и такъ въ строгихъ отношеніяхъ жизни общественной, болѣе добродушія, искренности, самозабвенія, усердія къ ближнимъ. Мы, товарищи его, проживъ съ нимъ двадцать лѣтъ, повторимъ на краю этой могилы извѣстное всѣмъ: Карлъ Нодіе никогда не зналъ ненависти; душа его была неприступна зависти; онъ искренно любилъ таланты въ другихъ; нѣтъ въ нынѣшнее время ни одного отличнаго литератора, котораго бы онъ не поощрилъ въ первыхъ его опытахъ; онъ безусловно восхищался великими дарованіями и произведеніями своихъ современниковъ, рукоплескалъ ихъ успѣхамъ, былъ счастливъ ихъ славою, и совершенно забывалъ о своей собственной.» Главное достоинство сихъ словъ состоитъ въ томъ, что ими высказана сущая правда. Давнишній другъ покойнаго, Баронъ Тейлоръ, выразилъ великость своей утраты краснорѣчивыми словами, но всего краснорѣчивѣе были слезы, прерывавшія его рѣчь. Всѣ присутствовавшіе были растроганы до крайности. — Хвалы покойному и сожалѣніе о кончинѣ его были единогласны въ журналахъ *всѣхъ* партій. Истинное достоинство, истинная добродѣтель побѣждаетъ всѣ сопротивныя силы, и возносится изъ смрада и бурнаго волненія земныхъ страстей къ вѣчному, святому своему началу.

Не могу писать болѣе. Грустное и умилительное воспоминаніе объ этомъ благородномъ человѣкѣ, удостоивавшемъ и меня лестнымъ своимъ вниманіемъ, пособіемъ и, могу сказать, дружбою, заглушаетъ всѣ другія мысли въ душѣ моей.

П. П. Принимаюсь за перо, чтобъ упомянуть о новой горестной потерѣ для Франціи и человѣчества. 31-го Января скончался, въ мѣстѣ рожденія своего, Шатору, на 74-мъ году отъ роду, Генералъ Бертранъ, заслужив-

шій уваженіе всѣхъ честныхъ людей вѣрностью и приверженностью къ своему Государю и благодѣтелю: онъ добровольно послѣдовалъ въ заточеніе за Наполеономъ, и служилъ ему до самой его кончины вѣрно и усердно. Въ Палатѣ Перовъ предложено похоронить его въ Церкви Дома Инвалидовъ, подлѣ Наполеона.

XXVIII.

29-го Января (10-го Февр.)

Въ одномъ изъ моихъ писемъ, отправленномъ къ вамъ при открытіи Палатъ, изъявилъ я мнѣніе, что нынѣшнее ихъ засѣданіе, вѣроятно, будетъ тихо и миролюбово. Министерство было увѣрено въ большинствѣ голосовъ между депутатами, да и въ публикѣ имѣло оно сильный перевѣсъ, благодаря своей мирной и охранительной политикѣ. Первые дни засѣданія прошли благополучно, но бѣдственное 26-е Января разстроило всѣ разсчеты. Министерская партія включила въ отвѣтъ на тронную рѣчь изъявленіе негодованія на нѣкоторыхъ депутатовъ, ѣздившихъ на поклонъ къ Герцогу Бордоскому въ Лондонъ, и употребила выраженіе: «падлежитъ *заклеймить* (flètrir) ихъ преступныя дѣйствія.» Это слово оскорбило легитимистовъ, которые вообще, по благородству своего характера и твердости правилъ, пользуются уваженіемъ всѣхъ партій. Долго старались они разными доводами отклонить это обидное выраженіе, но увидѣвъ, что всѣ покушенія ихъ тщетны, рѣшились на послѣднее, сильное средство: напомнили Министру Гизо, что

онъ самъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, поступилъ точно такимъ образомъ: въ 1815 году онъ, подданный Наполеона, ѣздилъ въ Гентъ, къ изгнанному обстоятельствами Лудовику XVIII, слѣдственно не менѣе другихъ заслужилъ быть заклейменнымъ, если его дѣйствіе могло быть преступленіемъ. Гизо хотѣлъ отвѣчать: лѣвая сторона пристала къ правой, и подняла такой шумъ, что министръ, въ теченіе двухъ часовъ, едва могъ проговорить нѣсколько словъ; но онъ храбро выдержалъ всѣ нападенія, и наконецъ высказалъ свое оправданіе. Большинство оказалось въ пользу министерства и его проекта. Легитимистскіе депутаты, считая себя оскорбленными, отказались отъ своего званія. Теперь происходятъ выборы на ихъ мѣста, но нѣтъ сомнѣнія, что они будутъ выбраны вновь, не смотря на всѣ старанія ихъ противниковъ. Палата Депутатовъ какъ будто утомилась послѣ этой жестокой борьбы: въ теченіе двухъ недѣль она разсматриваетъ проектъ бюджета въ отдѣленіяхъ, и не имѣла публичнаго собранія. Между тѣмъ одно обстоятельство обратило на себя вниманіе политическаго мира. Графъ Сальванди, вице-президентъ Палаты и въ тоже время посолъ при Туринскомъ Дворѣ, былъ въ числѣ тѣхъ депутатовъ, которые желали измѣнить въ адресѣ оскорбительное для легитимистовъ выраженіе. Министры нашли неприличнымъ, чтобъ важный государственный сановникъ подавалъ голосъ противъ министерства, и дали ему почувствовать, что онъ долженъ помнить, кому служитъ. Сальванди, отвѣчалъ, что, принявъ должность посла, онъ отнюдь не думалъ отказываться отъ свободнаго выраженія своего мнѣнія, но если это такъ, то онъ выходитъ въ отставку. Такое самоотверженіе изумило всю пу-

блику. Отказаться отъ ста тысячъ франковъ ежегоднаго жалованья, отъ блистательнаго званія французскаго посла, единственно для сохраненія своей независимости въ званіи депутата — дѣло неслыханное! Всѣ журналы, разумѣется, кромѣ министерскихъ, превозносятъ Сальванди, какъ героя и мученика правды, осыпаютъ хвалами того, надъ которымъ еще недавно насмѣхались самымъ язвительнымъ образомъ. Я познакомился съ Графомъ Сальванди за шесть лѣтъ предъ симъ, при посредствѣ Барона А. К. Мейендорфа, и въ нынѣшнее пребываніе свое въ Парижѣ возобновилъ это знакомстомство: онъ человѣкъ очень добрый, учтивый и привѣтливый. Гостиная его наполнена знаменитостями всякаго рода: я былъ въ ней и *прежде* отставки его, и *послѣ*. Та же толпа, но съ небольшими варіаціями. Я увидѣлся тамъ вновь съ умнымъ Сентъ-Бёвомъ, познакомился съ недавнимъ нашимъ гостемъ Марміе, который никакъ не можетъ забыть нашего русскаго хлѣбосольства, съ библіотекаремъ Сентъ-Женевьевской Библіотеки Фердинандомъ Дени, и еще съ нѣкоторыми другими литераторами. Странное дѣло: кажется, Французы бываютъ довольно часто въ сношеніяхъ съ Русскими, но каждый изъ нихъ, начиная говорить съ нашимъ братомъ, изъявляетъ удивленіе и удовольствіе, что мы порядочно объясняемся на *французскомъ діалектѣ*. Тщетно стараюсь я убѣдить ихъ, что я, въ этомъ отношеніи, далеко отстою отъ многихъ земляковъ моихъ, и что гораздо свободнѣе говорю по-французски съ Французами, нежели съ Русскими, которые не простятъ мнѣ ни малѣйшей обмолвки, между тѣмъ, какъ Французы, въ этомъ отношеніи, очень снисходительны къ иностранцамъ. Еще удивляетъ ихъ моя живость и пылкость: они полагаютъ, что человѣкъ, родившійся и проживщій вѣкъ

въ Петербургѣ, непремѣнно долженъ быть неподвиженъ, и холоденъ какъ ледяная сосулька. Любезный и умный литераторъ Александръ де Лаверинъ прозвалъ меня l'homme méridional. Спрашиваю: можно ли оставаться хладнокровнымъ и спокойнымъ, когда слышишь самые нелѣпые, взорные, оскорбительные толки о Россіи и Русскихъ! Нѣтъ такой нелѣпости, которой бы не взвели на насъ невѣжды и негодяи путешественники, какъ напримѣръ, одинъ пресловутый маркизъ. Люди благоразумные спрашиваютъ у насъ объясненія, и радуются, когда могутъ услышать истину и выйти изъ заблужденія.

Долго не рѣшался я ѣхать къ Виктору Гюго: мнѣ грустно было подумать, что появленіемъ въ его домѣ возбожу я въ немъ воспоминанія о быломъ времени, о жестокой утратѣ, его сразившей. И какъ начну я говорить съ несчастною матерью? Между тѣмъ я не могъ не посѣтить его. Въ прошедшій понедѣльникъ, вечеромъ, исполнилъ я эту обязанность. Онъ принялъ меня дружелюбно и ласково. Жены его, къ счастію моему, не было дома: она проводитъ все время у одра одного умирающаго ихъ друга. Въ гостиной былъ еще только одинъ — молодой литераторъ, Тіерри. Послѣ первыхъ, горестныхъ привѣтствій, Гюго пріунылъ было, но потомъ разговорился и какъ будто забылъ свою грусть. Смерть Карла Нодіе была предметомъ нашей бесѣды. Гюго любилъ его искренно, какъ и всѣ, и разсказываетъ о немъ прелюбопытные анекдоты. Цѣлый день Нодіе проводилъ въ работѣ, въ занятіяхъ литературныхъ, въ бесѣдѣ съ посѣщавшими его друзьями и товарищами. Вечеромъ садился за карты, по маленькой, и уже ни какая сила не могла оттащить его отъ ломбернаго столика. По воскресеньямъ собирались у него родные, друзья,

пріятели, знакомые, люди умные, образованные, жаждавшіе бесѣды съ милымъ хозяиномъ. Любезная его жена, милая дочь старались занимать ихъ; онъ обращалъ вниманіе на однѣ карты, и только урывками говорилъ съ гостями, но и тутъ блисталъ своимъ удивительнымъ остроуміемъ. Однажды вошелъ въ комнату одинъ литераторъ, и сообщилъ извѣстіе о происшествіи, случившемся въ тотъ день. Муставъ Планшъ, злой и язвительный критикъ, славившійся сверхъ того своею необыкновенною неопрятностью, шелъ въ полдень въ Сенской Улицѣ. Одинъ писатель, оскорбленный имъ въ журналѣ, остановилъ его, и жестоко прибилъ палкою. — «Слава Богу, сказалъ Нодіе, не спуская глазъ съ игры: «наконецъ выколотили его кафтанъ!» — «А вы, спросилъ Тіерри у Гюго, никогда не играли въ карты?» — «Виноватъ», отвѣчалъ Гюго: «было время, что я каждый вечеръ проводилъ за экарте, и тѣмъ охотнѣе, что игралъ очень счастливо. Но я вылечился отъ этой привычки, и вотъ какъ. Однажды (этому уже лѣтъ пятнадцать) пріѣхалъ ко мнѣ Ламартинъ, съ которымъ мы не видались мѣсяцевъ десять. Онъ подошелъ къ моему карточному столу, поздоровался со мною, и чтобъ не мѣшать мнѣ, удалился и просидѣлъ весь вечеръ въ бесѣдѣ съ другими. Когда гости разошлись, я вспомнилъ о томъ, какъ провелъ этотъ вечеръ, и устыдился. Я не сказалъ и четырехъ словъ другу моему, и какому человѣку! Ламартину, съ которымъ не видался десять мѣсяцевъ, и все время убилъ въ этомъ пустомъ занятіи. Съ тѣхъ поръ закаялся я играть въ карты, и дѣйствительно не бралъ ихъ въ руки.»

Въ девять часовъ, два сына Гюго, одинъ лѣтъ четырнадцати, другой десяти лѣтъ, пришли домой изъ училища. Отецъ приласкалъ ихъ, младшаго посадилъ къ себѣ

на колѣни, и продержалъ его такъ весь вечеръ. Въ разговорѣ съ г. Тіерри и со мною, онъ какъ-то употребилъ слово *иронія*. Что такое значитъ иронія? спросилъ мальчикъ. — «Это слово значитъ, другъ мой, отвѣчалъ ему отецъ съ какимъ-то воодушевленіемъ, то состояніе человѣка, въ которомъ онъ забываетъ собственное свое достоинство, величіе природы и благость Творца; когда издѣвается надъ тѣмъ, что высоко, благородно и свято въ мірѣ; когда и возвышенныя чувствованія, и великія мысли, и безсмертные подвиги, и любовь къ ближнему, и вѣра въ Бога и въ безсмертіе души становятся ему чуждыми и, что еще хуже, предметами холодной его насмѣшки.» . . . .

Увлекшись сими пріятными воспоминаніями, я выпустилъ изъ виду начало и главный предметъ моего письма — нынѣшнія занятія Палатъ. Два предмета преимущественно обращаютъ на себя вниманіе законодательныхъ сословій Франціи — проектъ закона о второстепенномъ обученіи, т. е. о гимназіяхъ (collèges), и система построенія желѣзныхъ дорогъ. Проектъ закона о второстепенномъ обученіи, представленный Министромъ Просвѣщенія въ Палату Перовъ, подвергается разнообразнымъ толкамъ и охужденіямъ. Духовенство и его приверженцы утверждаютъ, что симъ закономъ оно оскорблено въ своихъ правахъ, и ограничено въ исполненіи обязанностей своего сана. Противники же его утверждаютъ, что правительство слишкомъ много уступаетъ іезуитамъ и ихъ сообщникамъ. — Система желѣзныхъ дорогъ касается существенныхъ, т. е. карманныхъ пользъ публики. Правительство намѣревалось было построить всѣ большія желѣзныя дороги на свой счетъ, но блистательный успѣхъ Дорогъ Руанской и Орлеанской возбудилъ вниманіе и усердіе многихъ частныхъ капи-

талистовъ французскихъ и иностранныхъ: они берутся построить желѣзныя дороги на свой счетъ и въ скорѣйшемъ времени, и министерство склоняется на ихъ предложенія. Опозиція вопіетъ противъ этого, и даетъ знать, что это дѣло нечистое. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что гораздо выгоднѣе и для государства и для публики строить и содержать желѣзныя дороги на счетъ казны; лучшее доказательство тому находимъ въ Бельгіи. Въ управленіи частными дорогами могутъ встрѣтиться многія злоупотребленія и стѣсненія. Такъ, напримѣръ, въ Англіи, цѣны на нѣкоторыхъ линіяхъ дорогъ непомѣрно высоки, и движеніе очень медленно; соперничества нѣтъ, и публика терпитъ. Между тѣмъ, министерство возражаетъ, что правительство не имѣетъ въ своемъ распоряженіи необходимаго количества капиталовъ, и потому не въ состояніи будетъ исполнить построеніе дорогъ въ такое короткое время, какимъ ограничиваются вольныя компаніи. Увидимъ, какъ рѣшатъ Палаты. Вѣроятно, въ пользу министерства. Представительный образъ правленія, обезсиливающій правительство во всѣхъ его дѣйствіяхъ, противопоставляющій ему помѣхи на каждомъ шагу, и въ этомъ случаѣ препятствуетъ достиженію общеполезной цѣли. Между тѣмъ какъ богатая Франція толкуетъ и споритъ, бѣдная (сравнительно) Германія строитъ прекрасныя желѣзныя дороги, и облегченіемъ сношеній способствуетъ обогащенію и образованію всѣхъ сословій общества.

Гизо, во время пребыванія своего въ Лондонѣ въ званіи французскаго посла, снискалъ себѣ тамъ много друзей и чтителей. Многіе изъ нихъ, между прочими Брумъ, вступились за него въ Парламентѣ, и превознесли его похвалами за твердость, оказанную имъ въ Палатѣ. Министерскія газеты поспѣшили передать сіи рѣчи фран-

цузской публикѣ; но опозиціонные журналы утверждаютъ, что Англичане обыкновенно хвалятъ только *плохихъ* министровъ Франціи, что они превозносили кардинала Дюбуа и фаворитовъ Маркизы Помпадуръ и Графини Дюбарри, и т. п. Кстати было бы имъ припомнить стихи Крылова:

Въ томъ вѣрно толку нѣтъ, кого намъ хвалитъ врагъ.

Но нѣтъ! Толкъ есть въ Гизо: онъ человѣкъ необыкновеннаго ума и дарованія, да съ Французами совладать трудно. Такова нація!

Извергъ Пульманъ, о которомъ я упоминалъ въ прежнемъ письмѣ моемъ, казненъ въ прошедшій понедѣльникъ. Онъ умеръ какъ жилъ — злодѣемъ и фанфарономъ: въ день казни одѣлся опрятно, самъ обрѣзалъ воротъ своей рубахи, но не хотѣлъ видѣть священника, и когда достойный служитель Церкви хотѣлъ сѣсть съ нимъ въ карету, угрожалъ ему побоями! На эшафотѣ онъ сохранилъ прежнюю дерзость, и сказавъ нѣсколько фразъ, впередъ заученыхъ, склонилъ голову на плаху.

Вчера присяжные здѣшняго Ассизнаго Суда подали новое доказателство непростительнаго потворства. Одинъ молодой человѣкъ, не имѣя возможности жениться на дѣвицѣ, въ которую былъ влюбленъ, и услышавъ, что она выходитъ замужъ, забрался къ ней въ домъ рано утромъ, нашелъ ее еще въ постелѣ, и выстрѣлилъ въ нее изъ двухъ пистолетовъ. Потомъ хотѣлъ онъ зарѣзаться, но не успѣлъ въ томъ. Раны дѣвицы были также неопасны. Его предали суду за покушеніе на смертоубійство. Адвокатъ его прочиталъ нѣжныя страницы, написанныя имъ накапунѣ предъ исполненіемъ своего замысла, и присяжные до того были тронуты симъ краснорѣчіемъ, что объявили подсудимаго *невиноватымъ*! Опасный и ужасный примѣръ безнаказанности!

Судъ исправительной полиціи строже уголовнаго. Феликсъ Піатъ, оскорбившій Жюль-Жанена бранною статьею, приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и къ уплатѣ тысячи франковъ безчестья. Издатель журнала la Réforme, Гранмениль, приговоренъ, за помѣщеніе бранной статьи, къ заключенію на мѣсяцъ и къ штрафу въ четыре тысячи франковъ. Сверхъ того, подсудимые обязаны заплатить судебныя издержки. Вотъ вамъ и свобода тисненія!

XXIX.

18/24-го Февраля.

Вы наслаждаетесь Русскою Масляницею: катаньемъ на горахъ, блинами, икрою; шесть спектаклей въ день насыщаютъ жадную къ удовольствіямъ публику, которая будетъ ихъ лишена въ теченіе семи недѣль. И здѣсь видѣли мы шумные праздники заговѣнья, но совершенно въ иномъ родѣ. Первый и самый забавный спектакль былъ данъ Палатою Депутатовъ. Министерство, желая отдохнуть жестокой парламентской битвы, утомившей его до крайности, предложило Палатѣ Депутатовъ проектъ закона объ охотѣ и звѣриной ловлѣ. Депутаты занялись имъ со всеусердіемъ: двѣ недѣли важные законодатели толковали о зайцахъ, о куропаткахъ, о перепелахъ, о гончихъ собакахъ: разсказывали прелюбопытные охотничьи анекдоты, приправляя ихъ каламбурами, и спорили о разныхъ свойствахъ и отличительныхъ чертахъ лисицъ и те-

теревей, словомъ *пороли дичь*, какъ записные охотники. Въ теченіе двухъ недѣль едва успѣли они разсмотрѣть и утвердить десять статей. Вдругъ кто-то напомнилъ имъ, что должно поспѣшить дѣломъ, что настаетъ масляница и нечего терять время: внявъ сему благоразумному совѣту, они порѣшили остальные двадцать пунктовъ въ два часа, и вчера приняли весь законъ значительнымъ большинствомъ. Этотъ образъ дѣйствія, эта жалкая привычка толковать вкривь и вкось о предметѣ, котораго не понимаютъ, это важничанье и умничанье въ дѣлахъ пустыхъ и ничтожныхъ, это легкомысліе въ сужденіяхъ и рѣшеніяхъ о предметахъ важныхъ и строгихъ, возбудили смѣхъ, досаду и сожалѣніе въ журналахъ всѣхъ партій. Въ одномъ изъ нихъ пишутъ: «Любопытно было бы знать, что сказали бы о Франціи землякамъ своимъ добрые Персіяне, выведенные въ Персидскихъ Письмахъ Монтескіё, если бъ они могли присутствовать въ сихъ засѣданіяхъ, гдѣ преподробно и пресеріозно толковали о свойствахъ перепеловъ, о любовныхъ похожденіяхъ куропатокъ и о темпераментѣ волка, который, по глубокомысленному рѣшенію г. Фюльширона, есть звѣрь, и звѣрь вредный. Они, конечно, сказали бы о насъ: Франція должна быть страна самая счастливая въ свѣтѣ, потому что люди, которымъ поручено управленіе ею, съ такимъ усердіемъ занимаются судьбою животныхъ. Удивительный народъ! Онъ составляетъ законы изъ идиллій, и, отъ нечего дѣлать, печется объ участи бѣдныхъ пташекъ и ихъ птенцовъ. Вотъ что́ подумали бы эти заѣзжіе съ Востока, нашедшіе въ Монтескіё толкователя своихъ мыслей и сужденій! Впрочемъ, имъ и не трудно было бы оставаться при семъ мнѣніи. Если бъ они узнали, что львы, обезьяны, лошади пользуются особеннымъ у насъ попеченіемъ, живутъ въ покойныхъ

и теплыхъ помѣщеніяхъ, ѣдятъ и пьютъ досыта, что верблюды и ослы составляютъ особенный предметъ попеченій Маршала Бюжо, въ Алжирѣ — какъ бы они изумлялись! Они, конечно, предпочли бы Францію Персіи, и непремѣнно повторяли бы то, что нѣкогда говорили о нихъ Французы: какъ можно быть Персіяниномъ!» Но этотъ восторгъ не былъ бы продолжителенъ: догадливые путешественники увидѣли бы, что подлѣ тѣхъ самыхъ Палатъ, въ которыхъ богатые помѣщики разглагольствуютъ съ нѣжностью о милыхъ имъ скотахъ, люди томятся въ убожествѣ, и умираютъ съ голоду. Жители Востока любопытны: они стали бы добиваться истины; съ изумленіемъ и ужасомъ увидѣли бы они таинства бѣдности и страданій, прикрываемыя обманчивою роскошью нашихъ городовъ. Что подумали бы они о законодательномъ сословіи, которое занимается сельскою поэзіею, посреди страданій человѣчества! Добрые Персіяне поспѣшили бы бѣжать и скрыться въ своемъ дикомъ Востокѣ. Такъ! Подобныя пренія являютъ бѣдственную болѣзнь нашего общества. Первый долгъ правителей государства есть пещись объ успѣхахъ нравственнаго и физическаго благостоянія народа. Толковать объ охотничьихъ законахъ, въ то время, когда страждутъ люди — значитъ издѣваться надъ человѣчествомъ. Палата двѣ недѣли разсуждала о куропаткахъ и о зайцахъ, какъ академія псовыхъ охотниковъ. Когда же дойдетъ очередь до людей? Когда подумаютъ объ участи подобныхъ себѣ? Великодушные защитники перепеловъ и дупельшнеповъ! Храбрые сподвижники зайцевъ и кроликовъ! Неужели у васъ никогда не будетъ сердца для людей (*)!»

(*) См. Журналъ: La Réforme, du 21 Février 1844.

Мелкіе сатирическіе журналы воспользовались сими траги-комическими преніями, и выставили ихъ съ самой смѣшной стороны. Вотъ какъ Корсаръ передаетъ сужденія Палаты.

«*Президентъ*. Кто требовалъ слова въ защиту переперепеловъ?

Г. Делесполь. Я.

Президентъ. Говорите.

Г. Делесполь. Я читалъ въ Бюффонѣ, что перепелка есть птица перелетная. Онъ ошибается: перепелки не улетаютъ на зиму; я стрѣлялъ ихъ въ разное время года. Не говорю, чтобъ можно было сдѣлалъ перепелку птицею домашнею.....

Г. ***Poulle*** (курица). Никогда!

Г. Делесполь. Но не думаю, чтобъ ее можно было причислить къ перелетнымъ.

Г. Сюріанъ. И я того же мнѣнія. Станемъ бить ихъ, бить во всякое время, но за что же ихъ *клеймить*?

Г. Були. Напрасно Гг. депутаты сѣверныхъ департаментовъ жалуются, что мы бьемъ много перепелокъ. Это несправедливо. Да и онѣ у насъ такія худыя, такія тощія...

Г. Догеро Отчего это такъ?

Г. Були. Оттого, что онѣ перелетаютъ чрезъ Средиземное Море двѣсти миль, и во все это время не ѣдятъ и не пьютъ.....

Въ центрѣ (гдѣ засѣдаетъ министерская партія): И не пьютъ — бѣдненькія!

Г. Були. Точно не пьютъ. Перепелки не пьютъ соленой воды. Извольте знать, если не знаете.

Голоса. Хорошо! Очень хорошо!

Г. Булло. Онѣ прилетаютъ на сѣверъ, а оттуда летятъ въ Германію.

Г. Гарніе-Паже. Извините, онѣ летаютъ въ Гентъ съ совѣтами.

Г. Було. Недавно, вопреки своему обыкновенію, онѣ летали и въ Лондонъ!

Г. Вату. Пусть онѣ летаютъ куда хотятъ. Мы этому не противимся. Nous ne sommes point des anti-cailles, и т. д.

Послѣдній каламбуръ дѣйствительно былъ произнесенъ въ Палатѣ, и возбудилъ въ ней единогласный хохотъ.

Обратимся теперь къ зрѣлищамъ другаго рода.

Карнавалъ, какъ я уже говорилъ, начинается здѣсь съ Новаго Года, и идетъ все усиливаясь и расширяясь до Поста. Въ Римско-Католической Церкви мясоѣдъ продолжается включительно до вторника первой недѣли Великаго Поста, называемаго *скоромнымъ* (mardi gras). Въ среду, называемую *пепельною* (mercredi des cendres), начинается постъ (*). Самые шумные и бурные дни карнавала суть послѣднее воскресенье и вторникъ. Встарину карнавалъ, по примѣру древнихъ сатурналій, былъ праздникомъ всѣхъ сословій: и знатныхъ и простыхъ людей, и богатыхъ и бѣдныхъ. Вельможи, царедворцы, свѣтскіе люди разъѣзжали въ маскахъ по бульварамъ, въ великолѣпныхъ колесницахъ, и вмѣшивались въ ликующую толпу народную. Революція 1789 года остановила и прекратила сіи увеселенія. Они возобновились съ возстановленіемъ порядка, при Наполеонѣ, въ 1805 году, и съ тѣхъ поръ продолжаются безстановочно, но уже не съ прежнимъ блескомъ и шумомъ.

(*) Только въ Миланѣ, гдѣ сохранились еще нѣкоторые уставы и преданія первоначальной Церкви, Великій Постъ начинается, какъ у насъ, съ понедѣльника первой недѣли.

Публичные маскарады, даваемые въ театрахъ, въ танцовальныхъ залахъ, въ загородныхъ трактирахъ, становятся въ это время многолюднѣе, тѣснѣе, шумнѣе. Первое мѣсто принадлежитъ описанному мною маскараду Большой Оперы. Любители увеселеній сего рода жалуются, что фойе оперы, бывшій нѣкогда поприщемъ забавы умниковъ и умницъ, расточавшихъ остроты и каламбуры, которые на другой день появлялись въ журналахъ, сдѣлался нынѣ сборищемъ глупой и безсмысленной толпы, которая только что толкается, продирается, сердится и бранится. Не слыхать ни шутокъ, ни колкостей. Давка, жара — и только. Масокъ характерныхъ не пускаютъ изъ залы въ фойе: въ нынѣшній разъ прорвались тута въ толпѣ нѣсколько масокъ, одѣтыхъ каменщиками, въ разодранныхъ блузахъ, покрытыхъ известью, и перепачкали нѣсколько десятковъ черныхъ фраковъ и великолѣпныхъ домино. Вообще порядочные люди жалуются на невыносимое нахальство, дерзость и грубость замаскированныхъ, особенно *фальшивыхъ носовъ*, которые всячески стараются вымещать на нихъ воспрещеніе входить въ фойе. Лишь только чистый фракъ или домино появится въ залѣ, грязныя и уродливыя маски окружаютъ его и осыпаютъ грубостями. Вольно туда ѣздить!

Главное торжество Парижскаго Карнавала состоитъ въ прогулкѣ *жирнаго быка* (le boeuf-gras). Я упоминалъ уже о выборѣ его, происходившемъ на рынкѣ въ Пуасси; нынѣ первый призъ присужденъ былъ двумъ быкамъ, бѣлому и бурому, первому по величинѣ, другому по вѣсу. Оба они принадлежатъ мяснику Роллану. Перваго водили въ воскресенье, послѣдняго во вторникъ. Процессія идетъ, установленнымъ порядкомъ, по главнымъ улицамъ Парижа, въ воскресенье по лѣвому бе-

регу Сены, во вторникъ по правому. Впереди ѣдетъ отрядъ конной муниципальной гвардіи. За нимъ хоръ музыкантовъ, въ мундирахъ времени Лудовика XV. Играютъ на трубахъ, бьютъ въ барабаны. За музыкантами четыре римскіе ликтора съ сѣкирами въ связкахъ прутьевъ; за ними предметъ торжества, огромный быкъ, съ вызолоченными рогами. По сторонамъ ѣдутъ верхомъ мясники, подмастерья ихъ, ученики, дѣти, въ разнообразныхъ костюмахъ: римскихъ всадниковъ, рыцарей, кавалеровъ временъ Генриха IV, Лудовика XIV и XV. Посреди ихъ хозяинъ и кормилецъ быка, въ простомъ черномъ фракѣ — величіе и скромность! Въ нѣсколькихъ шагахъ за быкомъ восемь лошадей, ведомыхъ Временемъ, везутъ огромную колесницу. На ней Амуръ, Граціи, Венера, Геркулесъ и другія миѳологическія божества. Поѣздъ останавливается у Тюльерійскаго Дворца и у домовъ всѣхъ министровъ. Тріумфаторы сходятъ съ колесницъ и съ коней: ихъ принимаютъ ласково, дарятъ и угощаютъ. Я видѣлъ эту церемонію на Вандомской Площади, когда тріумфаторы остановились предъ домомъ Министра Юстиціи, и вошли туда. «Тамъ произносятъ быку смертный приговоръ!» кричали въ народѣ. Когда быкъ повернулъ изъ улицы Мира въ улицу Риволи, вожатый пріударилъ его; быкъ бросился впередъ, и въ эту самую минуту одинъ изъ ѣхавшихъ верхомъ, мальчикъ лѣтъ девяти, упалъ съ лошади, и прямо ему подъ ноги. Вопль ужаса раздался въ толпѣ; не было возможности удержать быка, но онъ вдругъ остановился самъ, и далъ время мальчику стать на ноги. Раздались громкія рукоплесканія и радостные клики. Въ нынѣшній разъ всѣ костюмы дѣйствующихъ лицъ въ этомъ оригинальномъ торжествѣ были новые, свѣжіе и блистательные: ихъ возобновляютъ чрезъ десять

лѣтъ, и въ послѣдніе годы срока они являются очень некрасивыми. Нынѣ Городской Совѣтъ не поскупился. — По окончаніи шествія въ городѣ, быка отводятъ на бойню, и чрезъ два дня убиваютъ съ церемоніею. Лучшіе его куски отправляются въ кухню придворную и къ министрамъ.

Прекрасная, свѣтлая, сухая погода благопріятствовала народному празднику. Бульвары были покрыты густою толпою гуляющихъ. Кареты, коляски, кабріолеты ѣхали въ четыре ряда. Притомъ сохранялся порядокъ, достойный удивленія. Экипажи слѣдуютъ одинъ за другимъ въ нѣкоторомъ разстояніи: лишь только они остановятся, народъ безпрепятственно проходитъ между ими съ одной стороны улицы на другую. Городовые сержанты пекутся о безопасности публики, особенно помогаютъ женщинамъ и дѣтямъ. Опрятно и изящно одѣтые жандармы (муниципальная гвардія), конные и пѣшіе, удерживаютъ толпу въ благочиніи и повиновеніи. Въ прежніе годы разъѣзжали, въ карнавалъ, по бульварамъ разныя характерныя маски: они представляли, въ аллегоріи, парижскіе театры, журналы, академіи, и т. п. Теперь этого уже нѣтъ. Повывелись, говорятъ, богатые весельчаки, находившіе удовольствіе въ представленіи этихъ всенародныхъ зрѣлищъ. Нынѣ едва ли десять масокъ явились на бульварахъ въ кабріолетахъ.

Вечеромъ вся масса жаждущихъ наслажденія кинулась по маскарадамъ, по баламъ, по шинкамъ. Главное скопище веселящагося простаго народа бываетъ въ этотъ день въ предмѣстіи Белльвиль, лежащемъ за Тампльскимъ Предмѣстіемъ, на возвышеніи. Эта часть, называемая la Courtille, наполнена танцовальными залами, гостиницами, харчевнями, питейными домами. Вино и

прочія питія тамъ, за чертою акциза, гораздо дешевле, нежели въ самомъ городѣ, и любители наслажденій вкуса бросаются туда для утоленія своей жажды, съ своими любезными супругами, сожительницами и подругами. Вся ночь проходитъ въ буйныхъ оргіяхъ, а съ расвѣтомъ неистовая толпа возвращается въ городъ. Это называется *сходомъ съ Куртили* (la descente de la Courtille). Нѣсколько тысячъ человѣкъ, пьяныхъ виномъ и буйствомъ, въ маскахъ и безъ масокъ, въ разодранныхъ блузахъ, залитыхъ виномъ, тянутся съ дикими воплями съ возвышеннаго предмѣстія; поютъ дикія пѣсни, хохочутъ, бранятся, борются, дерутся, падаютъ въ грязь, и не могутъ подняться. Любители народныхъ зрѣлищъ наполняютъ въ это время всѣ домы въ Улицѣ Тампльскаго Предмѣстія, особенно огромную ресторацію Бургундскихъ Виноградниковъ (aux Vendanges de Bourgogne), забавляются отвратительною картиною разврата черни, перекликаются съ пьяницами, задираютъ а нихъ, а тѣ бросаютъ въ дерзновенныхъ вареньмъ картофелемъ и гнилыми яицами. Эти вакханаліи продолжаются до двѣнадцати часовъ полудня. Тогда полиція вступаетъ съ свои права, разгоняетъ запоздалыхъ, забираетъ буйныхъ, поднимаетъ ошумленныхъ винными парами. Въ нынѣшній разъ, крупный дождь, врагъ всѣхъ парижскихъ уличныхъ удовольствій, вытрезвилъ и разогналъ большую часть куртильской колонны.

Встарину, люди, отпраздновавъ карнавалъ, въ среду посыпали голову свою *пепломъ*, и начинали поститься. Это обыкновеніе ведется еще въ нѣкоторыхъ домахъ стариннаго покроя, но въ цѣломъ, въ большой массѣ, давно забыто. У дверей церковныхъ прибиты увѣщанія Архіепископа о наблюденіи поста, о дняхъ, въ ко-

торые произносимы будутъ поученія, но это ни мало не дѣйствуетъ на Парижанъ. Увеселенія продолжаются въ посту, какъ и на масляной. Театры не прекращаютъ своихъ представленій; огромными афишками приглашаютъ публику на загородные балы. — На дняхъ будутъ даны балы въ пользу пластическихъ и драматическихъ артиствъ.

На театрахъ даются въ эти дни, бóльшею частію, карнавальные фарсы. И на Французскомъ Театрѣ, по древнему преданію, сохранившемуся съ тѣхъ поръ, когда не было въ Парижѣ другихъ спектаклей, давали въ послѣдніе дни карнавала: Мѣщанина во дворянствѣ, Пурсоньяка, Мнимо-больнаго, и пр.

Изъ театральныхъ новостей, двѣ особенно обращаютъ на себя вниманіе публики. Первая есть трагедія г. Попруа: *Старый Консулъ* (le Vieux Consul), представляемая въ Одеонѣ. Содержаніе ея есть слѣдующее: Лепидъ Цимберъ влюбленъ въ Лавинію, жену престарѣлаго трибуна Тита. Лавинія не отвѣчаетъ его страсти. Между тѣмъ Марій, воротившись изъ Карѳагена, употребляетъ всѣ средства, чтобъ одержать побѣду надъ соперникомъ своимъ, развратнымъ Анніемъ Агриппою, также влюбленнымъ въ жену трибуна, призываетъ Лавинію на форумъ, и тамъ предаетъ ее во власть хитрому своему совмѣстнику. Въ третьемъ актѣ, Лепидъ вторгается въ домъ Аннія, чтобъ освободить Лавинію, но въ то же время является тамъ Марій, и убѣждаетъ его предоставить несчастную судьбѣ ея, чтобъ тѣмъ одержать побѣду надъ врагомъ. Тщетно Лавинія умоляетъ спасти ее отъ безчестія. Марій увлекаетъ Лепида. Въ четвертомъ актѣ, несчастная жертва властолюбія открывается Лепиду, что любила его, но предпочитая всему долгъ супруги, скрывала свою страсть. Въ пятомъ актѣ видимъ Марія,

умирающаго среди авгуровъ, рабовъ и прислужницъ. Слышно приближеніе Силлы. Марій старается виномъ заглушить угрызенія совѣсти и ужасы смерти. Является Лавинія, въ черномъ покрывалѣ, и предсказываетъ ему будущее. Умирающій старикъ падаетъ къ ногамъ своей жертвы. Лавинія выпиваетъ ядъ. Анній падаетъ среди разъяренной толпы народной. Лепидъ идетъ навстрѣчу Силлѣ. — Я отправился въ театръ съ намѣреніемъ найти сколько возможно болѣе достоинствъ и красотъ въ трагедіи, заглушить въ умѣ своемъ предразсудокъ противъ этихъ неестественныхъ, уродливыхъ представленій, и едва высидѣлъ до конца. Французская трагедія хороша, изящна, занимательна и даже увлекательна, когда говоритъ стихами Корнеля и Расина, когда напоминаетъ намъ, что се слушали и Лудовикъ XIV и Конде, и Буало и Монтескьё, когда стихи эти произноситъ Тальма, Дюшенуа, Рашель. А это небывалое, невозможное, несбыточное дѣйствіе, эти преувеличенные характеры, эта безсвязная и безтолковая драма, и эти варварскіе стихи — не произведутъ ничего, кромѣ скуки и отвращенія. Актеры ревѣли безъ милосердія. Одинъ Балландъ (въ роли Лепида) произнесъ нѣсколько стиховъ съ чувствомъ и силою. Героиня, Г-жа Максимъ, была ужасна, и я не понимаю, какъ кто либо могъ въ нее влюбиться. Дюжая, неуклюжая безобразная лицемъ, неповоротливая. И она была соперницею несравненной Рашели! Вотъ что значитъ журнальное кумовство! Зрители восхищались, хлопали, едва не плакали. Передъ ними! Мнѣ понравилась болѣе всего декорація втораго акта, представляющая Римскій Форумъ. Критики бранятъ автора и дирекцію за это нововведеніе: похоже-де на мелодраму. По ихъ теоріи, трагедія можетъ быть играна не иначе, какъ въ сѣняхъ какого нибудь дворца!

Другая повость есть мелодрама *Парижскія Тайны*, о которой толкуютъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Она составлена самимъ авторомъ романа, Евгеніемъ Сю, при помощи извѣстнаго литератора Губо (Goubaux), который, подъ именемъ Дино, былъ сотрудникомъ Виктора Дюканжа въ сочиненіи драмы: *Тридцать лѣтъ, или Жизнь игрока.* Піеса называется: романъ въ пяти актахъ и въ одиннадцати картинахъ. Не помнятъ, чтобъ какое либо театральное произведеніе возбудило до такой степени нетерпѣливое любопытство публики, какъ эти тайны. Ихъ ставили на сцену въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Цензура во многомъ разстроила первоначальный планъ авторовъ, и заставила ихъ передѣлать нѣсколько актовъ. Наконецъ возвѣстили представленіе на 13-е Февраля. Всѣ ложи, кресла, нумерованныя мѣста въ галереяхъ были взяты заблаговременно. Густая толпа народная съ самаго утра осаждала Театръ Сентъ-Мартенскихъ Воротъ, требуя мѣстъ въ партерѣ и амфитеатрѣ. Не получившіе билетовъ оставались на улицѣ, и въ продолженіе всего вечера глазѣли на наружныя стѣны. Я получилъ, по протекціи, билетъ въ галерею перваго яруса, и сидѣлъ подлѣ красавицы, жены литератора Ипполита Люка (Lucas), познакомился при этомъ случаѣ съ нимъ и еще съ другимъ литераторомъ, Шодесъ-Эгомъ (Chaudes-Aigues), который мастерски отдѣлалъ, въ Revue de Paris, гнуснаго Маркиза де Кюстина, и теперь ищетъ его на бульварахъ, чтобъ довершить свою критику рукопашнымъ боемъ: Маркизъ взбѣсилъ его тѣмъ, что всюду разглашаетъ, будто Шодесъ-Эга подкупили для сочиненія этой статьи. Театръ, что называется, набитъ биткомъ. Всѣ литературныя и театральныя знаменитости красуются въ ложахъ и въ партерѣ. Вотъ Марсъ, вотъ Рашель, вотъ наша Бурбіе! Вотъ Дюма̀, Виньи, Сулье, Жоржъ-

Сандъ! Чего хочешь, того просишь. Начинается увертюра, поднимается завѣса, и вы видите прославленную Тайнами Бобовую Улицу (la rue aux Fèves). Ночь. Тусклые фонари освѣщаютъ сцену. Налѣво красный фонарь съ надписью: Au tapis franc. Прекрасно! Являются люди, какъ ночныя привидѣнія. Знакомые намъ Тортильяръ, Риголетта, Маріинъ-Цвѣтъ, Школьный Мастеръ, Шуринеръ, Родольфъ, Сара, Ферранъ. Точно тѣни въ волшебномъ фонарѣ: явится, скажетъ нѣсколько словъ — и слѣдъ простылъ. Такимъ образомъ тянется вся драма: дѣйствующія лица романа являются на сценѣ безъ повода, безъ цѣли, толкуютъ, разсуждаютъ, спорятъ, бранятся, дерутся, и разбѣгаются или расходятся. Все это кажется какою-то грезою, которая снится вамъ по прочтеніи романа. Вторая картина есть внутренность парижскаго двора, въ улицѣ Тампль, позорище подвиговъ мадамъ Пипеле и забавника Габріона. Третья — кабинетъ нотаріуса Феррана. Четвертая — комната Риголетты. Пятая чердакъ, жилище убогой фамиліи Морель. Шестая — паркъ Госпожи д'Арвиль. Седьмая — тюрьма. Осьмая — мостъ чрезъ Сену при Аніерѣ. Десятая — комната Графини Сары Макъ-Грегоръ. Одиннадцатая — сельскій видъ, близъ Парижа. Кто знаетъ романъ, тому толкованіе не нужно; кто жё его не знаетъ, не добьется толку въ драмѣ. Многія лица выпущены вовсе, напримѣръ: Сова, Волчица, Полидори, Красная-Рука, Луиза Морель. Малолѣтный извергъ Тортильяръ представленъ добронравнымъ и кроткимъ. Постановка на сцену достойна всякой хвалы. Я говорилъ о Бобовой Улицѣ. Чердакъ, жилище убожества и страданій семейства Морель, изображенъ съ поразительною истиною. Изъ актеровъ отличается въ этой піесѣ Фредерикъ-Леметръ, въ роли Феррана. Сначала является онъ перео-

дѣтый, въ Бобовой Улицѣ, и съ Школьнымъ Мастеромъ замышляетъ смертоубійство. Въ третьей картинѣ видимъ злодѣя въ кабинетѣ его, какъ учтиво онъ принимаетъ просителей, какъ усердно старается быть имъ полезнымъ, какъ искренно соболѣзнуетъ несчастнымъ, и даетъ имъ совѣты и помощь. Съ самыхъ первыхъ словъ, онъ изумилъ публику этимъ несравненнымъ представленіемъ закоснѣлаго лицемѣра, и она осыпала его громкими рукоплесканіями. Въ концѣ піесы онъ ужасенъ истиною и выразительностью. Школьный Мастеръ выкололъ ему глаза; онъ выбѣгаетъ на большую дорогу, ищетъ ощупью своей шкатулки съ золотомъ, для пріобрѣтенія котораго пожертвовалъ честью, совѣстью; слышитъ стукъ коляски и топотъ лошадей, слышитъ, что жертва гнусной его страсти ускользаетъ изъ рукъ его, чувствуетъ, что напрасны были всѣ его ухищренія, коварства и злодѣянія. «Она уѣзжаетъ! вопіетъ онъ: золото пропало. Я слѣпъ, побѣжденъ! Сжальтесь!» и въ первый разъ въ жизни произноситъ: «Боже! Боже! Боже!» Завѣса опускается. Еще хорошъ Рокуръ, въ роли Школьнаго Мастера. Прочимъ артистамъ не въ чемъ развернуть свои таланты: все отрывисто, недописано, недосказано. Актрисы не хороши. Госпожа Гравъ, въ роли Fleur de Marie, походитъ на прачку — дюжая, увѣсистая, широкоплечая. Госпожа Рей, прехорошенькая собою, въ роли ея матери казалась ея дочерью. Риголетта, и не хороша собою, и плохо играетъ. Для этой роли не лишнее было бы взять какую нибудь злодѣйку изъ Гимназіи или — Водевиля: она окупилась бы непремѣнно. — Кстати о хорошенькихъ актрисахъ: говорятъ, милая актриса, Пажъ (съ Водевильнаго Театра) ѣдетъ къ намъ въ Петербургъ. Прекрасное пріобрѣтеніе! Ей, сказываютъ, тѣсно было на одной сценѣ съ госпожею Дошъ. Точно Цесари и Помпеи! —

Парижскія Тайны представляются ежедневно, и ежедневно театръ полонъ, но я думаю, что по удовлетвореніи перваго любопытства, піеса сойдетъ со сцены, и навсегда. Это не то что Парижскіе Цыганы, которыхъ даютъ сегодня во сто пятьдесятъ второй разъ!

Италіянская Опера представляетъ жалкую картину разстройства и безначалія. Форназари, получающій тридцать пять тысячъ франковъ въ зиму, не хочетъ пѣть, сказываясь больнымъ. Дирекція пожаловалась на него въ Коммерческомъ Судѣ. Въ скоромный-вторникъ назначено было представленіе Севильскаго Цирюльника. Зала была полна. Бьетъ восемь часовъ, завѣсы не поднимаютъ. Четверь девятаго, половина, все то же. Въ сорокъ минутъ девятаго поднимается завѣса; выходитъ режиссеръ, клапяется во всѣ стороны, и объявляетъ, что опера дана быть не можетъ: Фигаро (Ронкони) загулялъ на масляницѣ, и до сихъ поръ не являлся; почтенная публика благоволитъ получить обратно деньги свои въ кассѣ. Но почтенная публика симъ не удовольствовалась. Многіе отослали свои экипажи до одиннадцати часовъ: гдѣ просидѣть до этого срока? Поднялся ужасный шумъ, неслыханный со времени существованія Италіянскаго Театра. Оперу! оперу! Въ началѣ десятаго объявили, что кое-какъ смастерили *Любовное питье*, и напоятъ имъ жаждущихъ. Зрители этимъ удовольствовались, но бѣднаго гуляку заставятъ заплатить тысячъ десять франковъ штрафу.

XXX.

19-го Февраля (2-го Марта) 1844.

Въ литературномъ мірѣ достойны вниманія два творенія, вышедшія на сихъ дняхъ. Первое (des Jésuites) сочиненіе молодаго страсбургскаго профессора Женена, человѣка умнаго и ученаго. Съ откровенностью и праводушіемъ, необыкновенными въ нынѣшній вѣкъ политическихъ и литературныхъ фантасмагорій, представляетъ онъ публикѣ вѣрную и интересную картину знаменитаго общества Игнатія Лойолы, которое, въ новѣйшія времена, вновь усиливается присвоить себѣ власть надъ умами и — карманами легковѣрныхъ и малодушныхъ. Въ первой части своего труда, г. Жененъ излагаетъ исторію іезуитовъ вообще; выставляетъ ихъ правила и ученіе, и показываетъ, какъ далеко это ученіе отъ евангельскаго, возвышая Папу надъ всѣми владыками земными, которые, будто бы, царствуютъ только съ особеннаго его позволенія; утверждая, что Папа имѣетъ право низлагать Царей, отдавать ихъ подъ присмотръ, за что заблагоразсудитъ; что онъ можетъ передавать ихъ владѣнія другимъ, словомъ, что ему одному принадлежитъ всякая власть на земли. За симъ слѣдуетъ исчисленіе средствъ, употребленныхъ іезуитами въ послѣднія тридцать лѣтъ, для пріобрѣтенія власти во Франціи. Авторъ доказываетъ, что іезуиты, вкравшись въ довѣренность епископовъ, пріобрѣли неограниченую власть надъ всѣмъ духовенствомъ, притѣсняютъ его самымъ жестокимъ образомъ, и умѣютъ, предупреждать всякое сопротивленіе своей власти, всякую

ссылку на права и ученіе Галликанской Церкви, имѣвшей защитниковъ въ Боссюэтѣ и Фенелонѣ. При семъ случаѣ представляется намъ картина нынѣшняго умственнаго и нравственнаго образованія низшаго духовенства во Франціи, зрѣлище огорчительное и предвѣщающее мало добраго въ будущемъ. — Во второй части авторъ сообщаетъ исторію борьбы іезуитовъ съ университетомъ, исчисляя подробно всѣ нападенія ихъ на нынѣшнюю систему народнаго обученія, и всѣ усилія защитниковъ университета. Г. Жененъ не во всемъ оправдываетъ нынѣшній составъ этой части во Франціи, но въ то же время выставляетъ все превосходство ея надъ училищами іезуитскими. — Въ третьей части, наконецъ, онъ излагаетъ способъ обученія іезуитовъ: какимъ образомъ они преподаютъ отечественную исторію, философію и нравоученіе христіанское. Все это заимствовано изъ книгъ, изданныхъ самими іезуитами въ пользу обучаемаго ими юношества. Совѣтую прочитать и полюбоваться. Ученіе христіанское, говоритъ авторъ, должно быть началомъ и основаніемъ истиннаго просвѣщенія; но ученіе сіе заключается отнюдь не въ книгахъ и не въ правилахъ іезуитовъ: въ нихъ все вѣчное, святое, божественное подчинено видамъ временнымъ, свѣтскимъ, богопротивнымъ.

Другая книга заключаетъ въ себѣ изложеніе правилъ и подвиговъ инаго рода. Она вышла подъ заглавіемъ: *Англійская Индія*, сочиненіе Графа Э. де-Варрена (l'Inde Anglaise, par le Comte Edouard de Warren). Авторъ ея, родомъ Французъ, служилъ десять лѣтъ (1831 — 1841) въ англійской арміи въ Восточной Индіи, и имѣлъ случай видѣть многое собственными глазами, проникнуть тайны британской политики въ Азіи, узнать политическое и гражданское устройство владычества Англичанъ

въ Индіи, нынѣшнее положеніе тамошнихъ владыкъ и народовъ. Картина любопытная и поучительная! Въ первомъ томѣ и въ двухъ главахъ втораго, авторъ сообщаетъ свои дневныя записки, въ которыхъ видимъ вѣрное изображеніе естественнаго свойства страны, удивительной своимъ богатствомъ, исторіею и обычаями, нравовъ тамошнихъ жителей, образа ихъ жизни, дѣйствій Англичанъ въ подвластныхъ имъ странахъ, и пр., Журналъ сей интересенъ тѣмъ болѣе, что авторъ самъ участвовалъ въ походѣ противъ одного несчастнаго индѣйскаго принца, который былъ низложенъ и увлеченъ въ неволю за сопротивленіе свое волѣ директоровъ Остъ-Индской Компаніи! Остальныя главы втораго тома посвящены историческому, статистическому и политическому обозрѣнію нынѣшняго положенія Восточной Индіи. Въ нихъ находятся самыя любопытныя и драгоцѣнныя свѣдѣнія о тамошней британской военной силѣ и ея устройствѣ, о политикѣ, наблюдаемой Компаніею въ отношеніи къ уроженцамъ Остъ-Индіи, и о слабыхъ сторонахъ сего удивительнаго, исполинскаго на видъ, политическаго зданія. Книга сія не преминетъ возбудить общее вниманіе Европы, преимущественно Великобританніи. Аглійскій переводъ ея печатается въ Лондонѣ.

Обратимся на время къ политикѣ. Палата Депутатовъ вяло, лѣниво и неохотно занимается проектомъ закона о свидѣтельствахъ на торговлю и промыслы (patentes), которыя донынѣ выдавались безъ большаго разбора, были стѣснительны для однихъ, и слишкомъ легки для другихъ. Депутаты скучаютъ, зѣваютъ и прерываютъ пренія наивными и забавными вопросами и замѣчаніями, свидѣтельствующими, что большая ихъ часть вовсе не знаетъ, въ чемъ собствен-

но состоитъ дѣло, которое они должны рѣшить. Между тѣмъ ожидаютъ сегодня (29-го Февраля) любопытнаго и шумнаго спора въ Палатѣ, по случаю занятія Французами острова Отаити. По взятіи Островов Маркизскихъ, начальникъ французской морской силы въ Океаніи, Контръ-Адмиралъ Дюпети-Туаръ (Dupetit-Touars), обратился къ Островамъ Товарищества, и заставилъ Королеву Помаре, обладающую піитическимъ островомъ Отаити, памятнымъ по Кукову путешествію, признать надъ собою покровительство Франціи. Между тѣмъ, это вмѣшательство Французовъ было очень непріятно англійскимъ миссіонерамъ, владычествовавшимъ на Отаити. Главный изъ нихъ, консулъ, пасторъ и купецъ, г. Причардъ, убѣдилъ Королеву, что она отнюдь не обязана исполнять трактатъ, вынужденный силою, и въ ознаменованіе возстановленія ея власти, должна замѣнить французскій флагъ своимъ собственнымъ, на которомъ изображена корона, знакъ ея независимости. При семъ случаѣ Англичане привезли Королевѣ модную карету лондонской работы, а супругу ея *красный кафтанъ*. Французскій адмиралъ, воротившись въ Ноябрѣ 1843 на Отаити, увидѣлъ это оскорбленіе французскаго флага, и потребовалъ, чтобъ Королева немедленно спустила свой флагъ, и вновь подняла французскій. Королева отвѣчала, что этого условія не было въ трактатѣ, и что она не обязана его исполнить. Адмиралъ далъ ей два часа сроку на размышленіе, и по истеченіи ихъ, объявилъ, что беретъ островъ въ обладаніе Франціи, и вездѣ поднялъ французскіе флаги. Бѣдная Королева пожаловалась на эту несправедливость въ письмѣ къ Королю Лудовику Филиппу. Между тѣмъ, своевольный поступокъ французскаго адмирала возбудилъ негодованіе въ Англіи. Лордъ Брумъ и другіе члены Парламента гром-

ко жаловались въ Парламентѣ на это нарушеніе народнаго права. Французское Правительство, не одобряя дѣйствій своего адмирала, отправило ему повелѣніе возстановить Королеву Помаре въ правахъ ея, и отозвало его отъ сего поста. Оппозиція возопила: «Возможно ли это! Бояться Англіи! Исполнять приказанія Англійскаго Министерства! Отзывать въ угожденіе ему, храбраго адмирала, который, на отдаленныхъ моряхъ, защищалъ честь французскаго флага. Непростительная слабость и трусость!» Оппозиція забыла, что при занятіи Маркизскихъ Острововъ и по объявленіи о принятіи подъ покровительство острова Отаити, она же смѣялась надъ ничтожествомъ сихъ пріобрѣтеній, и совѣтовала бросить ихъ при первомъ случаѣ. На сихъ дняхъ одинъ депутатъ, въ Палатѣ, потребовалъ у г. Гизо объясненія по этому дѣлу. Министръ сказалъ, что готовъ отвѣчать на всѣ вопросы, и это исполнено будетъ *сегодня*. Увидимъ!

1-*го Марта*. Вчерашнее засѣданіе Палаты было очень интересно, хотя и не такъ бурно, какъ того ожидали. Депутатъ Карне изложилъ происшествія на Отаити, какъ они извѣстны были публикѣ, и требовалъ объясненія. Г. Гизо возразилъ смѣло, дѣльно, умно и краснорѣчиво. Онъ обвинилъ адмирала Дюпети-Туара въ опрометчивости и въ несоблюденіи данныхъ ему инструкцій. Правда, что во время его отсутствія англійскіе миссіонеры и агенты успѣли возстановить противъ него Королеву, но она ни мало не нарушала трактата, которымъ признала покровительство Франціи: она не касалась флага, поднятаго адмираломъ въ знакъ сего покровительства (онъ состоитъ изъ соединенныхъ флаговъ отаитскаго и французскаго), и только надъ собствен-

нымъ своимъ домомъ подняла особенный флагъ, на которомъ изображена корона изъ пальмовыхъ листьевъ. Дюпети-Туаръ требовалъ, чтобъ она спустила этотъ флагъ. Королева, ссылаясь на условія трактата, которымъ ей предоставлена была вся власть во внутренности острова, отказалась исполнить сіе несправедливое требованіе, и адмиралъ, по истеченіи двухъ-часоваго срока, поднялъ на островѣ флагъ французскій, объявивъ, что она перестала царствовать, и что островъ отнынѣ принадлежитъ Франціи. Правительство, узнавъ объ этомъ своевольномъ поступкѣ адмирала (*), отправило къ нему повелѣніе возстановить прежній порядокъ дѣлъ на Отаити, и смѣнило его въ званіи командующаго на водахъ Океаніи. Оно поступило такимъ образомъ по собственному своему убѣжденію, по свободной своей волѣ, ни мало не внемля совѣтамъ или требованіямъ Англійскаго Министерства, съ которымъ оно, по сему

(*) Вотъ переводъ письма Королевы Помаре къ Королю Французовъ: «О Король! Я лишена нынѣ моего владычества. Верховная власть моя нарушена, и вашъ адмиралъ силою оружія взялъ страну мою, подъ тѣмъ предлогомъ, что я не исполнила трактата 9-го Октября 1842. Я никогда не имѣла намѣренія, изображая корону на флагѣ моемъ, нарушить сей трактатъ или оскорбить васъ, о Король! Надѣюсь, что вы не почтете преступленіемъ изображенія короны на моемъ флагѣ. Вашъ адмиралъ требовалъ измѣненія части ея (замѣны пальмовыхъ листьевъ звѣздочками), но если бъ я на то согласилась, то унизилась бы въ глазахъ главныхъ старшинъ. Я не находила въ трактатѣ условій о видѣ моего флага. Формально протестую противъ жестокой мѣры, принятой вашимъ адмираломъ; но имѣю довѣріе къ вамъ, и ожидаю моего освобожденія отъ вашего состраданія и отъ благосклонности вашей къ царицѣ, лишенной владычества. Вотъ моя молитва: да смягчитъ Всевышній ваше сердце! Узнайте справедливость моей жалобы, и возвратите мнѣ власть и достоянія моихъ предковъ. Да благословитъ васъ Богъ, о Король, и да будетъ царствованіе ваше долголѣтно и цвѣтуще. Такова моя молитва. Подписано: *Помаре.*

предмету, не входило ни въ какія сношенія или объясненія. — Оппозиція не удовольствовалась симъ отвѣтомъ. Г. Билліо (Billault) и Дюфоръ (Dufaure) повторили прежнія обвиненія въ постыдной уступчивости требованіямъ Англіи, въ оскорбленіи французскаго флага и въ несправедливости къ адмиралу, который поступилъ по внушенію чести и долга, ибо въ этомъ случаѣ дѣло шло не объ островѣ Отаити, а вообще о соперничествѣ Франціи съ Англіею. Министръ Просвѣщенія сталъ было возражать, но безпрерывный шумъ заглушалъ его слова. Г. Гизо объявилъ, что дополнитъ свои поясненія завтра; оппозиція на то не соглашалась, и требовала немедленнаго сбора голосовъ. Между тѣмъ, большинство рѣшило выслушать его на другой день еще разъ. И въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, споръ идетъ о пустыхъ формахъ: члены оппозиціи не думаютъ о собственномъ предметѣ спора, а только хотятъ уколоть, оскорбить, вывесть изъ терпѣнія министровъ, чтобъ занять ихъ мѣста! Въ началѣ засѣданія, Министръ Публичныхъ Работъ представилъ проектъ закона о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ между Парижемъ, Кале, Булонью, Дюнкирхеномъ и бельгійскою границею. Депутаты затрепетали, увидѣвъ огромную тетрадищу съ цифрами, которую слѣдовало бы выслушать, и отложили дѣло важное, необходимое въ политическомъ, военномъ и коммерческомъ отношеніи, для того, чтобъ заняться несчастнымъ флагомъ съ короною изъ пальмовыхъ листьевъ, поднятымъ на отдаленномъ островѣ Тихаго Моря! — Вотъ представительное правленіе, громкое, блистательное, благодѣтельное въ теоріи, а на самомъ дѣлѣ бѣдственное и слабое, стѣснительное для правительства, пагубное и разорительное для народа! — Помните ли, съ какимъ жаромъ Палата, при громоглас-

номъ одобренія Франціи, рѣшила (въ 1840 г.) укрѣпить Парижъ, и ассигновала на то двѣсти милліоновъ франковъ? Деньги эти истрачены, и нынѣ со всѣхъ сторонъ раздаются требованія, чтобъ эти укрѣпленія были срыты! На дняхъ будетъ сдѣлано о томъ представленіе Палатамъ. Сроютъ укрѣпленія, а года черзъ три дадутъ еще нѣсколько сотъ милліоновъ, чтобъ построить ихъ вновь.

2 го Марта. Пренія о поступкѣ адмирала Дюпети-Туара кончились въ Палатѣ, вчера, полнымъ торжествомъ министерства. Одинъ членъ (г. Дюко) предложилъ принять слѣдующее рѣшеніе: «Палата, не одобряя дѣйствій министерства, переходитъ къ другимъ своимъ занятіямъ (à l'ordre du jour).» Приверженцы министерства (Маршалъ Себастіани, Гг. Гаспаренъ, д'Анжевиль) усердно защищали его правила и дѣйствія. Наконецъ выступилъ и г. Гизо. Сами противники его признаются, что онъ говорилъ съ необыкновенною силою, умомъ и краснорѣчіемъ. Онъ представилъ дѣйствія адмирала въ точномъ ихъ видѣ, и спросилъ, что́ было бы слѣдствіемъ потворства къ его поступкамъ, и возможно ли предоставлять начальнику отдѣльнаго поста полную власть дѣйствовать по своимъ прихотямъ, объявлять войну, низлагать владыкъ, и тѣмъ вводить правительство въ непріятныя столкновенія съ другими державами! Островъ Отаити, конечно, не важенъ въ политическомъ отношеніи, но здѣсь идетъ дѣло о справедливости и чести. Если бъ министерство одобрило этотъ законопротивный поступокъ, оно нарушило бы дружественныя свои сношенія съ другими державами, и должно бъ было отказаться отъ своего званія. Въ рѣчи своей, г. Гизо назвалъ предложеніе г. Дюко *лицемѣрнымъ* (hypocrite). Дюко запылалъ, и самъ назвалъ его лице-

мѣромъ. Поднялся шумъ, но дѣло поуладили, объявививъ, что министръ не думалъ давать сего названія самому депутату. — Послѣдній говорилъ г. Тіеръ: онъ сообщилъ перечень частнаго письма съ острова Отаити, въ которомъ описаны происки и интриги англійскихъ миссіонеровъ и флотскихъ офицеровъ, и явное доброжелательство къ нимъ Королевы Помаре; но во всемъ этомъ не было нарушенія трактата, и не за что было лишать бѣдную Помаре бѣднаго ея трона. Пошли на голоса. Министерство получило (изъ 420) 233 голоса, слѣдственно большинство 46-ти. Этимъ не только рѣшено дѣло отаитское, но и обезпечено существованіе нынѣшняго министерства. Сегодня министерскіе журналы громко трубятъ побѣду, но сегодня же будутъ прочтены въ Палатѣ Депутатовъ прошенія о срытіи укрѣпленій Парижа.

Увеселенія карнавала кончились убоемъ жирнаго быка. Говорятъ многія свѣтскія дамы присутствовали при этомъ интересномъ зрѣлищѣ, и не дрогнули, когда бѣдное животное повалилось подъ ударами. За то одинъ провожатый ихъ, Графъ ***, упалъ въ обморокъ.

Въ церквахъ начались великопостныя поученія. Знаменитѣйшіе проповѣдники, Аббаты Равиньянъ, Кёръ, Ратисбонъ, и др., привлекаютъ, слушателей въ огромные храмы Nôtre Dame, Св. Роха, Св. Сульпиція, и т. д. При семъ случаѣ производится, по окончаніи службы, сборъ подаяній въ пользу благотворительныхъ и богоугодныхъ заведеній. Знатныя и богатыя дамы принимаютъ на себя сію обязанность, и стоятъ съ разверзтыми кошельками у церковныхъ дверей, учтиво благодаря дателей и за самое малое приношеніе. Въ прежнія времена сими сборами занимались знаменитѣйшія актрисы, пѣвицы и танцовщицы, которыхъ именно къ сему

приглашали. Нынѣ, къ чести Франціи, это обыкновеніе вывелось. Между тѣмъ, въ церквахъ Франціи ведется обычай, странный и оскорбительный для чувства непривычныхъ. Стулья въ церкви отдаются въ наемъ безобразными и крикливыми старухами, по одному су, какъ на публичныхъ гульбищахъ. При глубокой тишинѣ, посреди проповѣди, раздаются визгливые голоса: Un sou, madame! — Je l'ai payé, madame. — Pardon, madame, je n'ai rien reçu» — Mais je vous dis que j'ai payé! — Non, madame! — Должно однако сказать, что этотъ обычай приноситъ церквамъ важный доходъ. Наемъ стульевъ въ Церкви Св. Сульпиція отдается на откупъ за двадцать двѣ тысячи франковъ въ годъ.

Время поста, смиренія и покаянія не прекращаетъ и не останавливаетъ всенародныхъ и частныхъ увеселеній. Балы идутъ своимъ порядкомъ. Канканы, галопы, вальсы продолжаются по прежнему. На театрѣ даютъ масляничные фарсы. Новыхъ піесъ, достойныхъ вниманія, почти нѣтъ вовсе. На Театрѣ de la Gaité играютъ драму-водевиль: *Парижская Цыганка* (La Bohémienne de Paris), соч. Гг. Лемуаня и *Поль де Кока.* Героиня этой драмы, Мадамъ Жюль или Стюартъ, или Трюшо, или Пальмира, обманываетъ, плутуетъ, воруетъ, въ теченіе четырехъ актовъ съ половиною и въ концѣ пятаго попадаетъ въ уголовный судъ, который приговариваетъ ее къ каторжной работѣ! Нравственное содержаніе піесы усѣяно извѣстными остротами и нѣжностями благопристойнаго Поль-де-Кока.

За то, на Одеонѣ играли преправоучительную драму *Люсиль* (Lucile), сочиненіе какой-то дамы. Друзья и хлопальщики удержали ее отъ паденія. Въ пятомъ актѣ одинъ усердный чтитель сочинительницы, отстаивавшій піесу, во все продолженіе ея отъ аттакъ окружавшей его мо-

лодежи, воскликнулъ: «Видите ли, господа, въ первомъ ярусѣ плачутъ!« — «Помилуйте,» возразилъ ему одинъ юноша: «зѣваютъ!»

На Французскомъ Театрѣ сбираются въ скоромъ времени дать трагедію Софокла, переведенную слово въ слово, на сценѣ, устроенной наподобіе древняго театра, въ древнемъ костюмѣ и со всѣми принадлежностями классическаго вѣка.

Водевили: *Майнцкій саперъ* (le sapeur de Mayence), въ Variétés, и *Carlo et Carlin*, въ Пале-Роялѣ — старая погудка на новый ладъ.

Послѣднюю піесу видѣлъ я вчера. Пажъ Герцога Пармскаго, Карло Бертинацци, боясь заслуженнаго имъ наказанія за какую-то шалость, бѣжитъ во Флоренцію съ однимъ своимъ товарищемъ, влюбляется тамъ въ молоденькую актрису, Аманту, вступаетъ на театръ, и восхищаетъ публику въ ролѣ арлекина. Какой-то Герцогъ, иностранный посланникъ, волочится за Амантою-Коломбиною, а Герцогиня благоволитъ арлекину. Герцогъ, желая освободиться отъ противника, опредѣляетъ его на парижскую сцену, а Герцогиня доставляетъ это же благодѣяніе ненавистной коломбинѣ, сведшей съ ума ея супруга. Любовники освобождаются отъ преслѣдованій барскихъ, и уѣзжаютъ. Содержаніе не новое, не слишкомъ занимательное, но піеса ведена умно и искусно, и изобилуетъ забавными сценами и замысловатыми остротами. Главная прелесть — игра актеровъ! Старуха Дежазе хороша удивительно въ роли Карло. Тузе игралъ дурака, товарища его, въ совершенствѣ. Водевиль оканчивается *альмандомъ*, который танцуютъ арлекинъ-Дежазе и коломбина-Скриванекъ мило и граціозно. Вслѣдъ за этимъ водевилемъ давали другой, le Major Cravachon: наполеоновской рубака, который, по словамъ его, побѣдилъ

и Германію и Испанію, низлагалъ королей и ѣлъ лошадиное мясо, ищетъ жениха дочери своей, выгоняетъ всѣхъ порядочныхъ людей, и отдаетъ ее за молодаго человѣка, который подрался съ нимъ за бездѣлицу, и искусно его ранилъ. Довольно забавно, только не послѣ Дежазе. «Читали ль вы Жанъ-Жака?» спрашиваютъ у маіора — Нѣтъ! отвѣчаетъ онъ: я не читалъ ни того, ни другаго.

На Театрѣ Гимназіи даютъ новый водевиль: *La tante Bazu*, подражаніе Дядѣ Батисту, о которомъ я упоминалъ. Тетку Базю, площадную торговку, играетъ очень забавно Дельмасъ. При окончаніи піесы, онъ не поетъ куплетовъ, а произноситъ рѣчь, въ которой объявляетъ публикѣ, что Театръ Гимназіи ничего не потерялъ настойчивостью своею противъ требованій общества водевилистовъ, а напротивъ, безпрерывно пріобрѣтаетъ новыя права на вниманіе публики.

Дирекція Ambigu-Comique объявляетъ, что вскорѣ прекратятся представленія *Парижскихъ Цыганъ*, и проситъ особъ, желающихъ видѣть эту піесу, воспользоваться послѣдними ея днями. — *Парижскія Тайны*, поисправленныя, поурѣзанныя, представляются ежедневно, и привлекаютъ многочисленную публику. Говорятъ, дирекція Брюссельскаго Театра намѣрена дать эту піесу такъ, какъ она была написана въ началѣ, безъ перемѣнъ и поправокъ цензуры. Еслибъ уже существовала желѣзная дорога изъ Парижа въ Брюссель, эта спекуляція была бы очень удачна. — Евгеній Сю тягался, на дняхъ, въ гражданскомъ судѣ, съ издателями журнала la Presse. Г. Дюжаріе, одинъ изъ издателей, утверждаетъ, что г. Сю предложилъ редакціи купить у него романъ: *Странствующій Жидъ*, и самъ исправилъ объявленіе, помѣщенное въ журналѣ 2-го Мая 1843, въ которомъ сказано бы-

ло, что въ Октябрѣ того года, la Presse будетъ помѣщать сей романъ въ своемъ фельетонѣ. Сю не только не представлялъ романа редакціи, но и продалъ его, въ послѣдствіи другому. Г. Веронъ, предпринимая редакцію журнала: le Constitutionnel, купилъ его у г. Сю за сто тысячъ франковъ. Г. Дюжаріе, находя въ семъ поступкѣ нарушеніе заключеннаго съ редакціею условія, требовалъ принудить г. Сю къ исполненію возложенной имъ на себя обязанности. Адвокатъ г. Сю утверждалъ, что дѣйствительнаго условія заключено не было, и что происходили только предуготовительные переговоры. Судъ, признавъ, что г. Сю поступилъ *не чисто*, нарушивъ данное имъ обѣщаніе, объявилъ въ то же время, что въ семъ поступкѣ его не было ничего законопротивнаго, и потому освободилъ его отъ всякой отвѣтственности и отказалъ въ исполненіи требованія г. Дюжаріе.

Вскорѣ ($^3/_{15}$ Марта) откроется выставка художественныхъ произведеній. Въ комитетъ присяжныхъ (le jury) поступило до шести тысячъ разныхъ произведеній искусства, изъ которыхъ они выберутъ достойныя помѣщенія на выставкѣ. Другая выставка, произведеній французской промышлености, открыта будетъ въ Маѣ, въ новомъ великолѣпномъ зданіи, выстроенномъ именно для того на Елисейскихъ Поляхъ, но я ея не увижу.

Выборъ въ члены Французской Академіи на мѣста Делавиня и Нодіе послѣдуетъ 14-го Марта. Говорятъ, что боязливые и суевѣрные литераторы страшатся сѣсть въ кресла Нодіе, имѣющія убійственную славу въ Академіи. Никто изъ заанимавшихъ сіи кресла не сидѣлъ въ нихъ пятнадцати лѣтъ: всѣ умирали до этого срока. Карлъ Нодіе былъ на нихъ, со времени учрежденія Академіи (1635), пятнадцатымъ членомъ, между тѣмъ какъ

на другихъ было не болѣе десяти или двѣнадцати, на нѣкоторыхъ по девяти и по восьми.

Въ газетахъ сообщаютъ случай, который долженъ обратить на себя общее вниманіе. Вскорѣ послѣ карнавала 1792 года былъ посаженъ въ домъ умалишенныхъ Луи Кретте (Cretté), молодой человѣкъ двадцати двухъ лѣтъ, потерявшій разсудокъ отъ глупой шутки. Онъ былъ здоровъ и крѣпокъ тѣломъ, но чрезвычайно раздражителенъ. Сбираясь въ публичный маскарадъ, онъ вышелъ изъ своей комнаты. Вдругъ бросился на него товарищъ его, одѣтый медвѣдемъ, и громко заревѣлъ. Кретти испугался и сошелъ съ ума. Всѣ старанія объ излеченіи его были тщетны. Онъ пересталъ говорить и только ревѣлъ медвѣдемъ. Въ этомъ положеніи провелъ онъ пятьдесятъ два года. Замѣчали, что онъ особенно безпокоенъ былъ въ дни карнавала, метался во всѣ стороны, и ревѣлъ громче обыкновеннаго. Онъ умеръ, въ такомъ припадкѣ, 20-го Февраля, *въ послѣдній день карнавала.* Къ чести виновника его несчастія должно сказать, что онъ искренно раскаивался въ своемъ неосторожномъ поступкѣ, и производилъ страдальцу по пяти сотъ франковъ ежегоднаго пенсіона.

XXXI.

9-го Марта (26-го Февраля) 1844.

Политика пріутихла. Въ Палатѣ Депутатовъ продолжаютъ теребить законъ о патентахъ. Сегодня, вѣроятно, будетъ опять бурное засѣданіе по случаю возобнов-

ленія толковъ объ укрѣпленіи Парижа, начавшихся въ истекшую субботу. Въ Палату поступили прошенія изъ разныхъ мѣстъ Франціи объ уничтоженіи укрѣпленій Парижа, разорительныхъ для казны, безполезныхъ въ случаѣ войны, и грозныхъ только для самаго города. Военный Министръ и ораторы министерства защищали существованіе укрѣпленій, доказывали ихъ пользу и неосновательность опасеній за цѣлость города. Оппозиція сильно имъ противилась. Ламартинъ произнесъ длинную и великолѣпную рѣчь, въ которой изложилъ желанія, ожиданія, опасенія и надежды оппозиціи. Засѣданіе отложено было до слѣдующей (нынѣшней) субботы, для выслушанія рѣчи г. Араго, главнаго противника укрѣпленій. Вотъ плоды пресловутаго представительнаго правленія: сколько головъ, столько умовъ! Въ *Исторіи десятилѣтія Франціи* (Histoire de Dix Ans, 1830 — 1840, par Louis Blanc), изданной молодымъ писателемъ съ большими дарованіями, нашли мы слѣдующее мѣсто: «Двѣ партіи (министерская и оппозиціонная) были правы другъ противъ друга, но обѣ были виноваты предъ судилищемъ разсудка, и борьба ихъ доказала, до какой степени недостаточно и вредно правленіе конституціонное. Всякое правительство, основанное не на единствѣ, должно жить въ безначаліи, и умереть въ безнравственности. Единство монархическое у насъ прекратилось съ тѣхъ поръ, какъ возникло владычество собраній, избираемыхъ и безсмѣнныхъ, съ того самаго дня, какъ ослабили тронъ, лишивъ его необходимаго пособія аристократіи помѣщиковъ, съ того дня, въ который наслѣдственность короны сдѣлалась исключеніемъ изъ общаго правила, и уничтожилась наслѣдственность высшаго дворянства (перовъ). Единство монархическое сдѣлалось невозможнымъ въ тотъ самый день, ко-

гда среднее сословіе (la bourgeoisie) захватило въ руки обломки феодальной власти. И съ сего времени сдѣлалось возможнымъ только единство парламентское, то есть республиканское. Создавая человѣка, Богъ устроилъ его не такъ, чтобъ руки управляли дѣйствіями головы. Голова повелѣваетъ, руки исполняютъ. Какъ могъ бы дѣйствовать человѣкъ, если бъ голова его хотѣла одного, а руки другаго!»

Борьба Министерства Просвѣщенія съ іезуитами продолжается. Аббатъ Камбало (Cambalot), напечатавшій книгу: Mémoire adressé aux Evêques de France et aux pères de famille sur la guerre, faite à l'Eglise et à la société par le monopole universitaire (*Записки Епископамъ Франціи и отцамъ семейства, о войнѣ, воздвигнутой на Церковь и общество университетскою монополіею*), былъ преданъ за то уголовному суду. Это дѣло производилось и рѣшено третьяго дня въ Ассизномъ Судѣ, при стеченіи многочисленной публики. Въ числѣ зрителей были многія духовныя особы и около ста дамъ, и среди нихъ знаменитая Жоржъ-Сандъ. Аббатъ, найденный виновнымъ въ оскорбленіи чести гражданъ и въ покушеніи возмутить умы противъ правительства, приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и къ уплатѣ четырехъ тысячъ франковъ пени. Этимъ дѣло не кончилось: іезуитская партія заплатитъ штрафъ, и вслѣдъ за симъ выпуститъ новыя книги противъ ненавистнаго ей министерства.

Завтра будетъ судимъ, въ Ассизномъ Судѣ, двадцатилѣтній извергъ, аптекарскій подмастерье Дюкро (Ducros). Въ Январѣ сего года онъ прибылъ въ Парижъ изъ Тулузы съ рекомендательными письмами къ разнымъ особамъ. Первое письмо отнесъ онъ къ

одной семидесяти-четырехлѣтней старушкѣ, и между тѣмъ, какъ она его читала, онъ осмотрѣлся въ комнатѣ, догадался, что старуха должна быть не бѣдна, и тутъ же убилъ ее и ограбилъ. Онъ принадлежитъ къ честной и уважаемой фамиліи. Сказываютъ, что въ актахъ его процеса есть любопытныя письма родственниковъ и знакомыхъ его. Я успѣлъ получить билетъ для входа въ судъ, заберусь туда заблаговременно, и сообщу моимъ читателямъ, въ будущемъ письмѣ, все, что̀ увижу и услышу тамъ любопытнаго. На сихъ дняхъ случилось здѣсь еще нѣсколько убійствъ съ грабежемъ. Между прочимъ, убили одного престарѣлаго Англичанина Варда, жившаго безъ прислуги, въ Лондонской Улицѣ (Rue de Londres). Преступники еще не найдены, но нѣтъ сомнѣнія, что смѣтливая неутомимая здѣшняя полиція откроетъ ихъ въ скоромъ времени.

Изъ театральныхъ новостей, обращаетъ на себя большое вниманіе водевиль г-жи Ансело: Pierre le millionnaire (*Петръ Милліонщикъ*). Содержаніе его есть слѣдующее: Петръ Нику страстно влюбился въ дочь Маркиза де Жонвиля, у котораго онъ служитъ секретаремъ. Она втайнѣ раздѣляла его страсть, но онъ былъ незнатенъ, бѣденъ, и не надѣялся получить руку богатой наслѣдницы. Въ отчаяніи онъ оставилъ Францію, и чрезъ двадцать лѣтъ возвратился изъ Остъ-Индіи съ несмѣтнымъ богатствомъ и прежнею страстію. Любезная его, между тѣмъ, вышла замужъ, овдовѣла, лишилась всего имѣнія отъ несчастныхъ случаевъ, и живетъ въ бѣдности съ дочерью своею, Полиною. Вдругъ племянникъ ея, Графъ Густавъ де Жонвилъ, познакомившись случайно съ Полиною, влюбляется въ двоюродную сестру, и сватается на ней. Между тѣмъ, новый богачъ Петръ Нику возвращается въ Парижъ, и предлагаетъ Графинѣ

руку свою и богатство. Графини понимаетъ всю силу, всю нѣжность этого чувства, и вышла бы за Петра, если бъ онъ и не былъ богатъ, но ей извѣстны предразсудки ея племянника, который ни за что не женился бы на падчерицѣ не дворянина, и она отказывается отъ предложенія. Петръ, въ горести и досадѣ, рѣшается отомстить гордецу. Графъ Жонвиль находится въ тѣсныхъ обстоятельствахъ: имѣніе его забираютъ за долги. Петръ предлагаетъ ему жениться на воспитанницѣ его, Евѣ, привезенной имъ изъ Индіи, за которою онъ даетъ два милліона приданаго. Графъ не выдерживаетъ испытанія, и соглашается бросить кузину. На этой борьбѣ Графа съ самимъ собою, на горести Графини и ея дочери, и на твердости Петра основанъ весь интересъ піесы. Это борьба чувства съ деньгами. Госпожа Ансело благороднымъ образомъ вступается за права сердца и души противъ благъ вещественныхъ и преходящихъ. Наконецъ, чувство добра одерживаетъ верхъ въ сердцѣ Густава, и піеса оканчивается тремя свадьбами. (Ева съ двумя милліонами не могла не найти жениха): всѣ счастливы, всѣ богаты. Комедія сія составлена не искусно въ драматическомъ отношеніи; есть длинноты и скучныя мѣста, но есть и прекрасныя сцены. Разговоръ легкій и благородный; много ума и остроты. Вотъ что говоритъ о ней одинъ критикъ, довольно безпристрастный: «Госпожа Ансело расточаетъ въ этой піесѣ много эмиграммъ: онѣ и справедливы и тонки. Мы особенно рукоплескали тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ она возстаетъ противъ денежной аристократіи. Радуемся, что она, работая для сцены, обращаетъ вниманіе на вопросы и недуги настоящаго времени. Это приноситъ большую честь женщинѣ, въ наше время, когда многіе писатели тратятъ свои таланты на произведеніе творе-

ній безъ цѣли и безъ пользы! Почтенная писательница внимательно наблюдаетъ случаи, происшествія и явленія въ свѣтѣ, и старается извлечь изъ нихъ уроки.» — Піесу эту играютъ очень удачно; особенно хорошъ Барду, въ роли милліонщика, и Лаферіеръ, въ роли графа. Второе представленіе этой піесы не состоялось по странному обстоятельству. Въ четыре часа по полудни дирекція получила предписаніе полиціи не играть этой піесы подъ тѣмъ предлогомъ, что актеры произнесли въ ней нѣкоторыя фразы, исключенныя ценсурою. Г. Ансело бросился съ піессою въ Палату Депутатовъ, вызвалъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и доказалъ ему на самомъ дѣлѣ, что мѣста, найденныя предосудительными, дѣйствительно находились въ рукописи, одобренной ценсурою. Министръ извинился, объявилъ, что его ввели въ заблужденіе ложнымъ доносомъ, и позволилъ играть піесу на другой день такъ, какъ ее играли въ первый разъ. Между тѣмъ сборъ этого дня пропалъ, и г. Ансело подалъ жалобу въ судъ на инспектора театровъ, требуя съ него трехъ тысячъ франковъ за понесенный имъ убытокъ. Господину Ансело не новость тягаться въ судѣ. На сихъ дняхъ судился онъ съ первымъ артистомъ своего театра, Арналемъ, который не хотѣлъ играть какой-роли въ одной новой піесѣ; дирекція хотѣла принудить его къ тому, и онъ принесъ жалобу въ судъ. Когда дошла очередь до разсмотрѣнія этого дѣла, директоръ и артистъ объявили, что они помирились. «Прекрасно! отвѣчали въ судѣ, но не менѣе того г. Арналь обязанъ уплатить судебныя издержки.

Буффе, сыгравъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ три изъ лучшихъ ролей своихъ (*Парижскаго Баловня*, *Дядю Батиста* и *Мишель Перрена*), явился на сихъ дняхъ въ

превосходнѣйшемъ своемъ созданіи, въ роли Гранде, въ драмѣ *Дочь Скупца* (la fille de l'avare). Если въ прочихъ его роляхъ мы удивляемся его искусству въ изображеніи слабостей, причудъ и привычекъ въ жизни человѣческой, то въ представленіи *этого* лица должны признать и уважить въ немъ глубокомысленнаго психолога. Непостижима страсть нѣкоторыхъ людей къ золоту, не какъ къ средству для пріобрѣтенія временныхъ благъ жизни (въ этомъ видѣ, кто его не любитъ?), а какъ къ вещи, которая прекрасна, любезна сама по себѣ. И страсть эта, къ удивленію нашему, дѣйствительно существуетъ. Это мономанія, какъ страсть къ картинамъ, къ книгамъ, къ лошадямъ, къ охотничьимъ собакамъ. Нѣкоторые мудрецы утверждаютъ, что Шаръ Земной есть не иное что, какъ огромная глыба золота, окислившаяся отъ дѣйствія солнечныхъ лучей на поверхности своей, и только немногими жилками, зернышками и песчинками возвѣщающая людямъ о томъ, что̀ кроется въ глубинѣ. Слѣдственно, говорятъ они, любовь къ золоту есть любовь наша къ планетѣ, даровавшей намъ жизнь и всѣ наслажденія; слѣдственно, любовь къ золоту есть любовь къ родной землѣ, любовь къ отечеству самая рѣшительная! Должно же быть что нибудь такое, если посудимъ о любви людей къ любезному металлу. И характеръ такого исключительнаго обожанія золота, такого безотчетнаго направленія всѣхъ дѣйствій, силъ и способностей къ пріобрѣтенію его, съ заглушеніемъ всѣхъ иныхъ чувствъ, представляетъ Буффе съ удивительною истиною и съ неподражаемымъ и невыразимымъ совершенствомъ. Скупецъ этотъ человѣкъ не совершенно нечувствительный: онъ, правда, не спѣшитъ на помощь къ погибающему зятю, но любитъ дочь свою, и воображаетъ, что ко-

питъ богатство для ея счастія. Всего разительнѣе, ужаснѣе та сцена, въ которой Гранде узнаетъ о пропажѣ его золота. Помертвѣніе глазъ, дрожаніе губъ, трепетъ во всѣхъ членахъ, голосъ хриплый, едва вырывающійся изъ груди — все это являетъ намъ въ совершенствѣ *строгій этюдъ* человѣческой природы въ ея мгновенныхъ проявленіяхъ. Это уже не игра театральная, а высшая степень пластическаго искусства, на которой и живописецъ, и рисовальщикъ, и поэтъ, и философъ, и полотно, и краски, — все проявляется намъ въ одномъ лицѣ геніяльнаго Буффе. — Эта роль есть самая трудная изъ всѣхъ, какія онъ играетъ. Буффе самъ говорилъ мнѣ, что она утомила его и приблизила къ старости, что она низведетъ его въ могилу ранѣе времени. Не удивительно! Ему совѣтовали беречь себя, увѣряя, что публика будетъ довольна и половиною исполненія. «Не могу, отвѣчаетъ онъ въ изступленіи: или я Буффе, или нѣтъ; я играю не для публики, играю для себя, для искусства, для исполненія моей обязанности. Умру какъ солдатъ на штурмѣ, а не отступлю!»

На театрѣ Большой Оперы представляютъ новый балетъ: *Леди Генріетта*. Его хвалятъ, но я ничего не могу сказать о немъ: я его не видалъ и не увижу. Увольте отъ этой обязанности.

На театрѣ Комической Оперы, новая опера (Скриба и Адама) *Каліостро* привлекаетъ ежедневно большое число зрителей. Твореніе самое посредственное, исполняемое слабо, и вновь свидѣтельствующее о силѣ шарлатанства въ Парижѣ. Въ залѣ Комической Оперы полторы тысячи мѣстъ. Въ первое представленіе *Каліостра* раздана была *тысяча* даровыхъ билетовъ цеховымъ и вольнопрактикующимъ х лопальщикамъ. Первые,

цеховые, состоятъ въ спискѣ своего предводителя (chef de la claque), и получаютъ, сверхъ даровагo билета, по 25 су въ вечеръ. Послѣдніе суть студенты, бѣдные артисты и тому подобные любители изящнаго. Вербовщики хлопальщиковъ производятъ ремесло свое въ извѣстныхъ кофейняхъ. Молодые люди являются туда, за часъ до поднятія завѣсы, и получаютъ даровые билеты, но безъ денегъ. Тутъ же сообщаются имъ и необходимые сигналы. Эта тысяча усердныхъ рукоплескателей увлекаетъ пятьсотъ олуховъ; журнальные критики получаютъ также денежную плату, и на другой день являются въ газетахъ громкія объявленія: «Исполинскій успѣхъ вчерашней піесы», «*пирамидальная* слава оперы, данной вчера», «неистощимый геній Адама», и т. д. Въ этотъ день плательщиковъ является уже до осьми сотъ, а чрезъ недѣлю, кромѣ пятидесяти безсмѣнныхъ клакёровъ, во всей залѣ одни денежные, восторженные зрители. Когда говорятъ директорамъ, какъ вредно это шарлатанство, они отвѣчаютъ: «Чтó намъ дѣлать! Публика холодна и глупа! Ее надобно разогрѣть и надоумить. Она въ состояніи не хлопнуть ни разу въ самой лучшей піесѣ; чѣмъ болѣе вы занимаете глаза и умъ зрителей, тѣмъ скорѣе они забываютъ, что у нихъ есть руки. Но лишь только *наши* подадутъ сигналъ, общій восторгъ распространяется въ залѣ.» Директоры театровъ употребляютъ хлопальщиковъ иногда и для наказанія провинившихся актеровъ свистомъ и шиканьемъ. Такъ недавно Ватель, директоръ Италіянской Оперы, *приказалъ* освистать Ронкони, сказавшагося больнымъ не во время. — Дѣйствія хлопальщиковъ происходятъ очень важно, серіозно и въ большомъ порядкѣ. Одинъ молодой человѣкъ, успѣшно занимающійся музыкою, разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ свидѣтелемъ

приготовлений ко второму представленію Гугенотовъ, Мейербера. За полчаса до открытія дверей для публики, предводитель хлопальщиковъ (получающій въ этомъ ремеслѣ до двадцати пяти тысячъ франковъ годоваго дохода) повелъ свою фалангу изъ фойе въ партеръ, самъ сталъ на скамьѣ посреди партера, и разставилъ команду по мѣстамъ. Помощники его также стояли на скамьяхъ. — «Гдѣ же *шестеро* хлопальщиковъ г-жи Фальконъ?» спросилъ онъ съ безпокойствомъ. — «Идутъ, отвѣчали ему: они разсядутся на осьмой скамьѣ.» — «Очень хорошо! Теперь повторите сигналы!»

Частные балы продолжаются въ посту безостановочно. Въ *переломъ поста* (mi-carême) будутъ даны и публичные. Новый танецъ, о которомъ я писалъ вамъ, и который я, въ *терпсихорномъ* невѣжествѣ своемъ, называлъ мазуркою, есть, по новѣйшимъ собраннымъ мною свѣдѣніямъ, вѣнскій галопъ съ припрыжкою въ два темпа, называемый въ Германіи Hopser. Здѣсь назвали его *полькою* (polca), и всѣ отъ него сходятъ съ ума. Модники и модницы учатся плясать польку у нѣмецкихъ танцмейстеровъ, и тѣхъ, которые выучились, приглашаютъ на всѣ вечера. Славнѣйшій изъ этихъ учителей есть профессоръ Целларіусъ. Онъ даетъ въ день по два публичные урока, одинъ поутру мужчинамъ, другой послѣ обѣда, дамамъ. Остальное время его занято частными уроками. Знатнѣйшія дюшессы, богатѣйшія дочки банкировъ ищутъ счастія быть его ученицами. И не одни молодые люди тѣснятся въ его залѣ: г. Целларіусъ считаетъ въ числѣ своихъ учениковъ значительное число серіозныхъ чиновниковъ, сѣдыхъ политиковъ, трехъ членовъ Института и нѣсколько дюжихъ дамъ лѣтъ сорока и болѣе, приводящихъ

танцоровъ въ отчаяніе полнотою своею. Одна дама, знатная и богатая, стыдясь участвовать въ общемъ классѣ, просила профессора давать ей частные уроки. — «Радъ бы, отвѣчалъ онъ, только у меня остается одинъ свободный часъ.» — Прекрасно, я беру этотъ часъ. — «Пожалуйте въ три часа; до четырехъ я свободенъ.» — Жаль, это часъ моей прогулки, но чѣмъ не пожертвуешь для польки! — «Извините, сударыня: вы меня не понимаете: я разумѣю, въ три часа утра.» — Какъ ночью? — «Точно такъ-съ! Съ полуночи до часу учится у меня дюшесса ***; до двухъ часовъ супруга депутата N., до трехъ часовъ супруга бывшаго министра А.; съ четырехъ до пяти двѣ Англичанки съ кавалерами.» — Нечего дѣлать! отвѣчала графиня: буду пріѣзжать къ вамъ съ бала, въ полномъ костюмѣ!

Въ числѣ новыхъ изобрѣтеній, которыя должны преобразовать свѣтъ, называютъ *круглый* билліардъ: знаменитая игра получитъ отъ этого совершенно новый видъ. Это изобрѣтеніе не только безвредное, но и полезное: оно займетъ людей праздныхъ, доставитъ развлеченіе и движеніе дѣловымъ, дастъ хорошую прибыль ремесленникамъ. А что́ сказать о тѣхъ изобрѣтеніяхъ, которыми ежедневно отравляютъ бѣдныхъ Парижанъ на тысячу различныхъ манеровъ? Одинъ журналистъ говоритъ: «Видно, Народъ Французскій очень силенъ и плотенъ, что можетъ устоять отъ всѣхъ этихъ ударовъ. Онъ ѣстъ и пьетъ самыя губительныя и вредныя вещества, производимыя преступною алчностью промышленниковъ. Вино и молоко, употребляемыя въ народѣ, не заслуживаютъ своего имени. Полиція выливаетъ поддѣльныя питья; но этой чести не под-

вергается и тысячная доля вредныхъ веществъ: если бы вылить въ Сену все поддѣльное молоко и вино, она явилась бы въ Гавръ полосатою, бѣлою и красною. Вымыслили печь хлѣбъ изъ песку. Бифстексъ изготовляется изъ мяса животныхъ всякаго рода; сѣно, приправленное ярью мѣдянкою, продается за чай. И не одни съѣстные припасы поддѣлываются такимъ безчестнымъ образомъ: присяжные химики нашли ядовитыя вещества въ помадахъ, мазяхъ, мылахъ, притираньяхъ и эссенціяхъ. Эти косметическія средства продаются не однимъ простымъ людямъ: и знатные и богачи покупаютъ ихъ за большія деньги!»

Вчерашняго числа осматривалъ я тюрьму для заключенія должниковъ, недавно устроенную въ улицѣ Клиши. Мнѣ сказывали, что она построена на счетъ Герцогини Беррійской, которая, видя, какъ несправедливо помѣщать неосторожность и бѣдность съ преступленіемъ и порокомъ, возъимѣла благородную мысль дать средства къ отдѣленію несостоятельныхъ должниковъ отъ другихъ заключенныхъ. Зданіе отдѣляется отъ улицы и сосѣдственныхъ домовъ высокою стѣною. Въ особомъ, небольшомъ флигелѣ помѣщаются женщины; въ главномъ зданіи мужчины. Самымъ пріятнымъ развлеченіемъ для несчастныхъ служитъ садъ, не очень большой, но тѣнистый и разведенный со вкусомъ. Въ нижнемъ ярусѣ двѣ общія залы: въ одной происходитъ, въ воскресные дни, богослуженіе; въ другой арестанты проводятъ время въ обществѣ; тутъ есть разныя игры: шахматы, шашки, кегли, небольшой билліардъ, заведенный знаменитымъ должникомъ Увраромъ, буфетъ, гдѣ продаются съѣстные припасы и питья (недавно запретили держать въ немъ водку, мадеру и шампанское), библіотека, кабинетъ для чтенія журналовъ.

Тутъ же кухня, въ которой заключенные, нежелающіе обѣдать за общимъ столомъ, сами стряпаютъ свой обѣдъ. По врожденной во всякомъ Французѣ склонности къ поваренному искусству, многіе изъ нихъ занимаются стряпнею для препровожденія скучнаго времени. Во второмъ, третьемъ и четвертомъ ярусѣ кельи заключенныхъ — небольшія каморки, длиною въ полторы сажени, шириною аршина въ два: въ нихъ помѣщаются постель, столикъ, три стула, шкафъ. Окна съ желѣзными рѣшетками. Провожавшій меня Французъ (человѣкъ преуслужливый, жившій довольно долго въ Россіи) повелъ меня въ келью знакомаго ему арестанта, Англичанина. Я нашелъ статнаго, прекраснаго собою человѣка, лѣтъ двадцати семи: онъ игралъ съ двухлѣтнимъ сыномъ, котораго больная жена прислала къ нему съ нянькою. Принявъ насъ учтиво, онъ сказалъ нянькѣ по-англійски, что ей пора итти, взялъ младенца на руки, и прижался къ нему лицемъ. Сердце у меня перевернулось..... Оставшись наединѣ, мы бесѣдовали съ нимъ около часу. Онъ очень хорошо говоритъ по-французски, и вообще казался человѣкомъ умнымъ, образованнымъ. Лѣтъ за пять предъ симъ женился онъ, въ Англіи, по любви, противъ воли старой, богатой тетки, которая хотѣла пристроить его по-своему. Надѣясь умилостивить ее, онъ вошелъ въ долги, но ошибся въ своемъ ожиданіи, и для избѣжанія строгости заимодавцевъ, удалился во Францію. Заимодавцы его передали свои требованія одному пале-рояльскому сапожнику, и этотъ засадилъ милорда, вопреки законамъ, признающимъ дѣйствительность только тѣхъ долговъ, которые сдѣланы во Франціи. Въ судѣ оказалось большинство одного голоса въ пользу сапожника, который, за это по-

печеніе, получаетъ отъ англійскихъ ростовщиковъ по тысячѣ двѣсти франковъ въ годъ. Бѣдный Англичанинъ сидитъ уже около четырехъ лѣтъ. Французскій подданный отсиживаетъ свои долги въ пять лѣтъ, а иностранецъ долженъ просидѣть десять. Это молодой человѣкъ надѣется выйти по истеченіи пяти лѣтъ, потому что долгъ его не чисто французскій. Кюстинъ и другіе путешественники жалуются на русское обыкновеніе очищаться отъ долговыхъ претензій публикацією въ газетахъ, а не говорятъ, какъ несправедливы, въ этомъ отношеніи, законы французскіе. Физіономія ваша не понравилась какому нибудь торгашу или ремесленнику: онъ подаетъ на васъ жалобу, утверждаетъ, что вы ему должны столько-то; васъ предварительно сажаютъ въ тюрьму, и потомъ предоставляютъ доказывать неосновательность иска. Разумѣется, что по изобличеніи ложнаго обвинителя, онъ подвергается суду и наказанію, но вы не менѣе того посидѣли въ Клиши! — Англичанинъ жалуется на дурное содержаніе тюрьмы: пища, отпускаемая за деньги, не хороша; вездѣ грязно, вездѣ пахнетъ очень непріятно. Съ бѣдныхъ должниковъ дерутъ деньги немилосердымъ образомъ. На каждую вещь, продаваемую въ тюрьмѣ, накидываются проценты; даже за каждое получаемое арестантами письмо платится болѣе почтовой таксы. Отъ этого директоръ имѣетъ до пятнадцати тысячъ франковъ ежегоднаго дохода. Онъ живетъ царькомъ въ бель-этажѣ передняго зданія. Помощники его, смотрители, ключники, даже разсыльщики (commissionnaires) служатъ по его примѣру.

Сообщаю нѣкоторыя статистическія извѣстія о тюрьмѣ въ улицѣ Клиши. Въ теченіе 1843 года поступило въ нее 574 человѣка (въ томъ числѣ 31 женщина).

Въ 1842 перебывало 647 человѣкъ. — Въ числѣ заключенныхъ 1843 года было 504 Француза и 70 иностранцевъ, изъ нихъ 50 Англичанъ. Русскихъ ни одного. — Изъ нихъ, по возрасту, было отъ 20 до 25 лѣтъ 46; до 30 лѣтъ 94; до 40 лѣтъ 206; старѣе сорока лѣтъ 229. — 499 человѣкъ заключены были въ первый разъ, 56 во второй, 13 въ третій, трое въ четвертый и трое въ пятый разъ. По суммамъ: 173 человѣка должны отъ 100 до 500 фр. 112 до 1000 фр., 65 до 2000; 37 до 3000; 22 до 4000; 15 до 5000; 10 отъ 5000 до 100,000 фр. — Законъ опредѣляетъ тюремное заключеніе: для Французовъ за сумму свыше 200 фр.; для иностранцевъ свыше 150 фр. Сверхъ того, исправительные суды имѣютъ право сажать въ тюрьму за неуплату убытковъ, какъ бы мала ни была должная сумма.

По званіямъ, было: купцевъ и торгашей 252 фабрикантовъ 24; аферщиковъ (agents d'affaires) 6; чиновниковъ 27; живущихъ своими доходами (rentiers) 55; ремесленниковъ 180; военныхъ 15; людей безъ званія 12; профессоровъ 4; студентовъ 10; литераторовъ 9; артистовъ 12, и т. д. Достойна замѣчанія правильность почти, математическая, съ какою происходятъ ежегодно измѣненія въ числѣ вступающихъ и выходящихъ. Въ 1843 году вступило 574 человѣка, въ томъ числѣ 31 женщина. 31-го Декабря 1842 было въ тюрьмѣ 174 человѣка, въ томъ числѣ 7 женщинъ; чрезъ годъ, въ тотъ же день, было 170 человѣкъ, и между ими 7 женщинъ. Кажется, это число зависитъ отъ обстоятельствъ случайныхъ, отъ произвола людей, движимыхъ порокомъ или несчастіемъ, а оно возобновляется такъ регулярно.

Изъ числа 569 вышедшихъ изъ тюрьмы, 37 человѣкъ заплатили долгъ; 249 согласились съ кредито-

рами; 95 по неплатежу кормовыхъ денегъ; 15 по рѣшенію суда; 30 съ дозволенія кредиторовъ.

Въ теченіе 1843 года не было въ тюрьмѣ ни побѣга, ни самоубійства. Умеръ одинъ арестантъ, Просперъ Деласаль, литераторъ, бывшій нѣкогда редакторомъ журнала l'Europe littéraire. Онъ страдалъ водяною болѣзнію въ груди; отъ заключенія въ тюрьмѣ, она усилилась и сдѣлалась смертельною. Журналистъ, у котораго мы заимствуемъ сіи свѣдѣнія, справедливо замѣчаетъ: «Въ этомъ отношеніи законы наши недостаточны. Въ случаѣ смертельной болѣзни должника слѣдовало бы прекращать преслѣдованія и содержаніе въ тюрьмѣ. Должникъ, предполагая его, какъ и должно, только несчастнымъ или, по большей мѣрѣ, неосторожнымъ, не преступникъ, а съ мертваго тѣла долгу не взыщешь. По примѣру всѣхъ другихъ арестантовъ, Деласаль не хотѣлъ итти въ больницу, и умеръ въ своей каморкѣ. Странно, что правленіе тюрьмы не устранитъ бѣдственнаго обычая, господствующаго въ семъ отношеніи: больница въ тюрьмѣ устроена очень хорошо, но всегда бываетъ пуста. Отчего это? Оттого, что больные не могутъ видѣться съ товарищами своего заключенія, не могутъ принимать посѣщеній иначе, какъ въ присутствіи сторожа. Вотъ почему больные арестанты боятся больницы, и предпочитаютъ ей тѣсное свое заключеніе.» Въ нынѣшнемъ году былъ случай, еще болѣе огорчительный. Въ тюрьму привезенъ былъ, въ *пятый разъ*, одинъ бѣдный мостовщикъ (maître paveur) Озеннъ, страдавшій чахоткою въ высшей степени. Врачъ больницы, освидѣтельствовавъ его, отправился къ кредитору (monsieur Denizard), и умолялъ его дать несчастному возможность умереть на свободѣ. «Да онъ не боленъ!» воскликнулъ Денизаръ.

— «Такъ боленъ, отвѣчалъ врачъ, что если вы его выпустите, и онъ проживетъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, я обязываюсь заплатить вамъ весь его долгъ.» — «Нѣтъ! закричалъ жестокосердый ростовщикъ: я для того и засадилъ его въ тюрьму, чтобъ онъ тамъ издохъ!» — Чрезъ двѣ недѣли, Озенпъ дѣйствительно умеръ.

Добрый Англичанинъ, разсказывая мнѣ этотъ случай, пылалъ сильнымъ негодованіемъ: онъ былъ свидѣтелемъ смерти бѣднаго страдальца, и далъ себѣ слово, по освобожденіи своемъ, обнародовать въ Англіи всѣ злоупотребленія и ужасы этой тюрьмы, и изобличить тѣхъ, которые пользуются ею для терзанія нищихъ братій своихъ. Я простился съ нимъ, пожелавъ ему терпѣнія и бодрости. Видѣнное и слышанное мною до крайности меня разстроило. Вышедши на улицу, я взглянулъ на часы, и увидѣлъ, что еще остается у меня цѣлый часъ времени. «Куда бы теперь пойти?» спросилъ я у провожатаго. — «Пойдемъ-те за городъ, сказалъ онъ, вотъ застава Клиши; тамъ Батиніоль и Монмартрское Кладбище.» — «Пойдемъ, пойдемъ на кладбище!» воскликнулъ я: «изъ тѣсной тюрьмы этой жизни, пойдемъ въ жилище вѣчной свободы отъ всякихъ узъ!» Застава была дѣйствительно шагахъ въ двухъ стахъ оттуда. Дорогою взглянулъ я на садъ Тиволи, бывшее гульбище, гдѣ я, за двадцать за семь лѣтъ предъ симъ, провелъ нѣсколько пріятныхъ вечеровъ съ добрыми друзьями. Гдѣ они теперь? *Однихъ ужъ нѣтъ, другіе странствуютъ далече.* Садъ заглохъ, и мѣсто его продается съ публичнаго торга, для застройки домами, которые, въ этой части Парижа, ростутъ какъ грибы. За этою заставою тянется большое предмѣстіе (les Batignoles), обитаемое простонародьемъ и всякими промышлениками. Здѣсь же селят-

ся люди скромные, небогатые, не имѣющіе частныхъ занятій въ Парижѣ: вино, мясо, масло, словомъ всѣ съѣстные припасы, въ предмѣстіяхъ, за чертою акциза (octroi), гораздо дешевле, нежели въ городѣ. Омнибусы, отходящіе каждыя десять минутъ, содержатъ легкое и дешевое сообщеніе съ самою срединою и даже съ противоположнымъ краемъ Парижа. Вступивъ въ предмѣстіе, мы повернули направо, и вскорѣ пришли на кладбище, расположенное на возвышеніи, одномъ изъ уступовъ Монмартра, съ котораго простирается прекрасный видъ на равнину, усѣянную мѣстечками и деревнями. При насъ принесли двухъ покойниковъ. Впереди идетъ маршалъ, церемоніймейстеръ, или какъ угодно назвать его (le conducteur des cérémonies funèbres), въ черномъ фракѣ, въ треугольной шляпѣ съ національною какардою. За нимъ несутъ гробъ присяжные носильщики, съ бляхами и нумерами. Всѣ эти люди пользуются симъ правомъ исключительно. Маршалъ, за извѣстную плату, принимаетъ на себя всѣ попеченія. За однимъ гробомъ какого-то ремесленника шли его родные, знакомые и товарищи, всѣ въ траурѣ и безъ шляпъ. И встрѣчающіеся съ покойникомъ снимаютъ шляпы. Духовенства не было. Не было и ни одной женщины: онѣ, по здѣшнему обычаю, не присутствуютъ на похоронахъ. — Другой покойникъ былъ младенецъ. Маршалъ и носильщики, принесли его къ *общей* могилѣ, и передали гробокопателямъ. Ни молитвы, ни слезинки на гробѣ! — Что̀ такое общая *могила?* Это отдѣльная часть кладбища, въ которой хоронятъ людей бѣдныхъ, рядомъ, безъ разбору. Чрезъ пять лѣтъ, тѣла отрываютъ и выбрасываютъ, для замѣщенія ихъ новыми. И прочія могилы не ограждаются отъ разрушенія, если пространство, занимаемое ими, не куплено навсегда! Недавно

Городской Совѣтъ Парижа купилъ и уступилъ навсегда три шага земли на кладбищѣ Лашеза, подъ могилу Карла Нодіе. Въ противномъ случаѣ, чрезъ нѣсколько лѣтъ кости его были бы вырыты и разметаны. — Могилы частныя разсположены въ прямой линіи, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ вызвышаются изящные и великолѣпные памятники. Здѣсь надписи начертываются не на гробницахъ, какъ у насъ, а на каменныхъ стѣнкахъ, аршина въ полтора вышиною, оканчивающихся, обыкновенно, стрѣльчатымъ сводомъ съ готическими украшеніями. Двѣ могилы обратили на себя преимущественно мое вниманіе. Первая — Герцогини Абрантской. Она лежитъ на самомъ краю крутаго обрыва горы, такъ что надпись на одной сторонѣ прочитать очень трудно. На лицевой сторонѣ изображенъ очень похожій бюстъ ея въ барельефѣ, а подъ нимъ подпись: Louise Adelaide Constance de Permon Comnéne, Duchesse d'Abrantès, née à Montpellier le 6 Novembre 1784, décédée à Paris le 7 Juin 1838. — На другой, со стороны обрыва: Andoche Junot. Laure d'Abrantès. — Erigé à la mémoire de Madame la Duchesse d'Abrantès par une dame russe, le 8 Janvier 1841. Эта надпись меня поразила. Жена главнокомандующаго въ Португаліи, губернатора Парижа, блистательная, умная женщина и писательница, внимавшая въ молодости своей словамъ дружбы и преданности изъ устъ первѣйшихъ особъ своего вѣка, проведшая дѣтство съ Наполеономъ, видѣвшая въ гостиной своей Императора Александра, скончалась въ бѣдности, въ госпиталѣ, угрожаемая тюрьмою и безчестіемъ, а иностранка, Русская, исполнила надъ нею долгъ любви христіанской и примирительнаго поминовенія (*)! Тщетно старался

(*) Герцогиня Абрантская написала одну книгу, которая, по справедливости, возбудила негодованіе Русскихъ; но не она была въ томъ вино-

я узнать, кто это дама. Въ реестрахъ кладбищенской конторы значится только, что это мѣсто куплено г. Вильдерментомъ по порученію неизвѣстной особы. Да благословитъ ее Богъ! (*)

Видя, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ я разсматривалъ этотъ памятникъ, провожатый мой сказалъ: «Если бъ было время, я показалъ бы вамъ памятникъ съ русскою надписью.» — «Съ русскою надписью! сказалъ я въ изумленіи. И вы полагате, что я поскуплюсь минутою на посѣщеніе могилы земляка? Пойдемъ-те!» Мы прошли длинный рядъ памятниковъ. «Вотъ онъ!» сказалъ спутникъ мой, указывая на одинъ изъ нихъ, и слѣдующія слова поразили меня: *Василій Григорьевичъ Тепляковъ, родился въ Россіи въ 1804, окончилъ жизнь въ Парижѣ, въ 1842 году.*» Тепляковъ, умный, благородный, образованный, преисполненный талантовъ, умеръ въ Парижѣ и погребенъ у подошвы Монмартра! Я небылъ съ нимъ знакомъ лично, но слыхалъ о немъ много добраго. Прекрасныя его стихотворенія останутся памятникомъ его ума, вкуса и дарованія. Любопытные очерки древностей Европейской Турціи свидѣтельствуютъ о его знаніяхъ и образованіи. И этотъ достойный человѣкъ сошелъ съ своего поприща, неузнанный, безвѣстный, и прахъ его покоится одинокій, въ далекой отъ родины странѣ, среди могилъ ему чуждыхъ! Судьба человѣческая! Я слышалъ, что Тепляковъ, въ моло-

---

вата, а тѣ особы, которыя *диктовали* ей всякія небылицы и вздоръ о своемъ отечествѣ. Впрочемъ, если она и поступила въ этомъ случаѣ несправедливо, смерть примирила насъ съ нею, и благородный подвигъ нашей соотечественницы тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія.

(*) По пріѣздѣ въ Петербургъ я узналъ, что соорудительницею этого трогательнаго памятника была вдова знаменитаго поэта, Елисавета Александровна Клингеръ (ум. въ Августѣ 1844 г.) Она читала съ удоволь-

сти своей, вытерпѣлъ много непріятностей, горя, даже гоненій, и что эти бѣдствія подѣйствовали на его нравъ, сдѣлали его угрюмымъ, нелюдимомъ. И бѣдный поэтъ не нашелъ души, которая поняла бы его душу, не нашелъ сердца, которое билось бы вровень съ его сердцемъ, не нашелъ руки, которая закрыла бы ему глаза! Женщины, для чего же вы на свѣтѣ (*)? — Я видѣлъ Теплякова въ послѣдній разъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ исходѣ Іюля 1841 года. Онъ стоялъ у воротъ гостиницы Ландсбергъ, и задумчиво смотрѣлъ въ землю. Хотѣлось мнѣ заговорить съ нимъ, но я на то не рѣшился; онъ не зналъ меня; я самъ видѣлъ его въ Петербургѣ однажды, и то мелькомъ; я боялся обезпокоить, встревожить его неумѣстнымъ вопросомъ, и скрѣпивъ сердце, прошелъ мимо. И теперь судьба привела меня на его могилу! Покойся, братъ и другъ Русскій, до того часа, когда новая жизнь воззоветъ тебя и всѣхъ насъ къ бытію чистому и безмятежному!

ствіемъ любопытныя Записки Герцогини Абрантской, любила ее заочно, и узнавъ, что сбираютъ подписку на сооруженіе ей монумента, послала для этой цѣли три тысячи франковъ. Долго не слыша о приведеніи въ дѣйство этого предположенія, она освѣдомилась о причинахъ замедленія, и узнала, что кромѣ ея денегъ, не поступило подпискою ни копѣйки. Крайне огорченная этимъ, она спросила, чего будетъ стоить памятникъ. Ей отвѣчали: шесть тысячъ франковъ; она тотчасъ ихъ отправила. Скульпторъ Давидъ, которому заказывали бюстъ, узнавъ о обстоятельствахъ дѣла, не взялъ платы за трудъ свой. — Покойная Елисавета Александровна, прочитавъ эти строки въ Пчелѣ, была тронута ими, но никакъ не хотѣла, чтобъ объявляли ея имя. Послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ кончина сей благородной, добродѣтельной и великодушной женщины позволяетъ теперь высказать все, какъ было. *Поздн. прим.*

(*) Это восклицаніе вырвалось у меня невольно и безсознательно. Въ послѣдствіи узналъ я, что Тепляковъ умеръ отъ огорченія, причиненнаго ему невѣрностью женщины, которую любилъ страстно. *Поздн. прим.*

XXXII.

⁴⁄₁₆-го Марта 1844.

Политика не представляетъ теперь ничего новаго. Занятія Палатъ касаются предметовъ неважныхъ, и идутъ своимъ чередомъ. Журнальная война продолжается. Оппозиція, негодуя на уступчивость министерства требованіямъ Англіи, положила поднести Контръ-Адмиралу Дюпети-Туару золотую шпагу, осыпанную бриллiантами, въ знакъ благодарности за твердость, съ какою онъ защищалъ права французскаго флага на Отаити. Каждый подписчикъ вноситъ не болѣе десяти су (гривенника). Понынѣ собрано болѣе четырехъ тысячъ франковъ. Если бъ министерство одобрило поступокъ адмирала, та же самая оппозиція не нашла бы словъ, чтобъ разбранить его за нарушеніе народнаго права.

Въ прошедшую субботу былъ я, въ Ассизномъ Судѣ, зрителемъ процеса молодаго преступника Дюкро. Ему отъ роду двадцать второй годъ; родомъ онъ изъ Тулузы; отецъ его ножевщикъ; дѣдъ, по матери, аптекарь. Онъ былъ ученикомъ у послѣдняго, учился лѣниво, моталъ, развратничалъ, даже кралъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. 3-го Декабря 1843 г. прибылъ онъ въ Парижъ съ разными рекомендательными письмами, между прочимъ къ семидесяти-четырехъ-лѣтней госпожѣ Сеннепаръ, вдовѣ бывшаго содержателя Театра Ambigu-Comique, и къ ея сыну, уже немолодому человѣку и отцу семейства. Дюкро явился сперва къ сыну, былъ имъ

принятъ ласково и угощенъ обѣдомъ. Это было въ воскресенье. Понедѣльникъ онъ провелъ съ однимъ товарищемъ, и объявилъ ему, что теперь у него денегъ нѣтъ, но что пріятельница его *вскорѣ* пришлетъ къ нему нѣсколько сотъ франковъ. Во вторникъ отправился онъ къ старухѣ Сеннепаръ, въ квартиру, узналъ, что она живетъ совершенно одна, подглядѣлъ, куда она прячетъ свои ключи, и проч. Въ четвертокъ являлся онъ къ ней два раза, и не заставалъ дома; въ третій разъ нашелъ ее, задушилъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, и удостовѣрившись, посредствомъ зеркала, что она дѣйствительно мертва, нашелъ ключи, отперъ конторку, и взялъ оттуда полторы тысячи франковъ ассигнаціями и золотомъ, золотые часы и цѣпочку; потомъ замкнулъ конторку, положилъ ключи на прежнее мѣсто, и поправилъ платье и шаль на убитой, чтобъ подать видъ, будто она умерла отъ апоплексіи. Выходя изъ дверей, онъ остановился, и громко сказалъ: «Прощайте, сударыня! Не безпокойтесь! Извольте воротиться.» Потомъ онъ преспокойно отобѣдалъ въ трактирѣ, размѣнялъ ассигнаціи на золото, продалъ цѣпочку, и пошелъ къ г. Сеннепару сыну, провелъ у него вечеръ, и игралъ съ его дѣтьми, вырѣзывалъ имъ игрушки изъ бумаги, и проч. На другой день онъ писалъ въ Тулузу къ своимъ знакомымъ, и упомянувъ о знакомствѣ своемъ съ Госпожею Сеннепаръ, прибавилъ: «Какая милая, добрая старушка!» Между тѣмъ узнали объ ужасномъ происшествіи, и нѣсколько дней не могли доискаться виновнаго. Одинъ молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ дилижансѣ съ Дюкро, былъ взятъ, допрошенъ и найденъ невиннымъ. Дюкро отдалъ деньги на сохраненіе товарищу, и этотъ, догадываясь, что тутъ кроет-

ся что то нечистое, объявилъ о томъ. Дюкро схватили, и онъ тотчасъ во всемъ признался.

Огромная судейская зала была наполнена зрителями и зрительницами: впускали только по билетамъ. Когда ввели подсудимаго, всѣ изумились: казалось, что ему не болѣе шестнадцати лѣтъ отъ роду. Лице у него обыкновенное, ничего не обѣщающее, но и не безобразное; онъ былъ въ изнеможеніи, и говорилъ съ трудомъ. Президентъ, открывая засѣданіе, пригласилъ публику наблюдать тишину и не нарушать уваженія, должнаго суду. — Вдругъ увидѣлъ онъ пожилаго человѣка, въ очкахъ, въ старомодной одеждѣ, на скамьѣ адвокатовъ, подлѣ подсудимаго. Это что̀ значитъ? спросилъ онъ строго у адвоката. «Это отецъ подсудимаго.» — «Знаю, но ему здѣсь нѣтъ мѣста, и я не постигаю, какъ вы, адвокатъ, дерзнули впустить его. Извольте тотчасъ удалить его.» Королевскій адвокатъ замѣтилъ, что Гг. адвокаты хотѣли, вѣроятно, сыграть трогательную драму. По прочтеніи обвинительнаго акта, начались допросы. Дюкро отвѣчалъ прерывистымъ голосомъ, и часто плакалъ. Свидѣтельства, подкрѣпленныя собственнымъ его признаніемъ, были несомнѣнны. Оставался вопросъ: какъ онъ совершилъ преступленіе, по мгновенному ли порыву, или обдумавъ что̀ дѣлаетъ? На вопросъ, что̀ побудило его къ этому ужасному дѣлу, онъ отвѣчалъ, что Госпожа Сеннепаръ обидѣла его, назвавъ пришлецомъ (aventurier), что онъ, въ изступленіи, толкнулъ ее; она упала, закричала, и онъ стараясь заглушить ея вопль, задушилъ ее, а потомъ, видя, что дѣло сдѣлано, вздумалъ и ограбить. Королевскій адвокатъ оспоривалъ возможность этой отговорки, и ясно доказывалъ, что замыселъ былъ имъ составленъ заранѣе. Адвокаты старались доказать про-

тивное. Въ десятомъ часу вечера были предложены вопросы присяжнымъ, и они чрезъ полчаса отвѣчали: виноватъ вполнѣ. Въ слѣдствіе сего объявленія, Дюкро былъ приговоренъ къ смерти. Услышавъ приговоръ, онъ бодро всталъ съ своего мѣста, и скорыми шагами вышелъ изъ судейской. Говорятъ, онъ подалъ апелляцію, но она будетъ только отсрочкою дня казни. — Въ этотъ день многія обстоятельства заставляли меня призадумываться. Во-первыхъ, королевскій адвокатъ, по моему мнѣнію, выходилъ изъ правъ и обязанностей своихъ, когда *насмѣхался* надъ подсудимымъ. Человѣкъ, не обличенный, не приговоренный, еще не преступникъ, да и преступникъ подвергается законной казни, а не насмѣшкамъ частнаго человѣка. Во-вторыхъ, приставленные къ наблюденію за порядкомъ въ публикѣ солдаты муниципальные (жандармы) и національной гвардіи, сами первые нарушали порядокъ и тишину, мѣшали видѣть и слышать, безпрерывно расхаживали по залѣ, и разговаривали между собою. Въ-третьихъ (и это самое изумительное!), лучшія мѣста въ залѣ заняты были женщинами и дѣвицами! Молодыя, знатныя, богатыя, прекрасныя дамы были въ уголовномъ судѣ, какъ въ Италіянской Оперѣ, или въ представленіи Рашели, лорнировали несчастнаго, толковали о немъ между собою, перемигивались, улыбались! Гласность судопроизводства введена для того, чтобъ публика просвѣщенная и благонамѣренная могла слѣдить за дѣйствіями суда, и удостовѣряться въ его правдивости и безпристрастіи, а отнюдь не для того, чтобъ представлять занимательныя зрѣлища любопытной праздности. И что за картина для прекраснаго, нѣжнаго пола — человѣкъ, запятнавшій себя самымъ гнуснымъ преступленіемъ, человѣкъ, котораго голова вскорѣ покатится по эшафоту!

Удивляюсь мужьямъ и отцамъ, отпускающимъ женъ и и дочерей своихъ въ этотъ спектакль! — О вредномъ дѣйствіи такой гласности на простой народъ, я уже говорилъ выше. Къ несчастію, нѣтъ въ свѣтѣ такой полезной и благодѣтельной вещи, которой люди не употребили бы во зло!

Отвратимъ взоры отъ этой плачевной картины пороковъ и слабостей человѣческихъ. Найдемъ другой предметъ для наблюденія и размышленія. Къ счастію, въ Парижѣ это не трудно: здѣсь касаются всѣ крайности; здѣсь кипятъ самыя противоположныя страсти; являются, въ одно время и вблизи, случаи, которые въ другихъ странахъ раздѣлены годами времени и милями пространства. Повѣрите ли вы, смотря на эту кипучую, праздную, жадную толпу, на эти шести-ярусные домы, обитаемые съ чердака до погреба обманомъ, развратомъ и нечестіемъ, повѣрите ли, что шагахъ во стѣ можете найти обитель чистой вѣры, истинной добродѣтели, пламенной любви къ ближнему, безпредѣльнаго самоотверженія? Ищите и обрящете. На дняхъ посѣтилъ я одно изъ народныхъ училищъ, содержимыхъ *Братіями Христіанскаго Ученія* (les frères de la doctrine chrétienne). Сперва скажу о самомъ братствѣ. Оно учреждено, въ началѣ XVIII вѣка, реймсскимъ каноникомъ Жанъ Батистомъ де-ла-Саллемъ (умер. въ 1718 г.), и утверждено буллою Папы Венедикта XII, 7-го Февраля 1724 г. Члены ордена, именуемые не иначе какъ братіями, даютъ обѣтъ цѣломудрія, нищеты, повиновенія и постоянства, и обязаны обучать дѣтей и взрослыхъ безденежно. Они не могутъ поступать въ священство, не имѣютъ права на какія либо награды или отличія. Послушники, поступающіе въ братство на осьмнадцатомъ году отъ роду, обучаются необходимымъ въ званіи ихъ свѣдѣніямъ и

методамъ обученія. Послушники принимаются въ братство сначала временно, на три года; потомъ, испытавъ, силы свои, даютъ обѣтъ вѣчный; для произнесенія послѣдняго, должно имѣть отъ роду не менѣе двадцати пяти лѣтъ. Съ самаго начала своего существованія Братія Христіанскаго Ученія распространились по многимъ городамъ Франціи, но разсѣялись при взрывѣ революціи. По возстановленіи порядка, только два монашескіе ордена были удержаны и признаны во Франціи: Сестеръ Милосердія и Братій Христіанскаго Ученія; послѣдніе утверждены въ своемъ составѣ Наполеономъ въ 1807 г., но кругъ дѣйствій ихъ примѣтно расширился съ возстановленіемъ Бурбоновъ (1814). Либеральная партія противопоставила имъ училища взаимнаго обученія, отличавшіяся и лучшею методою, и превосходнѣйшими пособіями, но она не могла внушить наставникамъ и учителямъ новыхъ своихъ заведеній того усердія, того самоотверженія, того безкорыстія, которыми отличались братія. Скромные монахи воспользовались нѣкоторыми улучшеніями въ методѣ обученія, и продолжали дѣло свое по-прежнему. Метода взаимнаго обученія весьма удобна и полезна въ многолюдныхъ заведеніяхъ, гдѣ одинъ учитель долженъ управлять нѣсколькими сотнями учениковъ, гдѣ покупка книгъ и письменныхъ матеріаловъ для каждаго ученика была бы слишкомъ убыточна, и т. п., но во Франціи училища сіи были произведеніями моды и временной прихоти: теперь они существуютъ только въ маломъ числѣ.

Братія Христіанскаго Ученія ограничиваютъ свои школы обученіемъ въ нихъ грамотѣ, ариѳметикѣ, черченію, духовному пѣнію и Закону Божію. Сверхъ того преподаются въ нихъ Исторія Священная и Отечественная, и Географія. Ученики не платятъ ничего, но обязаны

имѣть свои книги и учебные припасы. Братіямъ именно воспрещено заниматься высшимъ образованіемъ, и поставлено въ обязанность отнюдь не употреблять Латинскаго Языка. По сей причинѣ ихъ называли le frères ignorantins. Между тѣмъ, какъ другіе монашескіе ордена вступаютъ въ споръ съ Университетомъ, и хотятъ отнять у него исключительное право на обученіе народа, Братія Христіанскаго Ученія охотно признаютъ верховное начальство Министерства Просвѣщенія, пользуются его пособіемъ и руководствомъ, а министерство усердно имъ покровительствуетъ, радуясь, что нашло такихъ ревностныхъ и полезныхъ сотрудниковъ. Въ 1831 году, когда оппозиція возстала въ Палатѣ Депутатовъ противъ монашескихъ школъ, тогдашній Министръ Народнаго Просвѣщенія, протестантъ Гизо, явно вступился за братій, и доказалъ пользу и важность сего сословія. Число ихъ и обучаемыхъ ими дѣтей значительно возрастаетъ: въ 1838 году было всего 315 заведеній, и въ нихъ 2,317 братій и 145,758 учащихся, а въ 1845 году считалось 432 заведенія, 3,346 братій и 183,800 учащихся. Изъ послѣднихъ во Франціи считается 158,431; въ Бельгіи 8,292; въ Савоіи 3906, въ Піемонтѣ 6,392; въ Папской Области 4,209; въ Канадѣ 1,600; въ Турціи 580; въ Швецаріи 290.

Почтенный Ватемаръ водилъ меня, на сей недѣлѣ, въ одну изъ школъ, содержимыхъ братіями, въ улицѣ Благотворительности (Rue de la Bienfaisance), въ домѣ, принадлежащемъ одному изъ бывшихъ секретарей Робеспіерра. Должно знать, что братья не ограничиваются обученіемъ малолѣтныхъ. До семи часовъ вечера продолжаются классы для обученія дѣтей. Въ восемь начинается обученіе взрослыхъ, и продолжается до десяти часовъ. Я былъ въ школѣ въ это время. Грубые ра-

ботники, грязные мужики, мастеровые, словомъ, люди самаго низкаго званія, въ блузахъ, съ засученными рукавами, въ рабочихъ фартукахъ, сидятъ на скамьяхъ за книгами и тетрадями, читаютъ, пишутъ, рисуютъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ своихъ, съ удивительною внимательностью, съ безпрекословною, почтительною покорностью добрымъ наставникамъ. Вотъ средство искоренить праздность, невоздержаніе и всѣ пороки, которыми заражены низшія сословія большихъ, старинныхъ городовъ! Было время, что монахи не смѣли показываться на улицѣ въ Парижѣ: народъ ругался надъ ними, мальчишки кидали въ нихъ грязью. Почтенные эти люди все вытерпѣли: строгою жизнію, благотворительностью своею, общеполезностью своихъ трудовъ снискали они общее уваженіе. Теперь, когда одинъ изъ братій выйдетъ на улицу, народная толпа предъ нимъ разступается; всѣ снимаютъ шляпы, и почтительно ему кланяются. Это благодѣтели наши и нашихъ дѣтей! говорятъ тѣ самые люди, которые, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ упоеніи буйныхъ страстей, смѣялись надъ всякою властью, и осыпали духовныхъ насмѣшками и бранью. Въ эти школы допускаются всѣ желающіе: никто не спрашиваетъ, кто они, какого званія и какой вѣры: только повинуйся и учись!

Братія ходятъ въ длинныхъ черныхъ полукафтаньяхъ изъ толстаго сукна; обувь ихъ самая грубая. Пища, въ постные и въ скоромные дни, простая, но питательная, для поддержанія силъ, утомляемыхъ безпрерывною тяжкою работою. Каждый изъ нихъ получаетъ ежегодно на содержаніе свое по семисотъ франковъ: для скромныхъ иноковъ этого достаточно. Квартиры и освѣщеніе даются отъ города. Въ каждомъ училищѣ должно быть не менѣе трехъ братій: въ видѣнномъ мною было

семнадцать. Одинъ изъ нихъ, называемый старшимъ (le supérieur), исправляетъ должность инспектора. Они очень тихи, скромны, сначала даже боязливы, но учтивы и внимательны къ посѣтителямъ. Я осмотрѣлъ школу во всѣхъ ея частяхъ и дѣйствіяхъ, и нашелъ, что она совершенно соотвѣтствуетъ своей цѣли — давать образованіе, необходимое низшимъ сословіямъ народа, и доставлять имъ средства къ надлежащему исправленію своихъ ремеслъ и къ исполненію обязанностей человѣка и гражданина. — Если бъ такой же духъ терпимости, покорности и смиренія оживлялъ другія учебныя сословія Римско-Католическаго Духовенства, они не встрѣтили бы сопротивленія въ правительствѣ и въ публикѣ.

Сожалѣю, что мнѣ не удалось посмотрѣть еще одного важнаго, полезнаго, единственнаго заведенія — мѣста воспитанія слабоумныхъ (idiots, дурачковъ) отъ рожденія. Главный врачъ Бисетрскаго Дома умалишенныхъ, Докторъ Вуазенъ, не довольствуясь цѣленіемъ людей, лишившихся разсудка въ нѣкоторомъ возрастѣ, предпринялъ леченіе и образованіе дѣтей, родившихся слабоумными, и, сказываютъ, успѣлъ во многихъ случаяхъ. Дѣти, которыя, безъ его пособія, остались бы на всю жизнь безсловесными, безпамятными, безумными существами, тягостными и другимъ и самимъ себѣ, выучиваются, подъ его руководствомъ, собирать свои мысли, понимать, судить, говорить, читать, писать, рѣшать задачи ариѳметическія. Не видавъ этого института собственными глазами, не могу сказать о немъ подробно. Но я посѣтилъ другое благотворительное заведеніе, основанное этимъ же Докторомъ Вуазеномъ и другимъ врачемъ (въ больницѣ умалишенныхъ женщинъ, Salpê-

trière), Докторомъ Фалретомъ. Убѣдившись опытомъ многихъ лѣтъ, что душевныя болѣзни исцѣляются успѣшнѣе всего, когда больные живутъ отдѣльно отъ другихъ, на свободѣ, и не догадываются, что ихъ лечатъ, какъ сумасшедшихъ, искусные врачи сіи основали, въ Ванвѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Парижа, особое для страждущихъ симъ недугомъ заведеніе. Они купили просторный домъ съ огромнымъ паркомъ; построили въ паркѣ нѣсколько особыхъ домиковъ, окружили ихъ рощицами, садиками, лугами; отдѣлили высокими стѣнами, и въ этихъ помѣщеніяхъ завели все, что̀ нужно для жительства, времяпровожденія и леченія больныхъ. Задумчивые и тихіе живутъ вмѣстѣ, имѣя каждый свою комнату, своего слугу; въ общей комнатѣ они сходятся, бесѣдуютъ, играютъ въ карты, въ шашки, на билліардѣ. Безпокойные и бѣшеные живутъ отдѣльно, но подъ безпрерывнымъ бдительнымъ присмотромъ. Въ опредѣленные часы выпускаютъ больныхъ гулять въ большомъ паркѣ, расположенномъ на холмахъ, съ которыхъ представляется прекрасный видъ на окрестности Парижа. Посреди парка готическое зданіе католической церкви, въ которой служба Божія совершается по воскресеньямъ. Больные могутъ кататься въ лодкахъ по пруду, удить рыбу, играть въ мячи, качаться на качеляхъ, и т. д. — Въ паркѣ построены три отдѣльные павиліона, въ которыхъ больные могутъ жить съ своими родственниками или друзьями, если бъ сіи послѣдніе пожелали не разставаться съ ними. — Больные женскаго пола строго отдѣлены отъ мужчинъ, и выходятъ въ паркъ не въ одни часы съ ними. Супруга Доктора Вуазена прилагаетъ о нихъ самое нѣжное, самое великодушное попеченіе. — Въ каждомъ домѣ есть ванны. Въ окнахъ нѣтъ

ни рѣшетокъ, ни сѣтокъ. Больные пользуются всею свободою, какая только совмѣстна съ ихъ бѣдственнымъ положеніемъ. Кротость и терпѣніе суть главныя средства къ успокоенію и укрощенію ихъ. Содержаніе больныхъ, пища, прислуга, и пр., не оставляютъ ничего желать. Искусные и усердные врачи безпрерывно наблюдаютъ за больными, и частыя исцѣленія больныхъ, считавшихся дотолѣ неизлечимыми, свидѣтельствуютъ о пользѣ сего заведенія. Сюда отдаютъ и неизлечимыхъ, чтобъ доставить имъ тихое, отрадное существованіе подъ бдительнымъ присмотромъ. Въ этомъ домѣ могутъ помѣститься до осьмидесяти больныхъ обоего пола. Теперь ихъ пятьдесятъ семь. Покупка мѣста и зданій и приведеніе ихъ въ надлежащее устройство, стòили до двухъ милліоновъ франковъ. За леченіе и полное содержаніе каждаго больнаго платятъ въ годъ по шести тысячъ франковъ. Цѣна эта кажется великою, но сколько есть людей, которые заплатили бы втрое за сіи удобства и благотворительныя попеченія!

Наконецъ, третьяго дня Французская Академія избрала преемниковъ Делавиню и Нодіе, и въ этотъ разъ нельзя упрекать ее въ несправедливости и пристрастіи. На первое мѣсто, двадцатью однимъ голосомъ изъ тридцати шести, выбранъ Сентъ-Бёвъ, ученый, талантливый, умный писатель, острый и справедливый критикъ; на другое, девятнадцатью голосами, Проспeръ Мериме, писатель съ дарованіемъ и вкусомъ. Разумѣется, что и эти выборы подвергнутся пересудамъ и толкамъ, да угодишь ли на всѣхъ! Но какъ можно было поставить выше этихъ писателей Сенъ-Маръ-Жирардена, барабанщика Journal de Débats, *единственнаго* хвалителя Маркиза де Кюстина, врага всѣхъ нынѣшнихъ дарованій!—Алфредъ де Виньи получилъ семь голосовъ. Эме-Мартенъ, знаменитый тѣмъ, что былъ

женатъ на вдовѣ Бернарденъ-де-Сенъ-Піера, также семь. Вату, авторъ Описанія королевскихъ дворцевъ, двѣнадцать. Эмиль-Дешанъ два голоса. Онезимъ Леруа одинъ голосъ. Леонъ Галеви ни одного.

На нынѣшней недѣлѣ происходили здѣсь увеселенія и забавы, какъ на масляницѣ: это переломъ поста (mi-carême): на Французскомъ Театрѣ давали фарсы Моліера; въ Большой Оперѣ былъ публичный маскарадъ. Въ прошедшую субботу звали меня на балъ и маскарадъ драматическихъ артистовъ: я принужденъ былъ отказаться; семь съ половиною часовъ просидѣлъ я въ ассизномъ судѣ; видѣнное и слышанное мною до того меня разстроило, что я не могъ бы найти удовольствія на шумномъ балѣ. А интересно было бы посмотрѣть и это! За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, Г-жа Дежазе, играя въ Бордо, вздумала посѣтить одинъ изъ тамошнихъ площадныхъ балагановъ, въ которыхъ представляютъ грубые фарсы и пляшутъ на канатѣ. И что жъ! Посреди гаеровъ видитъ она Тенара, старшаго изъ артистовъ Парижа, игравшаго на Одеонѣ, во время Пикара: бѣдный старикъ, лишенный всѣхъ средствъ къ существованію, игралъ въ странствующей труппѣ роль Кассандра, получая за то по десяти франковъ въ недѣлю. Дежазе разсказала въ Парижѣ о видѣнномъ ею, и почтенный покровитель талантовъ, Баронъ Тейлоръ, учредитель и президентъ Общества Драматическихъ Артистовъ, склонилъ членовъ его поспѣшить на помощь бѣднымъ своимъ сотоварищамъ. Ежегодно, въ посту, даютъ балъ въ пользу престарѣлыхъ и бѣдныхъ драматическихъ артистовъ. Нынѣ былъ онъ данъ въ Комической Оперѣ. Билетовъ продано четыре тысячи. Чистой прибыли оказалось тридцать пять тысячъ франковъ. Здѣсь являлись богини, полубогини и нимфы дра-

матическаго Парнасса, въ видѣ простыхъ смертныхъ, ищущихъ удовольствія. Госпожи Марсъ, Жоржъ, Дорваль, Рашель, Дошъ, Плесси толпились въ партерѣ. Дежазе преважно возсѣдала въ ложѣ. Всѣ артисты были въ бальномъ, а не въ маскарадномъ костюмѣ. Молоденькія танцовали до упаду. Балъ начался послѣ полуночи, по окончаніи спектаклей, и продолжался до семи часовъ утра.

На большихъ серіозныхъ, театрахъ нѣтъ любыпытныхъ новостей. *Парижскіе Цыганы* сошли со сцены Ambigu-Comique, послѣ *сто шестьдесятъ втораго* представленія. Мѣсто ихъ заступила драма: *Любовники въ Мурсіи* (Les amants de Murcie), сочиненіе Фр. Суліе, обыкновенная драма, наполненная всякими ужасами и невѣроятностями. Говорятъ, декораціи и костюмы въ ней прекрасны. — Нынѣ даются здѣсь очень часто, почти ежедневно, публичные концерты. На одномъ изъ нихъ отличился семнадцатилѣтній фортепіанистъ Жоржъ Матіасъ необыкновеннымъ талантомъ и искусствомъ.

Вчера, 15-го Марта открылась въ Луврѣ ежегодная выставка художественныхъ произведеній. Въ длинныхъ залахъ развѣшены по стѣнамъ и въ заломахъ оконъ картины, миніатюры, гравюры, литографіи; въ нижнемъ ярусѣ произведенія скульптуры. Всего выставленно 1818 картинъ, писанныхъ масляными красками; 348 миніатюръ, акварелей, и т. п.; 133 произведенія скульптуры и медаліернаго искусства; 24 этюдовъ и проектовъ архитектурныхъ; 89 гравюръ и 21 литографія. Вотъ *количество*, но каково *качество*? Его-то и нельзя похвалить. Есть картины прекрасныя, есть опыты искусства, таланта и прилежанія; есть прекрасныя надежды, но число посредственнаго или даже рѣшительно дурнаго превозмогаетъ. Горасъ Вернетъ выставилъ только три картины:

портретъ президента Палаты Перовъ Графа Пакіе, поѣздку его самого въ саняхъ по Кронштадскому Заливу (прекрасная вещь!) и еще одну, которой я не могъ доискаться. Въ одной комнатѣ съ портретомъ Пакіе виситъ самая огромная картина нынѣшней выставки, трудовъ Августа Кудера (Couder), представляющая праздникъ примиренія арміи съ національною гвардіею, 14-го Іюля 1790 года, на Марсовомъ Полѣ. Фигуры, нѣсколько сотъ, нарисованы вѣрно, отчетисто и съ наблюденіемъ тогдашняго костюма, но въ цѣломъ картина блѣдна, и походитъ на Китайскую шпалеру. Цвѣты и плоды Сенъ-Жана; Nôtre Dame des neiges, Циглера; роса на цвѣтахъ, его же; морскіе виды и сраженія Гюдена, Изабея, Мейера, Дюранъ-Бражера; историческія картины Этекса; портреты Винтергальтера и Гели (Healy, Американца), Лансака, Госпожи Блондель. Хороши картины Бельгійцевъ Галле и Вербукгофена (сельскія сцены). По скульптурѣ: статуя Велледы, Мендрона; группа, Бозіо; статуя Магдалины, Гехтера, группы и бюсты мраморные Гифса (Geefs), изъ Атверпена, Гатто (Gatteaux), Домона, и п. др.

Бѣдность выставки хорошими произведеніями и обиліе плохими происходятъ, какъ говорятъ, отъ несправедливости и пристрастія *комитета присяжныхъ* (le jury) которому порученъ выборъ ихъ. Лучшіе живописцы, Энгръ, Давидъ (изъ Анжера), Поль Деларошъ, Каба, Дюпре, Рокпланъ, Лами, Шефферъ, Деканъ (Descamps), не даютъ своихъ произведеній на выставку, а приглашаютъ любителей въ свои мастерскія. Комитетъ, съ своей стороны, объявилъ войну артистамъ: Бари (Barye), Руссо, Прео (Préault), Антонину Муаню (Moyne) и Діазу. Что бы ни представили они, все отвергается без-

условно. Этіеннъ де-Лакруа, оскорбленный при прежней выставкѣ, нынѣ не смѣлъ явиться. Говорятъ, что многіе отличные артисты намѣрены открыть особенную выставку, не подчиненную правиламъ и прихотямъ луврскаго комитета. Мнѣ указали на одного талантливаго италіянскаго живописца, котораго картина, очень хорошая, отринута была судьями. Живописецъ Пети, нѣсколько лѣтъ жившій въ Россіи, написалъ очень мило нѣсколько русскихъ сельскихъ сценъ: и онѣ не удостоились принятія. За то выставлено множество картинъ самыхъ уродливыхъ, напримѣръ: посѣщеніе Александромъ Великимъ Коринѳскаго Порта, работы Варда, написанная разными отливами кирпичнаго цвѣта, безъ перспективы, безъ рисунка. А портреты! Галерея уродовъ и карикатуръ! — Между тѣмъ, если по несправедливости комитета, нѣкоторыя хорошія произведенія не допущены имъ, то самое количество произведеній искусства (преставлено было до шести тысячъ) свидѣтельствуетъ о любви къ искусствамъ во Франціи: тысячи занимаются художествами; сотни покупаютъ ихъ и заказываютъ. Изъ этого, со временемъ, конечно выйдетъ и хорошее.

Изъ произведеній Русской Школы выставлены три картины И. К. Айвазовскаго, но онѣ первостепенныя, и далеко оставляютъ за собою все, чтó въ этомъ родѣ явилось на нынѣшней парижской выставкѣ: 1) черкесскіе пираты на лодкѣ, подъ выстрѣлами русскаго брига; 2) видъ острова Капри, при лунномъ свѣтѣ; 3) штиль на Средиземномъ Морѣ. Эти произведенія обращаютъ на себя общее вниманіе знатоковъ и любителей, и, по всей справедливости, должно увѣнчать ихъ первою наградою, уже нерѣдко достававшеюся въ Парижѣ

русскимъ художникамъ. Я встрѣтилъ на выставкѣ самого г. Айвазовскаго, и расхаживалъ съ нимъ по заламъ въ густой толпѣ, пользуясь его замѣчаніями и указаніями. Разсматривая его собственныя картины, я, очень естественно, освѣдомился о обстоятельствахъ его первоначальнаго образованія въ художествахъ. Молодой артистъ, съ выраженіемъ самаго пламеннаго, самаго благороднаго чувства признательности, разсказалъ мнѣ, что въ молодости жилъ онъ, въ семействѣ отца своего, въ Ѳеодосіи, имѣлъ неопреодолимую страсть къ рисованію, но конечно заглушилъ бы ее въ себѣ какимъ нибудь ремесломъ, если бъ первые дѣтскіе его опыты не были замѣчены однимъ почтеннымъ ревнителемъ добраго и изящнаго. Александръ Ивановичъ Казначеевъ (бывшій Таврическимъ Гражданскимъ Губернаторомъ) случайно увидѣлъ его рисунки, замѣтилъ въ нихъ искры дарованія, поощрилъ отрока, далъ ему средства къ образованію и къ существованію, воспитывалъ его вмѣстѣ съ роднымъ своимъ сыномъ, и открылъ его талантамъ путь къ усовершенію и славѣ, а отечество свое обогатилъ новымъ геніяльнымъ артистомъ. Г. Айвазовскій говорилъ мнѣ это съ выраженіемъ самаго искренняго чувства; слезы блистали въ глазахъ его. «Ахъ, если бъ Александръ Ивановичъ могъ слышать, какъ я каждый часъ, каждую минуту его благословляю!» сказалъ онъ. — Услышитъ! услышитъ! отвѣчалъ я ему про себя: на что были бы даны Сѣверной Пчелѣ крылышки, если бъ она не разносила на нихъ добрыхъ вѣстей по всему Русскому Царству; если бъ не могла перенести этого вздоха душевной признательности съ шумныхъ береговъ Сены на тихіе луга, орошаемые Салгиромъ гдѣ почтенный мужъ живетъ среди своего семейства, благословляемый всѣмъ тамошнимъ краемъ!

Симъ выраженіемъ благороднѣйшихъ чувствъ заключу рядъ моихъ Парижскихъ Писемъ. Въ будущую среду ($^{8}/_{20}$ Марта) выѣду отсюда въ Германію, и пробывъ нѣсколько дней въ Гейдельбергѣ, гдѣ оставляю семейство свое на лѣто, пущусь домой.

2007096459